РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

Digitized by Google

334539
ASTOR, LENOX AND
DEN FOUNDATIONS.

Дозволено цензурою, Санктпетербургъ. 15 февраля, 1864 года.

Въ типографіи Рюмина и Комп.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ.

XIV.

Католическія волненія, дворянская эмиграція, солдатскіе мятежи — все это, конечно, тревожило и огорчало національное собраніе, но всѣ эти тревоги и огорченія были незначительны въ сравненіи съ гнетущею и неотвратимою заботою о финансахъ. Уходили дни и недѣли; пришла и прошла годовщина взятія Бастиліи; отпраздновали въ этотъ день на Марсовомъ полѣ торжество федераціи для всей Франціи; все это было красиво и трогательно; но вмѣстѣ съ днями и недѣлями, быстро, незамѣтно и неудержимо уходили изъ государственнаго казначейства недавно отпечатанныя ассигнаціи. Къ концу августа изъ 400 милліоновъ, выпущенныхъ въ апрѣлѣ, не оставалось уже ничего. Въ концѣ сентября, когда министерство Неккера упало, и когда на его мѣсто стало другое министерство, такое же неспособное, Мирабо предложилъ въ собраніи — выпустить еще 800 милліоновъ ассигнацій, и употребить ихъ на погашеніе государственнаго долга, съ тѣмъ, чтобы въ обращеніи никогда не бы-

Digitized by Google

ло болѣе 1200 милліоновъ бумажныхъ денегъ. За мнѣніе Мирабо стояли якобинцы; населеніе Парижа также желало новаго выпуска ассигнацій, потому что обиліе денежныхъ знаковъ облегчало процессъ обмѣна, и, на первое время, оживляло промышленность. Но, такъ какъ законодатели не могли смотрѣть на вопросы государственнаго хозяйства съ тою добродушною беззаботностью, которую обнаруживали въ этомъ случаѣ Парижане, то члены національнаго собранія преимущественно утѣшали себя тѣмъ соображеніемъ, что съ 1-го января 1791 года начнется для финансовъ новый періодъ существованія. Поэтому рѣшено было — должное количество ассигнацій выпустить, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, немедленно приняться за основательный пересмотръ государственнаго бюджета и за преобразованіе податной системы. — Устанавливая цифры бюджета, члены собранія усердно вели дѣло къ тому, чтобы доказать экономическую благодѣтельность революціи; если бы они имѣли въ виду только то обстоятельство, что декреты 4-го августа 1789 года значительно увеличили народную производительноть, то мнѣніе ихъ было бы безошибочно; но они думали, что народъ этого разсчета не пойметь, и что, на этомъ основаніи, необходимо показать ему, какъ непосредственный результатъ революціи, прямое уменьшеніе въ общей суммѣ податей. Чтобы придти къ этому результату, члены собранія были принуждены прибѣгать ко многимъ смѣлымъ гипотезамъ, которыя своею утѣшительностью могли произвести пріятное впечатлѣніе на публику, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны были на долго упрочить путаницу въ финансахъ. Во всѣхъ статьяхъ расхода были произведены значительныя сокращенія, но можно было опасаться того, что эти сокращенія, по необходимости, останутся только на бумагѣ. Такъ, напримѣръ, на расходы по сбору податей положено 8 милліоновъ, между тѣмъ какъ, по умѣренному разсчету, надо было бы положить на это дѣло около 30 милліоновъ. Церкви, стоившей 170 милліоновъ, отведено 67. Армія съ 99-ти посажена на 89-ть. На пенсіи вмѣсто 29-ти назначено 12 милліоновъ. Хорошо, если этого достанетъ, но достанетъ ли?—При всѣхъ этихъ правдоподобныхъ и неправдоподобныхъ сокращеніяхъ, получился общій итогъ обыкновенныхъ расходовъ въ 580 милліоновъ для государства, и въ 60 милліоновъ для мѣстныхъ потребностей департаментовъ. Кромѣ того предвидѣлось, въ 1791 году, экстраординарныхъ расходовъ на 76 милліоновъ. Эту послѣднюю статью бюджета оста-

Digitized by Google

вили совсѣмъ въ сторонѣ. Теперь надо было ухитриться, чтобы какъ нибудь разложить эти 640 милліоновъ (580 и 60) на народъ. Какъ ихъ собрать? Какія преобразованія ввести въ податную систему? При опредѣленіи расходовъ, депутаты были расположены предполагать ихъ неестественно скромными, а при вычисленіи доходовъ, они, по тому же самому побужденію, старались выводить цифры невѣроятно крупныя. Они разсчитывали, напримѣръ, что національныя имущества (бывшія церковныя) дадутъ 60 милліоновъ дохода; нѣкоторые пессимисты возражали имъ, что эти имущества управляются городскими общинами дурно, и что они, по приблизительному разсчету, дадутъ не больше сорока милліоновъ. Пессимистовъ не слушали, и разсчетъ продолжался въ томъ же идиллическомъ направленіи. Такимъ образомъ нашли, что государство можетъ получить 148 милліоновъ дохода, помимо податей,—тутъ считались доходы съ національныхъ имуществъ, съ государственныхъ лѣсовъ, съ соляныхъ источниковъ, и т. д. Стало быть, народъ долженъ былъ уплатить 492 милліона, т. е. слишкомъ на 100 милліоновъ меньше, чѣмъ онъ платилъ въ послѣдній годъ стараго порядка, не считая десятинъ и феодальныхъ повинностей. Стало быть, главная цѣль національнаго собранія была достигнута; пріятное впечатлѣніе было произведено, и дѣло революціи еще разъ было зарекомендовано народу съ самой привлекательной стороны. Но все-таки надо было разложить эти 492 милліона, и тутъ опять пошли затрудненія. Народонаселеніе Парижа, имѣвшее ближайшее и сильнѣйшее вліяніе на всѣ распоряженія собранія, сурово отрицало большую часть косвенныхъ налоговъ. Замѣчено вообще, что косвенные налоги бываютъ особенно значительны въ тѣхъ странахъ, и въ тѣ эпохи, гдѣ и когда преобладаетъ аристократическій элементъ. По мѣрѣ того, какъ низшіе и бѣднѣйшіе классы народа, живущіе трудомъ, пріобрѣтаютъ себѣ значеніе въ общественномъ организмѣ, — косвенные налоги замѣняются прямыми; наконецъ, когда демократическій элементъ становится преобладающимъ, тогда прямые налоги дѣлаются прогрессивными, то есть, богатые граждане не только платятъ абсолютно большую сумму денегъ, но они даже платятъ большій процентъ съ своего большаго дохода, чѣмъ бѣдные съ своего малаго дохода. Почему усиленіе демократіи ведетъ за собою систему прогрессивныхъ налоговъ—это понятно безъ объясненій; замѣненіе косвенныхъ налоговъ прямыми основано на той же общей причинѣ. Прямой налогъ падаетъ преимущественно

Digitized by Google

на тотъ капиталъ, который легко опредѣлить; ему подвергаются земледѣльцы, чиновники, получающіе опредѣленное жалованье, капиталисты, живущіе процентами съ государственныхъ бумагъ; люди, живущіе собственнымъ трудомъ, могутъ въ этомъ случаѣ платить только подушную подать, да еще пошлину за какой нибудь патентъ или билетъ; опредѣлить величину ихъ годового заработка и брать съ нихъ извѣстный процентъ этого заработка нѣтъ никакой возможности. Слѣдовательно, прямой налогъ падаетъ больше на капиталъ, чѣмъ на трудъ. Косвенные налоги, напротивъ того, падаютъ съ одинаковою силою на всѣхъ людей, нуждающихся въ тѣхъ предметахъ, которые обложены пошлиною. А такъ какъ средневѣковыя правительства съ особенною изобрѣтательностью умѣли облагать пошлинами предметы первой необходимости, то косвенные налоги падали всею своею тяжестью на все населеніе страны, не разбирая ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Для бѣдныхъ они, разумѣется, были тяжелѣе, чѣмъ для богатыхъ. Человѣкъ, получающій сто тысячъ рублей годового дохода, никакъ не съѣстъ въ тысячу разъ больше соли, чѣмъ работникъ, добывающій себѣ въ годъ сто рублей, первый не съѣстъ даже вдвое больше послѣдняго; оба они съѣдятъ одинаковое количество соли, и заплатятъ за нее одинаковую сумму налога, изъ чего прямо слѣдуетъ заключеніе, что работникъ относительно платитъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ милліонеръ. Если же работникъ не съѣстъ въ годъ того количества соли, которое необходимо для организма, то онъ разстроитъ свое здоровье. Поэтому, ненависть народа противъ косвенныхъ налоговъ вообще, противъ соляного налога въ особенности, объясняется очень удовлетворительно. Послѣ іюльскихъ дней 1789 года, о взиманіи соляного налога нечего было и думать. Въ августѣ того же года національное собраніе обѣщало уничтожить этотъ налогъ, но выразило ту мысль, что его необходимо взимать до тѣхъ поръ, пока не будетъ введена на его мѣсто другая подать. Въ отвѣтъ на это мнѣніе, провинція Анжу объявила, что она противъ сборщиковъ соляного налога выставитъ въ поле 60,000 вооруженныхъ людей; другія провинціи обнаружили такія же воинственныя наклонности, и соляной налогъ исчезъ безъ слѣда. Изъ государственныхъ доходовъ выбыло такимъ образомъ 60 милліоновъ. Табачная регалія въ 27 милліоновъ, и питейный акцизъ въ 50 милліоновъ отправились въ слѣдъ за соляннымъ налогомъ. Налоги на пудру, кожу и желѣзо, всего на 9-ть милліоновъ, пошли по тому же пути.—Въ старой

Digitized by Google

Франціи, на городскихъ заставахъ, собирались, подъ названіемъ *octrois*, пошлины за ввозъ различныхъ припасовъ; эти пошлины, падавшія преимущественно на вино и мясо, давали въ годъ 70 милліоновъ, изъ которыхъ 46 поступали въ государственное казначейство, а 24 шли въ пользу городовъ и мѣстныхъ больницъ. Въ одномъ Парижѣ *octrois* приносили въ годъ государству 24, а городу 13 милліоновъ. Въ теченіи 1789 и 1790 годовъ эту пошлину продолжали собирать по прежнему, преимущественно потому, что парижскій городскій совѣтъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, не могъ обойтись безъ этой статьи дохода; а національное собраніе всегда старалось поддержать хорошія отношенія съ городскимъ совѣтомъ и вовсе не желало посягать на его финансовыя средства, тѣмъ болѣе, что всякое денежное затрудненіе въ городской кассѣ всею своею тяжестью обрушивалось на государственное казначейство, которое, подъ страхомъ революціи, должно было выдавать деньги и кормить пролетаріевъ. Но весною 1791 года *octrois* должны были уничтожиться; народъ давно сообразилъ, что отъ этого *octrois* вино становится дороже, и требованія его по этому случаю сдѣлались до такой степени настоятельными, что городской совѣтъ и національное собраніе принуждены были уступить; *octrois* были отмѣнены во всей Франціи, и вслѣдствіе этого пришлось прибавить еще 46 милліоновъ къ той массѣ налоговъ, которая лежала на поземельной собственности; кромѣ того, государство стало платить городской кассѣ Парижа по 3 милліона въ годъ, чтобы хоть отчасти вознаградить городъ за потерю этой важной статьи дохода; эти 3 милліона, конечно, упали также на сельское хозяйство. Изъ косвенныхъ налоговъ удержались только тѣ, которые не отягощали рабочаго населенія; остались такимъ образомъ въ прежней силѣ почтовые доходы, дававшіе до 12 милліоновъ; пошлины за внесеніе процентовъ въ реестры были увеличены съ 40 милліоновъ на 51 милліонъ; введена новая пошлина въ 22 милліона за гербовую бумагу; удержаны таможенные доходы въ 22 милліона, хотя внутреннія таможни были уничтожены, а тарифъ заграничной торговли передѣланъ по новому плану; осталась въ прежней силѣ государственная лотерея, приносившая 10 милліоновъ; законодатели понимали, что это учрежденіе вовсе не полезно для общественной нравственности, но Парижъ, любившій дешевое вино, и требовавшій вслѣдствіе этого отмѣненія *octrois*, любилъ также сильныя ощущенія азарт-

Digitized by Google

ной игры и желалъ, на этомъ основаніи, удержать лотерею. Когда, въ продолженіи многихъ вѣковъ, прикладывались всѣ возможныя старанія къ тому, чтобы развратить народъ до мозга костей, тогда, всѣ Солоны и Конфуціи прошедшихъ и настоящихъ временъ, при всей добросовѣстности своихъ усилій, не съумѣютъ въ два, три года исправить народную нравственность, точно такие, какъ никакіе философы не съумѣютъ вдругъ разсѣять густые туманы народныхъ предразсудковъ. Что портилось вѣками, то поправляется, по меньшей мѣрѣ, десятилѣтіями. Поэтому, если благосклонному читателю не понравится что нибудь въ дальнѣйшемъ ходѣ революціонныхъ событій, онъ твердо долженъ помнить, и я сто разъ готовъ повторять ему, что за все про все надо говорить спасибо старой французской монархіи. Члены конвента опустили только тотъ топоръ, который повѣсилъ надъ государствомъ старый порядокъ, и два послѣдніе Людовика въ особенности. Если виноватъ палачъ, то еще болѣе виноватъ судья, хотя, вообще, искать въ исторіи виноватыхъ—занятіе столько же наивное, сколько и безплодное. Всѣ уцѣлѣвшіе косвенные налоги давали въ общей сложности 110 милліоновъ; оставалось набрать еще 382 милліона; для этого было опредѣлено, чтобы каждый ремесленникъ бралъ себѣ ежегодно патентъ; эта мѣра дала 22 милліона; потомъ наложена подушная подать, и выручено 60 милліоновъ; затѣмъ, остальные 300 милліоновъ упали на поземельную собственность. — Разсчеты по бюджету были окончены; на бумагѣ все обстояло красиво и благополучно; но въ дѣйствительности предвидѣлось мало отраднаго. — 76 милліоновъ экстраординарныхъ расходовъ можно было игнорировать при разсчетѣ, но они отъ этого не теряли своей силы; смѣта обыкновенныхъ расходовъ была, по крайней мѣрѣ, на 50 милліоновъ ниже дѣйствительныхъ потребностей государства. Опытные и знающіе люди говорили, что, при собираніи прямыхъ налоговъ, окажется не менѣе 100 милліоновъ недоимки. $50 + 76 + 100 = 226$; такимъ образомъ, при бюджетѣ въ 716 милліоновъ (640 обыкновенныхъ и 76 экстраординарныхъ расходовъ) оказывается дефицитъ въ 226 милліоновъ; почти одна треть. — Только очень упорные оптимисты могли думать серьезно, что съ 1-го января 1791 года начнется для государственныхъ финансовъ періодъ благоденствія и порядка.

Digitized by Google

XV.

Государственный долгъ, переданный національному собранію старою монархіею, оставался непогашеннымъ; революція была поставлена въ необходимость увеличить этотъ долгъ значительною суммою; реформируя всѣ отрасли управленія, надо было вездѣ уничтожать наслѣдственныя должности, а владѣльцамъ этихъ должностей надо было выдавать денежное вознагражденіе, потому что должности были, какъ намъ уже извѣстно, куплены у прежнихъ правительствъ на чистыя деньги. Весь капиталъ, который слѣдовало израсходовать на это исправленіе старыхъ шалостей, доходилъ до 1430 милліоновъ, и слѣдовательно, равнялся суммѣ всѣхъ государственныхъ расходовъ за два года. Уплатить такой *капиталъ* было совершенно невозможно; оставалось только причислить его къ утвержденному государственному долгу, и платить за него вѣчные *проценты;* такъ и сдѣлали: къ суммѣ ежегодно платимыхъ процентовъ прибавилось, вслѣдствіе этого, еще 70 милліоновъ.—Ассигнаціи, которыя предположено было употребить на погашеніе государственнаго долга, составляли единственную поддержку казначейства, и, по горькой необходимости, тратились на текущіе расходы; въ іюнѣ 1791 года были издержаны всѣ 1200 милліоновъ первыхъ двухъ выпусковъ; изъ нихъ на уплату долговаго капитала употреблено 108 милліоновъ, на уплату запущенныхъ процентовъ и забранныхъ впередъ доходовъ — 416 милліоновъ; на текущіе расходы — 676 милліоновъ. Эти 676 милліоновъ были обезпечены національными имуществами; но продать эти имущества можно было только одинъ разъ, стало быть, издерживая цѣну этихъ имуществъ на текущіе расходы, государство съѣдало свой капиталъ, а всякому извѣстно, что тратить на житье капиталъ, вмѣсто того, чтобы жить процентами съ капитала, значитъ быстрыми шагами идти къ раззоренію. Въ сентябрѣ 1790 года, національное собраніе опредѣлило декретомъ, что въ обращеніи никогда не должно быть болѣе 1200 милліоновъ ассигнацій; въ іюнѣ 1791 года, тому же самому собранію пришлось нарушить свое собственное приказаніе, и выпустить еще 600 милліоновъ. Тутъ ужъ и не пробовали опредѣлить заранѣе ту цыфру бумажныхъ милліоновъ, на которой слѣдуетъ остановиться; всѣ знали въ національномъ собраніи, и всѣ предчувствовали въ обществѣ, что остано-

Digitized by Google

виться не возможно и что, за неимѣніемъ настоящихъ милліоновъ, государство будетъ постоянно создавать бумажные. А что будетъ дальше, того никто не могъ рѣшить опредѣленно. Послѣ новаго выпуска, ассигнаціи потеряли въ своемъ курсѣ отъ 8 до 10 процентовъ. Чтобы облегчить мелкія операціи обмѣна, правительство выпустило 100 милліоновъ пятиливровыми билетами (1 руб. 25 коп. с.), между тѣмъ, какъ въ первыхъ двухъ выпускахъ не было билетовъ мельче 50 ливровъ. Ассигнаціи проникли такимъ образомъ въ бѣднѣйшіе классы народа, и вовлекли въ аіотажъ работниковъ и крестьянъ. Принимая какой нибудь заказъ, ремесленникъ долженъ былъ разсчитывать на предстоящее пониженіе курса; продавая возъ хлѣба, крестьянинъ могъ ожидать, что въ ближайшей лавкѣ у него примутъ вырученныя деньги неиначе, какъ съ значительнымъ учетомъ. Можно себѣ представить, сколько тревоги вносили подобныя обстоятельства во всѣ крупныя и мелкія сдѣлки; не трудно также понять, какого рода вліяніе эта промышленная тревога должна была оказывать на общее настроеніе умовъ въ народныхъ массахъ. Гдѣ богатый человѣкъ рисковалъ частью своего капитала, тамъ поденьщикъ поневолѣ рисковалъ кускомъ своего обѣда; когда богачъ раззорялся, тогда бѣднякъ страдалъ отъ голода; а между тѣмъ, новые выпуски ассигнацій были неизбѣжны, и, дѣйствительно, быстро слѣдовали одинъ за другимъ; съ каждымъ новымъ выпускомъ увеличивалось колебаніе въ курсѣ; вмѣстѣ съ колебаніемъ въ курсѣ возрастало безпокойство и неудовольствіе массъ; отвращеніе къ правильному и постоянному труду увеличивалось, потому что правильный и постоянный трудъ возможенъ только тогда, когда онъ можетъ разсчитывать на правильное и постоянное вознагражденіе. Безпокойство, неудовольствіе, шаткость ежедневныхъ разсчетовъ, отсутствіе правильныхъ заработковъ, отвращеніе къ труду— всѣ эти моменты составляли ту общую канву, на которой революціонное движеніе могло разсыпать щедрою рукою самые роскошные и причудливые узоры. Все дѣйствовало за одно съ революціею, и все предвѣщало ей въ будущемъ много фазъ тревожнаго и неудержимо стремительнаго развитія. Усилія правительства и національнаго собранія остановить революцію не могли имѣть ни малѣйшаго успѣха, потому что и правительство и собраніе, стараясь, одною рукою обезоружить народныя страсти, другою рукою, сами того незамѣчая, увеличивали раздраженіе умовъ, и заготовляли матеріалы

Digitized by Google

для новаго взрыва. И новая революція, дѣйствительно, приближалась съ неумолимою быстротою, приближалась независимо отъ единичныхъ желаній или опасеній, приближалась, какъ громадное и неизбѣжное явленіе природы, вытекающее изъ данныхъ условій по слѣпымъ и безжалостнымъ законамъ необходимости. Средневѣковое ярмо было разбито и сброшено; не смотря на это, въ сельскомъ и городскомъ населеніи Франціи лежали еще неистощимые запасы матеріаловъ для самыхъ всеобъемлющихъ переворотовъ. Посмотримъ, что дѣлалось въ деревняхъ. Въ іюлѣ и въ августѣ 1789 года, крестьяне почти во всѣхъ провинціяхъ королевства принудили бывшихъ феодаловъ спасаться бѣгствомъ; вмѣстѣ съ феодалами бѣжали и укрылись въ городахъ или за границею капиталы; это обстоятельство могло бы принести сельскому хозяйству много вреда, еслибы капиталы въ прежнее время были прилагаемы къ улучшенію почвы и земледѣльческихъ пріемовъ; но, такъ какъ этого, въ большей части случаевъ, не бывало, то отсутствіе господъ и ихъ капиталовъ выразилось для крестьянъ только въ томъ, что они, крестьяне, избавились отъ многихъ непріятныхъ столкновеній. Законъ отмѣнилъ десятинныя подати. Тогда крестьянинъ вспомнилъ, что многія пашни были превращены у него въ луга, собственно потому, что лугъ былъ обложенъ менѣе значительною десятинною податью; вспомнивъ это, онъ тотчасъ распахалъ и засѣялъ лугъ, чтобы выручить хорошій денежный кушъ за пшеницу, бывшую въ то время въ цѣнѣ.— Отмѣнили питейную подать. Французскій крестьянинъ, любящій вообще заниматься винодѣліемъ, насадилъ тогда виноградныхъ лозъ во многія такія земли, которыя были несовсѣмъ удобны для такого рода обработки. Превращеніе луговъ въ пашни должно было ослабить скотоводство; превращеніе пахатныхъ земель въ виноградники должно было ослабить земледѣліе; въ томъ и въ другомъ случаѣ, прочное благосостояніе хозяйства приносилось въ жертву болѣе прибыльному, но болѣе рискованному промыслу; послѣ нѣкоторыхъ колебаній, послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ опытовъ, въ которыхъ неудача происходитъ отъ непривычки пользоваться свободою въ сферѣ своего труда, крестьянинъ, нестѣсняемый внѣшними препятствіями, съумѣетъ скоро освободиться отъ своихъ убыточныхъ предразсудковъ, и поведетъ свое хозяйство разсчетливо и благоразумно; колебанія и неудачи не пропадутъ даромъ; но такъ какъ эти первыя попытки совпадаютъ съ началомъ революціи, и такъ какъ онѣ вносятъ тре-

Digitized by Google

вогу и волненіе почти въ каждую крестьянскую хижину, то мы видимъ, что и здѣсь существуютъ задатки, изъ которыхъ можетъ развиться симпатія къ дальнѣйшему общественному движенію. Французское крестьянство укрѣпилось и разбогатѣло, не смотря на всю тягость общественнаго кризиса; многіе изъ безпорядковъ тревожной эпохи послужили ему въ пользу; государство бѣднѣло, потому что не было въ состояніи собрать необходимое количество податей, но такъ какъ подати эти оставались въ домѣ крестьянина, то хозяйство его могло совершенствоваться и развиваться. Въ первыя времена революціи, въ рукахъ крестьянъ оставалось ежегодно около 170 милліоновъ податей, и это обстоятельство въ значительной степени содѣйствовало успѣхамъ французскаго земледѣлія. Немногіе крестьяне во Франціи владѣли землею, и то, что я говорилъ до сихъ поръ, относится только къ этимъ немногимъ. Для того большинства, которое пробавлялось фермерствомъ, и, по недостатку средствъ, нанимало себѣ крошечныя кусочки земли, отдавая за наемъ половину сырого продукта, для этого большинства, составляющаго сельскій пролетаріатъ, устраненіе феодальныхъ повинностей оказалось незначительнымъ облегченіемъ. Съ этихъ неимущихъ людей нельзя было ничего взять, кромѣ повинности трудомъ; когда обязательный трудъ былъ уничтоженъ, тогда у этихъ людей остался досугъ, но съ этимъ досугомъ нечего было дѣлать; при низкомъ состояніи тогдашняго земледѣлія, при бѣдности крестьянъ-собственниковъ, при отсутствіи всякой сельской промышленности, крестьяне-пролетаріи рѣдко могли пристроить себя къ какому нибудь производительному занятію; конечно, свобода труда не можетъ на вѣчныя времена остаться мертвымъ капиталомъ; но не можетъ она также въ одно мгновеніе устранить ту глубокую нищету и ту вынужденную праздность, которыя обыкновенно тяготѣютъ надъ рабами, только что выпущенными на волю. Крестьяне-пролетаріи были друзьями того общественнаго движенія, которое уничтожило барщину, но они, по своей простотѣ, воображали себѣ, что настоящее движеніе еще впереди; они видѣли, что ихъ сосѣди, крестьяне-собственники, извлекли изъ движенія такія выгоды, которыя имъ, крестьянамъ-пролетаріямъ, остались недоступными; тогда они, опять-таки по своей простотѣ, стали воображать, что и имъ надо же когда нибудь непользоваться этими выгодами, и что къ этому пользованію должно привести неизбѣжное дальнѣйшее развитіе революціи. Каждый просвѣщенный либералъ могъ

Digitized by Google

бы поразить этихъ глупыхъ простяковъ безчисленнымъ множествомъ аргументовъ, взятыхъ изо-всѣхъ областей права, исторіи, нравственной философіи и политической экономіи. Онъ могъ бы сказать имъ въ общемъ результатѣ: «глупые друзья мои! Какъ вы этого не понимаете? Они-собственники, а вы не собственники. У васъ нѣтъ совсѣмъ ничего, и потому вы никакъ не можете получить отъ революціи тѣ удовольствія, которыя пріобрѣли отъ нея люди, имѣющіе что-нибудь. Революція можетъ измѣнить законы и учрежденія, но ежели она посягнетъ на священную собственность, тогда это будетъ уже не революція, а одно безобразіе». Національное собраніе подумало, что продажа церковныхъ имуществъ можетъ принести французской націи двойную пользу: во-первыхъ, дастъ казначейству золотыя горы, а во-вторыхъ, превратитъ глупыхъ пролетаріевъ въ счастливыхъ собственниковъ, и, слѣдовательно, въ просвѣщенныхъ либераловъ, противъ которыхъ не нужно будетъ употреблять никакихъ героическихъ лекарствъ. Поэтому, когда въ половинѣ іюня 1790 года рѣшено было пустить въ продажу всю массу церковныхъ имуществъ, тогда національное собраніе приказало продавать ихъ мелкими кусками. Мѣра была превосходная, но на землѣ не бываетъ полнаго совершенства. И не можетъ его быть, прибавляетъ солидный читатель *). У глупаго пролетарія совсѣмъ ничего не было, такъ что еслибы землю продавали не десятинами, а цвѣточными горшками, то и тутъ онъ могъ бы только украсть себѣ такой горшокъ земли, а никакъ не купить его. Если бы государство захотѣло подарить землю своему убогому дѣтищу, то и тогда этотъ блудный сынъ могъ бы пахать эту землю только собственными ногтями, потому что у него не было даже своей лопаты; я говорилъ уже въ одной изъ предъидущихъ главъ, что большая часть фермеровъ работали хозяйскими орудіями и хозяйскимъ рабочимъ скотомъ; стало быть, сдѣлавшись собственникомъ, такой фермеръ все еще не превращался въ просвѣщеннаго либерала, и все еще искалъ себѣ въ революціи недозволенныхъ удовольствій. Ну, однако, спрашиваетъ наконецъ раздосадованный читатель, что же вы съ нимъ прикажете дѣлать? И какъ же его наконецъ пристроить такъ, чтобы онъ не кричалъ и не

*) И даже совсѣмъ не должно быть, прибавляю я, и оказываюсь такимъ образомъ солиднѣе всякаго читателя.

Digitized by Google

лѣзъ на стѣны? И чѣмъ же тутъ виновато національное собраніе? Ахъ вы, мой читатель! ахъ вы, мой гнѣвный читатель! неужели вы не знаете, что въ жизни бываютъ такія положенія, въ которыхъ рѣшительно ничѣмъ нельзя помочь и рѣшительно ничего нельзя сдѣлать путнаго? Куда ни кинь, все клинъ. Въ подобныхъ случаяхъ частной жизни, русскій человѣкъ утѣшается пословицею: ну, «перемелется, мука будетъ». Перемелется-то оно точно, и мука будетъ непремѣнно; но ужъ за то не взыщите: что̀ попадетъ подъ жерновъ, и изъ чего̀ выдѣлается мука—этого никто не знаетъ заранѣе. Вотъ въ такомъ-то положеніи и находились дѣла во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія. И если бы они находились не въ такомъ положеніи, тогда во Франціи не было бы революціи, а совершилось бы полюбовное размежеваніе заинтересованныхъ сторонъ. Но ни одна попытка подобнаго размежеванія въ тогдашней Франціи не удалась, и между заинтересованными сторонами не оказалось ни малѣйшей полюбовности; обнаружилось, что интересы всѣ противорѣчатъ другъ другу, и всѣ перепутаны между собою до послѣдней крайности. Со всѣхъ сторонъ заговорили страсти, и каждая изъ этихъ страстей сама по себѣ была вполнѣ естественна, а между тѣмъ каждая изъ нихъ для своего удовлетворенія должна была тѣснить и истреблять другія страсти. Люди разгнѣвались другъ противъ друга, и сначала стали шумѣть, а потомъ передрались. И больно передрались. И долго продолжалась ихъ драка. И все это вовсе не хорошо. И вовсе не нравится ни мнѣ, ни моему читателю. Но мало-ли что намъ не нравится. Многое, другъ Горацію, очень многое дѣлается въ этомъ мірѣ совсѣмъ не такъ, какъ мы съ тобою того желаемъ. Этимъ печальнымъ размышленіемъ, изумительнымъ по своей новизнѣ, я заканчиваю эту XV-ую главу, которая, по какому-то необъяснимому капризу судьбы, пропиталась небывалымъ легкомысліемъ изложенія. Въ оправданіе этого легкомыслія я могу впрочемъ поставить на видъ читателю, что я все-таки, тѣмъ или другимъ тономъ, выразилъ все то, и только то, что я хотѣлъ выразить, а это, во всякомъ случаѣ, заслуга не маловажная, за которую многое можетъ мнѣ быть прощено.

Digitized by Google

XVI

Въ странѣ, населенной полудикими пролетаріями, каждый неурожай производитъ такія страданія, о которыхъ не имѣютъ понятія жители богатыхъ и промышленныхъ земель. Каждый неурожай во Франціи XVIII столѣтія приводилъ за собою голодъ и общественныя волненія, потому что большинство сельскаго населенія не имѣло никогда никакихъ запасовъ, и, живя со дня на день, тотчасъ встрѣчалось лицомъ къ лицу съ голодною смертью, какъ только погода въ какомъ нибудь отношеніи переставала благопріятствовать успѣшному созрѣванію жатвы. Въ историческихъ сочиненіяхъ упоминается часто о такихъ естественныхъ бѣдствіяхъ, которыя, совпадая съ общественною нескладицею, увеличиваютъ тревожное настроеніе умовъ и усиливаютъ разнообразные безпорядки. Говоря о такихъ естественныхъ бѣдствіяхъ, историки обыкновенно смотрятъ на нихъ какъ на явленіе совершенно самостоятельное, и неимѣющее ни малѣйшей связи съ общественнымъ положеніемъ той страны, надъ которою они разражаются. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, историки обнаруживаютъ трогательное отсутствіе обобщающаго пониманія. Объяснить и доказать это вовсе не трудно. Представьте себѣ, что васъ застигаетъ въ дорогѣ наша отечественная мятель, украшенная 20-ти градуснымъ морозомъ; вы, какъ человѣкъ, одаренный енотовою шубою, остаетесь здравы и невредимы, а нищикъ вашъ, благодаря своему зипуну, *) отмораживаетъ себѣ руки и ноги, пріобрѣтаетъ антоновъ огонь, **) и умираетъ. Мятель для васъ обоихъ была одна и таже, и морозъ одинъ и тотъ же, но оборонительное оружіе противъ того и другого было у васъ различное, а потому и результаты получились совершенно несходные.

Размѣры моей притчи о мятели и ея послѣдствіяхъ могутъ быть увеличены въ милліоны разъ, и притча не потеряетъ отъ этого своей вѣрности. Мы увидимъ тогда, что богатый, промышленный и образованный народъ, счастливый по условіямъ своего гражданскаго

---

*) "Зипунъ одежа честная„ и т. д. (Объявленіе объ изданіи „Времени" въ 1863 году.)

**) Его должно утѣшить то, что, благодаря тому же зипуну, онъ, кромѣ антонова огня, пріобрѣлъ себѣ еще сочувствіе либеральныхъ журналистовъ.

Digitized by Google

быта *) переносить естественныя бѣдствія совсѣмъ не такъ, какъ переносить его народъ бѣдный, производящій мало земледѣльческихъ продуктовъ и фабричныхъ издѣлій, погруженный въ невѣжество, и доведенный своими историческими несчастіями до неизбѣжной и подавляющей апатіи. *Во-первыхъ*, многія, если не всѣ, естественныя бѣдствія поражаютъ бѣдный и невѣжественный народъ гораздо чаще, чѣмъ богатый и образованный. Понятно также, что это обстоятельство находится въ прямой зависимости отъ большаго или меньшаго совершенства предохранительныхъ мѣръ, а количество и качество этихъ мѣръ, очевидно, обусловливается общимъ положеніемъ народа. Голодъ также посѣщаетъ всего чаще тѣ мѣста, въ которыхъ искусство человѣка слабо, и въ которыхъ хлѣбныя зерна совершенно предоставляются на волю естественныхъ силъ земли и атмосферы; чѣмъ безобразнѣе земледѣльческія орудія, чѣмъ допотопнѣе системы хозяйства, тѣмъ хуже родится хлѣбъ, и тѣмъ чаще происходятъ неурожаи. Моровая язва и разныя другія повальныя болѣзни идутъ обыкновенно въ слѣдъ за голодомъ, и разражаются съ особенною силою въ военныхъ лагеряхъ или въ городахъ, въ которыхъ люди живутъ тѣсными и грязными кучками, и въ которыхъ чистый воздухъ составляетъ роскошь, доступную только для самаго ограниченнаго меньшинства. Извѣстно, что холера, лихорадки, тифы появляются сначала въ самыхъ бѣдныхъ и грязныхъ кварталахъ, а потомъ, изъ лачугъ переходятъ въ роскошные отели, напоминая обитателямъ послѣднихъ, что въ лачугахъ прозябаютъ и дышатъ животныя совершенно одинаковой съ ними организаціи, и что когда забыта всякая солидарность между различными частями большой человѣческой семьи, тогда общія болѣзни образуютъ между ними единственную, и въ тоже время неразрывно—крѣпкую связь. Извѣстно, что голодъ и язва постоянно работаютъ на Востокѣ, гдѣ массы подавлены нищетою и рабствомъ; извѣстно, что Англичане своимъ управленіемъ производятъ въ Остъ-Индіи голодъ и повальныя болѣзни, которыя не были извѣстны тамошнимъ жителямъ до тѣхъ поръ, пока Остъ-Индская компанія не приняла на себя человѣколюбивый трудъ обирать Ин-

*) Не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ эти привлекательные эпитеты имѣютъ только относительное значеніе. Англичане счастливы и т. д. въ сравненіи съ Индусами, но абсолютно счастливыхъ народовъ до сихъ поръ еще не бывало.

Digitized by Google

дуса до послѣдней нитки, и называть это обираніе распространеніемъ европейской цивилизаціи между грубыми варварами. Все это — во-первыхъ. А *во-вторыхъ*, надо взять въ разсчетъ, что если надъ богатымъ и образованнымъ народомъ стрясется такая бѣда, которую нельзя отвратить никакими предосторожностями, то богатство, образованность и, вытекающая изъ нихъ, неутомимая дѣятельность даютъ народу возможность перенести это бѣдствіе безъ большихъ потерь, и потомъ съ изумительною быстротою исправить понесенные убытки. Случилось, положимъ, землетрясеніе или наводненіе; тотчасъ появляются со всѣхъ сторонъ вспомоществованія и пожертвованія; но они даже и ненужны, потому что всѣ погибшія зданія были застрахованы; кто изъ жителей разорился, тотъ можетъ найдти себѣ работу, и находитъ ее въ промышленной странѣ несравненно легче, чѣмъ могъ бы сдѣлать это въ такомъ мѣстѣ, гдѣ царствуетъ невозмутимый застой. — Все это отступленіе отъ главнаго предмета клонилось къ тому, чтобы показать, что отношенія человѣка къ явленіямъ природы подчинены тѣмъ отношеніямъ, которыя установились въ теченіи вѣковъ между человѣкомъ и человѣкомъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что счастье человѣка зависитъ *исключительно* отъ особенностей его общественной жизни. Когда каждый человѣкъ будетъ относиться къ каждому другому человѣку совершенно разумно, тогда изъ этихъ разумныхъ отношеній выработывается такая сила, которая побѣдитъ навсегда всякія враждебныя вліянія природы. Въ подтвержденіе этой мысли достаточно будетъ привести одинъ крупный примѣръ. Сравните южныя части Европы съ сѣверными, и вы увидите, на какой сторонѣ находится перевѣсъ въ дѣлѣ народнаго благосостоянія. Народъ счастливѣе на Скандинавскомъ полуостровѣ, чѣмъ на Пиринейскомъ; счастливѣе въ Даніи, чѣмъ въ Италіи; въ Англіи, чѣмъ въ Турціи; и именно во столько разъ счастливѣе въ первыхъ странахъ, чѣмъ во вторыхъ, во сколько разъ климатическія условія благопріятнѣе во вторыхъ, чѣмъ въ первыхъ. Окончательный выводъ нашъ, парадоксальный по своей формѣ, будетъ тотъ, что не природа, а исторія производитъ неурожаи, пожары и повальныя болѣзни. Этотъ выводъ уже прямо относится къ нашему главному предмету. Во Франціи, въ 1788 году былъ неурожай, и послѣдствія этого неурожая во многихъ отношеніяхъ содѣйствовали усиленію революціи. Для насъ вовсе не интересно то обстоятельство, что солнечные и дождливые дни слѣдовали въ этомъ

Digitized by Google

году одни за другими въ томъ или въ другомъ порядкѣ; но для насъ уже интересно и важно то, что неблагопріятная погода испортила жатву на значительномъ пространствѣ французской территоріи. Для насъ еще важнѣе и еще интереснѣе то, что одна испорченная жатва произвела во Франціи сильныя народныя страданія и такія волненія, которыя заняли свое мѣсто въ исторіи. Конечно, всѣ прежніе правители Франціи своими совокупными усиліями не могли навлечь на свою родину градовую тучу, или отклонить отъ ея засыхающихъ полей благотворное дождевое облако; однако не подлежитъ сомнѣнію, что самый климатъ страны можетъ быть испорченъ, напримѣръ, неразсчетливымъ вырубаніемъ лѣсовъ, — или улучшенъ, напримѣръ, осушкою болотъ. Если прежніе правители Франціи, по незнанію или по небрежности, упускали изъ виду лѣса и болота, то даже въ дѣлѣ погоды эти прежніе правители являются виновниками позднѣйшихъ бѣдствій. Если мы перейдемъ къ вопросу о томъ, почему люди подѣйствовали разрушительно на жатву, то тутъ участіе прежнихъ правительствъ въ бѣдствіяхъ настоящей эпохи сдѣлается еще ощутительнѣе; еслибы поля были вспаханы глубже, еслибы они были орошены каналами, еслибы между нивами были разсажены разсчетливымъ образомъ деревья, то вліяніе засухи было бы ослаблено въ значительной степени. А почему земля была дурно вспахана, почему не было каналовъ, почему не было аллей? Да потому, что у крестьянъ не было ни хорошихъ орудій, ни раціональныхъ познаній; а этого не было потому, что народъ вообще былъ бѣденъ до послѣдней степени и задавленъ самымъ глубокимъ невѣжествомъ. А почему одна испорченная жатва производила въ тогдашней Франціи голодъ, опасный для самой жизни цѣлыхъ милліоновъ людей? Очевидно потому, что народъ жилъ почти такъ, какъ живутъ теперь Остяки, не оставляя ничего про запасъ, съѣдая въ одинъ годъ все что не отнято изъ ихъ рукъ сборщиками податей и господскихъ повинностей, и находясь такимъ образомъ постоянно въ безусловной зависимости отъ ежегодныхъ щедротъ земли и благопріятной погоды. А если земля ничего не даетъ, и если погода окажется неблагопріятною, тогда дѣлать нечего, хотя съ голоду умирай. Такимъ образомъ, милліоны французскаго народа до минуты собиранія жатвы находились каждый годъ въ положеніи игрока, поставившаго на карту свою жизнь и жизнь своего семейства, и обязавшагося, въ случаѣ проигрыша, уморить голодною смертью

Digitized by Google

себя и своихъ домашнихъ. Въ случаѣ же выигрыша, счастливому игроку дается отсрочка, и ему позволяется быть увѣреннымъ, что онъ не умретъ съ голода раньше будущаго года. Этою годовою отсрочкою исчерпываются всѣ счастливые шансы, которые могъ извлечь французскій крестьянинъ — пролетарій изъ блистательнѣйшаго выигрыша. И каждый годъ возобновляется таже игра съ тѣми же пріятными шансами. Хочешь не хочешь, а играй, пока тебя таскаютъ ноги, и пока дѣйствуютъ у тебя руки. Я говорилъ, въ одной изъ предыдущихъ главъ, объ ажіотажѣ, проникнувшемъ въ народныя массы вслѣдствіе выпуска мелкихъ ассигнацій, постоянно колебавшихся въ своемъ курсѣ. Я выставлялъ вредныя послѣдствія этого ажіотажа, но спрашивается, какой же ажіотажъ, по своему потрясающему дѣйствію на человѣческія нервы и по своему вредному вліянію на общественную нравственность, можетъ сравниться, хотя въ самой отдаленной степени, съ этою колоссальною и вѣчною игрою, составлявшею собою всю жизнь огромнаго большинства французскихъ крестьянъ? Эта колоссальная и вѣчная игра выдумана и привита къ жизни французскаго народа старою монархіею. Въ эту игру входятъ самые разнообразные ингредіенты: тутъ занимаетъ первое мѣсто громкая слава французскаго оружія; тутъ бросается въ глаза блескъ французскаго двора; тутъ сіяютъ вѣликолѣпныя любезности (galanteries) Франциска I, Людовика XIV и Людовика XV; тутъ ласкаютъ зрѣніе парки, дворцы и фонтаны разныхъ королевскихъ резиденцій; тутъ мы съ глубокимъ уваженіемъ преклоняемся передъ картинными галлереями и мраморными статуями, свидѣтельствующими о просвѣщенномъ вкусѣ и о весьма понятной щедрости прежнихъ правителей; тутъ придворные поэты, придворные костюмы, придворные лакеи, придворные шуты и придворныя животныя; тутъ рябитъ въ глазахъ отъ золота и пестроты; тутъ, однимъ словомъ, собрано все, что довело государственные финансы Франціи до неотразимой катастрофы; тутъ все, что, впродолженіи тысячелѣтія, увлекало въ свой широкій и глубокій потокъ трудовыя копѣйки всякой негодной и оборванной сволочи; и это все,— этотъ блескъ, этотъ потокъ, эта причина финансовой катастрофы,— лишивъ земледѣльца всякой собственности, уничтожило, наконецъ, самую возможность труда, и засушило такимъ образомъ послѣдній источникъ, изъ котораго простой человѣкъ могъ извлекать себѣ средства къ существованію. Я говорю, что уничтожена была самая воз-

Digitized by Google

можность труда, и говорю это потому, что трудъ и азартная игра— двѣ вещи совершенно различныя. Трудомъ можетъ называться только тотъ процессъ, въ которомъ извѣстному напряженію мускуловъ и нервовъ соотвѣтствуютъ извѣстные, то есть, точно опредѣленные результаты. Чѣмъ болѣе это соотвѣтствіе между напряженіемъ и результатами подвержено колебаніямъ, тѣмъ сильнѣе самая сущность труда отравляется элементомъ риска. Мы видѣли, какъ силенъ былъ элементъ риска въ жизни и ежедневной дѣятельности французскаго крестьянина прошлаго столѣтія; поэтому насъ не должно изумлять то выраженіе, что хозяйство старой монархіи уничтожило для огромной массы французскихъ гражданъ самую возможность труда. Крестьянинъ работаетъ одинъ годъ и сытъ; работаетъ другой годъ точно также усердно и умираетъ съ голоду. На что же это похоже? Вѣдь это вотъ что значитъ: я ставлю одну карту,—мнѣ ее даютъ, я ставлю другую—ее бьютъ; а для того, чтобы не умереть съ голода, мнѣ необходимо, чтобы мнѣ дали подрядъ пятьдесятъ или шестьдесятъ картъ; сколько лѣтъ я проживу, столько картъ; каждый годъ по картѣ. Спрашивается, трудъ ли это, или игра? Спрашивается кромѣ того: что составляетъ, при подобныхъ условіяхъ, нормальный уровень моего благосостоянія? Для того, чтобы я былъ постоянно сытъ, мнѣ необходимъ невозможный рядъ постоянныхъ удачъ. По теоріи вѣроятностей, я могу только ожидать, что количество счастливыхъ картъ будетъ равняться количеству несчастныхъ. Стало быть, одинъ годъ я сытъ, а другой годъ умираю съ голода, потомъ опять сытъ, и опять голодаю; въ среднемъ выводѣ оказывается, что я постоянно нахожусь впроголодь, потому что занимаюсь не трудомъ, а игрою. Мы встрѣчаемъ въ числѣ многихъ другихъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ французскаго революціоннаго движенія, дороговизну хлѣба, произведенную неурожаемъ 1788 года. Встрѣчаясь съ этимъ фактомъ, мы сначала можемъ подумать, что революція произведена отчасти средне-вѣковымъ прошедшимъ, а отчасти неодушевленными силами природы. Мы можемъ отнести голодъ и дороговизну къ такому порядку фактовъ, который не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствіями и ошибками людей. Но все это мы сдѣлаемъ только сначала. Вглядѣвшись внимательно въ причинную связь событій, мы тотчасъ сообразимъ, что рабская зависимость сильнаго и даровитаго народа отъ перемѣнъ погоды составляетъ, быть можетъ, самое замѣчательное проявленіе той безпомощ-

Digitized by Google

ности и искуственной хилости, до которой этотъ народъ былъ доведенъ блестящими подвигами своихъ предводителей. «Quand un français a la colique, il dit que c'est la faute du gouvernement» (Когда у француза болитъ животъ, онъ говоритъ, что въ этомъ виновато правительство)—этими словами сами французы превосходно характеризуютъ свою привычку сваливать на правительство всякую заботу, и упрекать правительство за всѣ несовершенства жизни. Эта привычка сама по себѣ вовсе не полезна, но она не даромъ укоренилась во французскомъ народѣ; она составляетъ неизбѣжный выводъ изъ безконечно-длиннаго ряда пережитыхъ опытовъ; правительство старой монархіи особенно сильно содѣйствовало развитію этой привычки; мѣшая всякой инціативѣ, путаясь во все, извлекая деньги изъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ источниковъ, не дѣлая на эти деньги ничего полезнаго для общества, правительство старыхъ королей должно было нести ужасную отвѣтственность за все зло, которое совершалось на французской территоріи, и за всѣ препятствія, которыя, сознательно или безсознательно, подавляли возникновеніе и развитіе всякаго добра. Когда у французскаго мужика въ прошломъ столѣтіи болѣлъ животъ отъ древесной коры, и отъ разныхъ другихъ изящныхъ веществъ, исправляющихъ должность муки, тогда этотъ французъ имѣлъ полное основаніе сказать, «что въ этомъ виновато правительство». *Ancien régime*, державшійся по милости этихъ правительствъ «впродолженіи многихъ столѣтій испортилъ во Франціи все, начиная отъ народной логики и кончая народными желудками, начиная отъ государственныхъ финансовъ и кончая погодою, начиная отъ междучеловѣческихъ отношеній и кончая формою костюмовъ. Все было перековеркано исторіею, и всѣ результаты этого хроническаго коверканія обрушились на людей старой монархіи тогда, когда имъ пришлось сводить счеты за себя и за своихъ великолѣпныхъ предшественниковъ. Природа тутъ не при чемъ. Неурожай, голодъ, волненіе—все это произведено не природою, а исторіею. Вездѣ и на всемъ лежала во Франціи мертвящая рука старой монархіи; нѣтъ того климата, котораго бы она не испортила, нѣтъ той почвы, которой бы она не истощила.

Digitized by Google

XVII.

Неурожай 1788 года произвелъ дороговизну хлѣба во время 1789 года; различныя провинціяльныя и городскія управленія, заботясь о продовольствіи своихъ жителей, перебивали другъ у друга существующіе запасы, и своимъ соперничествомъ еще болѣе поднимали цѣны, которыя и безъ того были очень высоки. Эти торговыя операціи городскихъ и провинціяльныхъ управленій были вызваны необходимостью, и, конечно, не заключали въ себѣ ни малѣйшаго лукаваго умысла; но народъ страдалъ; его тревожили разные зловѣщіе слухи; ему было неудобно и невозможно разсуждать благоразумно и спокойно о причинахъ дороговизны; онъ зналъ, что ему въ прошедшемъ дѣлали много зла аристократы и купцы; понятіе объ этихъ двухъ классахъ людей, присвоивавшихъ себѣ силою или хитростью продукты его труда, тѣсно связывавалось въ его умѣ съ ощущеніемъ боли; народу было больно; значитъ, разсуждалъ народъ, тутъ дѣйствуютъ купцы и аристократы; не трудно было найти, какъ они дѣйствуютъ. Аристократы, думалъ народъ, скупаютъ хлѣбъ изъ злости, чтобы отомстить мужикамъ за низверженіе феодализма, а купцы дѣлаютъ тоже самое изъ корыстолюбія, чтобы набить себѣ карманы, пользуясь народнымъ бѣдствіемъ. А правительство слабо, правительство этого не знаетъ, правительство обмануто врагами народа. — Рядъ подобныхъ разсужденій, вытекающихъ прямо и непосредственно изъ чувства страданія, долженъ былъ неизбѣжно привести къ тому практическому выводу, что народу слѣдуетъ самому взяться за свое дѣло, самому расправиться съ своими обидчиками, самому прекратить гнетущую дороговизну. Примѣры народной расправы встрѣчаются въ это время вездѣ, гдѣ только встревоженному народу попадается подозрительное лицо, а кого именно народъ считалъ подозрительнымъ, это было такъ же трудно опредѣлить, какъ и то, кого именно онъ считалъ неподозрительнымъ. Народъ дѣйствовалъ по вдохновенію, и порывы этого вдохновенія были всегда довольно разрушительны, и часто попадали туда, куда имъ совсѣмъ не резонъ было попадать. Случалось не рѣдко, что какой нибудь несчастный агентъ городского или провинціяльнаго вѣдомства, отправленный своимъ начальствомъ для закупки хлѣба, попадался въ руки вдохновенной толпѣ патріотовъ, которые, не выслушивая никакихъ оправданій, вѣ-

Digitized by Google

шали усерднаго чиновника, какъ злонамѣреннаго барышника, производящаго искуственную дороговизну хлѣба. Всякій хлѣбный торговецъ находился въ постоянной опасности, всякій булочникъ могъ ежеминутно ожидать, что лавка его будетъ разграблена голоднымъ народомъ; въ городахъ мѣстное начальство принимало свои мѣры для того, чтобы хлѣбъ постоянно оставался доступнымъ по своей цѣнѣ бѣднѣйшему классу жителей; но въ деревняхъ дороговизна была такъ обременительна, что толпы крестьянъ съ оружіемъ въ рукахъ предпринимали нашествіе на сосѣдніе города, грабили амбары и булочныя, сталкивались съ отрядами національной гвардіи, и не рѣдко побѣждали блюстителей порядка и защитниковъ собственности. Лѣтомъ 1790 года, эти крестьянскія волненія стали принимать очень серьезные размѣры. Тѣ провинціи, которыя въ прошломъ 1789 году отличались особенною яростью въ возстаніи противъ дворянскихъ правъ, отпраздновали годовщину этого перваго возстанія новымъ движеніемъ, направленнымъ сначала противъ дороговизны хлѣба, а потомъ противъ привиллегій богатства вообще. Центральныя провинціи королевства: Бурбонне, Берри, Ниверне, Шароле, покрылись вооруженными толпами сельскихъ пролетаріевъ, которыхъ требованія стали дѣлаться обширнѣе и настоятельнѣе, по мѣрѣ того, какъ они сами стали чувствовать и сознавать свою силу и свою многочисленность. Сначала поднявшіеся крестьяне требовали отъ правительства, чтобы оно установило таксу на хлѣбъ, и прекратило, дѣйствіемъ своей власти, преступныя продѣлки аристократовъ и барышниковъ, скупающихъ хлѣбъ и производящихъ искуственный голодъ; это требованіе было совершенно неисполнимо, потому что преступныя продѣлки существовали только въ воображеніи народа; но на этомъ дѣло не остановилось. Крестьяне взяли приступомъ городъ Десизъ, и потребовали себѣ общаго пониженія арендной платы; всѣдъ за тѣмъ явилась идея, что арендную плату можно совершенно отмѣнить; пролетаріи захотѣли сдѣлаться собственниками, и по волнующимся провинціямъ пробѣжала съ изумительною быстротою мысль объ поземельномъ законѣ, то есть, о такомъ раздѣлѣ полей, при которомъ уничтожились бы, какъ сельскій пролетаріатъ, такъ и колоссальная поземельная собственность. Аграрный законъ составляетъ краеугольный камень всякой коммунистической системы; это любимый конекъ всѣхъ коммунистовъ со временъ Ликурга, а пожалуй, и раньше. Каждый разъ, когда въ теченіи вѣковъ, произносились серьезно эти два слова: «аграрный законъ,» — они

Digitized by Google

дѣлались сигналомъ самой неумолимой борьбы между достаточными гражданами и оборванною сволочью, между правами собственности и посягательствами коммунизма, между практикою и заразительною утопіею. До сихъ поръ, побѣда постоянно оставалась на сторонѣ историческаго права; такъ точно случилось и въ 1790 году. Въ національномъ собраніи партія коммунистовъ почти не существовала; напротивъ того, собственники пользовались въ немъ всесильнымъ вліяніемъ; поэтому, тенденціи сельскихъ пролетаріевъ произвели въ собраніи величайшій ужасъ и возбудили противъ себя сильнѣйшее отвращеніе. Рѣшено было всякія подобныя тенденціи подавлять вооруженною силою, и всякую мысль объ аграрномъ законѣ считать возмутительнымъ преступленіемъ. Національная гвардія съ удвоенною энергіею стала дѣйствовать противъ самородныхъ коммунистовъ, и къ зимѣ 1790 года, движеніе пролетаріевъ противъ собственности совершенно утратило свой грозный характеръ, и опять раздробилось на разъединенные и отрывочные акты народной расправы съ амбарами, булочными и такъ называемыми барышниками. Но, всякій разъ, какъ собраніе начинало разсуждать о необходимости строгихъ мѣръ,—адвокатъ Робеспьеръ изъ Арраса вставалъ съ своего мѣста, отправлялся на трибуну, и начиналъ говорить; краснорѣчіе этого оратора не поражало слушателей; тема его рѣчей въ подобныхъ случаяхъ была постоянно одна и таже; но именно это однообразіе составляло силу этого человѣка, и постепенно, неизгладимыми чертами, врѣзывало его образъ и весь строй его идей въ умъ тѣхъ слушателей, которые толпились на галлереяхъ. Робеспьеръ постояно говорилъ о страданіяхъ народа, постоянно выводилъ изъ этихъ страданій всѣ безпорядки и постоянно, всѣми силами, сопротивлялся приложенію строгихъ мѣръ. Ему рѣдко удавалось доставить своему мнѣнію побѣду въ собраніи, но народъ твердо помнилъ имя, наружность и идеи своего неутомимаго защитника. Въ собраніи Робеспьеръ оставался дюжиннымъ ораторомъ, но въ Парижѣ и во Франціи онъ былъ уже сильнымъ человѣкомъ. Въ характерѣ своихъ рѣчей, Робеспьеръ примѣнялся къ требованіямъ обстоятельствъ и къ понятіямъ своихъ товарищей—депутатовъ, на которыхъ онъ старался дѣйствовать; ни республиканскихъ, ни коммунистическихъ идей не встрѣчалось въ его разсужденіяхъ; единственнымъ основнымъ мотивомъ, изъ котораго выводились всѣ варіаціи, было для Ребеспьера уваженіе къ народу, сочувствіе къ его страданіямъ, стремленіе возвысить его благосостояніе кроткими и гуманными распоряже-

Digitized by Google

ніями. Такія тенденціи не могли никого озадачить въ національномъ собраніи, а между тѣмъ, когда другіе депутаты говорили о необузданномъ своеволіи крестьянъ, о ихъ жестокой дикости и необходимости дѣйствовать противъ нихъ штыками національной гвардіи, тогда практическое различіе между рѣчами Робеспьера и произведеніями другихъ ораторовъ обозначалось очень явственно, и народъ въ Парижѣ и въ департаментахъ, вѣроятно по извѣстной уже намъ простотѣ своей, находилъ, что одинъ Робеспьеръ говоритъ настоящее дѣло. Другой любимецъ французскаго пролетаріата, Мара не умѣлъ или не хотѣлъ держаться осторожной и выжидательной политики Робеспьера; пренебрегая всякими приличіями, отбрасывая въ сторону всякую дипломатическую мягкость выраженій, Мара неутомимо проповѣдывалъ въ своей газетѣ: «Ami du peuple» истребительную войну неимущихъ гражданъ противъ аристократовъ, противъ купцовъ, противъ богачей, противъ собственниковъ, противъ національной гвардіи, противъ учредительнаго собранія, противъ всѣхъ и противъ всего, кто и что отдѣляло пролетаріевъ отъ верховной власти въ государствѣ, и отъ полнаго наслажденія благами жизни. Мара не смущался даже тою мыслью, что пролетаріи, быть можетъ, не останутся побѣдителями въ этой борьбѣ со всѣми властями и высшими классами общества; Мара не хотѣлъ и не могъ сообразить, что на сторонѣ высшихъ классовъ находится, въ данную минуту, несомнѣнный перевѣсъ вооруженія и организаціи; онъ не хотѣлъ понять, что собственникъ будетъ сражаться за свою собственность съ мужествомъ отчаянія. Былъ ли Мара въ полномъ умѣ, или страдалъ онъ разстройствомъ мозга, это такой вопросъ, который можетъ быть очень интересенъ для спеціалиста по части душевныхъ болѣзней; я замѣчу только, что его пламенный протестъ не отразимо увлекалъ толпу. Масса пошла за людьми, подобными Мара и Робеспьеру; прежніе кумиры, Бальи, Лафайетъ, Мирабо, стали казаться массѣ измѣнниками и врагами; тѣ классы общества, которые группировались вокругъ этихъ бывшихъ кумировъ, стали также считаться притѣснителями народа, и прямыми преемниками уничтоженныхъ аристократовъ. Между буржуазіею и низшими слоями народа произошелъ окончательный разрывъ, который продолжается до сихъ поръ, и котораго послѣдствія далеко еще неисчерпаны событіями нашей эпохи. Этотъ разрывъ обнаружился въ самомъ Парижѣ тотчасъ послѣ побѣды третьяго сословія, послѣ взятія Бастиліи и послѣ сформирова-

Digitized by Google

нія національной гвардіи. Буржуазія хотѣла водворить порядокъ, а народъ хотѣлъ продолжать безпорядки; буржуазія хотѣла охранять собственность, а народъ, которому нечего болѣе охранять, хотѣлъ завоевать собственность; на сторонѣ буржуазіи находились всѣ кроткія добродѣтели человѣка и гражданина; на сторонѣ парода—всѣ буйные пороки голодной собаки и отверженнаго каторжника. Все это прекрасно! Честь и слава буржуазіи, штыки и позоръ народу! Но, именно потому, что буржуазія сіяла красотою и честностью, а народъ поражалъ зрѣніе безобразіемъ и гнусностью,—и именно потому, между пародомъ и буржуазіею не могло быть ни союза, ни примиренія. Борьба между ними была такъ же неизбѣжна, какъ борьба между свѣтомъ и тьмою, между Ормуздомъ и Ариманомъ. Парижане давно поняли это, но провинціалы, которымъ всегда суждено получать и носить парижскіе моды годомъ позднѣе, сообразили это обстоятельство только во время крестьянскихъ волненій 1790 года. Тутъ, дѣйствительно, мудрено было не сообразить. Единственная вооруженная сила, которую встрѣчали сельскіе пролетаріи, называлась національною гвардіею, и состояла изъ горожанъ, обязавшихся защищать конституцію, и охранять тишину и спокойствіе. При каждой встрѣчѣ національной гвардіи съ крестьянами, штыкъ національнаго гвардейца попадалъ крестьянину либо въ животъ, либо въ грудь, и такъ какъ эти опыты въ теченіи лѣта 1790 года производились, во многихъ мѣстностяхъ франціи, чуть ли не каждый день, то самая упорная вѣра въ единодушіе французской націи должна была наконецъ поколебаться, совершенно независимо отъ декламаціи демократическихъ ораторовъ и отъ газетныхъ статей демократическихъ журналовъ. Каждая старуха и каждый ребенокъ увидѣли и поняли наконецъ, что люди, хорошо одѣтые и хорошо вооруженные, враждуютъ съ оборванною сволочью, вооруженною разнымъ дрекольемъ; и враждуютъ эти двѣ партіи не въ одномъ мѣстѣ, и не при какомъ нибудь отдѣльномъ случаѣ, а враждуютъ вездѣ, и при каждой встрѣчѣ; стало быть, одни хотятъ такъ, а другіе совсѣмъ иначе; чтобы дойдти до такого заключенія, надо было только видѣть и слышать то, что дѣлалось въ каждомъ городкѣ и въ каждомъ селеніи тогдашней Франціи; можно было не слыхать ни одной рѣчи Робеспьера, и не читать ни одной статьи Мара, и все-таки понимать, что буржуазія и пролетаріатъ не ладятъ между собою, и то примиреніе между ними совершенно не въ порядкѣ вещей. Про-

Digitized by Google

явленіе этого рѣшительнаго разлада между приличными гражданами съ одной и людьми безъ панталонъ съ другой стороны, составляетъ самый важный, и можетъ быть, единственный важный результатъ крестьянскихъ волненій 1790 года. Аграрный законъ, конечно, остался неосуществленною мечтою сельскихъ пролетаріевъ, но за то ненависть къ буржуазіи, таившаяся до сихъ поръ въ парижскихъ предмостьяхъ, разлилась по всѣмъ департаментамъ, и просочилась въ самый темный и грубый классъ пассивныхъ гражданъ. Эта ненависть положила широкое основаніе будущему господству санкюлотизма.

XVIII

Продажа церковныхъ имуществъ, которая, по соображеніямъ добродушныхъ законодателей, должна была уничтожить пролетаріатъ и осчастливить бывшихъ пролетаріевъ, начала обнаруживать свое вліяніе въ концѣ 1790 и въ началѣ 1791 года. Продажею завѣдывали мѣстные муниципалитеты, которымъ предоставлена была за хлопоты шестнадцатая доля выручки; продавать велѣно было мелкими кусками; формальная сторона дѣлопроизводства была упрощена до послѣдней возможности; задатки были назначены самые умѣренные, остальная часть суммы разсрочивалась на долгіе сроки; уплата принималась не только звонкою монетою и ассигнаціями, но и разными другими государственными бумагами. Словомъ, были приняты всѣ мѣры для того, чтобы привлечь покупателей, и сдѣлать пріобрѣтеніе земель доступнымъ для простыхъ и бѣдныхъ людей. Покупателей, дѣйствительно, явилось очень много, такъ что, въ концѣ сентября 1791 года, цѣнность проданныхъ имуществъ доходила уже до 964 милліоновъ. Общій результатъ былъ утѣшителенъ, и подробности отличались также самою пріятною наружностью, потому что покупателями являлись, большею частью, крестьяне, которые, пріобрѣтая себѣ недвижимую собственность, навсегда должны были разстаться съ гибельными тенденціями, свойственными пролетарію и самородному коммунисту. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно было думать. Но здѣсь случилось то, что случается почти вездѣ и почти всегда. Вся выгода операціи досталась не государству, и не трудящемуся классу гражданъ, а разнымъ крупнымъ и мелкимъ аферистамъ и спекуляторамъ. Спекулировать въ тогдашней Франціи было, конечно, все равно, что курить сига-

Digitized by Google

ру, сидя на раскрытой бочкѣ пороха; взрывъ народныхъ страстей могъ ежеминутно развеять въ дребезги всякую спекуляцію и стереть въ порошокъ самого спекулятора; каждая спекуляція могла показаться подозрительною какой нибудь группѣ патріотовъ, и тогда никто не могъ бы поручиться за безопасность предпріимчиваго гражданина; но такъ какъ неразборчивый гнѣвъ патріотовъ поражалъ одинаково часто и одинаково сильно и честныхъ людей, и безсовѣстныхъ мошенниковъ, то для человѣка, любящаго пускаться въ рискованныя и не совсѣмъ чистыя предпріятія, не было побудительныхъ причинъ обуздывать свои размашистыя наклонности. А если оставить въ сторонѣ опасность, которая, впрочемъ, была одинаково сильна для спекуляторовъ и для неспекуляторовъ, то, конечно, придется сознаться, что тогдашняя Франція представляла необъятно широкій просторъ для самыхъ разнообразныхъ проявленій финансовой геніальности со стороны отдѣльныхъ гражданъ. Политическое и соціальное броженіе, колеблющійся курсъ ассигнацій, продажа огромной массы имуществъ, неопытность огромнаго количества крестьянъ, стремившихся къ быстрому обогащенію, безсиліе судебной власти, равнодушіе общественнаго мнѣнія къ гражданскимъ и коммерческимъ процессамъ, и вообще ко всему, что не входило въ сферу животрепещущихъ политическихъ вопросовъ—все это, вмѣстѣ со многими другими мѣстными и временными условіями, создавало въ тогдашней Франціи такой океанъ мутной воды, въ которомъ каждый опытный и смѣлый рыбакъ могъ наловить себѣ пропасть крупной и мелкой рыбы. Продажа церковныхъ имуществъ подала поводъ къ устройству очень простого рыболовнаго снаряда, который, не смотря на свою простоту, дѣйствовалъ въ этихъ департаментахъ съ самымъ блистательнымъ успѣхомъ.

Рыбакъ, или иначе, спекуляторъ давалъ подставному лицу изъ крестьянъ небольшую сумму денегъ; подставное лицо это являлось на торги, покупало на свое имя участокъ земли, и отдавало врученную ему сумму въ задатокъ; тогда спекуляторъ въ купленномъ имѣніи начиналъ хозяйничать по своему; лѣсъ вырубался, строенія продавались на сломъ, и вообще изъ имѣнія выжималось на скорую руку возможно большее количество денегъ; данный задатокъ, конечно, возвращался въ карманъ спекулятора съ тройною или четверною прибылью; затѣмъ, никто не думалъ о томъ, чтобы вносить въ положенные сроки остальныя доли покупной суммы; когда всѣ сроки бы-

Digitized by Google

ли такимъ образомъ пропущены, тогда муниципалитеты, конечно, объявляли продажу недѣйствительною, и отбирали имѣнія у несостоятельныхъ покупателей, но въ это время дѣло было уже сдѣлано, и пойманная рыба находилась въ полной сохранности. Государство получало обратно только то, что спекуляторъ не могъ унести въ своемъ бумажникѣ; прежнее число гектаровъ оставалось на мѣстѣ, но въ какомъ положеніи были эти гектары, объ этомъ уже лучше было и не спрашивать; имѣніе было превращено въ пустыню, и едва стоило половины прежней своей цѣны; отвѣтственнымъ лицомъ за произведенное опустошеніе оказывался безграмотный и нищій крестьянинъ, съ котораго нечего было взять, а настоящій рыболовъ со всею собранною добычею былъ въ это время уже далеко, и прилагалъ свои капиталы и свое искуство къ какому нибудь другому общеполезному предпріятію. Кромѣ такихъ подвиговъ чистаго мошенничества, во время продажи церковныхъ имуществъ совершались многія другія спекуляціи гораздо болѣе невинныя, возникавшія единственно потому, что финансовая предпріимчивость носилась въ воздухѣ эпохи. Обильный поводъ къ разнообразнѣйшимъ биржевымъ фокусамъ и продѣлкамъ подавали ассигнаціи, которыя правительство обязалось принимать въ уплату за продаваемыя имущества, наравнѣ съ звонкою монетою. Тогдашнія ассигнаціи, какъ извѣстно, не имѣли обязательнаго курса; ихъ принимало по нарицательной цѣнѣ только правительство, связанное своими обѣщаніями; при всѣхъ сдѣлкахъ между частными людьми, ассигнаціи всегда стояли ниже звонкой монеты, и курсъ ихъ колебался, сообразно съ биржевыми извѣстіями, и смотря по общей физіономіи политическихъ обстоятельствъ. При каждомъ новомъ выпускѣ, ассигнаціи падали въ цѣнѣ; такое же пониженіе происходило при каждомъ слухѣ о войнѣ, о реакціи, о грозныхъ замыслахъ эмигрантовъ, и вообще при каждомъ вѣрномъ или выдуманномъ извѣстіи о такомъ событіи, которое, угрожая всему дѣлу революціи, могло превратить всѣ ассигнаціи революціоннаго правительства въ негодные и безсмысленные лоскутки бумаги. Каждое чувствительное пониженіе въ курсѣ ассигнацій было жестокимъ и разорительнымъ ударомъ для государственнаго казначейства; при каждомъ такомъ положеніи оно теряло милліоны; вознаградить эту потерю можно было только новымъ выпускомъ ассигнацій, а новый выпускъ неизбѣжно велъ за собою новое пониженіе, новую потерю, опять новый выпускъ, и т. д. до безконечности, въ родѣ того, какъ въ

Digitized by Google

періодической дроби первая цифра періода неизбѣжно ведетъ за собою всѣ остальныя. Искреннимъ друзьямъ революціи слѣдовало желать, чтобы ассигнаціи возвышались въ цѣнѣ, и сравнялись бы наконецъ съ звонкою монетою, потому что только при этомъ условіи могли поправиться государственные финансы, составляющіе важнѣйшую опору возникшаго общественнаго зданія. Но, послѣ продажи церковныхъ имуществъ, оказалось, что у многихъ искреннихъ друзей революціи частный экономическій интересъ совершенно расходится съ общимъ политическимъ, и что, при этомъ расходѣ между интересами, близорукое стремленіе къ личной выгодѣ одерживаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ дальновидною политическою тенденціею. Покупатели церковныхъ имуществъ, изъ чувства личнаго самосохраненія, должны были всѣми силами защищать дѣло революціи, потому что всякая реакція непремѣнно возстановила бы старое устройство церкви, отобрала бы назадъ всѣ проданныя помѣстья, и, быть можетъ, уничтожая совершившуюся продажу, не возвратила бы даже покупателямъ заплаченныхъ денегъ на томъ основаніи, что покупать церковныя земли свойственно только нечестивымъ негодяямъ, которые должны быть наказаны за свою революціонную безнравственность. Это вѣроятіе не было упущено изъ вида покупателями, которые вообще ожидали отъ всякой реакціи еще гораздо больше ужасовъ и нелѣпостей, чѣмъ сколько она могла натворить въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, не только всѣ симпатіи покупателей были на сторонѣ революціи, но даже и правильное пониманіе собственныхъ выгодъ обязывало ихъ поддерживать горячо и добросовѣстно общее дѣло всего французскаго народа. Они были искренними друзьями революціи, но, подобно многимъ искреннимъ друзьямъ, они при случаѣ, по простотѣ или по практической сметливости, были вовсе не прочь попользоваться на счетъ возлюбленнаго друга, и съ большимъ удовольствіемъ наносили громадные убытки государственнымъ финансамъ, чтобы увеличить свое частное благосостояніе копѣечною поживою. Такъ какъ правительство принимало въ уплату ассигнаціи по нарицательной цѣнѣ, то покупателю имуществъ было очень выгодно, чтобы ассигнаціи понижались; при пониженіи курса, покупатель имуществъ могъ пріобрѣсти ассигнаціи дешево, отдать ихъ правительству не по своей цѣнѣ, а по нарицательной, получить такимъ образомъ приличный барышъ, и оставить за собой имѣніе за половинную цѣну. Но покупателей было очень много; желанія ихъ всѣ клонились къ тому, чтобы понизить курсъ ассигнацій; въ числѣ по-

Digitized by Google

купателей были такіе ловкіе люди, которые, не ограничиваясь одними желаніями, умѣли и старались дѣйствовать въ этомъ направленіи; усилія однихъ и желанія другихъ оказывали чувствительное давленіе на общественное мнѣніе, и ассигнаціи падали, и казначейство теряло милліоны, и тревога распространялась въ обществѣ, и биржевая игра окончательно сбивала съ толку все населеніе французскаго королевства, начиная отъ банкира, властвующаго на биржѣ, и кончая сельскимъ пролетаріемъ, для котораго удачная спекуляція воплощалась въ лишней луковицѣ, прибавленной къ обѣду. При такомъ положеніи дѣлъ, продажа церковныхъ имуществъ не могла принести чувствительной пользы классу безземельныхъ крестьянъ. Эти люди, привыкшіе смотрѣть на поземельную собственность какъ на магическій талисманъ, открывающій доступъ ко всѣмъ благамъ и наслажденіямъ жизни, стали напрягать всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти себѣ при продажѣ уголокъ земли. Уступая ихъ пламеннымъ желаніямъ, муниципалитеты крошили помѣстья на мельчайшіе участки, и дѣлали это тѣмъ охотнѣе, что такая мелочная продажа давала въ общей суммѣ самыя значительныя выгоды, далеко превышающія тотъ результатъ, котораго можно было бы ожидать отъ продажи гуртомъ. Крестьяне были также въ восторгѣ, и, стремясь къ великому званію собственниковъ, обирали себя до послѣдней нитки, чтобы внести требуемый задатокъ. А потомъ? Потомъ крестьянинъ оказывался самъ другъ съ землею, безъ орудій, безъ рабочаго скота, безъ денегъ, и даже иногда безъ хозяйственныхъ построекъ, потому что муниципалитеты крошили участки безъ милосердія, и въ одни руки продавали усадьбу съ огородомъ, а въ другія кусокъ полевой земли. Могло-ли изъ всего этого произойдти въ ближайшемъ будущемъ какое нибудь дѣйствительное улучшеніе въ матеріальномъ благосостояніи французскихъ поселянъ? Не обладая особою дальновидностью, можно было предвидѣть и предсказать заранѣе, что пролетаріи, ухлопавшіе свою послѣднюю копѣйку на уплату задатка, не получатъ отъ своей возлюбленной собственности никакого удовольствія, и ни за что не пріобрѣтутъ въ ближайшемъ будущемъ тѣхъ утонченныхъ инстинктовъ консерватизма, которыми кроткій собственникъ отличается отъ буйнаго коммуниста. Надежды національнаго собранія на продажу церковныхъ имуществъ, какъ на средство поправить финансы и умиротворить безземельныхъ крестьянъ, не осуществились; желаніе остановить революціонное движеніе оказалось не исполни-

Digitized by Google

мымъ; стремленіе успокоить народъ и утвердить на прочныхъ основаніяхъ господство буржуазнаго либерализма находилось въ явномъ противорѣчіи съ матеріальнымъ положеніемъ и съ умственнымъ настроеніемъ народныхъ массъ. Единственную силу буржуазной политики составляли штыки національной гвардіи и рѣчи ораторовъ, говорившихъ въ національномъ собраніи. Рѣчи были убѣдительны, а штыки были еще убѣдительнѣе; но съ одной стороны, у эмигрантовъ и у католиковъ, а съ другой стороны, у якобинцевъ и у пролетаріевъ не было тоже недостатка ни въ рѣчахъ, ни въ оружіи. Если мы вспомнимъ, что перевѣсъ числа и отчаянной энергіи былъ на сторонѣ пролетаріата, то намъ не трудно будетъ сообразить, кому изъ трехъ партій принадлежало ближайшее будущее.

XIX.

Со времени взятія Бастиліи, городское управленіе Парижа находилось въ рукахъ революціонныхъ властей, установившихся въ день возстанія; положительный законъ о городскомъ управленіи состоялся лѣтомъ 1790 года, и обсужденіе этого закона въ національномъ собраніи подало поводъ къ горячимъ столкновеніямъ между двумя главными лагерями политиковъ. Либералы изъ буржуазіи хотѣли, чтобы исполнительная власть принадлежала меру и его комитету, а законодательныя распоряженія и контроль были раздѣлены между большимъ и малымъ совѣтомъ. Собранія городскихъ кварталовъ или секцій должны были собираться только на время выборовъ, чтобы назначить мера и членовъ обоихъ совѣтовъ. Чистымъ демократамъ это не понравилось: они хотѣли, чтобы собранія секцій засѣдали постоянно, чтобы эти собранія обсуждали каждый день текущіе вопросы, и чтобы меръ приводилъ въ исполненіе приказанія, отданныя въ секціяхъ большинствомъ голосовъ. Нетрудно понять, какіе послѣдствія должны были выдти изъ такого устройства: въ постоянныхъ собраніяхъ секцій могли бы участвовать только тѣ граждане, которые дѣлали изъ текущей политики занятіе всей своей жизни; кто имѣлъ хозяйство, свои торговыя дѣла, свою промышленность, тотъ не могъ просиживать въ секціяхъ цѣлые дни, и повторять эти засѣданія каждый день. Такимъ образомъ, предводителями и главными членами секціонныхъ собраній должны были сдѣлаться самые завя-

Digitized by Google

тые агитаторы, для которыхъ революція только-что начиналась, и которые считали измѣнникомъ каждаго гражданина, способнаго утомиться тревогами общественной дѣятельности. Планъ чистыхъ демократовъ не могъ послужить основаніемъ для прочнаго и постояннаго устройства городскаго управленія; было бы нелѣпо устроивать управленіе такъ, чтобы въ немъ не могли принимать участія полезные и трудящіеся граждане, которые по всѣмъ вопросамъ городскаго благосостоянія были заинтересованы гораздо сильнѣе, и были гораздо болѣе компетентными судьями, чѣмъ политическіе ораторы всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Демократы понимали это не хуже своихъ противниковъ, и именно потому-то они и настаивали на примѣненіи своего плана, что видѣли его непрочность. Самое существенное различіе между умѣренными либералами и чистыми демократами заключалось, въ то время, именно въ томъ, что первые хотѣли *уже* строить и утверждать прочный порядокъ, а вторые хотѣли *еще* разрушать, и покуда увеличивать безпорядокъ. Смѣшно было бы предположить въ чистыхъ демократахъ безпричинную любовь къ безпорядку ради самаго безпорядка; они тоже хотѣли въ будущемъ и спокойствія, и тишины, и личной безопасности, и порядка, но они думали, что всѣ эти прекрасныя вещи будутъ дѣйствительно прекрасны для всѣхъ французскихъ гражданъ только тогда, когда не только государство, но и общество будетъ сначала разобрано по кусочкамъ, до самаго основанія, а потомъ опять сложено по совершенно новому рисунку. Трудно сказать, чтобы для кого нибудь изъ тогдашнихъ демократовъ этотъ новый рисунокъ былъ ясенъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ; они не знали хорошенько, къ чему именно они придутъ, но они безгранично вѣрили въ народъ, и надѣялись, что его живыя силы выработаютъ что нибудь превосходное, если только силы эти будутъ взволнованы во всей своей глубинѣ, и если броженіе, необходимое для этого народнаго творчества, будетъ постоянно поддерживаться въ полномъ своемъ могуществѣ. Но если народъ обнаруживалъ какія нибудь консервативныя наклонности или реставраціонныя стремленія, тогда демократы смѣло противодѣйствовали народу, говорили съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ сбивается съ дороги, и объясняли себѣ это заблужденіе народа именно тѣмъ, что силы его еще не довольно глубоко взволнованы, и что броженіе начинаетъ ослабѣвать, вслѣдствіе преступныхъ происковъ двора, аристократіи, собранія, буржуазіи, клерикаловъ или какихъ нибудь другихъ

Digitized by Google

измѣнниковъ и оскорбителей народной святыни. Значитъ, демократамъ въ тогдашнее время надо было во всякомъ случаѣ усиливать броженіе, и особенно всѣми мѣрами противодѣйствовать всякой попыткѣ прочной организаціи. Добиваясь постоянныхъ собраній въ парижскихъ секціяхъ, демократы, конечно, заботились не о томъ, чтобы произвести какія нибудь улучшенія въ городскомъ хозяйствѣ; имъ до городскаго хозяйства не было рѣшительно никакого дѣла; они хотѣли только имѣть въ секціонныхъ собраніяхъ надежное орудіе, которымъ, въ случаѣ надобности, можно было въ нѣсколько часовъ взволновать весь Парижъ, и, слѣдовательно, произвести переворотъ въ цѣлой Франціи. Предводители буржуазіи хорошо понимали, къ чему клонилось дѣло, и разумѣется, употребили всѣ усилія, чтобы не дать демократамъ этого орудія, и чтобы сдѣлать всякій дальнѣйшій переворотъ совершенно невозможнымъ. За постоянныя засѣданія секцій стоялъ въ національномъ собраніи Робеспьеръ; въ городѣ агитировалъ въ томъ же направленіи Дантонъ, пользовавшійся уже сильнымъ вліяніемъ въ клубѣ кордельеровъ, въ которомъ засѣдали самые крайніе якобинцы. Мара, по своему обыкновенію, разсыпалъ по этому поводу въ своей газетѣ проклятія и угрозы. Но и между демократами начали обнаруживаться несогласія. Бриссо, бывшій въ то время членомъ общиннаго совѣта, и сдѣлавшійся впослѣдствіи однимъ изъ предводителей жиронды, сталъ говорить и писать противъ постоянныхъ засѣданій секціи. Это перессорило его съ чистыми демократами, и, съ тѣхъ поръ, демократы рѣшительно перестали считать его своимъ союзникомъ. На этотъ разъ буржуазія одержала полную побѣду, потому что въ національномъ собраніи демократическая партія была очень слаба, а въ городѣ агитаторы еще не успѣли придать своимъ многочисленнымъ послѣдователямъ единство организаціи, необходимое для успѣха насильственнаго переворота. Городское управленіе было расположено по плану либераловъ *), и постоянныя засѣданія въ секціяхъ были устранены. Выборы городскихъ властей также доставили полное торжество либераламъ: Бальи былъ снова выбранъ меромъ, а Лафайетъ начальникомъ на-

*) Слово *либералъ* въ концѣ прошлаго столѣтія не было употребительно но я позволю себѣ называть такимъ образомъ политиковъ буржуазіи, чтобы отличать ихъ отъ якобинцевъ, кордельеровъ и другихъ предводителей пролетаріата, которыхъ я буду называть *демократами*.

Digitized by Google

ціональной гвардіи; но популярность того и другого клонилась къ упадку по мѣрѣ того, какъ низшіе классы столичнаго населенія отдѣлялись отъ буржуазіи, и начинали смотрѣть съ недовѣріемъ и ненавистью на красивые мундиры и блестящіе штыки національныхъ гвардейцевъ. Въ Парижѣ движеніе народныхъ умовъ противъ богатства и собственности было чрезвычайно сильно, такъ что окончательный разрывъ между національною гвардіею и пролетаріатомъ былъ неизбѣженъ и недалекъ. На это было много мѣстныхъ причинъ. При старой монархіи, Парижъ, какъ мѣстопребываніе богатаго и расточительнаго двора, кормилъ свое промышленное населеніе почти исключительно тою работою, которую задавало ему удовлетвореніе разнообразнѣйшихъ капризовъ и фантазій аристократической роскоши. Парижъ былъ переполненъ такими ремесленниками, которые работали и могли работать только для богатыхъ господъ, потому что среднему сословію, и тѣмъ болѣе простому народу, чудеса ихъ техническаго искуства были, во-первыхъ, не доступны по цѣнѣ, а во-вторыхъ, совершенно безполезны. Когда аристократы потянулись за границу, и когда капиталисты, напуганные уличнымъ шумомъ, стали съеживаться, прятать деньги въ иностранные банки, и, во избѣжаніе грѣха, умѣрять свою обыденную роскошь, тогда тысячи рафинированныхъ ремесленниковъ остались безъ работы, и тогда послышался въ Парижѣ плачъ и скрежетъ зубовъ, который не остался безъ вліянія на дальнѣйшій ходъ событій. По здравой экономической теоріи слѣдуетъ, конечно, считать благодѣтельною такую перемѣну, которая насильно перебрасываетъ тысячи людей изъ безполезныхъ отраслей производства въ полезныя, но при этомъ надо помнить, что въ дѣйствительной жизни никакія благодѣтельныя перемѣны не обходятся даромъ, и не совершаются въ одно мгновеніе ока, безъ ломки, безъ борьбы, и безъ индивидуальныхъ страданій. Франція несомнѣнно осталась бы въ барышахъ, если бы всѣ парикмахеры, украшавшіе въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ очаровательныя головы графовъ и графинь, маркизовъ и маркизъ, во все это время пахали бы землю или вырывали бы каналы для осушенія болотъ или для орошенія полей; но когда сотни парикмахеровъ остались безъ работы, тогда ихъ довольно мудрено было повернуть къ земледѣлію; прошу покорно пріучить къ сохѣ и къ заступу, и къ тогдашней деревенской жизни такого артиста *en cheveux*, у котораго были совершенно дворянскія руки, совершенно утончен-

Digitized by Google

ныя манеры, и совершенно эпикурейскія привычки. Всякая аристократія, родовая или денежная, всегда создаетъ вокругъ себя и подъ собою очень многочисленный классъ паразитовъ. Къ числу такихъ паразитовъ надо причислить не только приживальцевъ и нахлѣбниковъ, не только лакеевъ, но и тѣхъ ремесленниковъ, которые живутъ по милости барскихъ прихотей, — и тѣхъ художниковъ, которыхъ произведенія сбываются въ барскія гостиныя и галлереи,—и тѣхъ сочинителей стиховъ и прозы, которыхъ читаютъ, хвалятъ и кормятъ богатые и вельможные меценаты. Всѣ эти люди, цѣною самыхъ незначительныхъ усилій, добываютъ себѣ такія удобства жизни, которыя навсегда остаются недоступными крестьянину и фабричному работнику. Всѣ эти люди питаются подачками аристократовъ, и въ тоже время обыкновенно ненавидятъ аристократію. Старая французская аристократія въ отношеніи къ паразитамъ вела себя вполнѣ исправно: во первыхъ, размножила ихъ цѣлые легіоны, а во вторыхъ, всѣмъ имъ внушила къ себѣ чувство глубочайшей ненависти. Вышло то, что паразиты съ величайшимъ усердіемъ и съ невыразимымъ наслажденіемъ стали рубить тотъ сукъ, на которомъ сами сидѣли; съ самаго начала революціи, паразиты постоянно составляли главную силу уличной арміи, слѣдовавшей за агитаторами; парикмахеры участвовали во всѣхъ волненіяхъ; да и наконецъ, намъ не зачѣмъ называть отдѣльныя профессіи, потому что большая часть тогдашнихъ парижскихъ ремесленниковъ въ большей или меньшей степени могутъ быть отнесены къ разряду паразитовъ. Когда сукъ, надъ которымъ трудились паразиты, упалъ подъ ихъ ударами, тогда и сами паразиты, падая вмѣстѣ съ этимъ сукомъ, потерпѣли при своемъ паденіи болѣе или менѣе значительные ушибы. Оставляя въ сторонѣ метафоры, я могу сказать, что большая часть парижскихъ ремесленниковъ, послѣ паденія аристократіи и послѣ исчезновенія прежней роскоши, осталась безъ работы, то есть, безъ крова и безъ хлѣба. Въ Парижѣ вдругъ оказались десятки тысячъ нищихъ, о которыхъ въ прежнее время никто не имѣлъ понятія, потому что прежде революціи они и не были нищими. Они питались грѣхами старой монархіи; когда грѣхи эти исчезли, тогда для нихъ прекратились источники продовольствія, и революціи, здѣсь, какъ и вездѣ, пришлось расплачиваться за старыя шалости, въ которыхъ она, революція, была совершенно неповинна. Начало революціи оставило этихъ людей безъ хлѣба; теперь имъ хотѣлось, и имъ было необходимо продолжать революцію, что-

Digitized by Google

бы, такъ или иначе, добыть себѣ и хлѣба, и денегъ, и власти, и всякихъ другихъ удовольствій, которыхъ жаждетъ натура всякаго человѣка вообще, и впечатлительнаго француза въ особенности. Отказаться отъ продолженія революціи эти обнищавшіе паразиты не хотѣли и не могли ни подъ какимъ видомъ; но такъ какъ каждый намекъ о продолженіи революціи для властвующей и богатой буржуазіи былъ личнымъ оскорбленіемъ и прямою угрозою, то городскія власти и національное собраніе истощили все свое административное и законодательное искуство, чтобы сдѣлать это непріятное продолженіе невозможнымъ и безполезнымъ. Въ числѣ предохранительныхъ мѣръ, принимавшихся собраніемъ и городскими властями, занимаетъ особенно видное мѣсто кормленіе пролетаріевъ, производившееся въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Въ общественныхъ мастерскихъ, заведенныхъ единственно для того, чтобы подъ приличнымъ предлогомъ давать пролетаріямъ деньги на покупку хлѣба, государство платило ежедневно каждому работнику по 20 су, за какія-то земляныя работы, въ которыхъ никто не нуждался. Число работниковъ, посѣщавшихъ эти мастерскія, постоянно доходило до 12,000, и понизить эту цифру не было никакой надежды, тѣмъ болѣе, что надзоръ за работами былъ чисто-формальный, и что пролетарію представлялось, такимъ образомъ, привлекательная возможность получать, за совершенное бездѣйствіе, высшую поденную плату тогдашняго французскаго работника. Хорошо еще, если бы бездѣйствіе пролетарія было дѣйствительно прочно и надежно; за это бездѣйствіе правительство съ удовольствіемъ соглашалось платить ежедневно по 20 су на человѣка; но лукавый пролетарій на эту штуку не поддавался; сегодня онъ смиренно получалъ свою плату въ общественной мастерской, а на другой день онъ, по условленному сигналу, выходилъ на улицу, и кричалъ, и махалъ пикою, и дѣлалъ всякое безобразіе, и готовъ былъ чувствительнѣйшимъ образомъ огорчить то самое правительство, которое, на свою бѣду, кормило его даровымъ хлѣбомъ во время антрактовъ между отдѣльными сценами длинной революціонной трагедіи. — Пролетарій очень хорошо понималъ, почему его такъ заботливо лелѣетъ правительство; о благодарности съ его стороны не было и рѣчи; онъ принималъ даровой хлѣбъ за неимѣніемъ лучшаго, и пользовался имъ только въ ожиданіи тѣхъ будущихъ благъ, которыя должно было принести ему неизбѣжное продолженіе начавшейся революціи. А правительство,

Digitized by Google

ду тѣмъ, кромѣ расходовъ на мастерскія, тратило еще милліоны на огромныя закупки зерноваго хлѣба, который потомъ, въ видѣ муки, продавался булочникамъ за половинную цѣну, для того, чтобы парижане не гнѣвались на дороговизну продовольствія. Къ концу 1790 года оказалось, что на закупки хлѣба для Парижа истрачено 75 милліоновъ, а если вычислить всѣ суммы, которыя израсходовало государство для поддержанія спокойствія въ столицѣ, въ первые двадцать мѣсяцевъ революціи, то получится въ итогѣ болѣе 100 милліоновъ. Эти 100 милліоновъ были съѣдены, и въ замѣнъ ихъ не было произведено ничего, и даже спокойствіе не было упрочено. Громадность и безполезность этихъ издержекъ объясняется преимущественно тѣмъ, что Парижъ былъ биткомъ набитъ отставными паразитами, негодными ни на какую производительную работу. Вѣрность этого объясненія сдѣлается совершенно несомнѣнною, какъ только мы взглянемъ на общее состояніе французской промышленности въ первые годы революціи. Промышленность не только не находилась въ застоѣ, но она, напротивъ того, была приведена въ состояніе лихорадочнаго возбужденія. Это состояніе не могло быть продолжительнымъ, и должно было повести за собою промышленный кризисъ, но пока оно продолжалось, до тѣхъ поръ могли жаловаться на недостатокъ работы только парикмахеры и другіе, подобные имъ, артисты, созданные барскими прихотями, и неспособные къ настоящему труду. Фабрики работали во всю силу, на всей французской территоріи, и едва поспѣвали удовлетворять безчисленнымъ требованіямъ заказчиковъ; промышленныя предпріятія возникали сотнями, съ изумительною быстротою; строенія, машины, товары изготовлялись вновь и переходили изъ рукъ въ руки; промышленная горячка находилась въ полномъ развитіи, и существованіе этой горячки объясняется тремя главными причинами. *Во-первыхъ*, благодаря выпускамъ ассигнацій, рынокъ былъ переполненъ денежными знаками, и притомъ, такими знаками, къ которымъ никто не чувствовалъ безусловнаго довѣрія. У кого было въ рукахъ много бумажныхъ денегъ, тотъ старался, какъ можно скорѣе, спустить ихъ съ рукъ на какое нибудь предпріятіе, чтобы не потерпѣть убытка при пониженіи курса. Разсчетъ былъ простой и вѣрный. Домъ, фабрика, партія товаровъ всегда сохраняютъ какую нибудь цѣнность, а ассигнаціи сегодня могутъ быть денежными знаками, а завтра — простыми лоскутками бумаги. При такихъ условіяхъ, очень осторожные люди

Digitized by Google

могли пускаться въ довольно рискованныя предпріятія, отъ которыхъ они навѣрное воздержались бы въ обыкновенное время. Рискъ былъ, по крайней мѣрѣ, одинаково великъ въ обоихъ случаяхъ: если опасно было пустить капиталъ въ предпріятіе, то оставить его въ шкатулкѣ было также опасно; кромѣ того, самое рискованное предпріятіе все-таки, въ случаѣ успѣха, давало барышъ, а ужъ ассигнаціи, въ самомъ счастливомъ случаѣ, не могли дать ничего, кромѣ медленнаго пониженія. — *Во-вторыхъ,* при торговыхъ сношеніяхъ съ чужими краями, вексельный курсъ, вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ, былъ въ то время неблагопріятенъ для Франціи. Если, напримѣръ, французъ былъ долженъ англичанину 30 фунтовъ стерлинговъ, то при переводѣ денегъ па Лондонъ, французу приходилось платить въ Парижѣ не 740 франковъ, а 880. И на оборотъ, когда англичанину надо было заплатить своему парижскому кредитору 880 франковъ, то англичанинъ въ Лондонѣ вынималъ изъ своего бумажника 30 фунтовъ стерлинговъ, а не 34, какъ слѣдовало бы по нарицательной цѣнѣ, при равновѣсіи вексельнаго курса. Вслѣдствіе этого, иностраннымъ купцамъ выгодно было дѣлать французскимъ фабрикамъ большіе заказы, за которые имъ приходилось платить дешевле, чѣмъ сколько они заплатили бы у себя дома. И заказовъ, дѣйствительно, дѣлалось чрезвычайно много, такъ что фабриканты едва управлялись съ ними, но, разумѣется, такой приливъ работы могъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока не будетъ возстановлено равновѣсіе вексельнаго курса. *Въ-третьихъ,* ночное засѣданіе 4 августа 1789 года уничтожило цехи, и освободило такимъ образомъ ремесленный трудъ. Съ этого дня каждый французъ занимался, чѣмъ ему было угодно, не выпрашивая себѣ никакого позволенія у замкнутыхъ корпорацій, и не руководствуясь въ процессѣ своей работы ничѣмъ, кромѣ своего личнаго вкуса и требованій своихъ покупателей. Эта радикальная реформа въ области ремесленнаго производства особенно сильно содѣйствовала оживленію промышленности, и эта третья причина отличалась отъ двухъ первыхъ въ томъ отношеніи, что только отъ этой третьей причины можно было ожидать въ будущемъ прочныхъ и дѣйствительно благодѣтельныхъ результатовъ. Въ мартѣ 1791 года, національное собраніе закрѣпило дѣло 4 августа положительнымъ закономъ, по которому каждому французу предоставлялось право заниматься любымъ ремесломъ, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы онъ ежегодно платилъ государству опре-

Digitized by Google

дѣленную подать за патентъ. По поводу этого закона, Мара съ горькою укоризною замѣтилъ въ своей газетѣ, что свободная конкуренція поведетъ за собою промышленную анархію, систематическое плутовство и всеобщее раззореніе. Предсказанія эти не сбылись во всемъ своемъ объемѣ, потому что уничтоженіе цеховъ было, во всякомъ случаѣ, значительнымъ шагомъ впередъ, но темныя стороны свободной конкурренціи были дѣйствительно подмѣчены вѣрно, и надъ устраненіемъ этихъ темныхъ сторонъ до нашего времени безуспѣшно хлопочутъ многіе передовые мыслители, которыхъ идеи долго еще будутъ стоять выше казеннаго уровня общественнаго пониманія. Свободная конкурренція вела за собою деспотическое господство капитала надъ трудомъ; это положеніе дѣлъ можно было назвать прогрессомъ, если сравнивать его съ прежнимъ господствомъ привиллегій и монополій, но участь работниковъ все-таки осталась очень тяжелою. Началась безконечная борьба между хозяевами и мастеровыми, по вопросамъ о числѣ рабочихъ часовъ и о задѣльной платѣ. Работники скоро поняли, что, дѣйствуя въ разсыпную, они всегда будутъ терпѣть пораженія отъ капиталистовъ, и никогда не выбьются изъ своей новой крѣпостной зависимости. Необходимость научила работниковъ составлять общества и товарищества для улучшенія своей участи. Прежде другихъ, составилось въ Парижѣ общество плотниковъ, принявшее названіе общества обязанностей. Важнѣйшею изъ обязанностей, лежавшихъ на этомъ обществѣ, была обязанность воздерживаться, по взаимному согласію отъ работы, для того, чтобы, прекращеніемъ работъ, склонять хозяина или подрядчика къ возвышенію задѣльной платы. Такимъ образомъ, парижскіе плотники подчинили правильной организаціи тѣ случайныя и разрозненныя явленія, которыя называются обыкновенно стачками рабочихъ, и часто сопровождаются, во всѣхъ промышленныхъ государствахъ Европы, сценами административнаго произвола и военнаго насилія. Примѣру плотниковъ послѣдовали наборщики и печатники; число обществъ увеличилось; изъ Парижа они распространились по департаментамъ, и завели между собою правильную переписку, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, поддержать другъ друга, и дѣйствовать съ полнымъ единодушіемъ. Главная цѣль этихъ рабочихъ ассоціацій оставалась, однако, недостигнутою, потому что хозяева и подрядчики находили себѣ работниковъ на сторонѣ, изъ людей, не признававшихъ обязанностей, и соглашавшихся продавать свой трудъ за такую цѣну, которую общества рѣшили не принимать. Тогда ас-

Digitized by Google

соціаціи попробовали дѣйствовать на этихъ индепендентовъ сначала увѣщаніями, а потомъ угрозами; вѣроятно, дѣло дошло бы и до насилій, потому что членамъ ассоціацій было разумѣется очень обидно видѣть, какъ всѣ ихъ старанія пропадаютъ даромъ, и какъ отдѣльные работники, измѣняя интересамъ всего своего сословія, доставляютъ побѣду капиталистамъ. Но тутъ вступилось національное собраніе, которое никакъ не могло допустить, чтобы безнравственные работники прижимали бѣдныхъ капиталистовъ; какъ только послышались со стороны рабочихъ ассоціацій первыя угрозы противъ постороннихъ работниковъ, ладившихъ съ хозяевами, такъ законодатели тотчасъ воспользовались этими угрозами, какъ превосходнымъ оружіемъ противъ самаго принципа рабочихъ ассоціацій. 14 іюня 1791 года, національное собраніе закономъ запретило всѣмъ работникамъ одного ремесла составлять между собою общества, заводить списки членовъ, устроивать кассы, и вообще предпринимать какія бы то ни было попытки организаціи. Все это запрещалось на томъ основаніи, что подобныя попытки клонятся къ возстановленію уничтоженныхъ цеховъ и къ стѣсненію промышленной дѣятельности. Здѣсь я еще разъ попрошу читателя вспомнить то, что, я говорилъ о декларації правъ человѣка и гражданина. Большинство почтенныхъ членовъ знаменитаго учредительнаго собранія, провозгласившаго на всю Францію «les grands principes de 1780», было самымъ надежнымъ образомъ застраховано противъ того разрушительнаго дѣйствія, которое добродушные нѣмецкіе историки стараются увидать въ параграфахъ декларації. Великіе законодатели Франціи были прежде всего представителями дворянства, духовенства, и особенно, особенно — буржуазіи. Обожая священные кошельки и бумажники этого послѣдняго, кроткаго и почтеннаго сословія, члены собранія готовы были совершать, и дѣйствительно совершали во имя своихъ кумировъ высокіе и удивительные подвиги гражданской доблести и законодательнаго героизма. Они отдавали своихъ соотечественниковъ въ кабалу капиталистамъ, и съ полнымъ жаромъ убѣжденія говорили объ истинной свободѣ и о благодействіи великой французской націи. Виданное ли дѣло, чтобы такіе титаны законодательной мудрости и ораторской діалектики когда нибудь стали въ тупикъ надъ какимъ нибудь параграфомъ своего политическтго исповѣданія вѣры? Развѣ есть на бѣломъ свѣтѣ хоть одинъ такой параграфъ, черезъ который титанъ не сможетъ перешагнуть, — котораго діалектикъ не

Digitized by Google

ухитрится обойдти, — окоторомъ разогорченный патріотъ не съ умѣетъ искусно забыть, въ минуту своего горестнаго волненія? Къ тому же, параграфы декларацiи были написаны такъ давно, почти два года тому назадъ, и помѣщены во введеніи къ той конституціи, которая уже приближалась къ своему окончанію. Поставьте себя, мой читатель, на мѣсто французскихъ законодателей. Неужели вы, дочитывая какую нибудь книгу, помните отъ слова до слова первую страницу? Когда вы пишете длинную статью, вы навѣрно забываете подъ конецъ тѣ обороты, и даже тѣ отдѣльныя мысли, которыя вы помѣстили въ самомъ началѣ. Отчего же и національному собранію было не забыть той первой страницы, которая возбудила во Французскомъ народѣ столько надеждъ и столько восторга? Національное собраніе забыло, и этотъ фактъ забвенія послужилъ французскому народу полезнымъ и необходимымъ урокомъ житейской мудрости. Такіе уроки сильно подвигаютъ впередъ политическое воспитаніе неопытныхъ націй. Французы, въ 1789 году, вообразили себѣ, по своей политической незрѣлости, что они уже, въ самомъ дѣлѣ, *люди и граждане*, и что у нихъ, въ самомъ дѣлѣ, есть какія-то естественныя и неотъемлемыя права. Теперь имъ и показали, что неотъемлемымъ называется только такое право, котораго нельзя отнять, а естественнымъ считается только то, чего нельзя запретить закономъ. Французы, какъ народъ незрѣлый, но догадливый, разсудили тогда по своему. Значитъ, подумали они, надо устроить такъ, чтобы нельзя было отнимать и запрещать. А если отнимаетъ и запрещаетъ національное собраніе, то оно дѣлается врагомъ націи, перестаетъ существовать. Дѣйствительно, этотъ процессъ мысли съ каждымъ днемъ глубже и глубже проникалъ въ массы и обрывалъ послѣднія нити, связывавшія національное собраніе и его возлюбленную буржуазію съ огромнымъ большинствомъ французской націи. Закономъ 14 іюня представители навлекли на себя ненависть всѣхъ производительныхъ работниковъ. Черезъ два дня, собраніе приказало къ 1 іюлю закрыть въ Парижѣ всѣ общественныя мастерскія. Этимъ распоряженіемъ оно привело въ отчаяніе всѣхъ бывшихъ паразитовъ и всѣхъ вообще безпріютныхъ пролетаріевъ. Всѣ эти мѣры превосходнѣйшимъ образомъ выполняли самыя задушевныя желанія чистыхъ демократовъ. Все, что инстинктивно или сознательно негодовало противъ политики буржуазнаго либерализма, все, что было раздражено и озлоблено законодательными подвигами собранія, сдвигалось въ тѣс-

Digitized by Google

ныя и рѣшительныя группы, для которыхъ бѣшеныя выходки Мара казались простымъ и очень естественнымъ выраженіемъ патріотическихъ чувствъ, обязательныхъ для каждаго порядочнаго гражданина. Буржуазія довершала такимъ образомъ дѣло народнаго воспитанія, начатое феодальными властями. Старый порядокъ вмѣстѣ съ аристократіею раззорилъ и развратилъ французскаго пролетарія. Буржуазія употребляла теперь всѣ усилія, чтобы довести его до послѣдней степени озлобленія. Усилія буржуазіи увѣнчались, въ свою очередь, такимъ же блестящимъ успѣхомъ, какого достигли въ свое время старанія аристократіи и феодальной власти. Пролетарій воспользовался всѣми уроками, и развернулъ всѣ свои благопріобрѣтенныя качества и способности. Воспитатели его до сихъ поръ не могутъ понять, что все это ихъ собственная работа. Понять не трудно, но иногда бываетъ разсчетливо и выгодно не понимать и сваливать вину на людей постороннихъ. Виновные разысканы, историкъ удовлетворенъ, и читатель погружается въ размышленія о суетѣ мірской премудрости.

XX.

Въ апрѣлѣ 1791 года умеръ Мирабо. Однимъ великимъ ораторомъ на свѣтѣ стало меньше. Блескъ и красота засѣданій національнаго собранія поубавились. Съ эстетической точки зрѣнія, потеря была не замѣнима, и французы, всегда расположенные къ эстетическимъ взглядамъ на вещи, вообразили себѣ, что они, дѣйствительно, осиротѣли. Но міровыя событія развиваются всегда изъ такихъ общихъ и великихъ причинъ, передъ которыми совершенно стушовываются и исчезаютъ не только отдѣльныя личности, но даже эстетическіе взгляды цѣлаго народа. На дальнѣйшее развитіе революціи не подѣйствовали ни смерть Мирабо, ни даже то обстоятельство, что тогдашніе французы преувеличивали политическое значеніе этой крупной и эффектной личности. Смерть Мирабо, о которомъ горевала вся Франція, была утратою только для королевскаго семейства, и произвела вліяніе только на расположеніе партій въ національномъ собраніи. Мирабо, въ послѣдній годъ своей жизни, игралъ трудную и неблагодарную роль; съ одной стороны, онъ постоянно изъ разсчета поддерживалъ свою популярность громовыми рѣчами противъ различныхъ остатковъ старины; съ другой стороны, онъ, келейно, употреблялъ всѣ усилія, чтобы уступки, [illegible]утъ быть

Digitized by Google

этихъ самыхъ остатковъ склеить прочную плотину, которая остановила бы дальнѣйшія завоеванія революціи. Онъ господствовалъ въ національномъ собраніи силою своего краснорѣчія, но ему плохо довѣряли тѣ самые люди, которые съ восторгомъ слушали его рѣчи; король и придворная партія также не вполнѣ вѣрили ему, потому что ихъ пугали эти самые рѣчи, служившія въ это время ширмою для его настоящихъ намѣреній. Мирабо думалъ, что онъ съумѣетъ совершенно приковать къ своей личности любовь народа, и что потомъ, когда онъ, Мирабо, прямо вступитъ въ борьбу съ чистою демократіею, — народъ пойдетъ за нимъ противъ демократовъ. Смерть отняла у него возможность произвести этотъ опытъ, и избавила его такимъ образомъ отъ тяжелаго разочарованія. Впрочемъ, такъ какъ Мирабо не былъ ни фантазеромъ, ни оптимистомъ, такъ какъ онъ умѣлъ смотрѣть на вещи трезвыми и непредубѣжденными глазами и такъ какъ, наконецъ, онъ вовсе не былъ способенъ дѣйствовать въ важныхъ и серьезныхъ дѣлахъ, очертя голову, — то, по всей вѣроятности, онъ обнаруживалъ бы свои настоящія намѣренія только въ томъ случаѣ, когда можно было бы расчитывать на успѣхъ. Въ ожиданіи этихъ благопріятныхъ шансовъ и симптомовъ, онъ безъ сомнѣнія продолжалъ бы вести рядомъ двѣ политики, одну—напоказъ народу, для поддержанія популярности, составлявшей въ то время во Франціи единственную силу государственнаго человѣка; — другую — въ тайныхъ совѣщаніяхъ съ приближенными короля, для спасенія королевской власти, и для утвержденія такой конституціи, въ которой либеральная буржуазія видѣла и философскій камень, и жизненный эликсиръ и пожалуй даже, *perpetuum mobile*. Эта двойственная политика — для революціи была бы безвредна, а королю могла бы принести много пользы; она, во всякомъ случаѣ, не возвратила бы королю ни одного изъ потерянныхъ правъ, но она, по крайней мѣрѣ, могла бы предохранить короля отъ всѣхъ безплодныхъ попытокъ, возбуждавшихъ въ народѣ подозрѣнія и ненависть; она могла бы устранить множество политическихъ ошибокъ, и осторожно, шагъ за шагомъ, свести Людовика XVI съ того престола, съ котораго такъ грубо и безжалостно сбросило его совокупное дѣйствіе революціонныхъ страстей и антиреволюціонныхъ интригъ. Мирабо могъ бы быть очень полезнымъ совѣтникомъ для Людовика XVI, не и озлоб., что онъ, Мирабо, успѣлъ бы осуществить свои намѣренія, а , что онъ умѣлъ бы всегда отличать возможное отъ невоз-

Digitized by Google

можнаго и, слѣдовательно, не впутывалъ бы короля въ такія предпріятія, которыя компрометировали его, не представляя ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Но все это было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы Людовикъ былъ способенъ, во-первыхъ оцѣнить умственное превосходство Мирабо, и во-вторыхъ, подчинившись этому превосходству, держаться неуклонно той политической программы, которую предписывалъ ему великій ораторъ. Но у Людовика не было ни сильнаго ума, ни твердой воли; у него было только очень искреннее желаніе исполнить свои обязанности, и уклониться отъ грѣховныхъ поступковъ. Но люди, въ теченіи своей исторической жизни, такъ отуманили себя искуственными понятіями, и довели свою логику до такой изумительной гибкости, что въ распознаваніи обязанности и грѣховъ могутъ сбиться съ толку и запутаться въ противорѣчіяхъ даже умы довольно сильные и самостоятельные. Людовикъ XVI, поставленный судьбою въ самое исключительное положеніе, и жившій въ такое время, въ которомъ всѣ трудности этого исключительнаго положенія сдѣлались неизмѣримыми,—Людовикъ XVI, окруженный множествомъ совѣтниковъ, вѣчно блуждалъ въ безконечномъ хаосѣ неизвѣстныхъ величинъ, по поводу которыхъ одни голоса громко выговаривали слово «обязанность», между тѣмъ, какъ другіе голоса, то отчаяннымъ крикомъ, то повелительнымъ шопотомъ произносили слово «грѣхъ». Людовикъ XVI постоянно находился въ трагическомъ положеніи гоголевскаго почтмейстера; если одинъ голосъ говорилъ: «нераспечатывай», то другой непремѣнно твердилъ: «распечатай», и притомъ, ни одинъ изъ этихъ двухъ голосовъ не былъ для Людовика голосомъ личнаго искушенія, а оба выдавали себя за чистѣйшее выраженіе нравственнаго закона. И Людовикъ обыкновенно устраивалъ такъ, что обѣ стороны оставались имъ недовольны, и укоряли его то за небрежное исполненіе обязанности, то за совершеніе какого нибудь грѣха. И Людовикъ недоумѣвалъ, и мучился, и еще болѣе сбивался съ толку. Онъ выслушивалъ всѣхъ своихъ совѣтниковъ, и съ каждымъ изъ нихъ отъ души соглашался, но, такъ какъ для дѣйствія надо было выбрать только какой нибудь одинъ планъ, то и выбирался обыкновенно самый послѣдній по времени, то есть тотъ, который былъ всего свѣжѣе въ умѣ короля. Именно такимъ процессомъ мысли и воли объясняются поступки Людовика XVI въ отношеніи къ собранію государственныхъ сословій, тѣ поступки, которые повели за собою штурмъ Бастиліи, и которые могутъ быть

Digitized by Google

названы первымъ шагомъ Короля съ престола къ гильотинѣ. Если бы такъ поступили Карлъ I Стюартъ или Карлъ X французскій, то тутъ не было бы ничего удивительнаго; оба они были одарены широкими натурами, неспособными ужиться съ какими бы то ни было уступками. Но Людовикъ всегда съ удовольствіемъ подчинялся вліянію своихъ министровъ, всегда радъ былъ оставлять имъ всю славу и всю отвѣтственность управленія, и всегда самымъ добросовѣстнымъ образомъ желалъ, чтобы подданные его устроили себѣ такое счастье, какого сами желаютъ или могутъ достигнуть. И вдругъ, такой честный, мягкій и добродушный человѣкъ, ни съ того, ни съ сего, затѣваетъ ссору съ тѣмъ самымъ собраніемъ, которое онъ созвалъ, и которое именно ему самому совершенно необходимо. Этотъ человѣкъ вдругъ начинаетъ поступать совершенно противно собственнымъ выгодамъ, собственному характеру и собственнымъ желаніямъ. И все это происходитъ отъ того, что его, въ эту минуту, окружаетъ со всѣхъ сторонъ аристократическая партія; ему жужжатъ, и кричатъ, и шепчутъ въ уши, что слѣдуетъ «распечатать,» онъ и самъ знаетъ, что ему не слѣдуетъ этого дѣлать, и ему самому не хочется такъ распоряжаться, и онъ даже не чувствуетъ особенной привязанности къ тѣмъ аристократическимъ личностямъ, которыя суетятся въ его дворцѣ; а между тѣмъ сознаніе его начинаетъ колебаться отъ шума фразъ и аргументовъ, воля слабѣетъ, и рѣшительный шагъ дѣлается медленно, съ неохотою, но все-таки дѣлается, и всѣ послѣдствія, связанныя съ этимъ рѣшительнымъ шагомъ, развиваются изъ него такъ же неизбѣжно, и въ такомъ же полномъ комплектѣ, какъ будто бы этотъ шагъ былъ сдѣланъ съ величайшимъ желаніемъ, и съ самымъ лукавымъ умысломъ. Даже хуже. При желаніи и при умыслѣ человѣкъ обыкновенно принимаетъ уже всѣ мѣры и всѣ предосторожности, которыя могутъ обезпечить успѣхъ предпріятія, или, въ случаѣ неудачи, прикрыть отступленіе. Когда же человѣкъ поступаетъ противъ своего желанія, повинуясь постороннему внушенію, тогда онъ дѣйствуетъ спустя рукава, не надѣясь на успѣхъ, и не заботясь о послѣдствіяхъ; онъ производитъ опытъ, и самъ относится къ своему дѣлу равнодушно и недовѣрчиво. Кромѣ того, поступки такого человѣка всегда непослѣдовательны; но, такъ какъ нашъ умъ настойчиво ищетъ въ человѣческихъ поступкахъ послѣдовательности и руководящей идеи, то мы, глядя со стороны на вереницу этихъ безсвязныхъ поступковъ,

Digitized by Google

бываемъ часто расположены видѣть въ нихъ скрытую связь, и затаенную тенденцію. Человѣкъ колеблется, а намъ кажется, что онъ хитритъ; человѣкъ вчера говорилъ такъ, а сегодня поступаетъ иначе, просто потому, что у него въ головѣ плохо вяжутся мысли, но мы думаемъ, что онъ дѣйствуетъ не съ проста, что онъ и вчера и сегодня руководствовался обдуманнымъ планомъ, и что онъ играетъ свою роль съ искусствомъ замѣчательнаго актера. Мы начинаемъ бояться и ненавидѣть такого человѣка, котораго даже не за что презирать. Такія недоразумѣнія встрѣчаются на каждомъ шагу, даже при сношеніяхъ между частными лицами, которыя могутъ видѣть другъ друга вблизи, во всякое время, и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Въ отношеніи къ лицу, мало доступному, и облеченному въ ослѣпительный блескъ оффиціальности, такое недоразумѣніе становится совершенно неизбѣжнымъ. Для историка характеръ Людовика XVI совершенно понятенъ; историкъ не увидитъ въ этомъ характерѣ ни глубокаго коварства, ни затаенныхъ стремленій къ деспотизму; историкъ съумѣетъ распутать ту сложную сѣть разнородныхъ вліяній, которая тяготѣла надъ всѣми намѣреніями и поступками этого человѣка; историкъ оцѣнитъ честность побужденій и слабость воли; такимъ образомъ, человѣческая личность Людовика XVI получитъ въ исторіи свои настоящіе размѣры и свой дѣйствительный колоритъ. Но то, что возможно для историка, то было совершенно не возможно для подданныхъ и современниковъ Людовика XVI, если бы даже эти подданные и современники имѣли твердое намѣреніе и искреннее желаніе отложить въ сторону всякое личное увлеченіе и всякое политическое пристрастіе. Подданные и современники Людовика XVI видѣли только внѣшнюю и оффиціальную сторону его дѣятельности; они не имѣли возможности доискиваться до тѣхъ составныхъ элементовъ, изъ которыхъ складывалось рѣшеніе короля; они не имѣли возможности пускаться въ психологическій анализъ, потому что во-первыхъ, для этого анализа не было достаточныхъ матеріаловъ; а во-вторыхъ, каждое рѣшеніе Людовика могло быть опаснымъ для такихъ вещей, которыя тогдашнимъ французамъ были очень дороги и совершенно необходимы; стало быть, тутъ некогда было думать о психологическихъ анализахъ. Каждое колебаніе въ политикѣ Людовика XVI казалось тогдашнимъ французамъ разсчитанною измѣною; каждое внутреннее противорѣчіе въ этой политикѣ объяснялось глубокимъ коварствомъ короля или его совѣтниковъ.

Digitized by Google

Когда король утверждалъ такое предложеніе національнаго собранія, которое пользовалось сочувствіемъ народа, тогда народъ былъ расположенъ думать, что король хитритъ, и старается выиграть время; когда король отказывалъ какому нибудь популярному декрету въ своемъ утвержденіи, тогда народъ былъ увѣренъ, что король сбрасываетъ маску и что начинается выполненіе обширнаго заговора, составленнаго противъ французской свободы дворомъ, эмигрантами и иностранными правительствами; тогда народъ готовился къ борьбѣ на жизнь и на смерть, и хотя борьбы не оказывалось въ дѣйствительности, однако всѣ горькія чувства, возбужденныя постояннымъ ожиданіемъ рѣшительной катастрофы, естественнымъ образомъ направлялись противъ короля, и направлялись противъ него за то, что онъ не могъ и не умѣлъ внушить народу довѣріе къ честности своихъ намѣреній и къ твердости своего личнаго характера. Историкъ можетъ считать Людовика XVI за очень честнаго человѣка, но судъ историка не имѣетъ никакого вліянія на жизнь исторической личности; Людовикъ дѣйствителчно былъ очень честенъ и добродушенъ, но онъ не казался такимъ человѣкомъ; современники не могли считать его честнымъ, и не могли чувствовать къ нему довѣріе; но такъ какъ Людовикъ дѣйствовалъ въ исторіи революціи только тѣмъ крайне невыгоднымъ впечатлѣніемъ, которое его личность производила на умы его народа, то для исторіи, въ обширномъ и настоящемъ смыслѣ этого слова, личныя добродѣтели Людовика имѣютъ такъ же мало значенія, какъ, напримѣръ, его замѣчательное искуство въ дѣлѣ слесарной работы. Людовикъ былъ честнымъ человѣкомъ и хорошимъ слесаремъ, но современники его не оцѣнили, ни того ни другого. Для нихъ существовала только одна черта въ характерѣ Людовика, именно, его нерѣшительность, выражавшаяся въ непослѣдовательности поступковъ, и постоянно принимавшаяся современниками за проявленіе глубокаго коварства. Когда Мирабо сталъ хлопотать о томъ, чтобы помирить короля съ народомъ, то всѣ старанія знаменитаго оратора направились къ тому, чтобы внести въ политику Людовика твердость и послѣдовательность; но личный характеръ короля и разноколиберность его обстановки дѣлали эту задачу неисполнимою; Людовикъ слушалъ и Мирабо и Королеву, и Бретейля и Булье, и императора Леопольда, и своего духовника, и всякаго, кто только имѣлъ возможность и охоту разсуждать въ тюльерійскомъ дворцѣ или писать изъ прек-

Digitized by Google

раснаго далека о вопросахъ текущей политики; при такихъ условіяхъ, вліяніе Мирабо было совершенно парализовано; Мирабо, какъ единственный совѣтникъ, былъ почти безполезенъ, потому что его совѣты имѣли свою цѣну только въ общей связи, только тогда, когда они исполнялись всѣ вмѣстѣ, и когда они такимъ образомъ составляли руководящую политическую программу. Но все таки, смерть Мирабо была утратою для королевскаго семейства, потому что Мирабо зналъ свою эпоху, не смотрѣлъ на нее глазами придворнаго, умѣлъ выпутываться изъ затрудненій, и слѣдовательно, въ минуту опасности, могъ бы подать Людовику такой совѣтъ, до котораго никогда бы не додумались остальные совѣтники короны.

XXI.

Смерть Мирабо подѣйствовала на расположеніе партій въ національномъ собраніи. Нѣкоторые изъ предводителей лѣвой стороны, Барнавъ, Ламетъ, Дюпоръ, подумали, что теперь настало ихъ время, что они должны сдѣлаться руководителями исполнительной власти, и что министерскія мѣста должны быть заняты ихъ приверженцами и друзьями; они стали сближаться съ правительствомъ, и съ ними произошло то, что до сихъ поръ происходило вездѣ съ каждою оппозиціонною партіею, овладѣвающею господствомъ. Всякая оппозиція говоритъ очень много о существующихъ злоупотребленіяхъ, и о настоятельной необходимости преобразованій; когда эта оппозиція становится правительствомъ, тогда обыкновенно лиры настраиваются на другой тонъ: тѣже самые ораторы начинаютъ доказывать, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, что злоупотребленія, по большей части, составляютъ просто оптическій обманъ, что въ стремленіи къ преобразованіямъ есть много опасныхъ и разрушительныхъ элементовъ, и что осторожная медленность должна быть первою обязанностью государственнаго человѣка. Въ тогдашней Франціи, конечно, нельзя было говорить о злоупотребленіяхъ и преобразованіяхъ, потому что все было преобразовано, и потому что злоупотребленія не могли еще завестись въ новыхъ учрежденіяхъ, созданныхъ такою конституціею, которая еще не была даже закончена. Но во Франціи, оппозиція говорила о свободѣ, а правительственная партія о порядкѣ, и этотъ именно переходъ отъ защищенія свободы къ отстаиванію

Digitized by Google

порядка совершили, послѣ смерти Мирабо, предводители лѣвой стороны, Барнавъ, Ламетъ, Дюпоръ, и ихъ ближайшіе друзья. Это сдѣлалось послѣ смерти Мирабо потому, что, при жизни этого оратора, никто изъ членовъ національнаго собранія не могъ перевѣсить его вліянія па дѣла правленія. Смерть крупной личности очистила мѣсто, на которое тотчасъ нашлись претенденты. Приближаясь къ правительственнымъ сферамъ, вожди лѣвой стороны произвели расколъ въ своей собственной партіи, и чрезъ это потеряли значительную долю своего прежняго вліянія; отъ нихъ совершенно отдѣлилась крайняя лѣвая сторона, къ которой принадлежали, между прочими, Петіонъ и Робеспьеръ, и которая ни подъ какимъ видомъ, ни па какихъ условіяхъ, не соглашалась перемѣнить наступательное положеніе оппозиціи на оборонительную роль правительственной партіи. Вмѣстѣ съ крайнею лѣвою стороною отдѣлился отъ Барнава и компаніи якобинскій клубъ, который былъ основанъ именно Дюпоромъ и Ламетотъ, но въ скоромъ времени далеко обогналъ своихъ основателей на пути къ радикализму и къ демократіи. Когда якобинцы стали въ скептическія отношенія къ бывшимъ вождямъ лѣвой стороны, тогда и массы народа охладѣли къ нимъ, и перенесли все свое довѣріе и всю свою любовь на ораторовъ крайней лѣвой, и въ особенности на Робеспьера. Это обстоятельство произвело полный разладъ между національнымъ собраніемъ и общественнымъ мнѣніемъ страны. Въ національномъ собраніи партія Робеспьера была очень слаба по числу своихъ членовъ, и ничтожна по своему вліянію; въ столицѣ, въ клубахъ, и, чрезъ посредство клубовъ, во всей Франціи одна только крайняя сторона, партія Робеспьера, партія непреклонной оппозиціи, — пользовалась силою и вліяніемъ. Движеніе зашло такъ далеко и развивалось такъ быстро, что національное собраніе уже не поспѣвало за нимъ, и служило ему тормазомъ въ то время, когда націи желали имѣть въ собраніи органъ для выраженія своихъ потребностей. Ясно было, что тѣ люди, которые были достойными представителями третьяго сословія въ 1789 году, уже не могли быть представителями французскаго народа въ 1791. Самъ народъ понялъ это вполнѣ, и Робеспьеръ, выражая это общее мнѣніе, предложилъ въ половинѣ мая 1791 года, чтобы ни одинъ изъ членовъ учредительнаго собранія не могъ баллотироваться въ депутаты на слѣдующихъ выборахъ. На первый взглядъ можетъ показаться, что это предложеніе не представляло особенной

Digitized by Google

важности, и что оно должно было имѣть вліяніе только на *личный* составъ слѣдующаго собранія, а не на расположеніе и сравнительную силу политическихъ партій въ этомъ слѣдующемъ собраніи. Если нельзя будетъ выбрать Барнава, Ламета, Дюпора, Робеспьера, Лафайета, Ланжюине, Бюзо, Грегуара, то выберутъ кого нибудь изъ друзей и приверженцевъ этихъ господъ, выберутъ такихъ людей, которые держутся одинаковыхъ съ ними политическихъ мнѣній, и новое собраніе представитъ, слѣдовательно, туже группировку и туже сравнительную силу партій, которую можно было видѣть въ старомъ собраніи. Если же политическія мнѣнія той или другой стороны учредительнаго собранія не пользуются сочувствіемъ избирателей, тогда все равно не выберутъ вновь членовъ этой стороны, хотя бы они и имѣли право баллотироваться. Противъ такого разсужденія въ области чистой теоріи нельзя представить никакого уважительнаго возраженія. Но Робеспьеръ зналъ, что выборы будутъ происходить не въ области чистой теоріи, а на почвѣ практической дѣятельности, гдѣ вопросы ставятся и рѣшаются совсѣмъ не такъ просто. Примѣняясь къ особенностямъ этой практической дѣятельности, Робеспьеръ понималъ, что его предложеніе измѣнитъ радикально не только личный составъ, но и политическій цвѣтъ національнаго собранія. Къ этой именно цѣли онъ и стремился. Дѣло въ томъ, что многіе изъ членовъ учредительнаго собранія, въ теченіе своей двухлѣтней дѣтельности, составили себѣ очень громкую извѣстность, которая, во всякомъ случаѣ, была для нихъ сильною рекомендаціею передъ каждою коллегіею избирателей. Только для членовъ крайней правой стороны громкая извѣстность могла быть помѣхою, потому что извѣстность эта была пріобрѣтена ими въ безплодной борьбѣ съ желаніями націи; что же касается до представителей буржуазнаго либерализма, содѣйствовавшихъ побѣдѣ третьяго сословія и опрокинувшихъ феодальныя учрежденія, то ихъ извѣстность составляла въ то время гордость французской націи, и открывала имъ широкую дорогу къ депутатскому мѣсту въ будущемъ національномъ собраніи. Но эта извѣстность открывала дорогу имъ самимъ, а вовсе не ихъ приверженцамъ, и не ихъ идеямъ. Еслибы передъ коллегіею избирателей явился съ одной стороны знаменитый ораторъ, подобный Дюпору или Барнаву, а съ другой стороны, неизвѣстный юноша, отличающійся самымъ пылкимъ радикализмомъ, то первый, по всей вѣроятности, побѣдилъ бы послѣдняго. Когда же всѣ знаменитые ораторы

Digitized by Google

будутъ устранены отъ выборовъ, тогда избиратели, имѣя дѣло съ простыми смертными, обратятъ все свое вниманіе на убѣжденія кандидатовъ, и выберутъ тѣхъ людей, которые, не успѣвши прославиться на всю Францію, выразили однако, въ кругу своихъ ближайшихъ соотечественниковъ, искреннюю и горячую привязанность къ свободѣ и къ революціи. Почти въ каждомъ городѣ существовали якобинскіе клубы, а въ каждомъ клубѣ было нѣсколько личностей, пользовавшихся въ цѣломъ околодкѣ репутаціею отличныхъ патріотовъ и дѣльныхъ людей; эти провинціальныя свѣтила гражданской доблести и политической мудрости непремѣнно должны были восторжествовать на выборахъ, послѣ устраненія парижскихъ и общефранцузскихъ знаменитостей. Но всѣ провинціальные якобинцы питали глубочайшее благоговѣніе къ парижскому клубу, а въ этомъ парижскомъ клубѣ уже господствовалъ въ это время Робеспьеръ; стало быть, Робеспьеръ могъ разсчитывать, что онъ, съ трибуны якобинскаго клуба, будетъ управлять дѣйствіями новаго собранія; имѣя въ виду такую заманчивую диктатуру, онъ съ удовольствіемъ могъ отказаться за себя и за своихъ ближайшихъ друзей отъ всякихъ притязаній на мѣсто депутата; эта ожидаемая диктатура должна была сдѣлаться особенно обширною вслѣдствіе того обстоятельства, что въ новомъ собраніи будутъ засѣдать совершенно новые люди, незнакомые ни съ положеніемъ государственныхъ дѣлъ, ни съ закулисными тайнами различныхъ партій, ни съ внѣшнею стороною парламентской процедуры. Если бы въ это новое и неопытное собраніе могли проникнуть нѣсколько старыхъ депутатовъ, то эти депутаты сразу пріобрѣли бы себѣ авторитетъ, сдѣлались бы центрами и предводителями кружковъ, и захватили бы въ свои руки управленіе дѣлами. Но предложеніе Робеспьера исключало всѣхъ старыхъ депутатовъ; какъ только эти старые депутаты переставали быть членами оффиціальнаго собранія, такъ они тотчасъ теряли всякое значеніе, и всякую возможность управлять общественнымъ мнѣніемъ; только люди крайней лѣвой стороны, и, больше всѣхъ другихъ, самъ Робеспьеръ, имѣли вѣсъ сами по себѣ, независимо отъ своей оффиціальной должности; только эти люди, опираясь на якобинскій клубъ и на парижское населеніе, могли сохранять и увеличивать свою силу, послѣ выхода своего изъ учредительнаго собранія. — Новое собраніе должно было подчиниться центральному свѣтилу якобинскаго клуба, во-первыхъ, потому, что оно должно было составиться преимуще-

Digitized by Google

ственно изъ провинціальныхъ якобинцевъ, а во-вторыхъ, потому, что оно непремѣнно должно было, на первыхъ порахъ, отличаться неопытностью, искать совѣта старшихъ, и не встрѣчать вокругъ себя никого изъ старшихъ, кромѣ Робеспьера и его партіи. Была еще третья причина. Можно было предполагать, что Франція выслала въ учредительное собраніе всю свою науку, весь свой умъ, всѣ свои таланты; когда этотъ верхній слой знанія, ума, и таланта будетъ снятъ и отложенъ въ сторону, тогда окажутся на поверхности второстепенные умы и посредственныя дарованія; новое собраніе составится, такимъ образомъ, изъ людей средняго разбора, и это отсутствіе сильныхъ талантовъ положитъ самое прочное основаніе предполагаемой диктатурѣ. Къ этому послѣднему соображенію Робеспьеръ, какъ человѣкъ очень самолюбивый и чрезвычайно тщеславный, не могъ быть равнодушенъ, тѣмъ болѣе, что въ первые полтора года своей дѣятельности, онъ былъ совершенно задавленъ ораторскими талантами учредительнаго собранія; его долго не слушали, и надъ нимъ перестали смѣяться только тогда, когда начали его бояться; теперь онъ съ удовольствіемъ могъ сказать себѣ, что такихъ оскорбительныхъ сценъ для него, по всей вѣроятности, уже не будетъ. Однако надежды на безцвѣтность будущаго собранія не оправдались. Въ собраніи явилась горячая молодежь, составившая партію Жиронды; талантливые ораторы этой партіи Верньйо, Инаръ, Гюаде стали бороться съ Робеспьеромъ въ самомъ центрѣ его могущества, въ собраніи якобинскаго клуба. Впрочемъ, эта борьба не входитъ уже въ предѣлы теперешней моей статьи. Вполнѣ ли сбылись разсчеты Робеспьера, или осталась часть этихъ разсчетовъ неосуществленною, во всякомъ случаѣ Робеспьеру выгодно было представить собранію свое предложеніе, выгодно уже потому, что онъ, такимъ образомъ, являлся еще разъ, въ очень важномъ вопросѣ, проводникомъ народныхъ желаній. Но если Робеспьеру выгодно было представить это предложеніе, то всѣмъ значительнымъ членамъ собранія не очень выгодно было принять его и совершить такимъ образомъ надъ собою политическое самоубійство. Барнавъ, Дюпоръ, братья Ламеты стали горячо возражать, и ничего не успѣли сдѣлать своими возраженіями, потому что предложеніе Робеспьера пришлось по душѣ не только народу, но и большинству депутатовъ. Въ учредительномъ собраніи, какъ вообще во всѣхъ собраніяхъ, большинство состояло изъ людей безгласныхъ и безцвѣтныхъ; этимъ

Digitized by Google

людямъ мудрено было разсчитывать на вторичный выборъ, потому что помолчать, какъ выражается Фамусовъ, не велика услуга, и на избирателей такая услуга не могла подѣйствовать; слѣдовательно, этой массѣ сомнительныхъ кандидатовъ пріятно было отказаться красиво и великодушно отъ такой чести, которую у нихъ и безъ того бы отняли. Это обстоятельство тогда же было подмѣчено Камилемъ Демуленомъ, который, съ свойственною ему веселостью и откровенностью, тотчасъ тиснулъ по этому поводу статью въ своей газетѣ. Кромѣ того, предложеніе Робеспьера очень понравилось аристократамъ и реакціонерамъ правой стороны; эти господа особенно сильно боялись и ненавидѣли людей умѣренныхъ партій; они думали, что умѣренныя партіи могутъ основать прочный порядокъ, который навсегда положитъ конецъ господству привиллегій; а на крайнихъ якобинцевъ аристократы смотрѣли какъ на невозможныхъ людей, которые пошумятъ, покричатъ, подурачатся, и потомъ будутъ оставлены народомъ, такъ что ихъ съ полнымъ удобствомъ можно будетъ, въ урочное время, перевѣшать и переколесовать, по всѣмъ правиламъ старой уголовной техники. Руководствуясь этими привлекательными соображеніями правая сторона всегда готова была поддерживать чистыхъ демократовъ противъ либераловъ, всегда радовалась каждой ссорѣ между тѣми и другими, и горячо сочувствовала каждой побѣдѣ первыхъ надъ послѣдними. Это настроеніе усилилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что у абсолютистовъ и аристократовъ были личные враги между либералами, а между крайними якобинцами у нихъ не было и не могло быть враговъ, потому что эти два класса людей слишкомъ далеко отстояли другъ отъ друга по своему общественному положенію. Всѣ эти причины привели къ тому результату, что Дюпоръ, Ламеты и Барнавъ оказались почти единственными противниками Робеспьера. Предложеніе его было принято огромнымъ большинствомъ голосовъ. Его защищали даже нѣкоторыя знаменитости собранія; видно было, что всѣ утомлены напряженною дѣятельностью, всѣ тяготятся своими натянутыми отношеніями къ народу, и всѣ, кромѣ не многихъ неугомонныхъ честолюбцевъ, хотятъ отдохнуть и сложить на другія плеча отвѣтственность за дальнѣйшія событія. Такимъ образомъ, за четыре мѣсяца до закрытія своихъ засѣданій, учредительное собраніе признало себя устарѣлымъ, и рѣшилось передать новымъ людямъ судьбы Франціи, конституціи и всѣхъ революціонныхъ пріобрѣтеній, оторванныхъ народомъ отъ

Digitized by Google

королевской власти и отъ аристократическихъ привиллегій.—Но послѣднія недѣли учредительнаго собранія были ознаменованы еще двумя чрезвычайно важными событіями; первымъ изъ нихъ было неудавшееся бѣгство короля, вторымъ—кровопролитное столкновеніе народа съ національною гвардіею.

XXII.

Между Франціею и всею монархическою Европою не могло быть искренняго и прочнаго мира съ той самой минуты, какъ парижскій народъ взялъ штурмомъ Бастилію, и передалъ верховную власть въ руки своихъ представителей. Не могло быть мира по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, всѣ европейскіе государи и всѣ европейскія аристократіи чувствовали свою солидарность съ Людовикомъ XVI, съ французскимъ дворянствомъ; во-вторыхъ, революція съ своей стороны, вовсе не заботилась о томъ, чтобы успокоить и смягчить своихъ взволнованныхъ враговъ; она вовсе не хотѣла замыкаться въ предѣлы своего отечества; ея ораторы, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, говорили о міровой задачѣ революціи, о ея космополитическомъ значеніи, объ освобожденіи всѣхъ народовъ, о естественномъ братствѣ всѣхъ людей, и о разныхъ другихъ вещахъ, которыя всякій благоразумный человѣкъ могъ тогда назвать нелѣпостями, потому что со времени французской революціи прошло слишкомъ семьдесять лѣтъ, а между тѣмъ, всѣ эти либеральныя шалости такъ и остались ораторскими фіоритурами, и притомъ фіоритурами нетолько для Европы, но и для самой Франціи. Но тогда, въ эти либеральныя шалости крѣпко вѣрили сами шалуны. Революціонеры угрожали, консерваторы хмурились; ясно было, что рано или поздно дойдетъ до драки, и что перевѣсъ будетъ на той сторонѣ, которая лучше выберетъ время для того, чтобы нанести первый ударъ. Это воинственное расположеніе, господствовавшее естественнымъ образомъ въ обоихъ политическихъ лагеряхъ Европы, усиливалось въ аристократическомъ лагерѣ криками и жалобами французскихъ эмигрантовъ, передававшихъ всѣмъ европейскимъ дворамъ такія подробности о революціи, отъ которыхъ волосы становились дыбомъ; сообщая эти подробности, французскіе эмигранты обнаруживали щедрость, достойную ихъ высокаго званія; они, не запинаясь ни на одномъ словѣ, пере-

Digitized by Google

сыпали чистую правду поэтическими украшеніями и чистѣйшею ложью. И имъ вѣрили, во-первыхъ потому, что пріятно и полезно было вѣрить; а во-вторыхъ потому, что неистощимые импровизаторы были несчастными мучениками, пострадавшими за правду, испытавшими на себѣ тяжесть людской неблагодарности и слѣдовательно достойными всякаго сочувствія, уваженія, и, разумѣется, довѣрія. Благодаря своимъ изобрѣтательнымъ мученикамъ, далеко превосходившимъ Павла Ивановича Чичикова въ любви къ добру и къ истинѣ, Франція превратилась въ страну легендъ, въ родину миѳическихъ чудовищъ, способныхъ въ одну минуту разнести свое заразительное безобразіе по всѣмъ городамъ и селамъ Европы и солиднаго земнаго шара. Надо было, прежде всего, посадить Францію въ карантинъ, оцѣпить ее санитарнымъ кордономъ, отрѣзать ей всякое сообщеніе съ незараженною частью человѣчества. Потомъ надо было употребить въ дѣло увѣщанія, потомъ пустить въ ходъ угрозы, и наконецъ, обуздать не укротимое безуміе мѣрами строгости. Все это въ порядкѣ вещей, и все это, безъ сомнѣнія, превосходно, но любопытно было бы спросить, каково дѣйствовали подобныя демонстраціи на судьбу Людовика XVI и его семейства, желавшаго сохранить феодальную власть, какъ зеницу ока. Положеніе короля было въ высшей степени оригинально; во всей всемірной исторіи врядъ ли найдется другое такое положеніе. Людовикъ былъ въ плѣну, въ той самой фантастической странѣ чудовищъ, о которой трубили эмигранты. Но это еще ничего, что онъ былъ въ плѣну. Своеобразность положенія заключалась въ томъ, что онъ не могъ признать себя плѣнникомъ; ему надо было прикидываться патріотическимъ вождемъ пылкаго народа, и заклятымъ врагомъ тѣхъ элементовъ и тѣхъ людей, къ которымъ онъ чувствовалъ полнѣйшую симпатію, и въ которыхъ онъ видѣлъ своихъ будущихъ избавителей; какъ только французскій народъ замѣчалъ, что король тяготится своею неестественною ролью, такъ показывались немедленно всѣ признаки приближающейся бури, и во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей, Людовикъ XVI поневолѣ долженъ былъ поспѣшно прижимать къ своему лицу ту ненавистную маску, которая мѣшала ему дышать, но въ то же время представляла единственную возможность отсрочивать неизбѣжную катастрофу. Катастрофа была неизбѣжна, и политическій маскарадъ въ сущности былъ безполезенъ, во-первыхъ потому, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ король не могъ выдержать его до конца, а во-вторыхъ потому, что миѳическія чудовища, на-

Digitized by Google

селявшія Францію, нисколько не были расположены къ довѣрчивости, и очень хорошо знали, что такое лицо, и что такое—маска. Король старался выиграть время, надѣясь на реакцію внутри государства, и на помощь со стороны Европы; народъ, съ своей стороны, смутно чувствовалъ неискренность короля, и постоянно тревожился неопредѣленными слухами объ австрійскомъ комитетѣ, который будто бы работаетъ въ тюльерійскомъ дворцѣ подъ предсѣдательствомъ королевы Маріи Антуанеты и замышляетъ предать Францію въ руки иностранцевъ и эмигрантовъ. Война между Франціею и Европою казалась неизбѣжною; и точно также неизбѣжнымъ казался рѣшительный и окончательный разрывъ между идеями революціи и принципомъ королевской власти. Самъ Людовикъ увидѣлъ и понялъ наконецъ неизбѣжность этого разрыва тогда, когда національное собраніе принялось за преобразованія въ устройствѣ церкви. Разрушеніе Бастиліи, уничтоженіе дворянства, ограниченіе монархической власти, учрежденіе національной гвардіи, свобода печати—все это было грустно и тягостно, но, скрѣпя сердце, можно было еще, кое-какъ, перенести всѣ эти страданія; когда же зашла рѣчь о духовенствѣ, о монастыряхъ, о церковныхъ помѣстьяхъ, о назначеніи священниковъ по выбору прихожанъ, тогда истощилось дипломатическое терпѣніе плѣннаго короля. Людовикъ былъ, прежде всего, католикъ; надъ нимъ господствовали его духовники, и съ той минуты, какъ революція коснулась церковной іерархіи, Людовикъ XVI, съ мужествомъ отчаянія рѣшился, во что бы то ни стало, сбросить маску и бѣжать въ тотъ лагерь, въ которомъ были всѣ его друзья. Я оставляю въ сторонѣ фактическія подробности: какъ было задумано бѣгство, какъ измѣнялся планъ этого бѣгства, какія сношенія поддерживала по этому поводу королева Марія-Антуанета съ своимъ братомъ, Леопольдомъ Австрійскимъ, какъ королевское семейство тронулось въ путь, какъ происходило это опасное путешествіе—все это имѣетъ анекдотическій и біографическій интересъ, и все это совсѣмъ не относится къ историческому развитію революціи. Достаточно замѣтить, что король съ своимъ семействомъ бѣжалъ изъ Парижа въ ночь на 21 іюня, а въ тотъ же день, поздно вечеромъ, его задержали въ провинціальномъ городкѣ Варennѣ Тамошнія городскія власти тотчасъ дали знать объ этомъ національному собранію. Національное собраніе прислало въ Варennъ своихъ комиссаровъ, и короля съ семействомъ привезли обратно въ Парижъ. Эта неудавшаяся поѣздка короля нанесла послѣдній ударъ монархическому принципу во Франціи.

Digitized by Google

Его убили не нападенія его враговъ, а ошибки представителей и защитниковъ. Первая причина революціи заключалась, какъ мы видѣли, въ экономическомъ истощеніи народа и государства; это истощеніе, разумѣется, было произведено не философами XVIII вѣка, а администраторами, любившими старый порядокъ вещей всѣми силами своего организма. Первый поводъ къ вооруженному возстанію былъ поданъ, какъ мы также видѣли, попыткою короля парализировать съ самаго начала дѣятельность національнаго собранія; эта попытка, очевидно, была сдѣлана друзьями стараго порядка, а не агитаторами народа и не фанатиками революціи. Теперь мы опять встрѣчаемся съ такимъ же фактомъ. Въ теченіи 1789 и 1790 года, республиканскихъ стремленій нельзя было замѣтить ни въ народѣ, ни въ образованномъ обществѣ, ни въ національномъ собраніи, ни въ якобинскомъ клубѣ. Народъ хотѣлъ только прочнаго уничтоженія феодальныхъ повинностей, а къ вопросамъ высшей политики оставался совершенно равнодушнымъ, полагаясь въ этомъ отношеніи на своихъ возлюбленныхъ представителей и законадателей. Образованное общество и національное собраніе состояли изъ чистыхъ роялистовъ, обожавшихъ старый порядокъ, и изъ конституціоналистовъ, разъигрывавшихъ разныя варіаціи, болѣе или менѣе смѣлыя, на одну основную тему англійскаго самоуправленія. Якобинцы сами называли свой клубъ — обществомъ друзей конституціи, и не терпѣли на своей трибунѣ ни одного слова противъ монархическаго начала. Необходимость королевской власти для всѣхъ серьезныхъ общественныхъ дѣятелей того времени составляла неприкосновенный догматъ политическаго вѣроисповѣданія. Та мысль, что республиканское правленіе годится только для отдѣльныхъ городовъ и мелкихъ областей, находилась тогда въ общемъ ходу, и считалась неопровержимою истиною, не требующею доказательствъ. Ввести республиканское правленіе во Францію значило бы превратить ее въ федерацію, состоящую изъ множества отдѣльныхъ, мелкихъ республикъ; о федераціи такого рода никто не хотѣлъ слышать, потому что привиллегіи отдѣльныхъ провинцій только что были уничтожены, внутреннія заставы и таможни были сняты и отмѣнены, единство было основано, и все что могло мѣшать укрѣпленію этого единства и водворенію сильной централизаціи, казалось всѣмъ тогдашнимъ публицистамъ тяжелымъ преступленіемъ противъ націи и отечества. Ни Робеспьеръ, ни Дантонъ, ни Мара, никто изъ тѣхъ людей, которыхъ считаютъ обыкно-

Digitized by Google

венно опаснѣйшими демократами и злѣйшими революціонерами, не занимались о республикѣ въ теченіи 1789 и 1790 года. Одинъ только Демуленъ написалъ въ то время политическій памфлетъ съ республиканскими тенденціями, но Демуленъ въ началѣ революціи такъ часто кидался изъ стороны въ сторону, отъ Лафайета къ Робеспьеру, отъ Мирабо къ Дантону, что всѣ партіи считали его талантливымъ и остроумнымъ повѣсою, котораго съ удовольствіемъ можно читать и слушать, но на котораго не стоитъ обращать вниманія въ серьезномъ дѣлѣ. Республиканскій памфлетъ Демулена остался безъ вліянія, и тоже самое произошло бы даже въ томъ случаѣ, еслибы вмѣсто Демулена заговорилъ въ то время о республикѣ какой нибудь сильный предводитель политической партіи. Республиканцы, конечно, существовали и тогда; но одни молчали, другіе притворялись приверженцами конституціи; всѣ считали себя мечтателями, далеко опередившими свой вѣкъ; всѣ были увѣрены въ неспособности французскаго народа къ самоуправленію, и всѣ любили восхищаться античными доблестями Грековъ и Римлянъ, которые были извѣстны тогдашнему обществу по трагедіямъ Корнеля и Расина, да еще по жизнеописаніямъ Плутарха и Корнелія Непота, переведеннымъ на французскій языкъ. Всѣ эти безвредныя занятія тогдашнихъ республиканцевъ могли бы продолжаться въ теченіи неопредѣлимо-долгаго времени, и могли бы кончиться ничѣмъ, могли бы не дойдти до свѣдѣнія французскаго народа, еслибы только представитель и защитники стараго порядка имѣли возможность удержаться отъ дальнѣйшихъ ошибокъ. Но обстоятельства были расположены такимъ образомъ, что каждое дѣйствіе Людовика XVI превращалось въ ошибку, и, подрывая монархію, закладывало основанія будущей республики. Когда по городамъ и селамъ королевства разнесся слухъ, что король попробовалъ убѣжать за границу, тогда во всей Франціи произошелъ такой единодушный взрывъ народнаго негодованія, что, послѣ этого взрыва, всякое примиреніе между королемъ и народомъ сдѣлалось невозможнымъ. Король дѣйствуетъ за одно съ иностранцами! Король дѣйствуетъ за одно съ эмигрантами! Эти двѣ мысли были безсильны и безвредны, пока онѣ встрѣчались только на столбцахъ демократическихъ газетъ, и въ декламаціяхъ яростныхъ ораторовъ; но когда каждый горожанинъ, каждый мужикъ и каждый поденщикъ самъ додумался до этихъ двухъ мыслей, самъ разобралъ ихъ значеніе, самъ взволновался ихъ возможными послѣдствіями, и наконецъ самъ громко произнесъ ихъ съ

Digitized by Google

полнымъ убѣжденіемъ, тогда эти двѣ мысли разорвали всякую связь между королемъ и народомъ, и съ неудержимою силою бросили всю массу народа въ руки крайней демократической и республиканской партіи, которая тотчасъ ободрилась, отложила въ сторону Плутарха и Корнелія Непота, и съ восхищеніемъ принялась хозяйничать въ дѣлахъ современной дѣйствительности. — Король дѣйствуетъ за одно съ иностранцами, думалъ народъ, услышавъ о поѣздкѣ въ Варенны, — стало быть онъ продаетъ иностранцамъ честь и облагосостояніе Франціи; онъ хочетъ привести во Францію нѣмецкія арміи, онъ хочетъ выжечь города и села, вытоптать поля, обломать виноградники, опустошить цѣлыя провинціи голодомъ и моровою язвою. Король дѣйствуетъ за одно съ эмигрантами, разсуждали всѣ классы народа, воспользовавшіеся различными выгодами революціи. Въ теченіи своей двухлѣтней дѣятельности, революція пустила въ народную жизнь такіе глубокіе корни, произвела такія радикальныя и разнообразныя измѣненія во всѣхъ междучеловѣческихъ отношеніяхъ и заинтересовала въ свою пользу такое неизмѣримое большинство французскихъ гражданъ, что при первомъ намекѣ на возможность реакціи, вся Франція снизу и до верху, отъ одной границы до другой, встрепенулась отъ ужаса и негодованія. Въ это время революція была уже не побѣдимо-сильна, именно потому, что она успѣла уже дать всѣмъ классамъ народа осязательныя доказательства своего существованія и своей дѣятельности. Пока революція была чистою идеею, отвлеченнымъ приговоромъ мыслителей надъ существующими бытовыми формами, до тѣхъ поръ ее можно было задержать, отсрочить или поворотить назадъ; но, когда она проложила себѣ дорогу въ міръ матеріальныхъ интересовъ, когда она передѣлала по своему весь строй экономическихъ отношеній, тогда возвращеніе стараго порядка вещей сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Тогда дѣло революціи стали защищать не одни мыслители, писатели, ораторы и утописты; вмѣстѣ съ идеологами поднялись за общее дѣло и городскіе собственники, и крестьяне, и солдаты, и ремесленники. Всѣ неопредѣленныя декламаціи объ австрійскомъ комитетѣ, о вѣроломствѣ двора, о кровожадныхъ замыслахъ аристократовъ, о враждебныхъ тенденціяхъ самаго короля, всѣ журнальныя утки и ораторскія импровизаціи превратились передъ глазами испуганнаго народа въ самую осязательную, неопровержимую и сокрушительную истину. Творцы утокъ и импровизацій сдѣлались мудрецами и пророками; отъ нихъ народъ сталъ ожидать спасенія; за ними онъ готовъ былъ

Digitized by Google

идти всюду, куда они захотятъ повести его; отъ нихъ зависѣло произнести слово «республика», и еслибы это слово не тотчасъ перешло въ дѣло, то, по крайней мѣрѣ, послѣ Варенискаго путешествія, никто не подумалъ бы назвать адвокатовъ республики мечтателями и утопистами. Словомъ, до поѣздки короля въ Варенъ народъ подозрѣвалъ короля въ неискренности и чувствовалъ неопредѣленное безпокойство; послѣ этой поѣздки не осталось никакихъ подозрѣній, и неопредѣленное безпокойство смѣнилось твердою увѣренностью. Весь народъ пережилъ въ нѣсколько часовъ цѣлыя дѣсятилѣтія исторической опытности; онъ увидѣлъ, что надо выбирать одно изъ двухъ; или революцію, или старый порядокъ. Рубиконъ былъ перейденъ, и Людовикъ XVI, привезенный изъ Варенна въ Парижъ, сдѣлался, во всѣхъ отношеніяхъ, плѣнникомъ своихъ политическихъ противниковъ.

XXIII.

Короля привезли въ Парижъ 25 Іюня 1791 года, а королевская власть была уничтожена во Франціи 10 Августа 1792 года. Между этими двумя событіями прошло больше года, и королемъ считался въ этотъ промежутокъ времени тотъ же Людовикъ XVI, который уже однажды попробовалъ убѣжать съ своего престола. На первый взглядъ, иному недогадливому читателю могутъ показаться непонятными двѣ вещи: почему Людовикъ XVI самъ не отказался въ это время отъ своего престола, на которомъ онъ, съ минуты своего бѣгства, могъ ожидать только непріятностей и оскорбленій? И далѣе, почему національное собраніе не объявило престола вакантнымъ, и не созвало національнаго конвента, то есть, почему оно, послѣ Варенискій исторіи, не поступило такъ, какъ поступило законодательное собраніе послѣ возмущенія 10 Августа 1792?—Отвѣта на эти два вопроса надо искать въ характерѣ Людовика XVI, и въ характерѣ коллективной личности, называвшейся національнымъ учредительнымъ собраніемъ. Во-первыхъ Людовикъ, по своему темпераменту, не былъ способенъ на энергическіе поступки; онъ могъ, съ христіанскимъ терпѣніемъ, переносить оскорбительныя непріятности своего положенія, но выйдти изъ этого положенія рѣшительнымъ и необычнымъ шагомъ онъ былъ не въ состояніи. Только уступая вліянію королевы, онъ попробовалъ бѣжать за границу, и эта попытка, удавшаяся такъ плохо, надолго истощила въ немъ запасъ дѣя-

Digitized by Google

ятельной энергіи; онъ подумалъ, что всего лучше съ полнымъ смиреніемъ ожидать, что будетъ. Во-вторыхъ Людовикъ XVI былъ воспитанъ своими наставниками и своею вседневною версальскою жизнью такъ, что онъ не зналъ о существованіи, и не понималъ значенія тѣхъ живыхъ силъ, которыя копошились подъ его престоломъ: что такое народъ, чего онъ хочетъ, сытъ-ли онъ, голоденъ-ли и что такое значитъ быть голоднымъ,—все это, и многое другое въ томъ же родѣ, были такіе вопросы, которыхъ даже не могли задавать себѣ обитатели версальскаго дворца. О правильномъ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ смѣшно было бы и думать. Всей версальской публикѣ революція казалась интригою какихъ нибудь мошенниковъ, которые сегодня въ модѣ, а завтра будутъ заброшены и забыты вмѣстѣ съ своими задорными фразами. Революцію дѣлаетъ герцогъ орлеанскій, или Мирабо, или Лафайетъ, или Барнавъ, или Дантонъ, или всѣ они вмѣстѣ, или каждый изъ нихъ порознь, по своему особенному разсчету, но непремѣнно кто нибудь да дѣлаетъ революцію; не можетъ же быть, чтобы революція сама себя дѣлала. *) Никто изъ роялистовъ не могъ разсуждать иначе, а разсуждая такимъ образомъ, Людовикъ XVI, который конечно былъ самъ роялистомъ, не могъ отказаться отъ престола. Онъ такъ мало считалъ свое положеніе отчаяннымъ, что даже послѣ Варенской исторіи, продолжалъ бояться успѣха эмигрантовъ больше, чѣмъ успѣха демократовъ. Онъ боялся, что его братья, графъ Прованскій и графъ Артуа, задавятъ революцію, возьмутъ его, Людовика, подъ свою опеку, а королеву подвергнутъ скандальному процессу и заточенію. Людовику въ голову не приходило бояться за свою жизнь, и онъ до послѣдней минуты своего царствованія былъ увѣренъ, что Франція не можетъ и никогда не захочетъ быть республикою. Стало быть, отказываться отъ престола значило бы открывать дорогу принцамъ-эмигрантамъ. Вообще, можно сказать одно: если бы Людовикъ XVI былъ способенъ отказаться отъ престола, то есть, если бы онъ понималъ глубину и обширность революціоннаго движенія, если бы онъ предвидѣлъ, какъ она разыграется, если бы онъ, понимая и предвидя все это, могъ поступать твердо и рѣшительно, то онъ, еще гораздо раньше 1789 года,

*) Это только унтеръ-офицерская жена сама себя высѣкла; да и то, показаніе Сквозника-Дмухановскаго въ этомъ случаѣ можетъ удовлетворить только Хлестакова.

Digitized by Google

отыскалъ и поддержалъ бы людей, подобныхъ Тюрго, и повелъ бы необходимыя реформы мирнымъ путемъ, осторожно, послѣдовательно, но безъ уклончивости, безъ уступокъ старинѣ, и безъ боязни передъ новыми идеями. Реформа была необходима и неизбѣжна, но самъ Людовикъ, смотря по особенностямъ своего характера и умственнаго развитія, могъ примкнуть къ той или другой сторонѣ; если бы онъ примкнулъ къ партіи будущаго, вмѣсто того, чтобы присоединиться къ партіи прошедшаго, тогда его личная судьба во многомъ бы измѣнилась, и внѣшнія формы французской революціи также испытали бы многія измѣненія, но прочные результаты всего движенія оказались бы совершенно такими же, какими мы ихъ видимъ теперь. Читатель вѣроятно знаетъ уже, что прочными результатами я называю въ этомъ случаѣ экономическія и соціальныя преобразованія.

Національное собраніе, по своимъ отношеніямъ къ массѣ народа, было заранѣе осуждено на бездѣйствіе. Съ одной стороны, оно не могло принять рѣшительную инціативу, и объявить престолъ вакантнымъ; съ другой стороны, если бы оно захотѣло защитить и прикрыть Людовика XVI своимъ авторитетомъ, защита эта оказалась бы очень недостаточною, потому что авторитетъ собранія былъ уже въ значительной степени подорванъ. При началѣ своихъ засѣданій, національное собраніе было составлено на половину изъ депутатовъ отъ дворянства и отъ духовенства. Эти депутаты, которыхъ народъ не хотѣлъ и не могъ считать своими представителями, составили правую сторону собранія, и почти всѣ держали себя, во все время засѣданій, какъ явные враги революціи, и какъ безусловные приверженцы стараго порядка. Многіе изъ этихъ депутатовъ уѣхали за границу, когда эмиграція стала усиливаться и вошла въ моду. Когда дворянство и духовенство были уничтожены, какъ отдѣльныя сословія, тогда депутаты отъ этихъ несуществующихъ сословій, очевидно, потеряли всякій смыслъ, и превратились въ ходячій анахронизмъ. Не смотря на это, анахронизмъ продолжалъ засѣдать въ собраніи, произносить рѣчи, и подавать голоса. Въ половинѣ 1791 года правая сторона собранія состояла еще изъ трехъ сотъ человѣкъ, которые, производя много шума, заявляя торжественные протесты, и безпристрастнѣйшимъ образомъ балансируя между различными оттѣнками центральной партіи и лѣвой стороны, развлекали силы собранія, и отнимали у него возможность дѣйствовать рѣшительно. Впрочемъ, центръ и лѣвая сторона сами по себѣ находились въ

Digitized by Google

постоянномъ колебаніи. Если они боялись эмигрантовъ и чистыхъ роялистовъ, которые до того времени были ихъ постоянными врагами, то еще сильнѣе боялись они чистыхъ демократовъ и революціонеровъ, которые до того времени были ихъ постоянными союзниками. Чтобы сдержать въ границахъ благопристойности этихъ опасныхъ союзниковъ, они готовы были пойдти на мировую сдѣлку съ своими врагами, но враги ни на какую сдѣлку не подавались, имѣя въ виду соблазнительную надежду, что революція погибнетъ въ ближайшемъ будущемъ отъ собственныхъ своихъ ошибокъ и увлеченій. Конституціонная партія, сжатая такимъ образомъ между слишкомъ извѣстными людьми прошедшаго и страшными по своей неизвѣстности силами будущаго, чувствовала шаткость своего положенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраняла за собою численный перевѣсъ въ національномъ собраніи. Отъ нея зависѣло рѣшить вопросъ: какъ выпутать короля и собраніе изъ непріятныхъ послѣдствій Варенской исторіи? При рѣшеніи этого вопроса, она, конечно, постаралась сохранить золотую середину, и устроила дѣло такъ, что не удовлетворила ни роялистовъ, ни революціонеровъ. Роялисты смотрѣли на Варенское дѣло, какъ на законный протестъ угнетеннаго короля противъ посягательствъ зазнавшихся подданыхъ; въ этомъ дѣлѣ для нихъ не могло быть и рѣчи о преслѣдованіи и наказаніи виновныхъ; виновными они считали только тѣхъ людей, которыхъ неслыханная дерзость понудила короля искать себѣ безопасности внѣ Парижа, и, можетъ быть, внѣ Франціи; для роялистовъ эмиграція принцевъ и дворянства была дѣломъ совершенно законнымъ, а такъ какъ король, по ихъ мнѣнію, былъ первымъ принцемъ и первымъ дворяниномъ во Франціи, то онъ также могъ эмигрировать, если находилъ это удобнымъ для сохраненія своего достоинства, и необходимымъ для своей личной безопасности. Но гдѣ король, тамъ, и отечество, говорили далѣе роялисты; поэтому всѣ честные французы, не желающіе оставить свое отечество, должны слѣдовать за королемъ на край свѣта; слѣдовательно, генералъ Буллье, приготовившій бѣгство короля, и офицеры, отправившіеся въ путь вмѣстѣ съ королемъ, оказываются лучшими патріотами во всей Франціи, и достойны полнаго уваженія со стороны всѣхъ благомыслящихъ гражданъ. Такъ думали роялисты, хотя, конечно на трибунѣ національнаго собранія они уже не могли высказываться вполнѣ откровенно; общество XVIII вѣка было уже слишкомъ развращено для того, что-

Digitized by Google

бы понимать идеи и цѣнить чувства временъ Людовика XIV, Генриха IV, или Франциска I. На трибунѣ эти тенденціи выражались осторожно и уклончиво, съ различными примѣненіями къ языку и понятіямъ испорченной эпохи. Но во всякомъ случаѣ, у роялистовъ былъ свой взглядъ на вещи, очень опредѣленный и вполнѣ послѣдовательный, то есть, вполнѣ вѣрный основной идеѣ. У революціонеровъ былъ также свой взглядъ не менѣе опредѣленный, и не менѣе послѣдовательный. Они думали и говорили, что король и всѣ соучастники Варенской экспедиціи виновны въ измѣнѣ противъ націи; короля слѣдуетъ объявить лишеннымъ престола, а всѣхъ остальныхъ предать суду, и наказать по всей строгости законовъ. Конституціоналисты попались въ тиски между этими двумя противуположными взглядами; они стали лавировать изъ стороны въ сторону, изобрѣтать несуществующіе факты, и соглашать несогласимыя понятія. Уѣзжая изъ Парижа, король оставилъ письменный протестъ противъ всѣхъ узаконеній, выработанныхъ національнымъ собраніемъ, и получившихъ уже королевское утвержденіе; въ этомъ протестѣ король очень подробно излагаетъ свои жалобы противъ французовъ вообще, и парижанъ въ особенности; онъ объясняетъ очень обстоятельно причины своего бѣгства; національное собраніе получило эту бумагу въ тотъ самый день, въ который оно узнало о бѣгствѣ короля. Но, не смотря на положительныя увѣренія самаго Людовика XVI, собраніе, слѣдуя внушенію конституціонной партіи, выдумало, что король не бѣжалъ, а сдѣлался жертвою насильственнаго или коварнаго похищенія. Эта выдумка отодвигала самаго короля въ сторону, а всю отвѣтственность обрушивала на его коварныхъ и злоумышленныхъ похитителей. Такое замысловатое рѣшеніе не могло удовлетворить ни роялистовъ, ни демократовъ; кромѣ того, оно оскорбляло здравый смыслъ и нравственное чувство всѣхъ честныхъ людей, безъ различія политическихъ партій. Никто не могъ обмануться выдумкою національнаго собранія; всѣ знали, что бѣгство короля было вполнѣ добровольно и преднамѣренно. Если это бѣгство составляетъ преступленіе, то всѣ участники этого предпріятія преступны; если же не существуетъ преступленія, то не за что губить тѣхъ людей, которые были простыми исполнителями и вѣрными слугами. Такъ говорилъ здравый смыслъ, но конституціонная теорія, сплетенная изъ множества политическихъ и юридическихъ фикцій, находилась на такомъ неизмѣримомъ разстояніи отъ простого и скром-

Digitized by Google

наго здраваго смысла, что немогла обращать на его совѣты ни малѣйшаго вниманія. Впрочемъ, конституціонная партія не ограничилась тѣмъ, что взяла себѣ исходною точкою произвольную импровизацію; она, кромѣ того, съумѣла поставить себя въ противорѣчіе съ этою самою импровизаціею; предполагая, что король былъ похищенъ, она, однако, ухитрилась наложить на него исправительную эпитимію; собраніе рѣшило, что верховная исполнительная власть отнимается у короля и сосредоточивается въ національномъ собраніи до тѣхъ поръ, пока конституція не будетъ окончена, и пока король не приметъ и не утвердитъ ее своею торжественною клятвою.—Все это зданіе выдумокъ и противорѣчій было воздвигнуто, трудами Дюмора, Барнава, Ламетовъ и многихъ другихъ сотрудниковъ ихъ, въ теченіи трехъ недѣль. Къ 16 іюля пренія о Варенской исторіи окончились въ собраніи, но тѣ рѣшенія, которыми удовлетворялись представители, вовсе не понравились народу. Клубъ кордельеровъ весь объявилъ себя противъ королевской власти; Мара въ своей газетѣ совѣтовалъ народу выбрать себѣ диктатора или военнаго трибуна. Бриссо сталъ издавать газету «le Républicain;» Кондорсе написалъ республиканскій памфлетъ; Робеспьеръ, въ клубѣ якобинцевъ, говорилъ объ осторожности и уваженіи къ конституціи; но въ національномъ собраніи настаивалъ на томъ, что короля слѣдуетъ судить. Якобинцы старались соблюдать конституціонное благоразуміе, но когда Бриссо заговорилъ въ ихъ клубѣ противъ неприкосновенности королевской особы, тогда раздались крики неистоваго и чисто республиканскаго восторга. Бывшіе хозяева якобинскаго клуба,—Ламеты, Дюпоръ и Барнавъ—увидѣли по многимъ признакамъ, что твореніе ихъ рукъ уходитъ окончательно изъ подъ ихъ вліянія. Они рѣшились сдѣлать отчаянную попытку; 16 іюля, они перешли вмѣстѣ съ своими друзьями изъ монастыря якобинцевъ въ монастырь Фельяновъ; за ними послѣдовали почти всѣ депутаты, бывшіе членами якобинскаго клуба; этотъ новый клубъ Фельяновъ объявилъ всѣмъ провинціальнымъ якобинцамъ, что съ этого дня онъ будетъ составлять настоящее общество друзей конституціи; но большая часть провинціальныхъ клубовъ не признали этого, настоящаго «общества», и по прежнему продолжали переписываться съ якобинцами, оставшимися въ якобинскомъ монастырѣ. Ни Робеспьеръ, ни Петіонъ, ни Бриссо не пошли въ новое помѣщеніе клуба. У Фельяновъ стали собираться депутаты и конституціонный *beau-monde,* но это изысканное общество,

Digitized by Google

существовавшее всего одинъ годъ, постоянно оставалось совершенно безсильнымъ. Руководители національнаго собранія принуждены были наконецъ убѣдиться въ томъ, что ихъ время прошло, и что выдвигаются впередъ новыя стремленія, которыхъ они не понимаютъ, и новые люди, въ отношеніи къ которымъ они становятся уже людьми прошедшаго. Антироялистское движеніе въ клубахъ и въ газетахъ служило вѣрнымъ отголоскомъ господствующаго настроенія народныхъ массъ. Въ національное собраніе приходили изъ разныхъ городовъ и департаментовъ адресы, совершенно враждебны Людовику XVI, и нескромное направленіе этихъ адресовъ ставило иногда почтенныхъ законодателей въ очень неловкое и затруднительное положеніе. Но затрудненія сдѣлались еще гораздо существеннѣе и значительнѣе, когда рѣшеніе собранія по дѣлу короля возбудило сильное неудовольствіе въ самомъ Парижѣ. Пока продолжались еще пренія о Варенской исторіи, происходили разныя частныя демонстраціи; когда пренія закончились, тогда составился планъ подать собранію петицію, подписанную многими тысячами именъ, и выражающую желаніе парижскаго народа, чтобы король былъ низложенъ съ престола. Утромъ 17 іюля, нѣсколько гражданъ, принадлежащихъ къ клубу кордельеровъ, собрались на Марсовомъ полѣ, и положили свою петицію на алтарь отечества, построенный въ 1790 году, для праздника федераціи. Кто проходилъ мимо, тотъ читалъ и подписывалъ. Слухъ о прошеніи распространился очень быстро; люди, желающіе прочитать и подписать петицію, стали стекаться на Марсово поле со всѣхъ сторонъ; толпа привлекала толпу, и часамъ къ четыремъ по полудни, вокругъ алтаря отечества, собрались десятки тысячъ народа; устроилось что-то въ родѣ общественнаго гулянья; тутъ были женщины и дѣти, люди всякаго званія и всякаго образа мыслей; были и сумазброды, совѣтывавшіе публикѣ взять штурмомъ собранія, и разогнать недостойныхъ представителей великаго французскаго народа; но публика, разумѣется смотрѣла на этихъ бѣсноватыхъ проповѣдниковъ какъ на забавный а крессуаръ лѣтней прогулки; между тѣмъ на петиціи набралося уже очень много подписей, и національное собраніе, знавшее непріятное направленіе этой бумаги, пожелало уничтожить ее, и задавить все движеніе мѣрами спасительной строгости. Собраніе приказало парижскому меру разогнать толпу бунтовщиковъ и злодѣевъ, собравшихся вокругъ алтаря отечества; Баль

Digitized by Google

и Лафайетъ объявили военный законъ противъ возмущенія, выставили въ окнѣ ратуши красное знамя, и пошли на Марсово поле, съ пѣхотою, кавалеріею и артиллеріею національной гвардіи; пѣхота дала залпъ, храбрая кавалерія бросилась въ аттаку и только артиллеріи не удалось принять участіе въ пораженіи враговъ. Бунтовщики и злодѣи обращены въ позорное бѣгство; на ступеняхъ алтаря отечества осталось больше сотни убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ много женщинъ, дѣтей и стариковъ. Собраніе изъявило свою благодарность городскимъ властямъ за ихъ энергію и распорядительность. За тѣмъ дѣла пошли прежнимъ порядкомъ. Собраніе было такъ великодушно, что не воспользовалось своею побѣдою надъ злоумышленниками. Нѣкоторые депутаты совѣтовали закрыть клубы и нугнуть журналистовъ, но собраніе на это не согласилось. Якобинцы, смущенные воинственнымъ шумомъ, скоро оправились, и совершенно пересилили Фильяновъ, въ пользу которыхъ была одержана такая блистательная побѣда. Робеспьеръ, Мара, Дантонъ, Бриссо, Демуленъ, Фреронъ продолжали господствовать надъ умами народа рѣчами, брошюрами и газетами. Популярность Лафайета и Бальи осталось убитою на Марсовомъ полѣ. 13 сентября король принялъ конституцію; 30 сентября, учредительное собраніе окончило свою дѣятельность и разошлось. Изъ 1800 милльоновъ ассигнацій было издержано 1323. Финансы остались въ прежнемъ положеніи.

Д. Писаревъ.

Digitized by Google

ПРИЧИНЫ БѢДНОСТИ.

Еслибы алхимикамъ удалось найти философскій камень, то человѣчество не сдѣлалось бы отъ того ни счастливѣе, ни богаче. Напротивъ, въ первое время явилось бы даже великое бѣдствіе. Считая деньги богатствомъ, бѣдные люди бросили бы свои прежнія занятія и каждый началъ бы превращать мѣдь и олово въ золото и серебро. Земледѣлецъ оставилъ бы пашню, кузнецъ — кузницу, сапожникъ и портной свои мастерскія, и стали бы они вмѣсто хлѣба, сапоговъ, платья и другихъ предметовъ первой необходимости производить золото и серебро. Денежная лихорадка, охвативъ всѣ сословія, привела бы къ тому, что скопилась бы огромная масса благородныхъ металловъ, каждый набилъ бы свой сундукъ до верху червонцами, а между тѣмъ предметы пищи уменьшились бы въ такой же степени, въ какой увеличилось бы золото; наступилъ бы голодъ, и люди увидѣли бы, что хотя на деньги и можно покупать хлѣбъ, мясо, одежду; но когда этихъ предметовъ нѣтъ, то золото не въ состояніи сдѣлать человѣка сытымъ, прикрыть его наготу и защитить отъ холода.

Предположимъ обратный случай. Ни золота, ни серебра нѣтъ на земномъ шарѣ, но всѣ люди трудятся весьма усердно надъ про-

Digitized by Google

изводствомъ предметовъ главной необходимости: одинъ пашетъ и сѣетъ, другой шьетъ сапоги, третій платье, четвертый куетъ; однимъ словомъ, каждый отдѣльный человѣкъ работаетъ весьма прилежно, и у каждаго скопился весьма значительный запасъ предметовъ его производства. Но кузнецу, надѣлавшему сотни тысячъ гвоздей и подковъ, недостаточно для жизни однихъ своихъ издѣлій— ему нуженъ хлѣбъ, нужна одежда. И вотъ кузнецъ идетъ къ земледѣльцу, чтобы выменять на гвозди и подковы хлѣбъ, а съ портнымъ думаетъ устроить мѣну на платье. Между тѣмъ ни земледѣльцу, ни портному не нужны гвозди и подковы, и кузнецъ остается безъ хлѣба и платья. Чтобы добыть то и другое, кузнецу нужно найти человѣка, нуждающагося въ гвоздяхъ. Оказывается, что они необходимы сапожнику; кузнецъ мѣняется съ нимъ на сапоги и несетъ ихъ къ земледѣльцу, который нуждался въ обуви, и наконецъ только достаетъ себѣ хлѣбъ. Столько же ему хлопотъ и съ портнымъ, потому что этотъ не хочетъ ни гвоздей, ни хлѣба, ни сапоговъ, а соглашается на мѣну только въ томъ случаѣ, когда ему предложатъ сукно и дрова.

Такимъ образомъ, хотя при отсутствіи денегъ люди не умрутъ съ голоду и не замерзнутъ, но мѣна натурой представляетъ такія неудобства и такъ сложна, что у каждаго производителя пропадетъ по-крайней мѣрѣ четверть его рабочаго времени на пріисканіе того, что ему нужно. Вся причина въ томъ, что каждый предметъ мѣны годенъ только для одного опредѣленнаго назначенія — сапоги для обуви, платье для одежды, хлѣбъ для пищи; поэтому кому нужна пища, тотъ не возьметъ сапоговъ; а кому нужны сапоги, тотъ не возьметъ платья. Чтобы избѣгнуть хлопотъ и потери времени, неизбѣжныхъ при мѣнѣ натурой, нужно было найти такой предметъ, который бы самъ по себѣ имѣлъ цѣну и могъ быть обмѣниваемъ на всѣ остальные. Такимъ мѣновымъ знакомъ и служатъ деньги. Удобство ихъ въ томъ, что они чрезвычайно облегчаютъ и сокращаютъ трудъ мѣны.

Слѣдовательно очевидно, что деньги только мѣновой знакъ, облегчающій людямъ ихъ экономическія сдѣлки. Много или мало въ странѣ денегъ, — отъ этого не прибавится у нея ни хлѣба, ни сапоговъ, ни одежды больше того, что страна производитъ, и малое количество денегъ сдѣлаетъ также свое дѣло какъ и большое. Если страна заготовляетъ предметовъ мѣны на милліонъ рублей, а денегъ у нея

Digitized by Google

такіе милліонъ, то онѣ сдѣлаютъ оборотъ одинъ разъ; но если, производя на милліонъ, страна имѣетъ деньгами только двѣсти тысячъ, то деньги обернутся пятьразъ. Въ этомъ и вся разница. Разумѣется, покупательная сила денегъ будетъ въ этихъ случаяхъ неодинаковая. Когда ихъ много, нужно и давать ихъ больше за предметы, т. е. деньги дешевѣютъ, а предметы становятся дороже; когда же денегъ мало, то случается обратное явленіе — деньги дорожаютъ, а предметы дешевѣютъ. Но мы говоримъ здѣсь не объ этомъ; мы хотимъ сказать только, что деньги, считаемыя въ общежитіи богатствомъ, сами по себѣ несоставляютъ богатства. Богатство страны заключается въ ея производительныхъ силахъ и въ тѣхъ полезныхъ и необходимыхъ для жизни предметахъ, которые составляютъ результатъ общенароднаго труда. Чѣмъ страна производитъ такихъ полезныхъ предметовъ больше, тѣмъ она богаче; чѣмъ производитъ ихъ она менѣе, тѣмъ бѣднѣе.

Къ труду побуждаетъ человѣка необходимость удовлетворенія матеріальныхъ потребностей. Человѣкъ хочетъ пить, ѣсть, устроить себѣ разныя удобства. И какъ вся жизнь человѣка сводится къ удовлетворенію потребностей его тѣла, то человѣческую жизнь и нужно разсматривать, какъ постоянную экономическую дѣятельность. Этой дѣятельности посвященъ весь трудъ людей. Человѣкъ самостоятельный, живущій своимъ личнымъ трудомъ, а не чужими руками, работаетъ для того, чтобы ему было сытно, тепло и спокойно. Все что мѣшаетъ этому — мѣшаетъ экономической дѣятельности и ведетъ къ бѣдности и ея неизбѣжнымъ послѣдствіямъ, которыя моралисты и идеалисты могутъ называть какъ имъ угодно.

Такимъ образомъ матеріальная потребность вызываетъ трудъ, и если каждый человѣкъ имѣетъ полную свободу по всѣмъ направленіямъ своей экономической дѣятельности, то въ странѣ является то изобиліе предметовъ, для удовлетворенія разныхъ людскихъ нуждъ, которое зовется богатствомъ. Но такой свободы на континентѣ Европы нѣтъ; поэтому ни одинъ человѣкъ не производитъ здѣсь того, что бы онъ могъ произвести при той же самой потерѣ силъ.

Сущность всѣхъ помѣхъ, задерживающихъ экономическую дѣятельность людей, есть стѣсненіе ихъ свободы располагать своимъ трудомъ. Человѣкъ, лишенный свободы и самостоятельности дѣйствій, производитъ всѣхъ предметовъ тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе онъ стѣсненъ. И въ этомъ недостаткѣ свободы располагать своимъ трудомъ — главная причина бѣдности народовъ. Чего могутъ

Digitized by Google

достигнуть люди при полной экономической независимости, показываютъ Соединенные Американскіе Штаты. Всѣ указываютъ на нихъ, какъ на примѣръ замѣчательнаго по быстротѣ и силѣ экономическаго развитія народа; указываютъ и Французы, и Англичане, и Итальянцы, и Нѣмцы. Но скажите, Нѣмцы, что мѣшаетъ вамъ устроить и у себя подобную же свободную экономическую дѣятельность? Нѣмецкое простонародье, промышленные и торговые люди знаютъ причину этого; но знаютъ также и нѣмецкіе, бароны, кому будетъ невыгодна свободная дѣятельность. Извѣстный случай,—когда изъ боязни, что съ освобожденіемъ крестьянъ казенные горные промыслы останутся безъ рабочихъ, заграничные нѣмцы давали освободившимся рабочимъ нарочно такъ мало земли, чтобы они не могли ею существовать и были бы принуждены наниматься въ горную работу. Бароны поступали такъ на основаніи извѣстныхъ имъ политическихъ соображеній, находившихся въ очевидномъ разладѣ съ принципами экономическими. За подобныя ошибки приходится обыкновенно расплачиваться въ тѣ трудныя минуты государственной жизни, когда недостатокъ денежныхъ средствъ приноситъ всѣмъ большое бѣдствіе. Но подобныя бѣдствія рѣдко служатъ уроками тѣмъ лицамъ, кому они наиболѣе нужны, и ихъ экономическія понятія, заслоняемыя обыкновенно другими соображеніями, не становятся отъ того шире.

Въ какой степени даже малѣйшія задержки, останавливающія или стѣсняющія экономическую дѣятельность, обнаруживаютъ вліяніе на общее благосостояніе, читатель можетъ увидѣть изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ. Положимъ, что императоръ французовъ въ какой-нибудь рѣчи выразилъ мысль, возбудившую общее безпокойство и ожиданіе войны. Кого поражаетъ больше всѣхъ боязнь? Разумѣется, не правительства. Сильнымъ правительствамъ бояться нечего; у нихъ есть войско и военные запасы, слѣдовательно война для нихъ не страшна. Боязнь поражаетъ производительные классы — земледѣльцевъ, ремесленниковъ, фабрикантовъ, купцовъ. Всякій изъ нихъ боится матеріальныхъ потерь, всѣ встревожены, ждутъ бѣды и всѣ дѣла начинаютъ идти тише, потому что каждый, боясь невѣрнаго будущаго, ослабляетъ свою дѣятельность, чтобы его трудъ не пропалъ даромъ. Если отъ того, что всѣ дѣла пошли вдругъ тише, и банкирскія, и торговыя, и промышленныя, и земледѣльческія, каждый человѣкъ уменьшитъ свой трудъ въ день только на полъ-копѣйки (мы беремъ нарочно самую малую цифру), то въ день, при 277 милліонномъ на-

Digitized by Google

селенія Европы, это составитъ 1,385,000 рублей, а каждый мѣсяцъ подобнаго тревожнаго ожиданія будетъ стоить европейскому населенію — 41,550,000 рублей. Теперь другой примѣръ, но совершенно иного свойства. Всякая перемѣна въ жизни человѣка заставляетъ его обратить часть своего времени на знакомство съ новымъ для него положеніемъ. Если свободнаго времени для этого нѣтъ, то нужно занять его изъ рабочихъ часовъ, и вообще приходится ослабить свою экономическую дѣятельность. Манифестъ 19 февраля 1861 г. далъ нашимъ крестьянамъ новую умственную работу; пришлось не только подумать о новыхъ условіяхъ жизни, но иногда и переселяться съ одного мѣста на другое, участвовать въ работахъ по размежеванію и нарѣзкѣ, по составленію уставныхъ грамотъ, при выборѣ сельскихъ властей и т. д. Однимъ словомъ, явилась работа небывалая, для которой потребовалось и особое время, и рабочія руки. Разумѣется, трудно опредѣлить точной цифрой на сколько, вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, сократился трудъ каждаго отдѣльнаго крестьянина. Но если, держась минимума, мы допустимъ, что каждый помѣщичій крестьянинъ произвелъ въ годъ хлѣба только на одну четверть менѣе — мы беремъ хлѣбъ только для примѣра, хотя трудъ сократился во всѣхъ вѣтвяхъ крестьянскаго производства — въ такомъ случаѣ на 12 м. мужскаго населенія это составитъ въ два года 24 м. четвертей,-или переводя на деньги и принимая четверть въ три рубли — 72,000,000 рублей. Но ослабленіе дѣятельности одного человѣка ослабляетъ и дѣятельность другого, находящагося съ нимъ въ экономической связи, слѣдовательно замедляетъ производительность всей страны, а потому едва-ли будетъ ошибкой, если сокращеніе общей экономической дѣятельности мы оцѣнимъ въ 100,000,000 рублей. Къ этому нужно присоединить еще разныя неудавшіяся предпріятія нашихъ акціонерныхъ компаній, зарывшихъ свои капиталы въ землю. Все это повело къ оскудѣнію труда, къ общему сокращенію доходовъ, къ затишью въ торговлѣ. Разумѣется, все это имѣетъ только временное значеніе и съ установленіемъ новыхъ отношеній измѣнится къ лучшему противъ прежняго. Тѣмъ не менѣе затишье произошло все-таки отъ приведенныхъ нами причинъ.

Всѣ обстоятельства,—какъ бы онѣ ни были незначительны по видимому, но если ими стѣсняется или задерживается дѣятельность каждаго отдѣльнаго человѣка,—имѣютъ вліяніе на большую или меньшую

Digitized by Google

успѣшность труда населенія страны. Кромѣ задержекъ, представляемыхъ учрежденіями, напримѣръ: стѣсненіемъ свободнаго переселенія земледѣльцевъ изъ мѣстности для нихъ неудобной въ мѣстность болѣе плодородную; обременительнымъ способомъ взиманія налоговъ, неудовлетворительнымъ состояніемъ и дороговизной судопроизводства,—экономическая дѣятельность народа можетъ встрѣтить помѣху еще и во внѣшнихъ условіяхъ страны, замѣдляющихъ обмѣнъ продуктовъ. Сюда принадлежатъ, между прочимъ, такъ называемые пути сообщенія. Желѣзныя дороги, разумѣется, облегчаютъ много торговое движеніе, но они приносятъ пользу только сбыту легкихъ фабричныхъ издѣлій; для громоздкихъ же предметовъ желѣзныя дороги не представляютъ никакой выгоды. Напримѣръ, дрова возить по нимъ совершенно не разсчетъ, и подъ Петербургомъ, не смотря на высокую цѣну топлива въ столицѣ, доставка его за 80 верстъ идетъ уже въ убытокъ. Тоже самое относительно хлѣба. Поэтому для земледѣльческаго населенія будутъ играть по прежнему важную роль водяныя сообщенія и хорошія почтовыя и проселочныя дороги. Со времени изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ на шоссе стали вообще обращать самое незначительное вниманіе. Люди, находящіе выгоды желѣзныхъ дорогъ въ томъ, что ѣзда по нимъ пріятнѣе, спокойнѣе и выгоднѣе, чѣмъ въ почтовыхъ экипажахъ, съ своей точки зрѣнія, разумѣется, правы. Но они забываютъ, что пріятность ѣзды еще не главная выгода желѣзныхъ дорогъ, и что если сто тысячъ народу выигрываютъ что нибудь отъ быстроты и дешевизны сообщенія, то для десятковъ милліоновъ земледѣльческаго населенія желѣзныя дороги рѣшительно несуществуютъ, потому что не приносятъ ему никакой выгоды. У насъ, напримѣръ, желѣзныя дороги существуютъ между Москвой и Петербургомъ, Петербургомъ и Западной границей. Уже изъ этого одного видно, что дороги эти имѣютъ неособенно важное значеніе для земледѣльческаго населенія. Шоссе занимаютъ у насъ около 6,000 верстъ, а остальныя большія натуральныя дороги 85,000 верстъ. Если же всѣ проселки между селеніями имѣютъ протяженіе только въ десять разъ болѣе противъ большихъ дорогъ (мы взяли минимумъ), въ такомъ случаѣ проселочныя и нешоссированныя почтовые тракты представляютъ длину въ 935,000 верстъ. Чтобы устроить шоссе на всемъ этомъ протяженіи, потребовалось бы, по меньшей мѣрѣ, 3,000,000,000 рублей. По этой цифрѣ читатель можетъ заключить о степени невозможности подобнаго предпріятія. Но невозможность заключается един-

Digitized by Google

ственно въ одновременномъ превращеніи простыхъ дорогъ въ шоссе, а не въ постепенномъ улучшеніи сообщеній, начиная съ путей болѣе важныхъ. Приблизительную потерю труда отъ дурныхъ дорогъ можно опредѣлить слѣдующимъ разсчетомъ. Если для уплаты податей и другихъ денежныхъ расходовъ каждый крестьянинъ долженъ продать только 10 четвертей хлѣба, и для этого съѣздитъ на ближайшій рынокъ, отстоящій только за 30 верстъ отъ его деревни, то, соображая силы лошади и качество дороги, можно увести 10 четвертей на $2^1/_2$ возахъ; положимъ даже на двухъ. Такіе два пути, туда и обратно, потребуютъ ровно двухъ сутокъ; и это еще счастливо. По шоссе $2^1/_2$ воза уложится на $1^1/_2$, слѣдовательно во времени составится экономіи полъ-дня, а на 30 мил. мужескаго земледѣльческаго населенія 15,000,000 дней; считая день съ лошадью въ 40 к., выходитъ 6,000,000 рублей. И это только отъ двухъ концевъ въ годъ, по дорогѣ въ 30 верстъ. Дороги въ жизни земледѣльца играютъ роль чрезвычайно важныхъ экономическихъ помѣхъ — онъ возитъ сѣно, хлѣбъ, дрова къ себѣ домой, онъ возитъ ихъ на продажу. Крестьянинъ—земледѣлецъ проводитъ почти половину своего вѣка въ перевозкѣ продуктовъ своего труда съ мѣста на мѣсто, и въ этой половинѣ жизни расходуются огромныя силы на достиженіе самаго ничтожнаго результата.

Внѣшній видъ страны находится всегда въ полной гармоніи со всѣми условіями жизни земледѣльца. При неразвитомъ земледѣльческомъ бытѣ, гдѣ крестьянинъ производитъ лично почти все ему необходимое, успѣшность труда зависитъ вполнѣ отъ средствъ и способовъ производства, какими располагаетъ земледѣлецъ. Онъ пашетъ дурно, потому что его орудія плохи; его сѣвъ, жатва, молотьба, вѣяніе поглощаютъ слишкомъ много труда, потому что все это дѣлаетъ онъ способами слишкомъ несовершенными и медленными; отъ этого, сравнительно съ потраченнымъ трудомъ, онъ получаетъ хлѣба мало; отъ того, что у него мало хлѣба и корму для скота, — лошадь его малосильна; малосильная лошадь по дурной дорогѣ везетъ возъ слишкомъ малый, и вмѣсто одной поѣздки приходится дѣлать двѣ; продажа малаго количества хлѣба даетъ мало денегъ, которыхъ едва достаетъ на потребности семьи и на уплату податей; невозможность дѣлать сбереженія и употреблять ихъ на улучшеніе и усиленіе земледѣлія лишаетъ земледѣльца и возможности развиваться умственно, потому что всѣ силы его поглощаются неуспѣшнымъ трудомъ.

Digitized by Google

Отсутствіе досуга для умственнаго развитія лишаетъ человѣка предусмотрительности и способности судить о предметахъ болѣе отдаленныхъ, но тѣмъ не менѣе сильно вліяющихъ на бытъ земледѣльца. И вотъ съ новой весной онъ принимается опять за свои негодныя земледѣльческія орудія; опять пашетъ плохо, опять получаетъ хлѣба мало, опять лошаденка его везетъ маленькій возъ, опять денегъ мало, и эта исторія повторяется почти безъ измѣненій изъ года въ годъ, и человѣкъ вертится, какъ бѣлка въ колесѣ. Въ странахъ съ развитымъ земледѣльческимъ бытомъ замѣчается явленіе противуположное. Хорошія орудія и способы земледѣлія, сильныя лошади, хорошія дороги сберегаютъ земледѣльцу столько труда, что земледѣлецъ — собственникъ имѣетъ возможность жить не только хорошо, но давать воспитаніе своимъ дѣтямъ, читать газеты и журналы, нести большія общественныя подати и повинности. Богатъ земледѣлецъ — богата и страна; бѣденъ земледѣлецъ — и страна бѣдна, потому что основную силу страны составляютъ не единичные фабриканты, или богатые купцы, а сельское производительное населеніе, считаемое обыкновенно милліонами. Каждая единица этого милліона есть производительная сила. Если болѣе совершенный бытъ даетъ земледѣльцу возможность употреблять сбереженную силу на увеличеніе производства, и если въ день такое сбереженіе во всемъ расходѣ силъ человѣка составитъ полкопѣйки, то, взявъ для примѣру населеніе въ 70 милліоновъ, явится въ день экономіи 350,000, а въ годъ 126,000,000 рублей. Чтобы не пугать читателя такими большими числами, мы допустимъ, что все сбереженіе составило въ годъ не болѣе 70 м. Когда подобное сбереженіе силъ будетъ продолжаться изъ года въ годъ, и излишекъ будетъ обращаться на усиленіе производства полезныхъ предметовъ, то въ теченіи тридцати лѣтъ вся усилившаяся продуктивность народа, переведенная на деньги, составила бы 3,613,610,000 рублей. Такимъ образомъ самое незначительное повидимому сбереженіе въ трудѣ каждаго отдѣльнаго человѣка ведетъ къ поразительнымъ по своимъ размѣрамъ результатамъ. Вотъ въ чемъ и причина такого быстраго развитія матеріальнаго благосостоянія Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ. Тутъ нѣтъ ни волшебства, ни чудесъ, а просто возможность свободной экономической дѣятельности и свободнаго развитія силъ при экономическомъ и разсчетливомъ расходѣ труда каждаго отдѣльнаго человѣка. На этотъ вопросъ не обращаютъ обыкновенно

Digitized by Google

достаточнаго вниманія,—одни по невѣдѣнію, другіе потому, что воображаютъ, будто бы есть на свѣтѣ соображенія болѣе важныя, чѣмъ экономическія. Люди подобныхъ отсталыхъ понятій не умѣютъ обыкновенно цѣнить трудъ другого человѣка, и если обстоятельства даютъ имъ возможность обнаруживать свое вліяніе на людей, то вліяніе это имѣетъ въ экономическомъ отношеніи самый разрушительный характеръ. Самымъ блестящимъ представителемъ этого сорта людей служитъ въ настоящее время Наполеонъ III; онъ нищаетъ Францію не только тѣмъ, что онъ усилилъ необычайно армію и военные расходы своими постоянными войнами, но увеличиваетъ еще и долги Франціи въ такомъ размѣрѣ, что она въ этомъ отношеніи превзойдетъ, разумѣется, скоро Англію. Но Наполеонъ убыточенъ не для одной Франціи; вся Европа теряетъ чрезъ него ежегодно сотни милліоновъ, вслѣдствіе постоянныхъ тревожныхъ ожиданій и постояннаго вооруженія. Подобные Наполеоны, но только въ меньшемъ размѣрѣ, весьма обыкновенны въ повседневной жизни. Ихъ своекорыстныя соображенія мѣшаютъ имъ смотрѣть правильно на основныя причины человѣческихъ побужденій и пренебрегать этими причинами. Если подобные Наполеоны являются въ литературѣ, а они есть вездѣ, то дѣлаются защитниками отсталыхъ, тупыхъ мыслей, и, при своей кажущейся благонамѣренности, проповѣдуютъ вещи безнравственныя, т. е. экономически вредныя для большинства, а слѣдовательно и для всей страны.

Но для увеличенія богатства страны еще недостаточно одного экономнаго расхода труда, при которомъ съ наивозможно-меньшей тратой силъ достигаются самые выгодные результаты; нужно еще, чтобы силы каждаго отдѣльнаго производителя были направлены на производство предметовъ, дѣйствительно необходимыхъ для населенія. Если въ данной странѣ земледѣльческое населеніе нуждается въ сапогахъ, или въ сукнѣ для теплой одежды, и не можетъ быть удовлетворено въ этомъ вполнѣ, потому что ремесленники отвлечены изготовленіемъ искуственныхъ цвѣтовъ и искуственнаго жемчуга для охотницъ до баловъ, то, разумѣется, занятіе этихъ рабочихъ, для нихъ можетъ быть и выгодное, невыгодно для цѣлой страны, потому что сапоги и теплое платье нужнѣе жемчуга. Точно также если у страны недостаетъ хлѣба для собственнаго продовольствія, то, разумѣется, для нея будетъ невыгодно, когда часть земледѣльцевъ, бросивъ свои пашни, займется изготовленіемъ ликеровъ или музыкальныхъ ин-

Digitized by Google

струментовъ. Каждый подобный трудъ идетъ въ убытокъ странѣ, потому что имъ не только отвлекаются руки отъ занятій ближайшей необходимости, но еще усиливается трудъ людей, занятыхъ полезными производствами. Они должны работать и для себя и для тѣхъ, кто занятъ дѣломъ ненужнымъ. Въ цѣломъ страна отъ этого бѣднѣетъ.

Чтобы экономическое развитіе народа было возможно въ своей полной силѣ, нужно, чтобы каждый отдѣльный человѣкъ приносилъ возможно большую пользу этому развитію. Если человѣкъ не приноситъ подобной пользы, онъ идетъ въ убытокъ своей странѣ. Смотря по отношенію въ числѣ между людьми полезными и убыточными, и экономическій погрессъ страны будетъ болѣе или менѣе быстръ. Здѣсь совершается тоже, что и въ частномъ хозяйствѣ каждаго отдѣльнаго человѣка:—если люди потребляютъ болѣе, чѣмъ они производятъ, является нужда, бѣдность, долги, банкротство; если производится болѣе, чѣмъ потребляется, то создается то изобиліе и разнообразіе въ удовлетвореніи потребностей, которое зовется богатствомъ. Чтобы страна шла къ богатству, нужно, чтобы въ ней было какъ можно менѣе безполезныхъ людей и чтобы производительныя силы находились въ самомъ выгодномъ отношеніи по роду ихъ занятій.

Купцы при теперешнемъ порядкѣ необходимы для экономической гармоніи, но если ихъ больше, чѣмъ нужно, то, разумѣется, они приносятъ странѣ больше потерь, чѣмъ выгоды. Невыгоду подобнаго сочетанія производителей и потребителей къ посредникамъ т. е. купцамъ можно увидѣть въ любомъ большомъ городѣ Европы, и особенно у насъ въ западныхъ губерніяхъ между евреями. Парижъ и Брюссель конечно должны удивлять путешественниковъ развитіемъ своей мелочной торговли и обиліемъ магазиновъ, которые украшаютъ и оживляютъ эти города. Но этихъ магазиновъ во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ нужно. Излишнее обиліе торговцевъ не выгодно и для потребителей и для страны: для потребителей невыгода въ томъ, что при излишне мелочной торговлѣ цѣны обыкновенно возвышаются, потому что продавцу нужно выручить съ своего капитала процентъ, необходимый и для продолженія оборотовъ и для собственнаго существованія, слѣдовательно на малый капиталъ берется большой процентъ. Торговые обороты такихъ мелочныхъ торговцевъ бываютъ обыкновенно весьма скудны, а средства для существованія еще скуднѣе, такъ что многіе изъ хозяевъ блестящихъ и ярко освѣщенныхъ газомъ ма-

Digitized by Google

газиновъ, окончивъ свои дневныя занятія, отправляются въ седьмые этажи и тамъ, при свѣтѣ сальныхъ огарковъ, питаются вареньмъ картофелемъ. Для страны было бы выгоднѣе, если бы подобные торговцы — тотъ же самый картофель, которымъ они питаются и который воздѣлываютъ для нихъ другіе, добывали бы собственными своими руками. Въ странѣ явилось бы болѣе пищи, и слѣдовательно болѣе средствъ для производства и другихъ полезныхъ предметовъ. Теперь же изъ за мелочныхъ торговцевъ, превышающихъ числомъ дѣйствительную въ нихъ необходимость, земледѣлецъ долженъ работать болѣе, чтобы накормить и себя и голоднаго торговца, который своей коммерціей не создаетъ рѣшительно ни одного полезнаго предмета. Еще очевиднѣе этотъ фактъ на нашихъ евреяхъ. Маленькое еврейское мѣстечко кишма-кишитъ торговцами; каждый еврей — купецъ, каждая еврейка — купчиха. И чѣмъ торгуютъ люди? Одинъ носится цѣлый вѣкъ съ двумя кусками мыла и одной банкой помады; другой продаетъ ваксу, и тоже всего три банки; у третьяго весь товаръ заключается въ одной старой шляпкѣ и двухъ старыхъ картузахъ. И люди торгуютъ весь свой вѣкъ, и люди сыты и одѣты — значитъ торговля выгодна. Но спросите, что ѣстъ этотъ человѣкъ и его многочисленная семья; во что они одѣты, какъ зловредна для ихъ здоровья конура, служащая имъ помѣщеніемъ? Благонамѣренный и ученый администраторъ можетъ замѣтить на это, что люди не жалуются, значитъ они довольны и по своему счастливы. Пусть такъ;только мы говоримъ не объ ихъ довольствѣ и воображаемомъ ими счастьи, а объ убыточности для страны ихъ занятія. Если въ продажѣ обращается положимъ триста кусковъ мыла, и все это количество назначается на потребности трехъ городовъ, то для продажи совсѣмъ ненужно сто торговцевъ, когда такую же услугу обществу могутъ оказать и шесть человѣкъ. Если въ странѣ сто земледѣльцевъ и тридцать ремесленниковъ, и для продажи ихъ издѣлій явилось пятьдесятъ купцовъ, то ни для земледѣльцевъ, ни для ремесленниковъ, ни даже для самихъ купцовъ это не будетъ выгодно. Сто земледѣльцевъ должны заготовить хлѣбъ и для собственнаго прокормленія, и для прокормленія тридцати ремесленниковъ и 50-ти купцовъ; а 30-ть ремесленниковъ должны удовлетворить всѣмъ остальнымъ потребностямъ купцовъ и земледѣльцевъ. Купцы же, не производя лично ни одного полезнаго предмета, будутъ заниматься только перепродажей того, что сдѣлали другіе. Если подобная мѣна можетъ быть произведена 25-ю человѣ-

Digitized by Google

ками вмѣсто 50-ти; а 25 излишнихъ купцовъ займутся земледѣліемъ и ремеслами, то очевидно, что этимъ не только облегчится трудъ прежнихъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, но и въ странѣ явится болѣе полезныхъ предметовъ; слѣдовательно благосостояніе страны возрастетъ. Положимъ, что при прежнемъ распредѣленіи занятій страна хотя и удовлетворяла безъ нужды всѣмъ потребностямъ въ главныхъ предметахъ жизни, но у нея недоставало ни средствъ, ни времени на украшеніе жизни. Съ обращеніемъ же половины купцовъ къ производительному труду явилась возможность устроить театръ и завести зеркальную фабрику. Очевидно, что страна выиграла. Торговля всѣмъ прибыльна и легкое занятіе для того, кто ею занимается; ноизъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы все наличное число купцовъ, ихъ приказчиковъ, коммиссіонеровъ и мальчиковъ, находящихся въ какой нибудь странѣ, было дѣйствительно необходимо для ея благостоянія. Купецъ настолько выгоденъ для страны, на сколько необходимъ; чѣмъ меньше эта необходимость, тѣмъ меньше выгода, потому что купецъ—паразитъ, онъ лично не производитъ ни одного полезнаго предмета: — онъ служитъ только посредникомъ между производителемъ и потребителемъ. Если бы всѣ охтенскіе столяры и другіе столярные мастера, работающіе на всѣ мебельныя лавки гостинаго и апраксина дворовъ, завели бы въ Петербургѣ магазины отъ себя, то очевидно, что это было бы прибыльнѣе и столярамъ и покупателямъ. Мебельные же купцы не потеряли бы при этомъ ничего, потому что обратили бы свои капиталы на производство какихъ нибудь другихъ предметовъ, не менѣе выгодныхъ, чѣмъ мебель, и страна отъ этого, разумѣется, выиграла бы, потому что въ ней явились бы новые предметы потребленія, которыхъ прежде не было. Значитъ богатство бы увеличилось.

Это же основаніе примѣняется вполнѣ и ко всѣмъ остальнымъ членамъ населенія страны. Каждый отдѣльный человѣкъ въ такой степени выгоденъ, въ какой онъ увеличиваетъ общую экономическую производительность. Если человѣкъ не производитъ ничего самъ лично и не способствуетъ ничѣмъ производству, въ такомъ случаѣ онъ идетъ въ убытокъ своей странѣ, которая кормитъ его даромъ. При современныхъ условіяхъ европейскаго общежитія, разумѣется, не каждый человѣкъ можетъ заняться лично такимъ трудомъ, результатомъ котораго былъ бы непремѣнно какой—нибудь полезный предметъ. Тѣмъ не менѣе общественная обязанность каждаго заключает-

Digitized by Google

ся въ томъ, чтобы, смотря по роду своихъ занятій, содѣйствовать всѣми силами къ усиленію общаго благосостоянія и устранять тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ ему. Кто не дѣлаетъ этого, тотъ для страны убыточенъ, потому что нѣтъ въ государствѣ такихъ занятій, которое бы не находилось въ прямой связи съ общей экономической дѣятельностью и не имѣло своей цѣлью успленіе средствъ страны и увеличеніе общаго благосостоянія и благополучія; слѣдовательно человѣкъ, дѣйствующій въ противномъ направленіи, будетъ помѣхой экономическому прогрессу.

Такимъ образомъ въ каждой странѣ, кромѣ непосредственныхъ производителей полезныхъ предметовъ, есть еще люди, содѣйствующіе экономическому развитію косвеннымъ путемъ. Сюда относятся всѣ тѣ, кто обезпечиваетъ безопасность производителей и тѣ, кто способствуетъ увеличенію и развитію экономическихъ силъ и способностей народа. Къ охранителямъ принадлежатъ всѣ административные органы страны, полиція и судъ, военная сила и лица, имѣющія спеціальной своей обязанностью наблюденіе за совѣстью людей и умственное ихъ развитіе.

Если бы не существовало безопасности, то развитіе экономическихъ силъ народа было бы невозможно. Безопасность можетъ быть внутренняя и внѣшняя. Въ благоустроенныхъ обществахъ вся цѣль внутренней организаціи управленія заключается въ томъ, чтобы доставить людямъ полный внутренній миръ и спокойствіе, и полную свободу всесторонняго экономическаго развитія. Когда люди не увѣрены въ томъ, чѣмъ они владѣютъ; когда является насилie, воровство, грабежъ; когда никто не смѣетъ владѣть значительной собственностью безъ того, чтобы не возбудить алчности власти—для такихъ странъ экономическій прогрессъ не возможенъ. Это мы видимъ на магометанскихъ и африканскихъ государствахъ. Въ Европѣ порядки иные, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы администрація, полиція и судъ каждаго европейскаго государства сотвѣтствовали бы вполнѣ принципамъ экономической науки. Англія имѣетъ лучшую полицію, и такъ увѣрена въ хорошей организаціи своего полицейскаго управленія, что наложила даже пошлину на цѣпныхъ собакъ. Когда парламенту возражали, что собаки нужны для охраненія домовъ, парламентъ отвѣтилъ—«тамъ, гдѣ хорошая полиція, другія средства охраненія излишни». Такъ отвѣчать можетъ не всякое государство. Поэтому экономическая польза административной и судебной власти

Digitized by Google

неодинакова въ разныхъ государствахъ. Чѣмъ дѣйствительнѣе и дешевле полицейское охраненіе, чѣмъ дешевле и справедливѣе судъ, чѣмъ дешевле и умнѣе администрація, тѣмъ они выгоднѣе въ экономическомъ отношеніи и тѣмъ богатѣетъ скорѣе страна. Особенно важную роль въ этомъ случаѣ играютъ судъ и администрація. Значеніе суда понятно всѣмъ, и всѣ одинаково знаютъ, чего нужно ожидать и требовать отъ хорошаго суда; но относительно значенія администраціи понятія гораздо смутнѣе. Многіе полагали, что дѣло администраціи направлять и руководить экономической дѣятельностью страны; иначе сказать, нетолько вмѣшиваться въ дѣла людей, но даже заставлять ихъ обращаться къ тому или другому труду. Такое руководительство, какъ извѣстно, никогда не приводило къ тѣмъ результатамъ, какихъ ожидали, — не потому, чтобы административное вмѣшательство было противно принципу экономическихъ отношеній власти къ народу, а единственно потому, что администрація ошибалась относительно характера вмѣшательства. Она полагала, что лучше понимаетъ потребности и нужды людей, и что слѣдовательно ея святая обязанность наставить неразумныхъ и темныхъ людей на путь истины. Смѣшивая понятія о необходимыхъ потребностяхъ и о роскошп, администрація нерѣдко заводила или поощряла устройство ковровыхъ, зеркальныхъ и тому подобныхъ фабрикъ въ то время, какъ масса населенія не имѣла хлѣба и ходила безъ сапогъ. Не слѣдуетъ думать, чтобы такъ дѣйствовала одна Франція, которую чаще другихъ приводятъ экономисты въ примѣръ административнаго дурачества. Неудачи подобныхъ вмѣшательствъ побудили цѣлую экономическую школу утверждать, что каждаго экономическаго производителя нужно предоставить вполнѣ самому себѣ—пусть дѣлаетъ, что хочетъ. Защитникамъ такого взгляда на экономическія отношенія общества къ отдѣльнымъ людямъ казались даже справедливыми калмыцкіе нравы, по которымъ давался полный просторъ личному экономическому произволу и экономическому насилію. Понятно, что экономисты въ этомъ случаѣ ошибались, смѣшивая личную пользу съ выгодою всѣхъ. Административное вмѣшательство возможно хотя и не въ томъ видѣ какъ оно обыкновенно проявлялось до сихъ поръ. Администраціи не зачѣмъ брать на себя роль наставника и руководителя, потому что эту роль исполняетъ, съ большимъ успѣхомъ, особый экономическій факторъ, представляемый умственнымъ элементомъ страны; но ея значеніе въ томъ, чтобы устранять

Digitized by Google

всѣ обстоятельства, мѣшающія экономическому прогрессу. Что для страны производить выгоднѣе—кортофель, рѣпу, хлопчатую бумагу или сахарный тростникъ,—страна опредѣлитъ сама; она же знаетъ, выгоднѣе ли ей дѣлать обыкновенное сукно для людей ремесленнаго сословія, или бархатъ для богатыхъ барынь. Но страна при существующихъ въ наше время основахъ общественной жизни не можетъ сама собой измѣнить многія условія, мѣшающія общему благоденствію; тутъ-то и нужна помощь администраціи. Если производство брильянтовыхъ украшеній и добываніе жемчуга отвлекаетъ столько рабочихъ рукъ, что въ странѣ являются бѣдняки, неимѣющіе хлѣба и одежды, то очевидно, что приготовленіе предметовъ роскоши составляетъ сильную помѣху общему благоденствію. Лишеніе богачей, которые перестанутъ носить алмазы и жемчугъ, нельзя, разумѣется, сравнить съ лишеніемъ въ хлѣбѣ и одеждѣ, поэтому понятно, что администрація должна устранить ту причину, по которой люди лишаются предметовъ первой необходимости, чтобы въ странѣ не было голодныхъ людей. Какимъ путемъ удобнѣе, выгоднѣе и безобиднѣе достигать подобныхъ цѣлей—составляетъ настоящую задачу администраціи. Къ ея же сферѣ дѣятельности будетъ относиться и устраненіе тѣхъ препятствій, которыя мѣшаютъ людямъ достигать экономической самостоятельности. Для всякаго предпріятія нуженъ капиталъ, и нерѣдко только его отсутствіе мѣшаетъ людямъ устроивать промышленныя ассоціаціи. Въ такихъ случаяхъ вмѣсто самостоятельной экономической жизни люди влачатъ жалкое существованіе, находясь въ полной зависимости отъ эксплуатирующихъ ихъ фабрикантовъ и купцовъ. Экономическая теорія говоритъ, что такой порядокъ не выгоденъ для страны; она прибавляетъ, что для общаго благосостоянія нужно, чтобы каждый производитель былъ вполнѣ независимъ, т. е. чтобы не было батраковъ, а были бы только хозяева. Но какимъ путемъ ввести эту теорію въ практику, экономическая наука не говоритъ, предоставляя это дѣло администраціи. Такимъ образомъ, признавая неизбѣжность административнаго вмѣшательства, хорошей и выгодной для страны администраціей можно признать только ту, которая дѣйствительно устраняетъ помѣхи и способствуетъ экономическому благоденствію страны. Изъ изложеннаго нами можно видѣть, что задача администраціи вовсе не трудна, если только въ головѣ ея находятся люди, знакомые въ сущностью экономическихъ явленій и съ экономической наукой. Если въ евро-

Digitized by Google

пейскихъ государствахъ экономическая сущность жизни заслоняется такъ часто посторонними соображеніями, то это происходитъ вовсе не отъ важности этихъ постороннихъ соображеній, а единственно отъ недостаточнаго распространенія экономическихъ знаній.

Кромѣ внутренней защиты, представляемой производителямъ администраціей, полиціей, судомъ, нужна еще и защита отъ внѣшнихъ враговъ. Конечно необходимость подобной защиты въ наше время уже значительно ослабѣла, потому что нынѣшнія войны въ Европѣ не ведутся исключительно съ цѣлью грабежа, какъ это было нѣкогда. Впрочемъ не слѣдуетъ обольщаться и той мыслью, будто бы государства воюютъ изъ за идеи. Исторія Европы представляетъ только одинъ крупный примѣръ подобнаго рода — вмѣшательство Густава Адольфа въ тридцалѣтнюю войну; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ наступательныя войны происходили или изъ поводовъ мелочнаго личнаго самолюбія или изъ династическихъ интересовъ, или по другимъ своекорыстнымъ цѣлямъ. Изъ этого можно видѣть, что военныя силы каждой страны не служатъ исключительно для защиты экономическихъ интересовъ населеній. Если бы онѣ служили только для экономической защиты, то государства Европы были бы, разумѣется, гораздо богаче, чѣмъ они есть. Поэтому изъ общей массы расходовъ на военныя издержки, выгоднымъ для страны расходомъ можно признать только ту часть, которая употреблена на дѣйствительную защиту экономическихъ интересовъ; все остальное — чистый убытокъ. Мы не будемъ говорить ничего противъ тѣхъ побужденій, которыя вызывали войны; причины ихъ вѣроятно были достаточно уважительными, потому что нельзя же надѣлать безъ всякаго повода долговъ милліарды франковъ талеровъ и фунтовъ стерлинговъ и пролить кровь милліоновъ людей. Мы замѣтимъ только, что экономическія соображенія въ этихъ случаяхъ удостоивались самой незначительной доли вниманія, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда истощались всѣ средства къ продолженію войны. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы всѣ государства Европы держались въ этомъ случаѣ одной системы. Всѣ страны признаютъ одинаково тягость военныхъ расходовъ, но только не всѣ дѣлаютъ что нибудь для ихъ облегченія. Въ этомъ случаѣ Швейцарія представляетъ весьма отрадное явленіе, гдѣ военные интересы подчинены интересамъ экономическимъ. По швейцарской конституціи конфедерація не имѣетъ права содержать постоянной арміи; и каждый кантонъ, какъ бы онъ ни былъ великъ,

Digitized by Google

не можетъ имѣть болѣе 300 человѣкъ войска. Армія составляется только въ военное время, и въ такомъ случаѣ страна при 2 м. 400 т. населенія можетъ поставить 110,000 вооруженныхъ людей, не считая ополченія, въ которое долженъ идти всякій способный носить оружіе, не старѣе 44 лѣтъ. Расходы на военную часть составляютъ въ Швейцаріи только восьмую часть общаго расхода; тогда какъ въ другихъ государствахъ Европы они не бываютъ никогда менѣе одной трети, а иногда приближаются и къ половинѣ всего годичнаго государственнаго расхода. Мы констатируемъ только тотъ фактъ, что всѣ государства континентальной Европы содержатъ огромныя постоянныя арміи и расходуютъ на военныя надобности отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ всего государственнаго расхода, а Швейцарія постояннаго войска не держитъ, и на военныя нужды тратитъ только $^1/_8$ своихъ доходовъ. Какая изъ этихъ системъ болѣе выгодна — очевидно само собой. Но чтобы получить вполнѣ правильное понятіе о расходѣ общенароднаго труда на военныя надобности, приведеннаго нами разсчета недостаточно. Допустимъ, что каждое государство проводитъ четыре года въ мирѣ, а пятый употребляетъ на защиту себя противъ внѣшнихъ враговъ; въ этомъ случаѣ оно расходуетъ ежегодно въ теченіи четырехъ лѣтъ $^1/_3$ своихъ доходовъ для того, чтобы защищаться одинъ годъ; слѣдовательно дѣйствительно непроизводительный или убыточный расходъ составляетъ $^1/_4$ годичнаго дохода, въ каждые пять лѣтъ. Это значитъ, что государство, расходующее на свои военныя надобности ежегодно 100 м., тратитъ въ четыре года 400 м. только для того, чтобы получить въ пятый годъ услугъ на 100 милліоновъ.

Успѣшность экономической производительности общества зависитъ отъ усовершенствованія способовъ производства, воспитанія и развитія производительныхъ способностей людей и отъ степени распространенія между людьми правильнаго пониманія экономическихъ отношеній. Эту задачу выполняетъ та часть населенія, которая служитъ представительницей умственнаго элемента народа. Чтобы этотъ умственный элементъ достигалъ дѣйствительно своей цѣли и былъ выгоденъ для страны въ экономическомъ отношеніи, нужно, чтобы каждый отдѣльный ея представитель способствовалъ экономическому прогрессу. Если этого нѣтъ, то всякій, кто не способствуетъ успѣху — мѣшаетъ ему и, слѣдовательно, идетъ странѣ въ убытокъ. Изобрѣтатели всякихъ болѣе совершенныхъ способовъ производства,

Digitized by Google

ремесленные учителя и вообще всѣ наставники, способствующіе такому развитію понятій, которымъ бы облегчалось или усвоивалось ясное представленіе экономическихъ отношеній, составляютъ поэтому весьма важную составную часть всякаго общества, безъ которой невозможно экономическое движеніе впередъ. Но экономическая выгодность опредѣляется исключительно ихъ дѣйствительной полезностью. Человѣкъ, вообразившій что онъ способенъ дѣлать экономическія открытія и усовершенствованія въ орудіяхъ производства, но на самомъ дѣлѣ невыдумавшій ничего, сдѣлалъ бы разумѣется лучше, еслибы занялся чѣмъ нибудь другимъ, хотя бы шитьемъ сапоговъ, потому что весь трудъ, который онъ тратитъ на безполезныя выдумки идетъ въ убытокъ обществу; ибо въ то время, когда изобрѣтатель выдумываетъ глупости, за него долженъ трудиться кто нибудь другой, а изобрѣтатель ѣстъ хлѣбъ, добытый чужими руками. Совершенно также опредѣляется экономическая выгодность ремесленныхъ учителей и всякихъ наставниковъ. Изъ числа послѣднихъ есть сортъ людей, убыточность которыхъ можетъ быть чрезвычайно велика, и имѣетъ вліяніе на весьма продолжительное время, если они способствуютъ распространенію фальшивыхъ понятій, мѣшающихъ экономической стройности общества. Къ числу этихъ людей принадлежатъ такъ называемые ученые и литераторы. Съ тѣхъ поръ, какъ стали проясняться понятія, число такихъ ученыхъ глупцовъ становится все меньше и меньше. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы ихъ было мало нынче, или чтобы они вывелись скоро. Причина ученаго тупоумія лежитъ, разумѣется, въ слабости умственныхъ способностей большинства лицъ, посвятившихъ себя ученымъ занятіямъ, и въ ошибочномъ и одностороннемъ приготовительномъ ихъ образованіи. Иногда даже люди вообще отличныхъ способностей бываютъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ знаній тупоумны, какъ и обыкновенные глупцы. Величайшій анатомъ нашего времени Оуэнъ не хочетъ признать существованіе въ мозгу обезьянъ задней мозговой доли, заднаго рога, и птичьяго когтя, считая ихъ принадлежностью только человѣческаго мозга. Подобныя же причины мѣшаютъ людямъ, занимающимся экономической наукой, смотрѣть правильно на сущность экономическихъ отношеній. Вредное вліяніе подобныхъ заблужденій особенно сильно потому, что одинъ заблуждающійся наставникъ создаетъ десятки заблуждающихся учениковъ, изъ

Digitized by Google

которыхъ только люди особенно счастливыхъ способностей поймутъ наконецъ свои ошибки; а люди обыкновенныхъ дарованій останутся навсегда въ потьмахъ и постараются еще передать ошибочные взгляды своимъ дѣтямъ. Причина экономическихъ заблужденій заключается въ томъ, что ученые признаютъ болѣе выгоднымъ тотъ порядокъ, при которомъ хорошо только нѣкоторымъ и не въ состояніи понять, что обществу, въ цѣломъ его составѣ, лучше тогда, когда хорошо всѣмъ. У литераторовъ же подобныя заблужденія происходятъ оттого, что они считаютъ для своего ремесла достаточнымъ одного художественнаго творчества, т. е. способности писать, полагая, что воображеніе въ состояніи замѣнить знаніе. Отъ этого люди, подобно первобытнымъ обитателямъ земли, хотятъ доходить своимъ умомъ до того, что уже давно разъяснено наукой и путаются цѣлый вѣкъ свой въ отсталыхъ знаніяхъ, вовсе не интересуясь узнать, что было придумано и открыто до нихъ людьми болѣе ихъ умными. Если бы вся бѣда ограничивалась только тѣмъ, что поэты описывали бы, какъ утки сидятъ на заборахъ, чего въ природѣ никогда не бываетъ, или что зайцы прыгаютъ по вѣтьямъ, или какъ сдѣлалъ одинъ доморощеный самородокъ романистъ, по словамъ котораго «...при химическомъ соединеніи обнаруживается электричество... и если искру пропустить сквозь платину, то при соприкосновеніи ея съ воздухомъ дается пламя»—это бы все еще ничего; но худо то, что беззастѣнчивость, съ какой люди обнаруживаютъ подобное незнаніе самыхъ простыхъ предметовъ, доводитъ ихъ до наглой самоувѣренности, съ какой они берутъ на себя роли пророковъ и проповѣдниковъ истины. Кто далъ вамъ самородки такое право? Въ книгахъ котораго столѣтія вычитали вы ту ложь, которую навязываете людямъ XIX вѣка, какъ спасительное слово? Здѣсь, какъ и во многомъ, кромѣ недостатка способностей, главная причина въ отсутствіи школьнаго образованія, и въ томъ дѣтскомъ самообольщеніи, съ какимъ люди берутся учить другихъ, забывая, что они сами не знаютъ ничего. Когда Викторъ Гюго писалъ свой послѣдній романъ «Несчастные», онъ ѣздилъ нарочно въ Бельгію, чтобы до послѣднихъ подробностей изучить мѣстность Ватерлоовской битвы; онъ изучалъ по документамъ даже клоаки Парижа, безъ чего, при своемъ воображеніи, могъ бы повидимому обойтись. Съ общественными вопросами подобные писатели обращаются еще осмотрительнѣе; прежде чѣмъ говорить о нихъ, они изучаютъ все то, что было писано до нихъ по этимъ вопросамъ.

Digitized by Google

Только при подобномъ знакомствѣ съ дѣломъ можно сказать людямъ что нибудь новое и полезное. Но для этого нуженъ умъ, которымъ не всегда владѣютъ романисты и псевдо — публицисты. У нихъ нерѣдко такъ мало сообразительности и самаго простого разсчета, что, увлекаясь самоувѣренностью, они однимъ разомъ разбиваютъ свою прежнюю хотя небольшую, литературную репутацію. Вся ошибка отъ невѣжества; ибо люди полагаютъ, что художническій талантъ можетъ замѣнить знаніе, образованіе и умъ. Наивность писателей бываетъ иногда такъ велика, что являются иногда между ними такіе, которые всѣ поступки Ивана Грознаго объясняютъ какъ «художество». Иванъ Грозный — художникъ! При такомъ взглядѣ на художническое творчество никакая нелѣпость не будетъ страшностью; но гдѣ же въ такомъ случаѣ мѣсто для ума и знаній? Спросите «художниковъ»,— читали ли они послѣднихъ извѣстныхъ европейскихъ историковъ и публицистовъ; они скажутъ—нѣтъ. Вы ихъ спросите, какъ они рѣшаются послѣ этого писать объ общественныхъ вопросахъ—они отвѣтятъ: «мы самородки».

Экономическая теорія, сортирующая всѣ дѣйствія людей на выгодныя и убыточныя, причисляетъ трудъ подобныхъ самородковъ къ общественнымъ убыткамъ, потому что выгоднымъ она считаетъ только то, что приноситъ пользу всему обществу. Конечно въ этомъ трудѣ есть частная выгода того, кто трудится, потому что безъ этого онъ не сталъ бы работать. Но эта частная выгода пріобрѣтается на счетъ потерь другихъ людей. Такимъ образомъ, если въ какой нибудь странѣ рабочіе заняты шлифовкой брильянтовъ въ то время, когда есть люди нуждающіеся въ мясѣ и въ сапогахъ, то трудъ шлифовщиковъ идетъ въ убытокъ, потому что имъ отвлекаются руки отъ производства предметовъ болѣе необходимыхъ. Если литераторъ, или публицистъ, высказываетъ и распространяетъ мысли ошибочныя и ложныя, то дѣятельность его идетъ въ убытокъ, потому что общество для стройной и выгодной всѣмъ организаціи нуждается въ знаніяхъ истинныхъ и полезныхъ. Хотя и шлифовщикъ и литераторъ получаютъ за свой трудъ деньги, но деньги эти платятся имъ совершенно напрасно, потому что въ замѣнъ ихъ общество не получаетъ ни одного полезнаго и необходимаго ему предмета, или знанія, ни одной полезной мысли, и всѣ люди становятся на столько бѣднѣе, на сколько увеличивается богатство убыточныхъ производителей.

Digitized by Google

Въ своемъ безпощадномъ разсчетѣ экономическая наука идетъ еще далѣе. Кромѣ выгоднаго и убыточнаго производства она различаетъ еще выгодное и убыточное потребленіе. Всѣ люди, употребляющіе предметы для убыточнаго производства, въ тоже время и убыточные потребители. Каждый кусокъ хлѣба, съѣденный убыточнымъ производителемъ, каждая изношенная имъ одежда или обувь составляютъ для общества убыточное потребленіе, потому что онѣ израсходованы не для того, чтобы создать что нибудь полезное; общество, лишившись этихъ предметовъ, не получило въ замѣнъ ихъ ничего для себя дѣльнаго. Такимъ образомъ, если общество дало убыточнымъ производителямъ 20 пудовъ хлѣба, двадцать паръ сапоговъ и двадцать паръ одеждъ и въ замѣнъ этого получило одинъ хорошо ошлифованный брильянтъ, одинъ глупый романъ и 10 пустыхъ дѣтскихъ книжекъ, то очевидно, что оно не только сдѣлало невыгодную мѣну, но и полезные предметы, израсходованныя имъ на эти пустяки, создали не тотъ результатъ, какой бы они могли создать, еслибы онѣ пошли на поддержаніе труда людей, могшихъ въ замѣнъ ихъ дать обществу большую массу полезныхъ для него предметовъ. Въ этомъ случаѣ обществу пошли въ убытокъ—не только его мѣна, но даже и трудъ тѣхъ людей, которые создали хлѣбъ, сапоги и платье для убыточныхъ производителей. И они, трудясь для убыточнаго потребленія, принесли своимъ трудомъ обществу не пользу, а убытокъ. Этимъ путемъ пропадаетъ безъ пользы трудъ не только тѣхъ, кто дѣлаетъ пустяки, но даже и тѣхъ полезныхъ дѣятелей, которые снабжаютъ всѣмъ необходимымъ для жизни убыточныхъ производителей. Поэтому убыточные потребители должны быть причислены къ одному разряду съ разными мотами и кутилами, растрачивающими свои силы и средства на безразсудныя дѣла. И дѣйствительно, для экономическихъ разсчетовъ общества рѣшительно все равно—износилъ ли сюртукъ кутила или бездарный писака; въ томъ и другомъ случаѣ выгода общества равна нулю. Этотъ сортъ потребителей долженъ быть названъ мотами, а предметы потребляемые ими—предметами роскоши.

Такое опредѣленіе можетъ показаться читателю слишкомъ строгимъ, но тѣмъ не менѣе оно правильно. Въ обыкновенной разговорной рѣчи предметами роскоши называются тѣ предметы, которыя не служатъ на удовлетвореніе первыхъ потребностей. Бархатъ, по отношенію къ грубому сукну, и вѣнскій пирогъ, по отношенію къ хлѣбу, считаются предметами роскоши. Но подобное опредѣленіе не

Digitized by Google

имѣетъ точныхъ границъ, и потому понятіе о роскоши является относительнымъ, какъ въ примѣненіи къ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и къ цѣлымъ народамъ. Для жителя Сандвичевыхъ острововъ рубашка будетъ роскошью; а для европейца она предметъ первой необходимости. Для англійскаго простолюдина кровать есть предметъ первой необходимости, а для черногорца роскошь; для нѣмецкаго батрака ситный хлѣбъ съ чухонскимъ масломъ есть предметъ первой необходимости, а для остяка роскошь. По сословіямъ замѣчается тоже самое: ковры и вина въ домѣ богача считаются вещами необходимыми, а для бѣдняка они будутъ роскошью; вотъ почему наивные богачи, невидавшіе никогда жизни, какъ она есть, приходятъ въ великое изумленіе, узнавъ, что у крестьянъ не бываетъ за обѣдомъ бифштекса и хереса. Въ общемъ понятіи предметы роскоши противупоставляются предметамъ первой необходимости, и поэтому раздѣлительной чертой между тѣми и другими принимается линія, служащая границей основнымъ матеріальнымъ нуждамъ населенія. Но для каждаго человѣка, кто бы онъ ни былъ, нужно теплое, сухое, здоровое помѣщеніе, теплая и удобная одежда, сытный, здоровый и питательный столъ. Если большинство населенія не имѣетъ этихъ необходимыхъ для человѣческаго организма предметовъ, и въ тоже время меньшинство услаждаетъ свою жизнь вѣнскими пирогами, трюфелями, разнообразными печеньями, соусами, винами, гаванскими сигарами, бархатами, атласами и вообще всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользуются богачи, то по отношенію къ бѣднякамъ, неимѣющимъ даже порядочнаго чернаго хлѣба, французскій хлѣбъ богача будетъ разумѣется роскошью. Но для кого? Онъ будетъ роскошью для бѣдняка въ глазахъ тѣхъ, кто самъ куритъ гаванскія сигары и носитъ бархатъ. Такое распредѣленіе предметовъ потребленія нельзя считать для страны экономически выгоднымъ, потому что хлѣбъ не можетъ быть предметомъ роскоши, какъ не можетъ быть роскошью свѣжій воздухъ и чистая вода. Поэтому раздѣлительной чертой долженъ быть принять тотъ средній уровень благосостоянія каждой страны, который зовется зажиточностью. По отношенію къ этому уровню все то, что ниже его—будетъ бѣдностью, въ большой или меньшой степени, а что будетъ выше его—большей или меньшей роскошью.

Чѣмъ меньше въ обществѣ уклоненій отъ этого средняго уровня, т: е: чѣмъ меньше въ немъ крайностей богатства, и бѣдности и чѣмъ равномѣрнѣе распредѣлены между жителями источники и средства

Digitized by Google

жизни, тѣмъ общество благосостоятельнѣе. Такому нормальному экономическому быту мѣшало до сихъ поръ одно—недостатокъ образованія и скудное распространеніе экономическихъ знаній. Отъ этого въ исторической жизни народовъ преобладали до сихъ поръ стремленія, мало благопріятствовавшія развитію общаго благосостоянія, успѣшности труда и наивыгоднѣйшему для общества употребленію всѣхъ его силъ. Разумѣется, знакомство съ экономической наукой принесло уже обществу нѣкоторую пользу, и въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ являются все рѣже и рѣже тѣ случаи полнаго экономическаго невѣжества, которыя были такъ обыкновенны прежде. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы правильныя экономическія понятія составляли принадлежность большинства. Напримѣръ, въ средніе вѣка пиршества отличались иногда самой изысканной роскошью. Дичь, подаваемую къ столу, опрыскивали амброй, мускусомъ, яичныя блюды посыпали вмѣсто сахара мелкимъ жемчугомъ, къ дессерту впускали въ столовую сотни мелкихъ птицъ, у которыхъ къ ногамъ были привязаны пирожныя, послѣ этого впускали ястребовъ мелкой породы, пріученныхъ къ охотѣ, и тѣ ловили пташекъ и подавали ихъ своимъ господамъ. Дамы, чтобы болѣе нравиться своимъ кавалерамъ, снимали съ себя часть одежды и раскрывали такимъ образомъ свои прелести. Подобные пиры, хотя возможны и въ наше время, особенно съ полуобнаженными женщинами, тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе назвало бы ихъ безразсудными; слѣдовательно прогрессъ хотя небольшой, но есть. Но экономическія понятія все еще неразвились до того, чтобы общественное мнѣніе могло удерживать отъ экономическихъ безразсудствъ меньшаго размѣра. Два года тому назадъ продавалось въ Петербургѣ съ акціона имущество одного промотавшагося, а можетъ быть и умершаго, юнкера. Между разными, болѣе или менѣе дорогими, вещами выдавались особенно—бронзовыя золоченыя цѣпи для привязыванія лошадей, 16 ясневыхъ, рѣзныхъ и съ позолотой дверей для конюшенъ, нѣсколько дверей рѣзныхъ дубовыхъ для той же цѣли, коверъ въ 60 аршинъ и т. д. Неподлежитъ никакому сомнѣнію, что лошади могли быть привязаны также крѣпко, а можетъ быть еще и крѣпче, простыми желѣзными цѣпями; точно также они могли бы быть сохранены, съ той же самой увѣренностью въ ихъ безопасности, и за обыкновенными прочными сосновыми дверями, за которыми хранятся лошади у всѣхъ людей. Но юнкеру было недостаточно общеупотребительныхъ способовъ; онъ придумывалъ

Digitized by Google

малъ новые, потому что средства для жизни, доставлявшіяся ему трудомъ другихъ, позволяли ему проводить время въ праздности и въ измышленіи способовъ расходованія денегъ, достававшихся ему такъ легко. Конечно многіе люди найдутъ поведеніе юнкера безразсуднымъ; а между тѣмъ тѣже самые люди будутъ смотрѣть снисходительно на пиры и обѣды, кутежи съ шампанскимъ и женщинами, и на трактирную жизнь гуляющей молодежи. «Пусть выбродятся, думаютъ старички, мы сами были такими въ молодости» (т. е. глупцами). Возможность жить на счетъ другихъ создала суетность и тщеславіе, которыми отличаются въ особенности юноши и женщины, и тогда явился запросъ на предметы, единственное достоинство которыхъ заключалось въ ихъ великой цѣнѣ. Еслибы каждый человѣкъ долженъ былъ жить своими собственными трудами; то, разумѣется, мѣра способностей и производительности каждаго опредѣлила бы точно и образъ его жизни.

А между тѣмъ вино, театры, концерты и разныя другія удовольствія, бронзовыя и золотыя вещи и бездѣлушки, идущія обществу въ убытокъ, когда ими пользуются моты, ничего недѣлающіе, приноситъ обществу выгоду, если ими пользуются экономическіе производители. Даже люди ничего недѣлающіе устаютъ отъ своей праздности, но еще устаютъ болѣе тѣ, кто трудится. Хорошая пища, сонъ и отдыхъ возстановляютъ матеріальныя силы работника, а удовольствія необходимы для возстановленія его умственныхъ силъ. Еслибы не существовало тѣхъ развлеченій, какія представляются разнаго рода гуляньями, спектаклями, публичными собраніями, то человѣческія способности понизились бы непремѣнно на нѣсколько градусовъ, и явилась бы въ жизни та мрачная, мертвящая апатія, которая годится только для того, чтобы убивать жизнь и создавать филистерство и всякихъ видовъ тупоуміе. Разнообразіе жизни разнообразитъ человѣческія способности, развиваетъ человѣческую изобрѣтательность и усиливаетъ экономическую производительность общества. Съ этой точки удовольствія, возвышающія успѣшность труда, совершенно необходимы для тѣхъ, кто трудится; ими только неправильно пользуются тѣ, кто ничего не дѣлаетъ. Но даже и выгодные производители могутъ дѣлать убыточныя для общества траты, если они пользуются предметами не для того, чтобы создать въ замѣнъ ихъ что нибудь полезное, или усилитъ свои производительныя способности. Если такой производитель выпиваетъ бутылку шампанскаго просто для то-

Digitized by Google

го, чтобы напиться пьянымъ, то онъ ничѣмъ не отличается отъ мота, дѣлающаго тоже самое.

Чтобы общество могло находиться въ обстоятельствахъ наиболѣе благопріятныхъ для успѣшности труда, и чтобы въ немъ не существовало тупоядства, необходимы учрежденія, способствующія первому и мѣшающія второму, потому что на такое правильное и выгодное развитіе способностей, при которомъ каждый человѣкъ, идущій обществу въ убытокъ, понялъ бы свою убыточность, разсчитывать скоро нельзя. Но есть также случаи, когда соотвѣтственное экономическимъ потребностямъ измѣненіе учрежденій тоже не возможно мгновенно или даже въ ближайшемъ будущемъ. Въ этомъ случаѣ приходится разсчитывать на тѣхъ болѣе способныхъ людей, которые усвоиваютъ легче новыя понятія и владѣютъ доброжелательствомъ, обыкновенно чуждымъ людямъ ограниченнаго ума.

Ложный стыдъ, порождаемый тщеславіемъ, заставляетъ нерѣдко людей хвастаться состояніемъ, котораго у нихъ нѣтъ. Богатство ставится въ заслугу, возможность жить чужимъ трудомъ—въ достоинство. Короче, люди тщеславятся турецкими понятіями о человѣческомъ достоинствѣ и считаютъ великимъ житейскимъ преимуществомъ проводить свое время въ постоянной праздности, подобно новозеландскимъ дикарямъ. Такъ поступаютъ одни. Другіе, повидимому хотя и трудятся, но ихъ дѣятельность въ сущности такъ же полезна обществу, какъ еслибы они ничего не дѣлали. Этого сорта людей особенно много между людьми считающими себя образованными. Тѣмъ не менѣе и тѣ и другія полагаютъ, что они оказываютъ человѣчеству великое одолженіе тѣмъ, что живутъ, пользуются трудомъ другихъ и даютъ низшему человѣчеству возможность работать на нихъ. Даже, такой умный человѣкъ, какъ Вольтеръ, заблуждался въ экономическихъ вопросахъ въ такой степени, что считалъ выгоднымъ для государства, если богачи и моты отвлекаютъ руки отъ производства предметовъ первой необходимости, чтобы приготовлять для нихъ разныя блестящія бездѣлушки. Это называлось давать хлѣбъ рабочимъ. Мысль Вольтера нашла сочувствіе вездѣ, гдѣ были праздные моты, и нашлись охотники повторять экономическій афоризмъ—«богатый мотъ живетъ самъ и даетъ жить другимъ». Лучше понятыя экономическія явленія показали однако ошибочность теоріи Вольтера въ томъ смыслѣ, какъ она понималась прежде; но вмѣстѣ съ тѣмъ показали и полную справедливость ея, если люди захотятъ сообразовать свою жизнь

Digitized by Google

съ истинами, которыя выработала экономическая наука, неизвѣстная этому великому писателю. Дѣйствительно—пусть человѣкъ живетъ самъ и даетъ жить другимъ, только этого и нужно; но въ такомъ случаѣ надобно измѣнить нѣсколько свои привычки и понятія. У кого достанетъ для этого способностей, тотъ будетъ жить и самъ и дастъ жить другимъ; у кого же нѣтъ—тотъ хотя пройдетъ и весело свой путь жизни, не испытавъ ни лишеній, ни дѣйствительно полезнаго труда, но за то пусть онъ и знаетъ, что вся жизнь его была убыткомъ для общества, въ которомъ онъ жилъ.

Но многое убыточное для общества люди дѣлаютъ иногда только потому, что не знаютъ, что оно убыточно. Вся наша домашняя жизнь построена на ошибочныхъ понятіяхъ о приличіи и на незнаніи экономическихъ началъ. Дѣйствуя по привычкѣ, потому что такъ пріучили насъ въ родительскомъ домѣ, мы не затрудняемъ себя вопросами, что въ нашей жизни имѣетъ полезный смыслъ и что должно быть оставлено, какъ убыточное и для насъ и для общества. Наши расходы сообразуются не съ дѣйствительными нуждами нашего организма, а съ тѣми идеями о приличіи, которыя живутъ въ головахъ нашихъ знакомыхъ. Люди слабохарактерные и малосвѣдущіе подчиняются въ такой степени этому вліянію, что становятся наконецъ совершенно неспособными жить своимъ умомъ. Если человѣку, по его роду занятій, совершенно достаточно одной или двухъ комнатъ, онъ для приличія занимаетъ три. Человѣку достаточно совершенно за обѣдомъ двухъ здоровыхъ и питательныхъ блюдъ; но для поддержанія своего достоинства онъ ѣстъ три, или четыре, и пріобрѣтаетъ наконецъ дурную привычку обремѣнять свой желудокъ и ѣсть больше, чѣмъ нужно. И во всѣхъ мелочахъ жизни обнаруживается то же излишество — человѣкъ постоянно потребляетъ больше, чѣмъ ему необходимо, не увеличивая этимъ не только своей производительной способности, но даже вовсе не подозрѣвая, что каждое его излишество пріобрѣтается на счетъ потерь другого. Люди дурныхъ привычекъ могутъ на это возразить, — отчего бы имъ не тратить много, когда у нихъ есть много и когда въ нихъ воспитали такія утонченныя и разнообразныя потребности, для которыхъ нужно утонченное и разнообразное удовлетвореніе. Но, сколько извѣстно изъ законовъ физіологіи, желудки геніальныхъ людей и органическія ихъ потребности не отличаются нисколько отъ желудковъ и потребностей людей обыкновенныхъ. Чтобы думать и дѣйствовать,

Digitized by Google

умно, не нужно тоже жить широко и ѣсть много. Что же касается до утонченныхъ или дурныхъ привычекъ и до убыточнаго потребленія вообще, то ихъ, разумѣется, нельзя считать ни геніальностью, ни умомъ.

Читатель будетъ совершенно правъ, если скажетъ, что во всемъ нами изложенномъ нѣтъ ничего новаго, и что у цивилизованныхъ націй есть очень много отдѣльныхъ людей, дѣйствующихъ вполнѣ согласно съ экономическими началами. Это будетъ вполнѣ справедливо, особенно если относится къ промышленному и торговому классамъ Англіи и Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Торговые и промышленные люди этихъ странъ имѣютъ дѣйствительно довольно ясное понятіе о значеніи и важности труда и объ обстоятельствахъ, мѣшающихъ его успѣшности. У нихъ время—деньги; каждая минута разсчитана, и каждая рабочая сила даетъ имъ наивыгоднѣйшій результатъ. Только это умѣнье пользоваться всѣмъ, способствующимъ ихъ экономической дѣятельности, и направлять неуклонно всѣ свои физическія и интеллектуальныя силы къ одной цѣли, создаютъ ту громадную производительность, которая приводитъ въ изумленіе народы, неотличающіеся подобнымъ развитіемъ, энергіей и предпріимчивостью. Но общіе результаты англійской производительности вовсе не доказываютъ, чтобы каждый отдѣльный человѣкъ находился тамъ въ условіяхъ, наиболѣе благопріятныхъ для его экономической дѣятельности, и чтобы правительство страны желало предоставить каждому то, что могло бы сообщить его труду наибольшую успѣшность. Въ этомъ случаѣ только американскіе свободные штаты дѣлаютъ исключеніе, и потому-то янки имѣютъ полное право гордиться тѣмъ, что они идутъ въ главѣ міровой цивилизаціи и указываютъ другимъ народамъ наивыгоднѣйшій путь жизни. Причина экономическаго и вообще общественнаго процвѣтанія Штатовъ въ томъ, что частный интересъ отдѣльныхъ лицъ находится тамъ въ наивыгоднѣйшихъ отношеніяхъ къ общественному интересу, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, и что американцы не жертвуютъ выгодами однихъ для выгодъ другихъ. Если же всѣ люди пользуются одинаковой экономической свободой и одинаковыми экономическими правами, то разница между ними опредѣлится исключительно ихъ способностями и знаніями. Въ этомъ случаѣ, если не встрѣтится какихъ либо особенныхъ обстоятельствъ, каждый человѣкъ займетъ мѣсто по возможности соотвѣтствующее его силамъ. При современныхъ понятіяхъ объ общественномъ бытѣ, Америка, разумѣется, самая счастливая страна, и счастье

Digitized by Google

это свалилось ей не съ неба, а пріобрѣтено трудомъ и такимъ образованіемъ каждаго отдѣльнаго гражданина, какого конечно не найти ни въ одномъ европейскомъ государствѣ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому, что отъ личнаго экономическаго развитія каждаго отдѣльнаго человѣка зависитъ матеріальное благосостояніе всего народа. Но для экономическаго развитія массъ населенія нужна возможность полнаго развитія всѣхъ силъ и способностей, отъ которыхъ зависитъ успѣшность труда. Когда страна неполь-зуется этой возможностью, то всѣ толки и разговоры объ улучшеніяхъ матеріальнаго быта людей останутся однимъ словами, и народъ не вылезетъ изъ своей бѣдности. Бѣдный народъ нуждается не во многомъ и производитъ мало. Въ этомъ случаѣ всѣ будутъ бѣдны, всѣ будутъ нуждаться. Въ странахъ, гдѣ масса парода бѣдна, всѣ промыслы и производства, все торговое движеніе, совершаются медленно и тихо. Эти медленные обороты, при существующей системѣ денежнаго хозяйства, ведутъ къ малому количеству въ странѣ денегъ; при малоденежьи и при слабой податной способности народа является необходимость дѣлать долги; но долги нужно платить, и въ такомъ случаѣ, заемъ падаетъ на народъ новой тягостью. При подобныхъ хозяйствахъ народы богатѣть не могутъ.

Современныя европейскія государства довели до весьма тонкаго развитія свою финансовую изобрѣтательность; но сущность всѣхъ изворотовъ одна и таже—внутреніе и внѣшніе займы, съ большими или меньшими процентами. Для людей, невникавшихъ въ финансовыя дѣла, онѣ кажутся чѣмъ-то громаднымъ, сложнымъ и непостижимымъ. Такой боязливый взглядъ на сущность этого простаго явленія хотя и понятенъ, но тѣмъ не менѣе не служитъ доказательствомъ силы человѣческой сообразительности. Когда у государства недостаетъ денегъ на его расходы, оно поступаетъ также, какъ и большинство отдѣльныхъ людей. Человѣкъ, прожпвающій больше, чѣмъ онъ получаетъ, можетъ покрыть свои расходы двумя средствами, или увеличеніемъ доходовъ, или же,—когда этого нельзя, займомъ. Разумѣется есть средство болѣе экономическое—не дѣлать расходовъ, превышающихъ доходы, а если необходимость заставила сдѣлать какую нибудь чрезвычайную трату, то покрыть ее соотвѣтственнымъ сокращеніемъ послѣдующихъ расходовъ. Такъ и поступаютъ обыкновенно благоразумные люди. Подобныя же явленія повторяются и въ жизни государствъ. Если населеніе не такъ богато, чтобы всѣми

Digitized by Google

прямыми и косвенными налогами могло доставить государству необходимыя для его издержекъ средства, въ такомъ случаѣ государство прибѣгаетъ къ займамъ. Разница въ этихъ случаяхъ между государствомъ и частными лицами въ томъ, что къ государствамъ существуетъ большее довѣріе. Частный человѣкъ, находящійся въ подобномъ же экономическомъ положеніи, не нашелъ бы охотника дать ему въ займы. Причина довѣрія къ государствамъ заключается въ довѣріи къ силамъ народа и въ несомнѣнности приращенія его будущаго матеріальнаго благосостоянія. Здѣсь весь разсчетъ на экономическомъ прогрессѣ націи. Если этотъ прогрессъ возможенъ, — есть и кредитъ; если же силы народа слабы и надежда на уплату долговъ съ процентами не особенно вѣроятна, — то въ той же степени является и затруднительность дѣлать государству новые долги. Разумѣется, государства могутъ, кромѣ внѣшнихъ, прибѣгать еще къ займамъ внутреннимъ, выпуская процентныя и безпроцентныя бумажныя деньги, или даже дѣлая у своихъ поддапныхъ займы принудительные, какъ это водится въ Австріи. Процентныя и безпроцентныя бумаги, выпущенныя въ изобиліи, при затруднительномъ ихъ обмѣнѣ на звонкую монету падаютъ противъ своей номинальной цѣны; это значитъ, что за извѣстную бумажку нужно давать больше предметовъ т: е: больше труда.

Къ числу причинъ, имѣющихъ болѣе или менѣе продолжительное вліяніе на уменьшеніе производительныхъ средствъ страны, а слѣдовательно и на ослабленіе народнаго труда, относится также и внезапное или быстрое извлеченіе изъ страны значительнаго капитала, а также затраты на такія предпріятія, выгоды отъ которыхъ предвидятся нескоро. Еслибы кто нибудь вздумалъ провести желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Устьсысольскъ, то десятки милліоновъ, истраченныя на это дѣло, сдѣлали бы временно большое пониженіе матеріальнаго благосостоянія страны. Но еще больше можетъ пострадать страна отъ неудачныхъ предпріятій и отъ затратъ, которыя ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ не могутъ дать никакихъ выгодъ. Всѣ такія предпріятія можно сравнить съ рытьемъ канавъ и засыпаніемъ ихъ опять вынутой землей. Убытки подобныхъ дѣлъ происходятъ оттого, что народъ трудившійся для нихъ проѣдалъ хлѣбъ, изнашивалъ обувь и платье, расходовалъ инструменты и орудія, не производя въ замѣнъ этихъ потратъ ровно ничего. Было бы выгоднѣе для страны, еслибы рабочіе все это время сидѣли сложа руки. Люди, распоряжающіеся

Digitized by Google

подобными неудачными предпріятіями, думаютъ совершенно напрасно, что отъ незнанія дѣла или недобросовѣстности распорядителей терпятъ только обманутые акціонеры — отъ такихъ дѣлъ терпитъ вся страна; весь народъ становится бѣднѣе, потому что пропадаетъ даромъ трудъ не только тѣхъ, кто трудился на вѣтеръ, но и тѣхъ, кто производилъ на этихъ рабочихъ все необходимое для ихъ занятій. Равновѣсіе, нарушенное подобными быстрыми изчезновеніями въ странѣ капиталовъ, можетъ быть возстановлено привлеченіемъ подобныхъ же капиталовъ извнѣ. Средство это хорошо, если найдутся капиталы и найдется для нихъ дѣло; но это будетъ только залечиваніе вновь нанесенныхъ ранъ; что же касается до прочнаго, общенароднаго экономическаго прогресса, то для него существуетъ только одинъ путь—свобода труда, устраненіе всего, мѣшающаго его успѣшности, и расходы, непревышающіе доходовъ. Такое средство есть радикальное леченіе; оно не подѣйствуетъ въ одинъ годъ, какъ норкатическія финансовыя мѣры, но за то подѣйствуетъ прочно, и въ десять лѣтъ создастъ большую экономическую силу. Расточительные люди не любятъ бережливости, имъ больше нравятся долги и спекуляціи; но кто же не знаетъ, чѣмъ кончаютъ расточители. Время чудесъ прошло, философскій камень не открытъ, да еслибы онъ и былъ открытъ, то люди не стали бы богаче, и у народовъ есть только одно средство достигнуть матеріальнаго благосостоянія — трудиться и не растрачивать своихъ и силъ средствъ на убыточное потребленіе.

Г. З.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ НОРЫ И ТРУЩОБЫ.

II.

АРБУЗОВСКАЯ КРѢПОСТЬ.

(по запискамъ Клещова).

Колосовъ переулокъ тянется отъ Грачевки влѣво; онъ сплошь набитъ всевозможными бѣдняками. Съ утра до вечера и съ вечера до слѣдующаго утра не смолкаетъ въ немъ людской гомонъ, не смолкаетъ длинная, длинная пѣсня голода, холода и прочихъ нищенскихъ недуговъ. Изъ кабака-ли вырывается та пѣсня въ видѣ разухабистаго *жги говори*, сопровождаемая воплями гармоники или визгомъ скрипки, или просто несется она откуда нибудь изъ подъ крыши стараго, покосившагося деревяннаго дома, или, наконецъ, поетъ ее какой нибудь оборванецъ, сидя на тумбѣ,—всегда она горькій плачъ, всегда она выше человѣческой погибшей души.

Арбузовская крѣпость стоитъ на самой срединѣ Колосова. Это старый, деревянный домъ въ два этажа, грязный и облупленный съ наружи до того, что рѣзко отличается даже отъ своихъ собратій, не вообразимо грязныхъ и ободранныхъ. Къ

Digitized by Google

дому справа и слѣва примыкаютъ два флигеля, которые тянутся далеко въ глубину двора, и домъ и флигель разбиты на множество мелкихъ квартиръ, въ которыхъ гомозятся сотни различныхъ бѣдняковъ. Впрочемъ и въ *Арбузовской крѣпости* существуетъ извѣстная градація квартиръ подобная той, какая существуетъ во всѣхъ домахъ. Такъ, напримѣръ, въ квартирахъ дома, окнами на улицу, живутъ *бѣдняки по богаче*, по преимуществу женщины, у которыхъ есть все: и красныя занавѣски, и нѣкоторая мебель, и кое-какая одеженка, а главное—подобные жильцы постоянно находятся въ ближайшемъ общеніи съ различными кабаками, полпивными и проч. куда сносятся ежедневно скудные гроши, пріобрѣтаемые этими несчастными за распродажу собственной жизни... Имъ завидуютъ всѣ безъ исключенія арбузовскіе квартиранты; ихъ называютъ довольными и счастливыми.—Ко второй категоріи принадлежатъ жители тогоже дома, но только частей его болѣе удаленныхъ отъ улицъ:—окна на дворъ. Тутъ обитаетъ нищета по мельче: изъ трехъ дней у нея только два кабацкихъ и одинъ похмѣльный; на пять на шесть дней такому жильцу непремѣнно выпадетъ одинъ голодный. Борьба съ просыпающейся совѣстью и упорная битва съ подставляющей ногу жизнью сдѣлали изъ такаго существованія много-актную драму, въ которой, впрочемъ, сердце зрителя по временамъ отдыхаетъ отъ тяжелыхъ, раздирающихъ сценъ. Но такіе антракты слишкомъ коротки: занавѣсъ поднимается и падаетъ, то и дѣло появляются на эстраду жалкіе актеры, то и дѣло они слезы изъ вашихъ глазъ своимъ отчаяннымъ воплемъ! Страшно быть такимъ актеромъ, но еще страшнѣе попасть въ число дѣйствующихъ лицъ третьяго рода жильцовъ *крѣпости*.—Жильцы третьей котегоріи населяютъ флигеля. Здѣсь изо дня въ день разыгрываестя драма, безъ перерывовъ, безъ антрактовъ. Зрителя не существуетъ: онъ закрылъ глаза, заткнулъ уши и бѣжалъ. «Что это за мерзасть! негодуетъ онъ:—Ну, покажи что нибудь страшное да потомъ дай отдохнуть—въ буфетъ что ли сходить,—а то, чертъ знаетъ что такое! наставилъ вмѣсто людей звѣрей какихъ-то, да и заставляетъ ихъ ломаться цѣлые годы! И глупо и неестественно!» Дѣйствительно актеры что-то пе-

Digitized by Google

ресаливаютъ. Хотятъ они изобразить, напримѣръ, голоднаго человѣка, такъ такую рожу вамъ покажутъ, что даже отвратительно! Ну, ктоже не знаетъ, что такое голодъ, *аппетитъ*? Или: бьютъ другъ друга до крови, *до настоящей крови*, желая представить драку! Или ножи эти, кистени—ну, почему бы не имѣть такихъ вещей изъ картона, дерева, или что либо подобное?.. Словомъ зритель правъ, убѣгая отсюда; тѣмъ больше правъ, что въ жизни существуетъ еще столько пріятнаго милаго, забавнаго, что не смутитъ, не разозлитъ, не вызоветъ жолчь; тѣмъ больше правъ, что медъ пріятнѣе полыни, и повсемѣстная водевильная веселость милѣе подобной драматической потасовки.

Я поселился въ *крѣпости* на квартирѣ третьяго разряда. Квартира эта состояла изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ одну занимала хозяйка, другая отдавалась въ наемъ. Эта послѣдняя была раздѣлена опять на двѣ части, чѣмъ-то въ родѣ корридора, каждая часть, въ свою очередь, дѣлилась еще на двѣ; слѣдовательно изъ комнаты, предназначавшейся для отдачи въ наемъ, выходило четыре покоя, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго неполною перегородкою. Каждый такой покой величиною равнялся конюшенному стойлу, и въ подобномъ стойлѣ нерѣдко помѣщалось трое даже четверо. Очень немного, думаю, найдется людей, которые могли бы представить себѣ общую атмосферу комнаты въ три—четыре квадратныхъ сажени, набитой восемью или десятью живыми существами, особенно, если принять еще во вниманіе то, что каждое стойло имѣло свою собственную атмосферу.

Я обязался платить за свое помѣщеніе рубль семьдесятъ пять копѣекъ въ мѣсяцъ. Словоохотливая хозяйка долго—долго расхваливала мнѣ мою закуту.

— Кто же живетъ въ сосѣдствѣ со мною? спросилъ я хозяйку послѣ осмотра новой моей квартиры.

— Да разные...

— То есть какъ-же это разные?

— Да ты не бойся, батюшка,—у насъ ничего. У насъ этого нѣтъ, чтобы у своихъ, то есть... ни—ни! Хоть золота груды навали—не тронутъ! На счетъ этого смирно.

Digitized by Google

— О, за это-то я не опасаюсь, потому что у меня взять-то нечего!

— Ну и ладно... А народъ живетъ все хорошій. Разумѣется въ нашихъ мѣстахъ, гдѣ ты его сыщешь, человѣка, чтобы на отличку, значитъ: все маленько есть за нимъ что-то... Но только, опять же, въ фатерѣ онъ ничего этого...

— То-то, чтобы не слишкомъ безпокоили.

— Нѣтъ безпокойства тебѣ не будетъ, потому на лѣву-то руку дѣвица живетъ—смирная такая, пресмирная, вотъ ровно ея и нѣтъ; опять по праву, тамъ старики у меня пущены, дочь у ихъ дѣвчонка, да сынъ,—эти тоже ничего. Перва-то старикъ, признаться, баловалъ, а теперь должно помирать собрался, такъ потише сталъ,—и все изъ его эта слюна бѣжитъ, такъ бѣжитъ, что можетъ колько уже ведеръ ее вытекло!... Насупротивъ опять смирный живетъ; агличанка у ево тоже тихая, словно курица какая: когда ежели бить начнетъ, такъ и то она голосу не подаетъ, все больше въ себѣ придерживаетъ...

Получивши такимъ образомъ нѣкоторое понятіе о своихъ сосѣдяхъ, я сунулъ хозяйкѣ задатокъ, а чрезъ два, три часа окончательно перебрался на новую квартиру, благо не ретаскивать-то нечего. Въ первый же день я уже узналъ кое-что о своихъ сокварти рантахъ, а недѣлю спустя вошелъ съ ними въ знакомство, и такъ какъ человѣкъ въ этихъ мѣстахъ крайне сообщителенъ, и вообще не способенъ скрывать отъ другихъ что нибудь, то мнѣ ровно ничего не стоило собрать самыя точныя свѣденія объ этихъ людяхъ.

Направо, въ конурѣ, помѣщалось семейство изъ четырехъ человѣкъ. Pater familiae, ветхій старикъ, больной, раздражительный и вѣчно жаждущій водки, постоянно оставался дома; мать, худая, желтая, сгорбленная старушка, цѣлый день бродила гдѣ-то, по видимому безцѣльно, и только по вечерамъ являлась на квартиру; дочь, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, была совершенно предоставлена самой себѣ, и только по временамъ

Digitized by Google

забѣгала въ свое убогое жилье, гдѣ постоянно брюзжалъ на нее полуживой отецъ; сынъ, молодой человѣкъ двадцати съ чѣмъ нибудь лѣтъ, рѣдко появлялся въ семействѣ, потому что вѣчно голодные родные постоянно встрѣчали его бранью и проклятіями, если бѣднякъ не приносилъ денегъ. Съ отцемъ семейства я познакомился въ первый же день.

Дѣло случилось такъ:

Вечеромъ, подложивъ руки подъ голову, я лежалъ на кровати. Зажигать свѣчу было еще рано да и не нужно, потому что только въ потемкахъ и можно оставаться до нѣкоторой степени равнодушнымъ къ окружающей гнусности. Далеко гдѣ-то гудѣла шарманка—московская шарманка, выворачивающая вонъ душу. Вслушиваясь въ убогій сапъ и храпъ убогой музыки, я мало по малу переходилъ изъ состоянія крайняго ожесточенія въ какое-то мирное, тихое, плаксивое состояніе Въ головѣ ворохнулись воспоминанія о прошломъ; одна за другой побѣжали передъ моими глазами тѣни, когда-то милыя моему сердцу; на рѣсницы навернулись слезы... Въ потемкахъ хорошо плакать, увѣряю васъ! Когда я забиваюсь съ своимъ горемъ въ темную комнату, я всегда даю просторъ накипѣвшимъ въ груди страданіямъ. Я забываю тогда, что я мужчина и что, слѣдовательно, мнѣ плакать стыдно; тогда я, отхлынувъ въ сторону всякую копѣечную мудрость, и сообразивши всю тяжесть настоящей жизни, всю свою безхарактерность, всю мелочность и пошлость своей натуры,—тогда я ясно понимаю, какой я величайшій дуракъ, какая я ничтожная гадина! и вотъ реву, реву и реву;—реву до тѣхъ поръ, пока не облегчится грудь, пока не скатится камень, наваленный на сердце! Нѣтъ хорошо иногда забыть, что ты желѣзный мужчина и, уподобившись слабонервной женщинѣ, хорошо всплакнуть,—хорошо потому, что больше-то ничего, по своей негодности, сдѣлать не можешь! Вѣдь наше горе—горе дурацкое! Наши страданія потому только и существуютъ, что существуютъ на нашихъ плечахъ гуттаперчевыя шишки вмѣсто головъ! потому, что насъ можно утѣшить пряникомъ! потому, что хоть и кричимъ мы во все горло, да кричимъ то по одиночкѣ, безъ толку! потому, наконецъ, что руки наши болтаются безъ дѣла, что забились

Digitized by Google

мы въ какой-то заколдованный кругъ, да и боимся шагнуть за черту! Тяжело наше горе, потому что плохи мы сами! И долго, долго будетъ поѣдать насъ это великое зло, если мы сами будемъ равнодушны къ нему, если мы сами твердо не пожелаемъ имѣть то, безъ чего мы такъ позорно умираемъ!

Такъ, только-что я далъ просторъ своей кручинѣ, за стѣной, справа, раздался удушающій, болѣзненный кашель и затѣмъ кто то слабо проговорилъ:

— Добрый человѣкъ!

Я проглотилъ слезы и, по возможности, твердымъ голосомъ спросилъ:

— Что вамъ нужно?

— Выслушайте бѣднаго, больнаго старика.

— Говорите.

— Съ утра маковой росинки во рту не было; войдите въ мое горькое положеніе, помогите голодному челов...

Кашель прервалъ рѣчь сосѣда.

— Старикъ! крикнулъ я: зайдите ко мнѣ, если можете, у меня есть хлѣбъ, да вотъ и денегъ тутъ, кажется, было нѣсколько копѣекъ.

Я открылъ ящикъ стола, и принялся отыскивать тамъ скудные свои гроши. Въ это время въ конурѣ сосѣда послышалось усиленное кряхтѣнье, бѣдняжка не могъ справиться съ плохо-повиновавшимися ему ногами. Я зажегъ свѣчу.

— Ну что, идете?

— Иду, иду, батюшка, проговорилъ старикъ, медленно выползая изъ своего стойла. Ноги-то, треклятыя, не слушаются, прибавилъ онъ, выбравшись въ корридоръ.

Я отворилъ дверь.

— Здравствуйте, сосѣдушка, слабо пролепеталъ старикъ, входя ко мнѣ.

— Здравствуйте. Садитесь.

Старикъ опустился на стулъ. На видъ ему было лѣтъ семдесятъ. Лицо морщинистое, какъ ядро грецкаго орѣха, утратило всякое выраженіе. Тусклые глаза безсмысленно выглядывали изъ-подъ нависшихъ, густыхъ бровей. Бѣднякъ учащенно чавкалъ губами, повидимому, стараясь какъ-нибудь удер-

Digitized by Google

жать ключемъ бѣжавшую слюну. Я предложилъ старику хлѣба, и попросилъ хозяйку поставить самоваръ.

— Дорого-ли платите? спросилъ меня сосѣдъ, окидывая взглядомъ комнату.

— Рубль семьдесятъ пять.

— Такъ, такъ. Хорошая комнатка... И тепло, поди? прибавилъ онъ, запихивая въ ротъ куски хлѣба.

— Должно быть тепло, отвѣтилъ я. Но старикъ не слышалъ моихъ словъ; глаза его вдругъ какъ-то блеснули и забѣгали изъ стороны въ сторону: онъ увидѣлъ на столѣ нѣсколько копѣекъ денегъ.

— Водочки бы, прошепталъ бѣднякъ, протягивая руку къ деньгамъ. На пятачекъ-бы... погрѣться... давно не пилъ... славно! бормоталъ старикъ, какъ ребенокъ глядя мнѣ въ лицо.

— Вѣдь вамъ, дѣдушка, я думаю, вредно пить.

— Нѣтъ, ничего, бойко проговорилъ онъ. Это она вамъ сказала, что вредно,—она вретъ, ей-богу вретъ! Она сама пьяница, подлая!...

— Напротивъ, мнѣ никто не говорилъ, но я думаю это, глядя на васъ, перебилъ я старика.

— На пятачекъ только, скорбно выговорилъ старикъ.

— Извольте, если только это не повредитъ вамъ.

— Нѣтъ, пѣтъ! Вотъ ноги поразомну... Давно очень ужъ не пилъ, вздыхая добавилъ бѣднякъ.

Я послалъ за водкой.

— Какъ-же вы, четверо, помѣщаетесь въ одной комнатѣ? спросилъ я сосѣда.

— По бѣдности, батюшка.

— Давно ли вы такъ живете?

— Девятый годъ.

— Господи, боже мой! невольно вырвалось у меня. Девятый годъ люди изо-дня въ день умираютъ голодной смертью, подумалъ я. А прежде вы какъ жили и чѣмъ занимались? спросилъ я старика.

— Да такъ же и прежде жили; только тогда, извѣстно, здоровья-то больше было—самъ работалъ; а теперь только, что

Digitized by Google

сынъ добудетъ, тѣмъ и пробиваемся. А какой онъ добытникъ?

— Какая-же ваша работа была?

— Разная... какая придется...

— То-есть, какъ-же это: какая придется?

— Да также... Извѣстно какая... сами знаете...

Старикъ замялся. Принесли водку; сосѣдъ выпилъ рюмку, и сладострастно зачавкалъ губами, приговаривая:

— Ахъ ты, рожонъ тебѣ въ бокъ!.. Ишь вѣдь какое зелье подлое!... Страсть люблю эту тварь!..

— Гдѣ-же ваше семейство? спросилъ я его.

— А богъ ихъ знаетъ. Они вѣдь меня, старика, не очень почитаютъ; такъ бросятъ съ утра ранняго,—вотъ и валяюсь одинъ, голодаючи.

— Отчего вы не попроситесь въ богадѣльню? Вѣдь вамъ пора бы ужъ, кажется, успокоить себя. Богу бы тамъ молились.

— Охъ, батюшка, не могу я! Былъ я ужъ и въ богадѣльнѣ—прогнали: очень пить сталъ.

— Помилуйте, куда вамъ пить! Вы больны, вамъ лечиться нужно.

— Боленъ, батюшка, да — боленъ... надо лечиться, бормоталъ старикъ, наливая рюмку. Вы на меня не сердитесь, батюшка, обратился онъ ко мнѣ: не могу, очень ужъ люблю ее, проклятую!

Онъ выпилъ, поцѣловалъ донышко рюмки и затѣмъ бросился обнимать меня. На глазахъ старика стояли слезы.

— Только вы у меня одинъ добрый, задыхаясь лепеталъ сосѣдъ. Всѣ меня бросили; никому я не нуженъ; никто не пожалѣетъ меня. Такъ, ровно тряпка какая ненужная, валяюсь безъ призору. Жена бросила, сынъ бросилъ, дочь бросила—всѣ бросили! Но только богъ меня не бросилъ, оживившись проговорилъ старикъ. Нѣ-этъ, богъ не бросилъ... Богъ все не оставляетъ меня своей милостью. Я много предъ нимъ грѣшенъ, много грѣшенъ—а онъ все не оставляетъ, все не оставляетъ меня. Онъ все не оставляетъ... Онъ? Богъ-отъ... Нѣ-этъ, не оставляетъ... А они мнѣ не нужны .. Они мнѣ не

Digitized by Google

нужны... Жена думаетъ, что я въ ней нуждаюсь... Нѣ-этъ, шалишь! Ступай! ты мнѣ не нужна!... Воруйте вы съ сыномъ сколько вашей душѣ угодно, пропивайте, сколько вашей душѣ угодно, а вы мнѣ не нужны... нѣтъ, не нужны...

Старикъ совершенно захмѣлѣлъ; онъ едва держался на стулѣ.

— Вы мнѣ не нужны... ступайте ко всѣмъ чертямъ! бормоталъ старикъ. Вотъ Сашутку жалко... Сашутку жалко... А должна пропасть, должна пропасть... А жалко, очень жалко, вотъ какъ жалко! Старикъ ударилъ себя кулакомъ по лбу.

— Возьми у меня Сашутку, пристрой ее!.. Пристрой!.. Ты добрый человѣкъ?.. На! возьми ее... сбереги ее мнѣ...

Бѣднякъ какъ-то безсмысленно поглядѣлъ на меня.

— Нѣтъ, и тебѣ не отдамъ, потому всѣ вы подлецы!.. Я васъ всѣхъ знаю... я всѣхъ знаю... Вотъ вамъ что будетъ за Сашутку! и старикъ погрозилъ кулакомъ. Она у меня вотъ гдѣ, вотъ!.. бѣднякъ указалъ на сердце. Ни за что не отнимите Сашутку у меня! Ни за что!.. А пропадетъ, пропадетъ, прибавилъ онъ, закрывая лицо руками:—пропадетъ... мать продастъ, какъ подростетъ... продастъ, продастъ!...

Несчастный откинулся на спину стула, заскрежеталъ зубами и потомъ тяжело захрипѣлъ; голова свалилась на сторону, лицо совершенно помертвѣло, грудь едва колыхалась.

Я перетащилъ старика на кровать.

— Зачѣмъ вы его поили-то? упрекнула меня хозяйка, входя съ самоваромъ. Вѣдь ему одинъ наперстокъ нужно—вотъ ужъ онъ и пьянъ.

Въ этотъ же вечеръ я познакомился съ женою и дочерью старика. Старушка много разсказывала мнѣ о своемъ горѣ, повинилась въ пристрастіи къ водкѣ, которую, какъ говорила, пьетъ по неволѣ, чтобы залить свою кручину, и долго, долго нашептывала мнѣ о своей печальной долѣ, выбиться изъ которой, какъ она увѣряла, нѣтъ никакой возможности. Видно было, что человѣческая рѣчь, какой я говорилъ съ этими бѣдняками, сильно дѣйствовала на ихъ загрубѣлыя сердца. Участіе, съ какимъ я выслушивалъ грустную исповѣдь старушки, очень расположило ее ко мнѣ, такъ что послѣ какихъ

Digitized by Google

нибудь тридцати, сорока минутъ, которые мы провели въ бесѣдѣ, старушка, безъ всякихъ вызововъ съ моей стороны, принялась разсказывать мнѣ свою жизнь.

Передаю то, что сохранила моя память изъ этого разсказа.

«Въ Москвѣ мы живемъ лѣтъ двѣнадцать, — разсказывала старушка, — а прежде въ Серпохувѣ жили: такъ, торговлишкой кое-какой занимались. Старикъ—отъ у меня въ тѣ поры былъ трезвый, и вина этого ему на духъ не надо, не токма чтобы пьянствовать, какъ теперь. Въ Серпуховѣ-то мы жили, можно сказать, богатѣями, потому лавочка у насъ своя была, да дворъ постоялый держали: была у насъ и корова своя, и лошадку держали, и все это, что по хозяйству вокругъ надо—все было. У меня, бывало, помню сарафанъ не сарафанъ, шаль не шаль, шуба не шуба,—такъ инда вѣшалка ломится! И прожили бы мы безбѣдно до сихъ поръ, если бы не обошелъ насъ въ ту пору какой-то бѣсъ, прости Господи!.. Вступило вдругъ, отецъ мой, старику моему въ голову переѣхать въ Москву: такъ спитъ онъ и видитъ все Москву, да Москву,— совсѣмъ замотался. Я тоже, ровно бы одурѣла, тоже за нимъ тяну: «поѣдемъ, молъ; что намъ тутъ дѣлать»? И диви бы молоденькіе что-ли были, диви бы капиталу у насъ больно ужъ много было, — ничего такого: такъ взбѣсились на старости лѣтъ, да и ка! поди! Разомъ мы все это распродали, разомъ собрались и маршъ.—Пріѣзжаемъ. Спервачка-то у Красныхъ воротъ остановились, а сами все приглядываемся да присматриваемся, гдѣ бы, молъ, торговлишку какую завести—лавочку что-ли мелочную, али кабакъ снять. Отыскали наконецъ и лавочку. Сняли. Мѣсяца два торгуемъ, слава тебѣ Господи! (Тутъ на Дербеновкѣ лавку-то держали). Только, отецъ ты мой, однова, какъ теперь помню подъ Егорьевъ день, — ноетъ этта у меня сердце: такъ ноетъ, такъ ноетъ, что и сказать я тебѣ не могу! Захватитъ, захватитъ внутри-то, да такъ ровно бы все сосетъ, все сосетъ въ лѣвомъ боку. Дѣло было вечеромъ: только что торговлю покончили, да, Господи бла-

Digitized by Google

гослови, ужинать сѣли. Вотъ и говорю я своему старику: «что это, говорю, Андрей Митричъ, у меня ровно предчувствіе какое, все это какъ-то не себѣ?» А еще Андрей-отъ Митричъ, помню, съ сердцемъ говоритъ мнѣ: «поди чай, говоритъ, обожралась чего съ дуру». Такъ мы этимъ разговоръ и покончили, потому вижу я онъ сидитъ сердитый такой. Поужинали. Легли спать. И все это мнѣ не спится, все это мутитъ, все мутитъ внутри. Ворочалась, ворочалась съ боку на бокъ, наконецъ дрема начинаетъ меня брать. Только что закрыла я глаза, можетъ какихъ пять минутъ забылась, вдругъ слышу поднялся на дворѣ крикъ, ломятся къ намъ въ двери. Вскочили мы — глядь горимъ! Батюшки-свѣты! въ чемъ были, въ томъ и повыскакали на улицу, дѣтей-отъ повытаскали. Бросились было добрые люди въ лавочку, нельзя-ли, молъ, спасти что,—куда тебѣ: всю ее и охватило сразу! А тутъ старика не отыщемъ — тотъ куда-то пропалъ. Бѣгали, бѣгали, выли, выли, наконецъ нашли на другомъ концѣ улицы: сидитъ онъ съ какой-то банкой въ рукахъ и все вопитъ: «шкатулка, говоритъ, пропала!» Такъ мы въ тѣ поры, отецъ мой, сразу потеряли все: имущество погорѣло, товаръ погорѣлъ, да и шкатулка не то пропала, не то погорѣла, а въ ней мотри тысячи четыре денегъ было! И остались мы, нежданно-негаданно, нищими, какъ есть нищими. Взяться намъ нечѣмъ, въ люди идти жить нельзя, потому трое дѣтишекъ въ то время время было, малъ-мала меньше, работы никакой нѣтъ,—хоть ложись да умирай! Бились, бились, наконецъ мочиньки нашей не стало! Старикъ, вижу сталъ хмѣлемъ заниматься, вижу знакомство водитъ съ таки людьми, объ которыхъ прежде-то и думать бы не сталъ; я,—грѣшное дѣло,—милостыню пошла просить. А развѣ это легко, батюшка ты мой!каково было руку-то протягивать, когда прежде-то сама подавала вволю? Дѣти этто бѣгаютъ безъ призору (тогда еще трое было: одна дѣвчонка въ помойной ямѣ утонула), сквернымъ дѣломъ пробавляются: тамъ, слышишь, унесли, въ другомъ мѣстѣ унесли. И била-то я ихъ по началу, и то и другое дѣлала — ничего не помогаетъ, потому ребенокъ онъ голодной, холодный ходитъ, ну и...

Старушка заплакала.

Digitized by Google

»Вотъ такимъ-то родомъ, отецъ мой, и бьемся изо-дня въ день двѣнадцатый годъ, — хоть умереть, такъ, кажется, легче бы было!., Совѣсти что-ли въ насъ, или христіанства этого нѣту? не люди что-ли мы, не чувствуемъ какъ она сладка, эта жизнь?—Да, Господи, кабы вотъ на эстолько была возможность оправить себя, да повести какъ слѣдуетъ—развѣ бы мы не зажили по людски-то? Развѣ пріятно видѣть, когда люди на тебя плюютъ, какъ ты хуже собаки поставлена, когда дѣти у тебя ровно звѣри какіе выростаютъ! Охъ, дѣтушки, дѣтушки!.. Прощайте, отецъ мой».

Старуха горько, горько зарыдала и вышла.

Плачетъ старуха, — а мнѣ что за дѣло:
Что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь? —

Подумалъ я.

Прошло три дня съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ *Арбузовской крѣпости*. Разъ, поутру, я былъ разбуженъ какими-то криками, вылетавшими изъ отдѣленія, занимаемаго семействомъ. Къ знакомымъ голосамъ старика, старухи и дочерей присоединялся на этотъ разъ еще новый, молодой, мужской. Новаго звали Яшей, почему я заключилъ, что это былъ, пропадавшій гдѣ-то нѣсколько времени, сынъ.

— Сколько ты говоришь Яша на твою долю?.. спрашивала мать.

— А ты не орп! безцеремонно обратился къ ней сынъ, за перегородкой чай слышитъ.

— Нѣтъ, онъ еще спитъ, шопотомъ уже сказала она.

— Я, видишь, мастеромъ былъ;—ну, продали мы за девяносто, значитъ я и получилъ половину. Да ужъ изъ нихъ вотъ только осталось.

— Ну-ка, давай ихъ сюда, проговорила мать.

— Какже, такъ и отдалъ, жди! Вотъ это дамъ.

— Этого мало.

Старушка начала представлять сыну какіе-то разсчеты.

Digitized by Google

— Водочки бы поставить, скромно произнесъ отецъ.

— Молчи, старый дуракъ! Прикрикнула на него мать.

— На, на, тебѣ на водку; умилостивился Яша.

Черезъ полчаса у сосѣдей моихъ пошелъ пиръ. Голоса поднимались все выше и выше, потому что семейство старательно угощало себя водкой. Пили всѣ, даже маленькая Саша.

— Мамынька, дайте мнѣ, слышался голосъ дѣвочки.

— Полно дура, пьяна будешь.

— Нѣтъ, мамынька, я только рюмочку.

И добросердечная «мамынька» отпускала дочери рюмочку.

Въ какихъ нибудь тридцать, сорокъ минутъ вся семья дошла буквально до состоянія дикихъ звѣрей: родители потеряли всякое сознаніе о своихъ правахъ, которыя они предъявляли въ трезвомъ видѣ; дѣти забыли страхъ и уваженіе къ родителямъ — и поднялась ожесточенная руготня, грозившая перейти даже въ потасовку.

— А что ты говоришь, псовъ-сынъ, что не я тебя въ мастера поставилъ, что это ты врешь, подлецъ! спотыкаясь на каждомъ словѣ, говорилъ отецъ.

— Поставилъ одинъ эдакой, перечилъ сынъ.

— И поставилъ...

— Я изъ-за тебя только на съѣзжую и попадалъ. Вотъ какъ ты меня въ мастера-то ставилъ.

— А кто форточному дѣлу обучилъ? кто? Кто скажи, съ тобой, да съ Ѳедькой чижомъ въ Никитской бралъ? кто у Андропія?.. То-то, подлецъ, все забылъ!

— Самъ подлецъ! ругнулъ сынъ.

— Какъ отца-то?

Старикъ защуршалъ ногами, вѣроятно силясь подняться.

— Смотри старый чортъ! погрозилъ Яша.

— Я тебѣ покажу, какъ отца ругать! задыхаясь кричалъ старикъ.

— Покажи, покажи... Посмотрѣлъ бы я...

Сцены, въ родѣ этой, повторялись одна за другой до тѣхъ поръ, пока семейство окончательно не свалилось съ ногъ. За тѣмъ наступила тишина, нарушаемая только храпѣньемъ спящихъ отцовъ и дѣтей. Я потихоньку выбрался въ корридоръ,

Digitized by Google

потихоньку пріотворилъ дверь въ комнату сосѣдей и увидѣлъ слѣдующую картину:

Стойло занимало пространство въ два аршина ширины и въ аршинъ длины. Меблировка состояла изъ липоваго стола, двухъ изломаныхъ стульевъ и кровати самого незатѣйливаго свойства. На кровати лежала грязная рогожа, замѣнявшая тюфякъ и подушку вмѣстѣ. Кромѣ отрепьевъ, которыми были покрыты тѣлесныя срамоты бѣдняковъ, въ конурѣ не видно было ровно никакого имущества. Семейство располагалось въ этой берлогѣ въ такомъ порядкѣ. Отецъ лежалъ на кровати; рядомъ съ нимъ, едва лѣпясь на окраинахъ досокъ, въ самомъ неловкомъ положеніи, помѣщалась дочь; мать и сынъ валялись на полу. Удушливый воздухъ, какимъ была наполнена комната, сразу отшатнулъ меня отъ двери. Такой атмосферы, думаю, не отыскать даже въ свиныхъ хлѣвахъ и тому подобныхъ милыхъ мѣстечкахъ.

Прожившн въ *крѣпости* недѣлю, я коротко ознакомился съ обитавшимъ въ сосѣдствѣ семействомъ, и узналъ такія исторіи и такіе случаи, бывшіе съ нимъ, что даже мнѣ подобные разсказы показались чуть не вымысломъ.

Старикъ-отецъ, о которомъ я уже сообщилъ кое-что по разсказу его жены, былъ прежде всего воръ (*жуликъ*) и воръ очень оригинальнаго свойства: онъ послѣдовательно прошелъ почти всѣ категоріи, и между своими братьями считался человѣкомъ очень искуснымъ въ этомъ дѣлѣ.

Нужно замѣтить, что воровство имѣетъ множество степеней или, лучше сказать, категорій, между которыми *забирошничество* считается дѣломъ самымъ легкимъ, а *аферa* составляетъ какъ-бы вѣнецъ. *Забироха* (отъ беру, забираю) воруетъ только то, что ворується легко, безъ всякаго риска, что можно взять безъ какихъ либо выдумокъ, подходовъ и проч; *аферистъ* же, какъ видно изъ самаго слова, непремѣнно долженъ пускаться на выдумки, на *аферы*, онъ изощряетъ тутъ свой умъ (если только можно назвать умомъ ту

Digitized by Google

мозговую работу, которая происходитъ въ головѣ подобнаго вора), соображаетъ всѣ случайности и нерѣдко совершенно поражаетъ своей находчивостью и обдуманностію своего воровскаго плана. *Аферисты* это тайлераны своего рода, между тѣмъ какъ несчастный *забироха* просто на просто писецъ уѣзднаго суда или полиціи. Вотъ если допустить такое сравненіе, то въ промежутокъ между *аферистами* (тайлерами) и *забирохами* (писцами) стоятъ все эти различные воровскіе чины въ родѣ *поъздушниковъ, кушачниковъ, трубочистовъ, городушниковъ, форточниковъ, громилъ, липачей*, и проч. и проч. Разница между всѣми этими категоріями очень большая, какъ по самому роду ремесла, такъ и по степени матеріальнаго благосостоянія.

Забироха вѣчно голоденъ, оборванъ, грязенъ, живетъ въ какой нибудь закутѣ, или нигдѣ не живетъ, а такъ болтается подъ открытымъ небомъ. Мать-природа знакома ему, какъ свои пять пальцевъ: и дождемъ-то поливала она его безъ конца, безъ мѣры, и солнцемъ-то жгучимъ палила, и морозомъ трескучимъ холодила,—все онъ извѣдалъ, все онъ взялъ отъ этой единственной своей подруги—все взялъ, что дала она ему. Видъ *забирохи* ужасенъ! Онъ потерялъ даже ликъ человѣческій; онъ воплощенная злоба, воплощенная ненависть. Изъ подобныхъ людей выходятъ самые закоренѣлые злодѣи, потому что, что же можетъ быть ужаснѣе голоднаго человѣка? Посмотрите, какъ злобно онъ глядитъ на васъ, когда, встрѣтивъ васъ гдѣ нибудь въ глухомъ мѣстѣ, попроситъ милостыню! Онъ не говоритъ, какъ привиллегированный нищій: «Подайте христа ради», — нѣтъ, онъ просто пробормочетъ: «подали бы», и при этомъ какъ-то рѣшительно протягиваетъ руку... *Забироха* вѣчная жертва полиціи; вѣчно водятъ его на веревочкѣ съ замеленною спиною: то на улицѣ подняли спящаго, то самъ пришелъ въ часть просить почлега, то драку завелъ съ кѣмъ нибудь, чтобы попасть въ руки блюстителей порядка. Бѣдный *забироха!* Цѣлые годы иногда шляешься ты, злополучный, не находя себѣ мѣста, не находя куска хлѣба; шляешься, шляешься, да наконецъ и окочуришься гдѣ нибудь на мостовой! Никто тебя не пожалѣетъ, никто о тебѣ не вспомянетъ, — только въ полицей-

Digitized by Google

сномъ листкѣ появится интересная строчка: «такого-де числа, тамъ-то, усмотрѣно неизвѣстно кому принадлежащее тѣло». Экая подлая жизнь!

Не то, совсѣмъ не то, жизнь *аферыста*.

Аферыстъ, во-первыхъ, имѣетъ квартиру (иногда очень хорошую), имѣетъ обѣдъ, имѣетъ одежду; онъ даже рѣдко ходитъ пѣшкомъ, а по большой части катается на рысакахъ, на лихачахъ. Наружность его очень прилична. Нерѣдко, обдумывая какой нибудь воровской планъ, онъ прохаживается съ сигарой по бульвару, при чемъ заинтересуетъ своею задумчивою физіономіею не одну купеческую дочку. Этотъ воръ, самый гнусный воръ! Гнусенъ онъ потому, что до воровства онъ доходитъ не по нуждѣ, не ради холода и голода, а по стремленію къ легкому труду или ремеслу — легкому потому, что такой человѣкъ затратилъ постепенно на него весь свой умственный капиталъ. Воры этой категоріи поражаютъ своей умственной исправленностью; недалекимъ людямъ они, также какъ и талейраны, кажутся просто геніями, потому что недалекіе люди извѣстнаго рода ловкость считаютъ умомъ, совершенно забывая, что съ умомъ необходимо связаны честь, совѣсть, правда. Такіе недалекіе люди совершенно забываютъ, что онъ воровски-уменъ, то есть потому, что другіе честно-умны и, дѣйствуя въ сферѣ правды и совѣсти, никогда не подозрѣваютъ ловушекъ тамъ, гдѣ по понятіямъ честнаго человѣка ихъ не должно быть: — онъ силенъ человѣческой слабостью.

Остальныя категоріи воровъ всѣ заключены между скромнымъ *забирохой* и величественнымъ *аферистомъ*, и степень матеріальнаго довольства опредѣляется степенью отдаленности отъ того или другого конца. Объяснять эти степени было-бы слишкомъ долго, притомъ впослѣдствіи еще придется встрѣчаться съ личностями той или другой категоріи, тогда, слѣдовательно, и можно распространиться, а теперь будемъ продолжать.

Итакъ, старикъ, отецъ семейства, прошелъ почти всѣ категоріи. Хозяйка подробно разсказала мнѣ, какъ пьяный онъ явился домой съ первой ворованной вещью.

— Это, какъ теперь помню, — разсказывала она, — было

Digitized by Google

недѣли черезъ три послѣ того, какъ они переѣхали ко мнѣ. Переѣхали они ко мнѣ ровно безъ ничего: все-то у нихъ погорѣло; что, бывало, мать насбираетъ, тѣмъ и покормитъ ребятишекъ; а самъ онъ все пропадалъ гдѣ-то, — такъ цѣлые дни не показывается домой. Вотъ разъ, сидимъ мы съ старухой вечеромъ, — только что она это воротилась, да дѣтей откормила, — вдругъ является самъ, пьяный — распьяный. Пришолъ и бросилъ на полъ полушубокъ, и стоитъ надъ нимъ, качается: и все его ровно лихорадка бьетъ, ровно лихорадка бьетъ — такъ и трясется. Она это на меня посмотрѣла, потомъ на него, удивляется: что, молъ, съ нимъ? — Гдѣ, говоритъ, взялъ? — «Укралъ!» Какъ взвыла моя старуха, какъ взвыла — батюшки — свѣты! Такъ и катается по полу, какъ сумашедшая. Я, извѣстно, ушла. Долго послѣ того, у нихъ брань да слезы шли. На утро, вижу, продавать потихоньку понесли. А потомъ, слышу — послышу, сталъ самъ-отъ исправски заниматься, этимъ дѣломъ. — Да какже, добавила хозяйка: — жить нечѣмъ, поневолѣ будешь воровать.

Объ искуствѣ старика въ воровскомъ дѣлѣ я слышалъ такой разсказъ:

— Да, жалко, что Андрей Митревъ теперь старъ сталъ, да пьетъ очень, а то бы онъ поучилъ еще нашего брата, разсказывалъ одинъ воръ. По форточной работѣ такого мастера не найти. Бывало, въ какую хочешь форточку влѣзетъ, а, главное, черезъ какую хочешь махонькую протащитъ что тебѣ угодно. Разъ, помню, брали мы на Никольской, такъ онъ столовые часы выудилъ; и какъ его черти угораздили черезъ форточку ихъ протащить — ума не приложу! Часы аршина полтора въ вышину, да четвертей двѣнадцать въ ширину, а онъ проперъ ихъ сквозь этакую дыру. Разсказщикъ показалъ руками отверстіе вершковъ въ десять. — Ты еще вотъ что подумай, прибавилъ онъ: — вотъ какой вѣдь штукарь былъ: положи ты ему теперича десятокъ али больше часовъ что-ли, перстней или другихъ какихъ вещей, войдетъ онъ и вѣдь всѣхъ не возьметъ, а выберетъ что ни на есть лучшую. «Потому говоритъ, когда хватятся, такъ на вора не подумаютъ: воръ, говорятъ, все бы взялъ, а это значитъ свои; а я между тѣмъ могу и въ другой разъ, и въ третій

Digitized by Google

навѣстить». — Вотъ какой былъ молодецъ! заключалъ разсказщикъ. Сынъ вотъ теперь, хорошо беретъ, слова нѣтъ,— а все далеко противъ отца, куда же! тотъ же Филька, да не тѣ кудри.

Многимъ страннымъ кажется, какимъ образомъ воры — отцы, сознавая всю гнусность и непрочность своего ремесла пускаютъ по той же дорогѣ дѣтей, къ которымъ нерѣдко питаютъ самую горячую любовь. Изъ этого родились даже сказки о томъ, что существуютъ будто бы школы, въ которыхъ обучаютъ дѣтей воровскому ремеслу. Въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, такихъ школъ нѣтъ. А если родители предоставляютъ дѣтямъ извѣдывать всѣ невыгоды своего ремесла, то это случается безъ ихъ воли и желанія, а именно въ силу тѣхъ же неотразимо-гнетущихъ обстоятельствъ, которыя повалили самихъ родителей. Воры-родители, вѣчно слоняясь по городу, сообразно своему занятію, предоставляютъ дѣтей, самимъ себѣ. Дѣти голодаютъ, холодаютъ и наконецъ выталкиваются на отцовскую дорогу тѣми же недругами, какіе ведутъ по пути преступленій и ихъ родителей. Привыкнувъ къ порокамъ съ ранняго дѣтства, огрубѣвъ подъ тяжестью лишеній и вѣчнаго горя, потомокъ — воръ въ двѣнадцать, тринадцать лѣтъ совершенно закаляется въ омутъ пороковъ и преступленій, и его трудно свести въ эти годы съ избраннаго пути, тѣмъ болѣе трудно, что нерѣдко въ такіе годы онъ дѣлается опорой, кормильцемъ и поильцемъ цѣлой семьи. Наконецъ, кто знаетъ мѣстности въ родѣ Грачовки, Дербеновки, Мошка, Щипка и проч., мѣстности, исключительно населенныя жуликами, тотъ пойметъ, какъ трудно сберечь ребенку (замѣтьте, самому!) нравственность въ подобныхъ помойныхъ ямахъ. Кто видѣлъ этихъ дѣтей, съ старческими, морщинистыми лицами, съ хриплыми голосами, съ грубой, вѣчно циничной рѣчью, тотъ знаетъ и понимаетъ, что изъ грязи не выйдетъ золото, а изъ сгнившаго нравственно дитяти не выростетъ здоровый человѣкъ. Посмотрите на игры этихъ несчастныхъ. Вотъ они играютъ въ *трубочисты*... Четверо дѣтей расположились въ углу двора, навѣшали на заборъ какихъ-то тряпицъ и ждутъ прихода пятаго, который долженъ изображать *трубочиста—вора*, и въ этомъ видѣ обокрасть ихъ т. е. уне-

Digitized by Google

сти тряпки. *Трубочистъ* намазалъ лицо сажей, вооружился палкой съ пукомъ мочалы на концѣ, бойко подходитъ къ сидящимъ, кланяется и проситъ позволенія осмотрѣть печи. Ему разрѣшаютъ. *Трубочистъ*, елозя воображаемымъ помеломъ по забору, успѣваетъ въ тоже время унести нѣсколько тряпокъ. Дѣти хохочутъ; они рады его искусству. Но вотъ онъ нечаянно уронилъ одну изъ украденныхъ вещей; всѣ бросаются на него, и вора начинаютъ немилосердно бить. Иногда подобная игра оканчивается дѣйствительной потасовкой, послѣ которой дѣти снова мирятся, снова играютъ въ подобную же дикую игру, снова дерутся, и т. д. и т. д. до тѣхъ поръ, пока голодъ не заставитъ ихъ обратиться отъ игръ и смѣха къ реву, или пока сонъ не уложитъ ихъ тутъ же на мѣстѣ забавъ и увеселеній.

Саша, дочь моихъ сосѣдей, выростала именно при подобныхъ условіяхъ. Цѣлый день, пока сонъ или голодъ не загоняли ребенка въ комнату, она бѣгала по двору или по улицѣ, гдѣ съ своими сверстниками, дѣтьми такихъ же бѣдняковъ, пускалась на различныя выдумки и занималась играми, въ родѣ приведенной выше. Мать пропадала изъ дому съ ранняго утра: говорили, что она занимается выпрашиваніемъ милостыни и мелкимъ воровствомъ. Саша въ это время, пользуясь полнѣйшей свободой, непріученная ровно ни къ какому занятію, безцѣльно бродила гдѣ придется; а такъ-какъ нерѣдко несчастной дѣвочкѣ, голодной и прозябшей, возвращаться домой было не зачѣмъ, потому что и тамъ ожидали ее голодъ и холодъ, да еще въ добавокъ вѣчное брюзжаніе разлагавшагося отца,— то Саша пускалась на поиски за хлѣбомъ и тепломъ. Она, какъ говорила, довольно ловко занималась мелкимъ воровствомъ, знала мѣста, куда можно сбыть украденное, и такимъ образомъ на вырученныя деньги устраивала себѣ обѣдъ въ съѣстной лавочкѣ, харчевнѣ, или что-нибудь подобное.

Разъ Саша, вѣроятно по ошибкѣ, пріотворила дверь въ мою комнату. Я пригласилъ ее къ себѣ. Саша вошла довольно бойко, усѣлась, и мы повели рѣчь.

— Гдѣ вы бѣгаете, Саша? спросилъ я ее.

— На дворѣ. Играю-съ.

Digitized by Google

— Да вѣдь не всегда же можно бывать на дворѣ: иногда холодно.

— Я привыкла-съ.

— И не надоѣдаетъ это вамъ?

— Нѣтъ-съ. У насъ вѣдь разныя игры... Мы все въ разныя играемъ...

— Съ кѣмъ-же вы играете?

— Насъ много. Вонъ у Рыкалихи двое, Васька—кушачника сынъ, я, Дарюшка изъ Чернышовской баттареи ходитъ, еще кто нибудь—вотъ и играемъ.

— Гдѣ же ваша маменька?

— А чортъ ее знаетъ! бойко выговорила Саша: цѣлый день гдѣ-то шлёндраетъ.

— Вы любите вашу маменьку?

— Нѣтъ-съ.

— Отчего же не любите?

— Да такъ-съ, любить то ее не за что.

— Кого же вы любите?

— Никого-съ

— И отца не любите?

— И его не люблю.

— А брата?

— Яшу-то?

— Да.

— Прежде любила, когда гостинцы носилъ, а теперь—нѣтъ; потому онъ говоритъ: ты сама вонъ какая кобыла, сама можешь добыть на гостинцы.

— Какже вы можете добывать-то сами?

Саша улыбнулась и посмотрѣла на меня.

— Что вамъ говорить, вы знаете, скороговоркой вымолвила она и выбѣжала отъ меня.

Я жилъ въ *крѣпости* уже около мѣсяца. Семейство моихъ сосѣдей нѣсколько разъ праздновало какія-то случайныя получки денегъ, нѣсколько разъ затѣвалось въ скромной комнатѣ великое пьянство, бушевалъ отецъ, ругался сынъ и вопили мать и дочь. Но вдругъ все стихло и стихло на довольно продолжительный срокъ, такъ что я даже освѣдомился у хозяйки, что сталось съ моими сосѣдями. Оказалось, что сынъ

Digitized by Google

гдѣ-то сильно проворовался и теперь скрывается, потому что его ищетъ полиція; отецъ, получивши отъ сына нѣкоторое количество денегъ, пропалъ безъ вѣсти; а мать бѣгаетъ, отыскиваетъ мужа и сына. Саша же потому не являлась домой, что дѣлать тутъ ей нечего.

Разъ, ночью, я былъ разбуженъ голосами въ комнатѣ сосѣдей.

— Гдѣ же тятька? спрашивала Саша.

— Да Богъ его знаетъ, отвѣчала мать. Вотъ Яшутку-то, мотри, словили,—пропадетъ теперь.

— Яша-то гдѣ?

— Извѣстно гдѣ: скрывается.

— Видала ты его? спросила Саша.

— Видала. А ты молчи! спи!

На утро явилась полиція. Я слышалъ, какъ грубый, начальническій голосъ распрашивалъ хозяйку, гдѣ живетъ Андрей Дмитріевъ и не у него ли скрывается сынъ Яковъ Андреевъ? Хозяйка объявила, что хотя Андрей Дмитріевъ и живетъ у ней, но что его теперь нѣтъ дома, а если его благородію угодно, то можно видѣть жену Андрея Дмитріева. Начальство вошло въ комнату сосѣдей.

— Ты кто такая? обратился начальникъ къ старухѣ.

— Вѣра Павлова, ваше благородіе.

— Жена Андрея Дмитріева?

— Такъ точно, ваше благородіе.

— Гдѣ же мужъ?

— Не могу знать, ваше благородіе: четвертый день не бывалъ дома.

— А гдѣ сынъ, Яковъ Андреевъ?

— Тоже не могу знать, ваше благородіе: вотъ шестыя сутки не вижу.

— Врешь!

— Убей меня богъ, ваше благородіе!

— Ты его скрываешь гдѣ-нибудь. Врешь!

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Какъ предъ Господомъ Богомъ...

— Экіе подлецы! разсуждалъ полицейскій чиновникъ: въ своемъ кварталѣ грабятъ, какъ будто Москва-то клиномъ со-

Digitized by Google

шлась! Ты скажи своему Якову, что напрасно онъ бѣгаетъ—отыщемъ... отыщемъ, и ужь тогда не отвертится—прямо въ Сибирь! Я покажу, какъ марать мое имя!

— Онъ, ваше благородіе, можетъ-быть въ этомъ дѣлѣ не виноватъ, потому...

Старушка заплакала.

— Хорошо, хорошо, тамъ увидимъ, какъ не виноватъ, грубо возразилъ полицейскій, и вышелъ.

Весь день старушка-мать и Саша провели въ хлопотахъ: онѣ бѣгали куда-то, часто появлялись въ своей конуркѣ, шептались, приносили и уносили что-то.

Вечеромъ, часовъ въ шесть, въ сѣняхъ раздался грубый, полунасмѣшливый голосъ какихъ-то людей: «Ну-ка, хозяйка, принимай гостя»; затѣмъ послышался взвизгъ хозяйки, и черезъ секунду двое полицейскихъ принесли въ комнату сосѣдей умирающаго старика, котораго они подняли гдѣ-то на улицѣ.

— Ахъ, батюшки мои! Ну-ка онъ помретъ! вопила хозяйка.

— Туда и дорога, замѣтилъ одинъ изъ полицейскихъ.

Явились мать и дочь. Въ комнаткѣ поднялся плачъ.

— Андрей Митричъ! голубчикъ! звала мать, тормоша окоченѣвшаго старика.

— Тятенька! миленькій! кричала дочь.

Но отвѣта не было.

Не подалеку жилъ студентъ—медикъ, позвали его; тотъ для очистки совѣсти отворилъ кровь—кровь не пошла. Студентъ постоялъ, постоялъ, помоталъ головою и вышелъ. Старикъ умеръ.

— Батюшка ты мой! кормилецъ, поилецъ ты нашъ! охо-хо, хо-хо! вопила старушка, припавъ головою къ груди старика.

Саша тоже плакала.

Черезъ нѣсколько времени вошла ко мнѣ хозяйка.

— Слышали: умеръ?

— Да.

— Безъ покаянья умеръ-то, замѣтила хозяйка.

— Чѣмъ же она хоронить будетъ? спросилъ я.

Digitized by Google

— У нихъ есть теперь деньги, шопотомъ сообщила мнѣ хозяйка.

— Откуда же?

Хозяйка приложила палецъ къ губамъ, осмотрѣлась даже стѣнъ: «ну-ка подслушаютъ», и тихонько произнесла:

— Яковъ-то съ товарищами купца какого-то ограбилъ; тыщи три, слышь, у него сблаговѣстили; такъ онъ, говорятъ съ матерью-то подѣлился—сотни двѣ далъ, прибавила хозяйка уже такъ тихо, что послѣднія слова я скорѣе разобралъ по движенію ея губъ, чѣмъ по звукамъ голоса.

— Гдѣ же теперь Яковъ?

— Скрывается. Ну да ужъ Сибири не миновать. Вчера ночью здѣсь былъ. Ежели, говоритъ, пашпортъ успѣю выправить, убѣгу, говоритъ, отсюда. Вчера поди какое пиршество у насъ тутъ было: одного донскаго никакъ дюжины двѣ выпили, добавила собесѣдница, тихонько выползая изъ моей комнаты.

Ночью, когда я уже загасилъ свѣчу, кто-то вошелъ въ комнату сосѣдей. Сквозь щелку въ перегородкѣ я посмотрѣлъ туда и увидѣлъ Якова. Онъ былъ одѣтъ щегольски: красная шелковая рубашка, кафтанъ тонкаго сукна, плисовые шаровары и высокіе сапоги. Лицо Якова сильно опухло отъ пьянства. Онъ подошелъ къ кровати, гдѣ на грязныхъ лохмотьяхъ лежалъ мертвый отецъ, и не то улыбнулся, не то скорчилъ кислую гримасу при видѣ покойника.

— Гробъ-отъ закажи, обратился Яковъ къ матери:—да саванъ что ли ему сшей, равнодушно изрѣкъ онъ и, позевывая, вытащилъ изъ кармана депозитку, которую и сунулъ въ руку матери.—Ну, я пойду, добавилъ онъ:—завтра можетъ паспортъ получу—тамъ прощайте!

— Какъ же мы-то останемся, Яша? спрашивала мать.

— Какъ оставалась до сихъ поръ, такъ и теперь останешься.

Старуха захныкала.

— Бога въ тебѣ нѣтъ, Яша!

— Ишь ты на деньги-то очень падка, равнодушно возразилъ сынъ.

— Да какже намъ однимъ-то жить? плакала старушка. То двое были, а тутъ вдругъ ни одного.

Digitized by Google

— Экое горе! А ты поревн, поревн — перебудн всѣхъ, дери тебя черти!

Яковъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, сильно хлопнувъ дверью.

Наступилъ день похоронъ. Мертвеца оплакали, какъ слѣдуетъ по обряду христіанскому, и снесли въ бѣдномъ тесовомъ гробѣ на кладбище. Такъ какъ у старухи были нѣкоторыя деньжонки, то устроились поминки. Собрались различные полуголодные бѣдняки и пошелъ пиръ. Кутежъ продолжался до глубокой ночи. Якова не было между пирующими. Наконецъ, часовъ около двѣнадцати ночи, явился и онъ. Тихонько пробрался Яковъ въ комнату матери, скромно поздоровался съ пьяными гостями, и осторожно велъ себя довольно долго: видно было, что онъ боится отыскивающей его полиціи. Яковъ былъ совершенно трезвъ. Но къ концу кутежа онъ не выдержалъ своей роли; выпивши довольно много, онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ необыкновенную храбрость: грозилъ перебить всѣхъ, кто только осмѣлится дотронуться до него, послалъ за водкой и подбилъ товарищей затянуть пѣсню. Черезъ минуту молодецкія груди сильно заколыхались отъ громогласныхъ звуковъ:

Я посѣю-ль, молода—молоденька,
Цвѣтиковъ маленько—

Гаркнули наши удальцы. Маленькая квартирка стономъ застонала отъ могучихъ голосовъ, задребезжали стекла и оконныя рамы, отголоски понеслись вдоль улицы, расплываясь въ ночной тишинѣ. Я посмотрѣлъ въ щелку на Якова. Онъ сидѣлъ у небольшаго столика, бойко подпершись въ бока; оловянно-грязные глаза упорно смотрѣли въ стѣну и вѣроятно ничего ровно не видѣли; ротъ его то открывался, то затворялся какъ-то механически, безъ воли хозяина, причемъ вылетали оттуда дикіе, громкіе звуки. Въ порывѣ самодовольствія и презрѣнія ко всему, Яковъ разорвалъ свою рубашку отъ самаго ворота, почему, приходя въ пафосъ, онъ сильно колотилъ себя кулакомъ въ голую грудь. Четверо товарищей Якова сидѣли на кровати съ самыми безсмысленными, пьяны-

Digitized by Google

ми лицами; мать и сестра давно спали на полу, уткнувшись головами далеко подъ кровать.

Вдругъ послышался стукъ въ наружную дверь. Яковъ чутко прислушивался. Онъ въ мгновеніе побѣлѣлъ, какъ снѣгъ; безсмысленные глаза разомъ освѣтились какъ-то зловѣще; слегка пошатываясь, онъ приподнялся со стула и началъ усиленно слушать. Стукъ продолжался. Кто-то рѣзко кричалъ: «Отвори!» нѣсколько голосовъ поддерживали кричавшаго. Яковъ сообразилъ въ чемъ дѣло.

— Полиція! какъ быть? обратился онъ къ товарищамъ.

Но товарищи смотрѣли на него, и только глупо хлопали глазами, да чавкали парализованными губами.

Яковъ совершенно отрезвѣлъ. Онъ окинулъ взглядомъ комнату, въ мгновеніе, кажется, перебралъ глазами все, что было въ ней, и заскрежеталъ зубами: чего-то онъ не находилъ.

— Эхъ, ножа-то нѣтъ! какъ-то взвизгнулъ воръ.

Между тѣмъ хозяйка отперла дверь. Нѣсколько человѣкъ вошли въ сѣни, послышались вопросы: гдѣ? куда?

Яковъ, какъ застигнутая врасплохъ кошка, заметался изъ угла въ уголъ, не зная куда дѣваться. Онъ еще разъ взглянулъ на товарищей, думая вѣроятно при ихъ помощи отдѣлаться хоть силой; но тѣ совершенно никуда не годились и, казалось, даже не понимали въ чемъ дѣло. Не видя помощи ни откуда, Яковъ схватилъ стулъ, быстро изломалъ его, взялъ въ руки по ножкѣ и, потушивъ свѣчу, бросился къ двери. Въ корридорѣ показался огонь. Яковъ приперъ двери и затаилъ дыханіе.

— Гдѣ? спросилъ начальственный голосъ.

— Вотъ тутъ, указала хозяйка на конуру сосѣдей.

— Я тебѣ покажу, каналья, какъ не давать знать полиціи, когда тебя обязали подпиской, шумѣлъ тотъ же голосъ.

— Да вѣдь, батюшка, отецъ мой!.. слезливо оправдывалась хозяйка.

— Молчать! Отворяй! крикнулъ начальникъ.

Отвѣта не было.

— Отворяй! говорятъ тебѣ, или дверь велю выломать!

Опять молчаніе.

— Ломай дверь! обратился начальникъ къ кому-то.

Digitized by Google

Нѣсколько человѣкъ, вѣроятно полицейскихъ, дружно откашлялись и наперли; перегородка застонала и затрещала сплошь, такъ что грозила повалиться даже въ моемъ стойлѣ; наконецъ раздался оглушительный трескъ, и дверь у сосѣдей сорвалась съ петлей и упала. Мать и дочь проснулись и завопили. Я заглянулъ въ щелку и увидѣлъ такую картину:

Яковъ стоялъ посреди своей миніатюрной комнатки, высоко поднявъ надъ головою два обломка стула; лицо его было совершенно бѣло; черные глаза горѣли, какъ два угля; гнѣвъ и страхъ, исказившіе его физіономію, особенно рѣзко запечатлѣлись въ широко открытомъ, перекосившемся ртѣ и поднятыхъ бровяхъ. Широкая, яркая полоса свѣта, врывавшагося изъ корридора сквозь выбитую дверь, освѣщала всю фигуру Якова. Остальныя личности, прятавшіяся въ полутемные углы, сами собою отодвигались на второй планъ въ этой страшной картинѣ. Мать и дочь, наполнявшія безсознательнымъ, дикимъ крикомъ всю квартиру, барахтались гдѣ-то подъ кроватью, едва-ли объясняя себѣ причину собственнаго вопля, потому что обѣ были пьяны; собутыльники Якова прятались одинъ за другаго, растерявшись и недоумѣвая, что имъ предпринять.

— Лучше сдайся безъ драки, уговаривалъ изъ корридора начальственный голосъ.

— Ни за что, значительно крикнулъ Яковъ.

— Ой, сдайся.

Молчаніе.

— Тихоновъ, скромно позвалъ кого-то начальникъ.

— Чего изволите, ваше благородіе.

— Что же? надо брать.

Въ голосѣ начальника было что-то нѣжащее, ласкающее и вмѣстѣ ужасное; онъ какъ будто говорилъ: «что же дѣлать, Тихоновъ? я самъ знаю, что въ этой битвѣ тебѣ, пожалуй, могутъ свернуть голову, — но какъ же поступить иначе?»

— Надо брать, скромно подтвердилъ Тихоновъ.

— Всѣ-ли тутъ? спросилъ начальникъ.

— Всѣ, ваше благородіе! возопили человѣкъ пять-шесть подчиненныхъ.

— Подите сюда.

Digitized by Google

Наступающіе отодвинулись въ глубину корридора и начали совѣщаться вполголоса. Больше всѣхъ, разумѣется, говорилъ начальникъ, потому что онъ отдавалъ приказанія; подчиненные только разражались отрывочнымъ «слушаю-съ,» «такъ точно-съ» и проч. Наконецъ совѣщаніе кончилось.

— Яковъ, заговорилъ у двери Тихоновъ: брось ты это дѣло: сдавайся.

Яковъ молчалъ.

— Вѣдь хуже будетъ.

Опять молчаніе.

— Эхъ братъ, не дѣло ты задумалъ, съ грустью изрѣкъ парламентеръ и подкрѣпленный двумя-тремя товарищами двинулся впередъ; остальные стояли въ дверяхъ, потому что всѣмъ не возможно было войти въ клѣтушку.

Яковъ началъ махать палками. Полицейскіе то подвигались, то отодвигались, смотря по тому, наступалъ-ли на нихъ или пятился врагъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ стремительно бросился впередъ, сильно нагнувши голову, такъ что ударился ею въ животъ Якова. Но ударъ былъ слишкомъ слабъ; Яковъ оправился отъ него въ одно мгновеніе и поразилъ своего противника палкой по головѣ: раненый застоналъ и на четверенькахъ поползъ къ двери. Наступающіе озлобились, и дружно пошли на непріятеля. Яковъ махалъ палками направо и налѣво, нанося удары и поминутно заставляя своихъ враговъ отскакивать; однако минутъ черезъ пять дѣло приняло очень дурной оборотъ. Одна изъ палокъ очутилась въ рукахъ полицейскихъ, и съ помощью ея они успѣли очень скоро припереть своего противника къ стѣнѣ. Тутъ началась ужаснѣйшая драка. Яковъ билъ, какъ говорится, «не въ свою голову»; его били тоже безъ пощады. Наконецъ сила взяла верхъ. Несчастнаго схватили за руки и бросили на полъ; Яковъ взвизгнулъ, сразу напрягъ всѣ свои оставшіяся силы, и въ послѣдній разъ взялъ перевѣсъ надъ своими врагами. Какъ тигръ, онъ бросался изъ стороны въ сторону, дѣйствуя руками, ногами, зубами, — словомъ, всѣмъ, чѣмъ только могъ нанести вредъ непріятелю. Непріятель было струсилъ въ первое время и готовился отступить, но, видя, что энергія въ Яковѣ слабѣетъ съ каждой секундой, полицейскіе отважно рванулись

Digitized by Google

впередъ и чрезъ пять-шесть минутъ, окровавленный, загрязненный, оборванный Яковъ лежалъ на полу, издавая болѣзненные стоны: два полицейскихъ, упершись колѣнами въ тѣло несчастнаго бойца, немилосердно скручивали ему руки и вязали ноги.

— А это что за люди? грозно спросилъ начальникъ, указывая на товарищей Якова.

— У нихъ въ гостяхъ были, отвѣчала хозяйка.

— Вяжи и ихъ.

Гости отдались въ руки полиціи безпрекословно.

— Ну, что, подлецъ? не говорилъ ли я тебѣ, злобно обратился начальникъ къ валявшемуся на полу Якову, тыкая сапогомъ въ лицо его: — не говорилъ-ли я тебѣ мерзавцу?

Яковъ вмѣсто отвѣта плюнулъ какою-то сукровицей въ физіономію начальника.

— А это что за женщины?

— Это мать его и сестра, объяснила хозяйка.

— Вяжи и ихъ!

Смолкшія было женщины опять заголосили, перебирая различныя причитанья.

Скоро комната опустѣла, потому что полиція перевязала и увела съ собою всѣхъ, и такимъ образомъ, по словамъ Державина, а, можетъ быть, и другаго какого нибудь піиты:

Веселые гдѣ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики,—

Словомъ, исторія Якова разыгралась очень трагически.

Однако въ *крѣпости* я живу уже больше двухъ мѣсяцевъ. Кровавыя драмы, такъ занимавшія меня въ первое время, начали уже мало по малу проходить передъ моими глазами, не особенно трогая мое сердце; нервы мои, какъ видно, сильно загрубѣли и стали неподатливы на впечатлѣнія. Сосѣдей своихъ я узналъ досконально и какъ-то привыкъ къ ихъ позорной, преступной жизни, находя ей оправданіе въ легіонахъ

Digitized by Google

различныхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ жили и дѣйствовали эти люди.

Теперь я хочу разсказать о своей сосѣдкѣ, жившей въ стойлѣ налѣво.

Разъ я возвращался домой часа въ два ночи. Грачевка еще бушевала, но Колосовъ уже спалъ. Кромѣшная тьма охватывала нашу улицу со всѣхъ сторонъ. Покосившіеся старые домишки глядѣли какими-то отвратительными, сырыми могилами. Изрѣдка, въ подобномъ склепѣ чуть брезжилъ огонекъ гдѣ нибудь на чердакѣ: видно тоскуетъ какая нибудь погибшая душа; благо хоть ночная тишь способна вызвать на размышленіе о безконечно-лютомъ горѣ, поѣдающемъ, изодня въ день, цѣлые годы подобную душу. Я скоро добрался до своей *Арбузовской крѣпости*. Только-что я успѣлъ потушить свѣчу и лечь, сосѣдка вошла въ свою берлогу. Я всталъ съ кровати и началъ смотрѣть въ щелку (нужно замѣтить, что тонкія перегородки моей комнаты всѣ были усѣяны дырами). Маша (такъ звали сосѣдку) зажгла свѣчку, сѣла къ столу и, подпершн голову руками, о чемъ то сильно задумалась. Лицо ея мало по малу начало принимать все болѣе и болѣе печальное выраженіе, наконецъ крупныя слезы покатились по щекамъ.

— Охъ Господи, Господи! прошептала Маша и склонилась головою къ столу.

Рыданія тихія, сдержанныя, вырывались изъ ея страдальческой груди; наконецъ несчастная не могла болѣе переламливать себя и заголосила.

— Маша! о чемъ вы плачете? спросилъ я ее.

— Поди ты къ чорту! крикнула со злобой Маша.

Я понялъ неловкость своего вмѣшательства и замолчалъ.

— Нѣтъ-ли водки? крикнула мнѣ Маша черезъ нѣсколько времени.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— А деньги есть?

— И денегъ нѣтъ.

— А туда-же суешься съ распросами, шутъ гороховый!

Я молчалъ.

— Слушай! крикнула мнѣ сосѣдка.

Digitized by Google

— Что?

— Научи меня, какъ отмстить одному человѣку.

— За что-же?

— Да тебѣ что за дѣло? ты только научи.

— Какъ же я могу научить, когда я не знаю, за что нужно отмстить?

— Онъ надсмѣялся надо мной.

— А ты сама надъ нимъ посмѣйся.

— Ты, я вижу, дуракъ, какъ есть, замѣтила Маша.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Маша опять заговорила со мной.

— Ну, слушай, я раскажу, что онъ со мной сдѣлалъ.

— Говори.

— Вчера, видишь ли, добылъ онъ денегъ. Вотъ мы пошли съ нимъ въ *Адъ*, да кутили тамъ до нынѣшняго вечера: рублей сорокъ никакъ пропили. Только вечеромъ онъ приглашаетъ меня кататься: «мы, говоритъ, куда нибудь за городъ поѣдемъ». Взяли извозчика; поѣхали. Только онъ, подлецъ, что же со мной сдѣлалъ? Вывезли они меня туда за Ваганьково кладбище, въ степь, сняли съ меня салопъ, да и вывалили въ снѣгъ: ступай, говорятъ, домой пѣшкомъ! А ужъ это часовъ въ одинадцать было: въ степи-то ни души нѣтъ; кругомъ темно, хоть глазъ выколи; иззябла я вся, перепугалась... Кричала, кричала—никто не слышитъ. Вотъ и побѣжала я въ городъ; побѣжала, побѣжала, а волосы такъ дыбомъ и становятся. Ноги это у меня коченѣютъ, измокла вся, и все бѣгу, все бѣгу. И забѣжала я со страху-то къ Роговской заставѣ, а оттуда ужъ домой повернула.—Вотъ онъ какъ надсмѣялся надо мной, подлый!

Я молчалъ, потому что вовсе не намѣревался совѣтовать Машѣ какое бы то ни было мщеніе противъ подобнаго изверга.

— Что же ты молчишь? спросила меня сосѣдка.

— А что?

— Да говори: какъ мнѣ ему отмстить? Научи меня.

— Зачѣмъ же ты непремѣнно хочешь мстить? Вѣдь онъ вѣроятно это пьяный сдѣлалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отмщу!

— Я бы, знаешь, что посовѣтовалъ тебѣ?..

Digitized by Google

— Что?

— Не связываться съ нимъ.

— Не могу я съ нимъ не связываться, потому я его люблю, я одного дня безъ него не проживу.

— Да вѣдь ты его любила-ли когда нибудь трезвая? Вѣдь это ты говоришь, когда у тебя хмѣль въ головѣ сидитъ.

— Врешь ты, дурачина! обидѣлась Маша.

— Право такъ. Вотъ теперь ты трезвая, вотъ и подумай: любишь ли его?

— И думать не хочу, потому что трезвой мнѣ и безъ него обо многомъ нужно думать.

— Объ чемъ же это?

— Такъ я тебѣ и сказала....

— Отчего же не сказать?

— Не зачѣмъ тебѣ знать.

— Ну, слушай Маша! Когда же ты думаешь бросить подобную скверную жизнь? Вѣдь не вѣкъ же будешь такъ болтаться?

— А ты что за попъ такой, точно на духу допрашиваешь.

— Ну все-таки, когда придетъ старость, что тогда будешь дѣлать?

— Что придется;—а то къ матери уѣду.

— А у тебя развѣ есть родители?

— Мать есть.

— Гдѣ же она?

— Въ Версѣ живетъ. Ты, братъ, не смотри, что Машка Ремазова и такая и сякая: у ней мать да братья, ровно купцы, въ Версѣ живутъ.

— Зачѣмъ же ты-то тутъ колотишься хуже всякаго нищаго?

— А затѣмъ, что я тутъ сама себѣ голова: что хочу то и дѣлаю. Вотъ гулять хочу—и гуляю, никто мнѣ не запретитъ.

— Хорошо гулянье, замѣтилъ я.

— Охъ, и правда голубчикъ, что не очень-то хорошо, со вздохомъ отвѣтила Маша. Ину пору, какъ не поѣшь сутокъ двое, али какъ потаскаютъ тебя по съѣзжимъ, такъ воемъ взвоешь, только держись! И маменьку то вспомнишь, и братьевъ,

Digitized by Google

и домъ-то свой — все переберешь, надо всѣмъ наплачешься вдосталь.

— А ты давно ушла изъ дому? спросилъ я Машу.

— Да ужъ вотъ года четыре. — Да такъ и есть, прибавила сосѣдка послѣ нѣкотораго молчанія: — на Пасху вотъ ровно четыре года будетъ, какъ мать меня избила, а я послѣ-то и сбѣгла.

— За что же она тебя избила!

— Долго разсказывать.

— Ничего, разскажи.

— Или ужъ въ самомъ дѣлѣ разсказать?

— Да что же разскажи. Вѣдь не секретъ?

— У меня, братъ, секретовъ нѣтъ. Слушай!

— Мнѣ въ ту пору пошелъ семнадцатый годъ. Дѣвочка я была красивая-прекрасивая изъ себя. Это вотъ теперь-то тутъ, въ Москвѣ, истрепалась, а тогда-то поглядѣлъ бы ты, какъ вашъ братъ бѣгалъ за мной. Только наѣзжалъ въ то время къ намъ въ Версю одинъ купеческій сынъ, Андрюшей звали: молодой такой, статный, изъ лица красивый, — вотъ ровно орелъ какой! Теперь тутъ въ Москвѣ живетъ, только ужъ куда же, далеко не тотъ, — такъ чурбанъ какой-то сталъ. Ѣздилъ этотъ Андрюша къ намъ по какимъ-то дѣламъ, разсчеты какіе-то все съ братьями сводилъ. И давно мнѣ онъ, признаться, нравился: такъ, бывало, и не отхожу отъ него; когда пріѣдетъ, то за тѣмъ, то за другимъ шныряю въ комнату, гдѣ онъ останавливался. Въ тотъ самый годъ, когда я сбѣгла со двора, пріѣхалъ онъ къ намъ должно на четвертой недѣли великаго поста. Остановился онъ, какъ и всегда, у насъ. Я это по прежнему толкусь возлѣ него. Сталъ, вижу, мой Андрюша ласковѣй со мной обращаться: то ручку пожметъ потихоничку, а то такъ и поцаловать наровитъ гдѣ нибудь въ темномъ уголку. Ну, я, извѣстно, рада, потому нравится мнѣ человѣкъ, да и кончено дѣло. Вотъ мало по малу разговорились мы съ нимъ: онъ мнѣ признался, что любитъ, я ему тоже. Только на шестой этакъ должно недѣли говоритъ мнѣ Андрюша, что пора ему ѣхать въ Москву, потому дѣла всѣ кончилъ. Я упрашиваю: останься, молъ. Нельзя, говоритъ, потому что отецъ сердиться будетъ, да и тутъ-то, говоритъ,

Digitized by Google

не приходится заживаться, а то братья, чего добраго, бока намнутъ, и то косятся. Только порѣшили мы съ нимъ дѣло такъ: поѣдетъ будто бы домой, а самъ между тѣмъ только съѣдетъ отъ насъ на другую квартиру, и буду я къ нему ходить. Сладили. Съѣхалъ Андрюша. Черезъ день никакъ, черезъ два ли, я отправилась къ нему вечеркомъ; отправилась дѣвицей, а часа черезъ два вернулась женщиной. И стыдно-то мнѣ, и больно, и слезы эти душатъ, и кто-то давитъ тебя за горло. Всю почь напролетъ проревѣла, какъ корова. И закаявалась то я, чтобы не ходить къ нему больше, и богу-то молилась, и матери-то обѣщалась повиниться во всемъ,—чего, чего не дѣлала я въ эту ночь, лежа въ своей свѣтелкѣ, а все-таки на другой день побѣжала опять къ Андрюшѣ, потому, чувствую, не могу жить безъ него. Такъ пробавлялись мы всю страстную недѣлю;—то-то грѣшники были,—Андрюша забылъ и объ отцѣ, и обо всемъ, я тоже мало объ чемъ думаю, потому что все это во внутренности у меня такъ и кипитъ. Пришла пасха. Андрюша все не ѣдетъ. Дѣла эти мы ведемъ съ нимъ чуть не на открытую. Наконецъ, слышу, кто-то сталъ матери намекать, что, молъ, такъ и такъ. На третій должно быть день побѣгла я къ Андрюшѣ. У насъ вѣдь, скажу тебѣ, дѣвкамъ жизнь вольная: ходи куда хочешь. Вотъ и за мной, стало быть, не очень-то присматривали, и никому дѣла нѣтъ, дома ли я, или ушла куда нибудь. Только посидѣла я у Андрюши должно быть часа два—три, выхожу, хвать два брата такъ и выросли передо мной, ровно изъ земли.

— Ты гдѣ была? у кого? спрашиваютъ.

— А вамъ что за дѣло? говорю.

— Какъ, что за дѣло? Ты нашу фамилію срамишь! говоритъ старшій, да какъ рѣзнетъ меня по щекѣ.

— Я была дѣвка не промахъ, размахнулась да его. Вотъ ужъ тутъ они меня ухватили за косы-то, да и потащили домой. Больно мнѣ, а я все молчу, боюсь народъ перебудить. Ну, ужъ какъ притащили меня домой, тутъ и разсказывать нечего: такъ избили, такъ избили, что просто мѣста живого на тѣлѣ не осталось; мать, такъ та все сковородникомъ катала куда ни поподя,—и по головѣ-то, и по лицу, и по ру-

Digitized by Google

камъ, вездѣ. Палецъ тогда мнѣ одинъ даже переломили. Послѣ того заперли меня въ свѣтелкѣ на замокъ, и никого не пускали ко мнѣ, должно быть, съ недѣлю, потомъ смиловались, отперли. Стала я поправляться. Брожу по комнатѣ и все объ своемъ Андрюшѣ думаю. А была у насъ, надо сказать, кухарка, Ховронья, славная такая баба, добрая. Вотъ я, поправившись-то маленько, и позвала ее къ себѣ; прошу узнать объ Андрюшѣ. Та ничего, сходила. Такъ и такъ, говоритъ, уѣхалъ и оставилъ, говоритъ, свой адресъ, чтобы могла его отыскать въ Москвѣ, если захочешь письмо написать, а ли что такое. Тутъ мнѣ влѣзла въ голову такая мысль: уѣду я, молъ, отъ нихъ къ Андрюшѣ — убѣгу, пропадай они и со всѣмъ-то! Скоро я поправилась; только палецъ одинъ переломленный болитъ. Мать и братья каждый день такъ и ѣдятъ меня, просто житья отъ нихъ нѣтъ. Вотъ не долго думая, собралась я, да маршъ въ подгородное село, а оттуда съ мужиками въ Москву. Пріѣхала. Куда дѣваться? Бѣгала, бѣгала по Москвѣ-то, наконецъ какъ-то пустили ночевать на одномъ постояломъ дворѣ безъ всякаго вида. Деньги у меня были. Вотъ поутру, Господи благослови, только-что встала, послала мужичка къ Андрюшѣ, сказала гдѣ найти. Черезъ часъ этакъ, не больше, гляжу идетъ мой Андрюша, веселый такой. Ужъ такая, помню, была мнѣ радость, такая радость, что и сказать не могу! Я ему сейчасъ разсказала все.— Ничего, говоритъ, теперь дѣло устроить можно. Мы имъ, говоритъ, напишемъ, что ты подала здѣсь губернатору жалобу и описала, какъ они тиранствовали надъ тобой, и что ежели они не вышлютъ тебѣ паспортъ, такъ тогда ихъ просто засудятъ!— Сразу перевелъ онъ меня на квартиру къ какой-то знакомой, и живу я безъ горести, безъ печали.

— Черезъ недѣлю этакъ съ чѣмъ нибудь получаю я изъ дому письмо, просятъ меня родные пожалѣть ихъ, отступиться отъ жалобы, и прислали мнѣ паспортъ и деньги; а больше всего проситъ меня мать вернуться домой. Ну, думаю, такъ и поѣхала я теперь, дожидайтесь. Вотъ и зажила я съ Андрюшей въ самую сласть. Да видно, сколько не люби вашего брата, никогда въ васъ пути нѣтъ. Гляжу — погляжу, Андрюшка мой что-то вилять началъ: то дня не приходитъ,

Digitized by Google

пропадаетъ гдѣ-то, то придетъ злющій, презлющій такой, хоть и не гляди на него. Попервоначалу-то я, бывало, плакать начну, пѣняю ему, а онъ-то ломается, онъ-то ломается; потомъ вижу пути отъ моего плача мало — не подается, стала я съ нимъ, что называется, зубъ за зубъ, потому, чувствую, онъ какъ есть чистѣйшій подлецъ выходитъ. И пошла это промежь насъ брань да ругань: онъ уступить не хочетъ, я тоже — катай! Наконецъ довели дѣло до того, хоть разбѣжаться, такъ въ ту же пору. А тутъ, какъ нарочно сталъ, ухаживать какой-то чиновникъ, такъ и распинается сердечный! Думала, думала я, наконецъ махнула рукой да и пустила Андрюшку въ отставку. Съ чиновникомъ ни какъ мѣсяца три провозилась — и тотъ надоѣлъ. Чувствую, что во мнѣ, во внутренности-то, какъ будто захолодѣло все, перестала я думать объ этихъ мужчинахъ, потому они не стоятъ того, чтобы объ нихъ думать. Стала сманивать меня къ себѣ одна мадамъ: горы золотыя сулила. Думала, подумала, да и поступила къ ней: «дай, молъ, всего попробую». Тамъ прожила года полтора, наконецъ ушла — надоѣло. Тутъ ужъ я и свихнулась вовсе: водку эту стала такъ пить, такъ пить, что и мужчинѣ другому такъ завидно. Жила сперва-то я въ *Чернышевской батареѣ*, а оттуда вотъ сюда перебралась; и все-то скверно, все-то скверно!

Маша глубоко вздохнула.

— Разъ со мной знаешь какой случай былъ? спросила она меня.

— Какой?

— Да вотъ не хуже нынѣшняго.

— Что же такое?

— Такая страсть, что упаси Господи!

— Это было зимою прошлаго года. Жила я тогда тутъ же, на Грачовкѣ, только въ другомъ мѣстѣ. Вотъ праздновали мы имянины одной своей подруги, — послѣ крещенья, должно быть, въ скорости было: стужа такая стояла, что просто смерть. Денегъ мы тогда достали гдѣ-то порядочно. Пируемъ. Къ вечеру я натесалась до зеленыхъ чертей, еле на ногахъ держусь. Насъ было человѣкъ десять мужчинъ и женщинъ. Такъ выпила я до того, что просто память поте-

Digitized by Google

ряла. Говорятъ, пошла я въ тѣ поры куда-то со двора. Салопишко былъ на мнѣ заячій, платьишко шерстяное, на головѣ платокъ ковровый хорошій. Только что же вышло-то, слушай. Приснилось мнѣ, что будто бы меня черти въ адъ тащутъ, и такъ этотъ адъ ясно мнѣ представляется, вотъ ровно бы настоящій. Притащили будто бы, свалили у огня да и начинаютъ понемногу толкать меня въ огонь, и толкаютъ сперва ногами. Что-же бы ты думалъ? Просыпаюсь я и вижу, что стою я по колѣна въ снѣгу, въ сугробѣ на Москвѣ рѣкѣ. Нѣтъ на мнѣ ни салопа, ни платья, ни платка,— все сняли. Ночь темная, претемная. Холодъ этотъ такъ и пробираетъ, такъ и пробираетъ меня насквозь. Я перекрестилась да бѣжать, да бѣжать домой. Одначе будочникъ какой-то схватилъ: нечего дѣлать, переночевала въ части ни за что, ни про что, да еще одежу всю сняли. Послѣ спрашивала, спрашивала, какъ, молъ, я могла попасть на Москву-рѣку и кто меня ободралъ—никто не знаетъ.

— Да, поживи-ка, братъ, съ наше, узнаешь, какова она есть жизнь, замѣтила мнѣ Маша, какъ бы въ поученіе.

— Отчего ты, Маша, не пойдешъ куда нибудь въ горничныя что-ли?

— Оттого, что ты дуракъ!

— За что же ты ругаешь меня?

— За то, что ты пустяки говоришь.

— Какіе же пустяки?

— Разумѣется. Ты знаешь, я теперь отвыкла отъ всякой работы; у меня дурь-то изъ головы нужно выбивать не одинъ годъ, не два... да и не вывѣешь ее теперь, пока я могу жить хотя такъ, какъ теперь живу — пока не издохну совершенно съ голоду.

Дѣйствительно, подумалъ я, какая тутъ работа, когда женщину никогда и не пріучали къ ней и когда, прежде чѣмъ научить чему нибудь путному, явились люди, которые только и были способны къ тому, чтобы развратить и развратят очень глубоко несчастную жертву, съ раннихъ лѣтъ поставивши ее на скорбную дорогу бездѣлья и разврата.

— Ну, прощай! крикнула мнѣ Маша:—я спать хочу.

— Прощай!

Digitized by Google

Скоро въ стойлахъ водворилась глубокая тишина, нарушаемая только дружнымъ храпѣньемъ нѣсколькихъ забывшихся сномъ душъ. Маша долго, долго не оставляла моихъ мыслей. Циничная откровенность и холодность, съ какою она разсказывала свои похожденія, долго тревожили меня.

— Экое глубокое паденье! Экій развратъ подлый!—Думалъ я, ворочаясь съ боку на бокъ.

Прямо противъ моей двери, въ другой половинѣ, въ подобномъ же стойлѣ, жилъ нѣкто Семенъ Антоновъ, извѣстный больше подъ именемъ Сеньки-Кушачника. Это былъ заматорѣлый воръ, и кушачникомъ онъ прозывался потому, что при началѣ своей воровской карьеры очень долго занимался исключительно кражею мужичьихъ кушаковъ. Семенъ жилъ не одинъ; вмѣстѣ съ нимъ, въ качествѣ возлюбленной, проживала какая-то англичанка, но англичанка, прожженная русскимъ горемъ до того, что англійскаго оставалось въ ней только одно имя (ее звали Эммой), да волоса какого-то особеннаго цвѣта, которые, впрочемъ, съ каждымъ днемъ теряли свою національность отъ прикосновенія всероссійскихъ сенькиныхъ рукъ. Дѣйствительно, Семенъ поступалъ съ своей половиной крайне безцеремонно и билъ ее всегда вдвойнѣ, потому-де, что разъ я бью тебя, какъ русскую бабу, или, лучше сказать, какъ подругу русскаго человѣка, который безъ таскотни обойтись неможетъ, а другой—я бью тебя за то, что ты нехристь. Что держало этихъ двухъ иноплеменниковъ вмѣстѣ — трудно объяснить. Надо полагать, что Эмму привязывала къ Семену та длинная, толстая веревка, которая именуется всюду голодомъ и имѣетъ удивительную способность, связывая прямо противоположныя вещи, мирить ихъ между собою и заставлять дѣйствовать одну въ направленіи другой, сильнѣйшей. Эммѣ было лѣтъ за тридцать; лицо ея сохранило еще нѣкоторые признаки миловидности и суровой привлекательности, не смотря на всю горечь жизни, какую вытерпѣла несчастная англичанка чуть-ли и съ пятнадцати-шестнадцати лѣтъ. Съ этого ранняго возраста Эмма глубоко окунулась въ развратъ и оставленная ребенкомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ публичной жизни, не имѣя ни времени обдумать свое печальное положеніе, ни средствъ

Digitized by Google

хотя нѣсколько возвыситься надъ поѣдающимъ ее зломъ, она такъ же, какъ и во дни своего юношества, беззаботно проводила день за днемъ, безъ оглядки назадъ, безъ соображенія будущихъ бѣдствій. Она быстро перелетала съ мѣста на мѣсто, быстро теряла физическую красоту, которую одну и цѣнятъ въ такихъ женщинахъ, и наконецъ очутилась въ Москвѣ, да еще гдѣ?—на Грачовкѣ! Тутъ несчастная какъ бы вдругъ очнулась. Тѣснимая голодомъ, забракованная, презираемая всѣми, она съ радостью бросилась на шею даже такому человѣку, какъ Семенъ, и вотъ теперь выноситъ молча всѣ попреки, оскорбленія и побои, какими ежеминутно осыпаетъ ее этотъ варваръ malgrè soi. Эмма знаетъ, что теперь наступили для нея покаянные дни и терпѣливо несетъ свой терновый вѣнецъ. «А ну, какъ прогонитъ? думаетъ она: куда я тогда дѣнусь?» И въ силу подобнаго аргумента бѣдная женщина до того унизилась, до того сжалась и покорилась Семену, что даже этотъ дикобразъ похваливаетъ Эмму за смиреніе.

— Ужъ на что бабу тише моей, бахвалитъ онъ между товарищами: иной разъ бьешь, бьешь ее — не вякнетъ: даже досадно станетъ! Ну подай ты голосъ, думаешь, бросилъ бы, такъ нѣтъ, каторжная, ни за что! Слезы эти изъ глазъ ровно горохъ скачутъ, а голосу нѣтъ—ахъ, дери те волки!

Семенъ былъ очень оригинальный воръ, не по роду воровства, а по удивительному нравственному расположенію и хладнокровію, съ какимъ онъ относился къ своему дѣлу. Нужно замѣтить, что большинство воровъ ведутъ самую неправильную жизнь, постоянно разлагаютъ свою совѣсть виномъ и, если крадутъ, то крадутъ вслѣдствіе тяжелой необходимости добыть какимъ бы то ни было образомъ деньги на удовлетвореніе своимъ страстямъ. Семенъ былъ не изъ такихъ людей. Онъ велъ весьма правильную жизнь, т. е. имѣлъ квартиру, обѣдъ и ужинъ, чай, ходилъ по праздникамъ въ церковь, гдѣ усердно молился Богу, теплилъ лампадки, ѣлъ по воскреснымъ днямъ пироги, и проч. и проч., словомъ, во всемъ держался людей и жилъ такъ, какъ живутъ честные люди съ его достаткомъ. Поутру обыкновенно Семенъ вставалъ довольно рано, умывался, пилъ чай, билъ свою Эмму, если то было нужно, затѣмъ садился, какъ путный, за работу (онъ шилъ

Digitized by Google

башмаки), а потомъ, часовъ въ восемь-девять выходилъ со двора, бормоча про себя: «пойти, посмотрѣть, не будетъ ли чего?». Это «не будетъ-ли чего», въ переводѣ значило: нельзя ли къ кому въ карманъ залѣзть. Съ утра Семенъ пропадалъ до часу; въ часъ онъ непремѣнно являлся домой, обѣдалъ, опять билъ Эмму или поносилъ ее, на сколько хватало краснорѣчія, и потомъ ложился отдыхать часовъ до четырехъ. Въ четыре опять пилъ чай, опять принимался за несчастную Эмму, если считалъ то необходимымъ почему-либо, а затѣмъ пропадалъ со двора до поздней ночи. Впрочемъ, я не помню,чтобы Семенъ когда-нибудь не ночевалъ дома; въ этомъ отношеніи онъ былъ аккуратный человѣкъ. У Семена водились даже деньжонки, которыя онъ отдавалъ въ ростъ. Въ праздничные дни онъ любилъ даже прогуляться съ Эммой, лѣтомъ въ Сокольникахъ, или въ Марьиной рощѣ, а зимой гдѣ-нибудь по городу. Тогда Семенъ одѣвался въ хорошій суконный сюртукъ, въ хорошую чуйку, бралъ въ руки тросточку (нужно замѣтить, что воры вообще ходятъ безъ палокъ: онѣ имъ мѣшаютъ) и требовалъ, чтобы Эмма, одѣтая весьма прилично, брала его подъ руку. Словомъ, это былъ самый искривленный, самый гадкій изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ воровъ! Въ немъ вы едва-ли отыскали бы хоть каплю какихъ-либо человѣческихъ достоинствъ, и если судить обо всѣхъ остальныхъ по этому исчадію, то трудно было бы, при всемъ вашемъ желаніи, хоть на іоту смягчить свой гнѣвъ противъ этихъ погибшихъ людей. Сенька кумачникъ спалъ такъ же спокойно, какъ всѣ честные люди, или, лучше сказать, какъ спятъ дѣти, потому что совѣсть свою онъ убилъ систематически, долговременнымъ и прочнымъ угнѣтеніемъ этого врага. Ему дивились даже товарищи по ремеслу.

— По характеру супротивъ Сеньки ни одного нѣтъ. Въ иномъ мѣстѣ, говорили они, и сдѣлалъ бы что-нибудь, да нѣтъ—рука не подымается; а Сенька этого не знаетъ: ему все равно, что риза съ образа, что часы въ карманѣ, что трынка у своего же голоднаго брата-вора—все беретъ. Пробовали мы тутъ какъ-то говорить, что памъ за это дѣло на томъ свѣтѣ будетъ, такъ Сенька и выговорить не далъ... «Что

Digitized by Google

будетъ, то и будетъ, говоритъ; а языкъ тутъ чесать нечего: не суйся въ лисы, коль хвоста носить не умѣешь».

Разъ я встрѣтился съ Семеномъ въ коррндорѣ. Семенъ мнѣ вѣжливо раскланялся и вступилъ даже въ разговоръ.

— Дорожку-то попортило, сказалъ онъ.

— А что?

— Да вотъ ходилъ кое-зачѣмъ на рынокъ, такъ подвозу нѣтъ, дорожисть во всемъ.

— А вы что покупали?

— Да такъ кое-что по хозяйству по своему, по махонькому... Говядинки купилъ, того-другаго; хотѣлъ птицу какую прихватить, да подступу нѣтъ, очень ужъ цѣну высокую ломятъ.

Во время разговора Семенъ держалъ себя съ достоинствомъ и ловко жестикулировалъ, подражая галантнымъ московскимъ прикащикамъ въ Ножевой, Суровской и другихъ линіяхъ.

Въ другой разъ мы разговорились съ Семеномъ по слѣдующему поводу:

Семенъ началъ бить свою Эмму. Тяжелые удары слышны были даже въ моемъ стойлѣ. Мнѣ сдѣлалось ужасно досадно, что я не могу какъ-нибудь помочь этой бѣдной жертвѣ. Я принялся усиленно кашлять. Варваръ вѣроятно догадался и бросилъ. Эмма долго тяжело дышала. Наконецъ, слышу я, Семенъ выходитъ изъ своей берлоги. Я поспѣшилъ тоже выйти за дверь, думая, что обозлившійся тиранъ вздумаетъ или оскорбить меня за помѣху, или же посѣтуетъ на свою возлюбленную, словомъ, я желалъ намекнуть ему, что онъ слишкомъ безчеловѣчно обращается съ Эммой.

Семенъ встрѣтился со мной въ корридорѣ. Онъ былъ совершенно спокоенъ.

— Здравствуйте, почтительно раскланялся Семенъ.

— Здравствуйте. Куда это вы?

— Да вотъ пройтись хочу, какъ будто разнемогся что-то.

— А нынче хорошій день.

— Очень чудесный-съ. Такъ это тепло.

Я подумалъ, подумалъ и наконецъ рѣшился навести Семена на разговоръ о его житье-бытьѣ.

— Вы съ женой, кажется, живете? спросилъ я его.

Digitized by Google

— Нѣтъ-съ, это такъ... знакомая.

— Славная какая женщина, тихая, работящая.

— Баба ничего-съ... хорошая.

— Да, такую женщину есть за что и любить.

— Извѣстно-съ.

Семенъ зашевелилъ картузомъ и вѣроятно предчувствуя, куда я намѣренъ потянуть рѣчь, перебилъ меня возгласомъ:

— За симъ, до свиданія-съ.

Такъ я и остался на бобахъ съ своими гуманными помыслами.

Арбузовская крѣпость, въ которой я прожилъ три мѣсяца, до сихъ поръ повергаетъ меня въ самое томительное, гнетущее состояніе, какъ только я вспомню объ ней. То, что набросано въ этихъ очеркахъ, составляетъ только десятую часть всего видѣннаго мною. Не пуризмъ заставляетъ меня молчать обо многомъ, но просто неумѣнье выразить на человѣческомъ языкѣ всѣ эти ужасы, всю эту битву безоружныхъ бѣдняковъ съ суровою жизнью. Да и возможно ли, наконецъ, удержать въ памяти и выразить словами всѣ моменты агоніи, агоніи, которая длится цѣлые годы. Такіе моменты вы, по возможности, гоните отъ себя прочь, потому что сердце ваше не изъ камня и нервы не изъ стали, чтобы переносить изо-дня въ день совершающіяся передъ вашими глазами катастрофы. И изъ за чего, подумаешь, бьются эти люди! Что принесетъ имъ завтрашній день? что имъ отраднаго дастъ завтра жизнь! Ничего ровно; потому что какъ нынѣшній день они прокляли, ложась спать, такъ проклянутъ и завтрашній, такъ проклянутъ и послѣзавтрашній, и сотни, тысячи подобныхъ дней предадутъ проклятію! А все живутъ, все чего-то ждутъ, все на что-то надѣются... Нужда ли васъ не допекала, голодъ ли не морилъ, холодъ ли не терзалъ?— чего же вы еще ждете? Ужели вы думаете извѣдать нужду полютѣе, познакомиться съ голодомъ пожесточе, съ морозомъ покруче? Или: не думаете-ли вы, что вамъ даромъ дастся и довольство, и теплота, и сытость, что небо когда нибудь сжалится надъ вашими страданіями и за долгое терпѣніе вдругъ пошлетъ вамъ въ награду всѣ тѣ блага, какими пользуются другіе люди, его фавориты. Эхъ друзья мои!

Digitized by Google

не вы первые, не вы послѣдніе изъ заблуждающихся такимъ образомъ! Всѣ погибли самымъ позорнымъ образомъ, кто думалъ такъ, какъ вы, кто все ждалъ чего-то, а не старался самъ добыть, не старался собственными руками устроить собственное благоденствіе.

Какъ пущенная большая машина, грохочетъ и шумитъ жизнь въ Колосовомъ переулкѣ. Истертыя чувства и раздутыя до нельзя страсти съ визгомъ и стономъ вертятся и движутся изъ стороны въ сторону въ этой отвратительной машинѣ. Приводящіе весь механизмъ въ дѣйствіе кабаки привѣтливо смотрятъ своими заплеснѣвшими, загаженными окнами, какъ бы взывая къ снующимъ по улицѣ бѣднякамъ и приглашая ихъ войти въ мѣсто успокоенія. Но гаже всѣхъ домовъ, гаже всѣхъ гадостей — *Арбузовская крѣпость*! Она зловѣще чернѣется на самой срединѣ переулка, и знать ничего не хочетъ. Что ей за дѣло до этихъ проходящихъ, къ которымъ обращаютъ свою рѣчь кабаки?—*Арбузовская крѣпость* и безъ зазыва полна съ верху до низу; и безъ зазыва въ ней нѣтъ отбою отъ различныхъ живыхъ мертвецовъ; и безъ зазыва въ нее валятся сами собою трупы, потому что трупу въ могилѣ и мѣсто.

М. Воронов.

Digitized by Google

СОНЪ.

(изъ Байрона).

1.

Жизнь двойственна: нашъ сонъ свой міръ имѣетъ,
И этотъ міръ — граница между тѣмъ,
Что ложно мы зовемъ существованьемъ
И смертію; — свой міръ имѣетъ сонъ, —
Обширный міръ дѣйствительности дикой;
Встающія въ немъ грезы дышутъ, плачутъ,
Блаженствуютъ и мучатся; онѣ
На бодрый духъ кладутъ свои оковы,
Снимаютъ гнетъ съ недремлющихъ заботъ,
Двоятъ нашъ жизнь, и дѣлаются частью
И насъ самихъ, и нашихъ всѣхъ часовъ.
Какъ вѣчности глашатаи, какъ духи
Прошедшаго проносятся онѣ,
О будущемъ вѣщая какъ Сивиллы.
У нихъ въ рукахъ блаженство и печаль,

Digitized by Google

Онѣ изъ насъ все дѣлаютъ, что только
Угодно имъ, и устрашаютъ насъ
Видѣньями временъ давно минувшихъ.
Но этотъ міръ, дѣйствительный ли міръ?
Не тѣнь-ли онъ былого? Эти грезы —
Созданія-ли духа или нѣтъ?
Нашъ духъ творитъ тѣла и поселяетъ
Въ планетахъ онъ такія существа,
Прекраснѣе какихъ и не бывало,
И придаетъ дыханіе тѣламъ,
Переживать способнымъ все плотское.
Хотѣлъ бы я опять къ себѣ призвать
Видѣніе, которое явилось
Мнѣ разъ одинъ, — быть можетъ, и во снѣ. .

2.

Два существа во цвѣтѣ юной силы
Передо мной стояли на холмѣ
Прелестнѣйшемъ; отлогій и зеленый,
Онъ цѣпь холмовъ, казалось, замыкалъ.
Но ногъ его вода не омывала.
За то ландшафтъ весь полонъ жизни былъ:
Кругомъ лѣса и нивы золотыя,
И сельскія жилища тутъ и тамъ,
И тихій дымъ па ихъ убогихъ крышахъ.
Зеленый холмъ носилъ на головѣ
Какъ будто бы корону изъ деревьевъ,
Насаженныхъ въ кружокъ рукой людей,
А не игрой случайною природы.
Тамъ дѣвушка и мальчикъ на холмѣ
Передо мной стояли и смотрѣли:
Она — на все, что было близъ нея
И, какъ она, блистало красотою;
А онъ смотрѣлъ лишь на нее одну.
И молоды тотъ и другая были,
Но неравны годами; какъ луна
Прекрасная на краѣ горизонта,
Она теперь была близка къ порѣ
Послѣдняго, цвѣтущаго развитья.
А мальчикъ былъ годами не богатъ,
Но сердце въ немъ опередило годы.
Его глаза лишь на одно лицо

На всей землѣ съ любовію смотрѣли,
И то лице блисталo для него
Какъ солнца свѣтъ; не могъ онъ оторваться
Отъ глазъ ея; онъ ею лишь дышалъ,
Лишь ею жилъ; въ ней слышалъ онъ свой голосъ,
Предъ ней молчалъ, но звукъ ея рѣчей
Въ него вселялъ какой-то сладкій трепетъ.
Въ ней видѣлъ онъ и зрѣніе свое:
Глаза его слѣдили за глазами
Ея одной и видѣли лишь то,
На что она смотрѣла; всѣ предметы
Ея лишь взоръ ему украсить могъ.
Онъ пересталъ жить самъ собой; въ ней видѣлъ
Онъ жизнь свою, великій океанъ,
Куда текли стремительно потоки
Всѣхъ думъ его: звукъ голоса ея,
Ея руки одно прикосновенье
Въ его крови то дѣлали приливъ,
То вдругъ отливъ, и щеки загорались
Огнемъ любви, и сердце замирало
Въ груди, само не зная отчего.
Но этихъ чувствъ она не раздѣляла,
И вздохъ ея летѣлъ не для него.
Онъ былъ ей братъ — и только; кровныхъ братьевъ
Не довелось имѣть ей, — и ему
Лишь одному названье это въ дѣтствѣ
Дала она, — она, послѣдній членъ
Почтеннаго и древняго семейства.
Въ былые дни онъ имя то любилъ,
Теперь оно его не утѣшало.
И почему? Ахъ, годы принесли
Нерадостный отвѣтъ его сомнѣньямъ!
Ахъ, онъ узналъ, что дорогъ ей другой;
И въ этотъ часъ, взойдя на холмъ зеленый,
Смотрѣла вдаль она, чтобъ увидать,
Спѣшитъ-ли онъ, возлюбленный, на встрѣчу
Желаніямъ томительнымъ ея!

3.

Но тутъ мой сонъ внезапно измѣнился.
Я видѣлъ домъ старинный; передъ нимъ

Digitized by Google

Осѣдланная лошадь землю била;
Въ готической молельнѣ, одинокъ,
Мой юноша, съ лицемъ печально—блѣднымъ,
Взадъ и впередъ ходилъ; но временамъ
Садился онъ и схватывалъ перо
И вдругъ писалъ загадочное что-то.
Потомъ опять лице онъ закрывалъ
Обѣими руками, и все тѣло
Какъ въ судорогахъ дрожало... Вдругъ опять
Онъ вскакивалъ, руками и зубами
Свое письмо на части рвалъ, — но слезъ
Не проливалъ... Но вотъ онъ сталъ спокойнѣй,
И тихій свѣтъ проникъ въ его глаза.
Нежданно дверь молельни отворилась —
Вошла она, предметъ его любви,
Съ спокойною и милою улыбкой,
Хоть хорошо извѣстно было ей,
Что къ ней пылалъ онъ горькою любовью,
Что тѣнь ея кидала мрачный свѣтъ
На душу всю несчастнаго; страданье
И скорбь его—все видѣла она...
Но нѣтъ—не все... Онъ всталъ и руку милой
Пожалъ какъ другъ,—и на лицѣ его
Я въ этотъ мигъ увидѣлъ начертанье
Какихъ-то думъ, невыразимыхъ думъ.
Но скоро все изгладилося... Руку
Онъ выпустилъ и медленно пошелъ
Изъ комнаты... Казалось, что разлуки
Тутъ не было; такъ весело они,
Спокойно такъ другъ другу улыбались!
И вышелъ онъ въ высокія ворота,
Сѣлъ на коня, и поскакалъ впередъ,
И сѣраго, старинаго порога
Ужъ никогда не видѣлъ съ той поры.

4.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
Изъ юноши онъ мужемъ зрѣлымъ сталъ.
Далекія пустыни знойныхъ странъ
Избралъ себѣ отчизной, упивался
Палящими лучами; видъ его

Digitized by Google

И страшенъ былъ, и мраченъ; не осталось
Въ немъ ничего отъ прежняго. Всегда
Онъ странствовалъ по морю и по сушѣ..
Рой образовъ преслѣдовалъ меня
И набѣгалъ на душу точно волны,
Но всюду *они* мнѣ видѣлся... И разъ
Увидѣлъ я: отъ зноя убѣгая,
Онъ межъ колоннъ разрушенныхъ лежалъ,
Въ тѣни тѣхъ стѣнъ, развалины которыхъ
Пережили строителей своихъ.
И тутъ онъ спалъ. Кругомъ паслись верблюды,
Не вдалекѣ — фонтанъ, а у него —
Привязаны породистые кони
Въ широкій плащъ одѣтый человѣкъ
Сидѣлъ какъ стражъ, межъ тѣмъ какъ сладко спали
Вокругъ него соотчичи его.
Небесный сводъ служилъ для нихъ покровомъ,
И этотъ сводъ былъ такъ лазуренъ, чистъ,
И такъ блисталъ прозрачной красотою,
Что только Богъ былъ ясно видѣнъ въ немъ...

5.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
Та дѣвушка — предметъ его любви,
Съ другимъ была обвѣнчана. Въ отчизнѣ
Она жила, далеко отъ него.
Вокругъ нея рѣзвились чудо — дѣти,
И дѣвочки, и мальчики. Но скорбь
Была видна въ ея чертахъ прекрасныхъ.
На всемъ лицѣ лежала тѣнь глубокой
Борьбы съ собой; тревожно взоръ блуждалъ,
Какъ будто бы невидимыя слезы
Какъ тяжкій гнетъ лежали на глазахъ.
Но гдѣ же, въ чемъ причина этой скорби?
Вѣдь у нея все было, что она
Любила такъ; вѣдь тотъ, кто такъ безумно
Любилъ ее, ушелъ въ далекій край,
Все унеся съ собою, что смущало
Ея души святую чистоту:
Преступныя надежды, и желанья,
И явную, тревожную любовь.

Digitized by Google

Къ чему же скорбь? Вѣдь онъ ей не былъ дорогъ,
Вѣдь ни одной надежды никогда
Не подала она ему, и вѣрно
Не могъ онъ быть виновникомъ того,
Что въ сердце къ ней теперь вливало горе,
Явившись въ немъ какъ призракъ дней былыхъ.

6.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
На родину вернулся странникъ вновь
Вотъ онъ стоитъ предъ алтаремъ съ невѣстой.
Она мила, прекрасна, но не то
Что та, — звѣзда всей юности минувшей!
У алтаря стоитъ онъ; но въ чертахъ
Такая жъ грусть, какъ нѣкогда въ молельнѣ,
И та же дрожь, и тотъ же странный видъ,
И на лицѣ, какъ прежде, начертанье
Какихъ-то думъ, невыразимыхъ думъ.
И снова все изгладилось, какъ прежде.
Такъ онъ стоялъ, спокойный, и обѣтъ
Проговорилъ спокойно, но не слышалъ
Самъ словъ своихъ; все шло кругомъ въ глазахъ;
Передъ собой онъ ничего не видѣлъ,
И ничего не понималъ. Въ умѣ
Воскресли вновь старинный домъ, ворота,
И комнаты знакомыя, и мѣсто,
И день, и часъ, и солнца свѣтъ, и тѣнь,
И, ахъ, она — судьба его всей жизни...
Все видитъ онъ, все вспоминаетъ онъ...
Но для чего вы, злые сны былого,
Не кстати такъ, не во время пришли?

7.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
Та женщина, кого онъ такъ любилъ, —
О, какъ ее душевные недуги

Digitized by Google

Ужасно измѣнилъ! Духъ ея
Разстался съ ней и странствовалъ далеко;
Въ глазахъ ея потухнулъ прежній блескъ,
Смѣнившійся небеснымъ выраженьемъ;
Царицею жила она теперь, —
Царицею въ своемъ волшебномъ царствѣ.
Въ ея умѣ смѣшались межъ собой
Несродныя одна съ другою мысли,
И образы, невидимые намъ,
Ея глазамъ являлись очень ясно.
И свѣтъ ее безумною назвалъ.
Но мудреца безумье смыслъ глубокій
Въ себѣ таитъ, и вся тоска его —
Ужасный даръ. Она ничто иное
Какъ телескопъ всей правды, съ жизнью насъ
Сближающій: она намъ помогаетъ
Всю эту жизнь увидѣть въ наготѣ,
И черезъ чуръ, до ужаса правдиво,
Холодную дѣйствительность рисуетъ.

8.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
Скиталецъ былъ, какъ прежде, одинокъ.
Изъ тѣхъ существъ, которыми онъ прежде
Былъ окруженъ, одни ушли, другіе
Шли на него открытою войной.
Онъ на челѣ носилъ печать проклятья
И горести отчаянной; кругомъ
Тѣснилися презрѣніе и злоба;
Во всемъ вкушалъ онъ горькую печаль,
И наконецъ, какъ Митридатъ Понтійскій,
Питаться сталъ отравой, но она
Утратила надъ нимъ всю злую силу
И только жизнь поддерживала въ немъ;
Да, онъ жилъ тѣмъ, что для другихъ — могила.
Сдружился онъ съ горами; разговоръ
Велъ съ звѣздами и духами вселенной;
Они его учили чудесамъ
Таинственныхъ мистерій; книга ночи
Теперь была открыта для него,
И голоса, несясь изъ безднъ глубокихъ,

Digitized by Google

О таинствахъ и чудесахъ ему
Чудеснаго шептали много, много...

9.

Мой сонъ прошелъ. Окончились видѣнья.
Но странно! жребій этихъ двухъ существъ
Почти-что былъ съ дѣйствительностью сходенъ.
Безумье жизнь покончило въ одномъ,
Страданіе великое — въ обоихъ.

П. Вейнбергъ.

Digitized by Google

РОССІЯ ДО ПЕТРА ПЕРВАГО.

(*статья вторая*)

I.

Начало личное.

Лѣтописецъ говоритъ, что въ 862 году славяне изгнали варяговъ за море, не дали имъ дани и стали управляться сами собой. Но не вышло отъ этого толку: не было справедливости, возсталъ родъ на родъ, явились усобицы и брани. Тогда славяне рѣшили: «поищемъ себѣ князя, кто бы владѣлъ нами и судилъ по праву,» и отправились они за море къ Варягамъ-Руси, и пригласили ихъ къ себѣ. Явились три брата съ дружинами, и раздѣлили страну между собой. Нѣтъ никакихъ причинъ сомнѣваться въ истинности этого простаго разсказа. Если бы лѣтописецъ хотѣлъ сказать, что славяне были покорены варягами и второй разъ, то онъ бы и сказалъ это, какъ сказалъ о первомъ владычествѣ норманновъ. Но покоренія второй разъ не было. Славяне, недовольные чужеземнымъ игомъ, свергнули его въ надеждѣ, что дѣла у нихъ пойдутъ лучше, но оказалось иначе—сами управиться были не въ состояніи, и потребовался имъ князь. Черта это чрезвычайно важная, потому что ею объясняется вся слѣдующая до-петровская исторія.

Въ условіяхъ мѣстности и въ способностяхъ народа заключаются всѣ зародыши его исторической судьбы. Но что именно и въ ка-

Digitized by Google

комъ именно видѣ разовьется—зависитъ отъ разныхъ внѣшнихъ условій и обстоятельствъ, которыя могутъ задержать одно и дать ходъ другому. Въ природѣ совершаются ежедневно подобныя явленія и любое хлѣбное поле можетъ служить наглядныимъ объясненіемъ закона совокупной жизни отдѣльныхъ недѣлимыхъ, по которому одни гибнутъ, другія развиваются и развиваются подъ вліяніемъ естественныхъ вліяній, непремѣнно такъ, а не иначе. Не выростетъ то, что не имѣло семянъ въ землѣ и васильки появляются только на томъ полѣ, гдѣ было мало семянъ ржи и оттого выросла рожь рѣдкая. Гдѣ же хлѣбъ густой, васильки гибнутъ. Не и васильки, и рожь имѣли въ почвѣ свои сѣмена и не могли они явиться изъ ничего, потому что изъ ничего развиться жизнь не можетъ.

Приглашеніемъ норманскихъ князей ильменскіе славяне заявили, что самоуправленіе у нихъ не удается; такимъ образомъ, въ основу исторической жизни Россіи легли съ самаго начала два элемента—народный, какъ выраженіе свободной личности и внѣнародный, высшій, правительственный элементъ, какъ выраженіе начала централизаціоннаго. Какой изъ нихъ долженъ былъ развиться до высшаго своего проявленія, стало ясно уже съ первыхъ шаговъ исторіи.

До призванія князей, славяне управлялись вездѣ мірскими сходками (вѣче); при рѣдкомъ населеніи и при несложности гражданскихъ отношеній, такая форма правленія была хороша; но скоро оказалось, что въ мѣстностяхъ съ большимъ скопленіемъ народа, какъ города, являются партіи, раздоры, личное начало является въ видѣ личнаго произвола и стремленія къ насилію и угнетенію слабаго. Справиться съ неурядицей у славянъ недостало силы, и они пригласили къ себѣ князей, которые, и по своему происхожденію, и по общественному положенію, могли удобнѣе всего исполнять обязанности посредниковъ и третейскихъ судей. Очень можетъ быть, что еслибы не случилось приглашенія князей, то славяне, наконецъ, справились бы съ неурядицей и выработали бы себѣ какія-нибудь учрежденія, но этого, однако, не случилось; фактъ историческій въ томъ, что потребовалась посторонняя нравственная сила, потому что своей не было, и это сознаніе своего нравственнаго безсилія и правительственной неспособности было такъ велико въ народѣ, что онъ не могъ представить себя никакъ безъ главы, безъ князя. Въ началѣ русской исторіи это повторяется безпрестанно, вездѣ. Только что народъ какой нибудь области останется почему нибудь безъ князя, онъ тот-

Digitized by Google

часъ же приглашаетъ къ себѣ правителя изъ княжескаго рода. Новгородцы говорили Святославу: «если никто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ, то мы найдемъ себѣ князя». Ярополкъ и Олегъ отказались, и тогда Добрыня научилъ новгородцевъ просить къ себѣ Владиміра. «Дай намъ Владиміра», говорили новгородцы, «возьмите», отвѣтилъ Святославъ, и новгородцы взяли Владиміра.

Начавъ добровольнымъ приглашеніемъ князей, народъ сохранилъ къ нимъ отношенія довольно свободныя и нерѣдко давалъ имъ чувствовать это весьма жестоко. Святополкъ, сѣвъ на кіевскомъ столѣ послѣ Владиміра, началъ раздавать кіевлянамъ подарки, чтобы задобрить ихъ въ свою пользу. Очевидно, что народъ не отдался безусловно князьямъ и хотѣлъ сохранить свою волю и голосъ въ правленіи. Когда половцы разбили, въ 1068 году, кіевлянъ, то послѣдніе, собравшись на вѣче, послали сказать своему князю Изяславу: «Половцы разсѣялись по землѣ; дай намъ оружіе и коней, хотимъ еще биться съ ними». Изяславъ не послушался. Тогда толпа отправилась къ княжескому двору, и какъ князь не согласился на ея требованія, то стали раздаваться голоса, что надо искать себѣ другого князя. Дружина совѣтывала убить князя Всеслава, содержавшагося въ тюрьмѣ, но Изяславъ не согласился, да и было уже поздно, потому что народъ, не получивъ отъ князя удовлетворенія, освободилъ Всеслава и провозгласилъ его княземъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу.

Особенно частыя смѣны князей случались у новгородцевъ, находившихся въ обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ для развитія личнаго начала. Въ 1136 году новгородцы, недовольные своимъ княземъ Всеволодомъ, подумавши на вѣче, посадили его на епископскомъ дворѣ, съ женою, дѣтьми и тещей подъ стражу и выпустили только тогда, когда къ нимъ пріѣхалъ изъ Чернигова новый князь Святославъ Олеговичъ. Вина Всеволода заключалась въ томъ, что «не блюдетъ смердовъ; зачѣмъ хотѣлъ сѣсть въ Переяславлѣ; въ битвѣ при Ждановой горѣ побѣжалъ прежде всѣхъ изъ полку; вмѣшиваетъ Новгородъ въ усобицы.» Въ 1154 году новгородцы выгнали отъ себя князя Ярослава Изяславича; но за что, лѣтописецъ умалчиваетъ. При постоянной борьбѣ партій, держаться въ Новгородѣ князьямъ было трудно, и легко было навлечь на себя неудовольствіе, а за тѣмъ и изгнаніе. Мстиславъ, узнавъ, что враждебная ему сторона собираетъ тайная вѣча и, не дожидаясь, чтобы

Digitized by Google

новгородцы выпроводили его отъ себя, созвалъ вѣче на Ярославскомъ дворѣ и сказалъ ему: «У меня есть дѣла въ Руси, а вы вольны въ князьяхъ», и уѣхалъ. И дѣйствительно народъ былъ воленъ въ князьяхъ. Онъ приглашалъ одного, изгонялъ другого, и дѣлалось это очень легко и скоро, по поводу обстоятельствъ иногда весьма ничтожныхъ. Приглашаемый князь цѣловалъ крестъ Новгороду, Новгородъ цѣловалъ крестъ князю и этимъ устанавливались взаимныя обязательства. Но князь всегда могъ оставить Новгородъ, когда хотѣлъ, и для этого нужно было только созвать вѣче, объявить ему свое желаніе и сложить съ себя цѣлованіе; какъ это и сдѣлалъ Мстиславъ.

При такихъ свободныхъ отношеніяхъ народа къ князьямъ, когда такъ легко было навлечь на себя народное неудовольствіе и быть изгнаннымъ, князь являлся, разумѣется, представителемъ народной воли. Когда въ 1221 году новгородцы сказали Всеволоду: «не хотимъ тебя, ступай куда хочешь», то обратились къ владимірскому князю Юрію Всеволодовичу и тотъ далъ имъ въ князья своего сына *по всей ихъ волѣ*. Въ 1228 году новгородцы, призвавъ къ себѣ суздальскаго князя Ярослава, послали сказать ему: «Пріѣзжай къ намъ, новыя пошлины оставь, судей по волости не шли, будь нашимъ княземъ по всей волѣ нашей и на всѣхъ грамотахъ ярославовыхъ, или ты себѣ, а мы себѣ.» Здѣсь уже прямо указывается на первоначальный договоръ, которымъ опредѣлялись отношенія князя къ великому Новгороду. Грамоты Ярослава не дошли до насъ. Но изъ послѣдующихъ условій князей съ новгородцами можно видѣть, въ чемъ заключались коренныя основанія обоюдныхъ отношеній. Князь не могъ судить безъ посадника, т. е. безъ лица, знакомаго хорошо съ мѣстными обычаями и условіями. Князь не могъ назначать въ правители и судьи волостей своихъ людей, но непремѣнно гражданъ новгородскихъ, по соглашенію съ посадникомъ. При частой перемѣнѣ князей это было необходимо. Вообще князья не имѣли корней въ странѣ, они являлись какъ бы пріемышами и должны были подчиняться условіямъ, которыя будутъ имъ предложены новгородцами. Князь не имѣлъ права пріобрѣтать въ новгородской землѣ имѣнія, не могъ торговать самъ, чрезъ своихъ людей, а непремѣнно чрезъ повгородцевъ; не могъ наказывать безъ суда и воли вѣча и дѣлать какія-либо распоряженія безъ участія посадника.

Изъ того, что новгородцы ограничивали такимъ образомъ власть

Digitized by Google

князя, не слѣдуетъ еще заключать, чтобы они сами умѣли производить справедливый судъ и умѣли рѣшать умно свои дѣла. Извѣстно, что всѣ народныя правленія отличаются всегда большою жизненностью и сильнымъ движеніемъ, вслѣдствіе возможности свободнаго проявленія личности каждаго отдѣльнаго гражданина. Но Новгородъ въ этомъ отношеніи отличался, особеннымъ шумомъ, вѣчными раздорами и соперничествомъ сословій. Между множествомъ случаевъ этого рода одинъ, бывшій въ 1418 году, показываетъ лучше всего характеръ новгородской управы. Какой-то Степанко, схвативъ на улицѣ боярина Данилу Ивановича Божана, кричалъ народу — господа, помогите мнѣ противъ этого злодѣя. Вѣроятно народъ былъ уже раздраженъ противъ бояръ, потому что, не разбирая въ чемъ дѣло, кинулся на помощь къ Степанкѣ и поволокли боярина на вѣче. Тамъ, какая-то женщина, выскочивъ на средину, принялась колотить боярина съ неистовствомъ, перечисляя сдѣланныя имъ ей обиды. За тѣмъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій сбросили несчастнаго въ Волховъ. Рыбакъ, плывшій въ это время по рѣкѣ, спасъ Данилу. Это озлило толпу, и она разграбила домъ рыбака. Спасенный бояринъ, желая отомстить Степанкѣ, поймалъ его и сталъ мучить, и когда народъ узналъ объ этомъ, то кинулся въ улицу, гдѣ жилъ бояринъ Данило. Данило струсилъ и убѣжалъ. Расходившійся народъ взялся за оружіе и пошелъ грабить богатыхъ. Ограбилъ нѣсколько улицъ и даже монастырь св. Николы, гдѣ хранились боярскіе пожитки и дошелъ уже до Прусской улицы, населенной новгородской аристократіей. Тутъ бояре встрѣтили толпу съ своею челядью. На колокольняхъ ударили въ набатъ, и пошла свалка по всему городу. Владыка, созвавъ священниковъ, въ полномъ облаченіи, съ крестами, хоругвями и образомъ Богоматери отъ св. Софьи, явился среди бушующаго народа и мало по-малу утишилъ волненіе. Подобные раздоры происходили безпрестанно. Разумѣется, они имѣли свои причины и свой смыслъ, но къ сожалѣнію вовсе неспособствовали развитію учрежденій Новгорода, его гражданскихъ порядковъ. Смыслъ явленій и событій ускользалъ отъ людей и они не умѣли извлекать изъ нихъ тѣхъ опытныхъ результатовъ, которыми дается странѣ гражданская сила. Было бы несправедливо сравнивать новгородцевъ съ американцами, т. е. съ первыми выходцами изъ Европы, положившими начало будущимъ сѣверо-американскимъ штатамъ. У американцевъ былъ восьмисотълѣтній опытъ, и знаком-

Digitized by Google

ство съ такими идеями и научными знаніями, которыя были совершенно чужды новгородцевъ. Очень можетъ быть, что и изъ Новгорода вышло бы что нибудь самостоятельное, если бы онъ уже съ самаго начала не заключалъ въ себѣ всѣхъ началъ своего гражданскаго безсилія. Разъяренная толпа всегда грабитъ, при всякихъ формахъ правленія, такъ было всегда и можетъ быть останется навсегда. Но въ Новгородѣ изъ грабежа установился обычай, и, вслѣдствіе того, бояре держали на жалованьи разный сбродный, отчаянный людъ, для защиты себя и отъ бояръ, и отъ народа. Все это похоже больше на калмыцкіе обычаи, но никакъ не можетъ служить признакомъ пониманія гражданскихъ отношеній. Прошло 600 лѣтъ послѣ призванія новгородцами варяжскихъ князей, и вотъ что писалъ митрополитъ Іона къ новгородцамъ: у васъ изъ за какой-нибудь малой вещи зачинается гнѣвъ и ярость, и свары, и лжесловія, и многонародное сборище съ обѣихъ сторонъ: у васъ нанимаютъ сбродней, пьянчивыхъ и замышляютъ бои и кровопролитія. Въ XV столѣтіи, т. е. чрезъ тѣ же 600 лѣтъ, лѣтописецъ говоритъ, «что не было въ Новгородѣ ни правды, ни справедливаго суда; возстали ябедники, устроивали четы, обѣты и цѣловали на неправду; и стали грабить по селамъ и на волостяхъ и по городу; и стали мы въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ; и по волостямъ было раззореніе и частные поборы, крикъ и рыданіе, и вопль, и проклятія людей на старѣйшинъ и на нашъ городъ, ибо не было у насъ ни жалости, ни правосудія. «Видно, что ни князья, призванные новгородцами для устройства порядка и суда, ни сами новгородцы, не успѣли еще устроить у себя порядка и правосудія. Въ лѣтописяхъ нѣтъ данныхъ, которыя бы позволили сравнить степень неурядицы во время призванія варяговъ съ новгородскими неустройствами въ XV столѣтіи. Разумѣется, слѣдовало бы полагать, что стало лучше, что народъ научился понимать совершеннѣе свое гражданское значеніе; къ сожалѣнію подтвердить это какими-нибудь доказательствами нѣтъ никакой возможности. Можно только замѣтить, что 600 лѣтъ гражданской жизни было мало, чтобы развить въ Новгородѣ достаточную силу для самостоятельной жизни. Простору для личности было много, а гражданской связи почти не существовало. Уже однѣ отношенія новгородцевъ къ своимъ князьямъ, легкость, съ какой они изгоняли и принимали ихъ,—и принимали нерѣдко тѣхъ самыхъ, которые надѣлали имъ много зла, напримѣръ, Ярослава, поморившаго ихъ голодомъ, — по-

Digitized by Google

казываетъ отсутствіе прочныхъ гражданскихъ основаній. Князь не могъ бы дѣлать, что онъ хотѣлъ, если бы свободныя учрежденія страны ограничивали произволъ силы; но именно этого-то и не было. Каждая сила имѣла полную возможность проявлять свой произволъ и деспотизмъ надъ всѣмъ, что было слабѣе ея: произвольничали князья, произвольничали бояре, произвольничали черные люди. Да и не могло быть иначе. Ни одна изъ формъ правленія не требуетъ такого распространенія въ народѣ знаній и здравыхъ, зрѣлыхъ понятій, какъ правленіе народное. А какими знаніями владѣли новгородцы? Византія не сообщала имъ ничего, да и не могла сообщить именно тѣхъ понятій и идей, какія нужны были для новгородскаго народовластія, потому что византійскіе порядки были совершенно противуположны новгородскимъ. Литературы не было, кромѣ церковной, да и церковная читалась съ трудомъ, по недостатку грамотныхъ людей. Хотя новгородцы вообще были и грамотнѣе остальныхъ русскихъ, но читатель знаетъ, какого труда стоило Геннадію, архіепископу новгородскому, набирать грамотныхъ поповъ. По видимому сношенія новгородцевъ съ Ганзой должны бы помогать развитію просвѣщенія въ народѣ; но и эти сношенія были такого рода, что обнаруживали полное безсиліе новгородцевъ предъ нѣмцами. Нѣмцы составляли твердую корпорацію, и принимали всѣ мѣры, чтобы ихъ сношенія съ новгородцами не имѣли соперничества. Торговая нѣмецкая компанія опредѣляла: какихъ именно товаровъ и въ какомъ количествѣ слѣдуетъ провозить въ Новгородъ изъ за границы; они не позволяли своимъ купцамъ провозить деньги больше извѣстной суммы; она вела торговлю оптовую. Понятно, что все это давало ей возможность держать свои товары въ цѣнѣ, и сбывать то, что ей вздумается; а русскіе товары держать на ихъ минимумѣ. Разсыпчатость русская выразилась и тутъ. Нѣмцы назначали на русскій товаръ цѣну самую низкую, и всегда находились люди, которые соглашались на нее; а за ними соглашались и другіе. Противъ сплоченной силы нѣмцевъ, новгородцы выступали въ разсыпную и должны были, разумѣется, проиграть. Отъ этого, такъ прославленный союзъ Новгорода съ Ганзой, нисколько не способствовалъ возвышенію благосостоянія края — наживались нѣмцы, а не русскіе. Но нѣмцы пошли еще дальше: у нихъ было постановлено, не учить русскихъ техническимъ производствамъ, чтобы лишить ихъ возможности устроить у себя фабрики, и тѣмъ удержать въ зависи-

Digitized by Google

мости отъ нѣмецкой торговой компаніи. Новгородцы, какъ видно, не были въ состояніи понять этого. Не научили ихъ ни чему и поѣздки за границу. Ѣздили новгородцы въ Швецію, и въ Норвегію, и въ Любекъ, и на Готландъ; но какими познаніями они обогатились тамъ, и какую пользу учрежденіямъ и новгородской общественной жизни принесли эти поѣздки ни изъ чего не видно.

А между тѣмъ логическое развитіе основъ государственной жизни Новгорода шло своимъ порядкомъ и подготовляло ему соединеніе съ Москвой. Признавъ съ самаго начала необходимость имѣть надъ собой князя, новгородцы положили тѣмъ самымъ основаніе своей зависимости. Что они изгоняли отъ себя князей по произволу, это ничего не значило; тоже дѣлалось почти и во всей Руси, въ періодъ первоначальнаго броженія силъ. Значеніе личности князя все-таки существовало, и болѣе энергическіе изъ нихъ всегда могли имѣть возможность заставить новгородцевъ почувствовать свою власть. Александръ Невскій обращался съ новгородцами весьма деспотически, да и другіе князья при случаѣ давали волю своему личному произволу. Признавая свою связь съ общимъ русскимъ княжескимъ родомъ, новгородцы тѣмъ самымъ должны были подчиняться и измѣненіямъ, происходившимъ въ личномъ составѣ князей, что сдѣлалось особенно замѣтно со времени монгольскаго владычества. Со времени Ярослава, бывшаго великимъ княземъ и въ тоже время княземъ новгородскимъ, явился обычай, что вмѣсто великаго князя, который не могъ жить въ Новгородѣ, находился его намѣстникъ. Съ этого же времени, великіе князья бывали обыкновенно и князьями новгородскими, потому что новгородцы признавали ихъ какъ болѣе сильнѣйшихъ. А какъ съ монгольскимъ игомъ назначеніе великаго князя зависѣло вполнѣ отъ произвола хана, то свободный выборъ князей для новгородцевъ кончился. Такимъ образомъ, Новгородъ отъ своего избирательнаго права перешелъ постепенно къ признанію надъ собой старѣйшаго князя, назначаемаго посторонней властью. Единство церкви соединяло еще крѣпче Новгородъ съ остальной Русью, а ученіе о власти поселяло въ населеніи монархическія понятія. Понятно, что великій князь долженъ былъ пріобрѣтать въ глазахъ новгородцевъ все большее и большее значеніе, и если въ республикѣ находились люди, дорожившіе республиканской свободой, то вмѣстѣ съ тѣмъ подъ вліяніемъ и политическихъ событій, связавшихъ Новгородъ съ великими князьями, и ученія церкви должна была соста-

Digitized by Google

виться монархическая партія, державшая сторону великаго князя. Къ концу XV столѣтія выработались уже всѣ элементы, подготовлявшіе соединеніе Новгорода съ Москвой; оставалось только исполнить нѣкоторыя внѣшнія формальности, и исполнителемъ ихъ явился Иванъ III.

Москва давно уже стѣсняла все болѣе и болѣе Новгородъ и высказывала ему свою силу; но Новгородъ только злился на это, не принимая никакихъ мѣръ, которыя бы могли дать ему перевѣсъ надъ московскимъ самовластіемъ. Разговоры продолжались по прежнему, а военной силы, которая значила все, у новгородцевъ не было, потому что сбродъ людей, оторванныхъ отъ сохи, не могъ противиться московскому войску, болѣе навыкшему къ войнѣ, вслѣдствіе постоянныхъ враждебныхъ столкновеній Москвы съ татарами, литовцами, поляками. Новгородцамъ не нравилась Москва, но они чувствовали свое безсиліе, и, зная, что съ Москвой бороться имъ не подъ силу, задумали подчиниться Литвѣ. Это еще не значитъ понимать свободу и ее отстаивать. Народъ, подбитый республиканской партіей, думавшей сохранить свою независимость подъ властію Литвы, кричалъ: «за короля хотимъ! мы вольные люди; пусть Казиміръ охраняетъ Великій Новгородъ!» и московская партія должна была покориться. Въ первой стычкѣ съ войсками Ивана III новгородцы были разбиты на голову, а между тѣмъ литовская помощь не приходила. Республиканцы хотѣли держаться и стали жечь посады и монастыри, чтобы затруднить тѣмъ осаду города, а между тѣмъ московская партія затѣвала измѣну. Какой-то Упадышъ заклиналъ нѣсколько пушекъ, стоявшихъ на городскихъ стѣнахъ. «Лучше бы тебѣ Упадышъ не быть въ утробѣ матерней, чѣмъ наречься предателемъ Новгорода,» говоритъ лѣтописецъ. Къ этой бѣдѣ присоединился еще недостатокъ хлѣба. Тогда народъ, желавшій такъ прежде свободы и Казиміра, ударивъ въ вѣчевой колоколъ, назвалъ республиканцевъ прелестниками и обманщиками, а московской партіи сказалъ: «не слушали мы васъ большихъ умныхъ людей, а послушали безумцевъ. Спасайте Новгородъ,—идите битьчеломъ великому князю, чтобъ насъ помиловалъ!» И отправилось посольство къ великому князю съ повинной и съ дарами. Князь, наложивъ дань, двинулся съ войскомъ назадъ. Патріоты притихли, но еще не отказались отъ своихъ стремленій. Чрезъ нѣсколько лѣтъ они снова подняли головы и началось преслѣдованіе московской пар-

Digitized by Google

тін. Буйство и произволъ не знали никакихъ границъ. Загнанные москвичи стали просить защиты великаго князя. Князь двинулся опять съ войскомъ. Новгородцы совѣтъ растерялись, когда Иванъ III, обложивъ городъ, задумалъ морить его голодомъ. Одни хотѣли биться, и умереть за св. Софью, другіе кричали, что нужно сдаться великому князю. Раздоры партій, ссоры, драки, убійства—вотъ какъ выразилось новгородское единодушіе, когда нужно было выказать гражданскую доблесть предъ грозившей бѣдою. Изморенные голодомъ новгородцы согласились на всѣ условія. На этотъ разъ Иванъ увезъ съ собой вѣчевой колоколъ. Не дешево обошлось новгородской землѣ эта побѣда Ивана. Деревни и погосты были сожжены войсками князя, хлѣбъ и скотъ истребленъ, и народъ, зимой, не имѣя ни пристанища, ни пищи, умиралъ толпами отъ голода и отъ мороза. Новгородская область обезлюдѣла, точно послѣ татарскаго нашествія. Но этимъ не кончилось. Новгородцы задумали отложиться къ Казиміру; московская партія на нихъ донесла, и снова явился Иванъ III съ войскомъ. На этотъ разъ онъ повелъ осаду. Новгородцы струсили, опять начались раздоры и несогласія, и—отворили Ивану ворота города. Тогда начались пытки и казни, и выселенія. Всѣ жители Новгорода были выведены и поселены въ Нижнемъ, Москвѣ и въ другихъ городахъ, а вмѣсто ихъ присланы новые поселенцы; землевладѣльцы выселены также, и новгородская народность стерта съ лица земли, точно десять Чингисъ-хановъ прошли одинъ за другимъ по новгородской области.

Страшно поступилъ Иванъ III съ новгородцами, и его ненужной жестокости нѣтъ и не можетъ быть оправданія. Трагическій конецъ новгородской вольности, возбуждая сочувствіе къ судьбѣ загубленныхъ людей, заставляетъ многихъ смотрѣть на все дѣло нѣсколько пристрастно. Ивана III рисуютъ хладнокровнымъ злодѣемъ, палачомъ, задушившимъ благороднѣйшія стремленія народной жизни; а Новгородъ — несчастной жертвой московскаго самовластія, уничтожавшей все, что носило въ себѣ зародыши личной самостоятельности. И то и другое преувеличено:—ни Иванъ III не былъ такимъ злодѣемъ, ни Новгородъ такой несчастной жертвой и угнетённой невинностью. По историческому ходу русской жизни, Новгородъ не могъ остаться государемъ Новгородомъ: для этого у него не было ни нравственной, ни матеріальной силы. Онъ долженъ былъ слиться съ Москвой, и вся разница въ его судь-

Digitized by Google

бѣ, независящая отъ историческаго хода, могла заключаться только въ томъ, что слiяніе это свершилось бы съ меньшимъ душегубствомъ и въ болѣе продолжительное время. Своей жестокостью Иванъ III только ускорилъ слiяніе, и только въ этомъ заключался его личный подвигъ, независящій отъ хода исторіи.

Что же касается до новгородской невинности, то уже изъ договора его съ Казиміромъ можно видѣть, что 600 лѣтъ свободной жизни, на началахъ народовластія, не развили нисколько гражданскаго смысла въ населеніи и не дали ему яснаго пониманія основъ самоуправленія, какія могли бы подготовить ему иную судьбу. Вѣчная зависимость отъ князя; неоконченный произволъ; отсутствіе учрежденій, ограждавшихъ слабаго отъ сильнаго; наконецъ, рабство, составлявшее основу новгородской свободы,—все это такія элементы, совокупность которыхъ не могла создать ничего стройнаго, прочнаго и обезпечивающаго благосостояніе членовъ общины.

Новгородъ былъ государемъ своей земли и его вѣче управляло всѣми внѣшними и внутренними дѣлами. Въ вѣче участвовало все населеніе Новгорода, но было ли представительство отъ сельскаго населенія этого ни изъ чего не видно. Покрайней мѣрѣ въ грамотахъ Великаго Новгорода не упоминается нигдѣ объ этомъ населеніи. Новгородское гражданство составляли посадники, бояре, дѣти боярскія, купцы, жилые люди и черные люди. Сельское населеніе составляли земцы—крестьяне, имѣвшіе свою землю и смерды—жившіе на чужихъ земляхъ. Послѣдній классъ составляли холопы или рабы. Рабы не имѣли никакихъ правъ—ни гражданскихъ, ни юридическихъ. Свидѣтельство раба не имѣло юридической силы даже противъ его собрата—раба. При всякомъ народномъ бѣдствіи число рабовъ увеличивалось, потому что бѣдняки, неимѣвшіе средствъ существованія, продавались въ неволю, или продавали своихъ дѣтей. Рабъ продавался какъ вещь и находился въ безусловной власти своего господина. По понятіямъ свободныхъ новгородцевъ въ рабствѣ не было ничего ни предосудительнаго, ни вреднаго; но они пошли еще дальше, и въ то время, когда они отстаивали такъ свои вольности, они стѣсняли свободу другихъ гражданъ, также свободныхъ, какъ и они: свободные смерды, за то, что они по бѣдности должны были жить на чужой землѣ, лишались своихъ юридическихъ правъ—новгородцы, разумѣется, богатые и землевладѣльцы, постановили, чтобы жалобамъ смердовъ давать такую же вѣру, какъ и жалобамъ рабовъ. И это

Digitized by Google

было сдѣлано въ 15 столѣтіи! Цѣль постановленія очевидна—богатымъ хотѣлось угнѣтать бѣдныхъ безнаказанно. Съ такими понятіями о гражданской свободѣ Новгороду существовать было невозможно. Рабство, какъ ржавчина, разъѣдала всѣ нравственныя силы; на каждаго гражданина оно клало отпечатокъ холопства и заставляло его сгибаться предъ каждой силой. Народъ, жившій внѣ городовъ, не выигрывалъ ничего отъ права городскихъ жителей собираться на вѣче. Постоянныя сношенія съ Москвой способствовали развитію боярскаго, а не народнаго элемента, и что это было дѣйствительно такъ, доказываетъ ограниченіе правъ смердовъ. Крестьянинъ новгородской области жилъ при тѣхъ же условіяхъ и въ той же зависимости отъ землевладѣльца, какъ и крестьянинъ остальной Руси; слѣдовательно личное начало не развивалось, а подавлялось, и вся разница между сельчаниномъ новгородскимъ и московскимъ заключалась только въ томъ, что одинъ повиновался Великому Новгороду, а другой великому князю. Поэтому-то Иванъ III совершенно напрасно истреблялъ новгородское сельское населеніе.

Въ Новгородѣ, какъ и въ остальной Руси, было одинаковое экономическое воззрѣніе на землю и одинаковыя экономическія понятія лежали въ основѣ учрежденій. То, въ чемъ такъ несправедливо обвиняютъ Бориса Годунова, сложилось весьма послѣдовательно изъ понятій, живших много ранѣе и явившихся вслѣдствіе многоземелія, экономическаго неразвитія страны и не достатка средствъ для покрытія государственныхъ потребностей. Людей вознаграждали за службу тѣмъ, что давали имъ землю. Этимъ устанавливались сразу отношенія между владѣльцемъ и невладѣльцемъ, богатымъ и бѣднымъ. Посѣлившійся крестьянинъ платилъ землевладѣльцу натурой или деньгами, и всѣ льготы его заключались только въ томъ, что при заселеніи новыхъ, земель онъ освобождался на извѣстный, и обыкновенно очень короткій срокъ отъ государственныхъ повинностей. Экономической зависимостью крестьянина опредѣлилась и его гражданская зависимость отъ землевладѣльца. Деревушки были малыя, въ одинъ, два три, четыре двора. Деревень съ населеніемъ отъ 7 до 15 душъ было мало, населеніе большее — отъ 15 до 120 душъ составляло великую рѣдкость; обыкновенно же въ деревнѣ было менѣе десяти душъ. При такомъ маломъ населеніи и при разбрасанности селеній, ближайшимъ попечителемъ крестьянъ долженъ былъ явиться землевладѣлецъ, потому что иначе нѣкому поручить сборъ съ крестьянъ

Digitized by Google

государственныхъ податей. Такимъ образомъ землевладѣльцамъ обыкновенно давались право суда, кромѣ суда уголовнаго. Игумнамъ же давалось иногда право вѣдать своихъ крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ. Такими же правами пользовались и монастыри женскіе. Крестьяне, завалленные работой и подчиненные гражданскому и уголовному суду, являлись полными рабами. Не смотря на то, что церковь наша возставала противъ рабства, монастырскимъ крестьянамъ не было отъ этого легче. Изъ уставной грамоты митрополита Кипріана Константиновскому монастырю видно, въ чемъ заключались обязанности крестьянъ. Имѣвшіе лошадей «поряжали церковъ, монастырь и дворъ обводили тыномъ, хоромы ставили, игуменскую часть пашни орали взгономъ, сѣяли, жали и свозили, сѣно косили десятинами и во дворъ возили, ѣздъ били вешній и зимній, сады оплетали, на неводъ ходили, пруды прудили, на бобровъ осенью ходили, истоки забивали, на Великъ день и на Петровъ день приходили къ игумну съ припасами. Крестьяне безъ лошадей рожъ молотили, хлѣбъ пекли, солодъ молотили, пиво варили, на ѣмя, рожъ молотили, пряли ленъ, сѣяли и дѣла неводныя поряжали, на праздникъ давали всѣ яловицу, а если игумнъ пріѣдетъ въ село на братчину, давали овесъ его конямъ». Крестьянинъ, хотя и имѣлъ право перехода отъ одного владѣльца къ другому, но вездѣ его ожидала одна и таже сущность, однѣ и тѣже отношенія. Переходъ хорошъ былъ больше для разнообразія жизни, а не для улучшенія положенія. Надобно было трудиться столько, чтобы быть и самому сытымъ, и накормить земледѣльца, и удовлетворить государственныя потребности. На какой бы землѣ не жилъ крестьянинъ, онъ долженъ былъ выполнить вездѣ эти три условія. Разница была только въ томъ, что одинъ земледѣлецъ отличался большимъ, а другой меньшимъ личнымъ произволомъ; но отъ произвола уйти было невозможно, потому что, такъ называемый, лично свободный человѣкъ жилъ вѣчно на чужой землѣ, и, слѣдовательно, находился всегда въ экономической зависимости. Все, что произошло потомъ въ судьбѣ крестьянина, было только послѣдующимъ развитіемъ этихъ основныхъ, экономическихъ отношеній, по которымъ крестьянинъ не былъ самъ земельнымъ собственникомъ, а долженъ былъ жить на чужой землѣ и работать на другого.

Но и кажущуюся личную свободу крестьянъ начали ограничивать довольно рано. Первымъ ограниченіемъ было назначеніе Юрьева дня

Digitized by Google

срокомъ для отказа, чего бы, разумѣется, не пришлось бы установлять, если бы земля принадлежала крестьянину. За тѣмъ стали появляться отдѣльныя грамоты, запрещавшія переходъ крестьянъ безусловно. Сначала грамоты эти имѣли частный характеръ. Такъ, великій князь Василій Васильевичъ запретилъ крестьянамъ-старожиламъ переходъ изъ монастырскаго села присѣлъ и деревень, къ нему принадлежащихъ. Далѣе, явилось запрещеніе землевладѣльцамъ, земли которыхъ были освобождены отъ княжескаго суда, принимать къ себѣ людей, подлежавшихъ суду и пошлинѣ князя. Иногда дозволялось землевладѣльцамъ не только не отпускать отъ себя крестьянъ, но даже и возвращать тѣхъ, которые отъ нихъ вышли. Такъ, между прочимъ, по жалобѣ Важанъ, что крестьяне въ ихъ волостяхъ разбѣжались: — отъ насильства, продажъ и жалобъ разошлись въ монастыри, государь приказалъ вызвать крестьянъ изъ монастырскихъ имѣній и разсадить ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто жилъ прежде. Законъ Ѳедора Ивановича явился только продолженіемъ этихъ частныхъ мѣръ и имѣлъ цѣлью поддержать небогатыхъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ бояре болѣе сильные переманивали крестьянъ. Ужаснѣе былъ указъ 1597 года, по которому вольныя слуги обращены въ холопы. Рабство было и прежде, но рабство добровольное, гдѣ человѣкъ продался по нуждѣ, самъ, или продавали его другіе въ годы народныхъ бѣдствій и раззореній. Это рабство было полное, человѣкъ опускался на степень домашняго животнаго и цѣнился, какъ вещь. Но былъ еще и другой видъ рабства, также добровольнаго, но временнаго, когда человѣкъ закладывался за деньги на извѣстный срокъ, пока, по договору, личной службой не выплатитъ долга. Такіе люди назывались кабальными. Объ этихъ людяхъ въ указѣ 1597 года сказано, «что тѣ изъ нихъ, кто далъ на себя кабалу съ 1 іюня 1586 года, тѣмъ быть въ холопствѣ, денегъ отъ нихъ не брать, челобитныя ихъ не слушать и выдавать ихъ господамъ на службу до смерти. Кто изъ вольныхъ людей служитъ у господина съ полгода и больше, на тѣхъ выдавать служилыя кабалы и челобитныя ихъ не слушать, потому что господинъ такого добровольнаго холопа кормилъ, одѣвалъ и обувалъ». Эта мѣра возмутительна, не только потому, что она служила полнымъ выраженіемъ произвола и насилія, но и не имѣетъ никакой логической связи съ историческимъ прошлымъ. Ее нельзя извинить и тогдашними современными понятіями, потому что церковь бы-

Digitized by Google

ла противъ рабства и передовые люди, какъ Башкинъ и его единомышленники рѣшительно отвергали зависимыя между людьми отношенія. Но такихъ людей было мало, и, разумѣется, они не стояли въ главѣ управленія. Понятіе о зависимости и рабствѣ, съ теченіемъ времени, вѣлось такъ крѣпко въ общее представленіе, что даже человѣкъ вольный назывался «человѣкомъ великаго князя».

Понятіе это явилось изъ сознанія своего безсилія и необходимости находиться подъ чьимъ-либо покровительствомъ. Безъ покровительства и защиты жить было невозможно. Въ Западной Европѣ, въ тѣже времена, люди противъ внѣшняго матеріальнаго насилія составляли корпораціи, люди концентрировались въ городахъ и составляли союзы; но это было возможно тамъ, а не у насъ. Наши разбросанныя деревушки, съ тремя-четырьмя дворами, не владѣли ни матеріальными, ни нравственными средствами, чтобы противиться внѣшнему насилію, и потому русскій человѣкъ, при своей многоземельности, придумалъ средство совершенно противоположное. Если онъ не отдавалъ себя въ покровительство какому нибудь сильному лицу—боярину, монастырю и такъ далѣе, то убѣгалъ въ лѣса, или уходилъ въ казаки. Но ни лѣса, ни казачество не спасли личности и не могли дать ей средствъ для развитія. И въ пустыни и дебри Америки убѣгали люди отъ непріятной для нихъ жизни въ Европѣ, подобно тому, какъ наши крестьяне бѣжали въ южныя степи. Но бѣжавшій крестьянинъ вносилъ въ свой новый міръ полное невѣдѣніе того, что ему дѣлать съ своими силами, полное отсутствіе всякихъ знаній и гражданскихъ понятій; онъ бѣжалъ для того, чтобы ему жить по калмыцки и на счетъ военнаго грабежа ногаевъ, литвы и своего брата русскаго. Въ этомъ было мало залоговъ для развитія гражданственности и казачества; не имѣвши никакой нравственной силы, оно, хотя и много выказало жизни, удали и блеску, но погибло на полдорогѣ, даже при столкновеніи съ весьма слабой гражданственностію московскаго государства. Не тѣ начала вносило въ пустыни Америки англо-саксонское племя. Мы пришли сюда не для того, говорили они, чтобы испытывать второй разъ зло, отъ котораго бѣжали, мы должны оградить себя отъ произвола и насилія. Отправляясь отъ подобной основной мысли, американцы прежде всего составляли законы и учрежденія. Союзный договоръ соединенныхъ колоній Новой Англіи, составленный въ 1643 году, обнаруживаетъ такую гражданскую крѣпость и развитіе, что оставляетъ далеко за

Digitized by Google

собой учрежденія и законы любаго государства нынѣшней континентальной Европы.

Говорить здѣсь о казачествѣ мы считаемъ излишнимъ, потому что читателю извѣстны обстоятельства и подробности этого историческаго явленія. Мы укажемъ только на ту страшную, нечеловѣческую силу, которая пропадала на простомъ удальствѣ, потому что ей не было другого выхода. Много сильныхъ людей было между казаками, и такой желѣзный человѣкъ, какъ Разинъ, былъ вѣроятно не одинъ. Нравственная сила человѣка, разумѣется, виднѣе всего въ минуты его физическихъ страданій. И вотъ какъ описываетъ г. Костомаровъ казнь Стеньки Разина. Мы приводимъ этотъ разсказъ потому, что не знаемъ другого обстоятельства, могущаго лучше и въ немногихъ словахъ обрисовать людей, уходившихъ въ казачество. Когда подвезли Стеньку и его брата Фролку къ Москвѣ, то послѣдній, отъ природы вообще тихій, затосковалъ и сказалъ брату :

— Вотъ братъ, это ты виною нашимъ бѣдамъ.

— Никакой бѣды нѣтъ, отвѣчалъ Стенька, насъ примутъ почетно; самыя большія господа выйдутъ на встрѣчу посмотрѣть на насъ.

Только что привезли братьевъ въ Москву, тотчасъ же начали допросъ. Стенька молчалъ. Его повели къ пыткѣ. Первая пытка была кнутъ — толстая ременная полоса въ палецъ толщиною и въ пять локтей длиною. Преступнику связывали назадъ руки и поднимали его вверхъ, потомъ связывали ремнемъ ноги. Палачъ садился на ремень и вытягивалъ тѣло такъ, что руки выходили изъ составовъ и становились въ ровень съ головою, а другой по спинѣ билъ кнутомъ. Тѣло вздувалось, лопалось, открывались язвы, какъ отъ ножа. Уже Стенька получилъ такихъ ударовъ около сотни; но не испустилъ стона. Всѣ, стоявшіе около него, дивились.

Тогда ему связали руки и ноги, продѣли сквозь нихъ бревно, и положили спиной на горящіе уголья. Стенька молчалъ. Послѣ этого по избитому, обожженному тѣлу начали водить раскаленнымъ желѣзомъ. Стенька молчалъ.

Ему дали роздыхъ и принялись за Фролку. Болѣе слабый, онъ началъ испускать крики и вопли отъ боли. — Экая ты баба! сказалъ Стенька. Вспомни наше прежнее житье; долго мы прожили со славой; повелѣвали тысячами людей: надобно же теперь бодро переносить и несчастіе. Что, это развѣ больно? Словно баба уколола!

Стеньку принялись пытать еще однимъ родомъ мученій. Ему об-

Digitized by Google

рили макушку и оставили виски. Вотъ какъ! сказалъ Стенька брату: слыхали мы, что въ поцы ученыхъ людей ставятъ, а мы братъ съ тобой простаки, а и насъ постригли. Ему начали лить на макушку по каплѣ холодной воды; самыя твердыя натуры теряли присутствіе духа. Стенька вытерпѣлъ и эту муку, и не произнесъ ни одного стона. Все тѣло его представляло безобразную, багровую массу волдырей. Съ досады, что его ничто не донимаетъ, начали колотить Стеньку со всего размаху по ногамъ. Молчалъ Стенька. Перенесши всѣ страданія, не высказавъ ни одного слова, Стенька не могъ быть обвиненъ собсвеннымъ сознаніемъ; только очевидное и гласное преступленіе не затрудняло приговорить его къ смертп.

6-го іюля вывели Стеньку съ братомъ на лобное мѣсто. Прочитали длинный приговоръ. Стенька слушалъ спокойно, съ гордымъ видомъ. По окончаніи чтенія, палачъ взялъ его подъ руки. Стенька обратился къ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы (Василія Блаженнаго), перекрестился, потомъ поклонился на всѣ четыре стороны и сказалъ: «простите». Его положили между двухъ досокъ. Палачъ отрубилъ ему сначала правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колѣно. Стенька не издалъ ни одного стона, не показалъ знака, что чувствуетъ боль. Онъ, (говоритъ современникъ), какъ будто хотѣлъ показать народу, что мститъ гордымъ молчаніемъ за свои муки, за которыя уже не въ силахъ отмстить оружіемъ. Ужасное зрѣлище истязаній надъ братомъ лишали Фролку послѣдняго мужества. — Я знаю слово государево! закричалъ онъ. — Молчи, собака! сказалъ ему Стенька. То были послѣднія его слова. Палачъ отрубилъ ему голову».

Казачество было повтореніемъ Новгорода, только при другихъ обстоятельствахъ и оттого въ другой формѣ. И тамъ и здѣсь было стремленіе личности къ самобытному, свободному развитію; но какъ у Новгорода не достало для этого нравственной силы, такъ не достало ея и у казачества. Всякій, кому была дорога независимость, уходилъ въ Украйну, и недовольныхъ собралось такъ много, что образовалось сильное военное братство, способное противиться и московскому царю, и польскому королю, и крымскому хану, и турецкому султану. Пока можно было существовать набѣгами и войной казачество существовало, подобно тѣмъ разбойничьимъ государствамъ, которыя образовывались въ тоже время на берегахъ Средиземнаго моря. Но, когда кромѣ личной отваги и удали потребовалась гражданская стой-

Digitized by Google

кость и гражданская сила въ цѣлой массѣ, казачество должно было пасть—и пало. Попытка Выговскаго не удалась, потому что казаки были совершенно не готовы понять возможность самобытнаго существованія въ видѣ гражданскаго цѣлаго. Не аристократическія тенденціи Выговскаго и не предполагаемая имъ связь съ Польшей была причиной неудачи. Народъ, съумѣвшій устроить Великое Русское Княжество — какъ это задумалъ гетманъ — съумѣлъ бы отстоять и его федеративную независимость отъ Литвы и Польши. Но казаки не были въ состояніи понять мысль своего гетмана; если имъ не нравилось введеніе панства и связь съ поляками, кто мѣшалъ имъ придумать такія учрежденія, которыя сдѣлали бы Польшу имъ неопасной и устранило бы аристократическое начало? Для этого нуженъ былъ гражданскій смыслъ, котораго не было у военнаго братства и отдѣлавшись отъ Выговскаго, они спасли свою самостоятельность все-таки на самое короткое время. Казаки не устранили своего паденія, они только его отсрочили; совершенно также, какъ затягивалъ свое паденіе Новгородъ въ борьбѣ съ Москвой. Казачество было послѣдней попыткой людей, желавшихъ спасти свою личную самостоятельность; людей, которые чувствовали всю тягость тогдашняго гражданскаго порядка, а между тѣмъ незнавшихъ какъ устроить порядокъ нестѣснительный.

Въ то время, какъ на сѣверѣ и югѣ Россіи вымирали послѣдніе порывы личной независимости, московское государственное начало крѣпло все болѣе и болѣе. Отдѣльная личность вошла уже въ предѣлы совершенно неопасныя для московскаго могущества, и если правительству и приходилось иногда страшиться народной силы, то только въ мгновенныхъ порывахъ ея во время мятежей. Вспышки кончались, или подавлялись весьма скоро. Какъ люди понимали уже хорошо свои гражданскія отношенія къ власти можно видѣть лучше всего изъ земскихъ соборовъ, значеніе которыхъ такъ преувеличиваютъ наши историки-идеалисты.

Флетчеръ говоритъ, что царь призывалъ на соборъ только тѣхъ думныхъ бояръ, которыхъ хотѣлъ; патріархъ же, кромѣ митрополитовъ и архіепископовъ, приглашалъ еще и другихъ духовныхъ, пользовавшихся особенною извѣстностью и уваженіемъ. Соборы созывались обыкновенно по пятницамъ, въ столовой палатѣ. Царь садился на тронѣ, а недалеко отъ него, за небольшимъ столомъ, садился патріархъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ и съ знатнѣйшими чле-

Digitized by Google

нами думы. Прочіе члены сидѣли около стѣны, на скамьяхъ. Дьякъ излагалъ содержаніе дѣла, о которомъ слѣдовало разсуждать, и за тѣмъ спрашивалось мнѣніе духовныхъ лицъ. Обыкновенный отвѣтъ духовенства заключался въ томъ, «что государь и дума его премудры, опытны, гораздо способнѣе духовныхъ судить о томъ, что полезно для государства, потому что духовные занимаются только служеніемъ Богу и предметами, относящимися до религіи. Поэтому они просятъ государя и думныхъ людей сдѣлать нужное постановленіе, а они, вмѣсто совѣтовъ, будутъ помогать имъ молитвами». Въ какомъ видѣ высказывались мнѣнія остальныхъ лицъ, можно видѣть лучше всего изъ собора 1642 года, по случаю взятія казаками Азова. Вопросъ заключался въ томъ — удержать ли Азовъ и защищать его противъ Турокъ, или уже уступить имъ. Въ первомъ случаѣ нужно было начать войну, а для нея требовались большія средства, государство же было раззорено; и вотъ царь рѣшился собрать мнѣнія всѣхъ сословій. Велѣно было «выбрать изо всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ, среднихъ и меньшихъ, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ объ этомъ дѣлѣ говорять... и имъ помыслить о томъ на крѣпко и государю мысль свою объявить на письмѣ, чтобъ ему, государю, про все то было извѣстно.»

Духовенство отвѣтило, что разсуждать о военномъ дѣлѣ ему не въ обычай, и что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ его царскимъ величествомъ, его государевыми боярами и думными людьми. «Если, государь, продолжало духовенство, по настоящему времени твое царское величество изволитъ рать строить, то мы, твои государевы богомольцы, ратнымъ людямъ рады помогать, сколько силы нашей будетъ». Стольники отвѣчали, что взять или не взять Азовъ, въ томъ его царская воля; сборомъ рати и запасовъ государь распорядиться волент, а они, стольники, на его службу готовы, гдѣ имъ государь велитъ быть». Головы и сотники стрѣлецкіе отвѣчали, «что во всемъ государева воля, а мы, холопи его, служить рады и готовы, гдѣ государь ни укажетъ». Дворяне отвѣчали, тоже; но одни изъ нихъ прибавляли къ этому: «а бѣдность нашего города вѣдома ему, государю и его боярамъ». Другіе говорили: «а раззорены мы пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою, отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ». Третьи, при той же готовности исполнить волю царя, жаловались на лихоимство дьяковъ и подьячихъ, и тутъ же просили о помѣстномъ и денежномъ жалованьи,

Digitized by Google

«чтобъ было чѣмъ твою, государеву службу служить». Купцы сказали: «мы, холопы твои, гостишки и гостинной и суконной сотни торговые людишки, городовые, питаемся на городахъ отъ своихъ промыслишковъ, и помѣстей и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ; службы твои государевы служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городахъ ежегодно безпрестанно, и отъ этихъ безпрестанныхъ службъ и отъ пятинныя деньги, что мы давали тебѣ въ смоленскую службу ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу, многіе изъ насъ оскудѣли и обнищали до конца; а будучи мы на твоихъ службахъ въ Москвѣ и въ иныхъ городохъ, собираемъ твою, судареву казну за крестнымъ цѣлованьемъ съ великою прибылью: гдѣ собирались при прежнихъ государяхъ и при тебѣ въ прежніе годы сотъ по пяти и по шести, теперь сбирается съ насъ со всей земли нами же тысячъ по пяти и по шести и больше; а торжишки у насъ стали гораздо худы, потому что всякія наши торжишки на Москвѣ и въ другихъ городахъ отняли много иноземцы;... а въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промышлишка, отъ нихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ пріѣздахъ торговъ своихъ отбыли. И при прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали губные старосты; а посадскіе люди судились сами между собою, воеводъ въ городахъ не было...» Размѣръ палога на войну они предоставляли на полную волю государя и говорили, что рады служить своими головами за царское здоровье и за православную вѣру. Представители чернаго народа жаловались тоже на свое разоренье отъ пожаровъ, отъ сборовъ, отъ рекрутчины, отъ подводъ, отъ городоваго земляного дѣла, отъ великихъ податей, отъ цѣловальническихъ службъ. «И отъ такой великой бѣдности, говорили они, многіе тяглые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелись розно, и дворишки свои мечутъ». Сущность всѣхъ этихъ отвѣтовъ въ томъ, что какъ будетъ государева воля, тому и быть; а между тѣмъ ни народу, ни торговымъ людямъ войны не хотѣлось, и никто изъ нихъ не сказалъ объ этомъ прямо, только жаловались на свою бѣдность и на разореніе отъ тяжкихъ наборовъ, и отъ злоупотребленій чиновниковъ. Могло ли бы развиться что нибудь изъ подобныхъ земскихъ соборовъ, сказать довольно трудно; но историческій фактъ въ томъ, что изъ нихъ ничего не вышло.

Digitized by Google

II.

ЦЕНТРАЛИЗАЦІЯ.

Было уже сказано, что въ основѣ исторической жизни Россіи легло два элемента—народный и централизаціонный. Развитію послѣдняго помогли обстоятельства болѣе.

Народъ, пригласившій князей творить безпристрастный судъ и предводительствовать войскомъ, смотрѣлъ на нихъ уже съ самаго начала выше, чѣмъ на людей обыкновенныхъ. Обыкновенный человѣкъ, взятый изъ народа, не могъ судить справедливо, не могъ онъ и командовать ратью, потому что его не слушали. Такъ, покрайней мѣрѣ, бывало почти всегда, когда войскомъ предводительствовалъ бояринъ. «Не крѣпко бьются дружина и половцы, если съ ними не ѣздимъ мы сами», говорили князья. Князь, по понятію народа, стоялъ выше мелочныхъ интересовъ партій; онъ былъ лицомъ третьимъ, незаинтересованнымъ, на безпристрастіе котораго можно было положиться. Отсюда его примиряющее судебное значеніе, которое онъ сохранялъ всегда въ глазахъ народа. Какъ предводитель дружины, князь могъ пользоваться военною силою по своему усмотрѣнію. Дружина не была народнымъ ополченіемъ. Сначала ее составляли варяги, а потомъ вмѣстѣ съ варягами набирались охотники изъ русскихъ. Въ охотникахъ въ то время не могло встрѣтиться недостатка, потому что жизнь дружины была вообще разнообразная, веселая, дававшая просторъ разгулу и удальству и ко всему этому еще и прибыльная. Деревенская жизнь, среди болотъ и лѣсовъ, не предоставляла, разумѣется, ничего подобнаго, и потому удалая молодежь шла охотно въ княжескую дружину. Хорошій князь не жалѣетъ для дружины ничего. Когда дружинники Владиміра, подпивъ на его пирахъ, роптали: — «какое житье наше горькое: кормишь насъ съ деревянныхъ ложекъ, а не съ серебряныхъ», то Владиміръ, услышавъ это, велѣлъ сдѣлать серебряныя ложки и сказалъ: «серебромъ и золотомъ не найду дружницы, а съ дружиной найду серебро и золото, какъ доискались его дѣтъ мой и отецъ.

Князь, какъ предводитель дружины, состоявшей изъ охотниковъ, и такимъ образомъ составлявшей постоянно войско, былъ въ военномъ

Digitized by Google

отношеніи совершенно независимъ отъ воли народа и могъ предпринимать походъ по собственному желанію и по совѣту только съ своей дружиной. Поэтому-то Олегъ, Святославъ, Игорь и могли предпринимать свои побѣги на Византію, въ которыхъ собственно для Руси не было никакой необходимости. Также независимъ былъ князь и отъ своей дружины. Онъ не былъ только старшій въ дружинѣ, какъ лицо выбранное въ предводители, но онъ былъ князь, т. е. предводитель по наслѣдственному праву и по своему исключительному общественному положенію. Дружина не могла смѣнить его; она могла только разойтись, если онъ ей не нравился; но князь могъ распустить свою дружину и набрать новую. Такимъ образомъ, князь съ самаго начала является лицомъ, стоящимъ совершеннымъ особнякомъ отъ народа, сильнымъ по исключительному взгляду на него народа и по матеріальной силѣ своей дружины. И князья понимали это очень хорошо. Когда братья приглашали Олега Святославича въ Кіевъ: «пріѣзжай, говорили они ему, посовѣтуемся о русской землѣ предъ епископами, игумнами, предъ мужами отцовъ нашихъ и предъ людьми городскими»; то Олегъ отвѣтилъ: «неприлично судить меня епископу, либо игумнамъ, либо смердамъ».

Составляя высшій слой, который ни въ какомъ случаѣ не могъ смѣшаться съ народомъ, по тому значенію, какое народъ далъ князьямъ самымъ актомъ изъ призванія и наслѣдственностію княжескихъ правъ, рюриковичи, съ перваго своего вступленія на русскую землю, являются господами и повелителями страны и народа. Пока князей было много власть эта расплывалась и потому была менѣе замѣтна; но когда монголы помогли усиленію одного князя надъ другими, то сила, вслѣдствіе своей сосредоточенности, стала только болѣе замѣтна и, разумѣется, болѣе энергична. Народная же воля уже съ самаго начала значила немного, потому что сильный князь былъ всегда сильнѣе народа.

Въ отношеніяхъ между собой князей,—составлявшихъ съ своими собственными княжескими интересами особый княжескій міръ, для которыхъ народъ и дружина служили только средствами для достиженія ихъ частныхъ цѣлей,—замѣтны совершенно тѣ же побужденія, которыя управляли и новгородцами, и казаками, и народомъ. Каждый князь стремился къ личной выгодѣ, старался забрать власть надъ другими и сдѣлаться великимъ княземъ. Стремленіе къ выгодѣ на счетъ другого и матеріальные интересы были той силой, которая

Digitized by Google

въ образѣ князей слагала первоначальную русскую исторію. Народное же благоговѣніе предъ княжескимъ родомъ помогло тому, чего у князей не доставало.

Хотя историки московской школы и весьма усиливались дать значеніе, такъ называемому, родовому быту и объяснить имъ смыслъ удѣльной неурядицы; но усилія эти уже потому не могутъ принести особенной пользы, что они касаются не сущности вопроса, а только формы, т. е. того предлога, которымъ князья прикрывали свои побужденія и оправдывали междоусобныя брани. Понятіе о родовомъ бытѣ, — т. е. о наслѣдственномъ правѣ занимать по старшинству удѣлы, такъ, чтобы старшему въ родѣ доставался бы и старшій удѣлъ, — если оно только существовало, было совершенно смутно. Была и наслѣдственная преемственность, гдѣ отецъ распредѣлялъ владѣнія между своими дѣтьми по старшинству, но бывали и случаи совершенно противные. Въ народѣ же это понятіе, въ примѣненіи къ князьямъ, едвали существовало. Чтобы не перечислять всѣхъ фактовъ, когда князья, изгоняя другъ друга, занимали княженія на перекоръ всѣхъ правъ наслѣдственнаго старшинства, исключительно съ помощію своей дружины или иноплеменной силы, мы можемъ только замѣтить одно, что если бы это право жило въ общемъ сознаніи, то, разумѣется, время удѣльной борьбы не представляло бы той сумятицы, на которую Россія такъ безумно тратила свои силы въ теченіе трехъ столѣтій. Наконецъ, вопросъ этотъ можетъ представлять интересъ чисто кабинетный, для охотниковъ до спеціальнаго изученія историческихъ мелочей, но не можетъ прибавить ровно ничего къ тому общему понятію о значеніи удѣльнаго времени, которое можно составить и помимо этого вопроса. Общее же понятіе заключается въ томъ, что, въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ, рюриковичи, отличавшіеся большой плодовитостью, снабжали Русь безпокойными князьями въ такомъ изобиліи, что не проходило почти ни одного года безъ усобицъ. Считая русскую землю своимъ достояніемъ, они постоянно путешествовали по ней съ своими дружинами, охотясь за болѣе выгодными княженіями. То была своего рода страсть къ тяжбамъ за помѣстья, рѣшавшимся не судомъ, а силою оружія самихъ тяжущихся. Военное удальство и распри, требовавшія больше предпріимчивости и отваги, чѣмъ сосредоточенія умственныхъ силъ, не могли, разумѣется, способствовать развитію въ князьяхъ гражданскихъ понятій и государственнаго взгляда на свои обоюдныя отношенія, и на

Digitized by Google

свои отношенія къ народу. Поэтому двѣсти лѣтъ удѣльной жизни пропали не только безплодно для цивилизаціи Россіи, но не дали ей ни нравственной, ни матеріальной силы, которая бы могла спасти ее отъ внѣшнихъ враговъ. Удѣльныя распри были причиной монгольскаго ига. Когда должна была произойти на р. Калкѣ рѣшительная битва, то Мстиславъ Удалой, по словамъ лѣтописца, изъ зависти—потому что между ними была большая распря — не сказалъ ничего двумъ другимъ Мстиславамъ, и тѣ, сидя спокойно въ своемъ станѣ, не только не успѣли вооружиться, но еще были потоптаны половцами, обратившимися въ бѣгство. Это рѣшило дѣло въ пользу монголовъ. Въ то время, какъ русскіе терпѣли повсюду пораженіе, Мстиславъ кіевскій съ Андреемъ и Александромъ Дубровицкими, стоя съ своимъ войскомъ на горѣ подъ Калкою, смотрѣли спокойно на пораженіе своихъ, не двигаясь съ мѣста. Лѣтописецъ говоритъ: «не знаемъ, откуда приходили на насъ эти злые татары таурмени, и куда опять дѣлись? нѣкоторые толковали, что это должно быть тѣ нечистые народы, которыхъ нѣкогда Гедеонъ загналъ въ пустыню, и которые предъ концемъ міра должны явиться и поплѣнить всѣ страны.» Такъ могъ разсуждать скромный монахъ, жившій одиноко въ кельѣ, вдали отъ мірскаго шума и мірскихъ знаній; но также видно разсуждали и князья. Опустошивъ югъ Россіи до Чернигова, монголы не пошли дальше, потому что ихъ отзывали свои домашнія дѣла — выступленіе Чингисъ-хана изъ Ховарезміи и смерть Чучи. Если бы князья не видѣли въ монголахъ нечистыхъ людей, загнанныхъ Гедеономъ въ пустыню, и если бы они могли отложить свои междоусобія, то, разумѣется, отстояли бы Россію отъ угрожавшей ей снова бѣды, потому что монголы не столько брали стойкостію, сколько многочисленностью. Но русскіе, во первыхъ, не подали помощи болгарамъ, которымъ они обязаны были помогать по договорамъ, и такимъ образомъ нетолько доставили монголамъ еще одинъ успѣхъ, но и позволили имъ усилиться съ помощію побѣжденныхъ болгаръ. Русскіе князья не воспользовались еще и слѣдовавшей отсрочкой, когда ханъ Актай воевалъ съ Китаемъ и обстроивалъ Каракорумъ. Въ 1237 году монголы явились въ рязанскихъ предѣлахъ; рязанскіе князья просили помощи Юрія, но тотъ не исполнилъ ихъ просьбы, и такимъ образомъ Русь, могшая выставить заблаговременно силы, противъ которыхъ монголы не устояли бы, была побѣждена по частямъ. Великій князь Юрій, стоявшій на

Digitized by Google

Сити, былъ нетолько разбитъ, но и самъ погибъ въ Азѣ, и монголы прошли съ огнемъ и мечемъ по всей Россіи и остановились, не дойдя ста верстъ до Новгорода. Какъ ни были стойки русскіе въ частныхъ битвахъ, но имъ, разумѣется, невозможно было устоять противъ 300,000 войска Батыя. Одинъ примѣръ изъ многихъ можетъ показать, что еслибы князья были въ состояніи понять необходимости дружнаго отпора, то монголы ничего бы не сдѣлали, не смотря на свою многочисленность. При привычкѣ къ вѣрному и легкому успѣху и при той осторожности, какою отличались монголы въ своихъ нашествіяхъ, они послѣ одного порядочнаго пораженія оставили бы Россію на всегда. Козельцы, не смотря на свою слабую силу, съумѣли задержать Батыя подъ стѣнами города семь недѣль, и когда монголы, разбивъ, наконецъ, городскія ворота, взошли на валъ, то и тутъ встрѣтили отчаянное сопротивленіе. Часть жителей бросилась на враговъ съ ножами, а другіе, выйдя изъ города, напали на непріятельскіе полки, убили 4000 человѣкъ, но были истреблены до послѣдняго человѣка. Монголы прозвали Казельскъ «злымъ городомъ.» Народъ сдѣлалъ свое дѣло, стоялъ мужественно противъ врага, погибъ по частямъ; но князья, призванные страной для предводительства, не исполнили своего обязательства и погубили Русь. Вотъ смыслъ удѣльныхъ усобицъ.

Монголамъ, въ ихъ вліяніи на Россію, приписывается обыкновенно такъ много дурнаго, что русскіе въ этомъ случаѣ похожи на тѣхъ благочестивыхъ людей, которые причину всякаго зла и своихъ грѣшныхъ поступковъ приписывали внѣшнему вліянію нечистой силы. Роль подобной же нечистой силы дали и монголамъ. Не отвергая ихъ положительнаго экономическаго вліянія на бытъ народа, вліянія очевиднаго, которое можетъ быть даже опредѣлено приблизительно цифрами, во всемъ остальномъ можно смотрѣть на монголовъ съ меньшимъ ожесточеніемъ, по крайней мѣрѣ не дѣлать ихъ главной виною того, причины чего лежали уже въ основѣ русскаго общественнаго быта и до появленія монголовъ. Монголы не посѣяли ничего новаго, они не внесли никакой новой идеи, они не изображали собой силу, которая бы вводила новые обычаи, новый складъ жизни, новыя учрежденія и законы, подобно тому какъ это дѣлаютъ и дѣлали европейцы съ покорнемыми народами. Монголы, опустошивъ страну, забравъ подать, оставили ее въ покоѣ и ушли домой, не сдѣлавъ никакого другого насилія, кромѣ матеріальнаго, эконо-

Digitized by Google

мическаго. За тѣмъ вліяніе ихъ было чисто пассивное; они наводили страхъ на русскихъ, даже спокойно сидя дома. Страхъ этотъ былъ такъ великъ и возможность новаго разоренія страны такъ ужасна, что зародыши всѣхъ тѣхъ силъ, въ которыхъ народъ могъ искать себѣ защиты противъ страшнаго врага, сказались сами собой, какъ сказывается въ человѣческомъ организмѣ голодъ и жажда, и развились съ ускоренной силой.

Характеръ дѣятельности и стремленія удѣльныхъ князей выразился вполнѣ ясно еще до появленія въ Россіи монголовъ. Личный интересъ и стремленіе къ первенству,—вотъ основа княжескихъ побужденій. Нужно было только, чтобы явился болѣе сильный, талантливый и энергическій человѣкъ, который ослабилъ бы остальныхъ князей и забралъ ихъ къ себѣ въ руки. Первымъ изъ такихъ князей является Андрей Боголюбскій. Человѣкъ способный и деспотическій, онъ дѣйствовалъ съ остальными князьями совершенно самовластно, на перекоръ всѣмъ родовымъ понятіямъ, если только они существовали. По смерти Андрея Боголюбскаго владимірцы присягнули въ вѣрности Всеволоду и его дѣтямъ. Явленіе весьма важное, которымъ самъ народъ заявилъ признаніе имъ наслѣдственной, а не выборной княжеской власти. При Всеволодѣ III, человѣкѣ умномъ и осторожномъ и умѣвшемъ идти вѣрно къ своей цѣли, сѣверная Русь беретъ перевѣсъ надъ Русью южной. Въ доказательство силы Всеволода можно привести тотъ фактъ, что князья Ярославъ, Игорь и Всеволодъ не смѣли двинуться въ походъ противъ рязанскихъ князей, по приглашенію Святослава кіевскаго, не спросивъ позволенія Всеволода III. Всеволодъ не согласился, и походъ не состоялся. Съ нашествіемъ монголовъ, южная Русь, изнемогавшая постепенно отъ усобицъ князей, отъ борьбы съ кочевниками, вслѣдствіе своего степнаго пограничнаго положенія, и наконецъ отъ монгольскаго погрома, уже не имѣетъ никакого значенія въ ходѣ русской исторіи; сцена дѣйствія переносится въ сѣверо-восточную Русь, гдѣ начинаетъ образовываться ядро будущаго Московскаго государства. Кіевъ послѣ монголовъ становится уже незначительнымъ городомъ. Опустошеніе было такъ велико, что въ прежнемъ блестящемъ Кіевѣ, поразившемъ даже монголовъ своей красотой, едва насчитывались домовъ двѣсти; большая часть жителей княженія была побита или взята въ плѣнъ, а оставшіеся находились въ страшномъ рабствѣ.

Digitized by Google

Такъ говоритъ Плано-Карпоны, проѣхавшій по этой области въ 1245 году, т. е. чрезъ пять лѣтъ послѣ опустошенія Батыева.

Родовыя отношенія, прикрывавшія прежде честолюбивыя стремленія князей, теперь уже теряютъ свое значеніе. Одна сила признается правомъ. Какимъ образомъ московскіе князья обдѣлывали свои дѣла могутъ показать отношенія Юрія московскаго къ Михаилу тверскому. Когда Михаилъ, которому по смерти Андрея Александровича принадлежало старшинство, поѣхалъ въ орду за ярлыкомъ, отправился тудаже и Юрій. Въ ордѣ ему сказали, что если онъ дастъ дани больше, чѣмъ Михаилъ, то получитъ великое княженіе. Юрій обѣщалъ; но Михаилъ прибавилъ еще; у Юрія не достало средствъ, и ярлыкъ былъ данъ Михаилу. Чрезъ шесть лѣтъ Тохта умеръ, и ханомъ сдѣлался Узбекъ. Михаилъ поѣхалъ въ орду, чтобы взять ярлыкъ отъ новаго хана. Пользуясь отсутствіемъ Тверскаго князя, новгородцы пригласили Юрія, чтобы избавиться отъ тяжелаго для нихъ тверскаго управленія. Юрій былъ потребованъ въ орду и тамъ не только оправдался противъ обвиненій, сдѣланныхъ на него Михаиломъ, но и породнился съ ханомъ, женившись на его сестрѣ. Юрій воротился домой съ монгольскими послами, въ числѣ которыхъ главнымъ былъ Кавгадый. Вооруженная распря съ Михаиломъ началась снова. Въ одной изъ битвъ жена Юрія попалась въ плѣнъ и по несчастію умерла въ Твери. Тогда разнесся слухъ, что ее отравили, что, разумѣется, было выгодно Юрію, который отправился въ орду. Тамъ Кавгадый, а можетъ быть и самъ Юрій, наговорили на Михаила, и разсерженный ханъ потребовалъ этого князя къ себѣ. Сначала онъ принялъ его хорошо, и даже далъ ему для охраненія пристава, такъ что Михаилъ прожилъ въ ордѣ полтора мѣсяца совершенно спокойно. Наконецъ Узбекъ вспомнилъ о немъ и сказалъ своимъ князьямъ: «Вы мнѣ говорили на князя Михаила; такъ разсудите его съ московскимъ княземъ и скажите мнѣ, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ.» Судъ происходилъ торжественно, предъ собраніемъ ордынскихъ князей, что, разумѣется, не могло служить ручательствомъ его безпристрастія. Обвинительные пункты заключались въ томъ, что Михаилъ былъ гордъ и непокоренъ хану, что онъ оскорблялъ ханскаго посла Кавгадыя, бился съ нимъ; дань ханскую бралъ себѣ и хотѣлъ бѣжать съ казной къ нѣмцамъ, наконецъ отравилъ жену Юрія. Защищаться было безполезно. На Михаила надѣли колодки, и вскорѣ послѣ того Кавгадый объявилъ ему

Digitized by Google

иронически, что «завтра или послѣ завтра освободятъ тебя отъ всей этой тяжести, и въ большой чести будешъ.» Разъ утромъ мальчикъ, бывшій при князѣ, говоритъ ему: » господинъ князь, идутъ отъ хана Кавгадый и князь Юрій Даниловичъ, со множествомъ народа, прямо къ твоей вежѣ.»—«Знаю, отвѣчалъ на это Михаилъ, зачѣмъ они идутъ—убить меня.» Юрій и Кавгадый послали убійцъ, а сами сошли съ лошадей и остановились недалеко. Убійцы накинулись на Михаила, били, топтали его страшно ногами, наконецъ одинъ изъ нихъ ударилъ его ножомъ въ грудь и вырѣзалъ сердце. Черезъ годъ Юрій воротился въ Москву съ ярлыкомъ на великое княженіе.

Изъ этого можно видѣть, что сущность отношеній княжескихъ не измѣнилась отъ нашествія монголовъ. Какъ прежде князья водили другъ на друга торковъ, берендяевъ, печенѣговъ, половцевъ и наконецъ совершенно истощили южную Русь, такъ сѣверо-восточные князья, сдѣлавшіеся теперь болѣе сильными, наводняли родину полчищами монголовъ и покупали у хана съ аукціона титулъ великаго князя. Для орды были выгодны подобныя отношенія князей, но не она ихъ создавала; ханъ явился только примирителемъ, потому что между князьями, какъ нѣкогда между ильменскими славянами, не было никакого порядка, и нуженъ былъ третій, чтобы кончать княжескія ссоры. Князья были такъ неразборчивы на средства, и имѣли такъ мало гордости, что не особенно дорожили личнымъ своимъ достоинствомъ и весьма усердно забѣгали въ орду, чтобы купить тамъ ханскую милость. Ханъ напротивъ держалъ себя всегда съ достоинствомъ и съ сознаніемъ своей силы, что, впрочемъ, не обнаруживало полезнаго вліянія на князей въ нравственномъ отношеніи, а приносило имъ только ту выгоду, что монгольская поддержка давала большую силу великому князю и помогла Москвѣ взять перевѣсъ надъ другими княженіями.

По смерти Юрія, великимъ княземъ сдѣлался братъ его Иванъ Даниловичъ Калита и вотъ какимъ образомъ. Александръ Тверской, повѣривъ глупому слуху, умертвилъ прибывшаго къ нему изъ орды посла Чол-хана, двоюроднаго брата Узбека, съ бывшими съ нимъ монголами. Узбекъ озлился, потребовалъ къ себѣ Калиту и послалъ его съ 50,000 войскомъ на Тверскую волость. По выраженію лѣтописца, они положили пусту всю землю русскую; но Москва спаслась, и въ слѣдующемъ году Калита получилъ великокняжеское достоинство. Александръ хотя и бѣжалъ въ Литву, но потомъ воро-

Digitized by Google

тился, и вражда между Москвой и Тверью возобновилась, потому что Узбекъ не только простилъ Александра, явившагося къ нему съ повинной, но и далъ ему тверское княженіе. Калита расчиталъ, что нужно дѣйствовать другимъ путемъ и отправился въ орду. По наговорамъ Калиты потребовали туда и Александра. Этотъ зналъ, что̀ его ожидаетъ,—Александра вмѣстѣ съ сыномъ разняли по составамъ, а Иванъ Даниловичъ отправился изъ орды съ великимъ пожалованіемъ и честію и возвратился въ Москву съ великою радостію и веселіемъ, какъ выражается лѣтописецъ, потому что отдѣлался отъ соперника. Теперь московскій князь сталъ силенъ; онъ началъ прикупать земли, чтобы увеличить свою московскую вотчину и дѣлать насилія надъ своими сосѣдями. Калита старался всѣми средствами добывать деньги, чтобы прикупать больше селъ и городовъ и чтобы дарить хана. Въ этомъ случаѣ его выручали новгородцы, на которыхъ, если они не давали денегъ, Калита ходилъ съ войскомъ и опустошалъ новгородскія владѣнія. Кромѣ перевѣса надъ Тверью увеличенію значенія Москвы служило еще то обстоятельство, что еще въ 1299 году митрополитъ Максимъ оставилъ Кіевъ, истощенный и опустошенный, и для безопасности переѣхалъ во Владиміръ. Съ митрополитомъ Петромъ Калита умѣлъ сойтись, такъ что Петръ жилъ въ Москвѣ больше, чѣмъ въ другихъ городахъ; здѣсь умеръ и здѣсь былъ похороненъ. Петръ зналъ хорошо, какую силу даетъ Москвѣ его присутствіе и что̀ выиграетъ она оттого, если онъ будетъ похороненъ въ ней. И дѣйствительно, митрополитъ Ѳеогностъ и всѣ слѣдующіе уже не оставляли Москвы. Такимъ образомъ Москва стала первопрестольнымъ градомъ и очутилась на пути полнаго развитія своихъ силъ. Наслѣдникамъ Калиты оставалось только слѣдовать той же системѣ, которая, впрочемъ, уже такъ выяснилась и опредѣлилась, что централизація развивалась затѣмъ весьма легко. Нужно, однако, отдать справедливость наслѣдникамъ Калиты, что традиціонныя преданія передавались ими строго своимъ наслѣдникамъ и также ими строго соблюдались. Иванъ Калита началъ первый писать «Великій князь всея Руси», а чрезъ полтораста лѣтъ при Иванѣ III явился государственнымъ гербомъ двуглавый, коронованный орелъ, съ распростертыми крыльями, и титулъ: «Іоаннъ, Божіею милостію государь всея Руси и великій князь владимірской и московскій, и новгородскій, и псковской, и тверской, и угорскій, и вятскій, и пермскій, и болгарскій.

Digitized by Google

Москва въ это время сложила уже вполнѣ единовластительство; Новгородъ былъ покоренъ, монгольское иго сброшено окончательно, и теперь московская власть направила свои силы на увеличеніе своего внѣшняго величія. Въ этомъ случаѣ помогла Ивану III жена его Софія Полэологъ, внесшая въ Россію византійскія императорскія понятія. Женившись на племянницѣ византійскаго императора, Иванъ является уже монархомъ, онъ ставитъ себя на царственную высоту, недосягаемую для подданныхъ; онъ пересталъ уже прибѣгать къ совѣту бояръ; но «думаетъ думу самъ», или, какъ выразился Берсеня «...теперь государь нашъ, запершись самъ третей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ». Иванъ вводитъ обрядъ царскаго вѣнчанія на престолъ торжественной коронаціей, въ 1498 году, своего сына Димитрія въ Успѣнскомъ соборѣ. Наконецъ Иванъ сознаетъ уже въ такой степени силу своей личной воли, что говоритъ: «развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? кому хочу, тому и дамъ княжество». Герберштейнъ замѣчаетъ, что сынъ Ивана III, великій князь Василій, по силѣ своей власти превосходитъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ. Никто изъ подданныхъ не смѣетъ ему противорѣчить, или не повиноваться. Онъ имѣетъ безусловную власть надъ жизнью и имуществомъ каждаго—духовнаго и свѣтскаго лица. Русскіе говорятъ, что воля государя есть воля Божія, о дѣлѣ неизвѣстномъ говорятъ: «знаетъ то Богъ, да великій князь». Когда бояринъ Берсень Беклемишевъ высказалъ разъ мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ Василія, то великій князь сказалъ ему: «ступай, смердъ, прочъ, не надобенъ ты мнѣ».

Сынъ Василія, Иванъ IV, избранный не мятежной волей народа, какъ это водилось въ другихъ странахъ, но наслѣдственный государь и помазанникъ божій, принимаетъ названіе царя и самый торжественный титулъ: — Троице пресущественная и пребожественная и преблагая, правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ христіаномъ, дателю премудрости, преневѣдомый и пресвѣтлій Крайній Верхъ направи насъ на истину Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людяхъ Твоихъ по волѣ Твоей. Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ удрьжахомъ скипетръ Россійскаго царствія мы, великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всея Россіи самодержецъ, владимірскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, государь псковской и великій князь смоленскій.... и т. д.

Digitized by Google

Лѣтомъ 1569 года явился къ Ивану Грозному какой-то Петръ, какъ говорятъ бродяга, наказанный новгородцами, и сказалъ царю, что новгородцы хотятъ отдаться польскому королю. Петръ говорилъ, что у новгородцевъ написана объ этомъ грамота и лежитъ она въ Софійскомъ соборѣ за образомъ Богоматери. Иванъ послалъ въ Новгородъ довѣреннаго человѣка и тотъ точно нашелъ грамоту, о которой говорилъ бродяга, подписанную архіепископомъ Пименомъ и лучшими людьми. Полагаютъ, что всю эту штуку сочинилъ самъ Петръ и поддѣлалъ искусно подписи. Въ декабрѣ того же года Иванъ двинулся въ Новгородъ и, начиная отъ Клина, пустошилъ все до самого Новгорода. Передовая царская дружина, прибывъ въ Новгородъ ранѣе царя, устроила въ кругъ города крѣпкіе караулы, запечатала казнохранилища подгородныхъ монастырей, и захвативъ болѣе 500 монаховъ, вмѣстѣ съ ихъ игумнами, и всѣхъ городскихъ священниковъ и дьяконовъ, поставила ихъ на правежъ. Имущество всѣхъ зажиточныхъ людей было запечатано тоже, а сами они, — торговые люди и приказные, съ ихъ семействами, взяты подъ стражу. 6-го января пріѣхалъ самъ царь и приказалъ заколотить палками до смерти всѣхъ монаховъ и игумновъ, стоявшихъ на правежѣ. Потомъ былъ разграбленъ домъ архіепископа и забраны сокровища изъ всѣхъ церквей. За тѣмъ начался судъ. Къ Ивану приводили повгородцевъ, взятыхъ подъ стражу, жгли ихъ какою-то «составною мудростію огненною» и бросали въ рѣку. Женамъ связывали руки и ноги, привязывали къ нимъ ихъ дѣтей, и бросали ихъ такимъ образомъ въ Волховъ съ высокаго берега. Стрѣльцы и боярскія дѣти разъѣзжали между тѣмъ по рѣкѣ въ лодкахъ, и всѣхъ кто всплываетъ, подхватывали баграми, кололи рогатинами и копьями, и топили. Эти ужасы продолжались пять недѣль, каждый день. Кончивъ судъ, Иванъ сталъ ѣздить по окрестнымъ монастырямъ, и грабить ихъ, жечь хлѣбъ, истреблять скотъ. Кончивъ съ монастырями, Иванъ воротился въ городъ и велѣлъ грабить товары, и уничтожать до основанія лавки и амбары. Потомъ принялся за посады — велѣлъ грабить и бить всѣхъ, мужчинъ и женщинъ, ломать дома, вырубать ворота. А между тѣмъ особые отряды были отправлены по всѣмъ волостямъ, на разстояніи 250 верстъ. Велѣно было грабить и истреблять все. Успокоился, наконецъ, Иванъ и приказалъ, собравъ съ каждой улицы по лучшему человѣку, привести ихъ къ нему. Съ трепетомъ и ужасомъ явились несчастные, полуживые отъ

Digitized by Google

страха, къ грозному царю; но онъ, сказавъ имъ милостивое слово, въ тотъ же день выѣхалъ изъ Новгорода. Тотъ же самый Иванъ IV писалъ къ австрійскому императору по поводу Варѳоломѣевской ночи: «Ты, братъ нашъ дражайшій, скорбишь о кровопролитіи, что у французскаго короля въ его королевствѣ нѣсколько тысячъ перебито вмѣстѣ и съ грудными младенцами: христіанскимъ государямъ пригоже скорбѣть, что такое безчеловѣчіе французскій король надъ столькимъ народомъ учинилъ и столько крови безъ ума пролилъ.» Иванъ писалъ здѣсь искренно, потому что понималъ очень хорошо, какъ звѣрски поступаетъ онъ съ своими подданными. Но Иванъ Грозный былъ больной человѣкъ, невладѣвшій собой во время припадковъ. Извѣстно, что ужасъ дѣйствуетъ сильнѣе всего на нервную систему и порождаетъ полное разстройство головнаго мозга. Страшныя событія первой французской революціи были причиной многихъ сумашествій, одной изъ жертвъ его сдѣлался и знаменитый Бернъ, который въ припадкахъ умственнаго разстройства сталъ говорить вещи, совершенно противуположныя своимъ прежнимъ парламентскимъ рѣчамъ. Иванъ IV былъ запуганъ въ молодости дерзкимъ своеволіемъ бояръ, ужасами ихъ насилія, и монгольской дикостью. Съ тѣхъ поръ онъ началъ имъ не довѣрять и остерегаться. Послѣ взятія Казани Иванъ, разсердившись на одного воеводу, сказалъ: «Теперь оборонилъ меня Господь Богъ отъ васъ.» Во время же болѣзни, ожидая смерти, Иванъ высказался вполнѣ. Боярамъ, присягнувшимъ Дмитрію царевичу, онъ сказалъ: «...не забудьте на чемъ мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали: не дайте боярамъ сына моего извести, но бѣгьте съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ вамъ укажетъ; а вы, Захарьины, чего испугались? или думаете, что бояре васъ пощадятъ? вы отъ нихъ будете первые мертвецы: такъ вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поруганіе боярамъ не дали.» Сцена и раздоръ бояръ, по поводу присяги Дмитрію, глубоко потрясли больнаго Ивана. Съ этихъ поръ ему начинаютъ казаться вездѣ недовольные, во всѣхъ онъ подозрѣваетъ зло, измѣну, желаніе извести его, онъ даже просилъ у Елисаветы убѣжища въ Англіи, боясь, что онъ будетъ изгнанъ. Иванъ былъ такъ увѣренъ въ злопамѣренности вельможъ противъ него и противъ всей его семьи, что въ завѣщаніи своимъ дѣтямъ включилъ такую фразу: — «если даже въ гоненіи и въ изгнаніи будете.» Когда для защиты себя противъ своихъ воображаемыхъ злодѣевъ, Иванъ

Digitized by Google

убѣжалъ изъ Москвы въ слободу Александровскую, и хотѣлъ отказаться отъ правленія, но по просьбѣ народа принялъ его опять, на условіи имѣть совершенно особый дворъ и стражу (опричнину); и за тѣмъ когда воротился въ Москву, то его нельзя было узнать, такъ онъ страшно измѣнился—волоса на головѣ и на бородѣ у него вылезли. Потрясеніе значитъ было страшное. Подозрительность превратилась въ мономанію, и отъ извѣстій, дѣйствовавшихъ съ особенной силой на его мозгъ, Иванъ впадалъ въ припадки, вызывавшіе сцены въ родѣ новгородскихъ.

Не смотря на травлю народа медвѣдями, на казни и мучительства, народъ относительно Ивана IV выказалъ ту же незлобивость, какую выказывалъ и ранѣе относительно князей. Когда была прочитана народу царская грамота изъ слободы Александровской, гдѣ онъ пишетъ, что оставилъ свое государство и поѣхалъ куда-нибудь поселиться, гдѣ его «Богъ наставитъ,» то народъ съ плачемъ говорилъ: «горе! согрѣшили мы передъ Богомъ, прогнѣвали государя своего многими предъ нимъ согрѣшеніями, и милость его великую превратили на гнѣвъ и на ярость. Теперь къ кому прибѣгнемъ, кто насъ помилуетъ и кто избавитъ отъ нашествія иноплеменныхъ? Какъ могутъ быть овцы безъ пастыря; увидѣвши овецъ безъ пастыря, волки расхитятъ ихъ.» Можетъ быть, или лучше сказать весьма вѣроятно, что народъ не говорилъ именно этими выраженіями, но смыслъ просьбы народа во всякомъ случаѣ былъ тотъ, чтобы царь, какъ надежда и защита народа, не оставлялъ его безъ своего покровительства и своей власти. Въ лицѣ царя народъ видѣлъ именно то, что хотѣли видѣть ильменскіе славяне въ лицѣ приглашенныхъ ими норманскихъ князей — если съ царемъ худо, то безъ царя еще хуже вотъ мысль народа. Здѣсь мы можемъ, впрочемъ, кстати замѣтить, что за народную волю выдавались иногда желанія нѣкоторыхъ. Такъ по поводу народнаго плача и мольбы, при выборѣ на царство Бориса Годунова, сохранилось такое преданіе: «Народъ неволею былъ пригнанъ приставами; нехотящихъ идти велѣно было и бить; приставы понуждали людей, чтобы съ великимъ кричаніемъ вопили и слезы точили. Смѣху достойно! Какъ слезамъ быть, когда сердце дерзновенія не имѣетъ? Вмѣсто слезъ глаза слюнами мочили. Тѣ, которые пошли просить царицу въ келью, наказали приставамъ: когда царица подойдетъ къ окну, то они дадутъ имъ знакъ, и чтобы въ туже минуту весь народъ падалъ на колѣна; не хотѣвшихъ били бы безъ милости.»

Digitized by Google

Историческое значеніе Ивана IV, однако, не въ томъ, что онъ убивалъ и казнилъ людей безъ жалости, что онъ пустошилъ Новгородъ и его ближнія волости съ такою виртуозностію, какъ будто на нихъ напали совокупныя силы берендеевъ, торковъ, печенѣговъ, половцевъ и монголовъ; значеніе его царствованія въ томъ, что оно было ближайшей причиной смутнаго времени.

Когда князья, охотясь за удѣлами, переходили безпрестанно съ одного стола на другой, съ ними путешествовали и ихъ дружины. Такимъ образомъ совершалось полное перемѣщеніе съ мѣста на мѣсто князей съ ихъ совѣтниками, придворными и войсками. Вытѣсненный князь долженъ былъ большею частью бѣжать, а съ нимъ бѣжали всегда и приближенные къ нему люди, которые, разумѣется, не могли расчитывать на благосклонность побѣдителя. Кочуя съ мѣста на мѣсто и служа лицу, бояре усвоили съ самаго начала характеръ служебно-чиновный; они были связаны не съ княженіемъ, а съ лицомъ князя; они служили представителями не земскихъ интересовъ,— потому что, не имѣя земельной собственности, не имѣли связи и съ народомъ, а только личныхъ интересовъ своего предводителя. Подобное положеніе опредѣляло и характеръ всей дѣятельности бояръ. Ихъ честолюбіе было связано съ честолюбіемъ ихъ князя, потому что вся ихъ судьба, всѣ средства существованія и все благосостояніе зависѣли исключительно отъ судьбы и положенія князя. Отсюда въ тѣхъ случаяхъ, когда на болѣе сильное княженіе долженъ былъ вступить по наслѣдству князь малолѣтній, бояре отстаивали его дружно отъ притязаній другого князя, ибо, въ случаѣ успѣха претендента, онъ привелъ бы съ собой своихъ бояръ, и прежнимъ пришлось бы скитаться, или же поступать на службу къ побѣдителю, разумѣется, съ меньшимъ, чѣмъ прежде, значеніемъ. Димитрій Донской, обязанный именно въ подобномъ обстоятельствѣ своимъ боярамъ, умирая говорилъ дѣтямъ: «бояръ своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте противъ ихъ службы, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте.» Послѣдняя фраза была еще преданіемъ старины, когда князья не дѣлали точно ничего безъ совѣта ближайшихъ къ нимъ членовъ дружины.

Съ усиленіемъ Москвы, когда прекратилось кочеванье князей и ихъ бояръ, послѣдніе, получая волости, готовы уже были пустить корни, пріобрѣсть земскую силу и значеніе аристократіи; но для этого у нихъ не доставало ни наслѣдственныхъ преданій, ни мате-

Digitized by Google

ріальныхъ средствъ, ни силы въ народѣ, которому они были всегда чужды, какъ пришельцы, кормившіеся на его счетъ. Наконецъ для этого нужно было выдержать борьбу съ московскимъ княземъ; стремленія же московской власти были подобнаго же рода. Иванъ перестаетъ совѣтываться съ боярами, Василій обзываетъ несогласныхъ съ нимъ смердами. Недовольные такимъ нововведеніемъ хотятъ ему противиться, и тогда являются казни, чего не бывало прежде. Иванъ III подъ вліяніемъ Софіи, которую не любили бояре за тѣ перемѣны, которыя появились вмѣстѣ съ нею въ Россіи, поступалъ очень рѣшительно съ тѣми, кто ему противился. За заговоръ въ пользу сына Софіи, Василія, противъ внука Иванова Димитрія, великій князь велѣлъ казнить приверженцевъ перваго—шестерымъ отрубили головы, а многихъ боярскихъ дѣтей посадили въ тюрьмы. Но тутъ казнили, по крайней мѣрѣ, за заговоръ; годъ же спустя, именно въ 1499 г. Иванъ III отрубилъ голову князю Рязановскому за «высокоумничанье», и извѣстныхъ князей Патрикѣевыхъ спасли отъ казни, за туже вину, только просьбы духовенства. Казни бояръ при Иванѣ Грозномъ читателю извѣстны.

И здѣсь повторилось явленіе подобное тому, какое было въ народѣ; — недовольные между народомъ уходили въ казаки, недовольные между боярами убѣгали заграницу. Это было продолженіемъ того обычая, по которому, во время удѣльныхъ князей, бояре переходили отъ одного князя къ другому, и такимъ образомъ спасались отъ притѣсненій и гоненій. Съ Ивана III право это начинаютъ ограничивать тѣмъ, что брали съ бояръ клятвенныя записи и поручительства. Но клятвѣ не давалось большаго значенія, потому что бѣгство находило себѣ оправданіе болѣе сильное. Курбскій писалъ Ивану IV: «Ты называешь насъ измѣнниками, потому что мы принуждены были по неволѣ крестъ цѣловать, какъ тамъ есть у васъ обычай, а если кто не присягаетъ, тотъ умираетъ горькою смертію. На это тебѣ мой отвѣтъ: всѣ мудрецы согласны въ томъ, что если кто присягаетъ не неволѣ, то не на томъ грѣхъ, кто крестъ цѣлуетъ, но преимущественно на томъ, кто принуждаетъ, еслибъ даже и гоненія не было; если же кто во время прелютаго гоненія не бѣгаетъ, тотъ самъ себѣ убійца, противящійся слову Господню: *«аще вонмете васъ во градѣ, бѣгайте во другой»*; образъ тому Господь Богъ нашъ показалъ вѣрнымъ своимъ, бѣгая не только отъ смерти, но и отъ зависти богоборныхъ жидовъ». Представителемъ

Digitized by Google

бѣжавшихъ бояръ былъ извѣстный князь Курбскій, но уходили и лица менѣе значительныя, напримѣръ, дьяки. Это были люди протеста противъ новаго порядка, по которому они лишились совѣщательнаго права и были поставлены въ разрядъ холоповъ.

Какъ казачество, поглощавшее въ себя людей недовольныхъ и болѣе рѣшительныхъ, избавляло государство отъ людей ему опасныхъ и способствовало усиленію московской центральной власти; въ той же степени помогало ей и удаленіе бояръ, не желавшихъ склониться подъ новымъ для нихъ игомъ. Кто не бѣжалъ и не умѣлъ скрыть своего неудовольствія, или замыслилъ что либо противъ власти, тѣхъ казнили; оставшіеся безусловно подчинились новымъ требованіямъ. Такимъ образомъ центральная власть избавилась не только отъ людей, которые могли мѣшать ея усиленію, но и замѣнила ихъ людьми худородными, какъ это дѣлалъ особенно Иванъ IV. Бѣжавшій стрѣлецкій голова Тимоѳей Тетеринъ писалъ между прочимъ къ дерптскому намѣстнику Морозову: «... есть у великаго князя (Ивана IV) новые довѣренные люди, дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ беругъ, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопы не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ. Богъ за грѣхи у васъ отнялъ...» Эта замѣна прежней родовой знати новыми людьми, исключительно съ служилымъ характеромъ, чуждымъ земскаго элемента, способствуя централизаціи, вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляла и нравственно. Новый обычай писался холопами и употреблять уничижительную форму выраженія не былъ простымъ внѣшнимъ знакомъ преданности и покорности; то было выраженіемъ дѣйствительныхъ отношеній и въ этомъ видѣлась крѣпость и сила страны. Иванъ IV писалъ къ Курбскому: «Эта ли совѣсть прокаженная — свое царство въ своей рукѣ держать, а подданнымъ своимъ владѣть не давать? Это ли противно разуму — не хотѣть быть обладаему подвластными?.... Это ли православіе пресвѣтлое—быть обладаемому рабами?... Тщуся съ усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго и отъ Бога даннаго имъ государя, а отъ междоусобныхъ браней и строптивнаго житія да престанутъ, которыми царство растлѣвается». Иванъ достигъ одной части своего плана: недовольные были казнены, другіе разбѣжались, а оставшіеся и замѣнившіе старыхъ признали вполнѣ «имъ отъ Бога даннаго государя», и, принявъ прозвище холоповъ, подчинились ему безусловно.

Digitized by Google

Строптивое житіе кончилось точно, но Иванъ не только не спасъ царства отъ растлѣнія, но еще ускорилъ кризисъ. Ни чувство гражданскаго и личнаго достоинства, ни патріотизмъ не могли воспитаться и развиться въ подобной школѣ; служилое сословіе, чуждое земскимъ интересамъ, смотрѣло на народъ, какъ смотритъ побѣдитель на покоренную страну — оно старалось извлечь изъ него какъ можно больше выгодъ; служба была стремленіемъ къ личнымъ выгодамъ и отличіямъ, интересы страны были непонятны, и каждый гонялся только за тѣмъ, чтобы ему было прибыльно въ денежномъ отношеніи. Служебное сословіе, выросши въ такихъ началахъ, достигло, наконецъ, того, что быть дворянину дьякомъ считалось позорнымъ. Дьякъ Ларіонъ Лопухинъ просилъ у царя Михаила Ѳедоровича позволенія оставить службу. Государь разрѣшилъ, и повелѣлъ, чтобы дворяне не ставили Лопухину его дьячество въ безчестіе и упрекъ, потому что онъ взятъ въ дьяки не по своей просьбѣ, а по государеву именному указу. Когда съ появленіемъ самозванцевъ все пришло въ броженіе; когда всѣ недовольные двинулись на Россію, и въ образѣ казачества «клали землю пусту», какъ выражались лѣтописцы, или приставали къ разнымъ самозванцамъ, которые были нужны имъ, какъ предводители, чтобы имѣть возможность заявить свой протестъ противъ всего испытаннаго зла, — въ это время въ служиломъ сословіи не нашлось людей, способныхъ спасти страну и Россію; спасли отъ чужеземцевъ худородные, земство, т. е. люди, связанные съ страной прямыми экономическими интересами, представители ея экономической жизни. Служилые же, напротивъ, отличались хищничествомъ, и изъ своекорыстныхъ интересовъ готовы были служить лично всякому самозванцу. Смутное время было финаломъ борьбы народнаго начала съ централизаціоннымъ—и противникомъ послѣдняго явились какъ разъ тѣ, на комъ московская власть хотѣла основать свою силу и съ помощью кого думала «спасти царство отъ растлѣнія». Покорные слуги оказались первыми крамольниками, первыми интриганами и самыми безпокойными и граждански невоспитанными людьми. У нихъ былъ одинъ интересъ—личной службы лицу, а кому бы тамъ ни пришлось служить, то имъ было все равно, лишь бы служба была выгодна. Даже появленіе Дмитрія Самозванца объясняютъ интригою московскихъ бояръ, которые изъ боязни гоненій Бориса Годунова хотѣли свергнуть его съ престола этимъ средствомъ. Самъ Лжедмитрій былъ обманутъ, и служилъ орудіемъ интриги, самъ не

Digitized by Google

подозрѣвая того. Лжедмитрій былъ человѣкъ съ блестящими способностями, пылкій, увлекающійся, но не развратный и неспособный для лжи. Все поведеніе его въ Москвѣ было такъ искренно, что очевидно, что онъ считалъ себя дѣйствительно сыномъ Ивана IV. Борисъ Годуновъ былъ убѣжденъ, что Лжедмитрій созданіе бояръ. Григорій Отрепьевъ, а до монашества Юрій, жилъ въ дѣтствѣ холопомъ у Романовыхъ и у князя Черкасскаго. Этимъ т. е. жизнью у бояръ, которыхъ боялся и не любилъ Борисъ, Отрепьевъ навлекъ на себя подозрѣніе Годунова. Боясь бѣды, Григорій убѣжалъ, постригся въ монахи, и послѣ многихъ странствованій по разнымъ монастырямъ попалъ къ Патріарху Іову, у котораго занимался книжнымъ письмомъ. Здѣсь онъ проговорился о возможности ему быть московскимъ царемъ. Митрополитъ Іона донесъ объ этомъ Годунову, и тотъ велѣлъ сослать Григорія въ Кириловъ монастырь подъ строгимъ карауломъ. Но замѣчательно, что указъ царя *забыли* исполнить. Отрепьевъ убѣжалъ и забрался въ Польшу, откуда и явился уже настоящимъ царемъ. Убѣжденіе, что Лжедмитрій — истинный царевичъ укрѣплялось въ полякахъ тѣмъ, что къ нему приходили изъ Москвы постоянно извѣщенія о томъ, что дѣлаетъ Борисъ Годуновъ и просьбы, чтобы онъ шелъ скорѣе въ Россію. Множество свидѣтелей утверждали, что Григорій есть настоящій царевичъ Дмитрій. Желая убѣдить поляковъ, что Григорій самозванецъ, Борисъ послалъ для обличенія дядю его Смирнаго Отрепьева, но въ грамотѣ, которую привезъ Смирной о самозванцѣ, не говорилось ни слова, противъ обычая не было прописано даже имя гонца, и сообщались только жалобы на пограничные грабежи и на новые мѣста! Говорятъ даже, что бояре отправили къ польскому королю боярина Лапунова, который, обнадеживъ поляковъ, просилъ короля отъ имени бояръ помогать самозванцу.

Мы не станемъ утверждать, чтобы фактъ подобнаго свойства былъ единственнымъ въ исторіи человѣчества; но во всякомъ случаѣ онъ не служитъ доказательствомъ гражданскаго развитія и внутренней силы страны, въ которой возможны подобныя явленія. Между тѣмъ съ самаго нашествія монголовъ всѣ правительственныя силы были направлены исключительно на увеличеніе силы государства. Отчего же произошло такое противорѣчіе? Причина въ томъ, что политическая жизнь Россіи, благодаря нашествію монголовъ, шла съ усиленной быстротой. Монголы, своей матеріальной поддержкой, давали такую

Digitized by Google

силу московскимъ князьямъ, что Москва въ теченіе послѣднихъ полутораста лѣтъ монгольскаго владычества усилилась въ такой степени, въ какой безъ монголовъ не удалось бы ей и въ триста лѣтъ. Гдѣ бы московскіе князья могли добывать такія огромныя вспомогательныя войска, какія давали имъ ханы для войны съ удѣльными князьями? Сила Москвы отъ монгольской помощи становилась такъ велика, что борьба дѣлалась невозможной, тогда какъ безъ монголовъ она могла бы тянуться безконечно. Когда по смерти Калиты ханъ призналъ великимъ княземъ его сына Симеона, то вмѣстѣ съ тѣмъ подчинилъ ему всѣхъ удѣльныхъ князей. Противиться этому подчиненію—значило противиться волѣ ханской, а развѣ у князей было столько войска, чтобы они могли бороться съ монгольской силой? Такимъ образомъ, Москва усиливалась не развитіемъ своихъ внутреннихъ средствъ, а исключительно внѣшней поддержкой. Подобное усиленіе не могло заключать въ себѣ залоговъ сильной внутренней связи сплоченныхъ частей, не смотря на все внѣшнее могущество центральной власти. Это и высказалось въ смутное время, когда новгородцы готовы уже были признать царемъ шведскаго королевича, первичи не оказывали странѣ помощи ни деньгами, ни ратными людьми; а въ числѣ причинъ, по которымъ Смоленскъ не хотѣлъ сдаться Сигизмунду, заключалась между прочими и та, что богатые смоленскіе купцы дали въ дань Шуйскому большую сумму и боялись, что въ случаѣ сдачи Сигизмунду деньги эти пропадутъ. Когда со времени Ивана IV выяснился вполнѣ монархическій принципъ московскаго единовластія, то монархическія идеи могли созрѣть и развиться, разумѣется, гораздо легче въ понятіи отдѣльныхъ личностей, чѣмъ въ массѣ всего населенія. Отдѣльный человѣкъ зрѣетъ скоро; поставленный въ обстоятельства, благопріятныя для развитія какой нибудь одной мысли, онъ въ десять лѣтъ можетъ придти къ такимъ убѣжденіямъ, для распространенія которыхъ во всей остальной массѣ населенія нужно можетъ быть сто или болѣе лѣтъ. Такъ и случилось у насъ съ понятіемъ о значеніи монархизма. Начиная съ Ивана III и до Ивана IV т. е. въ теченіе ста двадцати лѣтъ (1462—1584). Значеніе царской власти достигло въ понятіи московскихъ правителей до такой высоты, до какой оно не могло, разумѣется, дойти у всѣхъ остальныхъ подданныхъ. Въ этомъ другая причина того противодѣйствія центральному интересу, какое выразилось въ ближайшихъ побужденіяхъ, вызвавшихъ смутное время и въ немъ самомъ. Стрем-

Digitized by Google

леніе къ силѣ было велико, но дѣйствительной силы еще не было. Власть повелителя московскаго царства была безусловна, но само царство было слабо и смотрѣло врозь. Причина въ томъ, что государство слогалось путемъ постоянныхъ войнъ. Начиная съ Рюрика и кончая царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ,—болѣе чѣмъ въ теченіе восьмисотъ лѣтъ,—Россія постоянно должна была выносить внутреннія и внѣшнія войны; при ея громадной территоріи войны становились еще обременительнѣе; возможности для экономическаго развитія страны не представлялось; поэтому всѣ, будучи одинаково бѣдны, ограничивали свои потребности только предметами первой необходимости, и не могло образоваться ни богатаго земства, ни де нежнаго промышленнаго сословія. И до смутнаго времени народъ былъ страшно бѣденъ, но во время самозванцевъ онъ обнищалъ совершенно. Только привычка къ самому низкому уровню потребностей дала народу силу вынести это раззореніе. А между тѣмъ войны не кончились и съ концемъ смутнаго времени; столкновенія съ сосѣдями продолжались, народныя тягости не уменьшались, и государственное истощеніе кончилось, наконецъ, денежнымъ кризисомъ. Въ 1656 году нечѣмъ было платить жалованья войску, и государь по совѣту боярина Ртищева велѣлъ выпустить въ обращеніе мѣдныя деньги, по нарицательной цѣнѣ серебряныхъ. Пока народъ не понималъ въ чемъ дѣло, мѣдныя деньги держались въ цѣнѣ; но когда поняли, что мѣдь не можетъ замѣнить серебра, и когда явились фальшивыя деньги, то мѣдная монета стала быстро падать, и, наконецъ, за одинъ серебряный рубль давали 12 мѣдныхъ. Цѣны поднялись на все страшно, народъ страдалъ и роптalъ. Запрещеніе поднимать цѣны, разумѣется, не помогало. Тогда начали преслѣдовать фальшивыхъ монетчиковъ, полагая, что они причиной бѣды. Начались пытки и казни; но дѣло не поправлялось; наконецъ, весной 1662 года поднялся народъ. Государь жилъ въ то время въ Коломенскомъ; къ нему отправилась толпа съ просьбой наказать измѣнниковъ бояръ, которые придумали новую финансовую мѣру. Царь обѣщалъ пріѣхать въ Москву и разобрать дѣло. Въ это время пришла къ царю другая толпа и просила выдать народу измѣнниковъ. Алексѣй Михайловичъ отвѣтилъ: «Я государь, мое дѣло сыскать и наказанье учинить, кому доведется по сыску, а вы ступайте по домамъ; дѣла такъ не оставлю, въ томъ жена и дѣти мои поруками». Въ отвѣтъ на это въ толпѣ кричали, одно: «не дай намъ погибнуть напрасно», а

Digitized by Google

другіе—«если добромъ бояръ не отдашь, то мы возьмемъ и сами». Алексѣй Михайловичъ, разсердившись, велѣлъ стрѣльцамъ двинуться на толпу. Больше 100 человѣкъ утонуло въ рѣкѣ и больше 7,000 было перебито и переловлено. Въ этомъ числѣ людей, дѣлавшихъ смуту, было только человѣкъ двѣсти, а остальные пришли изъ любопытства и поплатились за это жизнью. Затѣмъ началась расправа съ тѣми, кого переловили. Ихъ за этотъ мнимый мятежъ вѣшали, рубили имъ ноги, руки, рѣзали языки, или ссылали въ дальніе города. Хотя этимъ средствомъ и успокоили Москву, но курсъ мѣдныхъ денегъ не поднялся; наконецъ, въ 1663 году должны были прекратить приготовленіе мѣдныхъ денегъ и начать выпускъ серебряныхъ. Но и тутъ явилась новая бѣда; хотя частнымъ лицамъ и было приказано сплавить находившіяся у нихъ мѣдныя деньги, но они этого не исполнили. Спекулянты стали мѣдь натирать ртутью, серебрить и даже просто лудить. Правительство принялось преслѣдовать поддѣльщиковъ, и какъ говорятъ, за порчу денегъ было казнено болѣе 7,000 человѣкъ и болѣе 15,000 наказано отсѣченіемъ рукъ, ногъ, ссылкой и конфискаціей имущества.

Московскіе цари, сознавая свою силу, въ правѣ были располагать безусловно большою массою людей; сознавая свою силу въ борьбѣ съ востокомъ, ордами и казаками, въ тоже время видѣли, что силы ихъ слабы въ борьбѣ съ западомъ. Слабость эта была не количественная, а качественная. Съ азіятскими сосѣдями можно было брать массой, но для счастливыхъ столкновеній съ Западной Европой требовалось нѣчто другое, чего русскимъ недоставало. Недавая значенія европейской наукѣ и европейскому вольнодумству, считая западныя идеи и сближеніе съ европейцами даже вредными чистотѣ православія и правамъ, московское правительство считало полезнымъ, разумѣется, только то, что могло усиливать его внѣшній блескъ и военныя средства. Поэтому довольно рано уже замѣтно стремленіе московской власти заимствовать изъ Европы разныхъ техниковъ, преимущественно для улучшенія военной части. Наши западные сосѣди понимали очень хорошо, на сколько европейское знаніе должно увеличить могущество Россіи. По поводу русской торговли въ Нарвѣ Сигизмундъ-Августъ писалъ Елисаветѣ англійской: «Московскій государь ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву, ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное, при-

Digitized by Google

возятся не только произведенія художествъ, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему величеству не безизвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искуствъ. Но если нарвская навигація будетъ продолжаться, то что будетъ ему неизвѣстно?»

III.

Тяготѣнія къ западу.

Пока историческая жизнь Россіи еще не опредѣлилась, русскіе князья ходили нѣсколько разъ въ Византію, ходили къ болгарамъ, и давали такимъ образомъ своей дѣятельности внѣшній характеръ. Въ это время и русскіе князья женились на иностранныхъ принцессахъ, и иностранные государи на русскихъ княжнахъ. Связь Россіи съ западомъ, какъ будто хотѣла установиться. Но скоро эта внѣшняя дѣятельность князей, неимѣвшая пищи у себя дома, получила иное направленіе. Явилась борьба съ кочевниками, усобицы, потомъ монголы— и всѣ русскія силы сосредоточились на дѣлахъ своей страны. До запада намъ уже не было никакого дѣла, его интересы не были нашими интересами, точно такъ же, какъ наши интересы не были его интересами. Углубляясь въ себя и развиваясь своеобразно, подъ вліяніемъ религіознымъ и постоянной внутренней борьбы, Россія запиралась все крѣпче отъ латинянъ и пришла, наконецъ, къ тому, что начала считать ихъ нечистыми. Эта изолированность, понятная, какъ историческій фактъ въ своихъ причинахъ, не принесла, однако, Россіи пользы по своимъ послѣдствіямъ. Когда московское правительство покончило свои дѣла съ востокомъ и съ ордой-нечего было дѣлать больше, политическая жизнь Россіи должна была искать себѣ пищи въ другомъ мѣстѣ, и тогда явилось тяготѣніе къ западу, и обнаружилась наша отсталость.

Западъ казался русскимъ всегда чѣмъ-то особеннымъ, было въ немъ что-то чудное, непохожее на свое домашнее. Одинъ изъ сут-

Digitized by Google

никовъ митрополита Исидора, ѣздившаго на восьмой флорентійскій соборъ, оставилъ весьма любопытное описаніе своего путешествія. Русскаго поражали невиданныя имъ до того диковинки западной цивилизаціи. Разумѣется, всѣ его замѣчанія касаются только внѣшняго, потому что пониманіе внутренней жизни было труднѣе. «Городъ Юрьевъ (Дерптъ), какъ говоритъ путешественникъ, великъ, каменный, такихъ нѣтъ у насъ; палаты въ немъ чудныя, мы такихъ не видывали и дивились. Городъ Любекъ очень дивенъ, поля, горы вокругъ великія, сады прекрасные, палаты чудныя съ позолоченными верхами; товара въ немъ много всякаго; воды проведены въ него, текутъ по всѣмъ улицамъ, по трубамъ, а иныя изъ столповъ, студены и сладки.» «Въ Люнебургѣ среди города столпы устроены изъ мѣди позолоченной, чудесные! У каждаго столпа люди приряжены тоже мѣдные, текутъ изъ нихъ всѣхъ воды сладкія и холодныя—у инаго изо рта, у другаго изъ уха, у третьяго изъ глаза, текутъ шибко, точно изъ бочекъ; люди эти поятъ водою весь городъ и смотъ, проведены воды хитро и стеканіе несказанное». «Въ Брауншвейгѣ дома крыты досками изъ камня мудренаго, который много лѣтъ не рушится». Нюренбергъ такъ хорошъ, что «сказать нельзя и недомысленно». Флоренція еще лучше: «о колоконьнѣ флорентійской недоумѣваетъ умъ». «Въ Венеціи во всѣхъ улицахъ воды, и ѣздятъ на баркахъ». Одинъ изъ русскихъ паломниковъ, посѣтившій Константинополь, весьма удивлялся тамошнимъ колоннамъ и прочности камня, тамошнимъ памятникамъ и постройкамъ. «Много бо есть дивитися и умъ сказать не можетъ: како бо толико лѣтъ камня того ничто не имѣетъ?» Про статую Юстиніана онъ говоритъ: «аки живъ, грозно видѣти его». Разумѣется, не обходилось безъ того, чтобы подобнымъ путешественникамъ не разсказывали всякаго вздору, которому они вѣрили. Тотъ же паломникъ сообщаетъ о жабѣ, которая ходитъ по улицамъ Царьграда и пожираетъ людей, и о метлахъ, которыя метутъ сами: какъ бы люди ни встали рано, а ужъ улицы чисты. Западъ нравился не только своимъ внѣшнимъ видомъ, но и болѣе свободной, пріятной и разнообразной жизнью, своими нравами и обычаями, имѣвшими много общаго съ условіями русскаго общежитія. Поэтому русскіе, попадавшіе за границу, не рѣдко уже совсѣмъ не возвращались на родину; а бывали и такіе, которые бѣжали туда нарочно, не смотря на то, что въ Россіи они пользовались повидимому всѣми выгодами своего положенія,

Digitized by Google

напримѣръ, сынъ любимца Алексѣя Михайловича, Ордынъ-Нащокина. Какъ была плѣнительна жизнь запада для русскихъ, можно видѣть изъ словъ князя Голицина: «русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ королевскими людьми нельзя, ради ихъ прелести: одно лѣто побывають съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины русскихъ лучшихъ людей, не только что боярскихъ людей, останется кто старъ или служить не захочетъ, а бѣдныхъ людей не останется ни одинъ человѣкъ.» Лучшимъ же примѣромъ того, на сколько западъ оказывался вреднымъ чистотѣ русскихъ нравовъ, служитъ Дмитрій самозванецъ. Мы уже говорили, что это былъ человѣкъ пылкій, воспріимчивый и дѣятельный. Познакомившись съ европейской жизнію, онъ ввелъ у себя въ Москвѣ обычаи, непохожіе на русскіе. Онъ не молился передъ обѣдомъ, не умывалъ рукъ послѣ обѣда, ѣлъ телятину, не ходилъ въ баню, за столомъ ввелъ музыку и пѣніе. Кромѣ того Дмитрій Самозванецъ отличался простотой, несовмѣстной, по понятіямъ московскихъ бояръ того времени, съ царскимъ величіемъ. Пылкій и молодой Дмитрій принималъ личное участіе въ тогдашней забавѣ—въ бою со звѣрями, училъ самъ солдатовъ брать земляныя крѣпости, вмѣстѣ съ ратными людьми, въ одной толпѣ, ходилъ на эти примѣрные приступы, при чемъ его сшибали нерѣдко палками съ ногъ, наконецъ, высказывалъ мысль, что въ латинянахъ нѣтъ дурнаго и что вѣра латинская и греческая одна и таже. Въ обращеніи съ приближенными Дмитрій отличался простотой и даже позволялъ имъ дѣлать себѣ замѣчанія на счетъ образа жизни.

Знакомство съ обычаями запада этимъ путемъ т. е. чрезъ главу государства было бы, разумѣется, лучшимъ средствомъ—какъ это и доказалъ потомъ Петръ Великій—измѣнить русскіе нравы того времени, не отличавшіеся ни особенной чистотой, ни особенной мягкостью. Для бояръ подобное заимствованіе было бы весьма не лишнимъ, но именно бояре-то и противились тому. Народу мѣнять было нечего. Его образъ жизни зависѣлъ отъ его средствъ, а бѣдняки, имѣющіе едва чѣмъ существовать, живутъ и на западѣ и на востокѣ одинаково. Всякое улучшеніе ихъ быта зависитъ отъ улучшенія ихъ средствъ, а улучшеніе средствъ отъ возможности экономическаго развитія. Совсѣмъ не то среднее сословіе того времени т. е. служилые люди и бояре. Ихъ положеніе, если не было вполнѣ хорошо, то и не настолько дурно, чтобы могло мѣшать тѣмъ полезнымъ заимствованіямъ и ум-

Digitized by Google

ственному развитію, въ которомъ они нуждались болѣе, чѣмъ народъ въ возможности развитія экономическаго. Но главной помѣхой тому были сами цари московскіе, упорно державшіеся старины и женившіеся исключительно на русскихъ. Это обстоятельство болѣе важно, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Женясь на русской, царь оставался при тѣхъ же вліяніяхъ, при которыхъ жилъ и прежде. Для женщинъ не было другой жизни, кромѣ жизни въ теремѣ. Темное, ничего незнающее и ничего невидѣвшее существо, воспитанное въ началахъ безусловнаго повиновенія своему мужу, такая женщина не могла обнаруживать на него ровно никакого вліянія, не могла сообщить ему ничего такого, чего бы онъ искалъ прежде. Вся перемѣна въ жизни женщины заключалась въ томъ, что дѣвицей она жила подъ волей своихъ родителей, а сдѣлавшись женщиной, стала вести туже безотвѣтную и безгласную жизнь подъ рукой своего мужа. И нравственный выигрышъ мужа едва ли былъ болѣе. Такимъ образомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе передавались однѣ и тѣже семейныя преданія, однѣ и тѣже понятія о семейныхъ добродѣтеляхъ и обязанностяхъ, но ни одной живой струйки новой жизни. Такому умственному застою могло помѣшать только одно—браки съ женщинами, развивавшимися и выросшими при другихъ условіяхъ общежитія и подъ другими началами. Какое вліяніе могла обнаружить образованная и умная женщина, видно вполнѣ изъ брака Ивана III съ Софіей Палеологъ. Подъ вліяніемъ Софіи Иванъ III сталъ монархомъ, окружилъ себя царскимъ великолѣпіемъ и поставилъ себя на такую недосягаемую высоту, что заслужилъ прозвище грознаго. Положимъ, что это вліяніе, было одностороннее, но мы говоримъ здѣсь не о качествахъ вліянія, а о томъ, что оно было. Жены другихъ царей обнаружили бы на нихъ вѣроятно и другое вліяніе. Во всякомъ случаѣ отъ такихъ браковъ Россія бы выиграла, а отъ того, что ихъ не было, Россія проиграла. Что мѣшало брачнымъ союзамъ съ иностранцами—читателю уже извѣстно.

Со времени Ивана III возобновляются наши сношенія съ Европой, прекратившіяся болѣе чѣмъ въ теченіе пятисотъ лѣтъ. Этого времени безгласной для западной Европы жизни Россіи было совершенно достаточно, чтобы тамъ забыли совершенно о нашемъ существованіи. Для открытія Россіи потребовался свой Колумбъ, и Колумбомъ этимъ явился рыцарь Николай Поппель, посѣщавшій изъ любопытства разныя отдаленныя земли. Въ 1486 году онъ пріѣхалъ

Digitized by Google

въ Москву и узнавъ, что Россія составляетъ самостоятельное государство, независимое отъ Руси, подвластной польскому королю, доложилъ о томъ австрійскому императору. Въ слѣдующемъ году Поппель явился въ Москвѣ уже посломъ императорскимъ. Со времени же Ивана III начинается выписываніе изъ за границы разныхъ мастеровъ и техниковъ.

Въ этомъ отношеніи Россія была такъ бѣдна, что у насъ не умѣли даже строить порядочныхъ каменныхъ зданій. Вотъ нѣсколько фактовъ. Въ 1417 году псковичи наняли мастеровъ, чтобы выстроить каменную стѣну; въ петровъ постъ работа была кончена, а въ успенскій стѣна упала. Въ 1420 году выстроили новые перши, строили ихъ 200 человѣкъ, но чрезъ три года постройка развалилась. Въ Коломнѣ церковь разрушилась сейчасъ же по окончаніи постройки. Въ Новгородѣ случилось тоже самое. Только-что мастера успѣли сойти съ выстроенной ими церкви Іоанна Златоустаго, какъ церковь упала. Но если постройка производилась не прочно, за то скоро. Церковь Архангела Михаила въ Москвѣ была выстроена въ одинъ годъ и въ томъ же году началась въ ней служба. Еще скорѣе строились церкви деревянныя—такъ называемыя обыденныя; строили и освящали ихъ въ одинъ день. Въ 1472 году митрополитъ Филиппъ задумалъ строить новую соборную церковь, потому что построенная при Иванѣ Калитѣ уже грозила паденіемъ. Собравъ много серебра отъ священниковъ, монастырей, бояръ, купцовъ, митрополитъ пригласилъ двухъ русскихъ мастеровъ, спросилъ ихъ, возмутся ли они построить такую церковь, какую онъ думалъ, мастера, разумѣется, взялись и принялися за работу. Но когда они начали класть, своды церкви упали. Иванъ III послалъ въ Псковъ за нѣмецкими мастерами. Нѣмцы, осмотрѣвъ работу, похвалили ее за чистоту, но замѣтили, что известь была жидка. Имъ, однако, не поручили работы. По совѣту Софьи, Иванъ отправилъ въ Италію Семена Толбузина, чтобы пріискать тамъ архитектора. Толбузинъ нашелъ въ Венеціи много мастеровъ, но только никто изъ нихъ не хотѣлъ ѣхать въ Москву. Наконецъ, согласился Аристотель Фіоравенти. Высказавъ на счетъ постройки тоже мнѣніе, какъ и нѣмецкіе мастера, Аристотель началъ тѣмъ, что разбилъ все строеніе. «Три года дѣлали, замѣчаетъ лѣтописецъ, а онъ меньше, чѣмъ въ недѣлю, развалилъ, не успѣли выносить камень». Аристотель строилъ четыре года, и въ 1479 году Успенскій Соборъ былъ освященъ. За Аристотелемъ на-

Digitized by Google

лись и другіе таланты: онъ умѣлъ лить пушки и стрѣлять изъ нихъ, лить колокола и чеканить монету.

Когда Иванъ III посылалъ къ императору Юрія Трахоніотова, то поручилъ ему пріискать «рудника, который руду знаетъ золотую да серебряную, да другого мастера, который умѣетъ отъ земли отдѣлить золото и серебро. Добывать также мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да другого мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменьщика добывать хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебрянаго мастера хорошаго, который бы умѣлъ большіе сосуды дѣлать и кубки, да чеканить бы умѣлъ и писать на сосудахъ». Кромѣ того Трахоніотовъ долженъ былъ пригласить искуснаго лекаря. Всѣхъ этихъ искусныхъ мастеровъ посолъ привезъ въ Москву въ 1490 году.

Положеніе ихъ здѣсь было довольно опасное, особенно лекарей, потому что съ ними обращались совершенно по турецки, не смотря на то, что въ докторахъ была большая нужда. Если тогдашніе медики и не могли отличаться особенными познаніями, то во всякомъ случаѣ они понимали больше людей ровно ничего незнавшихъ и могли принести больше пользы, чѣмъ самолеченіе. Любопытнымъ примѣромъ послѣдняго служитъ великій князь Василій Васильевичъ. Онъ лечилъ себя противъ сухотки тѣмъ, что жегъ у себя на тѣлѣ въ разныхъ мѣстахъ трутъ, и повторялъ эту операцію такъ часто, что умеръ отъ разгнившихся ранъ. Понятно, что при подобныхъ неудачахъ смотрѣли на лекарей, какъ на особенно хитрыхъ людей и имѣли совершенно смутное понятіе объ ихъ знаніяхъ. Печатникъ Василій Щелкаловъ велъ разъ съ докторомъ англичаниномъ такой разговоръ: «сказываешься ты докторъ; а грамота у тебя Елисаветъ королевина докторская и книги докторскія и лечебныя и зелье съ тобою есть ли? И какъ немочи знаешь? И почему у человѣка какую немочь познаешь»?—Которыя книги, отвѣчалъ докторъ, были повезены со мною изъ англійской земли для докторства, и я тѣ книги всѣ оставилъ въ Любекѣ для проѣзда, и сказывался въ дорогѣ торговымъ человѣкомъ для того, чтобъ меня пропустили, и зелья не взялъ для проѣзду же, потому что насъ докторовъ въ Москву нигдѣ не пропускаютъ».—«Почему же тебѣ у человѣка безъ книгъ какую немочь можно познать—по водамъ ли или по жиламъ?—спросилъ опять Щелкаловъ».—Немочь въ человѣкѣ всякую можно и безъ книгъ разумомъ знать по водамъ; а если будетъ въ человѣкѣ тяжкая болѣзнь,

Digitized by Google

то ее и по жилам можно познать; лечебная книга со мною есть, а старая у меня въ головѣ—отвѣчалъ докторъ. Это было при Годуновѣ, но при Иванѣ III понятія были еще проще. Старшій сынъ Ивана захворалъ ломотою въ ногахъ; докторъ Леонъ, вызванный изъ Венеціи, понадѣявшись на свои знанія, сказалъ великому князю: «я вылечу твоего сына; а не вылечу, вели казнить меня смертною казнью». Между тѣмъ больной умеръ и по прошествіи сорока дней Леону отрубили голову. Разумѣется, условіе его не было серьезнымъ; но Иванъ III понималъ вещи иначе. Такъ же рѣшительно онъ поступилъ и съ другимъ докторомъ нѣмцемъ, Антономъ. Этотъ, бывшій въ большомъ почетѣ у великаго князя, лечилъ татарскаго князя Каракучу и, какъ увѣряетъ лѣтописецъ, уморилъ больнаго «смертнымъ зельемъ на смѣхъ», т. е. далъ какое нибудь рѣшительное средство. Иванъ III выдалъ лекаря сыну умершаго князя, и молодой князь хотѣлъ отпустить его за деньги, но великій князь не согласился, и татары вывели нѣмца на Москву рѣку и зарѣзали подъ мостомъ ножами. Такой странный способъ обращенія съ людьми долженъ былъ пугать иностранцевъ, и Аристотель, боясь, чтобы и съ нимъ не случилось чего нибудь подобнаго, сталъ проситься домой. Иванъ III разсердился на такую смѣлость, велѣлъ схватить его, ограбить и посадить на Антоновомъ дворѣ.

Въ обращеніи съ иностранцами русскіе не отличались особенной деликатностію; не говоря про такихъ ничтожныхъ въ глазахъ московскаго правительства людей, какъ лекаря или техники, но и представителямъ западныхъ государей доставалось не лучше. Недовѣріе и подозрительность были основными чертами московскихъ отношеній съ другими державами. Москвичамъ казалось, что всякій прибывшій въ Москву иностранецъ непремѣнно шпіонъ, подосланный развѣдать что нибудь, съ тѣмъ чтобы потомъ повредить. Для предупрежденія этого пословъ окружали приставами и держали ихъ постоянно подъ надзоромъ, и иногда даже и подъ стражей. Николаю Поппелю никакъ не хотѣли вѣрить, что онъ пріѣхалъ изъ любознательности, сомнѣвались въ подлинности бывшаго у него свидѣтельства императора Фридриха III и подозрѣвали, что Поппель подосланъ польскимъ королемъ, съ какимъ нибудь дурнымъ умысломъ противъ великаго князя. Чтобы устранить всякую возможность зла, посланниковъ не допускали на аудіенцію въ оружіи. Посланники, хотя и жаловались на такое безчестіе, хотя и правительства ихъ нѣсколько разъ выражали свое неудовольствіе

Digitized by Google

на московскую систему обращенія съ иностранцами, но изъ этого не выходило никакого толку. Великій посолъ короля польскаго, бывшій въ Москвѣ въ 1644 году, жаловался приставамъ: «хорошо было у насъ царскаго величества посламъ, князю Львову съ товарищами: сенаторы ихъ почитали, къ себѣ на пиры звали и дарили, жили они въ Польшѣ, какъ у родныхъ братьевъ, на поле тѣшиться ѣздили и дома у себя тѣшились; а мнѣ здѣсь, великому послу, только позоръ и безчестье; живу въ заперти, никуда выѣхать непускаютъ, людей моихъ не пускаютъ на дворъ къ королевичу датскому.» Жалобы эти, разумѣется, не вели ни къ чему, потому что даже на претензіи, выраженныя болѣе энергически, не обращалось никакого вниманія. Въ 1618 году были отправлены къ трендскому шаху Аббасу князь Барятинскій, дворянинъ Чичеринъ и дьякъ Тюхинъ. Шахъ принялъ ихъ сухо и, призвавъ къ себѣ Тюхина, сказалъ ему: «приказываю съ тобою словесно къ великому государю вашему, и ты смотри, ни одного моего слова не утаи, чтобъ оттого между нами смуты и ссоры не было; я государя вашего прошенье и хотѣнье исполню и казною денежною его ссужу, но досада мнѣ на государя вашего за то: когда мои послы были у него, то ихъ въ Москвѣ и въ городахъ въ Казани и Астрахани запирали по дворамъ, какъ скотину, съ дворовъ не выпускали ни одного человѣка, купить ничего не давали, у воротъ стояли стрѣльцы. Я и надъ вами такую же крѣпость велю учинить, васъ засажу такъ, что и птицы чрезъ васъ не дамъ пролетѣть; не только вамъ птицы не видать, но и пера птичьяго не увидите. Да и въ томъ государь вашъ оказываетъ мнѣ не любовь: воеводы его въ Астрахани и въ Казани, и въ другихъ городахъ моимъ торговымъ людямъ убытки чинятъ, пошлины съ нихъ берутъ вдвое и втрое противъ прежняго, и не только съ моихъ торговыхъ людей, но и съ моихъ собственныхъ товаровъ и для меня товары покупать запрещаютъ: грошовое дѣло—птица ястребъ! Купилъ его мнѣ мой торговый человѣкъ въ Астрахани, а воеводы ястреба у него отняли, и татарина, у кого купилъ, сажали въ тюрьму, зачѣмъ продавалъ заповѣдный товаръ. Вы привезли мнѣ отъ государя своего птицъ въ подарокъ, и я изъ нихъ только велю вырвать по перу, да и выпущу всѣхъ — пусть летятъ куда хотятъ. А если въ моихъ земляхъ мои приказные люди вашего торговаго человѣка изубытчатъ, то я имъ тотчасъ же велю брюхо распороть.» И шахъ задержалъ у себя пословъ два года.

Digitized by Google

Выписанные Иваномъ III изъ за границы рудознатцы и другіе мастера оказались недостаточны и наука ихъ не нашла себѣ послѣдователей между русскими. Въ 1547 году Иванъ IV поручилъ саксонцу Шлитте пригласить за границей какъ можно больше ученыхъ и ремесленниковъ. Шлитте съ разрѣшенія императора Карла V набралъ 123 человѣка и пріѣхалъ съ ними уже въ Любекъ; но ливонское правительство, боявшееся русской силы, упросило императора взять назадъ свое разрѣшеніе и магистрату было дано полномочіе не пропускать въ Москву ни одного ученаго и художника. Шлитте посадили въ тюрьму, и набранные имъ люди разбѣжались. Одинъ изъ нихъ Гансъ хотѣлъ идти въ Москву, но его схватили и посадили въ тюрьму. По освобожденіи онъ хотѣлъ попытаться снова, но былъ пойманъ подлѣ самой русской границы, и казненъ. Вмѣстѣ съ ремесленниками приглашались постоянно и доктора, въ которыхъ у насъ очень нуждались. Елисавета отправила къ Ивану IV медика, Роберта Якобо, аптекарей и цирюльниковъ. При Борисѣ Годуновѣ выписываются опять лекаря, рудознатцы, суконные мастера, часовщики. У Годунова было шесть докторовъ иностранцевъ, которыхъ онъ награждалъ чрезвычайно щедро, и даже позволилъ имъ построить протестантскую церковь.

Хотя желѣзо и добывалось уже въ Россіи въ нынѣшней тульской губерніи и въ другихъ мѣстахъ и Тула выдѣлывала оружіе еще въ XVI столѣтіи, но ни желѣза этого, ни оружія не было достаточно для удовлетворенія потребностей государства, такъ что и то, и другое покупалось еще за границей. Въ 1629 году было выписано изъ Швеціи болѣе 25,000 пудовъ желѣза. Потомъ дозволено было иностранцамъ построить въ окрестностяхъ Тулы заводъ для отливки чугунныхъ вещей и для приготовленія желѣза по иностранному способу. Дозволеніе это дано въ 1632 году голландцу Виніусу «для дѣланія изъ желѣзной руды чугуна и желѣза, для литья пушекъ, ядеръ и котловъ, для ковки досокъ и прутьевъ, дабы впредь то желѣзное дѣло было государю прочно и государевой казнѣ прибыльно, а людей государевыхъ имъ всякому желѣзному дѣлу научать и никакого ремесла отъ нихъ не скрывать.» Но и этого завода было недостаточно, такъ что въ случаяхъ военныхъ вооруженій Россія покупала оружіе за границей. Въ 1653 году былъ посланъ въ Голландію подьячій Головинъ съ просьбой къ штатамъ дозволить ему купить 20,000 мушкетовъ и 20 или 30 тысячъ пудовъ пороху

Digitized by Google

и свинцу. Въ Швеціи было куплено тоже 20,000 мушкетовъ. Подобныя покупки дѣлались нѣсколько разъ.

При не искуствѣ русскихъ полководцевъ и при недостаткѣ войска, знакомаго съ военнымъ дѣломъ и навычнаго въ европейскомъ способѣ войны, московскія войска были постоянно поражаемы въ открытомъ полѣ своими западными сосѣдями. Это научило москвичей осторожности, и отсюда та нерѣшительность, какую обнаруживали всегда русскіе въ борьбѣ съ европейцами. Цари понимали хорошо, отчего происходятъ наши вѣчныя неудачи съ шведами и съ такими соперниками, какъ Стефанъ Баторій, распюлагающими обученой, навычной пѣхотой. Покупка иностранныхъ мушкетовъ не помогала еще дѣлу; нужны были люди, съ которыми бы можно было разсчитывать на вѣрный успѣхъ, а не на случайныя побѣды, какъ это бывало обыкновенно. Поэтому еще Иванъ IV старался пріобрѣсть иностранцевъ, искусныхъ въ войнѣ, и онъ просилъ даже шведскаго короля прислать ему отрядъ ратныхъ людей, обученныхъ и вооруженныхъ по европейски. Вызовъ иностранцевъ въ военную службу усиливался постоянно все болѣе и болѣе; не любили брать только католиковъ. Такъ, когда полковникъ Лесли былъ посланъ за границу для найма военныхъ людей, то ему было поручено: «нанимать солдатъ шведскаго государства и иныхъ государствъ, кромѣ французскихъ людей, а французанъ и иныхъ, которые римской вѣры, никакъ не нанимать.» Вмѣстѣ съ вызовомъ иностранцевъ стали обучать ратному дѣлу и русскихъ, и, чтобъ русскіе могли узнать всѣ военныя хитрости, былъ переведенъ съ иностраннаго уставъ ратныхъ дѣлъ. Особенно поощрялъ иностранцевъ, поступавшихъ въ русскую службу, Годуновъ; а со времени Михаила Ѳедоровича становится особенно замѣтенъ напливъ иностранцевъ. За границей приглашались не только офицеры всѣхъ чиновъ рѣшительно, начиная отъ прапорщика и до полковника включительно, но и рядовые. У Шеина подъ Смоленскомъ въ шести полкахъ было нѣмцевъ, поляковъ, литвы и обученныхъ русскихъ 14,800 человѣкъ. Въ этомъ числѣ нѣмецкихъ наемныхъ солдатъ было 3,280 человѣкъ; русскими же командовали нѣмецкіе полковники.

Наемъ иностранцевъ дѣлался осторожно, и люди принимались только послѣ предварительнаго испытанія. Милославскій, посланный въ 1646 году за границу, и имѣвшій между прочимъ порученіе нанять въ Голландіи офицеровъ и солдатъ, оставилъ описаніе подобнаго эк-

Digitized by Google

замена. «Маіоръ Исакъ Фонъ-Буковенъ, капитаны и солдаты пришли на посольскій дворъ къ смотру: Филиппъ Альбертъ фонъ-Буковенъ выходилъ съ мушкетомъ и съ пиками, съ капитанскою и солдатскою, стрѣлялъ изъ мушкета и шурмовалъ пикою и шпагою различныя штуки и по досмотру — добръ-добрѣ; Виламъ Алимъ по досмотру—добръ; Ефимъ вахмистръ по осмотру—умѣетъ; Юрій Гаріохъ по смотру-середній; и маіоръ фонъ-Буковенъ говорилъ, что Гаріоха въ капитанскій чинъ не будетъ; какъ ему неученыхъ людей солдатской справкѣ выучить и къ бою привѣсть, онъ и самъ ратнаго строя ничего не знаетъ. Яковъ Стюартъ выходилъ съ мушкетомъ, шурмовалъ и стрѣлялъ, и застрѣлилъ трехъ человѣкъ, толмача Нечая Драбика, да двухъ солдатъ нѣмцевъ; у Нечая да у нѣмчина испортилъ по рукѣ, да на всѣхъ на нихъ прожегъ платье; за пику солдатскую приняться и шурмовать не умѣлъ и по смотру—худъ добрѣ; и маіоръ фонъ Буковенъ говорилъ, что Гаріохъ въ капитаны, а Стюартъ и въ солдаты не годится». Солдаты оказались всѣ годными.

Годуновъ, выказывавшій особенное расположеніе къ иностранцамъ, хотѣлъ вызвать изъ за границы ученыхъ и основать школы, гдѣбы учили русскихъ разнымъ языкамъ. Но духовенство возстало противъ этого, выставляя, что во всей странѣ одна вѣра, однѣ нравы, одинъ языкъ; если же будетъ много языковъ, то встанетъ смута. Борисъ уступилъ, и, вмѣсто учрежденія школъ, задумалъ послать за границу для образованія нѣсколько молодыхъ людей. Выбрали и послали: однихъ въ Любекъ, другихъ въ Англію, третьихъ во Францію и въ Австрію. Образованіе ихъ должно было ограничиться изученіемъ языковъ. Судьба молодыхъ людей неизвѣстна; извѣстно только, что четверо отправленныхъ въ Англію, въ Россію уже не воротились. Подъячій Грязевъ, ѣздившій съ царской грамотой къ королю Іакову, донесъ, что англичане обратили ихъ всѣхъ въ свою вѣру, одного изъ нихъ, Никифора, сдѣлали священникомъ и онъ живетъ въ Лондонѣ, другой секретаремъ въ Ирландіи, а остальные двое въ Индіи. Никифоръ молитъ Бога за англійскихъ купцовъ, которые его вывезли изъ Россіи.

Помѣхи, какія дѣлали Ливонцы нашимъ сношеніямъ съ западомъ и въ выписываніи иностранныхъ мастеровъ, побудили еще Ивана IV стараться пріобрѣсть прибалтійскія ливонскія владѣнія; Годуновъ тоже не успѣлъ въ этомъ. Алексѣй же Михайловичъ прямо домогался уже Невы и нынѣшняго Шлиссельбурга. Въ 1658 году, по случаю

Digitized by Google

переговоровъ о мирѣ со Швеціей, царь писалъ къ Нащекину: «промышляй всякими мѣрами, чтобы у шведовъ выговорить въ нашу сторону въ концахъ (Ніеншанцъ) и подъ Ругодивомъ корабельныя пристани, и отъ тѣхъ пристаней для проѣзду къ Корелѣ на рѣкѣ Невѣ городъ Орѣшекъ, да на рѣкѣ Двинѣ городъ Кукейнасъ, что теперь Царевичевъ-Дмитріевъ, и такія мѣста, которыя пристойны; а шведскимъ коммисарамъ или генераламъ, и инымъ, кому доведется, сули отъ одного себя ефимками или соболями на десять, пятнадцать или двадцать тысячъ рублей...» Вмѣстѣ съ тѣмъ возникла мысль и о русской морской торговлѣ и постройкѣ для того судовъ. Московское правительство видѣло, какія выгоды имѣютъ иностранцы отъ торговли, и потому задумало построить свои корабли, чтобы посылать ихъ въ дальнія страны, и привозить оттуда дорогіе товары. Обратились за совѣтами по этому предмету къ герцогу Курляндскому, разсчитывая, что онъ дозволитъ русскимъ судамъ ходить изъ его гаваней. Герцогъ однако увѣдомилъ, что «пристойнѣе великому государю заводить корабли у Архангельска». Этимъ однако дѣло не кончилось. Чрезъ четыре года (въ 1666 г.), по поводу просьбы армянъ о свободной торговлѣ по Волгѣ съ Персіей, предположено было для плаванія по Каспійскому морю выстроитъ нѣсколько судовъ. Къ работѣ приступили въ іюнѣ 1667 года, думая окончить корабль къ веснѣ слѣдующаго года; но встрѣтились разныя препятствія — то не было рабочихъ, то не доставало матеріаловъ, потомъ не было кузнеца и рѣзчика, тамъ жалобы на главнаго распорядителя работъ Полуехтова, который билъ конатныхъ мастеровъ, сажалъ ихъ въ подклѣть, мучилъ голодной смертью. Наконецъ, въ началѣ мая 1669 года корабль «Орелъ», яхта, двѣ шнеки и ботъ спущены въ Дѣдиновѣ на воду. Постройка всѣхъ судовъ обошлась въ 9,021 рубль. Орлу однако не посчастливилось: — его сжегъ въ Астрахани Стенька Разинъ.

Московское правительство очевидно уже начинало понимать выгоды знаній Западной Европы, потому что выгоды ихъ были слишкомъ ясны. Но, чтобы московскіе цари могли рѣшаться на подобныя нововведенія, необходимо предположитъ, что они были окружены боярами иного сорта, чѣмъ временъ Ивана III и Дмитрія Самозванца. И это было дѣйствительно такъ: болѣе чѣмъ тысяча семействъ иностранцевъ, жившихъ постоянно въ Москвѣ еще во времена Олеарія, большое число иностранныхъ офицеровъ, служившихъ въ русскомъ войскѣ, частые пріѣзды посланниковъ отъ европейскихъ государствъ,

Digitized by Google

должны были обнаружить вліяніе на бытъ и на перемѣну понятій по крайней мѣрѣ тѣхъ москвичей, которые отличались болѣе живымъ и подвижнымъ способностями. Изъ бояръ Алексѣя Михайловича отличались любовью къ иностраннымъ новизнамъ Матвѣевъ, Морозовъ, Ртищевъ, Ордынъ-Нащокинъ и другіе. Они подражали уже иностраннымъ обычаямъ, не держали своихъ женъ въ теремахъ, давали дѣтямъ европейское образованіе, такъ что сынъ Нащокина, воспитанный иностранцами, даже убѣжалъ изъ Россіи; комнаты ихъ были убраны на европейскій ладъ и украшены картинами, часами; а Матвѣевъ составилъ даже труппу актеровъ, и тѣшилъ царя театральными представленіями.

Такъ подготовилась Россія къ принятію Петра Великаго.

Н. Шелгуновъ.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ

ТЮРЕМНОЙ НАДЗИРАТЕЛЬНИЦЫ.

ГЛАВА X.

Двадцать дней въ тюрьмѣ.

По всѣмъ вѣроятіямъ мы не имѣли-бы повода написать настоящій разсказъ, если бы Дженни Камеронъ вмѣсто тюрьмы была отправлена въ исправительный домъ. Не одна жизнь приняла бы другой оборотъ, если бы дѣтей не подвергали въ самомъ нѣжномъ возрастѣ растлѣвающей заразѣ тюремнаго воздуха. Ребенокъ, по Шотландскимъ законамъ, *какихъ-бы онъ ни былъ лѣтъ* подлежитъ уголовному суду. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ примѣръ, что полутора-годоваго ребенка признали виновнымъ въ кражѣ и приговорили къ тюремному заключенію вмѣстѣ съ его виновною матерью.

Комнатнымъ товарищемъ Дженни была извѣстная Глазговская воровка, лукавая женщина, лицемѣрившая передъ начальствомъ, показывавшая желаніе раскаяться и исправиться; по всѣмъ вѣроятіямъ эту степенную съ виду женщину сочли за лучшую подругу для Дженни и, разсчитывая на тѣ добрые совѣты,

Digitized by Google

которые она могла дать молоденькой дѣвочкѣ, помѣстили ихъ вмѣстѣ. Женщину эту мы назовемъ Елизаветою Гарберъ.

Въ первый день заключенія она не обращала никакого вниманія на молодую узницу; на второй день по уходѣ главнага надзирателя, который приходилъ въ ихъ келью и сказалъ имъ нѣсколько общихъ мѣстъ, она шепнула Дженни:

— Не слушай этого господина; онъ дурной человѣкъ.

Легкій отзывъ этотъ поразилъ Дженни; что до нея касалось, то посѣщеніе главнаго надзирателя повергло ее въ трепетъ.

— Онъ, милая, мастеръ на слова, продолжала арестантка; но имъ хорошо говорить, когда они одѣты, обуты, живутъ себѣ въ царскихъ палатахъ и получаютъ ни вѣсть сколько денегъ, за то, что смотрятъ за нашей горемычной братьей,

Заключенные вообще имѣютъ преувеличенныя понятія о вознагражденіи лицъ, служащихъ при тюрьмѣ.

— Вотъ скоро попъ придетъ, то-то будетъ распѣвать тебѣ про твои грѣхи и невѣденье! Это скажу тебѣ, милая, худшій изо всей шайки.

Но когда явился тюремный священникъ женщина эта приняла его со всевозможными выраженіями покорности и смиренія, съ притворнымъ участіемъ прислушивалась къ разговору его съ Дженни и испускала глубокіе вздохи въ знакъ своего сочувствія.

— Бѣдное дитя мое, замѣтилъ онъ между прочимъ, ты, какъ я вижу, ничего не знаешь и не умѣешь отличить зло отъ добра.

— Какъ же сэръ! перебила его Елизавета Гарберъ, она точно тварь неразумная. Я и сама пыталась заговорить съ ней о библіи, но она только хлопаетъ на меня глазами.

Проводивъ посѣтителя почтительнымъ поклономъ, она сдѣлала вслѣдъ ему насмѣшливую гримасу, которая разсмѣшила Дженни.

— Ему за то и деньги платятъ, чтобы онъ намъ поролъ эту чепуху. Небось, если бы не платили ему, онъ бы и не заглянулъ къ намъ.

— Оно конечно всегда лучше быть съ ними вѣжливой; только я всѣхъ ихъ ненавижу, всѣ они вмѣстѣ взятые гроша мѣднаго не стоятъ.

— Ты всегда, милая, дѣлай видъ, что обращаешься на путь

Digitized by Google

истинный, былъ дальнѣйшій совѣтъ старухи, ты у нихъ и будешь нах орошемъ счету. А то что радости, когда тебя посадятъ на хлѣбъ и на воду, надѣнутъ на руки колодки и запрутъ въ темную келью, что на той сторонѣ двора. Да смотри, побольше прикидывайся больной; ты этимъ избавишься отъ скучнаго щипанья пеньки; вотъ на меня они было попробовали взвалить тяжелыя работы, да онѣ оказались мнѣ не по силамъ.

Тюрьма переставала мало по малу казаться Дженни такимъ страшнымъ мѣстомъ. Щипанье пеньки впродолженіе большей части дня было, правда, скучное дѣло, и пальцы ея отъ него болѣли, но она была ловкая дѣвочка и скоро освоилась съ этой работой. Помѣщеніе ея было удобное; она даже не страдала отъ одиночества. Правда пища ея не могла похвалиться изобиліемъ, такъ какъ она была заключена не на долгій срокъ, и часто ей приходилось оставаться впроголодь, но она не придавала большой важности этому неудобству тюремной жизни.

Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы тюрьма ей особенно нравилась, хотя ей и было тутъ во многихъ отношеніяхъ лучше, нежели дома; она любила свободу, уличную жизнь и общество тѣхъ товарищей, въ средѣ которыхъ провела всю свою молодость. Страшная тоска напала на Дженни послѣ первыхъ десяти дней заключенія. Однообразіе тюремной рутины подавляло ее; привычка жить вольной птицей дѣлала для нея эту дисциплину невыносимой; здоровье ея слегка пострадало; аппетитъ уменьшился и румянецъ поблекъ на щекахъ. Когда Гарберъ замѣтила ей однажды, что она подурнѣла, она залилась слезами.

Это замѣчаніе не на шутку перепугало ее; она начинала тщеславиться своею наружностью и думала, что съ потерею красоты она лишится своего Джока и вся будущность ея будетъ испорчена.

— Надоѣла мнѣ до смерти тюрьма, призналась она Елизаветѣ Гарберъ

— Не безпокойся! проворчала старуха, еще ты не разъ въ ней побываешь.

— Ну нѣтъ! Я впередъ буду осторожнѣе.

Но старуха продолжала свои мрачныя предсказанія. Она

Digitized by Google

не скупилась на совѣты и учила Дженни, по своему крайнему разумѣнію, уму-разуму. Мистрисъ Гарберъ прошла сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы; она всѣхъ знала въ Глазговѣ, какъ тѣхъ, которымъ вѣчно удавалось сухими изъ воды выйти, такъ и тѣхъ, которые вѣчно попадались въ бѣду. Она знала семейство Логги, и предостерегала Дженни, чтобы она не слишкомъ ввѣрялась старикамъ, говоря, что они рады своихъ обобрать и не прочь выдать ихъ головою лишь-бы только снискать милость полиціи. Она знала мать и отца Дженни, знала «ухорскаго Джока» и его брата, сосланнаго въ каторгу на четырнадцать лѣтъ; оба брата, по ея словамъ, гроша мѣднаго не стоили, и чѣмъ скорѣебы Дженни развязалась съ Джокомъ, тѣмъ для нея же было-бы лучше; наконецъ она выражала сожалѣніе, что Дженни еще слишкомъ молода и не можетъ быть ей товарищемъ; (обѣ онѣ должны были выйти изъ тюрьмы приблизительно въ одно и тоже время.)

Въ этихъ разговорахъ проходила половина ночи. Языкъ Елизаветы Гарберъ работалъ не умолкая; сама она страдала безсонницей, а потому и подругѣ своей не давала спать. Случалось такъ, что Дженни засыпала подъ сиплый шопотъ старухи и, проснувшись нѣсколько часовъ спустя, слышала все тотъ же шопотъ, зловѣщимъ образомъ раздававшійся въ темнотѣ.

Гарберъ не вѣрила въ существованіе добра въ мірѣ; все дѣлается на свѣтѣ, говорила она, изъ за денегъ, всѣ люди на одинъ покрой.

— Надо же намъ чѣмъ нибудь жить, говаривала она. Если другіе могутъ спокойно видѣть, какъ мы умираемъ съ голоду и не хотятъ намъ давать денегъ, то мы сами должны о себѣ позаботиться. Дай-ка намъ съ тобою сто фунтовъ годоваго дохода да хорошую квартиру, и мы заживемъ честно, и будемъ въ церковь ходить каждое воскресенье. Мы вишь народъ отпѣтый, такъ намъ нѣтъ другого выбора: или голодай, или воруй. По мнѣ лучше воровать.

Такъ прошли двадцать дней заключенья; они, само собою разумѣется, не могли способствовать исправленію Дженни. Выходя изъ тюрьмы она надавала кучу обѣщаній, про которыя, минуту спустя, уже забыла думать. Прямо изъ тюрьмы она от-

Digitized by Google

правилась въ семейство Логги, гдѣ ея приняли хорошо и осыпали вопросами о томъ, какъ она поживала въ тюрьмѣ, кого тамъ встрѣтила и не знаетъ ли чего о Мери. На послѣдній вопросъ Дженни не могла отвѣчать утвердительно. Въ свою очередь она освѣдомилась о Джонѣ Еанѣ, но никто не могъ ничего сказать о немъ, да имъ мало и интересовались у Логги.

— Онъ не изъ нашихъ, замѣтилъ старикъ Логги; онъ воображаетъ, что слишкомъ уменъ для насъ. Но для Дженни самая свобода утратила безъ него половину своей прелести, и она блуждала по улицамъ, отыскивая его повсюду. Домъ, въ которомъ ее арестовали, подвергся обыску, но Еана въ немъ уже не было. Отъ знакомыхъ, которыхъ она встрѣчала на улицѣ, она слышала мало хорошаго; по ихъ отзывамъ должно было полагать, что Еанъ опять связался съ этими Фрезеръ, но крайней мѣрѣ его постоянно видали съ ними вмѣстѣ; впрочемъ, быть можетъ, онъ искалъ только развлеченія, въ ожиданіи пока Дженни высидитъ свой срокъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно было то, что онъ не покидалъ Гласгова.

Полунегодующая, полуопечаленная, эта женщина — ребенокъ возвратилась къ своимъ пріятелямъ Логги и провела у нихъ остатокъ вечера. Если Еанъ не разлюбилъ ее, думала она, онъ не запамятуетъ день ея освобожденія и придетъ ее провѣдать. Логги воспользовался этимъ вечеромъ, чтобы покончить съ ней денежные счеты и вручилъ ей сумму, приходившуюся на ея долю изъ денегъ, которыя она украла у туриста въ Солтъ-Маркетѣ.

Дженни была въ своемъ родѣ добродушная дѣвушка и легко поддавалась на ласку. Окруженная снова знакомыми лицами, она чувствовала себя почти дома. Ей замѣтили, что не мѣшало бы ей, на радостяхъ освобожденія, угостить всю честную компанію водкой.

Затѣялась попойка, а за тѣмъ начались хохотъ, бранныя слова и всякія безчинства. Все общество трунило надъ привязанностью Дженни къ Джону Еану и совѣтовало ей бросить его и сыскать себѣ кого нибудь почище. Дженни смѣялась, плакала и, выпивая стаканъ за стаканомъ, совсѣмъ обезумѣла и проугощала всѣ свои деньги на негодяевъ, которые называли себя ея друзьями; имя Джона Еана не сходило у нея между

Digitized by Google

тѣмъ съ языка и она все толковала о томъ, что не любитъ его нисколько и проживетъ безъ него какъ нельзя лучше.

И такъ существуетъ не одна Дженни Камеронъ и не одинъ Джонъ Еанъ, но около ста сорока тысячъ юныхъ преступниковъ, которые обучаются преступленію какъ ремеслу во всѣхъ городахъ Великобританіи.

ГЛАВА XIII.

Примиреніе съ Джономъ Еаномъ.

На слѣдующій день Дженни Камеронъ проснулась съ страшной головной болью и въ уныломъ расположеніи духа, причиною котораго была отчасти вчерашняя попойка, отчасти же измѣна Джона Еана.

— Попробовалъ бы какой мужчина со мною такую штуку удрать, сказала ей одна изъ старшихъ сестеръ Мери. Ужъ я бы отплатила ему, рано или поздно, а отплатила бы. Я бы нежданно-негаданно удружила ему и онъ бы посидѣлъ у меня годикъ, другой въ тюрьмѣ.

Мысль о мщеніи не приходила еще до сихъ поръ въ голову Дженни, но совѣтъ не пропалъ даромъ; онъ припомнился ей въ позднѣйшую, еще болѣе мрачную пору ея жизни; теперь же она еще не теряла надежды, что Джонъ Еанъ окажется не совсѣмъ виноватымъ; вѣдь то, что она слышала о немъ, было передано, его врагами людьми, къ которымъ у него, по собственнымъ его словамъ, никогда не лежало сердце. Весь этотъ день она провела, отыскивая его, и къ вечеру таки нашла въ Гай-Стритѣ. Оскорбленная и негодующая, она встрѣтила его цѣлымъ градомъ упрековъ за то, что онъ забылъ и думать о ней въ прошлый вечеръ и не пришелъ ее провѣдать на дому у Логги.

Еанъ сталъ завѣрять ее самыми страшными клятвами, что обчелся днемъ ея освобожденія, и Дженни, нѣсколько успокоенная такимъ энергическимъ протестомъ, удостоила выслушать его дальнѣйшія объясненія. Тѣмъ не менѣе отношенія его къ сестрамъ Фрезеръ, къ Аннѣ Фрезеръ въ особенности, остались

Digitized by Google

не вполнѣ объясненными, хотя онъ и повторилъ съ новою клятвою, что до Анны ему нѣтъ ни малѣйшаго дѣла.

Они зашли вмѣстѣ въ кабакъ и выпили по стакану водки, затѣмъ отправились въ особаго рода вокальный концертъ, дававшійся въ пользу одного вора, схватившаго тифъ и лишеннаго такимъ образомъ возможности промышлять. У преступной братьи есть свои любимцы, въ пользу которыхъ иногда затѣваются подобные бенефисы; собранныя деньги идутъ на то, чтобы не впускать волка въ овчарню, т. е. чтобы отвязаться на нѣсколько недѣль отъ сборщика квартирной платы. Эти вокальные концерты носятъ на себѣ отпечатокъ публики, посѣщающій ихъ: дверь запирается для постороннихъ посѣтителей; на сцену является водка, избирается предсѣдатель, начинается буйная оргія и раздается дружнымъ гуломъ какая-нибудь скандальная пѣсня. На этомъ-то концертѣ произошло окончательное примиреніе между Дженни Камеронъ и Джономъ Еаномъ; они обмѣнялись клятвами въ вѣчной вѣрности и принялись строить различные планы для будущаго.

Рѣшено было, что Дженни немедленно оставитъ квартиру Логги и что они попытаются снять коморку. У Дженни было довольно денегъ, чтобы внести квартирную плату за двѣ недѣли впередъ, а этого, на первый разъ, было довольно.

И такъ, они наняли крошечную комнату на верху пятиэтажнаго дома въ Ольдъ-Уиндѣ, въ такомъ мѣстѣ, которое и до сихъ поръ пользуется особеннымъ расположеніемъ воровъ. Въ этой-то комнатѣ они стали жить какъ могли, въ ожиданіи «счастливаго случая,» который все еще не представлялся. Всѣмъ, казалось, везло счастіе, только имъ однимъ ни въ чемъ не было удачи.

Прежде нежели Дженни Камеронъ побывала въ Гласговской тюрьмѣ, она и не подозрѣвала, что дѣлаетъ дурно; теперь ей изрѣдка вспоминались слова тюремнаго священника, но не вызывали въ ней ни малѣйшаго раскаянья. Вѣдь священникъ за то и деньги получалъ, думала она, чтобы всѣмъ читать нравоученія.

Не весело жилось Дженни Камеронъ на ея новой квартирѣ. Вѣчный страхъ попасться подъ судъ, почти постоянное безденежье, вотъ изъ чего слагается жизнь воровъ по ремеслу. Лег-

Digitized by Google

ко добытыя деньги такъ же легко проживаются, какъ и наживаются, а въ промежуткѣ между двумя получками приходится просить милостыню, чтобы не умереть съ голоду.

— Я не запомню ни одного свѣтлаго дня во всей своей жизни, признавалась Дженни Камеронъ много лѣтъ спустя.

Правда между ворами встрѣчаются и такіе, которые копятъ деньги, кладутъ ихъ въ банкъ и запасаютъ себѣ копѣйку на черный день, но они составляютъ исключеніе изъ общаго правила.

Дженни Камеронъ нашла себя вынужденой пускать постояльцевъ въ свою комнату, комнату, имѣвшую не болѣе восьми футовъ длины и пяти ширины; постояльцы эти были такія же дѣти, какъ и она сама, одинаковаго съ ней закала. Вскорѣ этотъ притонъ сдѣлался хорошо извѣстенъ полиціи; она заглядывала въ него каждый разъ, какъ производила розыскъ по какой нибудь мошеннической продѣлкѣ, приписываемой малолѣтку.

Камеронъ болѣе уже не ходила на бумагопрядильную фабрику. При большомъ спросѣ на рабочія руки, не слишкомъ строго справляются о нравственности работника; но про Дженни Камеронъ ходила уше слишкомъ худая молва.

— Меня ославили за величайшую негодницу въ цѣломъ Глазговѣ, говаривала она, прежде чѣмъ я заслужила это, тогда какъ было много и другихъ гораздо хуже меня.

Дженни Камеронъ было уже около четырнадцати лѣтъ, когда она вторично была призвана въ качествѣ подсудимой въ Гласговскій полицейскій судъ. Счастье везло имъ съ Еаномъ по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи: они ускользали отъ рукъ полиціи. Еанъ не иначе запускалъ руки въ чужіе карманы, какъ разсчитывая на вѣрный успѣхъ. Товарищи говаривали о немъ, что онъ черезъ чуръ уже остороженъ и черезъ это упускаетъ не одну поживу. Еанъ зналъ, что если онъ еще разъ попадется въ руки правосудія, то не миновать ему приговора на долгій срокъ. Дженни Камеронъ, съ своей стороны, помнила свое пребываніе въ Гласговской тюрьмѣ и держалась на сторожѣ. Благодаря этой осторожности, карманы ихъ оставались пусты, и они съ трудомъ перебивались. Доходы ихъ за послѣднее время были очень незначительны и едва-едва

Digitized by Google

спасали ихъ отъ крайнихъ лишеній. Обстоятельство это дѣлало Джона Еана угрюмымъ и недовольнымъ. Въ счастьи юноша этотъ былъ довольно добрый малый; въ бѣдѣ—сущій демонъ; но всегда и вездѣ мертвящее себялюбіе и неблагодарность были отличительными чертами его характера.

— Я часто сама дивилась, за что это я только его люблю, разсказывала Дженни; онъ меня не въ грошъ не ставилъ и сплошъ да рядомъ таскался съ другими дѣвками. Я одна только и любила Джона Еана.

Невѣрность Джона часто служила поводомъ къ ссорамъ, оканчивавшимся дракою; Джонъ Еанъ подъ сердитую руку любилъ давать волю кулакамъ и безцеремонно ставилъ фонари подъ глазами Дженни.

Дженни Камеронъ переносила побои и оставалась по прежнему вѣрна ему; она исполняла всѣ его приказанія, крала для него, рыскала ночью по улицамъ, отыскивая ратозѣевъ, въ карманы которыхъ можно было бы запустить руку; словомъ, дѣлала все чтобы угодить ему.

Въ этотъ годъ ее постигло несчастье, виновникомъ котораго былъ Еанъ: онъ то и дѣло попрекалъ ее, что она ничего не дѣлаетъ для покрытія общихъ расходовъ и всю работу сваливаетъ на него; онъ грозился оставить ее, если она будетъ продолжать лѣниться. Джонъ былъ даже злѣе обыкновеннаго, потому что у нихъ не было топлива, въ шкапу было пусто и деньги всѣ вышли. Выгнанная на улицу раздобыться во что-бы-то ни стало деньгами, она сдѣлала попытку карманной кражи, но ее поймали на мѣстѣ преступленія и отправили въ полицію.

То была ея вторичная поимка и полицейскій судья приговорилъ ее къ восьми-дневному тюремному заключенію съ тяжелою работою. Мери-Логги, съ которою она была по прежнему дружна, присутствовала въ судѣ при ея допросѣ; но Джона Еана на этотъ разъ не было. Когда былъ произнесенъ приговоръ, Мери печально взглянула на свою подругу; она помнила свое собственное восьми-дневное заключеніе и сочувствовала Дженни. Между этими дѣвушками существовала истинная дружба; подобнаго рода привязанность вовсе не рѣдкость между Записными воровками.

Digitized by Google

ГЛАВА XII.

Предательство.

Когда Дженни Камеронъ вторично вошла въ Гласговскую тюрьму, ее помѣстили въ отдѣльную келью. Въ первый день заключенія ей былъ пріятенъ переходъ отъ суеты и шума уиндскаго вертепа къ одиночеству. Чистая коморка такъ рѣзко отличалась отъ душной и тѣсной комнаты, служившей ей передъ тѣмъ жилищемъ. Оставивъ Джона Еана въ гнѣвѣ, она съ болѣзненнымъ наслажденіемъ думала, какъ онъ будетъ теперь раскаяваться въ своемъ обращеніи съ нею и тосковать въ разлукѣ. Но на слѣдующій-же день ея мысли приняли другой оборотъ; сознаніе, что она далеко отъ него и отлучена отъ всего свѣта на цѣлыхъ восемь дней, не давало ей покоя. «Что-то онъ будетъ дѣлать, съ кѣмъ-то онъ будетъ коротать время этой долгой разлуки? Онъ безъ сомнѣнія найдетъ кѣмъ замѣнить ее, свяжется съ одной изъ этихъ Фрезеръ и забудетъ ее; а тогда что станется съ нею?»

Келейная система оказала свое дѣйствіе на Дженни Камеронъ. Она имѣла полный досугъ предаваться своимъ мыслямъ за щипаніемъ пеньки; одно время ее заставляли исполнять еще болѣе тяжелыя работы, но ее внезапно отставили отъ нихъ, послѣ того какъ докторъ предложилъ ей нѣсколько вопросовъ, открывшихъ передъ ней новый, ослѣпляющій свѣтъ; она уже и прежде начинала кое-о-чемъ догадываться, но докторъ превратилъ эти догадки въ положительную увѣренность. Черезъ шесть мѣсяцевъ ей предстояло сдѣлаться матерью.

Она не знала смѣяться ей или плакать; докторъ пробормоталъ про себя: «бѣдное дитя, бѣдное дитя», какъ-будто тутъ въ самомъ дѣлѣ было надъ чѣмъ плакать; потомъ онъ вышелъ, и она осталась одна съ своей глубокой думой.

Высидѣвъ свои 60 дней заключенія Дженни оставила гласговскую тюрьму, обѣщаясь исправиться на будущее время, но не долго устояла она въ этихъ добрыхъ намѣреніяхъ. На улицѣ ея дожидалась Мери Логги и поспѣшила извѣстить ее обо всемъ случившимся въ ея отсутствіе. Дженни Камеронъ была рада видѣть Мери; она пожимала ей руки, цѣловала ее и даже поплакала немного при этомъ свиданіи.

Digitized by Google

— Какъ ты поблѣднѣла, Дженни, замѣтила Мери, ты вѣрно была больна?

— Нѣтъ, ничего.

— А я вотъ все тебя здѣсь поджидала.

— Ну, спасибо тебѣ.

Дженни Камеронъ при выходѣ изъ тюрьмы получила адресъ одной почтенной женщины, начальницы пріюта для освобожденныхъ арестантокъ. Но встрѣча съ Мери уже успѣла смутить ее; она была тронута очевиднымъ участіемъ къ ней Мери. Запрятавъ адресъ поглубже къ себѣ въ карманъ, она освѣдомилась про Джока.

— Не стоитъ твой Джокъ и твоего стараго башмака, отвѣчала Мери.

— Я и сама думаю разъ навсегда съ нимъ развязаться, сказала Дженни; но, скажи, что онъ такое опять надѣлалъ?

Мери поспѣшила выгрузить весь запасъ новостей. Оказалось, что Джокъ Еанъ промышлялъ по прежнему, но ему не везло и полиція давно уже подъ него подкапывалась. Онъ оставилъ свою старую квартиру и поселился вмѣстѣ съ сестрами и братьями Фрезеръ, жившими тутъ же по сосѣдству; потомъ онъ съ Анною Фрезеръ снялъ комнату, или вѣрнѣе вошелъ въ долю съ другой парою, заводившеюся тоже своимъ домкомъ. И такъ, Дженни Камеронъ была совершенно покинута.

— Я всегда говорила тебѣ, чтобы ты не связывалась съ этимъ подлецомъ, воскликнула Мери Логги.

Это извѣстіе вызвало у Дженни Камеронъ взрывъ негодованія; хотя она и рѣшилась порвать всѣ сношенія съ Джокомъ Еаномъ, тѣмъ не менѣе обидно было видѣть, что онъ предупредилъ ее прежде чѣмъ она успѣха извѣстить его о своемъ намѣреніи. Во что бы то ни стало, она рѣшилась отплатить ему той же монетой.

Обѣ дѣвушки вошли въ кабакъ и выпили по чарочкѣ на радостяхъ свиданія. Дженни наслѣдовала отъ матери страсть къ водкѣ и, въ тревожномъ состояніи духа, постоянно искала въ ней утѣшенія.

Пока онѣ пили, къ нимъ подошелъ Логги отецъ, поздоровался съ Дженни и поздравилъ ее съ выходомъ изъ тюрьмы; эта новая встрѣча растрогала ее и заставила еще разъ всплак-

Digitized by Google

нуть. Затѣмъ она еще выпила водки, и, зарыдавъ, разсказала имъ, какъ она рѣшилась было исправиться и вступить въ пріютъ арестантокъ; по этому поводу было много смѣха между ея собутыльниками; немного спустя Дженни стала вторить ихъ смѣху и говорила, что все это было такъ только, шутка.

Логги пригласилъ Дженни къ себѣ на квартиру и она рѣшилась остаться у него на тѣхъ же разорительныхъ для нея условіяхъ, какъ и прежде, пока не найдетъ случая устроиться какъ нибудь иначе.

Но настали и для Логги черные дни; Дженни не пробыла у нихъ и трехъ мѣсяцевъ, какъ все ихъ семейство принуждено было разбрестись въ разныя стороны, сыщики перехитрили таки Логги съ женою, и супруги отправились въ Глазговскую тюрьму.

Въ эти три мѣсяца Дженни снова принялись за воровство. Умудренная опытомъ, она была чрезвычайно осторожна въ этомъ дѣлѣ и скорѣе, чѣмъ отважиться на какую нибудь смѣлую продѣлку, предпочитала голодать. Она болѣе чѣмъ когда нибудь боялась попасть въ тюрьму; но стращало ее не самое наказаніе, а одиночество.

Мери Логги, она и еще третья дѣвушка, по имени Кларксонъ, сняли коморку въ Новомъ Веннелѣ и стали промышлять всѣми безчестными способами поживы, какіе только имъ представлялись.

Между тѣмъ до Дженни часто доходили вѣсти про Джона Еана; порой она встрѣчалась съ нимъ на улицахъ, но хранила въ отношеніи его упорное молчаніе. Передъ нею былъ отецъ ея новорожденнаго ребенка, но она не могла забыть, что онъ нанесъ ей обиду. Онъ будто на смѣхъ прогуливался передъ нею съ своей новой дѣвкой, «и эта дѣвка подсмѣивалась надъ Дженни, и дивилась»: изъ за чего это она только ломается, какъ будто она могла ожидать чего иного. О любви Дженни Камеронъ не было и помину, но ревность пережила любовь.

Она не пробыла и мѣсяца въ Новомъ Веннелѣ, какъ Еанъ, вѣрный своей привычкѣ мѣнять то и дѣло квартиру, тоже переселился туда съ своей любовницей. Обстоятельство это привело обѣихъ женщинъ въ безпрестанное соприкосновеніе и дало поводъ къ безпрерывнымъ ссорамъ между ними.

Digitized by Google

Между тѣмъ въ Веннелѣ случился грабежъ, жертва котораго, вырвавшись, отправилась въ полицію и дала показанія до того обстоятельныя, что подозрѣніе пало прямо на Еана. Джонъ скрылся прежде, чѣмъ его призвали къ допросу и сдѣлался предметомъ тщательныхъ розысковъ.

Соперница Дженни, Анна Фрезеръ, не была замѣшана въ это дѣло; ея даже вовсе не было въ Веннелѣ во время совершенія грабежа. Чтобы отвести глаза полиціи относительно мѣстопребыванія Джока, она осталась на прежней квартирѣ и на всѣ распросы о немъ отговаривалась совершеннымъ незнаніемъ.

Эта женщина и Дженни часто встрѣчались на общей лѣстницѣ; отсутствіе Еана не примирило ихъ, и между ними продолжались прежнія ссоры при каждой встрѣчѣ.

Съ исчезновеніемъ Джока, Дженни представился новый поводъ уколоть свою соперницу.

— Ты больше не увидишь Еана, Анна; онъ и тебя такъ же броситъ, какъ и меня.

— Ну, нѣтъ, онъ слишкомъ меня любитъ.

— Онъ при первомъ же случаѣ навострить лыжи изъ Глазгова, а тамъ, поди-ка, вороти его.

— Стану я хлопотать, чтобы воротить его.

— Можетъ статься, ты знаешь, гдѣ онъ теперь?

— А еслибъ и знала, такъ неужели я сказала бы тебѣ.

— Полно тебѣ врать-то! Джони Еанъ не такъ простъ, чтобы довѣриться подобной бабѣ.

— Ну, нѣтъ, мнѣ-то онъ довѣрится.

Самоувѣренный тонъ Анны Фрезеръ еще больше раздражилъ Дженни, и между ними завязалась перебранка, которую Анна Фрезеръ круто прервала, хлопнувъ соперницѣ прямо подъ носъ дверью.

Въ слѣдующую субботу вечеромъ молодыя дѣвушки снова встрѣтились въ Солтъ-Маркетѣ. Субботній вечеръ въ Глазговѣ искони отдается пьянству, по преимуществу всѣми тѣми бѣдняками, которые чувствуютъ болѣзненное, быть можетъ, влеченіе къ водкѣ. Анна Фрезеръ и Дженни встрѣтились у прилавка кабака; Мери Логги сдѣлала легкую попытку примирить

Digitized by Google

ихъ. Быть можетъ, эта попытка и удалась бы, если бы Анна была въ особенно хвастливомъ расположеніи духа.

Она стала хвастаться своимъ необыкновеннымъ счастіемъ, говоря, что ей можно сидѣть сложа руки, потому что у нея есть пріятель, который ее прокормитъ, у пріятеля этого такая голова, что онъ нигдѣ не пропадетъ и проведетъ кого угодно. Потомъ она предложила выпить за его здоровье, если только у Дженни станетъ на это духу.

Дженни объявила, что у нея на все станетъ духу, и такъ было выпито за здоровье «ухорскаго Джока». Воспоминаніе этого имени растравило старую рану, и между обѣими женщинами завязалась снова ссора. Дженни задѣла Анну Фрезеръ, объявивъ, что она ровно ничего не знаетъ о Джокѣ Еанѣ, потому что не тотъ онъ человѣкъ, чтобы довѣриться подобной шлюхѣ. Анна Фрезеръ въ припадкѣ неудержимаго бѣшенства выболтала мѣстопребываніе своего «милаго дружка» и добавила, что Дженни, коли ей угодно, можетъ сама пойти и удостовѣриться въ истинѣ ея показанія. Ссора кончилась только благодаря вмѣшательству добрыхъ пріятелей, которые обступили обѣихъ соперницъ и развели ихъ въ разныя стороны.

Дженни Камеронъ, пьяная и раздраженная, добрела кое-какъ до своего чердака и присѣла на большой камень, служившій ей скамьею. Мери Логги не приходила еще домой и она очутилась одна, лицемъ къ лицу съ своими мыслями.—Въ этотъ вечеръ, разсказывала она сама впослѣдствіи, обида ея предстала передъ ней въ ужасающихъ размѣрахъ; умъ ея помутился и сердце билось тревожно. Жажда мщенія проснулась въ ней съ обновленною силою. Выпивъ на этотъ разъ менѣе, чѣмъ Анна Фрезеръ, она оставалась въ полной памяти и отлично запомнила адресъ Джока: она знала, что теперь въ ея власти отплатить ему за скверную шутку, которую онъ сыгралъ съ ней. Она уже давно дала себѣ слово отомстить ему при первомъ удобномъ случаѣ, а другаго такого удобнаго случая могло и не представиться. Въ нерѣшимости какъ ей поступить, она спустилась по темной лѣстницѣ и пошла бродить по улицамъ. Тутъ ей встрѣтился одинъ знакомый сыщикъ и остановился поболтать съ нею.

Сыщики соблюдаютъ неизмѣнную привѣтливость въ отно-

Digitized by Google

шеніи уличныхъ бродягъ; отъ этихъ бродягъ можно многое узнать, и потому вѣжливость съ ними соблюдается не безъ задней мысли,

— Здравствуй, Дженни.

— Здравствуй, Робертъ.

— Какъ живешь—можешь?

— Ничего, понемногу.

— Гдѣ твой Джокъ? Куда ты его припрятала?—Вопросъ этотъ былъ предложенъ въ шутку, потому что сыщикъ былъ почти увѣренъ, что Дженни Камеронъ не посвящена въ эту тайну.

Дженни обидѣлась этимъ вопросомъ.

— А ты думаешь, я не съумѣю тебѣ сказать, гдѣ онъ скрывается?

— Конечно не съумѣешь.

Сыщика поразило что-то двусмысленное въ отвѣтѣ Дженни, онъ постарался вывѣдать отъ нея правду. Не выпей она въ тотъ вечеръ водки, ему бы ничего не удалось отъ нея узнать; но хмѣль поддерживалъ въ ней жажду мщенія, а сыщикъ умѣлъ затронуть въ ней самыя чувствительныя струны. Она еще находилась въ нерѣшимости, какъ ей поступить, но онъ разсказалъ ей, какъ Джокъ Еанъ подсмѣивался надъ нею во время ея заключенія и даже до этого времени поддерживалъ тайныя отношенія съ Анною Фрезеръ.

Дженни не утерпѣла и открыла ему то, что узнала отъ Анны Фрезеръ о мѣстѣ пребыванія Еана, она подробно указала улицу и домъ, и сыщикъ немедленно бросился по указанному слѣду.

«Проговорившись ему, разсказывала Дженни, я прислонилась къ углу одного дома и горько заплакала.» Она кинулась въ догонку за сыщикомъ, чтобы упросить его не трогать Джока. Потомъ она побѣжала въ тотъ кварталъ, гдѣ скрывался Джокъ, и притаилась, выжидая случая пробраться къ нему на квартиру и предупредить его объ угрожающей опасности. Но тайное предчувствіе говорило ей, что полиція уже нагрянула и что теперь бѣдѣ уже не миновать. Она осталась около его дома дожидаться развязки.

Вскорѣ послышались шаги спускавшихся по лѣстницѣ;

Digitized by Google

изъ темной берлоги вышли сыщикъ, констебль и Еанъ, и направились по дорогѣ къ полицейскому бюро. Не имѣя духу слѣдовать за ними, она воротилась домой оплакивать свой проступокъ.

Дженни чувствовала въ эту минуту, что въ ней нѣтъ болѣе ненависти къ Джону Еану; она охотно согласилась бы умереть, чтобы возвратить ему свободу.

«Не потому чтобы я любила его по прежнему, а потому что ужъ очень нехорошо я поступила съ нимъ». Когда Мери Логги возвратилась домой, она застала свою подругу въ большомъ горѣ. Дженни упорно отказывалась ей сказать въ чемъ дѣло, но въ свое время истина вышла наружу, и Мери нашла, что Еану досталось по дѣломъ.

Но Дженни не раздѣляла ея мнѣнія. Суевѣрная подобно большинству необразованныхъ людей, она всѣ свои послѣдующія несчастія принимала какъ кару божію за свой предательскій поступокъ въ отношеніи Джока.

Съ этой минуты мы должны распроститься съ юнымъ преступникомъ. Дженни Камеронъ присутствовала при его процессѣ; онъ былъ осужденъ на семилѣтнюю ссылку. О томъ, что сталось съ нимъ по истеченіи срока наказанія, до меня не дошло никакихъ извѣстій.

ГЛАВА XIII

РОЖДЕНІЕ РЕБЕНКА.

Дженни Камеронъ никогда не могла простить себѣ своего предательства. Воры рѣдко выдаютъ другъ друга; у нихъ есть свои понятія о справедливости, свои законы чести, въ нарушеніи которыхъ горько раскаявалась Дженни.

Время родовъ быстро приближалось для Дженни Камеронъ, а счастье по прежнему отказывало ей въ успѣхѣ воровскаго промысла. Въ послѣдній мѣсяцъ беременности у нея почти не хватало силъ выходить на улицу, тогда какъ одною улицею поддерживалось ея существованіе, дома же грозила ей голодная смерть. Дженни снова стала съ ужасомъ думать о возможной смерти, но самый процессъ мышленія при ея обстановкѣ

Digitized by Google

былъ нестерпимою мукою, и ей начинало казаться, что лучше всего умереть разомъ, не думая о смерти.

Къ чести Мери Логги надо сказать, что она не покидала Дженни Камеронъ въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, хотя, что до нея касалось, ей гораздо было бы выгоднѣе переселиться къ сестрамъ, которымъ везло за послѣднее время. Когда Дженни была не въ состояніи выходить изъ дому, она крала, просила милостыню и брала взаймы для двоихъ; она стирала, стряпала, бѣгала по дѣламъ, наконецъ пріискала старуху, которая взялась замѣнить повивальную бабку, когда для Дженни настанетъ рѣшительная минута.

Но прежде чѣмъ рѣшительная минута настала, сборщикъ квартирной платы отказался держать ихъ въ Веннелѣ, и обѣ молодыя дѣвушки принуждены были искать себѣ другое убѣжище. Одна нищенка-ирландка согласилась пустить ихъ къ себѣ въ домъ въ ожиданіи будущихъ благъ. Нищенка эта занимала даровую квартиру въ полуразвалившемся домѣ, отъ котораго владѣлецъ отступился, чтобы не расходоваться на его починку. Дома подобнаго рода были вовсе не рѣдкость въ Глазговѣ лѣтъ десять или пятнадцать тому назадъ. Бѣднѣйшіе классы населенія, обрадованные возможностью не платить денегъ за квартиру, располагались въ нихъ на жительство, пока не приходило распоряженіе сломать домъ или смерть не упразднила мѣсто одного изъ жильцовъ. Въ послѣднемъ случаѣ слухъ объ открывающейся ваканціи быстро разносился по сосѣдству, и толпа новыхъ жильцовъ тѣснилась на дворѣ и на лѣстницѣ, въ ожиданіи пока настоящій жилецъ испуститъ духъ; нерѣдко умирающаго уговаривали за деньги уступить свое мѣсто еще при жизни. Въ этомъ-то убѣжищѣ, окруженная ирландцами, изъ которыхъ преимущественно состояло населеніе этихъ даровыхъ квартиръ,—несчастная дѣвушка ожидала рожденія своего ребенка. Мысль объ этомъ ребенкѣ мало заботила ее въ ту пору; она слишкомъ боялась за себя, со всею страстною привязанностью молодости она дорожила жизнію, которая, между тѣмъ, ничего не сулила ей кромѣ страданій и позора.

Нищенка была большимъ утѣшеніемъ для нея въ эту пору ея жизни; она поддерживала въ ней бодрость духа, не при-

Digitized by Google

давая особенной важности ожидаемому событію;—большинство ирландцевъ, безъ различія званія, отличаются добродушіемъ. Мери Логги, между тѣмъ, ходила туда-сюда, чтобы достать денегъ и хлѣба; иногда это ей удавалось, иногда же она возвращалась съ пустыми руками.

— Что-то будетъ съ нами? проговорила Дженни однажды ночью. Напрасно я не пошла въ рабочій домъ.

— Ну нѣтъ, ужъ лучше все перенесть, чѣмъ идти въ рабочій домъ, отвѣчала Мери, которой это учрежденіе было ненавистно, какъ и большей части воровъ.

Нищенка была того мнѣнія, что всего лучше для Дженни украсть что нибудь, чтобы ее отправили въ тюрьму. Мери была того-же мнѣнія; но, какъ ни соблазнительна тюремная жизнь для бездомныхъ бѣдняковъ, Дженни охотнѣе согласилась бы умереть голодною смертью, чѣмъ хладнокровно совершить преступленіе съ нарочною цѣлью попасть въ тюрьму. Такъ перебивалась она, какъ настала роковая минута, и у нея родился ребенокъ. Ей казалось, что насталъ ея послѣдній часъ, и у нея вырвалось горькое сожалѣніе о прошлой жизни. Но повивальная бабка и нищенка стали увѣрять ее, что все идетъ отлично и что недѣли черезъ двѣ она встанетъ на ноги. «Въ ту ночь мнѣ было не до ребенка, разсказывала она, за то на другой день я страшно полюбила его».

Въ ней заговорило материнское чувство къ ребенку, рожденному при такой мрачной обстановкѣ; безпомощная и печальная, она привязалась къ нему, какъ къ единственной надеждѣ, озарявшей ея жизнь.

Страшныхъ усилій стоило ей бороться съ нуждою на этой безплатной квартирѣ; нужда эта была такъ велика, что даже ее, видавшую на своемъ вѣку не одинъ черный день, приводила въ содроганіе. Однажды ей пришлось цѣлыхъ двадцать четыре часа пробыть безъ пищи, и она начала опасаться, что ей съ ребенкомъ придется умереть съ голоду въ этомъ большомъ и многолюдномъ городѣ.

Но ирландцы, скучившіеся въ этомъ жалкомъ убѣжищѣ, знали о ея положеніи и помогали ей кто чѣмъ могъ. Населеніе это состояло преимущественно изъ нищихъ съ небольшою

Digitized by Google

примѣсью воровъ: сочувствіе женской половины его было живо затронуто бѣдственнымъ положеніемъ молодой дѣвушки.

Онѣ провѣдывали ее въ комнатѣ, гдѣ она валялась съ своимъ ребенкомъ на кучѣ стружекъ, болтали съ нею, старались ободрить ее надеждою скораго выздоровленія; кто приносилъ ей немного рыбы, урѣзанной отъ собственнаго скуднаго обѣда, кто—чашку молока. Нищенки щедро удѣляли ей отъ сухихъ корокъ, собранныхъ въ теченіе долгаго деннаго обхода. Тѣмъ не менѣе Дженни туго поправлялась; прошло двѣ недѣли, а она едва еще могла высидѣть нѣсколько часовъ въ теченіи дня на своей постели. Ея сосѣдки ирландки дивились, что она такъ долго нѣжится; съ нихъ двухъ недѣль было за глаза достаточно, чтобы оправиться и приняться за работу. Самый ребенокъ былъ очень слабъ и безпокоенъ; онъ отчаянно держался за только-что данную ему жизнь, но борьба была трудная, а силы у него было мало.

Дженни привязалась къ нему безумною любовью; то была ея первая привязанность въ жизни, если не принимать въ соображеніе ея чувство къ бродягѣ Еану; страхъ потерять ребенка доводилъ ее до отчаянія.

Мери Логги, исполнявшая около нея должность сидѣлки и помогавшая ей въ тоже время ходить за ребенкомъ, была очень внимательна къ ней, но мало входила въ ея чувства; она никакъ не могла понять, съ чего это Дженни такъ хочется, чтобы ребенокъ ея жилъ.

— Боюсь, что тебѣ съ нимъ будетъ много хлопотъ, говаривала она; что ты подѣлаешь съ этою обузою, когда поправишься?

— А что дѣлаютъ другія?

— Другія тебѣ не примѣръ; онѣ не такъ молоды, не такъ бѣдны, не такъ безпомощны, какъ ты.

— Это-то правда.

— И я такъ думаю, что, право, бѣда не велика, если онъ и умретъ; оно даже будетъ къ лучшему.

— Ахъ, не говори такъ, Мери!

Мери, быть, можетъ, была и права, но отъ этой безпощадной философіи вѣяло на Дженни холодомъ, и она упорно отвергала ее. Какое ей было дѣло до будущаго? Она не думала

Digitized by Google

о томъ, что станется съ ея ребенкомъ и чѣмъ она его прокормитъ; она знать ничего не хотѣла, кромѣ своей любви къ нему; прижимая къ себѣ это маленькое существо, она чувствовала, что не такъ одинока въ жизни, какъ прежде.

Отъ словъ Мери кровь стыла у нея въ жилахъ, но привязанность ея становилась еще сильнѣе. Нищенка была одного мнѣнія съ Мери, и Дженни горько плакала, видя что всѣ противъ нея и никто не хочетъ оказать ласки ея малюткѣ.

Прошло три недѣли, а Дженни все еще не поправлялась; по прошествіи мѣсяца она едва еще держалась на ногахъ. Однажды она съ ребенкомъ на рукахъ попробовала сойти въ тѣсный дворъ и подышать свѣжимъ воздухомъ, т. е. тѣми скудными струями свѣжаго воздуха, которыя проходили между пятиэтажными домами, тѣснившимися на разстояніи пяти футовъ другъ отъ друга; неимовѣрныхъ усилій стоило ей снова взобраться по лѣстницѣ на свой чердакъ.

Но волей-неволей она должна была снова приняться за работу. Она была кругомъ въ долгу, и становилась въ тягость тѣмъ добрымъ людямъ, которые сжалились надъ ней. Однажды, когда она уже начинала считать себя здоровою, Мери пропадала цѣлый день, и вечеромъ не воротилась домой. Она обыкновенно приходила рано, и часамъ къ тремъ утра отсутствіе ея начало тревожить Дженни.

— Я пойду справиться о ней въ полицію, сказала она наконецъ.

Старая нищенка крикнула на нее, чтобы она знала себѣ оставалась дома, и снова заснула, бормоча о томъ, что съ Мери никакой бѣды не случилось. Но Дженни не спалось; какое-то предчувствіе говорило ей, что подруга ея промахнулась; она встала, взяла на руки своего ребенка и, прикрывъ его платкомъ, босая отправилась въ полицейское бюро, дорога къ которому была ей слишкомъ хорошо извѣстна.

Въ бюро, не смотря на ночное время, шла дѣятельная работа, перья писцовъ неумолкаемо скрипѣли на бумагѣ.

— Позвольте узнать, сэръ, не здѣсь ли Мери Логги?

— Кто такая?

— Мери Логги.

Дежурный клеркъ, обязанностью котораго было отвѣчать

Digitized by Google

на подобнаго рода вопросы, медленно перевернулъ листъ въ своей книгѣ и отвѣчалъ: «Да».

— Въ чемъ она обвиняется, сэръ?

— Въ карманной кражѣ.

Дженъ Камеронъ тихо вышла на улицу, крѣпко прижимая къ груди своего ребенка. Мери по всѣмъ вѣроятіямъ ожидалъ на этотъ разъ строгій приговоръ, и Дженни теряла послѣдняго своего друга.

ГЛАВА XIV.

Нищенство.

Мери Логги была осуждена на 12-ти мѣсячное тюремное заключеніе. Лишенная ея помощи и не имѣя еще силъ подкарауливать жертвы для своихъ ночныхъ подвиговъ, Дженни отложила на время всякую мысль о возвращеніи къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Между тѣмъ, чѣмъ нибудь да надо было жить, и она уже начинала съ меньшимъ ужасомъ подумывать о рабочемъ домѣ, когда нищенка стала ей расхваливать выгодность собственнаго своего ремесла.

— Какъ тебѣ съ твоимъ хилымъ ребенкомъ не зашибить копѣйку, говорила она ей; я бы на твоемъ мѣстѣ непремѣнно попытала счастья. Придай себѣ какъ можно болѣе жалобный видъ и отправляйся въ самые модные кварталы Глазгова. Такой ребенокъ, какъ твой, принесетъ добрую крону въ недѣлю, если только пустить его умѣючи въ оборотъ.

Дженни вышла на этотъ новый промыселъ, и пошла бродить на сколько позволяли ей силы. Она все еще была очень слаба и не могла слишкомъ далеко провожать прохожихъ, которые, наскучивъ ея неотвязчивостью, быть можетъ и дали бы ей что нибудь. Впрочемъ, жалкій видъ ея говорилъ въ ея пользу, и многіе были имъ тронуты.

— Какая молоденькая мать! былъ общій о ней отзывъ. Бѣдняжка! добавляли многіе. Дженни принесла домой цѣлый шиллингъ и шесть пенсовъ; одна сострадательная старушка дала ей кромѣ того пару башмаковъ.

Digitized by Google

— Вотъ какъ! ты ужь просишь милостыню, Дженни, замѣтилъ ей первый полисменъ, узнавшій ее на улицѣ.

— Развѣ просить милостыню не лучше, чѣмъ воровать?

— Нищенство запрещено, было отвѣтомъ.

Впрочемъ полисменъ не захотѣлъ ее тѣснить и посмотрѣлъ на эту перемѣну профессіи сквозь пальцы. Переходъ отъ воровства къ нищенству казался ему шагомъ впередъ на пути къ исправленію, и онъ предоставилъ Дженни возможность идти далѣе по этому пути.

Цѣлыхъ три недѣли занималась Дженни прошеніемъ милостыни, и начала скучать однообразіемъ этого занятія по мѣрѣ того, какъ возвращались ея силы; она стала раздражаться суровыми отказами, которые ей не разъ приходилось испытывать. Къ тому же ребенокъ ея, котораго она таскала съ собою во всякую погоду, схватилъ кашель; наконецъ ремесло нищей для воровки, привыкшей разомъ прибирать къ рукамъ большія суммы денегъ, было скучною, неблагодарною работой. Оно могло нравиться людямъ, освоившимся съ нимъ съ самаго дѣтства, людямъ, умѣвшимъ искусно обманывать; а этимъ-то искусствомъ и не обладала Дженни.

Между нищими существовалъ въ то время обычай собираться послѣ дневныхъ трудовъ въ одномъ домѣ, носившемъ названіе «голоднаго притона.» Въ этой отвратительной берлогѣ они сличали свои заработки, совѣщались между собою и заканчивали вечеръ картежною игрою и питьемъ водки, приправляя все это такими грязными выходками, которыя и между ворами были неслыханнымъ дѣломъ.

Дженни Камеронъ, какъ ни странно это покажется читателю, начинала стыдиться этой жизни и этихъ товарищей. Ихъ ловкость въ обманѣ, отвратительныя уловки, которыя они употребляли, чтобы уродовать себя на всевозможные лады, все это внушало ей непреодолимое отвращеніе; насмѣшки ея прежнихъ товарищей побуждали ее мало по малу отстать отъ новаго ремесла.

Дженни случилось раза два побывать въ «голодномъ притонѣ», но оргіи, происходившія тамъ, пришлись ей не по вкусу; когда же ей предложили *купить* у нея ребенка, то она окончательно рѣшилась все порвать съ почтеннымъ братствомъ.

Digitized by Google

Достоинство ея страдало отъ обращенія въ этомъ кругу и она находила, что унизилась, связавшись съ этимъ презрѣннымъ людомъ.

И такъ она распростилась съ нищенкой, давшей ей пріютъ, и поселилась въ одной коморкѣ съ новыми «товарками». Рѣшено было, что онѣ поведутъ дѣло сообща, принявъ за основное правило величайшую осмотрительность, чтобы впередъ не попадаться въ руки правосудія.

ГЛАВА XV.

Мать и дочь.

Жизнь Дженни Камеронъ снова вошла въ старую колею Возвратившіяся силы позволяли ей снова ходить на добычу каждый разъ, какъ ей удавалось укачать ребенка и оставить его соннаго дома.

Ребенокъ этотъ былъ странною помѣхою во всѣхъ ея преступныхъ начинаніяхъ; онъ связывалъ ее на каждомъ шагу, а между тѣмъ она еще болѣе привязывалась къ нему вслѣдствіе этого. Когда онъ бывалъ боленъ, — а онъ никогда не былъ здоровъ, — она оставалась дома хозяйничать въ ожиданіи своихъ товарокъ. Она баюкала его, распѣвала надъ нимъ, точь въ точь какъ распѣваютъ честныя, молодыя матери надъ своимъ обожаемымъ дѣтищемъ.

Много доставалось Дженни порою за ея «щенка»; подруги ея вообще не жаловали дѣтей и проклинали ребенка, когда онъ кричалъ по ночамъ.

Онѣ уговаривали Дженни оставлять его дома и ходить безъ него на уличный промыселъ; Дженни, которая не могла похвалиться твердостью характера, уступала имъ порой, и, бросивъ ребенка на постель изъ стружекъ, лохмотьевъ, или соломы, какъ случалось, уходила изъ дому до поздней ночи. Возвращаясь она заставала ребенка кричащимъ на весь домъ. Однажды, воротившись домой, она не нашла ребенка; въ ужасѣ она бросилась распросить о немъ у жильцевъ, занимавшихъ смѣжную комнату, и нашла его на рукахъ у одной со-

Digitized by Google

сѣдки; женщина эта, извѣстная въ цѣломъ Глазговѣ своимъ дурнымъ поведеніемъ, баюкала ребенка.

— Что ты дѣлаешь съ моимъ ребенкомъ? воскликнула Дженни, вырывая его изъ рукъ самозванной няньки.

— Онъ такъ кричалъ, что по всему дому было слышно, отвѣчала послѣдняя; сосѣдъ, что живетъ внизу, грозился перерѣзать ему горло, если онъ не утихнетъ. Да и сама я не могла слышать, какъ онъ, бѣдненькій, надрывался!

— Не слѣдъ тебѣ было трогать моего ребенка!

Дженни ревновала своего сына; въ страхѣ, чтобы онъ не привязался къ чужому человѣку, она и не подумала поблагодарить за оказанную ему ласку. Сосѣдки обмѣнялись нѣсколькими колкими словами, потомъ каждая съ шумомъ захлопнула дверь своей конуры, и Дженни сама принялась укачивать своего ребенка.

Съ той поры она стала всюду таскать его съ собою; ее постоянно преслѣдовалъ страхъ, что сосѣдка завладѣетъ его привязанностью; мысль, что другая станетъ няньчить ея дѣтище за ея спиною, была для нея невыносима. Подруга Дженни ворчала, когда она выносила ребенка на улицу; крикъ его обращалъ на нихъ вниманіе прохожихъ и портилъ все дѣло. Онѣ отъ души желали, чтобы онъ умеръ и чтобы всѣмъ этимъ глупостямъ, лишавшимъ ихъ полезной сообщницы, положенъ былъ такимъ образомъ конецъ.

И такъ недѣли двѣ шаталась Дженни по улицамъ во всякую погоду съ ребенкомъ на рукахъ; просила ли она милостыню, воровала ли, она была съ нимъ неразлучно; когда она, пьяная, нетвердыми шагами возвращалась домой, чувство матери заставляло ее инстинктивно прижимать его къ груди и не давало выронить его изъ рукъ.

Она безпрестанно ссорилась изъ за него съ своими подругами; одна бездушная дѣвка совѣтовала подкинуть его, другая, полушутя, полусерьезно говорила, что «отчего бы не бросить его съ моста въ Клейдъ, и концы въ воду.»

— Бѣднымъ людямъ не слѣдъ ростить дѣтей; такія нѣжности не про насъ писаны.

Однажды, вечеромъ, давно знакомый образъ остановилъ ее

Digitized by Google

за руку въ Солтъ-Маркетѣ и пристально уставился на нее глазами.

— Дженни!

— Матушка!

Женщина, покинувшая нѣкогда свою дочь, пожала ей руки и выказала свою радость при этой встрѣчѣ. Дженни, которая такъ долго жила одна одинешенька, съ своей стороны тоже обрадовалась матери.

— Такъ вотъ какъ! Ты воротилась на сторое гнѣздо?

— Да, я тебя всю ночь проискала. Пойдемъ къ тебѣ и потолкуемъ. Гдѣ ты живешь?

Дженни сказала ей свой адресъ.

— Ну, тамъ много лишнихъ ушей будетъ. Нынѣшнюю ночь мы проночуемъ въ другомъ домѣ. Это что у тебя подъ платкомъ?

— Мой сынъ.

— Вотъ оно что! И до этого ужъ дошла. Я всегда была увѣрена, что не сдобровать тебѣ. Небось трудно тебѣ съ нимъ?

— Ни мало.

— Гдѣ его отецъ?

— Въ тюрьмѣ на семь лѣтъ.

— Боже милостивый! Наварила же ты кашу, Дженни! Бѣдная дѣвка, жаль мнѣ тебя. Зайдемъ-ка по дорогѣ и выпьемъ водки.

Мать и дочь зашли въ кабакъ и, протолкавшись къ прилавку, разговорились о томъ, о семъ, запивая водкою свои рѣчи. «Матушка стала совсѣмъ другая, разсказывала Дженни впослѣдствіи. Она была со мною ласкова, а тамъ какъ бы то ни было, я все-таки ее немножко любила и очень была рада, что она отыскалась, даромъ что прежде не слыхала отъ нея ни одного добраго слова. Матери не везло въ жизни съ той самой поры, какъ она такъ неожиданно покинула Новый Веннель. Человѣкъ, съ которымъ она скрывалась и которому она оставалась вѣрна въ теченіе стольких лѣтъ, покинулъ ее, не сказавъ ей и слова на прощанье, и бѣжалъ въ Америку съ одной молоденькой дѣвушкой, годившейся ему въ дочери. Стоя у прилавка, она про-

Digitized by Google

клинала измѣнника, при чемъ ея энергическія тѣлодвиженія сдѣлали ее посмѣшищемъ кабацкой публики. Она проживала то въ Пертѣ, то въ Абердинѣ; наконецъ, въ надеждѣ, что дѣло, заставившее ее бѣжать изъ Глазгова, предано забвенію и врядъ ли будетъ снова поднято, она рискнула снова возвратиться на старое гнѣздо.»

Неодолимая сила привычки тянула ее назадъ въ Глазговъ. Здѣсь каждая улица, каждый закоулокъ были ей знакомы; здѣсь она чувствовала себя дома. Ей даже хотѣлось отыскать свою покинутую дочь; теперь думала она, эта дочь уже въ такихъ лѣтахъ, что можетъ быть ей подругой, и имъ вдвоемъ удастся, быть можетъ, начать какое нибудь дѣло.

Такъ, по крайней мѣрѣ, она разсказывала Дженни, и Дженни повѣрила ей и привязалась къ матери съ обычною своею податливостью на всякое впечатлѣніе.

Что касалось безчеловѣчія, съ которымъ она бросила Дженни ребенкомъ, то она объ этомъ дѣлѣ не распространялась. Какъ видно, ея возлюбленный не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобы взять дѣвочку съ собою; «ты знаешь, Дженни, онъ никогда тебя не любилъ,» добавила она, и Дженни удовольствовалась этимъ объясненіемъ.

Въ Глазговѣ, параллельно съ Новымъ Веннелемъ, лежитъ другой кварталъ, называющійся Старымъ Веннелемъ. Въ этомъ послѣднемъ мистрисъ Камеронъ поселилась вмѣстѣ съ дочерью. Къ нимъ присоединилось еще человѣка два изъ того многочисленнаго класса подозрительныхъ личностей, которыми кишатъ бѣдные кварталы каждаго города.

Мать и дочь, вмѣстѣ съ новыми своими товарищами, принялись за старое свое ремесло. Дженни оставляла теперь своего ребенка дома, на попеченіе матери, а сама отправлялась шататься по улицамъ, подкарауливая легкомысленныхъ людей, чтобы заманить ихъ въ свой притонъ, и тамъ ограбить.

— Это самое безопасное дѣло, замѣтила мистрисъ Камеронъ, гораздо безопаснѣе карманной кражи. Если бы ты принялась за него съ самаго начала, то не побывала бы два раза въ тюрьмѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА XVI.

СМЕРТЬ РЕБЕНКА.

Въ глубинѣ своего нравственнаго паденія Дженни Камеронъ не переставала страстно любить своего ребенка. Чтобы она не дѣлала, онъ не выходилъ у нея изъ головы; какъ пьяная, такъ и трезвая она надоѣдала имъ своимъ подругамъ, распрашивая тѣхъ изъ нихъ, которыя сами имѣли дѣтей, отчего это онъ такой хилый, и не поправляется.

Однажды вечеромъ, возвратившись неожиданно домой, она застала свою мать въ ту самую минуту, какъ она вливала ребенку въ ротъ какого-то снадобья, чтобы онъ спалъ. Съ ужаснымъ проклятіемъ она выбила у матери ложку изъ рукъ.

— Такъ вотъ отъ чего мой маленькій не поправляется, воскликнула она; ты отравляешь его!

— Я ему худа не дѣлаю, я хочу, чтобы онъ спалъ, пробормотала мать.

— Я не дамъ тебѣ усыплять его этими снадобьями, отвѣчала, Дженни и, вырвавъ ребенка у нея изъ рукъ, сѣла съ нимъ къ камину, объявивъ на отрѣзъ, что шагу не сдѣлаетъ изъ дому. Это послужило поводомъ къ первой ссорѣ между матерью и дочерью. Оставаясь дома, Дженни упускала добычу; быть можетъ, въ эту самую минуту какой-нибудь пьяный гуляка съ туго набитымъ карманомъ проходилъ Гай-Стритомъ, а мистрисъ Камеронъ была алчная женщина. Но Дженни и слышать не хотѣла о томъ, чтобы снова оставить ребенка на попеченіи своей матери. Дженни была по своему упряма и заставить ее отказаться отъ принятаго разъ рѣшенія было не легко.

Въ этотъ день она пробыла дома, потому что была затронута за живое; на слѣдующій она должна была остаться, потому что ребенокъ ея трудно занемогъ. То былъ не кашель, къ которому она уже успѣла привыкнуть, а какой-то небывалый недугъ, окончательно подкапывавшій его силы. Она хотѣла было отправить мать за докторомъ, но предложеніе это привело въ ужасъ мистрисъ Камеронъ, которая не вѣрила

Digitized by Google

докторамъ и вовсе не была расположена платить имъ деньги. Когда мать на отрѣзъ отказалась идти, Дженни схватила ребенка на руки и, прикрывъ его шалью, побѣжала за помощью.

Перваго доктора, къ которому она обратилась, не было дома; она отправилась къ другому, который, взглянувъ на ребенка, сказалъ ей, чтобы она скорѣе несла его домой, что его по настоящему совсѣмъ бы не слѣдовало выносить на холодный ночной воздухъ.

— Что у него такое?

— Скарлатина.

— О, боже мой! Но вѣдь онъ не умретъ, серъ?

— Ребенокъ плохъ. Гдѣ вы живете?

— Въ старомъ Веннелѣ.

— А! едва замѣтилъ докторъ.

— Вы придете посмотрѣть его?

— Хорошо, я приду.

На другой день докторъ сдержалъ свое обѣщаніе и пришелъ провѣдать ребенка. По поводу денегъ, которыя надо было заплатить ему, у Дженни была новая ссора съ матерью и съ обѣихъ сторонъ дошло до угрозы разойтись.

— Лучше бы было, если бы я не сходилась съ тобою, сказала мать.

— И то было бы лучше, отвѣчала дочь.

Между тѣмъ, ребенку становилось все хуже и докторъ не подавалъ надежды на его выздоровленіе. Дженни ходила за нимъ, плакала надъ нимъ; если бы она не забыла молитву Господню, которой ее учили въ тюрьмѣ, она стала бы читать ее въ надеждѣ хоть этимъ заговорить угрожающую бѣду.

— Мнѣ снова вспомнился Джокъ Еанъ, признавалась суевѣрная женщина, и я догадалась, что это мнѣ за него отплата. Тутъ ужъ я совсѣмъ перестала надѣяться, я поняла, что мой ребенокъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

Она такъ и сказала своей матери, и услышала отъ нея въ отвѣтъ:

— Тѣмъ лучше.

За это слово Дженни почти возненавидѣла свою мать.

Когда докторъ отказался отъ ребенка, Дженни отправилась къ другому въ надеждѣ услышать отъ него болѣе утѣшитель-

Digitized by Google

ное мнѣніе; но и онъ повторилъ тотъ же приговоръ. Тогда она возвратилась домой и сѣла ожидать развязку.

Развязка настала въ слѣдующую ночь. Дѣло было въ воскресенье, и у сосѣдей шла цѣлый день попойка; подъ звуки непристойныхъ пѣсенъ, подъ шумъ драки и ссоръ младенецъ отошелъ въ вѣчность.

— Мнѣ казалось, что самъ сатана справляетъ шабашъ въ домѣ, разсказывала Дженни. Я никогда не забуду эту ночь.

Когда ребенокъ испустилъ духъ, она убрала его собственными руками и залила свое горе водкой, предложенной ей матерью въ утѣшеніе.

ГЛАВА XVII.

Опять тюрьма.

Дженни долго, неутѣшно горевала о смерти своего сына. Эта упорная печаль приводила въ недоумѣніе ея сверстницъ, которыя, что до нихъ касалось, теряя ребенка, только радовались избавленію отъ лишнихъ хлопотъ. Были между ними и такія, которымъ было ни по чемъ забросить и даже убить свое дѣтище.

Дженни шаталась по улицамъ и пила горькую чашу. Она была какъ потерянная, и въ этомъ состояніи болтала много лишняго; вела себя съ безразсудною запальчивостью, и видимо стояла на прямой дорогѣ къ новому заключенію. Подруги отшатнулись отъ такой опасной сообщницы, мать бранила ее, грозилась на нее кулаками; но Дженни была уже болѣе не ребенокъ, и могла за себя постоять.

Мѣсяцъ спустя послѣ смерти ребенка, дѣло дошло между ними до драки и до окончательнаго разрыва.

— Я не дамъ тебѣ больше надо мною ломаться, воскликнула Дженни. Вѣдь я ужъ не прежняя дѣвочка, которую можно было морить съ голоду и заколачивать до полусмерти. Кто тебя просилъ меня отыскивать?

— А что бы ты была безъ меня, негодница?

Digitized by Google

— Убирайся ты изъ этого дома; я здѣсь хозяйка и не хочу, чтобы ты здѣсь долѣе оставалась.

— Небось, я и сама долго не останусь.

— Проваливай-ка скорѣе.

— Ну и живи себѣ своимъ умомъ, посмотримъ долго ли ты нагуляешься на волѣ.

Предсказаніе мистрисъ Камеронъ сбылось. Разставшись съ матерью, Дженни пытала счастья на всевозможные лады; она пѣшкомъ ходила въ Эдинбургъ, но ей тамъ не повезло, и она воротилась въ Глазговъ, гдѣ продолжала вести свой прежній образъ жизни, пока наконецъ, попавшись въ воровствѣ, не угодила въ тюрьму. На этотъ разъ ей предстояло высидѣть два года взаперти; выслушивая приговоръ этотъ передъ судомъ, она еще крѣпилась, но очутившись одна въ своей кельѣ, дала волю своему горю и въ отчаяніи ломала руки.

Тюремное начальство начинало смотрѣть на Дженни, какъ на неисправимый субъектъ. При заключеніи ее встрѣтили стереотипными выраженіями прискорбія видѣть ее снова въ этомъ мѣстѣ, но за тѣмъ ее оставили безъ вниманія, слѣдя только за тѣмъ, чтобы дверь ея кельи была на ключѣ и чтобы она исполняла заданные уроки.

Дженни могла слыть за примѣрную арестантку, и съ нею не было надзирателямъ никакихъ хлопотъ. Она была смирна, покорялась установленнымъ правиламъ, и заданная работа спорилась у нея подъ руками. При всемъ томъ она не лицемѣрила раскаяньемъ, и съ стоическимъ равнодушіемъ выслушивала наставленія священника и надзирательницъ. Она знала, что ихъ обязанность говорить наставленія, а ея—слушать ихъ, и за тѣмъ все между ними сказано.

Прошло уже семь или восемь мѣсяцевъ по заключеніи ея въ тюрьму, какъ вдругъ она къ величайшему своему удивленію получила письмо. Она уже умѣла читать и писать съ грѣхомъ пополамъ, но ея умѣнья еще не хватало, чтобы разобрать безграмотное посланіе; комнатная ея товарка, обладавшая большими познаніями, взялась прочитать ей письмо.

— Оно отъ твоей матери, объявила она ей.

— Отъ моей матери!

Digitized by Google

Письмо это, какъ и всѣ письма, приходящія, на имя арестантовъ, прошло черезъ цензуру тюремнаго начальства, и было подано ей въ дверной люкъ распечатаннымъ. Странное письмо это, цѣлое событіе въ жизни арестантки, привело Дженни въ недоумѣніе господствовавшимъ въ немъ религіознымъ тономъ; наконецъ она догадалась, что Мистрисъ Камеронъ писала такъ для начальства, черезъ руки котораго должно было пройти ея посланіе.

Въ началѣ письма выражалась надежда, «что любезная дочь» находится въ добромъ здоровьи и начинаетъ раскаяваться въ своей прошлой жизни. Сама пишущая была, слава Богу, здорова и очень скучала по дочери, хотя и не сомнѣвалась, что съ послѣдней обходятся въ тюрьмѣ, какъ нельзя лучше. Далѣе мистрисъ Камеронъ извѣщала Дженни, что она черезъ нѣсколько недѣль уѣзжаетъ въ Америку, куда зоветъ ее «добрый джентльменъ», предлагающій ей заняться *небольшимъ заведеніемъ*, которое онъ открылъ въ Нью-Іоркѣ. Она выражала желаніе еще разъ передъ отъѣздомъ увидѣться съ дочерью, и намекала Дженни, чтобы она попросила на это разрѣшеніе у начальства. А за тѣмъ она оставалась ея любящая мать *Дженъ Камеронъ*.

Когда подруга Дженни кончила читать это торжественное посланіе, Дженни расхохоталась.

— Да она никакъ рехнулась, воскликнула она.

Тѣмъ не менѣе Дженни была тронута желаніемъ матери проститься съ нею передъ отъѣздомъ. Ею овладѣло непонятное желаніе увидѣть ее и поблагодарить за это проявленіе участія. Позволеніе видѣться было дано, и Дженни въ первый разъ въ жизни *написала письмо* своей матери съ означеніемъ дня и часа, когда она могла придти.

Наша героиня была страшно взволнована ожидаемымъ посѣщеніемъ; она считала минуты, которыя до него оставались; наконецъ давно ожиданный день насталъ, и Дженни на почтительномъ разстояніи и при свидѣтеляхъ свидѣлась съ своей матерью. Дѣла мистрисъ Камеронъ видимо находились въ цвѣтущемъ состояніи за послѣднее время; она была такъ нарядно одѣта, что дочь не могла надивиться. Мать и дочь пере-

Digitized by Google

мигнулись и заговорили о жизни въ Нью-Іоркѣ, избѣгая всякаго напоминанія о прошломъ. Мистрисъ Камеронъ какъ-то загадочно говорила о задуманномъ предпріятіи; но по особенному выраженію въ ея глазахъ Дженни поняла, что предпріятіе это сродни старинной ея дѣятельности въ Веннелѣ.

— Я напишу тебѣ, когда окончательно устроюсь, сказала ей мать, и если тебѣ выпадетъ какой нибудь случай, то я дамъ тебѣ знать.

— Спасибо тебѣ, отвѣчала Дженни.

— Мы съ тѣмъ человѣкомъ, что знаешь, опять помирились. Онъ увидѣлъ, что безъ меня онъ какъ безъ рукъ, и заслалъ ко мнѣ добрыхъ людей звать меня къ нему.

Дженни пожелала узнать ея адресъ, но мистрисъ Камеронъ уклонилась отъ отвѣта на такой нескромный вопросъ, объявивъ, что пока и сама еще не знаетъ своего адреса.

По истеченіи срока, дозволеннаго для свиданія, мистрисъ Камеронъ объявили, что она должна удалиться.

— Ну прощай, моя милая. Передо мною лежитъ не близкій путь, и кто знаетъ, увижусь ли я когда съ тобою. Смотри же, Дженни, если ты останешься въ Глазговѣ, береги себя на будущее время.

Совокупность многихъ обстоятельствъ дѣлало это разставаніе тягостнымъ для Дженни; если бы мать ея была самою доброю, любящею матерью, она не могла бы проливать болѣе горькія слезы при прощаніи съ нею. Мистрисъ Камеронъ не знала, что и подумать объ этомъ неожиданномъ взрывѣ чувства. Она глядѣла на Дженни широко раскрытыми, испуганными глазами; она еще ни разу не видала ее такою.

— Право не знаю объ чемъ я тогда плакала, разсказывала Дженни впослѣдствіи, я и сама себѣ не могла надивиться.

Ночью, когда она раздумалась объ этомъ случаѣ и припомнила ошеломленное выраженіе лица Мистрисъ Камеронъ, она сѣла на своей постели и принялась хохотать такъ громко, что разбудила свою подругу. Какъ бы то ни было, она цѣлую недѣлю не могла оправиться отъ потрясенія, произведеннаго на нее этимъ свиданіемъ. Съ той поры она окончательно по-

Digitized by Google

теряла мать изъ виду; никакихъ писемъ изъ Нью-Іорка до нея не доходило, и она такъ и осталась въ неизвѣстности, умерла ли ея мать во время переѣзда или же покончила свое поприще въ Нью-Іоркской тюрьмѣ. Какъ бы то ни было, она радовалась, что разсталась съ нею безъ вражды.

Немного спустя, однообразіе тюремной жизни было нарушено для Дженни полученіемъ новаго письма. Подпись этого письма, Мери Кинтонъ, поставила Дженни въ тупикъ, пока она не ознакомилась съ его содержаніемъ.

Читая это посланіе, Дженни глазамъ своимъ не вѣрила. Письмо было отъ Мери Логги; она извѣщала ее, что вышла замужъ и, что еще удивительнѣе, вышла за мужъ за плотника. Мери писала, что гордится своимъ мужемъ, намѣревается быть ему хорошею женою и навсегда распростилась съ своимъ прежнимъ образомъ жизни. Она выражала надежду, что и Дженни со временемъ исправится, и объявляла, что со дня своей свадьбы порвала всѣ свои прежнія связи, прося свою старую подругу не сердиться на нее за это.

Долго Дженни отказывалась вѣрить всему, что она узнала изъ этого письма и думала, что Мери Логги хотѣла только подшутить надъ нею и надъ тюремнымъ начальствомъ. Каждый день она перечитывала оба письма, полученныя во время заключенія. Между тѣмъ число отмѣтокъ на стѣнѣ ея кельи, по которымъ она считала дни своего заточенія, все росло и росло. Времена года смѣнялись своимъ чередомъ, и срокъ освобожденія приближался. Странное безпокойство овладѣвало ею по мѣрѣ его приближенія; ее такъ и тянуло взглянуть на давно знакомыя улицы, и услышать привѣтъ отъ старыхъ товарищей.

ГЛАВА XVIII.

Романъ Мери Логги.

Первою заботою Дженни, какъ только она очутилась между своими старыми знакомыми, было освѣдомиться о Мери Лог-

Digitized by Google

ги. Но никто не могъ дать ей положительнаго отвѣта. Носились слухи, что Мери совсѣмъ отстала отъ своихъ прежнихъ занятій, вышла замужъ заплотника и жила на другомъ концѣ города. Но никто изъ бывшихъ ея сообщниковъ не вѣрилъ этому разсказу; всѣ они были вполнѣ убѣждены, что Мери нарочно распустила эти слухи, а сама пристала къ другой какой-нибудь шайкѣ.

Прошло мѣсяца три или четыре по выходѣ Дженни изъ тюрьмы; ей было въ эту пору семнадцать лѣтъ, а на видъ казалось двадцать пять. Однажды зимнимъ утромъ она вышла на улицу, чтобы освѣжиться послѣ вчерашней попойки, и наткнулась лицемъ къ лицу съ своей старой пріятельницей.

Мери Логги была хорошо, но скромно одѣта, и лице ея дышало такимъ спокойнымъ, доселѣ невиданнымъ на немъ, выраженіемъ, что Дженни не сразу узнала ее. Когда Мери прошла мимо нея, не остановившись, Дженни почувствовала себя оскорбленной и, обернувшись, стала глядѣть ей вслѣдъ. Мери Логги между тѣмъ ускорила шаги, какъ будто опасаясь, что старая пріятельница за нею послѣдуетъ. Но Дженни стояла на мѣстѣ и слѣдила глазами за удалявшимся образомъ той, которая была когда-то ея лучшимъ другомъ. Въ эту минуту Мери Логги оглянулась черезъ плечо, и тотчасъ же быстрыми шагами воротилась назадъ.

— Дженни!

— Мери!

Дженни пожала протянутую ей руку, и снова изумленными глазами стала осматривать свою преобразившуюся подругу. Въ эту минуту Дженни повѣрила тому, что ей писала Мери.

— Какъ ты перемѣнилась, проговорила она задыхаясь.

— Да; перейдемъ по ту сторону моста, и потолкуемъ кое-о-чемъ.

— Такъ это правда, Мери?

— Что я замужемъ-то? Да.

— Какъ это тебѣ удалось? Откуда тебѣ такое счастье, что честный человѣкъ рѣшился взять тебя въ жены.

— Не правда ли, странно Дженни? Я никогда этого не заслуживала.

Digitized by Google

И Мери съ увлеченіемъ разсказала ей свою повѣсть:

Пока Дженни сидѣла въ Глазговской тюрьмѣ, для воровъ настали худыя времена, и Мери нашлась вынужденной снова поступить на бумагопрядильную фабрику.

Здѣсь она познакомилась съ бѣдной маленькой работницей, дѣвочкой лѣтъ одинадцати. Ребенокъ этотъ былъ слабаго здоровья, и ему однажды сдѣлалось дурно во время работы на фабрикѣ. Мери взялась проводить дѣвочку къ ея матери, въ домѣ которой жилъ въ это самое время плотникъ, которому Мери понравилась съ перваго взгляда. Плотникъ этотъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, родомъ изъ Англіи, и только въ недавнее время переселился въ Шотландію въ надеждѣ найти себѣ здѣсь больше работы. У него были въ Глазговѣ дальніе родственники, на которыхъ онъ разсчитывалъ, но до сихъ поръ ему не удавалось ихъ отыскать.

Онъ спросилъ Мери, какъ Глазговскую уроженку, не можетъ ли она помочь ему въ его розыскахъ. Оказалось, что Мери дѣйствительно слыхала то имя, которое онъ ей назвалъ. На слѣдующій день онъ встрѣтилъ ее, по дорогѣ на фабрику и поблагодарилъ за указаніе, съ помощью котораго онъ отыскалъ своего троюроднаго брата, обѣщавшагося доставить ему въ скоромъ времени работу. Такъ завязалось ихъ знакомство. Съ этого времени мистеръ Симмонсъ сталъ то и дѣло встрѣчать ее на дорогѣ. Человѣкъ онъ былъ простой, положительный; онъ не говорилъ ей комплиментовъ и предложилъ два, три неловкихъ вопроса, на которые Мери затруднялась отвѣчать. Однажды онъ спросилъ ее, гдѣ она живетъ и какъ она ухитряется сводить концы съ концами при той платѣ, которую получаетъ на фабрикѣ. Мери сказала ему, что у нея нѣтъ ни души родныхъ и что она нанимаетъ комнату пополамъ съ чужими людьми. Про себя онъ разсказалъ ей, что онъ вдовецъ и не имѣетъ дѣтей. Тутъ Мери начала догадываться, что онъ къ ней неравнодушенъ. Когда онъ спросилъ ее однажды, не хочетъ ли она въ воскресенье пойти съ нимъ вмѣстѣ въ церковь, то она чуть не заплакала отъ страннаго невѣданнаго счастья.

Мери не ошибалась; нашелся честный, трудолюбивый человѣкъ, который привязался къ ней, не зная ничего о ея

Digitized by Google

прошлой жизни. Мери была не герой, въ ней недостало духу сказать ему правду. Она знала, что пока они останутся въ Глазговѣ истина можетъ каждую минуту выйти наружу, но, во чтобы то ни стало, она страстно желала сдѣлаться его женою. Это дало бы ей возможность повести честную жизнь, сдѣлаться честною женщиною. Это новое, небывалое искушеніе было такъ сильно, что она не могла противъ него устоять. Она не думала о томъ, что омрачитъ на вѣки его жизнь; она думала только о перемѣнѣ своей собственной.

Къ тому же этотъ не молодой, честный человѣкъ успѣлъ внушить ей дѣйствительную привязанность; его любовь какъ бы преобразила все нравственное существо ея. Она чувствовала, что съумѣетъ сдѣлать его счастливымъ, если онъ только никогда не узнаетъ ея тайну.

Теперь она избѣгала показываться ночью въ Гай-Стритѣ, чтобы какъ нибудь не встрѣтиться съ нимъ и не выдать себя. Она перестала красть и при первой возможности промѣняла вертепъ, въ которомъ жила, на бѣдное, но честное убѣжище. Каждый часъ, проведенный съ нимъ розно, былъ часомъ мучительной неизвѣстности; при каждой встрѣчѣ она страшилась услышать отъ него, что онъ узналъ всю правду и не желаетъ болѣе съ ней видѣться. Но онъ ничего не подозрѣвалъ, онъ вѣрилъ ей, что она круглая сирота и, сжалившись надъ ея одиночествомъ, предложилъ ей наконецъ сдѣлаться его женою.

Мери Логги приняла его предложеніе; они обвѣнчались и поселились на противоположномъ концѣ города. Счастье Мери было бы безоблачно, если бы его не омрачалъ одинъ, неотвязный страхъ.

— Я по возможности избѣгаю ходить на сторону рѣки, чтобы какъ-нибудь не повстрѣчаться съ старыми товарищами, признавалась она Дженни. Скорѣе, чѣмъ заглянуть въ Гай-Стритъ, я дамъ двѣ мили крюку.

— Такъ ты не рада, что встрѣтилась со мною, Мери?

— Тебя-то я вижу охотнѣе, чѣмъ кого-либо другаго, вѣдь ты меня не выдашь?

— Ни за какое благо не выдамъ.

Digitized by Google

Онѣ продолжали болтать, и Мери въ заключеніе предложила Дженни взглянуть на ея хозяйство. Мери гордилась своимъ новымъ общественнымъ положеніемъ и была увѣрена въ Дженни.

Дженни колебалась принять предложеніе Мери не столько за себя, сколько за нее, но Мери была не отвязна. Бояться было нечего, мужа ея въ этотъ часъ не бывало дома. Итакъ, обѣ пріятельницы повернули назадъ и отправились на квартиру Мери Логги.

ГЛАВА XIX.

Мери Логги у себя дома.

Мистрисъ Симмонсъ, урожденная Логги, нанимала квартиру въ небольшомъ домѣ Пельгамъ-Стрита. Между ею и старымъ ея притономъ протекалъ Клейдъ.

Мери въ своей аккуратной шляпкѣ и скромной одеждѣ представляла странный контрастъ съ своей простоволосой, растрепанной спутницей. По дорогѣ Дженни замѣтила ей это.

Полно, мнѣ и самой еще какъ-то неловко ходить въ шляпкѣ, отвѣчала Мери. А вотъ мы и дома, добавила она. Насъ никто не замѣтилъ.

Мери отперла дверь находившимся при ней ключемъ, и обѣ подруги взошли по лѣстницѣ въ просторную комнату, служившую въ одно и тоже время и спальней и гостинной. Комната эта была бѣдно меблирована, но изумленной Дженни она показалась дворцемъ.

— Неправда ли, Дженни, славное у насъ помѣщеніе?

— Подлинно что славное.

— Присядь-ка, да оглядись хорошенько. Какъ тебѣ нравятся эти обои? А коверъ-то каковъ?

Дженни сѣла, опустила руки на колѣни и внимательно оглядѣла вокругъ себя.

— По чести, Мери, ты счастливая дѣвка, вырвалось у нея наконецъ.

— Это не то что въ Веннелѣ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, далеко не то.

Желала бы я передать собственными словами Дженни, на ея своеобразномъ шотландскомъ нарѣчіи то, что она разсказывала объ этомъ новомъ «домѣ» и о чувствахъ, пробудившихся въ ней при видѣ счастья своей подруги.

Зависть грызла ее до того, что она готова была заплакать; ее раздражала мысль, что Мери сдѣлалась честною женщиною безъ всякаго усилія съ своей стороны. Дыханье сперлось у нея въ горлѣ такъ, что она боялась задохнуться; колѣна ея дрожали и сама она не знала съ чего.

— Тутъ только поняла я, что за адъ кромѣшный была моя жизнь, признавалась Дженни. Цѣлую недѣлю послѣ того я рвалась и металась отъ одной мысли, что вѣдь Мери ничѣмъ не заслужила своего счастья.

Но Дженни по природѣ своей не была завистлива. Когда утихла первая вспышка она по своему выразила Мери свое участіе въ ея радости. Мери, поразительно измѣнившаяся къ лучшему, плакала и смѣялась, и повѣряла Дженни свои опасенія, чтобы мужъ какъ нибудь не узналъ ея тайну и не прогналъ ее отъ себя. Она говорила о любви своей къ этому степенному, работящему, добродушному человѣку, о своихъ усиліяхъ сдѣлаться вполнѣ достойной его.

Такъ просидѣли онѣ вмѣстѣ довольно долго, то было ихъ послѣднее свиданье, а у Мери было много о чемъ поразсказать ей. Время шло незамѣтно; Мери захотѣла похвастать своимъ хозяйствомъ, и Дженни должна была осмотрѣть лучшій чайный приборъ, платье, въ которомъ она ходила въ церковь, праздничные башмаки и *настоящую кровать*, на которой она спала. Кровать эта, правда, не была еще ихъ полною собственностью; они брали ее на прокатъ, но дѣла ихъ поправлялись и «старикъ ея,—да хранитъ его господь,—за послѣднее время былъ заваленъ работой».

Пока Мери показывала гостьѣ все свое хозяйство мистеръ Симмонсъ вернулся домой десятью минутами ранѣе срока.

— Это его поступь, проговорила Мери, заслышавъ на лѣстницѣ шумъ шаговъ. Ради Бога, Дженни сиди смирно и не говори ничего, не то, я пропала.

Digitized by Google

Послѣдніе слѣды зависти исчезли въ сердцѣ Дженни и уступили мѣсто опасенію за подругу. Она чувствовала, что на все готова для Мери и скажетъ какую угодно ложь, лишь бы не выдать ея тайну и спасти ее отъ вторичнаго паденія въ ту бездну, изъ которой она только-что вышла.

Мистеръ Симмонсъ вошелъ; то былъ пожилой человѣкъ съ суровымъ выраженіемъ лица и проницательными глазами. Онъ пристально поглядѣлъ на Дженни, которая встала въ смущеніи и присѣла, какъ она привыкла въ Глазговской тюрьмѣ присѣдать начальству.

Почтительный поклонъ этотъ повидимому удивилъ плотника; онъ взглянулъ на жену, которая стояла у камина, блѣдная какъ полотно.

— Это Дженни Смитъ, мы работали съ ней вмѣстѣ на бумагопрядильной фабрикѣ, Джонъ, поспѣшила она объяснить ему. Мы встрѣтились съ нею на мосту, и я привела ее, взглянуть на мое новое хозяйство.

— Какъ поживаете, миссъ Смитъ, проговорилъ онъ раскланиваясь съ нею. Присядьте же милая, гостья будете.

Но Дженъ спѣшила уйти, пока еще онъ не успѣлъ «запомнить ея лице наизусть» и предложить ей какой нибудь неловкій вопросъ; она боялась запутаться въ отвѣтахъ. Она была еще болѣе смущена, чѣмъ Мери, и имѣй она дѣло съ подозрительнымъ человѣкомъ, она бы непремѣнно себя выдала. Но мистеръ Симмонсъ приписалъ ея смущеніе застѣнчивости и отъ души смѣялся надъ тѣмъ, что Дженни не сидѣлось у нихъ.

— Вы напрасно боитесь меня, милая проговорилъ онъ весело; я васъ не съѣмъ. Постойте, постойте, куда это вы такъ торопитесь, точно я васъ спугнулъ съ мѣста?

Мистеръ Симмонсъ попалъ въ точку. Дженни не подалась ни на какія просьбы остаться; накинувъ себѣ на плеча платокъ, она встала и направилась къ двери, позабывъ даже проститься съ хозяиномъ. Въ сѣняхъ нашу героиню нагнала Мери и схватила ее за руку. Она все еще была страшно блѣдна отъ недавняго испуга.

— Не приходи больше, Дженни, не знайся со мною, или я съ ума сойду. Не говори никому, что ты меня встрѣтила сегодня.

Digitized by Google

ГЛАВА XX.

Развязка романа.

Дамокловъ мечъ висѣлъ надъ головою Мери Симмонсъ, пока она оставалась въ Глазговѣ. Она не могла шагу сдѣлать по улицамъ, не опасаясь встрѣчи съ кѣмъ нибудь изъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Полиція тоже не упускала ее изъ виду и смотрѣла на нее подозрительно, считая происшедшую въ ней перемѣну простою маскою, надѣтою съ цѣлью ловчѣе обманывать добрыхъ людей. Мери не могла похвалиться большою силою характера, и не имѣла духу во всемъ признаться муку. Она продолжала надѣяться на зло очевидности и по возможности избѣгала ходить на другой берегъ рѣки.

Но роль Дженни Камеронъ въ этой драмѣ не была еще сыграна до конца; цѣлый актъ былъ еще впереди.

Однажды, въ субботу вечеромъ мистеръ Симмонсъ, направляясь къ Бриджъ-Гету, столкнулся лицомъ къ лицу съ Дженни Камеронъ. Это было мѣсяцъ спустя послѣ ихъ первой встрѣчѣ у него на дому, но у него была хорошая память, и онъ тотчасъ же узналъ ее.

Дженни вовсе была не рада этому обстоятельству и не знала, что ей дѣлать. Къ тому же она была не одна, съ ней была одна изъ ея товарокъ по ремеслу, у которой по Глазговской модѣ просто былъ накинутъ на голову платокъ. Въ наружности обѣихъ дѣвушекъ было въ этотъ вечеръ что-то двусмысленное: волосы ихъ лоснились отъ помады, щеки рдѣлись искусственнымъ румянцемъ; какая-то наглость взгляда явственно изобличала въ этихъ жалкихъ созданіяхъ уличныхъ потаскушекъ.

Мистеръ Симмонсъ, пристально поглядѣвъ на Дженни, остановился и проговорилъ:

— Дженни Смитъ!

Дженни пробормотала: «Мистеръ Симмонсъ» и спросила, какъ поживаетъ Мери.

— Она здорова. Куда это вы такъ поздно отправляетесь?

Digitized by Google

— Тутъ, не подалеку.

Мистеръ Симмонсъ поглядѣлъ на ея спутницу, которая, привыкнувъ знаться со всякаго рода людьми, не нашла ничего удивительнаго въ томъ, что онъ знакомъ съ Дженни и тутъ же предложила ему выпить водочки, чтобы согрѣться. Дженни толкнула ее локтемъ, но было уже поздно. Мистеръ Симмонсъ широко раскрылъ глаза на подобное предложеніе и на наглый взглядъ, которымъ оно сопровождалось. Онъ понялъ тутъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Я въ ротъ не беру водки, отвѣчалъ онъ. Добраго вечера!

— И вамъ того же желаю; вотъ смиренникъ какой, прокричала ему спутница Дженни, и разразилась насмѣшливымъ хохотомъ. Дженни тутъ же на улицѣ схватила ее и принялась трясти изо всѣхъ силъ.

— Ты дура, сущая дура, крикнула она. Не трогай этого человѣка; онъ не изъ нашихъ, и ему нечего съ нами знаться.

Любопытство ея подруги было сильно затронуто этой странной выходкой, но, къ великому, огорченію ея, Дженни на отрѣзъ отказалась дать ей дальнѣйшія объясненія. Боясь повредить Мери, она круто повернула разговоръ въ другую сторону.

Мистеръ Симмонсъ съ своей стороны задумался надъ этой встрѣчей. Одна изъ этихъ дѣвушекъ была пріятельницей его жены, ходила къ ней въ домъ, а онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы безъ разбора пускать людей въ свой честный домъ. Онъ начиналъ подозрѣвать, что Дженни такая личность, съ которою не прилично знаться его женѣ, а если это дѣйствительно такъ, то чѣмъ скорѣе онъ удостовѣрится въ этомъ, тѣмъ лучше. Онъ пошелъ другою стороною улицы по слѣдамъ Дженни Камеронъ и ея подруги, и въ самомъ скоромъ времени увидѣлъ, что это за птицы.

Онъ замѣтилъ, что онѣ заговариваютъ на улицѣ съ незнакомцами, бесѣдуютъ по пріятельски съ подозрительными личностями, физіономіи которыхъ служили вывѣскою ихъ мошенническаго ремесла. Онѣ заходили въ кабаки, болтали и смѣялись съ собравшеюся тамъ публикою. Наконецъ онъ обратился къ полисмену и, указывая на Дженни, спросилъ:

— Знаете ли вы эту женщину?

Digitized by Google

— Еще бы!

— Какая про нее идетъ слава?

— Худая,—такая, что, кажись, хуже и нѣтъ.

— А ея подруга?

— Одного съ нею поля ягода. А развѣ вы потеряли что?

— Нѣтъ, нѣтъ; мнѣ только захотѣлось узнать, что это за дѣвушка.

— Обѣ онѣ, и Камеронъ и Ройанъ, только недавно выпущены изъ тюрьмы.

— Имя одной изъ нихъ Смитъ?

— Ни чуть не бывало.

— Развѣ вонъ ту не зовутъ Смитъ? спросилъ мистеръ Симмонсъ, указывая на Дженни.

— Это Камеронъ. Мнѣ ли не знать, когда я семь лѣтъ ужъ за нею слѣжу.

— Вотъ оно что!

Мистеръ Симмонсъ удалился, размышляя о сдѣланномъ имъ открытіи: за чѣмъ жена его представила ему эту дѣвушку подъ именемъ Смитъ? Тутъ была какая-то тайна, требующая разъясненія. Въ первый разъ въ жизни въ умѣ мелькнуло подозрѣніе относительно жены. Ему припомнилось, какъ онъ съ нею познакомился и какъ мало онъ зналъ о ея предшествующей жизни. Онъ былъ далеко не образецъ совершенства и не годился въ герои романа. Подозрительный отъ природы, онъ былъ скоръ на заключенія и выказывалъ въ нихъ замѣчательную проницательность.

Возвращавшись домой, онъ положилъ себѣ допросить жену и вывѣдать отъ нея причины, побудившія ее обманывать его.

— Я встрѣтилъ сегодня твою пріятельницу Смитъ, сказалъ онъ ей.

— Смитъ! какую Смитъ?

— Дженъ Смитъ, которую я засталъ здѣсь какъ-то утромъ, возвратившись съ работы.

— Въ самомъ дѣлѣ! холодно замѣтила Мери.

— Вѣдь ее зовутъ Смитъ, не такъ ли? спросилъ онъ небрежно.

— Мери отвѣчала утвердительно.

Digitized by Google

— И вы съ ней работали вмѣстѣ на бумажной фабрикѣ, и жили на одной квартирѣ?

Мери затруднялась отвѣчать, не зная, что могла сказать ему Дженни при встрѣчѣ. Она то краснѣла, то блѣднѣла при видѣ скопляющейся тучи, но старалась, какъ умѣла, отвратить бѣду.

— Да, намъ случалось жить на одной квартирѣ.

— Про нее идетъ худая слава.

— Когда я ее знала, она была честной дѣвушкой.

— Она была безчестна съ самого дѣтства; полиція давно слѣдитъ за нею какъ за подозрительной личностью. Мери! ты не могла не знать этого.

Мери отвѣчала запирательствомъ. Въ немъ была ея послѣдняя надежда спасенія и она упорно стояла на томъ, что знать ничего не знала худаго о своей старой пріятельницѣ. Симмонсъ сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ ей и буря, грозившая разразиться, миновалась на время. Мужъ Мери снова сталъ ходить на работу и хранилъ свои подозрѣнія до поры до времени про себя. Но онъ сталъ чаще отлучаться изъ дому и познакомился съ двумя полисменами, отъ которыхъ мало по малу вывѣдалъ всю правду. Изъ отрывочныхъ разсказовъ ихъ онъ узналъ не только всю повѣсть Дженни Камеронъ, но, что еще хуже, всю прошлую жизнь Мери Логги. Послѣ этого онъ отыскалъ Дженни и пригласилъ ее пройтись съ нимъ на тотъ берегъ рѣки.

— Это зачѣмъ?

— Я хочу, чтобы вы повидались съ Мери. Идемъ, что ли?

— По мнѣ пожалуй.

Дженни видѣла что тутъ что-то неладно и колебалась между любопытствомъ и страхомъ. Она почти была увѣрена, что мистеръ Симмонсъ все знаетъ, и ей хотѣлось посмотрѣть какъ-то Мери устоитъ подъ грозою, и что станется съ нею послѣ роковаго объясненія.

Итакъ она пошла съ мистеромъ Симмонсъ, чтобы посмотрѣть, чѣмъ все это кончится.

Увидѣвъ ихъ входящими вмѣстѣ, Мери опустилась на стулъ и уставилась на нихъ широко раскрытыми глазами. «Все вышло наружу» мелькнуло у нея въ головѣ; теперь она

Digitized by Google

поняла, почему ея мужъ былъ такъ спокоенъ, даже холоденъ за послѣднее время.

— Въ жизнь свою не запомню я такого взгляда, какой былъ у нея въ эту минуту, замѣтила Дженни въ этомъ мѣстѣ своего разсказа.

— Имя этой женщины — Камеронъ, пускай-ко она отопрется отъ него теперь, если можетъ, сказалъ онъ входя.

— Я и не думаю отпираться, вызывающимъ тономъ отвѣчала Дженни.

— Она уже была испорчена, когда ты съ ней знялась, Мери, и ты знала это, и сама была не лучше ея. Посмѣй-ко отпереться отъ этого.

Мери ломала руки и взглядомъ молила о пощадѣ.

Но мужъ оставался непреклоненъ, и тогда она бѣшено напустилась на Дженни.

— Это ты надѣлала, это ты ему все разсказала, злая завистница! Ты выдала меня, потому что тебѣ было завидно видѣть, что я изъ воровки стала честною женщиной.

— Я ничего ему не говорила, воскликнула Дженни, желая предупредить Мери, чтобы она сама себя не выдавала. Я знать ничего не знаю, я не подумала бы придти сюда, Мери, если бы онъ не позвалъ меня съ собою.

— Но я все знаю, не трудитесь вывертываться ложью, перебилъ онъ ее строго. Потомъ, обращаясь къ женѣ онъ продолжалъ: Мери, я женился на тебѣ, считая тебя за честную дѣвушку. Если бы я зналъ, что ты была до меня воровкою и еще хуже чѣмъ воровкою, то я себѣ скорѣе бы горло перерѣзалъ, чѣмъ женился. Ты прикинулась передо мною честною дѣвушкой, ты одурачила меня и накликала позоръ на мою голову — ты должна оставить мой домъ.

— О Джонъ, Джонъ, не говори этого!

Мери бросилась передъ нимъ на колѣна и обнимала его ноги. Она молила его выслушать ее, клялась, что любитъ его всѣмъ сердцемъ и жила честно съ той самой поры, какъ узнала его. Задыхаясь отъ рыданій, она разсказала ему всю свою повѣсть, призывая бога въ свидѣтели, что со времени ихъ же-

Digitized by Google

нитьбы жила только для него, думала только о немъ, и что тайна ея преступной жизни, которую она боялась открыть ему, была тяжелымъ бременемъ на ея совѣсти.

— Ты все еще въ сообщничествѣ съ этой дѣвушкой? спросилъ ее Симмонсъ вмѣсто отвѣта.

Камеронъ перебила его, объявивъ подъ страшной клятвою, что онѣ встрѣтились на мосту только случайно и что Мери взяла съ нея обѣщаніе не знаться на будущее время. Ни разу еще въ жизни Дженни не была такъ потрясена, какъ въ эту минуту; заливаясь слезами, она молила за свою старую подругу, пока Симмонсъ не велѣлъ ей замолчать, сказавъ, что онъ не желаетъ *ея* заступничества.

Мери Логги продолжала молить о пощадѣ, какъ человѣкъ, для котораго рѣшается вопросъ жизни и смерти; передъ ней едва успѣла открыться новая жизнь, и она отчаянно билась противъ судьбы, грозившей насильственно воротить ее на старую дорогу. Она съ клятвами увѣряла мужа, что останется ему вѣчно вѣрна и навсегда отрекалась отъ знакомства съ Дженни и ей подобными. Счастье Мери держалось въ эту минуту на волоскѣ; но мужъ ея имѣлъ незлобивое сердце и тронулся наконецъ ея мольбами. Онъ былъ человѣкъ простой, чуждый всякой утонченности въ чувствахъ; но до сихъ поръ, она была ему доброю женою, и они жили очень счастливо, у него не стало духу на жестокость вытолкать ее снова на улицу.

Удостовѣрившись въ искренности раскаянья Мери, онъ смягчился и сказалъ ей наконецъ, чтобы она встала и перестала плакать; — съ своей стороны онъ обѣщался ей предать это дѣло забвенію и *испробовать ее*.

— А вы можете идти своею дорогой, продолжалъ онъ, обращаясь къ Дженни, и Дженни вышла, чувствуя что у нея гора съ плечъ свалилась послѣ этой благополучной разлуки.

Такъ кончился романъ Мери Логги. Раза два послѣ того Дженни встрѣчалась съ нею на улицѣ, но Мери каждый разъ отворачивалась въ сторону и проходила мимо ея торопливыми шагами.

334539
Digitized by Google

— Я была ей не товарищъ, замѣтила Дженни, и хотя я знала, что сердце у нея доброе, и если я заговорю съ нею, то она мнѣ отвѣтитъ, но я этого сама не хотѣла.

ГЛАВА XXI.

Герой мошенничества.

Характеры, подобные Дженни Камеронъ, не знаютъ возврата съ избраннаго ими пути; никакая сила не можетъ спасти ихъ. «Добрые вы люди!» усмѣхается преступникъ этого закала. «учили бы вы меня добру, когда я былъ помоложе, заботились бы обо мнѣ, когда я былъ ребенкомъ, тогда, быть можетъ, и не дошелъ бы я до этого.»

Итакъ жизнь Дженни Камеронъ потекла по старому руслу. Вмѣстѣ съ своими сверстницами она занималась работой ровно на столько, на сколько было нужно, чтобы отвести подозрѣнія; она шила, чтобы наколоть слегка указательный палецъ, и даже занималась башмачнымъ ремесломъ, чтобы руки у нея были погрубѣе. У сыщиковъ была предосадная привычка здороваться отъ времени до времени съ подозрительными личностями, пожимая имъ руки; если руки при этомъ оказывались мягкими и изнѣженными, то это считалось вѣрнымъ знакомъ, что имъ только и дѣла, что прогуливаться по чужимъ карманамъ, и вслѣдъ за тѣмъ присмотръ становился строже.

Въ началѣ марта вся воровская братья въ Глазговѣ была взволнована прибытіемъ знаменитости, Ливерпульскаго вора, который счелъ нижнымъ перемѣнить на время свою резиденцію.

Человѣкъ этотъ, котораго мы назовемъ Чернымъ Барни, пользовался почетною извѣстностью какъ между ворами, такъ и между полицейскими служителями. Въ удальствѣ и ловкости, онъ далеко оставлялъ за собою остальныхъ своихъ товарищей по ремеслу; онъ слылъ между ними за образцоваго вора, за человѣка, который никогда не дастъ маху.

Digitized by Google

Этотъ новѣйшій Джокъ Шеппардъ *заработалъ* на своемъ вѣку не одну тысячу фунтовъ. Въ довершеніе всего, онъ завѣдомо всей братіи два раза успѣвалъ бѣжать изъ тюрьмы, и этотъ подвигъ окружилъ его новымъ ореоломъ славы.

Наконецъ онъ былъ по общему, быть можетъ, нѣсколько пристрастному отзыву человѣкъ хорошо образованный и могъ прослыть гдѣ угодно за джентльмена.

Въ честь его прибытія въ Глазговъ воры устроили между собою дружескую пирушку, на которой много было выпито водки. Полицейскіе не преминули заглянуть въ это почтенное собраніе, не съ цѣлью омрачить общую веселость, а только для того, чтобы посмотрѣть, какъ тамъ идутъ дѣла, и поздороваться по пріятельски съ героемъ торжества.

— Вотъ какъ, Барни, ты къ намъ пожаловалъ!

— Да, думаю пробыть здѣсь денекъ-другой.

— Смотри, веди себя смирно.

— Ладно, ладно. Не хотите ли выпить за мое здоровье!

Полицейскихъ подчивали водкой и принимали съ утонченною любезностью, тѣмъ не менѣе всѣ вздохнули свободнѣе послѣ ихъ ухода, и митингъ принялъ свой настоящій характеръ.

На этомъ-то митингѣ Дженни въ первый разъ увидѣла Чернаго Барни. Она много наслышалась о его необыкновенныхъ достоинствахъ и взирала на него съ такимъ же благоговѣніемъ, съ какимъ темный сотрудникъ провинціальной газеты взираетъ на самого Чарльза Диккенса.

Черный Барни былъ ловкій кавалеръ и охотникъ приволокнуться за прекраснымъ поломъ. Подъ конецъ вечера затѣялись танцы, и Барни, который, въ числѣ своихъ прочихъ достоинствъ, отличался ловкостью въ этомъ искусствѣ, выбралъ своею дамою Дженни Камеронъ къ великой досадѣ другихъ красавицъ, которые вовсе были не прочь поймать его въ свои сѣти.

Барни былъ человѣкъ легко воспламеняющійся и прихотливый въ своихъ вкусахъ. Хотя въ этомъ собраніи много было дѣвушекъ красивѣе Дженни, онъ оказалъ ей исключительное вниманіе. Выборъ его встрѣтили со всѣхъ сторонъ гру-

Digitized by Google

быми шутками, но Барни не прочь былъ и самъ пошутить, и не поддавался на насмѣшки. Что же касается Дженни, то такая побѣда совершено вскружила ей голову.

«Левъ» этого вечера не могъ похвалиться особенно привлекательною наружностью. Онъ былъ не большаго роста, плотно сложенъ, одно плечо у него было выше другаго, лобъ у него былъ низкій и выраженіе лица мошенническое; но за него говорила его репутація ловкаго и счастливаго вора, наживавшаго много денегъ на своемъ вѣку; его предпочтеніе льстило Дженни, она влюбилась въ этого ловкаго мошенника и готова была идти за него въ огонь и въ воду. Если бы счастье помогло ей сдѣлаться его подругой, разсуждала она, то она не помѣнялась бы своею долею даже съ самой Мери Логги. Она не жалѣла усилій, чтобы плѣнить этого чеговѣка: дѣвушка она была ловкая, хорошо пѣла и плясала, была молода и недурна собою; итакъ, вовсе не удивительно, что левъ Барни попался въ сѣти шотландской мышки.

ГЛАВА XXII.

Нѣсколько веселыхъ дней.

Черный Барни и Дженни наняли команту въ одной изъ тѣхъ трущобъ, съ которыми читатель успѣлъ уже познакомиться въ теченіе этого разсказа. Барни объявилъ полиціи, что прибылъ въ Глазговъ для поправленія своего здоровья; настоящею же цѣлью его было—попытать счастья въ этомъ городѣ, такъ какъ пребываніе въ Ливерпулѣ начинало для него становиться небезопаснымъ.

Взявъ Дженни Камеронъ «подъ свое покровительство», онъ посвятилъ ее въ неизвѣстные ей дотолѣ пріемы своего искуства. Дженни была понятливая ученица, и быстро освоилась съ предметомъ преподованья. Черный Барни былъ льстецъ и захваливалъ ее болѣе, чѣмъ она стоила. Захваливанье было въ его политикѣ, имъ онъ возбуждалъ усиленное рвеніе въ своихъ ученикахъ.

Digitized by Google

У Дженни съ Барни часто заходили разговоры о тюрьмѣ; послѣдній вовсе не раздѣлялъ ея ужаса передъ заключеніемъ. «Еслибъ мнѣ не везло, я бы попалъ въ тюрьму, какъ ни въ чемъ не бывало, говорилъ онъ. Другое дѣло, когда счастье тебѣ такъ и валитъ, тутъ точно досадно бываетъ очутиться за рѣшеткой.»

Въ концѣ марта Барни задумалъ продѣлку, которая уже не разъ передъ тѣмъ сходила ему благополучно съ рукъ.

Раздобывшись напрокатъ парою приличнаго платья для себя и для Дженни, онъ отправился изъ Глазгова окольными путями на одну изъ ближайшихъ станцій желѣзной дороги. Съ этой станціи, гдѣ имъ не угрожала, какъ въ Глазговѣ, опасность быть узнанными полиціей, они отправились съ тяжелымъ поѣздомъ въ Карлейль. Здѣсь, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе, они остановились въ скромной гостинницѣ, въ которой провели ночь, какъ мирные граждане, заплативъ до копѣйки по поданному имъ счету.

Они дожидались прибытія скораго поѣзда, съ которымъ обыкновенно богатые путешественники отправляются на сѣверъ. Поѣздъ пришелъ въ урочное время, и въ тѣ немногія минуты, которыя онъ простоялъ на станціи, привычно зоркій взглядъ Барни успѣлъ заглянуть во внутренность вагоновъ и замѣтить одинъ изъ нихъ, въ который въ эту самую минуту входилъ толстый джентльменъ.

Барни и Дженни поспѣшили занять мѣсто въ вагонѣ напротивъ этого джентльмена, и Барни, скрестивъ руки, тотчасъ же закрылъ глаза, дѣлая видъ, что усталъ съ дороги. Поѣздъ тронулся и обѣ хищныя птицы вздохнули свободнѣе: теперь никакая случайность не могла перейти имъ дорогу къ задуманной цѣли. Толстый джентльменъ, ничего не подозрѣвая, взглянулъ мелькомъ на своихъ спутниковъ, потомъ открылъ книгу и началъ читать при свѣтѣ фонаря, горѣвшаго въ потолкѣ вагона. Мало по малу его укачало; онъ закрылъ книгу и задремалъ. Дженни украдкой взглянула на Барни, но тотъ покачалъ головою; имъ, конечно, легко было стащить у него въ эту минуту часы; но джентльменъ могъ тутъ же въ вагонѣ замѣтить пропажу, и, чего добраго, прямо обвинить

Digitized by Google

ихъ въ воровствѣ. Благоразумнѣе было выждать прибытіе поѣзда въ Глазговъ.

Скоро поѣздъ загремѣлъ подъ сводами дебаркадера. Пока все суетилось, Барни и Дженни выжидали, чтобъ сосѣдъ ихъ поднялся съ своего мѣста. Когда онъ вышелъ изъ вагона и приготовился ступить на площадку, Барни очень любезно предложилъ ему свою руку, чтобы опереться; въ туже минуту другая рука его принялась за работу, и въ одно мгновеніе, будто колдовствомъ золотые часы, цѣпочка и бумажникъ путешественника очутились въ этой рукѣ и были переданы Дженни. Барни поспѣшно удалился въ одну сторону, Дженни же съ добычей въ другую. Нѣсколько времени спустя, они сошлись въ своей берлогѣ.

Ты не разскрывала бумажника и не трогала вещей, поспѣшилъ освѣдомиться Барни, какъ только ее увидѣлъ.

—Стану я трогать твое добро; за кого ты меня принимаешь?

—Другая пожалуй и тронула бы, а ты, я знаю, не такая.

—То-то, подтвердила Дженни съ гордостью. Ишь что выдумалъ, попользуюсь я отъ него хоть копѣйкой.

Часы, цѣпочка и бумажникъ были положены на столъ, дверь заперта на ключъ, и сообщники усѣлись осматривать добычу.

—Что-то говоритъ мнѣ, что мы сегодня прокатились не даромъ, проговорилъ онъ осклабляясь. Осмотръ кошелька мы отложимъ на закуску.

Онъ осмотрѣлъ механизмъ часовъ, покритиковалъ цѣпочку, наконецъ перешелъ къ завѣтному бумажнику. Пока онъ его раскрывалъ, Дженни притаила дыханіе. Сосчитавъ его содержимое, Барни привскочилъ съ мѣста и разразился самыми эксцентрическими выраженіями радости.

—Вотъ такъ призъ, Дженни, чортъ возьми! Ура! да здравствуетъ цѣлый свѣтъ! да здравствуетъ Глазговъ!

—Сколько? спросила Дженни.

—Сто фунтовъ банковыми билетами и восемьдесять пять мелочью. Намъ есть на что погулять, дѣвка.

Рѣшено было, что они отправятся въ Лондонъ, чтобы размѣнять банковые билеты и сбыть съ рукъ краденыя вещи.

Digitized by Google

Долго сидѣли въ этотъ вечеръ Дженни и Барни, толкуя о томъ, какъ они погуляютъ на только—что добытыя деньги. Дженни еще не знавала ни одного настоящаго праздника въ своей жизни, такого праздника, во время котораго она могла бы отдохнуть отъ своего воровскаго ремесла и пожить честною бѣлоручкой въ какомъ нибудь уголкѣ земнаго шара, гдѣ никто ничего бы не зналъ о ея прошлой жизни.

— Эхъ! Славно я погуляла въ то время, вспоминала она впослѣдствіи; одинъ только этотъ праздникъ я и запомню на своемъ вѣку. Ну да хоть не надолго, а узнала и я, что такое счастье, добавила она со вздохомъ, въ которомъ на этотъ разъ не слышалось сожалѣнія о прошлыхъ ошибкахъ.

Прибывъ въ Лондонъ, Дженни и Барни поспѣшили отыскать джентльмена, который взялся промѣнять имъ часы, цѣпочку и банковые билеты на наличныя деньги. Живо обдѣлавъ это дѣло, Барни, знавшій всѣ мышьи норки въ Лондонѣ, повезъ ее къ одному знакомому продавцу готоваго платья, у котораго они запаслись всевозможными принадлежностями туалета. Дженни нарядилась въ шелковое платье и бархатный бурнусъ, Барни выбралъ пару чернаго платья и бархатный жилетъ. Туго набивъ различными другими покупками тутъ же купленный чемоданъ, они поѣхали въ Лейстеръ-Скверъ, и остановились въ одной изъ тамошнихъ гостинницъ.

Съ этой минуты они выкинули изъ головы всѣ заботы, связанныя съ ихъ профессіей.

Жизнь создана для наслажденія, такъ разсуждалъ Барни, надо же когда нибудь и отдохнуть отъ воровства.

Они заказывали себѣ роскошные обѣды, «безъ хереса ни разу не садились за столъ», по вечерамъ отправлялись въ театръ, гдѣ сидѣли въ партерѣ, и вмѣстѣ съ остальною публикою вполнѣ отдавались невинному удовольствію. Днемъ они осматривали окрестности Лондона, ѣздили то въ Ричмондъ то въ Гриничь, то въ Гревсендъ; но постоянно возвращались домой ко времени представленія. Они старательно избѣгали всякихъ новыхъ знакомствъ; завидѣвъ кого либо изъ своихъ старыхъ сообщниковъ, Барни торопился перейти на другую сторону улицы; онъ хотѣлъ вполнѣ отрѣшиться на это время

Digitized by Google

отъ своей будничной обстановки и провести свою вакацію, какъ подобаетъ истому джентльмену. По возвращеніи изъ театра, они приказывали подать ужинъ себѣ въ комнату, обильно обливали его грогомъ и отходили ко сну далеко не въ трезвомъ видѣ. Съ наступленіемъ каждаго утра, они предавались новымъ удовольствіямъ.

Каждое утро Барни считалъ, сколько у него остается денегъ. «Всего только три фунта израсходовано изъ нашего капитала, Дженни» сообщалъ онъ своей подругѣ. «Всего только пять фунтовъ, всего только семь. и т. д. А въ ихъ распоряженіи былъ капиталъ во сто фунтовъ, цѣлыхъ сто фунтовъ, съ которыми Барни не разставался ни днемъ, ни ночью.

Но посѣщая такимъ образомъ многолюдныя собранія и имѣя не одинъ случай попользоваться чужою собственностью, странная чета эта ни разу не нарушила воровствомъ своего far niente. Дженни, еще строже чѣмъ Барни, воздерживалась отъ всякой мошеннической продѣлки. То была ея первая *вакація* въ жизни. Ни разу до сихъ поръ не жила «она барыней» и противоположность этого рода жизни съ годами, проведенными въ мрачныхъ притонахъ нищеты и порока, имѣла въ себѣ что-то одуряющее, обоятельное. Эти немногіе дни оставили въ ея памяти неизгладимое впечатлѣніе. Она любила вспоминать о нихъ даже и тогда, когда горько оплакивала всѣ ошибки своего прошлаго.

Въ половинѣ іюня Барни, сосчитавъ свой капиталъ, нашелъ, что онъ убавился на цѣлыхъ пятьдесятъ фунтовъ.

—Теперь мы отправимся въ какой нибудь приморскій городъ и спустимъ всѣ остальныя деньги, объявилъ онъ. Когда у насъ останется не болѣе пяти фунтовъ, мы пустимъ въ ходъ свою ловкость и воротимся въ Глазговъ. Этотъ Глазговъ золотое дно!

На слѣдующій же день они отправились въ Маргетъ и наняли комнату въ одной изъ второклассныхъ гостинницъ. Это было какъ разъ въ то время года, когда толпы посѣтителей начинаютъ съѣзжаться въ маленькій городокъ. Во всѣхъ магазинахъ, на большихъ улицахъ, были устроены лотерейные сто-

Digitized by Google

лы, и Барни, мучимый жаждою сильныхъ ощущеній, каждый вечеръ пробирался къ этимъ столамъ и бралъ билетъ за билетомъ въ надеждѣ на выигрышъ. Къ концу первой недѣли въ его карманѣ оказался значительный дефицитъ.

— Однако, это не идетъ Дженни, мы ужъ больно раскутились ,замѣтилъ онъ. Но въ тотъ же вечеръ онъ поддался искушенію и цѣлый часъ провелъ у лотерейнаго стола, рискуя ставку за ставкою.

Къ концу этого часа онъ возвратился къ Дженни съ пылающимъ лицомъ и зловѣщимъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Это ты надо мной подшутила, Дженни, спросилъ онъ сиплымъ шопотомъ.

— Подшутила?—И не думала. Что ты хочешь этимъ сказать?

— А то, что какой-то воришка, чортъ его побери, подвернулся ко мнѣ и обшарилъ мои карманы.

Въ послѣдующіе годы заключенія Дженни любила разсказывать этотъ анекдотъ, и много было смѣху по поводу его между арестантками. Но въ свое время этотъ случай нанесъ ей роковой ударъ: онъ положилъ конецъ ея кратковременному веселью.

ГЛАВА XXIII.

Послѣднее преступленіе.

Съ трудомъ добрались Дженни и Барни до гостепріимнаго Глазгова. Тутъ началась для нихъ старая жизнь, въ кругу старыхъ товарищей. На долю Дженни Камеронъ постоянно выпадала роль Сирены; не одного вѣтренника заманивала она въ свою трущобу, гдѣ его караулили хищники. Она съ особеннымъ успѣхомъ подвизалась на этомъ поприщѣ.

Однажды, темнымъ ненастнымъ вечеромъ, стояла она на часахъ за угломъ сосѣдняго дома, дѣлая видъ, что пережидаетъ мелкій дождикъ, который накрапывалъ въ эту минуту. Бѣдно одѣтая, съ платкомъ на головѣ и съ лицемъ искусно размалеваннымъ для этого случая, она походила на фабричную ра-

Digitized by Google

ботницу или на дочь какого нибудь бѣднаго ткача. Мы уже разъ имѣли случай замѣтить, что маска нищеты часто употребляется, какъ приманка въ подобныхъ случаяхъ.

На бѣду ли, на счастье ли, мимо ея прошелъ въ эту минуту хорошо одѣтый господинъ лѣтъ тридцати пяти, видимо шатавшійся по улицамъ отъ нечего дѣлать и незнавшій, какъ убить время. Онъ взглянулъ на Дженни, и она отвѣчала ему тѣмъ притворно стыдливымъ взглядомъ, которымъ владѣла въ совершенствѣ. Отойдя немного, онъ повернулъ назадъ; Дженни все еще стояла на прежнемъ мѣстѣ.

Немного погодя, онъ предложилъ ей какой-то пустой вопросъ, на который Дженни отвѣчала.

Человѣкъ этотъ былъ уже навеселѣ, походка его была не совсѣмъ тверда; онъ нашелъ болѣе удобнымъ прислониться къ стѣнѣ, и въ этомъ положеніи повелъ съ нею легкій шутливый разговоръ. Въ эту минуту одинъ изъ членовъ воровской шайки, подговоренный заранѣе, прошелъ мимо ихъ и замѣтилъ Дженни съ укоризною: чѣмъ здѣсь стоять и балагурить, лучше бы ты шла домой къ своей матери. Стыдилась бы ты! а еще честной дѣвушкой называешься!

— Отвяжись, сдѣлай милость. Будто ужъ нельзя и поболтать съ джентльменомъ?

Менторъ удалился, пробормотавъ что-то сквозь зубы. Дженни взглянула на незнакомца, стоявшаго съ ней рядомъ, и шепнула ему:

— Онъ непремѣнно все перескажетъ моей матери.

Маленькій этотъ эпизодъ произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе на незнакомца; онъ расшевелилъ его самолюбіе, и внушилъ желаніе продолжать завязавшуюся интригу. Онъ принялся утѣшать Дженни въ непріятности, ожидавшей ее дома, и предложилъ ей выпить для храбрости водки.

— Только не въ Гай-Стритѣ, тамъ меня слишкомъ хорошо знаютъ, и бѣда мнѣ, если меня увидятъ въ обществѣ такого джентльмена, какъ вы.

— Ну, такъ въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ.

— Есть тутъ по близости одинъ человѣчекъ, у него продает-

Digitized by Google

ся водка на дому. Человѣкъ онъ бѣдный, и вы на него, серъ, конечно не донесете.

— Зачѣмъ же мнѣ доносить, милая?

— А коли такъ, пойдемте.

Дженни повела его цѣлымъ лабиринтомъ темныхъ закоулковъ, изъ котораго и днемъ мудрено было выбраться, ночью же, положительно невозможно.

— Однако тутъ и шею свернешь, милая, пробормоталъ онъ.

— Здѣсь всегда такъ, отвѣчала Дженни. Мало ли страху натерпишься, проходя здѣсь вечеромъ. Видно думаютъ, что про нашего брата бѣдняка не стоитъ газъ зажигать.

Разговаривая такимъ образомъ, Дженни привела его къ двери своей собственной квартиры. Она постучалась въ дверь и грубый голосъ отозвался имъ изнутри:

— Кто тамъ?

— Отворяйте-ка, отворяйте. Тутъ одинъ джентльменъ желаетъ выпить водки.

Они вошли въ комнату, въ которой на первомъ планѣ сидѣлъ Черный Барни, куря трубку, и стараясь придать себѣ по возможности видъ настоящаго трактирщика. У камина грѣлись женщина и юноша лѣтъ восемнадцати. Тѣсное пространство комнаты было насквозь пропитано запахомъ водки.

Незнакомецъ, попавшійся въ эту западню, подозрительно поглядѣлъ на всю эту обстановку и началъ раскаяваться въ опрометчивости, которая завела его въ это недоброе мѣсто.

—Выставьте намъ водочки съ этимъ джентльменомъ, проговорила Дженни.

—Мы не продаемъ водки, отвѣчалъ Барни, дѣлая видъ, что съ своей стороны держится на сторожѣ.

—Говорятъ вамъ не ломайтесь; этотъ джентльменъ васъ не выдастъ.

—Ну такъ и быть, я вамъ вѣрю, серъ.

И водка явилась на столъ.

Наружность Чернаго Барни имѣла въ себѣ мало успокоительнаго, и джентльменъ продолжалъ смотрѣть вокругъ себя не-

Digitized by Google

довѣрчиво. Человѣкъ онъ былъ, какъ видно, чрезвычайно осторожный и въ опасности не терялся.

Пока подавалась водка, Дженни и другая дѣвушка, сидѣвшая у камина, начали болтать и смѣяться между собою. Незнакомецъ вмѣшался въ ихъ разговоръ, но продолжалъ слѣдить очень внимательно за тѣмъ, что около него дѣлалось.

Пока онъ держался такъ осторожно, не было никакой возможности подмѣшать въ его стаканъ усыпляющаго снадобья, и Барни отложилъ до поры до времени всякую попытку подобнаго рода. По всѣмъ вѣроятіямъ, разсуждалъ онъ, молодецъ скоро перестанетъ чиниться; видѣли мы и прежде этихъ осторожныхъ людей.

Незнакомецъ и Дженни роспили водку; послѣдняя такъ искусно играла свою роль, что разсѣяла отчасти его тайныя подозрѣнія. Дѣвушка у камина запѣла пѣсню. Когда она кончила, насталъ чередъ Дженни; незнакомецъ между тѣмъ подсѣлъ къ камельку, вынулъ свою трубку и предался кейфу.

— Выпей-ка еще водочки, Дженъ, замѣтилъ онъ, когда она допѣла свою пѣсню.

— Нѣтъ, будетъ, я до нея не охотница. Мнѣ пора домой, къ матушкѣ.

— Нѣтъ, ты прежде спой еще пѣсенку, удерживалъ ее гость; у тебя славный голосъ.

— А вы, серъ, выставьте-ка намъ еще водки, вмѣшалась другая дѣвушка. Вѣдь это намъ за диковинку видѣть здѣсь настоящаго джентльмена. Идетъ, что-ли, серъ?

— Душевно радъ. Выпьемъ всѣ по чарочкѣ.

Водка полилась изъ глинянаго кувшина. На этотъ разъ въ стаканъ незнакомца попала обильная примѣсь одуряющаго снадобья. Онъ провозгласилъ здоровье всѣхъ присутствующихъ, отпилъ половину стакана, но вдругъ остановился и недовѣрчиво посмотрѣлъ на оставшуюся жидкость.

— Эй, что это такое?

— А что? спросилъ Барни.

— У этой водки какой-то странный вкусъ, совсѣмъ не тотъ, что у прежней.

Digitized by Google

— Водка вся изъ одной бутылки

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ джентльменъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Рѣшительная минута приближалась. Пѣнье прекратилось; вся шайка напряженно чего-то ждала. Прологъ трагедіи былъ сыгранъ. Всѣ чувствовали, что если незнакомецъ не допьетъ своего стакана, то все это врядъ-ли кончится обычною мирною развязкой.

— Конечно изъ одной бутылки. Ужъ не думаете-ли вы, что я держу два сорта водки для продажи? спросилъ Барни, напрашиваясь на ссору, какъ на лучшее средство покончить разомъ дѣло.

— Я думаю, что мнѣ пора идти домой, проговорилъ незнакомецъ, тяжело поднимаясь съ мѣста. Я и такъ замѣшкался. Покойной ночи.

— Допейте же свою водку.

— Въ нее что-то подмѣшано, я до нея больше не дотронусь, и съ этими словами стаканъ былъ брошенъ объ полъ.

Черный Барни заслонилъ дверь спиною; выйти не было никакой возможности.

— Пропустите меня.

— Прежде заплатите за стаканъ. Вы его разбили.

— Хорошо... Сколько вамъ надо?

Незнакомецъ начиналъ терять сознаніе; снадобье оказывало свое дѣйствіе. Но человѣкъ онъ былъ крѣпкаго сложенія; сознаніе опасности придавало ему новыя силы, и онъ отчаянно сопротивлялся этому дѣйствію.

Барни назначилъ цѣну за стаканъ, и незнакомецъ началъ рыться въ своихъ карманахъ. Пользуясь этою минутою, Барни нанесъ ему ударъ тяжелымъ кистенемъ. Незнакомецъ пошатнулся и ухватился за наличникъ камина.

— Боже мой! простоналъ онъ, зачѣмъ я сюда пришелъ. Но близость угрожающей опасности придала ему силы для защиты, и онъ устремился на своего противника.

— Не бей его больше, Барни, прокричалъ кто-то изъ при-

Digitized by Google

сутствующихъ. И такъ сейчасъ упадетъ, онъ исходитъ кровью; будетъ съ него!

Но Барни становился подчасъ сущимъ демономъ; раздраженный сопротивленіемъ, онъ и не заботился о послѣдствіяхъ своей горячности. Вторичный ударъ былъ нанесенъ и, при томъ, съ такою силою, что незнакомецъ замертво повалился на полъ, потрясши весь домъ своимъ паденіемъ.

— Эй, дѣвки, живѣе! воскликнулъ Барни. Обшарьте его карманы и все, что найдете, давайте сюда. Счеты успѣемъ свести завтра. А теперь надо его поскорѣе убрать отсюда, пока онъ не слишкомъ много потерялъ крови.

— Ты его никакъ совсѣмъ порѣшилъ, Барни, замѣтила Дженни. Боже правый! Что намъ теперь дѣлать?

— Полно, дурочка, онъ только ошеломленъ. Гдѣ его кошелекъ!

И они торопливо принялись за работу. Дженни, припавъ на колѣна возлѣ двери, дрожала отъ испуга. Ни разу еще не приходилось ей до сихъ поръ быть сообщницей такого страшнаго дѣла. Незнакомецъ не шевелился, глаза его потускнѣли, какъ у мертваго. Струя крови текла къ двери и начинала просачиваться за порогъ, когда Барни закричалъ ей:

— Смотри, чтобы кровь не потекла на площадку, не то мы пропали. Останови ее своимъ фартукомъ.

Дженни загородила своимъ фартукомъ путь алому потоку; начатое дѣло шло между тѣмъ своимъ чередомъ. Другая молодая дѣвушка была блѣдна, какъ полотно; восемнадцатилѣтній мальчикъ совершенно растерялся и, дрожа какъ въ лихорадкѣ, стоялъ у камина. Самъ Барни казался озабоченнѣе обыкновеннаго.

— Пульсъ у него еще бьется, проговорилъ онъ наконецъ торжествующимъ голосомъ, и Дженни, въ воображеніи которой уже начинала рисоваться висѣлица и толпа народа на глазговской площади, воскликнула: ну, слава богу! какъ я рада! Эхъ Барни! Надо же тебѣ было его ударить во второй разъ.

— Снесемъ-ка его теперь внизъ, продолжалъ Барни, не отвѣчая на вопросъ. И они подняли втроемъ неподвижное тѣло, и спустились по темной лѣстницѣ во дворъ. Тутъ они испу-

Digitized by Google

гались какого-то шума и, оставивъ тѣло на землѣ, поспѣшно возвратились въ комнату.

— Уберите-ка здѣсь все поскорѣе, распорядился Барни, и погасите свѣчу.

Дѣвушка, помогавшая преступной четѣ въ этомъ дѣлѣ, вызвалась было пойти внизъ и покараулить, но Барни счелъ такую предосторожность излишней и даже опасной. Тогда эта женщина принялась плакать о томъ, что не можетъ возвратиться домой. Дженни блѣдная, но твердая, принялась за работу по указанію Барни; но она никакъ не могла отдѣлаться отъ страха, что все выйдетъ наружу, и сердце ея тревожно билось. Обѣ женщины спросили у Барни, какъ онъ объ этомъ думаетъ: онъ отвѣчалъ, быть можетъ, не совсѣмъ искренно, что дѣло это—пустяки Наконецъ было приступлено къ раздѣлу добычи, которая оказалась ниже общихъ ожиданій.

Кошелекъ былъ брошенъ въ огонь. Покончивъ всѣ дѣла, Барни отправился внизъ подъ предлогомъ удостовѣриться, что все ли обошлось благополучно. Немного погодя и Дженни спустилась вслѣдъ за нимъ.

Но ни Барни, ни тѣла оставленнаго на дворѣ не оказалось. Возвратившись въ комнату, Дженни застала свою сообщницу молящеюся на колѣняхъ.

— О чемъ это ты молишься? спросила Дженни.—Я молю Пресвятую Богородицу, чтобы насъ не открыли, отвѣчала та.

Женщина эта была католичка.

Обѣ женщины въ эту ночь не ложились въ постель.

Онѣ подвалили угольевъ въ каминъ, чтобы скорѣе высушить только-что вымытый полъ и бросили окровавленный фартукъ въ огонь. Потомъ онѣ подсѣли къ камельку и принялись разсуждать о предстоящей опасности.

—Не могу понять куда дѣвался Барни? недоумѣвала Дженни.

—Барни удралъ, и мы его больше не увидимъ, рѣшила ея подруга. Мнѣ кажется, что и намъ самимъ лучше всего убираться по добру по здорову.

Въ эту минуту послышался легкій стукъ въ дверь и женскій голосъ шопотомъ проговорилъ: «Дженъ». Затворницы отодвинули болтъ у двери, и къ нимъ вошла сосѣдка, жившая въ

Digitized by Google

смежной комнатѣ. Посѣтительница, какъ видно, еще не раздѣвалась въ тотъ вечеръ.

—Откуда ты?

—Я только-что вернулась домой. На улицѣ собрались кучи народа. Дѣло плохо: полиція того и гляди, что нагрянетъ сюда. Дикъ уже взятъ; я нарочно пришла вамъ это сказать.

—Ну такъ давай богъ ноги.

Дженни и ея подруга поспѣшно вышли изъ дома и, очутившись на улицѣ, разошлись въ разныя стороны. Дженни отправилась къ одной своей пріятельницѣ, содержавшей пріютъ, въ который полиція не такъ часто заглядывала.

—Что такое случилось? спросила хозяйка пріюта, насилу рѣшаясь на стукъ Дженни покинуть постель и отпереть дверь.

—Тс! погоди немного, я тебѣ все разскажу. Барни не заходилъ къ тебѣ?

—Нѣтъ.

—Куда же бы онъ могъ дѣваться?

—А что? Развѣ бѣда какая случилась?

—Еще какая бѣда-то!

И Дженни начала свой разсказъ. Слушательница ея подсѣла какъ была въ спальной одеждѣ къ камину, въ которомъ еще тлѣлся огонь и, давъ ей договорить, высказала свое мнѣніе:

—На твоемъ мѣстѣ я не осталась бы здѣсь ни минуты, Дженни.

—Въ самомъ дѣлѣ?

Я бы отправилась въ Поллокшильдсъ, тамъ до тебя не скоро еще доберутся. Не совѣтую тебѣ мѣшкать въ Глазговѣ.

Въ объясненіе этого совѣта необходимо замѣтить, что Поллокшильдсъ, предмѣстье Глазгова, лежалъ внѣ круга дѣйствія Глазговской полиціи и служилъ убѣжищемъ не одному преступнику, укрывавшемуся отъ кары закона. Предмѣстье это, находившееся за чертою города, имѣло довольно долго свое собственное управленіе, и ни одинъ преступникъ не могъ быть арестованъ въ немъ городскою полиціею.

Дженъ поняла благоразуміе этого совѣта, но это не помѣшало ей отвергнуть его. Многое говорило въ пользу бѣгства, но было одно соображеніе, побуждавшее ее остаться.

Digitized by Google

—Я все думаю, не придетъ ли сюда завтра Барни. Мнѣ, знаешь ли, не хотѣлось бы безъ него ни на что рѣшаться.

—Дѣлай, какъ знаешь; только по моему ты дура, что здѣсь мѣшкаешь.

Дженни осталась. Хозяйка ея улеглась въ постель и спала ночь спокойно; но Дженни было не до сна. Когда разсвѣло, ночные постояльцы разбрелись въ разныя стороны по своимъ дѣламъ; многіе изъ нихъ на ходу поздоровались съ Дженни и освѣдомились, какими судьбами она сюда попала, на что Камерона далъ имъ уклончивый отвѣтъ.

Часамъ къ двѣнадцати тѣ изъ постояльцевъ, у которыхъ въ этотъ день было мало *работы*, вернулись домой съ самыми свѣжими новостями. Происшествіе послѣдней ночи, въ которомъ наша героиня принимала такое дѣятельное участіе было уже напечатано въ столбцахъ Глазговскихъ газетъ, которыя Дженни прочитала по складамъ. Къ утѣшенію своему она узнала, что ударъ, нанесенный жертвѣ, былъ не смертельный, но въ то же время она узнала, что домъ, въ которомъ она жила, былъ обысканъ и въ комнатѣ ея побывали сыщики.

—Они добираются до тебя съ Барни, замѣтилъ одинъ изъ разскасчиковъ. На твоемъ мѣстѣ я поскорѣе бы удралъ изъ города.

—Нѣтъ, я еще подожду до ночи.

—Жди своего Барни! Что ему за невидаль сюда вернуться, замѣтила хозяйка.

—А знаю, что онъ вернется.

Но Дженни ошиблась, и напрасно прождала его до наступленія ночи. Передъ вечеромъ, чтобы придать себѣ мужества, она напилась пьяная, вслѣдствіе чего сдѣлалась еще упрямѣе и задорнѣе. Наконецъ она заснула, прислонившись головою къ наличнику, и въ этомъ состояніи застали ее грозные посѣтители, о приходѣ которыхъ ее давно предупреждали.

—Давно ли эта женщина здѣсь? спросилъ сыщикъ у хозяйки.

—Съ прошлой ночи.

—Въ которомъ часу она сюда пришла?

—Часу такъ во второмъ или въ третьемъ, я и сама хорошенько не помню; я впустила ее съ просонковъ.

—Черный Барни не былъ здѣсь.

Digitized by Google

—Ея любовникъ-то? И носу не показывалъ. Да я и не пустила бы его; не люблю я этого человѣка.

Дженни слышала весь этотъ разговоръ, но тогда только очнулась и поняла весь ужасъ своего положенія, когда чья-то рука грубо тряхнула ее за плечо.

—Эй, Дженни вставай!

—Что такое случилось?

Она выпрямилась, стараясь по возможности казаться спокойной. Передъ нею были знакомыя лица констэбля и сыщика; у дверей полисменъ въ мундирѣ.

—Тебя требуетъ въ бюро полиціи.

—Я ничего такого не сдѣлала. Въ чемъ же меня обвиняютъ?

—Ты это тамъ узнаешь; мое дѣло только арестовать тебя.

—Ну, дѣлать нечего, проговорила она, вставая съ тяжелымъ вздохомъ; видно надо съ вами идти. Прощайте мистрисъ Эдмондсъ: если можно будетъ, дайте знать Барни, гдѣ я. Ну-съ. я готова. Только вы увидите, что все это недоразумѣніе.

Digitized by Google

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

(повѣсть)

Было одинадцать часовъ утра.

Губернскій городъ С. давно уже проснулся и засуетился своей обычной суетой, но въ семействѣ Струговыхъ утро только что начиналось. Это было видно по стульямъ въ безпорядкѣ отодвинутымъ отъ стѣнъ, довольно большой комнаты, которая служила и пріемной, и столовой; по щеткѣ половой, въ торопяхъ прислоненной къ стѣнѣ, подлѣ фортепьяно; по тряпкѣ, брошенной на столикѣ передъ зеркаломъ и по чайному прибору, еще не убранному съ другаго стола, стоявшаго въ простѣнкѣ между двумя окнами. Обстановка этой комнаты не предъявляла ни претензіи на роскошь, ни слѣдовъ вопіющей бѣдности: это была форменная меблировка пріемной небогатаго провинціальнаго семейства. Соломенные стулья, большое зеркало, фортопьяно, надъ нимъ на стѣнкѣ нѣсколько фамильныхъ фотографическихъ портретовъ, и бѣлые кисейные занавѣсы на окнахъ,—вотъ и все. Черезъ растворенную дверь видна была другая комната, раздѣленная пополамъ ситцевой драпировкой. Въ ней находились три дѣвушки. Одна, облокотясь на чайный столъ, читала, или лучше сказать, перелистывала книгу. Ей казалась на видъ около двадцати четырехъ лѣтъ. Черты ея лица были довольно нѣжны и правильны, но ихъ портило безжизненное и вялое выраженіе. По этому выраженію можно было догадаться, что для нея всякое движеніе составляетъ трудъ.

Digitized by Google

Совершеннымъ контрастомъ ея была другая сестра, высокая, полная брюнетка, краснощокая, съ живымъ, но довольно тривіальнымъ очертаніемъ лица и черезъ-чуръ густыми, темными, нависшими бровями. Она снимала черезъ стекло узоръ для воротничка. Наконецъ передъ зеркаломъ третья сестра, прехорошенькое маленькое созданье, то надѣвала, то снимала поясъ, на которомъ перешивала крючки. Ей было двадцать два года, но на видъ казалось не болѣе семнадцати.

— Копочка, сказала та изъ сестеръ, которая сидѣла за книгой;— что такое *буддизмъ*?

— Погоди, не мѣшай, отвѣчала Копочка передвигая листокъ на стеклѣ. Я уголъ снимаю. По моей выкройкѣ не приходится.

— Это вѣрно происходитъ отъ французскаго слова bonder, замѣтила младшая бойко и увѣреннымъ тономъ,—въ десятый разъ застегивая поясъ и вертясь передъ зеркаломъ.

— Ты вѣчно, Люба, скажешь какую нибудь глупость, проговорила Копочка, нахмуривъ свои темныя брови.

— Что жъ я сказала глупаго, позвольте спросить?

— Буддизмъ, значитъ вѣра такая, отвѣтила строго Копочка.

— А я почемъ знаю. Лиза, посмотри, пожалуйста, не морщитъ ли сзади, прибавила она, подойдя къ сестрѣ.

— Ты вѣчно ничего не знаешь, продолжала Копочка, въ томъ-то и дѣло. Ты себя этакъ при чужихъ можешь сконфузить.

— Женщинѣ простительно не быть ученой, отвѣчала Люба:— Иванъ Тихонычъ въ прошедшій разъ сказалъ это.

— Много онъ смыслитъ, твой Иванъ Тихонычъ, замѣтила Копочка презрительно. Отчего жъ Иларій заставляетъ насъ читать и учиться.

— Отъ того, что Иларій мудрецъ, отвѣчала Люба хладнокровно; да притомъ же онъ учитель. Онъ привыкъ ворчать на мальчишекъ, вѣдь я не гимназистъ, и въ *ученыя* не лѣзу.

— Ужъ куда тебѣ до ученыхъ; хоть бы ты имѣла понятіе о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Вѣдь нынче не старина, и надъ женщинами смѣются, если онѣ каждую минуту попадаются въ просакъ. А вотъ я хоть пари готова держать, что ты не знаешь, отчего твой поясъ называется Медичи, прибавила Копочка, указывая на него карандашемъ.

— Ну что-жъ держи пари, отвѣтила самодовольно Люба. Только если проиграешь, спиши мнѣ польку la Coquette.

Digitized by Google

— А если выиграю?

— Я тебѣ напишу этотъ коротенекъ, что ты рисуешь.

— Согласна. Лиза будь свидѣтельницей.

— Пожалуй, отвѣчала Лиза лѣниво, продолжая перелистывать книгу.

Въ эту минуту изъ передней растворилась дверь, и черезъ столовую въ спальню быстро прошла пожилая женщина, въ ситцевомъ капотѣ и въ бѣломъ кисейномъ чепцѣ. Походка ея была суетлива, лицо постоянно озабочено.

— Дѣти, замѣтила она мимоходомъ,—хоть бы вы прибрали тутъ: Катеринѣ нѣкогда. Я масло купила, такъ она въ лавку ушла свѣсить. Страмъ какой! Посмотрите, скоро двѣнадцать часовъ, а у насъ еще соръ посреди полу валяется. Хоть бы ты, Люба, подмела—неравно кто придетъ, а ты Лиза чашки бы вымыла, да убрала.

Люба оставила поясъ, который былъ уже совсѣмъ готовъ, и взялась за щетку. Но Лиза не двинулась съ мѣста.

— Катеринѣ вѣчно нѣкогда, замѣтила она съ неудовольствіемъ. Очень пріятно мыть чашки, чтобъ руки испортились. У меня сегодня и безъ того голова болитъ.

— Ну что-жъ, Люба, отчего поясъ называется Медичи?

Люба остановилась посреди комнаты и облокотясь на щетку, сказала медленно торжественнымъ тономъ, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ.

— Отъ того, что жила была на свѣтѣ, злая, презлая королева, которую звали Катериной Медичи и которая носила такіе пояса. Ну довольно съ тебя?

— И ты воображаешь, что выиграла пари? сказала Копочка.

— Еще бы нѣтъ. Вѣдь я тебѣ разсказала, кто носилъ такіе пояса.

— Очень ты много разсказала. Ты даже не знаешь, какая королева была Катерина Медичи.

— Итальянская, отвѣчала Люба, поставивъ щетку и принимаясь за пыльную тряпку.

— Ну вотъ и опять глупости говоришь. Она была не итальянская, а французская королева. Жена Генриха II, мать того самого Карла IX, который стрѣлялъ въ своихъ подданныхъ съ балкона, во время Варѳоломеевской ночи.

Копочка рада была блеснуть ученостью, которую недавно почерпнула изъ романа Дюма.

Digitized by Google

— Да отвяжись, Копочка, надоѣла ты мнѣ со своей королевой. Что мнѣ за дѣло до того, кто былъ ея мужъ, Генрихъ II или Степанъ Иванычъ! Вѣдь мнѣ съ ними не жить, всѣ ужъ давно перемерли... Туда имъ и дорога. Ваше сіятельство, прибавила Люба, обращаясь къ Лизѣ, потрудитесь пошевелиться немножко, позвольте мнѣ снять скатерть и поднос съ чашками.

— Да что это Люба ты выдумала звать меня вашимъ сіятельствомъ, проговорила Лиза съ досадой, надувъ губы.

— Въ самомъ дѣлѣ Люба, подхватила Копочка, ты иногда бываешь очень дерзка.

— Дерзки бываютъ только служанки, замѣтила Люба, а вѣдь я не въ услуженіи у васъ...

Между тѣмъ, какъ Люба хотѣла распространиться на эту тему, у воротъ послышался стукъ экипажа.

— Вонъ Иванъ Тихонычъ пріѣхалъ, — сказала Лиза, взглянувъ въ окно.

Всѣ сестры всполошились. Позвали на помощь Катерину. Чашки, щетка, пыльная тряпка—все было вынесено въ одну секунду. Лиза ушла въ спальню и затворила дверь. Когда пріѣхавшій гость вошелъ въ пріемную, Люба уже играла какой-то вальсъ, а Копочка на столѣ обрисовывала свой узоръ. Вошедшій, Иванъ Тихонычъ Костянниковъ, былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти. Покойный родитель его, богатый подрядчикъ, держалъ сына въ ежевыхъ рукавицахъ. При жизни его, Иванъ Тихонычъ не смѣлъ заговорить громкимъ голосомъ, и послѣ смерти родителя еще долго не могъ отстать отъ привычки разговаривать шопотомъ и оглядываться. Но за то, когда потомъ убѣдился, что онъ теперь полный хозяинъ наслѣдственной тятенькиной конторки, на которую прежде такъ сладострастно посматривалъ, — молодой человѣкъ развернулся и зажилъ во всю ширину натуры, благовоспитанной въ родительскихъ тискахъ. Онъ былъ недуренъ собою. Лицо у него было бѣлое, украшенное кое-гдѣ веснушками, носъ прямой, волосы свѣтлорусые, глаза сѣрые. Больше про его наружность ничего нельзя сказать. Одѣтъ онъ былъ щеголевато. Въ пріемахъ его, то угловатыхъ, то вялыхъ, странно сливались застѣнчивость и неловкость, и грубая развязность, претендовавшая на свѣтскость.

— Я вамъ помѣшалъ, сказалъ онъ раскланявшись и обращаясь къ Любенькѣ.

Digitized by Google

— Ахъ нѣтъ! Садитесь, Иванъ Тихонычъ.

— Марья Андреевна здорова?

— Мамаша хозяйничаетъ, отвѣчала Копочка, она сейчасъ придетъ.

— А я пріѣхалъ къ вамъ съ порсьбой.

— Что такое? сестры спросили съ любопытствомъ.

— Я во вторникъ балъ даю, произнесъ Иванъ Тихонычъ, потупивъ глаза. Не откажите, удостойте вашимъ присутствіемъ.

— Балъ! да это чудесно! вскричали обѣ дѣвицы.

— Отчего вамъ вздумалось давать балъ лѣтомъ?

— Новоселье справляю.

— Развѣ ужъ домъ совсѣмъ готовъ? спросила Люба.

— Какъ же; третьяго дня мы перешли. Вчера молебенъ былъ.

— Ахъ какъ мнѣ хочется видѣть вашъ новый домъ? воскликнула Люба. Я увѣрена, что онъ отдѣланъ чудесно.

— Сколько въ немъ комнатъ? спросала Копочка.

— Да какъ вамъ сказать...

Иванъ Тихонычъ принялся считать про себя по пальцамъ.

— Двѣнадцать на моей половинѣ,да четыре во флигилѣ у маменьки.

— За чѣмъ вамъ такъ много? спросила Копочка.

— Для чего же, имѣвши капиталъ, стѣснять себя? Я считаю такъ, что если имѣвши деньги, да не пользоваться ими, значитъ не стоитъ ихъ и имѣть...

— Сколько у васъ гостинныхъ? спросила Люба.

— Двѣ—одна большая, другая маленькая.

— И каминъ есть?

— Все есть, отвѣчалъ Иванъ Тихонычъ, тряхнувъ головой. Въ большой гостинной шпалеры бархатныя, цвѣты на нихъ точно живые. Вотъ увидите. Мебель орѣховаго дерева, натуральнаго цвѣта, пунцовымъ атласомъ обита. Зало въ семь оконъ.

— Вотъ это славно! вскричала Люба. Танцовать отлично будетъ.

— Я это имѣлъ въ виду, проговорилъ Иванъ Тихонычъ, улыбаясь и умильно посматривая на Любу.

— У васъ много будетъ на балѣ? спросила Копочка.

— Всѣхъ почти звалъ. Вотъ и вамъ пригласительный билетъ, прибавилъ Иванъ Тихонычъ, вынимая изъ жилетнаго кармана билетъ. Маменька васъ очень проситъ; могу я быть увѣренъ, что вы будете?

Digitized by Google

— Я думаю, Иванъ Тихонычъ, сказала Копочка. Надо слезать брату; не знаю, какъ онъ.

— Неужели Иларій Алексѣичъ не захочетъ доставить вамъ этого удовольствія? Это было бы слишкомъ жестоко съ его стороны, проговорилъ Иванъ Тихонычъ, охорашиваясь и посматривая на Любеньку.

— Разумѣется Иларій поѣдетъ, отвѣчала Любенька увѣренно. У насъ въ С. не скоро опять такого бала дождешся. Танцовать лѣтомъ, вѣдь это просто прелесть.

— А я весь садъ иллюминую; дорожки велю пескомъ укатать, столики велю тамъ разставить съ фруктами и мороженнымъ.

Дѣвицы отъ восторга заахали на разные тоны.

— Это будетъ великолѣпно, проговорила Любенька.

— Это будетъ очаровательно! Вашъ балъ, Иванъ Тихонычъ, запишется въ лѣтописяхъ нашего городка, прибавила Копочка.

— Эхъ Капитолина Алексѣвна, что мнѣ до нихъ, до лѣтописей. Я вѣдь не изъ тщеславія... собственно это дѣлаю для...

Иванъ Тихонычъ замялся и посмотрѣлъ на Любеньку.

— Для хорошихъ знакомыхъ, прибавилъ онъ тише, и огладываясь.

Онъ всталъ и принялся натягивать перчатку.

— Куда же вы? заговорили сестры. Погодите, сейчасъ мамаша выдетъ.

— Нѣтъ ужъ что безпокоить Марью Андревну, я въ другой разъ. Вы имъ потрудитесь засвидѣтельствовать мое почтеніе.

— Мамаша очень жалѣть будетъ.

— Я у васъ скоро буду, отвѣчалъ Иванъ Тихонычь съ пріятной улыбкой, раскланявшись какъ могъ галантерейнѣе, и исчезъ за дверью.

— Купчикъ, во всей формѣ купчикъ! проговорила насмѣшливо Копочка, взглянувъ мелькомъ въ окно, когда загремѣлъ экипажъ увозившій Ивана Тихоныча.

— Ну да, купчикъ, подхватила Любенька, а сама вѣдь съ радостью вышла бы за него замужъ, еслибъ только посватался.

— Ну еще подумала бы о томъ, идти за него или нѣтъ.

— Хоть и подумала бы, а все, таки вышла бы.

— Ну, можетъ быть, и вышла бы. Чтожъ, я вѣдь бѣдная дѣвушка, намъ нельзя много разбирать. Все же лучше, чѣмъ старой дѣвой остаться.

Изъ передней вышли сперва Марья Андреевна, а за ней Катерина скатертью и тарелками.

Digitized by Google

— Пустите ее дѣти столъ накрыть, сказала Марья Андреевна, скоро два часа; Иларій придетъ.

Дѣвицы перебрались въ маленькую гостиную передъ спальной. Марья Андреевна, чтобъ привести въ порядокъ свой туалетъ, ушла за драпировку.

— Этакъ мнѣ досадно было, заговорила она оттуда, что я не успѣла выйти къ Ивану Тихонычу. Хоть бы ты Копочка задержала его.

— Мы оставляли, да ему нѣкогда. Знаете, онъ на балъ звалъ насъ.

— На балъ? спросила радостно Марья Андреевна.

— Да, да, отвѣчали всѣ сестры хоромъ.

— Какой балъ-то великолѣпный, прибавила Люба. Иллюминація въ саду будетъ.

— Говоритъ, что всѣхъ звалъ, и намъ билетъ привезъ.

Марья Андреевна вышла изъ за драпировки; физіономія ея очень оживилась. Видно было, что вѣсть о балѣ пришлась ей по сердцу.

— Да когда жъ это? спросила она, присѣвъ на диванчикъ.

— Во вторникъ.

— Ахъ Боже мой! да успѣете ли вы приготовиться. Что у насъ сегодня, четвергъ кажется.

— Успѣемъ, отвѣчала Люба.

— Вамъ съ Копочкой хорошо, заговорила Лиза плаксивымъ тономъ, конечно вы успѣете, когда у васъ новыя платья есть, а мнѣ не въ чемъ ѣхать.

— А чѣмъ твое голубое, вапе́ровое платье не хорошо?

— Ну ужъ нѣтъ, что хотите дѣлайте а я въ немъ не поѣду. Это не платье а мундиръ. Я нынѣшнюю зиму на пяти вечерахъ въ немъ была.

— Гдѣ жъ новыхъ платьевъ набраться прикажите, отвѣчала не безъ ироніи Марья Андреевна. Сама знаешь, что отъ пенсіи у меня ни копѣйки не осталось.

— Ну такъ я останусь дома, проговорила Лиза и надулась.

— Нѣтъ ужъ этого-то не будетъ, отвѣчала настойчиво Марья Андреевна. Нельзя капризничать съ тѣми, въ комъ мы ищемъ. Съ купечествомъ надо степенно поступать.

— Да кто въ немъ ищетъ, въ вашемъ Иванѣ Тихонычѣ? отвѣчала Лиза, сдѣлавъ кисло-сладкую мину.

Digitized by Google

— Да я сама въ немъ ищу, сударыня, отвѣчала Марья Андреевна, все больше и больше горячась.

— Ну такъ вы и надѣньте мое голубое платье, и поѣзжайте въ немъ на балъ.

— Дура, проговорила отрывисто Марья Андреевна, больше ничего, какъ дура.

Лиза захныкала.

— Перестань Лиза, сказала Копочка, право скучно. Вѣчно исторіи сочиняетъ. Ну, надѣнь сѣрое, барежевое платье.

Лиза отерла слезы и взглянула на сестру искоса, все еще надувъ губы.

— Въ барежевомъ платьѣ на этакой большой балъ.

— Его можно чудесно отдѣлать голубыми лентами и черными кружевами, сказала Копочка.

— А ленты-то гдѣ?

— Ну на ленты я у Иларія попрошу, сказала Марья Андреевна.

— Такъ чѣмъ просить на ленты, попросите лучше на бѣлый ваперъ, сказала Лиза.

— Опять таки! воскликнула Марья Андреевна, всплеснувъ руками. Да ты пожалѣй, хоть немного брата-то. Вѣдь кромѣ твоего платья и сестрамъ что нибудь понадобится, и перчатки, и башмаки, да вѣдь и карету нанять надо.

— Вотъ мило, да кому же насъ одѣвать, какъ не брату. Гдѣ же намъ достать; вѣдь не воровать же намъ.

— Знаете, что маменька, сказала Копочка вполголоса, вы попробуйте попросить у него ей на ваперовое платье. Это не дорого станетъ. Вѣдь въ барежевомъ, право, неловко на такой большой балъ. За шитье платить не надо, мы сами сошьемъ. Александра Павловна скроитъ, смечетъ, да и шить поможетъ. Отдѣлать также можно безъ лишнихъ затѣй. Ну, а если онъ не дастъ, тогда дѣлать нечего: уговоримъ ее хоть барежевое надѣть.

— Все не дорого, отвѣчала Марья Андреевца, на это надо рубль, на то два, а какъ посмотришъ все вмѣстѣ, и много надо рублей-то. Охъ, хоть бы одну изъ васъ помогъ Господь Богъ пристроить.

Въ передней послышались мужскіе шаги.

— Иларій пришелъ, сказала Люба.

— Вели давать обѣдать.

Люба убѣжала въ кухню.

Digitized by Google

— Вы у него ничего не просите, прибавила шопотомъ Марья Андреевна, пусть онъ снерва пообѣдаетъ, да отдохнетъ. Я сама съ нимъ послѣ поговорю. Сестрамъ-то, смотри, скажи.

Черезъ десять минутъ все семейство сѣло за столъ.

Иларій Алексѣевичъ Струговъ былъ старше своихъ сестеръ. Ему было двадцать пять лѣтъ. Его лицо не бросалось въ глаза ни чертами, ни особенной выразительностью; но въ немъ было что-то въ высшей степени симпатичное, чего не доставало физіономіямъ его сестеръ, несмотря на нѣкоторое фамильное сходство между ними и братомъ. Взглядъ его былъ большею частью разсѣянный, какой часто бываетъ у людей постоянно углубленныхъ въ какую нибудь думу. Онъ рѣдко смѣялся, но смѣхъ его легко сообщался другимъ, потому что былъ чистосердеченъ и веселъ. Иларій радовался, какъ ребенокъ, когда могъ хотя не на долго увлечься чѣмъ нибудь и забыть все, что было тяжелаго въ его жизни. А жизнь далеко не баловала его. Она каждый день, съ ранняго утра, смотрѣла ему въ глаза, какъ злая мачиха и твердила ему только одно слово, но такое слово, какое для нѣкоторыхъ бываетъ источникомъ высокаго наслажденія, а для другихъ свинцовымъ грузомъ, подъ которымъ только остается безъ надежды преклонить голову, это тяжелое для него слово: *долгъ*.

— Ну что новаго? сказалъ Иларій обращаясь къ сестрамъ.

— Иванъ Тихонычъ былъ, отвѣчали вмѣстѣ Люба и Копочка.

— Какой онъ чудный балъ даетъ, прибавила Люба.

— Вотъ какъ! Птенецъ оперился и полетать хочетъ, проговорилъ Иларій.—Заплачутъ тятенькины денежки.

— Онъ новоселье справляетъ, замѣтила Копочка; говорятъ, что весь городъ звалъ.

— Такъ что жъ онъ не даетъ бала на городской площади?

— Ты вѣчно смѣешься надъ нимъ, замѣтила Люба.

— Да нѣтъ, я не смѣюсь. Я вѣдь знаю, что вы всѣ рады поплясать у этого милаго юноши и у почтенной его родительницы.

Иларій съ видимой досадой принялся за кушанья. Всѣ молчали.

Послѣ обѣда молодой человѣкъ пошелъ въ свою комнату. Марья Андреевна прилегла отдохнуть, а сестры въ маленькой гостинной предались сладкимъ мечтамъ, толкуя вполголоса о предстоящемъ балѣ. Часа черезъ полтора, Марья Андреевна встала и велѣла варить кофе.

Digitized by Google

Она сама налила чашку для сына, и отправилась съ ней въ его комнату. Иларій сидѣлъ на диванѣ и читалъ.

— Зачѣмъ вы безпокоитесь, маменька, сказалъ онъ, взявъ изъ ея рукъ чашку; я бы самъ пришелъ.

— Мнѣ надо съ тобой поговорить, мой другъ, отвѣчала она, садясь подлѣ него.

— Что вамъ угодно?

— Да вотъ видишь что, мнѣ и жаль тебя, видитъ Богъ жаль, да дѣло-то такое, что никакъ нельзя обойтись безъ твоей помощи.

Иларій изъ этого вступленья заключилъ, что дѣло идетъ о чемъ нибудь важномъ. Онъ зналъ, что семейство не могло существовать пенсіей его матери, и бралъ на себя почти всѣ расходы по хозяйству.

— Зачѣмъ же вы не говорите прямо, маменька, вы знаете, что я всегда дѣлаю все, что только въ моихъ силахъ. Вѣрно нѣтъ дома муки или масла, прибавилъ онъ, весело улыбнувшись.

— Нѣтъ масла-то я сегодня купила и мука есть. А вотъ сестрамъ на балъ надо ѣхать. Копочкѣ и Любѣ башмаки надо, надо всѣмъ тремъ перчатки.

— Это къ Костянпикову-то на балъ? спросилъ Иларій.

— Да, къ нему. Вѣдь нельзя не ѣхать.

— Но почему же нельзя? спросилъ Иларій хмурясь.

— Ахъ, помилуй, вѣдь этакаго бала нескоро дождемся. Да и обижать людей совѣстно. Вѣдь, если твои сестры будутъ вѣкъ за печкой сидѣть, такъ ихъ никто не увидитъ.

— Но, маменька, кажется нынѣшнюю зиму онѣ не сидѣли за печкой. Онѣ были по крайней мѣрѣ на десяти вечерахъ. Я думаю, что добрые люди успѣли на нихъ насмотрѣться.

— Да что жъ ты въ самомъ дѣлѣ Иларій, проговорила довольно сухо Марья Андреевна.

Она изучила характеръ сына и знала всѣ его слабыя стороны.

— Если у тебя нѣтъ денегъ для сестеръ, такъ я займу гдѣ нибудь. А не могу жъ я лишить ихъ этого удовольствія. Вѣдь я имъ одная мать, не мачиха.

Нѣсколько минутъ оба молчали.

— На башмаки, на перчатки для сестеръ у меня еще достанетъ денегъ, проговорилъ Иларій, и вамъ не придется занимать. Но мнѣ не нравится то, что онѣ поѣдутъ на балъ къ Костянникову, и не нравится вообще ухаживанье Костянникова за Любой.

Digitized by Google

— Да что тебѣ за дѣло до этого! Странный ты, въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, Иларій. Еслибъ онъ и женился на Любѣ, такъ что же за бѣда? Дай Богъ всѣмъ такого мужа. Состояніе у него большое, молодой человѣкъ, недуренъ собой. Мотоватъ немножко, но вѣроятно перемѣнится, если женится по любви. Другой бы на твоемъ мѣстѣ еще радъ былъ такому счастью.

— Да, еслибъ это было въ самомъ дѣлѣ счастье для сестры; а я сильно въ этомъ сомнѣваюсь. Сколько надо денегъ? прибавилъ онъ, подойдя къ письменному столу.

— Да рублей десять, пожалуй будетъ довольно.

Иларій вынулъ изъ ящика десять рублей и подалъ ихъ матери.

— Ахъ Боже мой, сказала она, принимая отъ него деньги, вѣдь вотъ я какая безпамятная, самое-то главное и забыла. Вѣдь у Лизы платья нѣтъ, ей не въ чемъ ѣхать.

Иларій задумался.

Доходы его были не велики. Собственно себѣ онъ позволялъ только одно удовольствіе—книги. Но нерѣдко ему приходилось жертвовать и этимъ удовольствіемъ въ пользу сестеръ. И въ настоящую минуту на этотъ предметъ у него была отложена небольшая сумма. Книги, которыя онъ хотѣлъ купить въ этотъ разъ, были ему почти необходимы. Онъ рѣшился отказать сестрѣ въ новомъ платьѣ, но отказъ былъ для него очень непривычнымъ дѣломъ. И онъ стоялъ передъ матерью, въ раздумьѣ, собираясь съ силами.

— На такой большой балъ нельзя ѣхать какъ-нибудь одѣтой, прибавила Марья Андреевна, замѣтивъ замѣшательство Иларія.

— Маменька, проговорилъ онъ наконецъ, не смотря на нее, кажется Лизѣ придется остаться дома. У меня есть еще деньги, но мнѣ непремѣнно надо купить книги.

— Ну нѣтъ, такъ нечего дѣлать, отвѣчала холодно Марья Андреевна. Я ужъ гдѣ-нибудь достану. За что жъ бѣдной Лизѣ сидѣть дома, когда сестры ея будутъ веселиться.

И она вышла изъ комнаты.

Марья Андреевна любила сына нисколько не меньше дочерей, но любовь ея выражалась по своему; и на этотъ разъ она считала себя совершенно въ правѣ отнять у сына послѣднюю копѣйку, только явиться бы на балъ не хуже другихъ. Между тѣмъ молодой человѣкъ, по уходѣ матери, взялся опять было за книгу, но охоты чи-

Digitized by Google

тать больше не было. Ему сдѣлалось не ловко, какъ будто чего-то совѣстно, какъ будто на что-то досадно.

Въ столовой, гдѣ въ это время всегда раздавался говоръ и смѣхъ его сестеръ, теперь все было тихо, точно сестрамъ его было не до смѣха и не до разговоровъ. Иларій просидѣлъ нѣсколько минутъ въ раздумьѣ и вышелъ наконецъ изъ своей комнаты. Сестры и мать его сидѣли въ гостинной. Его поблагодарили за деньги, но благодарили сухо, какъ исполняютъ непріятную обязанность. Онъ попробовалъ было заговорить съ ними, шутить, но на его шутки отвѣчали серьезно и холодно. На столѣ лежали кружева, ленты, и дѣвицы усердно работали. Иларій вернулся въ свою комнату, надѣлъ шляпу и ушелъ изъ дому.

Семейство Струговыхъ переѣхало въ городъ С. года полтора, когда Иларій, окончивъ университетскій курсъ, получилъ мѣсто учителя при С—ской гимназіи. Отецъ его, прожившій всю свою жизнь въ Петербургѣ, началъ службу съ очень скромнаго мѣста въ какомъ-то департаментѣ. Алексѣй Ивановичъ былъ честный человѣкъ, можетъ быть потому, что не имѣлъ случая подвергаться большимъ искушеніямъ. Жить для него значило служить. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ такимъ ревностнымъ патріотомъ, что готовъ былъ посвятить каждую минуту жизни своему отечеству; онъ просто потому любилъ службу, что изъ всѣхъ явленій жизни, былъ знакомъ только съ нею.

Долго и усердно служилъ Алексѣй Ивановичъ, получалъ прибавки жалованья, повышенія и награжденія. Женился онъ на небогатой дѣвушкѣ и обзавелся уже знакомымъ намъ семействомъ. Алексѣй Ивановичъ воспиталъ своихъ дочерей сообразно своимъ понятіямъ о женщинѣ, а идеаломъ женщины была для него Марья Андреевна, служившая своему мужу вѣрой и правдой, какъ подобаетъ добродѣтельной чиновницѣ. При жизни его всѣ три дочери ходили два или три года въ какой-то плохой пансіонъ, гдѣ ихъ выучили немножко по французски, немножко по русски, брянчать польки и танцовать. Больше этого Алексѣй Ивановичъ ничего и не требовалъ отъ воспитанія, и даже не подозрѣвалъ, что дѣвушкѣ можно знать что-нибудь другое. Когда онъ скончался, оказалось, что воспитаніе его дочерей ровно ни къ чему не повело. Хозяйничать барышни не любили, потому что ихъ учили хозяйничать благороднымъ манеромъ, какъ слѣдуетъ дочерямъ чиновниковъ. Онѣ иногда разливали чай и выдавали муку и масло кухаркѣ; но состряпать что-нибудь казалось имъ

Digitized by Google

дѣломъ неприличнымъ. Замужъ дѣвицы не выходили, вѣроятно, потому, что судьбы не было, какъ у насъ говорится. Изъ познаній, пріобрѣтенныхъ въ пансіонѣ, онѣ также не могли извлечь никакой пользы ни для себя, ни для другихъ. И вотъ всѣ три сестрицы болтались себѣ кое-какъ на бѣломъ свѣтѣ, какъ болтаются милліоны русскихъ женщинъ.

Иларій былъ отъ природы очень добръ. Но доброта, какъ и всѣ крайности, часто превращаются во зло. Прибавьте къ ней нервное сложеніе, характеръ мягкій до слабости, воспріимчивый и легко увлекающійся. Отецъ Иларія былъ человѣкъ вполнѣ рутинный. Вычиталъ ли онъ самъ гдѣ-нибудь, или слышалъ отъ какого-нибудь пріятеля, или наконецъ дошелъ своимъ умомъ, что дѣтей надо воспитывать строго. И онъ придерживался этого правила самымъ безтолковымъ образомъ. Дѣвочки не смѣли даже много говорить въ его присутствіи. Иларій, вѣчно запуганный, питалъ къ отцу только одно чувство — боязнь. Любящая натура ребенка должна была непремѣнно привязаться къ кому-нибудь, или къ чему-нибудь. И вотъ Иларій привязался собственно къ семейству, къ матери и сестрамъ. Онъ не отдавалъ никому изъ нихъ предпочтенія, но любилъ всѣхъ, потому что ему всѣхъ ихъ было жаль. Результатомъ его привязанности къ семьѣ, было то, что когда умеръ его отецъ, онъ принялся съ жаромъ перевоспитывать своихъ сестеръ. Но всѣ его старанія конечно остались безуспѣшны. Сестры не могли усвоить себѣ тѣхъ понятій, которыми не запаслись раньше, и всѣ попытки Иларія считали за педантство и несносное умничанье. Копочка одна изъ сестеръ показывала видъ, будто обращаетъ вниманіе на братнины внушенія; она еще кое-что читала, кое-чѣмъ занималась, но все это дѣлалось не по убѣжденію, а отчасти для того, чтобы заслужить расположеніе Иларія, отчасти и для того, чтобы не отстать отъ людей. Лиза же не хотѣла выйти ни на шагъ изъ того очарованнаго круга, въ который ее втолкнула родительская рутина; она вся была пропитана понятіями чиновничьяго барства. Люба смотрѣла на жизнь только съ одной стороны: она крѣпко надѣялась на свое хорошенькое личико и твердо вѣрила, что замужество единственная цѣль жизни; все остальное было для нея, какъ говорится, трынъ-трава.

Диссонансъ между Иларіемъ и его сестрами подѣйствовалъ на него очень тяжело. Вслѣдствіе нѣсколькихъ непріятныхъ сценъ онъ отступился совершенно отъ нхъ умственнаго перевоспитанія. Но глу-

Digitized by Google

боко осталось въ его душѣ одно убѣжденіе, которымъ подарила его семейная жизнь: онъ считалъ себя не въ правѣ отдѣлить свои интересы отъ интересовъ семьи, не могъ устроиться самостоятельно.

Выйдя изъ дому, Иларій пошелъ прямо по главной улицѣ, которая вела къ слободѣ. Онъ не замѣтилъ, какъ миновалъ послѣдніе домы слободы, и очутился посреди пустырей и огородовъ. Погода стояла ясная. Земля только-что покрылась молодой пушистой травой, въ огородахъ цвѣли черемуха и сирень; на грядахъ весело вились побѣги свѣжей зелени. Иларій остановился, оперся на изгородь и въ раздумьѣ засмотрѣлся на тропинку, которая вилась на краю оврага, у опушки лѣса. Никогда еще такъ сильно его безвыходное положеніе не возмущало его души. И, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни въ его умѣ предсталъ положительно и ясно вопросъ: было ли для него *долгомъ*, или нѣтъ, жертвовать собою всю жизнь для своихъ сестеръ? Этотъ вопросъ испугалъ его, и вызвалъ другой: въ состояніи ли были его сестры пропитать себя честнымъ трудомъ? Еслибъ онѣ получили другое воспитаніе, еслибъ онѣ родились среди такого общества, которое дозволяетъ женщинѣ быть человѣкомъ, а не куклой, то, конечно, онѣ были бы и умственно и нравственно гораздо болѣе развиты, и смѣло могли бы каждая порознь существовать честнымъ трудомъ. Но сестры Иларія жили безсознательно, какъ живутъ червяки и бабочки. Эта жизнь также не радостна.

И горько скорбѣлъ о нихъ молодой человѣкъ; но разрѣшить вопроса все-таки не могъ, да и врядъ ли кто могъ скоро разрѣшить его при такихъ обстоятельствахъ. А между тѣмъ отъ этого вопроса зависѣло все его будущее.

Ухаживанье Костянникова за Любой ему рѣшительно не нравилось. Онъ зналъ, что Костянниковъ пустой мальчишка, мотъ, отъ котораго нельзя было ожидать ничего путнаго, и что Люба не будетъ съ нимъ счастлива. Какъ честному человѣку, ему слѣдовало бы вразумить сестру и отклонить ее отъ этого брака; но тутъ невольно являлись затаенныя мысли другаго рода: «если, думалъ онъ, Люба не выйдетъ за Костянникова, то она вѣчно останется у меня на шеѣ, а если выйдетъ, то можетъ быть, какъ-нибудь удастся современемъ освободиться и отъ другихъ сестеръ!»...

И начиналась въ головѣ молодаго человѣка борьба между долгомъ и любовью къ жизни независимой, и чѣмъ дольше останавливался

Digitized by Google

онъ на которой нибудь изъ этихъ мыслей, тѣмъ тяжелѣе становилось у него на сердце, тѣмъ безотраднѣе казалась ему жизнь и тѣмъ безвыходнѣе его положеніе. Онъ смутно сознавалъ, что силы его слабѣютъ съ каждымъ днемъ, что еще лѣтъ пять такой жизни отнимутъ у него послѣдній остатокъ энергіи, и что онъ погибнетъ въ этой грустной борьбѣ, если его не поддержитъ какая-нибудь посторонняя сила.

Было поздно, когда Иларій побрелъ домой по городскимъ улицамъ. У одного невысокаго домика, съ открытыми окнами, онъ остановился. Тамъ играли на фортепіано. Но эта была-не та игра, что слышится въ провинціальномъ городѣ лѣтомъ, чуть ли не изъ каждаго дома. Фортепьяно какъ будто пѣло какую-то тихую мелодію, не грустную, не раздражающую сердце безотчетной тоской, но отрадную, успокоительно-дѣйствующую на нервы. Въ этой мелодіи слышалось что-то свѣжее, тихо-радостное, напоминающее и первые лучи утренняго солнца, и первый поцѣлуй любви и первую улыбку ребенка.

Иларій постоялъ нѣсколько минутъ подъ окномъ, потомъ подошелъ было къ калиткѣ, но одумался, и по прежнему грустно побрелъ вдоль по улицѣ.

Когда онъ пришелъ домой, сестры и мать его ужинали. Онъ подсѣлъ къ нимъ, попробовалъ было заговаривать, шутить, но ему отвѣчали точно также неохотно, какъ и поутру.

Поутру, отправляясь въ классы, онъ оставилъ матери десять рублей на платье для Лизы.

II

На другой день послѣ описанныхъ нами сценъ, въ двѣнадцать часовъ утра, изъ подъѣзда двухъ-этажнаго дома, вышла дѣвушка, лѣтъ двадцати. Она держала въ одной рукѣ зонтикъ, въ другой свертокъ нотъ. Сверхъ темнаго шерстянаго платья, на плечи ея была накинута сѣрая тальма. Соломенная шляпа съ сѣрыми лентами и бѣлымъ цвѣткомъ подъ полями заканчивала ея нарядъ. Она пошла торопливо, какъ обыкновенно ходятъ люди, для которыхъ время, что нибудь значитъ.

Еслибъ вы встрѣтились съ этой дѣвушкой на улицѣ, вы прошли

Digitized by Google

бы мимо, не обративъ на нее никакого вниманія. Еслибъ вы увидѣли ее среди ярко освѣщенной, бальной залы, гдѣ столько хорошенькихъ личиковъ бросаются въ глаза, — вы сказали бы: какъ жаль, что эта дѣвушка не хороша собой: въ ней такъ много симпатичнаго. Но еслибъ вы познакомились съ ней покороче, вы нашли бы, что она несравненно лучше многихъ, такъ называемыхъ хорошенькихъ женщинъ. Она была не много выше средняго, женскаго роста, и стройна, хотя плечи ея, пропорціонально съ ростомъ, были не много узки. Блѣдное лицо ея было не правильно. Темные волосы вились отъ природы по высокому лбу. Лучше всего у ней были глаза и звукъ голоса. Чѣмъ болѣе всматривались вы въ эти глубокіе, черные, глаза съ мягкимъ выраженіемъ, тѣмъ сильнѣе влекла васъ къ ней какая-то неопредѣленная сила. Выраженье ея лица было постоянно серьезно, даже задумчиво. Но смѣхъ ея звучалъ искренно, какъ смѣхъ ребенка.

Пройдя нѣсколько улицъ, она поровнялась съ домомъ, гдѣ жили Струговы.

— Александра Павловна! раздалось надъ ея головою, изъ отворепнаго окна. Зайдите къ намъ, пожалуйста.

Всѣ три сестры высунулись въ окно, и убѣдительно упрашивали ее зайти.

— Мнѣ нельзя, отвѣчала она,—я тороплюсь домой.

— Да только на одну минуточку, сказала Копочка. Намъ надо попросить у васъ совѣта. Помогите намъ!

— Помочь? Что жъ за важное происшествіе случилось у васъ?

— Вы знаете, Костянниковъ балъ даетъ....

— Нѣтъ совсѣмъ не знала.

— Великолѣпный, продолжала Люба, иллюминація будетъ. А у Лизы платья нѣтъ.

— А, теперь понимаю въ чемъ дѣло

— Мы купили ваперу и хотимъ дома сшить. Только безъ васъ не съ умѣемъ, прибавила Копочка. Зайдите пожалуйста, хоть на четверть часа.

Александра Павловна подумала и пошла къ калиткѣ.

Всѣ сестры выбѣжали къ ней на встрѣчу съ распростертыми объятіями. Одна взяла изъ ея рукъ зонтикъ, другая ноты, третья сняла съ нее шляпу. Александра Павловна вошла въ комнату, гдѣ на столѣ все ужъ было приготовлено, и съ помощью сестеръ принялась

Digitized by Google

размѣривать и кроить. Прежде всего началось совѣщаніе на счетъ фасона и отдѣлки. Это такой предметъ, о которомъ женщины говорятъ охотно и съ такимъ увлеченіемъ, что совершенно забываютъ время. Нѣсколько фасоновъ было предложено, разсмотрѣно и отвергнуто. Порѣшили наконецъ лифъ сдѣлать съ буфами.

Александра Павловна съ нетерпѣніемъ посматривала на часы. Ее ожидала дома больная мать, а въ четыре часа ей предстояло еще дать два урока музыки, однако она торопливо принялась за работу.

— Какъ досадно, сказала Копочка,—когда не имѣешь ничего собственнаго и вѣчно надо просить то у маменьки, то у брата. Это для меня отравляетъ всякое удовольствіе.

— Но вѣдь вѣрно братъ не отказываетъ вамъ, когда можетъ? сказала Александра Павловна.

— Конечно нѣтъ, отвѣчала Копочка. Вотъ онъ и для этого бала далъ намъ двадцать рублей. А все-таки просить непріятно.

— Странно, еслибъ онъ не давалъ намъ, прибавила Лиза. Вѣдь онъ не женатъ, у него не много расходовъ, а намъ не чѣмъ достать, вѣдь онъ это очень хорошо знаетъ.

— Какъ вы счасливы, Александра Павловна, что у васъ такой музыкальный талантъ, сказала Капочка, у васъ всегда есть свои деньги.

— Но, mesdames, еслибъ вы только хотѣли, то также могли бы не быть никому обязанными.

— У насъ нѣтъ никакихъ талантовъ, скромно замѣтила Лиза.

— Каждая изъ васъ, продолжала Александра Павловна, проворно работая ножницами, могла бы приготовиться и пойти въ гувернантки или компаніонки.

— Ахъ нѣтъ, Александра Павловна, мнѣ ужъ никогда не бывать гувернанткой, а лучше пошла бы въ швеи, еслибъ нужда заставила, вскричала Люба. Я терпѣть не могу учености.

— Смѣшно идти въ гувернантки, прибавила Лиза, пока мы еще можемъ жить дома. Вы знаете, какими глазами смотрятъ на гувернантокъ.

— Да, я согласна, что доставать себѣ хлѣбъ не легко, отвѣчала Александра Павловна. Но вы сами же сказали, что вамъ тяжело быть обязанными брату. Ну вотъ, прибавила она, теперь все скроено, можете шить.

Digitized by Google

— Душечка, Александра Павловна, какъ мы вамъ благодарны, заговорили сестры хоромъ.

Александра Павловна надѣла шляпу, и хотѣла было идти, но сестры не пускали ее и уговаривали взять лифъ съ собой домой и на досугѣ окончить его. Та принуждена была согласиться и на это.

— Бѣдный Иларій! подумала она, спускаясь съ лѣстницы, и тяжело вздохнула. Она не скроила бы лифа и не унесла бы его съ собой, еслибъ не чувствовала сильнаго желанія избавить ихъ брата отъ лишнихъ расходовъ. Мысль, что она безъ его вѣдома, можетъ оказать ему маленькую услугу, заставила ее весело улыбнуться.

По уходѣ ея, сестры принялись толковать и судить о ней же.

— Скажите, пожалуста, проговорила Копочка, выдумала совѣты давать, въ гувернантки! Я понимаю, къ чему это клонится.

— А что ты думаешь? спросила Лиза.

— Тутъ нечего и думать. Это ясно, какъ день. Она собирается замужъ за Иларія, такъ и намекаетъ намъ, чтобъ мы не мѣшали ея благополучію.

— А что, вѣдь онъ пожалуй женится на ней, проговорила Лиза зѣвая и потягиваясь.

— Ну нѣтъ. Онъ хоть и бредитъ разными гуманными и современными идеями, но съ ума еще кажется не сходилъ. Онъ пойметъ, что если женится на ней, такъ только нищихъ прибавитъ.

— Такъ зачѣмъ же онъ такъ часто ходитъ къ ней?

— Отъ скуки. Вмѣстѣ умничаютъ. Пожалуй, онъ ей намекнулъ что нибудь, а она и возмечтала.

— Рано или поздно Иларій женится на ней, сказала Люба, которая до сихъ поръ не принимала участія въ разговорѣ. — Онъ ее любитъ.

— Ну да, напророчь еще, сказала Копочка съ досадой. Еще посмотримъ, какъ-то его допустятъ жениться.

— Да кто жъ помѣшаетъ? замѣтила Люба, которой хотѣлось и заступиться за брата и подразнить сестру. — Ужъ не ты ли?

— Маменька благословенья не дастъ.

— Да онъ не посмотритъ на это благословенье.

— Отчего жъ онъ не женился на ней прежде? замѣтила Копочка насмѣшливо. Вѣдь они знакомы ужъ больше года.

— Отчего жъ? повторила Люба въ раздумьѣ, оттого, что онъ Иларій, мудрецъ — и держится пословицы: десять разъ от-

Digitized by Google

нѣрнвай да одинъ отрѣжь. Эхъ, терпѣть не могу такихъ людей,— точно нѣмцы. Будь я на его мѣстѣ, я бы ужъ двадцать разъ женилась, хоть бы у меня была дюжина сестеръ, и десять маменекъ.

— Ну да, что ужъ про тебя и говорить. Выйди сперва хоть сама-то замужъ.

— Конечно выйду, отвѣчала Люба такъ самонадѣянно, какъ будто ужъ одѣвалась къ вѣнцу.

Между тѣмъ Александра Павловна подошла къ тому маленькому домику, гдѣ наканунѣ подъ окномъ Иларій слушалъ музыку. На встрѣчу ей выбѣжала дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, очень похожая на нее.

— Саша! вскричала она радостнымъ голосомъ, какъ ты сегодня долго. Насилу я тебя дождалась. Маменька сердилась безъ тебя.

— За что?

— Да зачѣмъ тебя долго нѣтъ, говоритъ что кушать хочетъ, а у Надежды еще супъ не готовъ.

Александра Павловна поспѣшно отворила дверь, и прежде всего заглянула въ кухню.

— Ради Бога, Надежда, проговорила она съ безпокойствомъ, подавай скорѣй обѣдать.

— Не подать же мнѣ все сырое на столъ, отвѣчала Надежда, ни чуть не тронутая умоляющимъ голосомъ и встревоженнымъ лицомъ Александры Павловны. Сами виноваты, зачѣмъ такихъ сырыхъ дровъ купили, что не горятъ.

— Я сейчасъ приду тебѣ помочь. Вѣра, душа моя, накрой на столъ.

— Да ужъ я давно накрыла. Дай-ка мнѣ твои поты, да этотъ свертокъ. Вѣдь ты устала.

И дѣвочка, взявъ изъ рукъ сестры свертокъ и ноты, побѣжала въ комнаты. Александра Павловна пошла за ней.

— Тише Вѣра; что ты носишься, какъ ураганъ. Никакихъ у тебя манеръ нѣтъ. Сердце болитъ, на тебя глядя, проговорила съ неудовольствіемъ женщина лѣтъ сорока, сидѣвшая у окна въ длинномъ, покойномъ креслѣ.

Это была Евгенія Яковлевна Ростова, мать Александры Павловны и Вѣрочки.

Вѣрочка пошла на цыпочкахъ.

— Здравствуйте маменька, сказала Александра Павловна, подойдя къ ней и развязывая шляпку.—Что, какъ вы себя чувствуете теперь?

Digitized by Google

И ея добрые черные глазки пристально и съ безпокойствомъ остановились на лицѣ матери. Александра Павловна помнила еще, когда это лицо было красиво. Ребенкомъ она часто засматривалась на мать, праздным любопытным взоромъ дѣтей, говорила ей: какая ты мама хорошенькая! И мать ея любила это. Она улыбалась, и выраженье ея лица было тогда и мягкое, и доброе. Теперь эти черты были искажены болѣзнью. Недостатки, горе, положили на нихъ почти постоянное выраженье неудовольствія и досады.

— Да помилуй, Саша, жалобно заговорила больная. Гдѣ это ты пропадаешь? Вѣдь я знаю, что у тебя сегодня, послѣ двѣнадцати часовъ, нѣтъ уроковъ, а теперь ужъ скоро два. Это ни на что не похоже. Очень ты много заботишься о больной матери.

Она закашлялась.

— Да развѣ вамъ меня для чего нибудь надо было, маманя? спросила Александра Павловна робко.

— Вотъ вопросъ! Да когда жъ ты мнѣ не нужна бываешь? Вѣдь ты знаешь, что я сама ни за чѣмъ присмотрѣть не въ силахъ, даже въ кухню выйти не могу. А вотъ Надежда масло что ли пролила, чадъ такой пошелъ, что я не знала куда дѣваться. Должна была окна отворить, за то теперь кашель покою не дастъ.

— Право я не виновата, маманя. Я шла мимо Струговыхъ, они и зазвали меня. Никакъ нельзя было отговориться.

— Еслибъ ты больше обо мнѣ думала, такъ съумѣла бы отговориться. Да будемъ-ли мы сегодня обѣдать-то?

Александра Павловна бросилась въ кухню. Благодаря ея стараніямъ, Надежда понесла наконецъ супъ на столъ.

— Сущіе помои, сказала Евгенія Яковлевна, проглотивъ первую ложку супу. У ней вѣрно бульонъ на плиту выкипѣлъ, а она и развѣла водой. Я такого супа ѣсть не могу. Пусть Надежда сама кушаетъ на здоровье

Новый пароксизмъ кашля не позволилъ ей продолжать.

Александра Павловна и Вѣрочка, молча и не подымая глазъ, съ усиліемъ глотали супъ. У нихъ пропалъ аппетитъ.

Надежда сняла со стола супъ и подала бифштексъ. — Евгенія Яковлевна взяла на тарелку кусокъ бифштекса, осмотрѣла его съ недовѣрчивой внимательностью со всѣхъ сторонъ и наконецъ рѣшилась попробовать.—Но и бифштексъ не пришелся ей по вкусу.

Она встала изъ за стола, и опять усѣлась на покойное кресло.

Digitized by Google

Александра Павловна и Вѣрочка молча переглянулись. И сколько обоюднаго сострадания выражали умные глаза обѣихъ сестеръ.

Обѣ онѣ торопливо кончили обѣдъ, и тоже встали изъ за стола.

— Мамаша, сказала Александра Павловна, подойдя къ ней, чтобъ поцѣловать ея руку, — вы ничего не кушали. Скажите, что вамъ сдѣлать, я сейчасъ приготовлю. Плита еще горяча у Надежды, стоитъ только подложить дровъ немного, въ одну минуту будетъ готово. Не хотите-ли, я вамъ свѣжій бифштексъ сдѣлаю. Я сейчасъ схожу въ мясную.

— Я не хочу тратить денегъ для того, чтобы дѣлать два обѣда въ день.

— Ахъ, мамаша, что жалѣть денегъ. Деньги будутъ. Вотъ я сегодня опять получу за уроки. Были-бы вы только здоровы, да спокойны.

— Лучше бы домой-то приходила во время, такъ я была-бы спокойна.

Александра Павловна видя, что мать все еще не въ духѣ, отошла отъ нее и принялась убирать свои вещи. Вѣрочка помогала ей.

— Это что за свертокъ такой? спросила Евгенія Яковлевна, замѣтивъ въ углу на этажеркѣ завернутый въ бумагу лифъ Лизы.

— Это я, мамаша, принесла отъ Струговыхъ.

— Что это такое?

— Костянниковъ балъ даетъ, такъ Лиза просила меня лифъ ей скроить. Я взяла сметать его.

Евгенія Яковлевна покачала головой.

— Господи, Боже мой, проговорила она, до чего я дожила. Изъ дочери моей швею ужъ дѣлаютъ! Ахъ Саша, Саша! ну для чего ты на себя такую роль берешь, да еще передъ такою дрянью, какъ Струговы. Да вѣдь при твоемъ покойномъ отцѣ, ихъ бы къ намъ не только въ гостинную, да и въ переднюю бы не пустили!

— Но вѣдь онѣ не богаты, мамаша. Онѣ должны платить деньги за шитье, а чтожъ мнѣ стоитъ скроить и сметать лифъ.

— Да того и стоитъ, что онѣ къ тебѣ всякое уваженье потеряютъ. Что за швея ты на всѣхъ нищихъ? Отошли имъ этотъ лифъ, сейчасъ же. Я не хочу, чтобъ моей дочерью помыкали.

Александра Павловна взяла свертокъ, вышла съ нимъ въ кухню, гдѣ кое-какъ, растолковавъ Надеждѣ въ чемъ дѣло, убѣдила ее выйти,

Digitized by Google

ностоять гдѣ нибудь на улицѣ и спѣвать потомъ, что отнесла имъ. Затѣмъ она вернулась въ комнату, чтобы взять зонтикъ.

— Или ты въ самомъ дѣлѣ хочешь сдѣлаться ихъ швеей за тѣмъ, чтобы Иларій женился на тебѣ. Такъ я тебѣ скажу, что этому не бывать, пока я жива. Не хочу я, чтобы ты въ это семейство вступила. Это люди не нашего круга. Еслибъ твой покойный отецъ былъ живъ, такъ не такую-бы партію ты могла сдѣлать...

На этотъ разъ Александра Павловна не выдержала и заплакала.

— Ну что расплакалась! проговорила Евгенія Яковлевна, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанья и раздумья. Вѣдь мнѣ тяжело, что мою дочь такъ третируютъ. Не того ждала я для тебя, когда ты росла. Ну поди поцѣлуй меня, не плачь.

Александра Павловна обняла мать. Евгеніи Яковлевнѣ стало жаль дочери.

— Охъ, Саша, Саша, проговорила она, не сердись ты на меня. Саша чувствую, что обижаю тебя иногда, да вѣдь это все отъ болѣзни. Добрая ты душа у меня, никому и ни въ чемъ отказать не умѣешь. Конечно Иларій хорошій человѣкъ, да все хотѣлось-бы для тебя, что нибудь получше.

— Мамаша, да подумайте только, проговорила Александра Павловна улыбаясь, какъ ему жениться на мнѣ, когда ни у меня, ни у него ничего нѣтъ. А вѣдь онъ долженъ содержать все семейство.

— Ну да, дуры дѣвчонки, за то я ихъ терпѣть не могу. Пошли бы куда нибудь въ люди жить, чѣмъ по баламъ-то ѣздить. Развѣ ты у меня хуже ихъ, да вѣдь трудишься же. Ты куда-же опять?

— Мнѣ пора на урокъ, мамаша. Четыре ужь пробило, я опоздала.

— Такъ не бѣги же со всѣхъ ногъ. Что за бѣда, подождутъ.

Но Александра Павловна думала иначе и, выйдя изъ дому, пошла такъ скоро, какъ только могла. Часа черезъ два она возвратилась. Евгенія Яковлевна успѣла въ это время отдохнуть и встала, казалось, въ добромъ расположеніи духа. Она, какъ и утромъ, сидѣла въ своемъ любимомъ креслѣ и раскладывала пасьянсъ. Александра Павловна давно уже старалась достать гдѣ нибудь Elégie любимаго ея композитора. Въ этотъ день ей посчастливилось. Ей дали эти ноты въ томъ домѣ, гдѣ она давала утромъ урокъ, но до сихъ поръ ей не выдалось еще ни одной минуты, чтобы разыграть ее. Музыка была ея страстью и источникомъ существованія для бѣдной дѣвушки. Она любила ее всей душой. Мелодическіе звуки не разъ

Digitized by Google

заставляли ее забывать на время тяжелый, непріятно проведенный день, болѣзнь матери, ея собственныя грустныя думы и все, что было горькаго въ ея положеніи. Не мудрено, что она рвалась къ фортепьяно каждую свободную минуту. И теперь, когда она видѣла, что мать ея спокойна, и когда окончились всѣ ея дневныя заботы, первымъ ея дѣломъ было, вмѣсто отдыха, открыть фортепьяно. Она принялась разыгрывать Elégie со всѣмъ увлеченіемъ истинной артистки, фортепьяно плакало, жаловалось, высказывало подъ ея пальцами все, что было у ней на сердцѣ.

Александра Павловна играла такъ, что ея игра могущественно дѣйствовала на слушателей. Можно было полюбить ее безумно за одну ея музыку...

— Ахъ, Саша, сказала вдругъ Евгенія Яковлевна, что это ты такое играешь? Всю душу вытянешь!.. Сыграй что нибудь веселенькое. Мазурку Шопена, или польку какую нибудь.

Дѣлать было нечего. Александра Павловна со вздохомъ положила Elégie въ сторону, и принялась за мазурки и польки. Но и это скоро наскучило больной.

— Ну ужъ будетъ мой другъ, сегодня, сказала она. Завтра, можетъ я буду здоровѣе, такъ побольше поиграешь. Да вонъ, прибавила она, взглянувъ въ окно, Муза Петровна идетъ. Пусть поболтаетъ что нибудь. Какъ живаго человѣка увидишь, да поговоришь съ нимъ, какъ будто и разсѣешься.

Александра Павловна обрадовалась также посѣщенію Музы Петровны. Она могла теперь оставить мать и пойти отдохнуть въ маленькой садикъ, который послѣ фортепьяно былъ для нея любимымъ мѣстомъ отдыха.

Вѣрочка пошла за ней. Александра Павловна взяла лифъ Лизы, и сѣла въ маленькой бесѣдкѣ, поросшей плющемъ. Вѣрочка сѣла подлѣ нея на скамейкѣ. Нѣсколько минутъ сестры молчали. Александра Павловна прилежно шила.

— Саша, проговорила наконецъ Вѣрочка, не могу ли я помочь тебѣ. Дай я буду шить.

Александра Павловна улыбнулась.

— Нельзя душа моя, отвѣчала она, тутъ надо сметывать. А что ты сегодня Вѣрочка сдѣлала переводъ, который я дала тебѣ?

— Сдѣлала.

— Ну хорошо. Я посмотрю его, когда смечу этотъ лифъ.

Digitized by Google

— Саша, сказала Вѣрочка ласкаясь къ сестрѣ,—какъ мнѣ жаль тебя. Тебѣ сегодня не удалось и поиграть.

— Что жъ за бѣда, поиграю завтра.

— Хоть бы мама поскорѣй выздоровѣла, а то она такая капризная. Хочетъ непремѣнно, чтобъ ты сама ей стряпала.

— Больные всегда бываютъ капризны. Не надо ихъ раздражать.

Вѣрочка призадумалась.

— Скажи, пожалуйста, Саша, сказала она вдругъ, поднявъ головку и взглянувъ серьезно и пристально на сестру: — откуда ты берешь столько терпѣнья?

Александра Павловна улыбнулась.

— Жизнь научила терпѣнью. Намъ съ тобой, Вѣрочка, непремѣнно надо выучиться быть терпѣливыми.

— Отчего-же намъ?

— Оттого, что намъ въ жизни много придется встрѣтить такого съ чѣмъ надо будетъ бороться.

— Съ чѣмъ же, Саша?

— Мало-ли съ чѣмъ! Вѣдь ты знаешь, что мы бѣдны. Надо бороться съ бѣдностью, вооружаться противъ нея трудомъ и терпѣніемъ. Кромѣ того въ жизни встрѣчаются и болѣзни, и нехорошіе люди...

— Ахъ да, Саша, знаешь-ли что? Вотъ я сегодня еще объ этомъ думала. Вѣдь въ жизни больше худаго, чѣмъ хорошаго.

— Конечно. Противъ худаго-то и надо вооружаться терпѣньемъ.

— А мнѣ очень досадно, что это такъ. То ли дѣло, еслибъ всѣ люди были счастливы. Маменька не была бы больна, мы не были бы бѣдны и ты не давала бы уроковъ, а ѣздила бы на балы, наряжалась, танцовала бы, какъ и всѣ. Мнѣ очень хочется видѣть тебя хоть разъ нарядною, въ бѣломъ тюлевомъ платьѣ... или нѣтъ... лучше въ розовомъ съ цвѣтами на головѣ... Ахъ Саша! Это такъ красиво, вапёровое платье! ты была бы въ немъ прехорошенькая.

— Я никогда не была на балѣ, отвѣчала задумчиво Александра Павловна. Эти слова навели ее на воспоминанье о прежней жизни, совсѣмъ непохожей на ту, которую она вела теперь.

Евгенія Яковлевна была дочь одного помѣщика В — скаго уѣзда. Она выросла среди безтолковаго изобилія помѣщичьяго быта и получила изнѣженное, пустое воспитаніе, которое называютъ у насъ *свѣтскимъ*. Она немножко играла, немножко пѣла, много занималась нарядами, романами, но во всю жизнь едва-ли прочла хоть

Digitized by Google

одну дѣльную книгу. Вышла она за мужъ по любви за пріѣзжаго изъ Петербурга Ростокова. Ей дали въ приданое много кружевъ, много шелковыхъ платьевъ, бархатныхъ мантилій, брошекъ и кальe, но всего одну деревеньку въ пятьдесятъ душъ, да и то заложенную. Но разсчетъ не входилъ въ женитьбу Ростокова.—Вскорѣ послѣ свадьбы, онъ получилъ по протекціи родственниковъ, одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя у насъ называются теплыми. Много лѣтъ семейство его жило не только достаточно, но даже роскошно, какъ всегда почти живутъ русскіе люди, не запасаясь копѣйкой на черный день.

Александра Павловна получила блестящее образованіе и приготовилась совсѣмъ не къ той жизни, которую назначила ей судьба. Ей былъ шестнадцатый годъ, когда съ отцемъ ея случилось то, что, изъ вѣжливости, въ свѣтѣ называется несчастіемъ. Ростковъ черезъ чуръ уже усердно сталъ собирать доходы съ доходнаго мѣста, за что его отставили отъ службы, съ приказаніемъ впредь никуда не принимать. Самолюбіе его и сангвиническая натура не выдержали этого: онъ умеръ отъ апоплексическаго удара. По смерти его, Евгенія Яковлевна продала деревеньку, превратила все оставшееся имущество въ деньги, переѣхала съ дочерьми въ С., и здѣсь купила домикъ, въ которомъ онѣ живутъ теперь. Кромѣ этого домика, у ней не осталось ровно ничего.

До смерти отца, Александра Павловна была вполнѣ ребенкомъ, не смотря на свои пятнадцать лѣтъ. Но несчастье развило и образовало ее. Она скоро поняла практическій смыслъ жизни такъ же, какъ поняла людей. И то и другое показалось ей не хорошо. Она не возненавидѣла весь міръ, потому что ненависть не уживалась въ ея душѣ, не питала къ нему презрѣнья, потому что еще была молода и надѣялась, но она употребила всѣ свои усилія, чтобъ не упасть ниже своего положенія. Въ ней развилась самостоятельность и любовь къ труду, въ которомъ однемъ она видѣла для себя спасенье. И начала она трудить ся съ такой энергіей, какой нельзя было подозрѣвать въ ней, при взглядѣ на ея кроткое лицо, на ея глаза съ мягкимъ, невозмутимо яснымъ взглядомъ....

Въ эту минуту яркій лучъ вечерняго солнца, пробившись сквозь вѣтви плюща, освѣтилъ обѣ головки сестеръ, наклоненныя другъ къ другу. Эта картина остановила бы вниманіе художника, еслибъ художникъ могъ ее видѣть. Блѣдное личико Вѣрочки и темныя косы при-

Digitized by Google

давали ея дѣтской красотѣ что-то рельефное..... Глаза ея, какъ будто пытались проникнуть въ душу сестры и усвоить себѣ все, что было чистаго и прекраснаго въ этой душѣ. На задумчивомъ лицѣ Александры Павловны выражалась почти материнская нѣжность, смѣшанная съ трогательнымъ состраданіемъ къ сестрѣ. Видно было, что дума о будущей участи Вѣрочки тревожила ее даже въ тихія, спокойныя минуты жизни.

Вдругъ лицо молодой дѣвушки мгновенно измѣнилось. Глаза ея заблистали, щеки слегка вспыхнули, во всѣхъ чертахъ отразилась радость, близкая къ счастью. Она увидѣла черезъ низенькій частоколъ, отдѣлявшій садъ отъ двора, какъ вошелъ въ калитку нашъ знакомецъ Иларій и пошелъ черезъ крыльцо въ комнаты. Александра Павловна проводила его взглядомъ, и съ лихорадочной дѣятельностью принялась за работу.

— Саша, сказала вдругъ Вѣрочка, развѣ ты не видѣла, Иларій Алексѣевичъ пришелъ?

— Такъ что же?

— Какъ что? Развѣ ты не пойдешь въ комнаты?

— Нѣтъ. Сходи лучше ты, спроси у мамаши, не пора ли самоваръ поставить.

Вѣрочка убѣжала, припрыгивая и напѣвая. Она не могла понимать полнѣ, что таилось на сердцѣ у сестры, но ей всегда становилось весело, когда приходилъ Иларій.

Черезъ нѣсколько минутъ, она снова появилась на крыльцѣ. Иларій шелъ за ней. Оба они смѣялись и болтали.

— Мамаша говоритъ, что еще рано ставить самоваръ, заговорила Вѣрочка, войдя въ садикъ, — только семь часовъ. А вотъ Иларій Алексѣевичъ все споритъ, что мои левкои будутъ не махровые. Я и привела его посмотрѣть. — Вотъ посмотрите, спорщикъ, прибавила она, подбѣжавъ къ одной клумбѣ, одинъ бутончикъ уже распустился. Развѣ такіе бываютъ ординарные левкои?

Но, къ крайнему удивленію Вѣрочки, Иларій, который въ комнатѣ выказалъ такое живое сочувствіе къ ея левкоямъ, теперь вовсе не хотѣлъ обратить на нихъ вниманія. Онъ подошелъ къ ея сестрѣ, пожалъ ей руку и преспокойно усѣлся подлѣ нея на скамейкѣ.

— Кому вы это шьете? спросилъ онъ Александру Павловну.

— Себѣ.

— Но вѣдь это бальное платье?

Digitized by Google

— Я ѣду на балъ, отвѣчала она улыбнувшись.

— Вы? повторилъ Иларій съ крайнимъ изумленіемъ.

— Да я. Что жъ тутъ удивительнаго? Вотъ мы сейчасъ только толковали съ Вѣрочкой о томъ, что я еще никогда не была на балѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ вы ѣдете на балъ? проговорилъ Иларій недовѣрчиво.

— Отчего жъ вы не вѣрите?

— Что-то не похоже на васъ. Да вотъ я сейчасъ узнаю всю правду. Вѣрочка, прибавилъ онъ подойдя къ дѣвочкѣ, которая, нагнувшись надъ клумбой, разсматривала свои левкои, — кому шьетъ сестрица платье?

Александра Павловна бросилась было къ Вѣрочкѣ.

— Не говори Вѣра, не говори, закричала она.

— Отчего не говорить? спросила Вѣрочка, поднявъ голову и съ удивленіемъ взглянувъ на сестру.

— Скажите, Вѣрочка, пожалуйста, настаивалъ Иларій.

Дѣвочка лукаво посмотрѣла на сестру и, нагнувшись надъ ухомъ Иларія, прошептала:

— Она шьетъ его для вашей сестры Лизы.

— Не стыдно тебѣ Вѣрочка? сказала Александра Павловна, замѣтивъ этотъ маневръ.

— Что за стыдно? Я не люблю, когда ты его мучишь.

Это было сказано такъ серьезно, что Иларій и Александра Павловна разсмѣялись. Молодой человѣкъ возвратился на прежнее мѣсто.

Онъ задумчиво слѣдилъ за проворными пальцами Александры Павловны, и ему пришло въ голову, что иногда на свѣтѣ бываютъ странныя вещи.

— Вотъ, думалъ онъ, этотъ прозрачный лоскутокъ, эта паутина, чего она стоитъ этому доброму существу? Она куплена на мои послѣднія, трудовыя деньги, но это еще небольшое зло. Но она вызвала со дна моей души самые ядовитые вопросы и сомнѣнья. А эта благородная дѣвушка, послѣ труженическаго, тяжелаго дня, вмѣсто отдыха, шьетъ эту паутину, и для кого? Для пустой, праздной дѣвочки, которая попрыгаетъ одинъ или два вечера въ этомъ платьѣ, не подозрѣвая даже, какой цѣной оно куплено. И всю свою жизнь будетъ Лиза безсмысленно вертѣться въ платьяхъ, купленныхъ на чужой счетъ, сшитыхъ чужими руками. А ты тутъ жертвуй для этихъ платьевъ счастьемъ всей жизни!

Digitized by Google

— О чемъ вы задумались? спросила Александра Павловна, взглянувъ на него.

— Жаль одного пріятеля.

— Что съ нимъ случилось?

— Да особеннаго-то ничего не случилось. Онъ по прежнему работаетъ, ходитъ, спитъ и ѣстъ, какъ и всѣ. Никто пожалуй и не замѣтитъ, что у него на душѣ большое горе.

— Скажите, что жъ у него за горе? спросила съ участіемъ Александра Павловна.

— Да, какъ бы вамъ это объяснить? Это горе — безвыходное положеніе. Иначе я не умѣю его опредѣлить.

— Развѣ могутъ быть безвыходныя положенія?

Лицо Александры Павловны стало серьезно, брови сдвинулись.

— Мнѣ кажется, гдѣ есть воля, тамъ не можетъ быть безвыходнаго положенія.

— Нѣтъ, можетъ. Вѣдь и Гордіевъ узелъ можно разрубить однимъ ударомъ, но разрубить не значитъ развязать. Не все можно рубить.

— Разскажите пожалуйста, что такое? Вашъ пріятель возбуждаетъ во мнѣ участіе и любопытство.

— А вы дадите ему совѣтъ?

— Конечно дала бы, еслибъ умѣла, но я начинаю сомнѣваться въ моей изобрѣтательности. Если вы не можете ничего придумать для вашего пріятеля, значитъ, положеніе затруднительно.

— Вы скорѣй придумаете, чѣмъ я. По моему, этому горемыкѣ ничего больше не остается дѣлать, какъ именно разрубить Гордіевъ узелъ.

— Разсказывайте, это очень любопытно.

— Вотъ видите. Природа дала ему жизнь, но обстоятельства поставили въ такое положеніе, изъ котораго выйти трудно. Онъ любитъ дѣвушку, которая вполнѣ осуществляетъ для него идеалъ женщины. Вѣдь такія дѣвушки встрѣчаются не на каждомъ шагу, а потому пріятель мой можетъ считать себя особеннымъ счастливцемъ. Не правда ли?

— Конечно. Если только онъ не слишкомъ пристрастенъ къ своему идеалу.

— Ну нѣтъ, за это я вамъ ручаюсь. Теперь, судите сами, каково моему пріятелю. Онъ, бѣдняга, видитъ передъ собой цѣлую

Digitized by Google

жизнь, которую могъ бы пройти рука объ руку съ умной, и доброй подругой... А между тѣмъ онъ не смѣетъ, нѣтъ мало того, онъ не долженъ даже никогда намекать ей на свое чувство.

— Отчего?—спросила Александра Павловна, быстро и вопросительно взглянувъ на него.

— Оттого, что вмѣстѣ съ своей любовью онъ можетъ предложить ей только вѣчный трудъ, вѣчную бѣдность и кромѣ, того еще, вѣчныя семейныя дрязги. Труда онъ конечно не боится. Дѣвушка, которую онъ любитъ, одарена энергической, благородной душой. Еслибъ ихъ было только двое, онъ небо ялся бы за нее. Но, къ несчастью, судьба навязала ему на руки трехъ сестеръ и мать, которыя не могутъ существовать сами собою. Что тутъ дѣлать? Какъ вы думаете? Вѣдь тутъ можно сойти съ ума, прибавилъ Иларій.

Александра Павловна взглянула на него. Онъ смотрѣлъ на песокъ, по которому чертилъ длинной, засохшей вѣткой, попавшейся ему подъ руку. Лицо его выражало сильное, душевное страданіе. На губахъ бродила горькая, ядовитая усмѣшка.

— Да, можно, прошептала Александра Павловна, блѣдная какъ смерть.

Она давно и очень хорошо знала, что Иларій ее любитъ. Не разъ думала она объ этомъ, и не находила никакого выхода ни для него, ни для себя. Но она все-таки была счастлива тѣмъ, что любила сама, любила со всею свѣжестью молодаго чувства, и не хотѣла думать о будущемъ.

Оба они, понявъ хорошо свое положеніе, поставили себя другъ передъ другомъ въ дружественныя отношенія, за границу которыхъ не выходили ни на шагъ. Они боялись всякихъ изліяній, особенно Александра Павловна. Она знала, что малѣйшій намекъ долженъ произвести перемѣну въ ихъ отношеніяхъ,—или окончательно сблизить ихъ, или навсегда отдалить другъ отъ друга. Вотъ почему, когда Иларій кончилъ говорить, работа выпала изъ ея рукъ, сердце сжалось. Вдругъ стало страшно ей и за себя, и за него, и какъ ни удерживала она слезы, онѣ прорвались-таки сквозь опущенныя рѣсницы.

Такъ бѣдняки привѣтствуютъ счастіе.

— Вы плачете? сказалъ Иларій, отбросивъ вѣтку и придвинувшись къ Александрѣ Павловнѣ.

— Зачѣмъ вы разсказали эту исторію? Вы никогда не должны

Digitized by Google

бы разсказывать ее, проговорила она, стараясь улыбнуться.

— Отчего жъ никогда? вскричалъ Иларій.

— Я была такъ счастлива...

Она облокотилась на столикъ обѣими руками и спрятала въ нихъ свое лицо. Выраженіе лица Иларія вдругъ измѣнилось. Что то радостное, веселое засіяло на немъ.

— Кто жъ помѣшаетъ намъ быть опять счастливыми еще лучше, еще полнѣе прежняго? — вскричалъ онъ, припавъ губами къ волосамъ Александры Павловны, и тихо отводя ея руки отъ лица. — Если ты любишь меня, если ты согласна дѣлить со мною трудъ, мы будемъ оба бороться. — Только скажи: ты согласна?

— Конечно, вѣдь ты знаешь это;—прошептала дѣвушка краснѣя.

— Такъ мы разрубимъ Гордіевъ узелъ! Мы его разрубимъ однимъ ударомъ.

— Что ты хочешь сказать этимъ?

— Я хочу сказать, что я не виноватъ въ томъ, что у меня есть сестры, точно также, какъ и въ томъ, что онѣ получили глупѣйшее воспитаніе. Я не обязанъ няньчиться съ ними всю свою жизнь, губить себя для ихъ счастья. Ты меня любишь. Этого довольно. Понравится имъ или нѣтъ, что я рѣшился наконецъ позаботиться о самомъ себѣ,— я не посмотрю на это. Пусть живутъ себѣ, какъ знаютъ.

— Нѣтъ, такъ нельзя, задумчиво проговорила Александра Павловна, качая головой. Узелъ надо развязать. И знаешь ли, отчего нельзя?

— Отчего?

— Оттого, что всѣ тяжелыя послѣдствія, все, что будетъ непріятнаго въ положеніи твоихъ сестеръ, все это отзовется на тебѣ же. Я тебя хорошо знаю, Иларій. У тебя слишкомъ мягкая, слишкомъ впечатлительная натура. Если твои сестры будутъ несчастны, ты будешь страдать за нихъ, больше чѣмъ онѣ сами. А я этого не хочу.. ...нѣтъ, нѣтъ, лучше я сама добровольно откажусь отъ собственнаго счастья, нежели послужу поводомъ раздоровъ въ твоей семьѣ.

— Такъ что же дѣлать? Сойти съ ума? Больше ничего не этается.

— Я тебя нуачу, что дѣлать.

Digitized by Google

Иларій взглянулъ на нее такими глазами, въ которыхъ выражались и радость надежды и недоумѣніе.

— Говори, говори, я все сдѣлаю. Ты во сто разъ умнѣй и лучше меня, моя чудная Саша.

— Надо, во-первыхъ, много любить и много вѣрить. Это первое условіе.

Иларій улыбнулся

— Во-вторыхъ, вооружиться терпѣніемъ и осторожно, исподволь развязывать узелъ. Ты долженъ издалека понемногу приготовить твоихъ сестеръ къ мысли, что ты можешь когда нибудь жениться. Конечка не глупа. Она пойметъ это. Посовѣтуй ей серьезно заняться. Въ годъ, въ два она можетъ приготовиться, занять мѣсто гуверпантки или компаньонки

— Какъ ты равнодушно отсрочиваешь наше счастье на цѣлые годы, прервалъ Иларій съ досадой.

— Будь не справедливъ, Иларій. Съ увѣренностью, что насъ любитъ чистая и добрая душа, можно прожить нѣсколько лѣтъ въ надеждѣ на счастье... Вѣдь прожила же я цѣлый годъ, любя тебя, и была счастлива. И какъ скоро прошелъ онъ, этотъ годъ, точно одинъ день.

— Но вѣчно ждать и ждать! проговорилъ уныло Иларій. Такъ пройдетъ, можетъ быть, двадцать лѣтъ, и мы успѣемъ состарѣться.

— А случай. Разсчитывай не много и на него. Мало ли какъ могутъ измѣниться обстоятельства. Сестры твои могутъ замужъ выйти...

— Вотъ ужъ на это я никогда не буду разсчитывать..... Развѣ только Люба.

Иларій разсказалъ Александрѣ Павловнѣ, что, по его соображеніямъ, Костяниковъ думаетъ жениться на Любѣ, и высказалъ свое мнѣніе на счетъ этого брака.

— Напрасно тебя такъ огорчаютъ замыслы Костяникова, сказала она; если Люба любитъ его, то она не послушаетъ тебя, и все-таки выйдетъ за него.... она его удержитъ отъ мотовства. Притомъ же, вѣроятно, Костяниковъ будетъ помогать семейству своей жены. Будемъ, терпѣливы, Иларій, будемъ ждать благопріятной минуты.

Александра Павловна говорила, стараясь перелить въ сердце Иларія больше надежды, больше упованія на лучшую будущность, чѣмъ надѣялась сама. Она говорила съ улыбкой, спокойно и весело, какъ будто рѣчь шла не о ней самой, не объ ея собственномъ счастьи.

Digitized by Google

Ея увѣренность и спокойствіе подѣйствовали, наконецъ, и на Иларія. Будущность представилась ему не въ такихъ уже мрачныхъ краскахъ, въ какихъ онъ привыкъ ее видѣть.

Въ этотъ вечеръ они разстались почти счастливые.

Иларій вдохновился новой энергіей. Поутру еще унылый, мучимый сомнѣніями, теперь онъ готовъ былъ смѣло вызвать обстоятельства на открытую, упорную борьбу.

Александра Павловна, оставшись одна, не хотѣла думать о томъ, что ждетъ ее впереди. Она вся предалась счастью любить и быть любимой. Она не разсуждала, даже не ожидала для себя отъ жизни ничего лучшаго. Она только припоминала то улыбку Иларія, то звуки его голоса, то выраженье его лица. Она припоминала все, что прожило ея сердце, съ того дня, когда полюбила она Иларія.

— Онъ меня любитъ! Сколько въ этомъ счастія, Боже мой!

Это была послѣдняя ея мысль въ этотъ вечеръ и первая на другой день, когда разбудило ее раннее солнце,—сверкнувъ чрезъ опущенную стору золотымъ лучомъ.....

III.

Наступилъ вторникъ, день, назначенный Иваномъ Тихонычемъ для празднованья новоселья. Поутру, въ этотъ день, онъ самъ и мать его сидѣли за чайнымъ столомъ, во флигелѣ, предназначенномъ собственно для жительства Матрены Трофимовны. Матрена Трофимовна принадлежала къ числу тѣхъ патріархальныхъ хозяекъ, которыхъ выработали намъ тяжелыя условія нашего стариннаго семейнаго быта. Весь кругъ мысли и дѣятельности Матрены Трофимовны, всѣ жизненные интересы ея ограничивались безпрерывными попеченіями о томъ маленькомъ хозяйствѣ, какое выпало на ея долю. Сама, бывало, она доила корову и жала траву для нея на ближайшей лужайкѣ; сама полола гряды въ своемъ огородѣ, стряпала кушанья, варила наливки и варенья; сама, наконецъ, ткала полотна для домашняго обихода и даже вышивала на полотенцахъ, красными нитками, обычные іероглифы, въ видѣ пѣтушковъ съ высокими гребнями и разныхъ диковинныхъ растеній, и проч. Подобныя заботы, повторявшіеся съ механическимъ однообразіемъ въ теченіи всей жизни Матрены Трофимовны, сдѣлались, наконецъ, для

Digitized by Google

нея насущною необходимостью, перешли въ привычку, безъ которой она и дышать не могла. Замкнутая обстановка жизни, конечно, не дала ей возможности испытать ни сильнаго человѣческаго чувства, ни мысли посторонней, такъ что подъ часъ трудно было отличить ея существованіе отъ существованія какой нибудь липы или березы. Въ силу привычки угождала она мужу; въ силу той же привычки старалась угодить и сыну, и такъ, отсчитывая день за днемъ, думала спокойно дотянуть свой вѣкъ до тихаго пристанища, какъ вдругъ сынокъ, получивъ послѣ тятеньки наслѣдство, задумалъ построить жизнь на иной манеръ. Иванъ Тихонычъ повелъ дѣло очень круто. Схоронивъ родителя, онъ выстроилъ себѣ новый домъ и отвелъ въ немъ для Матрены Трофимовны роскошное помѣщеніе съ разными барскими затѣями. Очень естественно, что такія нововведенія спутали съ толку бѣдную Матрену Трофимовну. Среди новой обстановки ей казалось какъ-то пусто, дико, точно она не дома, а гдѣ-то въ бусурманскомъ царствѣ. Перечить сыну она много не могла, потому что привыкла видѣть надъ собою какого нибудь большака и играть въ семьѣ второстепенную роль, но за то, пользуясь отлучками Ванюши, старалась сообщить комнатѣ тотъ характеръ, къ которому она привыкла съ малолѣтства, и дать ей видъ болѣе сподручный для жизни. Съ помощью своей старой работницы Иринушки, она скоро перетащила въ нее порядочнаго объема сундукъ, поставила его въ передній уголъ и прикрыла старенкимъ ковромъ, которымъ прежде кучеръ Илья покрывалъ буланаго. На сундукъ взгромоздила она еще какой-то ящикъ, обитый верблюжьей шерстью и украшенный мѣдными гвоздиками. Стѣны также показались ей пустоваты.

— Не красиво, говорила она, Иринѣ, помогавшей ей убирать на свой ладъ новыя хоромы. Стѣны-то совсѣмъ голы. Словно не жилой домъ. Вбей-ка вотъ тутъ, подлѣ зеркала, гвоздикъ, Иринушка, я картинку повѣшу, того енарала, что у покойнаго Тихона Иваныча надъ конторкой висѣлъ.

И стѣны украсились разнообразными картинками сообразно вкусамъ Матрены Трофимовны. Съ одной стороны большаго зеркала помѣстился енаралъ въ зеленомъ мундирѣ, съ другой танцующая Азія съ фруктами на головѣ. На другой стѣнѣ, она развѣсила картинки разнообразныхъ форматовъ и въ разноколиберныхъ рамкахъ: тутъ были Наполеонъ, и турчанка съ гитарой, и буря на морѣ съ утопаю-

Digitized by Google

щимъ кораблемъ и разныя другія издѣлья [illegible] ородной фантазіи.

Сынъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ въ новомъ шелковомъ халатѣ и съ неудовольствіемъ посматривалъ на лишнія украшенія, появившіяся въ маменькиномъ салонѣ.

Матрена Трофимовна сидѣла подлѣ самовара въ затрапезномъ платьицѣ. Голова ея была повязана темнымъ платочкомъ. У ней хоть и были хорошія платья, но онѣ больше висѣли въ шкапу. Она любила затрапезное, потому что оно казалось ей самымъ удобнымъ.

«Не люблю, говоривала она, ходить дома въ хорошей одежѣ. Все оберегаться надо. Молокомъ ли плеснешь, по мукѣ ли рукавомъ мазнешь, завсегда пятны дѣлаются, слѣдъ остается. А вѣдь и жалко хорошаго-то платья».

Нѣсколько минутъ мать и сынъ молчали. Матрена Трофимовна усердно выпивала шестую чашку чаю, а Иванъ Тихонычъ сидѣлъ, подпершись локоткомъ передъ четвертымъ стаканчикомъ, и думалъ думу глубокую. Очень хотѣлось ему высказать эту думу Матренѣ Трофимовнѣ, только онъ не зналъ съ чего начать, потому что дума-то была «завѣтная».

А необходимо было высказать ее Матренѣ Трофимовнѣ, и притомъ сегодня же. Долго Иванъ Тихонычъ ёжился на стулѣ и покашливалъ; наконецъ, выбравъ удобную минуту, началъ издалека.

— Я, маменька, все на счетъ того... Надо такъ устроить, чтобъ все было прилично. Вы, маменька, что вечеромъ надѣнете?

— А не знаю, Ванюша, до вечера далеко.

— Пересмотрите пораньше ваши наряды. Одѣньтесь такъ, чтобы лицемъ въ грязь не ударить. Вѣдь сегодня у насъ все, что ни на есть лучшаго въ городѣ, будетъ.

— Извѣстно что будутъ, отвѣчала съ усмѣшкой Матрена Трофимовна; только кличъ кликни, всѣ какъ собаки сбѣгутся поѣсть, да попить. Угощай дармоѣдовъ,-то на радостяхъ, что до денегъ дорвался, угощай. Послѣднюю фразу она проворчала сквозь зубы. Но Иванъ Тихонычъ разслушалъ ее.

— Нѣтъ, маменька, возразилъ онъ, вы напрасно меня такими рѣчами огорчаете, мнѣ сегодня и безъ того ужъ не весело, а вы меня еще больше разстроить хотите. Да вы знаете, какой сегодня день для меня?

Digitized by Google

— Извѣстно, сегодня вторникъ, не особый же какой день для твоего бала Богу сдѣлать.

Иванъ Тихонычъ усмѣхнулся.

— Ну, положимъ, что вторникъ, да вѣдь вторникъ вторнику рознь. Вотъ вы меня укоряете, что я дармоѣдовъ кормить хочу, а я совсѣмъ не для нихъ и балъ-то дѣлаю. Что мнѣ въ нихъ! да кабы не задумалъ я одного дѣла, такъ никого бы не позвалъ, ей Богу не позвалъ бы!

— Какое жъ такое дѣло?

Иванъ Тихонычъ пересталъ шагать и, остановясь передъ Матреной Трофимовной, произнесъ съ таинственно-глубокомысленнымъ видомъ. — Я хочу жениться, маменька.

При этой новости Матрена Трофимовна какъ-то растерялась. Она, какъ мыла чашки, такъ и осталась неподвижна, съ полотенцемъ въ одной рукѣ, и съ недомытымъ блюдечкомъ въ другой. Не то чтобъ это благое намѣреніе Ванюши было ей не по сердцу. Въ купечествѣ бракъ всегда считается душеспасительнымъ дѣломъ. Но ее очень встревожилъ вопросъ: кто та счастливая смертная, которой судьба назначила быть ея невѣсткой?

— Ну чтожъ, проговорила она наконецъ, опомнившись отъ неожиданной новости и принимаясь, дрожащими отъ волненія руками, опять вытирать блюдечко. — Это дѣло нехудое. Оно ужъ пожалуй и давно бы пора. Ты къ кому думаешь сваху заслать?

— Обойдемся и безъ свахи, маменька: кто нонче знается съ свахами. Я самъ ей лично объяснюсь.

— Да съ кѣмъ же ты объяснятся-то думаешь? кто она такая?

— Она, маменька? Она... Чудное созданіе! Звѣзда настоящая! коли не на ней, такъ ни на комъ никогда не женюсь! Клятву далъ! заговорилъ Иванъ Тихонычъ, одушевляясь при воспоминаніи о розовыхъ губкахъ и объ огненныхъ глазкахъ Любочки.

— Ахъ ты Господи! Да ты назови ее хоть по имени, да по отчеству, какъ слѣдуетъ.

— Любовь Алексѣевна Стругова.

— Этъ-то изъ гимназіи-то, учителя сестра?

— Она, она.

Матрена Трофимовна окончательно выпустила полотенце и блюдечко изъ рукъ, и скрестивъ ихъ на груди, прискорбно покачала головой.

Digitized by Google

— Что жъ вы головой-то закачали маменька? вопросилъ Иванъ Тихонычъ, снова зашагавъ по комнатѣ. Развѣ вамъ эта партія не нравится?

— Эхъ Ванюша, Ванюша! Ужъ, какая тутъ партія! отозвалась Матрена Трофимовна. Это все голь безпардонная! Возьмешь ты на свою шею цѣлую ораву нищихъ кормить.

— Кто меня заставитъ всѣхъ ихъ кормить? Я женюсь на Любѣ, а до нихъ что мнѣ за дѣло. У нихъ братъ есть. Какъ кормилъ до сихъ поръ, такъ пускай и кормитъ, хоть весь свой вѣкъ.

— Ну, а какъ братъ-то, да жена, постараются ихъ на твою шею спихнуть...

Иванъ Тихонычъ остановился.

— Нѣтъ-съ, это дудки. Мы объ этомъ дѣлѣ ужъ подумали. Никогда этому не бывать. Я вѣдь не баранъ какой, маменька. Лишь бы только Люба вышла за меня, а тамъ я ее къ рукамъ приберу, какъ слѣдуетъ, чтобъ изъ моей воли ни на волосъ не выходила. Всѣ удовольствія ей буду дѣлать, а денегъ никогда ни гроша въ руки не дамъ. А вотъ погодите, маменька, дайте мнѣ сперва жениться, а то мнѣ никакое, право, дѣло на умъ нейдетъ. Вы ужъ меня благословите маменька, какъ хотите, благословите.

Долго еще шла бесѣда между матерью и сыномъ.

Матрена Трофимовна благословила Ванюшу, скрѣпивъ сердце, и долго еще потомъ она разсуждала объ этомъ дѣлѣ въ кухнѣ съ Иринушкою, и обѣ разводили руками и качали головой.

Съ этого дня физіономія Матрены Трофимовны пріобрѣла постоянно пасмурное выраженіе.

Наконецъ вожделѣнный часъ насталъ. Засвѣтили люстры, и канделябры въ ново-отстроенныхъ хоромахъ Ивана Тихоныча. Съѣхались гости, и все пошло какъ слѣдуетъ.

Мы не намѣрены описывать балъ. Каждый читатель легко можетъ вообразить себѣ, какъ тамъ было весело. Никто даже изъ самыхъ важныхъ сановниковъ не побрезгалъ приглашеніемъ Ивана Тихоныча.

Онъ разыгрывалъ роль гостепріимнаго и современнаго хозяина, безъ большихъ промаховъ, только немножко суетливо и ефектно, какъ будто игралъ эту роль назаказъ для удовольствія публики.

Digitized by Google

Матрона Трофимовна, къ чести ея, не выходила ни на шагъ изъ своей сферы и не разыгрывала никакой роли.

Когда офиціанты разносили чай и фрукты, она пользовалась этимъ случаемъ, чтобъ выказать свое гостепріимство, и обращалась къ гостямъ съ фразою. «Сдѣлайте одолженіе, не церемопьтесь, получайте.»

Струговы пріѣхали поздно. Ихъ задержала Лиза, которая долго провозилась съ своей прической, потому что парикмахеръ не могъ причесать по ея вкусу, а сама она не умѣла.

Начались танцы. Барышни веселились на сколько позволяли условія губернскаго этикета. Львомъ бала оказался армейскій офицеръ Сузиковъ, щеголь и танцоръ, какихъ мало даже между офицерами. Онъ чаще всего танцовалъ съ Копочкой, и такое предпочтеніе возбудило зависть всѣхъ остальныхъ барышень.

Между тѣмъ Иванъ Тихонычъ воспользовался удобной минутой и пригласилъ на кадриль предметъ своего сердца. Долго онъ переминался, придумывая, какъ бы начать свѣтскій разговоръ, и не придумалъ. Послѣ первой фигуры онъ рѣшился, наконецъ, приступить прямо къ дѣлу.

— Любовь Алексѣевна, сказалъ Костянниковъ, мнѣ надобно съ вами поговорить.

Люба вспыхнула.

— Говорите, отвѣчала она.

— Я прошу вашего особеннаго вниманія.

— Я слушаю.

— Какъ вы думаете, для чего я сегодня даю балъ?

— Вѣдь вы говорили, что новоселье празднуете?

— Да, конечно, новоселье. Но новоселье только предлогъ. Неужели жъ я въ самомъ дѣлѣ радуюсь тому, что выстроилъ домъ? Домъ ничего не значитъ...

Костянниковъ замолчалъ, потому что началъ вторую фигуру. Когда Люба сѣла опять на свое мѣсто, онъ возобновилъ прерванный разговоръ.

— Знаете, Любовь Алексѣевна, что краситъ домъ?

— Мало ли что можетъ украсить домъ, отвѣчала Люба. Картины, цвѣты, хорошая мебель...

— Нѣтъ-съ, это все ничего не значитъ. Все это мертво, никакого значенія для души не имѣетъ. Одиночество убійственно....

Третья фигура снова пресѣкла краснорѣчіе Костянникова.

Digitized by Google

«Доберется ли онъ до конца сегодня, подумала Люба, дѣлая шенъ. Выдумалъ же объясняться въ кадрили...Пожалуй еще не успѣетъ...»

— Вѣдь вы не одни живете, а съ Матреной Трофимовной, сказала она, возобновляя уже сама интересную бесѣду.

— Ну что такое маменька! Маменька сама по себѣ, живетъ отдѣльно во флигелѣ. При томъ же маменька стариннаго вѣка... Развѣ она можетъ сочувствовать мнѣ? Нѣтъ, Любовь Алексѣевна, вы не думайте, что я счастливъ, прибавилъ онъ, помотавъ головою, съ мрачнымъ видомъ. Мнѣ всѣ товарищи завидуютъ, говорятъ: чего тебѣ не достаетъ, Костянниковъ? а они того не знаютъ, что у меня на душѣ, не знаютъ, какъ я, можетъ быть, страдаю...

— Мнѣ жаль васъ, проговорила Люба.

— Въ самомъ дѣлѣ, вамъ меня жаль? Вы это отъ чистаго сердца сказали? или такъ только?

— Нѣтъ, если вы несчастны, такъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ жаль васъ.

Предательская четвертая фигура опять прервала объясненіе. Люба чуть не заплакала. Она больше всего боялась, что Иванъ Тихонычъ не успѣетъ предложить ей сердце и руку, и что такая неудача заставитъ его, пожалуй, отложить свое намѣреніе до болѣе благопріятнаго случая, а ей очень хотѣлось поскорѣй быть невѣстой, чтобъ ѣздить, покупать, шить себѣ наряды, словомъ, чтобъ веселиться. Новый домъ Костянникова также ей очень нравился, и она уже представляла себѣ мысленно, какъ будетъ принимать гостей и какіе хорошенькіе балы будутъ они давать въ этой самой залѣ. Ужъ не въ бѣломъ, ваперовомъ платьѣ будетъ она тогда!

— И такъ началъ Костянниковъ, запинаясь и робко посматривая на нее, вы мнѣ сочувствуете?

— Вѣдь я вамъ уже сказала, проговорила Люба, чуть не съ явной досадой.

— Такъ отъ васъ зависитъ мое счастье.

— Что вы хотите сказать этимъ? проговорила Люба, потупивъ глазки.

— Что я осмѣливаюсь предложить вамъ мое сердце, руку, этотъ домъ, все мое имущество, если вы согласны быть подругой моей жизни, раздѣлить со мной мое одиночество, украсить, наконецъ, мое существованіе вашей любовью.

Digitized by Google

— Поговорите, Иванъ Тихонычъ, съ маменькой, вѣдь вы знаете, что я не отъ себя завишу, проговорила тихо Люба, не подымая глазъ.

— Но мнѣ хотѣлось бы знать, что вы сами думаете объ этомъ?

— Я согласна, если маменька позволитъ.

Началась пятая фигура, и Костянниковъ отъ полноты сердца пожалъ Любѣ руку.

Когда кадриль кончился, Люба подошла къ матери и едва слышно шепнула ей: посватался. Марья Андреевна вспыхнула отъ радости, но почти въ то же время глаза ея инстиктивно, съ какой-то вопрошающей боязнью обратились къ Иларію, который въ другой комнатѣ говорилъ съ однимъ изъ своихъ товарищей.

— Что жъ ты ему отвѣчала? спросила она также тихо, не отводя глазъ отъ сына.

— Я сказала, чтобъ онъ поговорилъ съ вами. Вѣрно пріѣдетъ завтра.

— Не говори *ему* этого до завтра, шепнула Марья Андреевна, слегка кивая головой въ ту сторону, гдѣ стоялъ Иларій.

— Иларію? сказала она, увидѣвъ брата.

— Ну да, конечно. Я сама ему скажу лучше.

— Пожалуй, какъ хотите, мнѣ все равно. Только вѣдь я его не послушаю, что бы онъ ни говорилъ. Посмотрите, когда выйду замужъ, да заживу богато, такъ онъ самъ же радъ будетъ.

— Конечно такъ, а все лучше безъ лишнихъ ссоръ. Брата сердить не къ чему, надо ему это сказать осторожно.

Отъ матери Люба перешла къ Копочкѣ, которая ходила по залѣ, подъ руку съ одной дѣвицей, и сообщила ей на ухо то же, что и матери. Копочка также просіяла. Она давно уже разсчитывала на всѣ выгоды и интересы, могущія произойти отъ этого брака, лично для ея особы. Вскорѣ и Лиза узнала интереесную новость. Она также не смотря на то, что гнушалась купечествомъ, не прочь была повеселиться и попользоваться земными благами на счетъ этого сословія. Все семейство, за исключеніемъ Иларія, было такъ счастливо, такъ весело, какъ будто каждый изъ его членовъ получилъ по дорогому, давно ожидаемому подарку.

Балъ продолжался своимъ чередомъ. Иллюминація въ саду удалась вполнѣ. Гости все съѣли и выпили, и разъѣхались подъ утро, довольные минувшимъ вечеромъ.

Digitized by Google

Всѣхъ счастливѣе и довольнѣе своей судьбой были Иванъ Тихонычъ и Люба.

Осталась не довольна баломъ только одна Матрена Трофимовна.

На другой день, поутру, когда она помогала Иринушкѣ мыть посуду, загроможденную, послѣ бала, въ большомъ количествѣ на кухонномъ столѣ, каждая тарелка, за которую она бралась, вызывала на уста ея безчисленные потоки восклицаній и разсужденій.

— Посмотри-ка, говорила она Иринушкѣ, посмотри-ка, вѣдь все пріѣли. Тарелки-то словно вылизаны. Шутка-ли, сколько онъ нагналъ ихъ... Охъ, хо, хо. Чуетъ мое сердце, что не будетъ добра, коли дальше такъ пойдетъ... Всталъ бы Тихонъ Ивановичъ, покойничекъ, да посмотрѣлъ бы на него! И откуда это у него такая прыть взялась? А вѣдь что станешь дѣлать! Зачнешь ему говорить, что-де по моему разуму, казалось бы, Ванюша, не такъ тебѣ слѣдовало жить, такъ куды! Забросаетъ тебя новыми словами, какихъ я отродясь не слыхивала, такъ просто, словно, какъ одурачитъ, что въ тупикъ станешь. И поди-ка давно ль отецъ умеръ, а откуда онъ успѣлъ набраться этихъ словъ!

— Да все шематоны пріятели, отвѣчала Иринушка.

— То то и есть, что эти пріятели, да знакомства никогда до добра человѣка не доведутъ. Вѣдь объ этомъ у меня, Иринушка, и сердце-то болитъ.

Между тѣмъ Иванъ Тихонычъ, нисколько не подозрѣвая, что на маменькиной половинѣ шла о немъ такая бесѣда, завился, разфрантился, раздушился, принялъ на себя праздничный видъ и на парѣ лихихъ рысаковъ отправился къ Струговымъ.

Экипажъ его остановился у подъѣзда съ громомъ и шикомъ.

У Струговыхъ съ ранняго утра шли уже приготовленія для пріема жениха. Комнаты были давно выметены, пыль вытерта. Даже Лиза была причесана и одѣта.

Марья Андреевна припасла и образъ благословить невѣсту и жениха. Она любила поступать по русской пословицѣ: куй желѣзо, пока горячо.

Только одинъ Иларій ничего не зналъ.

Марья Андреевна до поры до времени не хотѣла ему ничего говорить о сватовствѣ. Онъ, по обыкновенію, ушелъ изъ дому, въ девять часовъ. Люба, въ трепетномъ ожиданіи, прохаживалась по комнатѣ, посматривая то въ то, то въ другое окно.

Digitized by Google

— Маменька пріѣхалъ! провозгласили хоромъ сестрицы, завидѣвъ жениха.

— Ну слава тебѣ Господи! отвѣчала Марья Андреевна. Она смутилась и, по обыкновенію, стала суетиться. Лишь бы Господь Богъ помогъ все окончить благополучно!

Молодой человѣкъ вошелъ не такъ, какъ входилъ всегда, и физіономія его была не та, къ какой привыкли ежедневно его знакомые. Для такого торжественнаго случая и важнаго шага въ жизни, Иванъ Тихонычъ счелъ обязанностью измѣниться съ головы до ногъ, превратиться изъ самого себя — въ нѣчто другое.

Онъ раскланялся какъ-то по праздничному, съ торжественною форменностью. Лицо его отражало забавную смѣсь противуположныхъ чувствъ, которыми онъ счелъ нужнымъ наполнить свое сердце въ этотъ моментъ. Отъ всей его особы вѣяло чѣмъ-то тяжелымъ, удушливымъ, какъ отъ древней россійской оды, а приторно-сладкая улыбка и томные взгляды на Любу, напоминали идилліи госпожи Дезульеръ, съ ея влюбленными пастушками.

Впрочемъ, Иванъ Тихонычъ повелъ дѣло какъ слѣдуетъ, по всѣмъ принятымъ правиламъ. Онъ сообщилъ Марьѣ Андреевнѣ, что желаетъ поговорить съ нею наединѣ объ очень важномъ дѣлѣ.

Выгнавъ такимъ вѣжливымъ образомъ дѣвицъ, онъ немедленно приступилъ къ объясненію.

Предложеніе его было принято одобрительно. Только Марья Андреевна замѣтила, что у Любы нѣтъ приданаго и что буде онъ хочетъ на ней жениться, то пусть беретъ ее въ чемъ есть. Иванъ Тихонычъ великодушно вызвался сдѣлать приданое своей невѣстѣ. За тѣмъ позвали Любу и сестеръ. Она краснѣя и потупляя глазки, изъявила свое согласіе. Потомъ принесли образъ, и Марья Андреевна благословила счастливую чету.

Уже окончивъ этотъ обрядъ, она вспомнила объ Иларіѣ, и жениха попросили пріѣхать вечеромъ для того, чтобы и братъ благословилъ его и Любу.

— Вѣдь нельзя иначе, прибавила она, онъ имъ всѣмъ вмѣсто отца роднаго. На что Иванъ Тихонычъ отвѣчалъ, что онъ и безъ того бы пріѣхалъ вечеромъ, потому что считаетъ погибшимъ каждое мгновеніе своей жизни, въ которое разлученъ съ Любовью Алексѣевной.

Во всемъ городѣ С. не было въ этотъ день такой глупѣйшей фи-

Digitized by Google

экономіи, съ какой счастливый жениховъ, сіяющій и утопающій въ нѣжныхъ мечтахъ, отправился обратно домой на своихъ рысакахъ.

Послѣ обѣда Марья Андреевна сообщила Иларію обо всемъ происшедшемъ.

Иларій спросилъ Любу, надѣется ли она быть счастлива съ Костянниковымъ.

Еще бы нѣтъ! отвѣчала Люба. Вѣдъ онъ, слава Богу, не бѣденъ. Буду себѣ жить барыней, припѣваючи.

Иларій хотѣлъ еще что-то сказать, но Люба не слушала его. Она уже вертѣлась передъ зеркаломъ, весело напѣвая и прикладывая то къ волосамъ, то къ лицу какіе-то два лоскуточка, голубой и грозелевой, чтобъ удостовѣриться, который изъ этихъ двухъ цвѣтовъ лучше идетъ къ ней.

Иларій махнулъ рукой и не сказалъ больше ни слова.

— Одна другого стоитъ, подумалъ онъ. Человѣкъ дѣльный и образованный пропалъ бы съ ней...

В. Самойловичъ

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

Digitized by Google

ЛЭДИ КЛАРА ВЕРЪ-ДЕ-ВЕРЪ.

(Стихотвореніе Тэнисона).

О! Лэди Клара Веръ-де-Веръ!
Простите! къ вамъ я равнодушенъ.
Не въ силахъ вы меня плѣнить.
Отъ скуки, сердцемъ деревенскимъ
Вамъ захотѣлось пошутить;
Но какъ ни страстны ваши взоры,—
Не обожгутъ меня они.
Не вы мнѣ счастье подарите,—
Хоть двадцать графовъ вамъ сродни!

О! Лэди Клара Веръ-де-Веръ!
Вы родословною гордитесь,
Гордитесь именемъ, гербомъ.
А мнѣ до предковъ дѣла мало,
Крестьяниномъ былъ моимъ отцомъ.
Нѣтъ! не разбить вамъ это сердце!
Иная ждетъ его судьба;
Ему любовь крестьянки доброй
Дороже всякаго герба.

О! Лэди Клара Веръ-де-Веръ!
Я не такой ручной, повѣрьте,
Какимъ, быть можетъ, вамъ кажусь.
И будьте вы царицей міра,
Я все предъ вами не склонюсь.
Надъ бѣднымъ парнемъ для потѣхи
Хотѣли опытъ сдѣлать вы...
Но также холодно онъ смотритъ
Какъ на воротахъ рашихъ львы.

О! Лэди Клара Веръ-де-Веръ!
Зачѣмъ тотъ день я вспоминаю,
Когда подъ тѣнью старыхъ липъ,
Лежалъ недвижимъ бѣдный Лоренцъ.
(Лишь двѣ весны—какъ онъ погибъ)!
Вы завлекли... Околдовали...
Вамъ не учиться колдовать;
Но этотъ черепъ раздробленный
Вамъ страшно было-бъ увидать!

О! Лэди Клара Веръ-де-Веръ!
Лежалъ онъ блѣдный. Мать рыдала...

Digitized by Google

И слово горькое у ней,
Невольно вырвалось... Страданье
Ожесточаетъ такъ людей!..
Не повторю я здѣсь, что слышать
Пришлось мнѣ въ мигъ печальный тотъ...
Да! Мать была не такъ спокойна,
Какъ Веръ-де-Веровъ знатный родъ!

О! Леди Клара Веръ-де-Веръ!
За вами тѣнь его повсюду,—
И на порогѣ вашемъ кровь!
Вы сердце честное разбили,
Когда бѣднякъ свою любовь
Рѣшился высказать, улыбкой
И взоромъ нѣжнымъ ободренъ,
Вы тотчасъ выдвинули предковъ...
Ударъ былъ мѣтко нанесенъ!

О! Леди Клара Веръ-де-Веръ!
Съ какой насмѣшкою взираетъ
Съ небесъ нашъ праотецъ Адамъ
На то, чѣмъ всѣ вы такъ гордитесь
На эту ветошь, этотъ хламъ!
Повѣрьте тотъ лишь благороденъ,
Чья незапятнана душа...
А ваши графскія короны
Не стоятъ мѣднаго гроша!

О! Леди Клара Веръ-де-Веръ!
Вы свѣжи, молоды, здоровы;
А утомленіе легло
На ваши гордыя рѣсницы,
На ваше гордое чело!
Однообразно, безконечно,
Идутъ для васъ за днями дни,
И вотъ вы ставите отъ скуки
Сердцамъ наивнымъ западни!

О! Леди Клара Веръ-де-Веръ!
Не зная что съ собою дѣлать,
Вы умираете съ тоски;
Но неужель къ вамъ не стучатся
Рукою робкой бѣдняки?
Пойдите въ хижины... учите
А ужъ на насъ рукой махните
Мы необтесанный народъ!

А. Плещеевъ.

Digitized by Google

ГРАНИЦЫ

ПОЛОЖИТЕЛЬНАГО ЗНАНІЯ.

Развитіе человѣчества обусловливалось до сихъ поръ двумя великими дѣятелями: ученіями метафизическими и научными въ тѣсномъ смыслѣ. Каждый изъ этихъ великихъ дѣятелей имѣетъ свой методъ изслѣдованія. Всматриваясь въ существующій хаосъ, въ повсемѣстную анархію, царствующіе въ общественной жизни, въ сложныхъ наукахъ, въ метафизикѣ, въ понятіяхъ о нравственности и о наукѣ, о долгѣ, о представительствѣ и свободѣ, о консерватизмѣ и революціи, уже легко убѣдиться, что современное человѣчество не имѣетъ въ своихъ рукахъ неизмѣннаго, всѣми признаннаго критеріума для распознаванія истины отъ лжи, дѣйствительнаго отъ мечтательнаго, возможнаго и необходимаго отъ утопическаго и нелѣпаго.

Такимъ критеріумомъ, такимъ верховнымъ и безапеляціоннымъ судьею можетъ быть только *положительное знаніе*. Явленіе и распространеніе подобнаго убѣжденія должно открыть собою новую эпоху, полное и всестороннее раскрытіе силъ, лежащихъ въ человѣкѣ и въ человѣческихъ обществахъ. Положительное знаніе само назначаетъ себѣ границы, само опредѣляетъ себѣ цѣль, само строитъ

Digitized by Google

свою систему. Границы его положительныя, цѣль положительная, система положительная. Оно скована тѣмъ, что человѣкъ знаетъ положительно, вѣрно, несомнѣнно; тѣмъ не менѣе границы его безпредѣльны, ибо оно необходимо должно охватить собою всѣ науки и связь ихъ, всѣ общества человѣческія и ихъ развитіе: ничего не произошло въ мірѣ, на что оно не должно бросить свѣта, ничто не можетъ случиться, до чего ему не было бы дѣла. Положительное знаніе не признаетъ безапеляціоннаго права индивидуальной личности, ибо оно подчиняетъ ее разряду болѣе высшихъ явленій и требованій, и убѣждаетъ, что въ этомъ подчиненіи и состоитъ ея верховное благо. Оно не вводитъ наукъ математическихъ въ область исторіи и нравственности, ибо, принявъ въ основаніе истину, что матерія и сила, предметъ и его свойства раздѣлены быть не могутъ, оно не признаетъ метода высшей простѣйшей сферы знанія въ области науки высшей и сложнѣйшей.

Тѣмъ не менѣе основою всякаго знанія, а слѣдовательно и основою всякаго правильнаго обученія, основою всей системы наукъ можетъ быть только математика; безъ наукъ математическихъ невозможно вступить въ болѣе высшія сферы знанія. Въ прежнія времена это не было необходимостью, по крайней мѣрѣ ничто не говорило объ этой необходимости, и энергическіе способные умы, склонные къ обобщенію, схватывались за любую гипотезу, чтобы выводить изъ нея логическія послѣдствія. За то и приходили они въ такія захолустья, въ которыхъ не видно было божьяго свѣту. Ни захолустьевъ, ни безвыходныхъ переулковъ при положительномъ знаніи быть не можетъ: все должно быть разчищено, всѣ пути открыты.

Теперь не можетъ быть сомнѣнія, что кто не умѣетъ разсуждать о предметахъ простѣйшихъ, тотъ безплодно будетъ работать надъ явленіями сложными. Чтобы охватить труднѣйшія части и найти ихъ дѣйствительное значеніе, умъ требуетъ упражненія и приготовленія. Такова роль наукъ математическихъ въ воспитаніи ума: исключеніе ихъ не можетъ не отозваться пагубными послѣдствіями для общаго развитія. Безъ математики не можетъ идти впередъ ни астрономія, ни физика. Безъ физики искажена вся химія и не сведетъ концы съ концами. Безъ химіи не могутъ быть объяснены явленія питанія, а на нихъ основана жизнь организмовъ. Безъ біологіи законы жизни человѣческихъ обществъ останутся непонятными; безъ нея нѣтъ исторіи, нѣтъ соціологіи.

Digitized by Google

Эта связь, эта общая цѣпь наукъ, размѣщенныхъ въ іерархическомъ порядкѣ, эта *система* положительнаго знанія еще недавно была вовсе неизвѣстна и не считалась даже необходимой.

Многія науки стояли совершенно отдѣльно и независимо отъ другихъ, цѣлые отдѣлы существовали особнякомъ безъ всякой связи съ сопредѣльными отдѣлами.

Теперь уже легко, при первомъ взглядѣ на природу, видѣть эти явственныя ступени общей лѣстницы, эти естественныя границы. Только весьма незначительная часть матеріи способна переходить въ міръ органическій, одаренный способностью къ жизни; мало того: безъ матеріи неорганической жизнь органическая немыслима. И та, и другая прежде подчиненія законамъ органической жизни подчинены законамъ общимъ всей матеріи: химическому сродству, тяжести, теплотѣ, электричеству. Жизнь растительная, составляющая сущность царства растительнаго и основу животнаго, не что иное какъ постоянное перемѣщеніе, круговоротъ, сочетаніе и разложеніе матеріи, сопровождаемыя химическими явленіями; откуда становится ясною іерархія законовъ химическихъ или физіологическихъ.

Есть еще одно свойство, весьма важное для классификаціи и системы положительнаго знанія. Свойства химическія, принадлежа всей матеріи безъ исключенія, являются въ ней только при встрѣчѣ двухъ различныхъ матерій: чтобы они явились—необходима пара различныхъ элементовъ, необходимо сочетаніе. Это — новое опредѣлительное различіе химическихъ законовъ относительно матеріи, уже опредѣленныхъ относительно законовъ органической жизни. Спускаясь за ними внизъ, встрѣчаемъ въ матеріи свойства физическія, принадлежащія всей матеріи, разсматриваемой въ массѣ, а не въ элементахъ; это—тяжесть, теплота, электричество, свѣтъ, упругость. Эти свойства—общія, для проявленія ихъ не нужно парнаго сочетанія. Напримѣръ, золото, сѣра, кислородъ отдѣльно не имѣютъ свойствъ химическихъ, но обладаютъ свойствами физическими. Это третья ступень положительной классификаціи.

Основою всего служитъ число, пространство и время, составляющія предметъ математическихъ наукъ: ариѳметики, геометріи, механики.

Пойдемъ обратно. Число, пространство и время, существующія въ природѣ, какъ и въ мысли, составляютъ основаніе положительнаго

Digitized by Google

знанія, первый циклъ наукъ. Матерія, разсматриваемая въ массѣ, представляетъ свойства физическія. Далѣе явленія обособляются: является парность и съ нею свойства химическія, или, какъ ихъ называютъ, атомистическія. Еще далѣе явленія обособляются еще болѣе: очень ограниченная группа элементовъ выказываетъ особыя свойства жизненныя. Такимъ простымъ и естественнымъ ходомъ положительное знаніе точно указываетъ мѣсто всякому условію, всякому свойству: границы обозначаются, хаосъ исчезаетъ въ стройной системѣ. Теперь уже не ощупью, а съ полнымъ сознаніемъ, безъ боязни заблудиться, можно идти съ нижней ступени знанія до самой верхней, спускаться за изслѣдованіями съ верхней до самой нижней и изъ каждой частной науки дѣлать отрасль всей науки человѣчества: къ дѣйствительному могуществу каждой отдѣльной науки присоединилось дѣйствительное, общее, совокупное содѣйствіе остальныхъ. Преобразованіе всѣхъ существующихъ наукъ въ одну науку, представляющую тѣсную и неразрывную связь между мышленіемъ и природой, есть первая и главнѣйшая заслуга положительнаго знанія. Но это опять только одна ступень дальнѣйшихъ раскрытій и преобразованій, со всѣми безчисленными ихъ послѣдствіями и приложеніями къ развитію человѣческихъ обществъ.

Возьмемъ для примѣра исторію, которая, по системамъ существовавшимъ доселѣ, составляла не частную, зависимую науку, а главную, отдѣльную и самостоятельную. Она составляетъ одну изъ составныхъ частей положительнаго знанія, безъ которой послѣднее немыслимо. Она есть развитіе, обусловленное свойствами человѣческаго организма и свойствами окружающей его природы. То, что происходитъ съ развитіемъ одного индивидуума, служитъ основою для развитія всей природы. Узнать, какимъ образомъ раскрытіе свойствъ человѣческой личности преобразуется въ раскрытіе свойствъ человѣческой природы; какая часть индивидуальной жизни отсѣкается, стирается, какъ безполезная для жизни коллективной; какимъ образомъ частное и личное принимаетъ характеръ общаго, безличнаго — вотъ задача исторіи. Изъ этого опредѣленія явствуетъ, что изъ исторіи выключается все случайное и сверхъестественное, неподлежащее законамъ, — остаются только одни законы. Естественное отношеніе исторіи, какъ раскрытія законовъ жизни коллективной къ жизни индивидуальной, тотчасъ назначаетъ ей мѣсто вслѣдъ за біологіей и вмѣняетъ непремѣнное знаніе послѣдней для изученія первой. Это

Digitized by Google

же отношеніе отстраняетъ возраженіе, столь часто приводимое отрицательной философіей, что повиновеніе естественному закону уничтожаетъ свободную волю. Это тоже самое, что сказать напримѣръ, что переходъ отъ дѣтства къ возмужалости и отъ возмужалости къ старости, обусловливающій индивидуальную жизнь, и совершенно независящій отъ насъ, стѣсняетъ нашу волю. Свободная воля остается въ этомъ случаѣ тѣмъ, что она есть, подчиняясь неизмѣнному закону возрастовъ. Тоже самое и въ жизни коллективной: не измѣняя своей сущности, она проявляется подъ вліяніемъ послѣдовательныхъ фазъ исторіи. Это наглядно доказывается безуспѣшными усиліями многихъ могущественныхъ личностей заставить идти назадъ исторію, надъ чѣмъ они работали съ полнымъ произволомъ и со всею энергіей, но цѣли не достигли *).

Изъ того же соотношенія между исторической и индивидуальной жизнью человѣчества явствуетъ неизмѣнность закона раскрытія силъ, лежащихъ въ человѣчествѣ, или прогрессъ. Замѣтимъ, что это раскрытіе не исключаетъ, какъ и переходъ каждаго человѣка изъ одного возраста въ другой, болѣзней, возмущеній, отклоненій, происходящихъ вслѣдствіе тѣхъ же законовъ, встрѣчающихся другъ съ другомъ и часто заслоняющихъ законы общаго раскрытія, которые тѣмъ неуловимѣе, что они управляютъ отношеніями самыми сложными и высшими. Однимъ словомъ, положительное знаніе и явилось вслѣдствіе того, что исторія есть раскрытіе естественныхъ законовъ, а сама *соціологія* есть наука.

И такъ положительное знаніе разкрываетъ отношеніе мышленія къ природѣ и природы къ мышленію. Въ этомъ отношеніи оно овладѣло существеннымъ содержаніемъ метафизики и, разрѣзавъ ее пополамъ, оставило ей начала и концы, то есть, первую и послѣднюю причину вещей. Теперь для всякаго положительнаго ума ясно, что эти концы и начала внѣ человѣческаго вѣдѣнія и погоня за ними должна быть оставлена, какъ совершенно тщетная.

Опытъ тысячу разъ доказалъ это. Много вѣковъ, много геніаль-

---

*) Положительная философія и матеріалистическая не одно и тоже разумѣютъ подъ словомъ: свободная воля, что ясно видно и теперь. Къ тому же вопросу намъ придется вернуться ниже.

Digitized by Google

ныхъ умовъ силились разрѣшить эти неразрѣшимыя задачи, и ничего не сдѣлали: вопросы остались все въ томъ же видѣ. И методъ объективный, и методъ субъективный, — единственные способы нашихъ изслѣдованій истины, равно безсильны въ этомъ вопросѣ: первымъ нѣтъ возможности *путемъ опыта* прійти къ отысканію первой и послѣдней причины вещей, вторымъ безумно искать разрѣшенія этого вопроса въ мысли (à priori), образовавшейся по явленіямъ внѣшней природы. Методомъ объективнымъ (внѣшними наблюденіями), какъ бы мы ни комбинировали полученные результаты, мы можемъ прійти только къ раскрытію законовъ, дальше идти безумно, ибо встрѣтить искомые концы и начала невозможно. Путемъ субъективнымъ (спекулятивнымъ мышленіемъ) мы можемъ создать какой-либо типъ по своей волѣ, но необходимо придемъ или къ высшему человѣческому идеалу, который станетъ въ разрѣзъ съ естественными законами, или, дѣлая его все болѣе и болѣе безличнымъ, потеряемся среди неизмѣнныхъ законовъ природы.

И такъ исторія, свободная какъ отъ сверхъестественныхъ вмѣшательствъ, такъ и отъ индивидуальнаго произвола, развивающаяся по опредѣленнымъ, ей свойственнымъ законамъ, естественно становится наукою, какъ, напримѣръ, біологія (наука объ органической жизни вообще), и занимаетъ свое мѣсто въ ряду прочихъ наукъ. Она есть наука высшая и главная, но нераздѣльная со всѣми остальными. Такимъ образомъ положительное знаніе строитъ свою систему на незыблемомъ основаніи. Оно охватываетъ всю общую науку или все міросозерцаніе въ строгомъ, неразрывномъ, послѣдовательномъ и естественномъ порядкѣ. Три великія его подраздѣленія составляютъ: космологія, заключающая въ себѣ законы неорганическаго міра, біологія — законы органической жизни, исторія или соціологія — законы раскрытія силъ, лежащихъ въ человѣческихъ обществахъ. Ученія гипотетическія и метафизическія входятъ въ послѣднюю, какъ фазы раскрытія этихъ силъ. Въ этой системѣ все по законамъ, ничего мимо ихъ, вопреки имъ; знаніе послѣднихъ необходимо, чтобы, свободно подчинясь имъ, овладѣть ими и измѣнять ихъ одни другими, такъ что судьба человѣческихъ обществъ состоитъ въ сознательномъ согласіи съ этими общими законами міра. Въ послѣднемъ случаѣ положительное знаніе составляетъ положительную философію.

Къ такимъ простымъ и естественнымъ понятіямъ человѣкъ пришелъ мало по малу и только въ самое послѣднее время, когда за-

Digitized by Google

ключенъ былъ тѣсный союзъ разума съ чувствомъ, составляющій высшее торжество человѣческой нравственности. Еще въ самое недавнее время они были въ непримиримомъ антагонизмѣ и противорѣчіи. Иначе и быть не могло: первый черпалъ силы свои изъ науки, второе основывалось на сверхъестественномъ. Исходя изъ двухъ такихъ противоположныхъ точекъ отправленія, родившіяся въ двѣ совершенно-различныя эпохи, эти двѣ великія силы сходятся въ положительномъ знаніи. Міръ представляется современному человѣку инымъ, чѣмъ онъ представлялся еще недавно: высшія понятія измѣняются, прежнія разлагаются, разрѣшаются; образуются, выростаютъ новыя и принимаются новымъ человѣчествомъ. Изъ этого вытекаетъ новое воспитаніе, новая нравственная жизнь, новыя общественныя отношенія, совершенно отличныя отъ прежнихъ. Это возрожденіе, это отличное, небывалое доселѣ возобновленіе жизни подъ единственнымъ, исключительнымъ вліяніемъ положительнаго знанія и составляетъ новую и послѣднюю фазу неотвратимаго раскрытія силъ, лежащихъ въ человѣчествѣ.

Въ послѣднемъ отношеніи положительная философія—наслѣдница, а не похитительница власти у прошлаго. Странно было бы встрѣтить теперь возраженія противъ нея такого рода: зачѣмъ не идти впередъ тѣми же путями, какими шли доселѣ? Зачѣмъ не оставить воспитанія, а слѣдовательно и нравственныхъ законовъ непзмѣнными? Вводите результаты положительнаго знанія въ науки и оставьте въ покоѣ массы, живущія преданіемъ. Этотъ голосъ постоянно раздавался въ средніе вѣка и проводился въ жизни всѣми способами. Тѣмъ не менѣе изъ среднихъ вѣковъ вышла новая Европа. Какъ вычеркнуть изъ жизни послѣднія движенія дѣятельной мысли человѣческой? Геніальныя открытія, геніальные люди — дѣди своей эпохи. Всякій умъ, какъ послѣдній результатъ, проникнутъ своей эпохой и всякое открытіе проникаетъ въ свою эпоху. Нельзя вычеркнуть изъ раскрытія силъ человѣческихъ Ньютона, Кеплера, Галилея, Декарта, какъ нельзя исключить изъ знанія открытыхъ ими законовъ тяготѣнія и небесной механики; точно также было бы безумно жаловаться на открытія за ихъ результаты и за ихъ вліяніе на возмущеніе прежняго порядка мыслей, чувствованій, вѣрованій, повлекшихъ за собою потрясенія религіозныя, политическія, экономическія, составившія собою новыя фазы человѣческаго развитія. Успѣхи наукъ естественныхъ, положительное знаніе, проникшее въ воспитаніе, въ

Digitized by Google

нравственность, необходимо должны имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія на развитіе всего общества. Они открылись въ протестантизмѣ, въ англійской революціи. Пробѣлы и трещины, образуемые этими возмущеніями, наполняются положительнымъ знаніемъ. Еще разъ, его нельзя обвинять въ насильственномъ похищеніи власти. Настоящее владычество принадлежитъ все таки не ему; оно только надѣется на будущее наслѣдство. Къ нему приходятъ люди всѣхъ оттѣнковъ, всѣхъ партій, всѣхъ классовъ, всѣхъ состояній,— но не въ немъ они воспитывались и росли, и чтобы придти къ положительному знанію, они необходимо должны были побѣдить дорогія воспоминанія дѣтства и воспитанія, стать въ разрѣзъ съ семьей и со всѣмъ окружающимъ, отказаться отъ выгодной карьеры въ будущемъ. И такова сила положительнаго знанія, что оно влечетъ къ себѣ свѣжія силы, несмотря на всѣ кажущіяся невыгоды своего положенія.

Тѣмъ не менѣе положительное знаніе не имѣетъ того вызывающаго, заносчиваго характера, которымъ запечатлѣны атеизмъ и отрицательная философія XVIII вѣка. Несмотря на стремленіе популяризировать метафизическія истины, послѣднія требуютъ той же вѣры; положительное знаніе требуетъ одного: убѣдительности доказательствъ, и больше ничего. Теперь эта безвыходная, казалось, война кончилась, и почва разчищена. Отрицательная полемика теперь безполезна и раздражительна,—положительное знаніе плодотворно и безстрастно; каждый успѣхъ его есть положительный успѣхъ всего общества. Оно не возмутитъ ничьего спокойствія, потому что къ нему прійдутъ умы, непринадлежащіе уже ни къ философіи сверхчувственной, ни къ философіи метафизической, освободившіеся и отъ той, и отъ другой.

Приложенія, выводы положительнаго знанія безграничны уже теперь при его молодомъ еще существованіи. Разсмотримъ его въ соотношеніи съ тремя важнѣйшими историческими явленіями послѣдней эпохи: съ современнымъ соціализмомъ, съ атеизмомъ XVIII и съ пантеизмомъ XIX вѣка.

Политическая экономія, разрабатываемая лучшими и сильнѣйшими умами нашего времени, взявшаяся за изысканіе законовъ труда и производства, одушевляемая высокими и благородными желаніями внести всестороннее улучшеніе въ положеніе рабочихъ классовъ, явилась бы наукою тщетною, праздною и безумною, если бы не достигла своихъ прекрасныхъ и положительныхъ цѣлей. Дѣло въ томъ,

Digitized by Google

что въ современную эпоху массы почувствовали если не сильнѣе, то совершенно иначе гнетъ привиллегій, преимуществъ, вообще неравенствъ. Исторія переполнена возмущеніями массъ подъ вліяніемъ этого чувства: войны съ рабами въ древнемъ Римѣ, религіозныя секты въ XIII, Жаки въ XIV, анабаптисты въ XVI могутъ служить примѣромъ. Когда невыносимый гнетъ былъ отомщенъ незнавшимъ пощады насиліемъ, безвыходная и неизбѣжная анархія приводила къ необходимости порядка, и власть возвращалась въ прежнія руки. Казалось бы, что и борьба была безполезна и безумна. Но въ то же самое время происходило развитіе и столкновеніе мыслей, уничтожавшихъ рабство, отмѣнявшихъ крѣпостное состояніе, развивавшихъ могучія промышленныя силы и приготовлявшихъ новую фазу общественной жизни.

Въ этомъ хаосѣ противорѣчащихъ другъ другу доктринъ, въ этой непримиримой враждѣ ретроградныхъ и революціонныхъ стремленій съ каждымъ днемъ становится болѣе и болѣе невозможнымъ имѣть два различныя и противоположныя руководящія начала: одно для науки, другое для жизни. Слить во едино два эти начала значитъ—разобрать перегородку, раздѣляющую исторію отъ остальныхъ наукъ и включить соціологію въ область положительнаго знанія; — убѣдиться, что она развивается тѣми же неизмѣнными, правильными законами, которые для насъ только болѣе осязательны въ астрономіи, физикѣ, химіи, біологіи. Задача положительнаго знанія въ будущемъ и состоитъ въ томъ, чтобы уловить и доказать это правильное и закономѣрное раскрытіе, какъ это уже сдѣлано въ остальныхъ наукахъ. Съ положительнымъ знаніемъ бороться не возможно: его открытія и выводы послѣ колоссальныхъ успѣховъ всѣхъ наукъ не могутъ встрѣтить еще памятнаго всѣмъ преслѣдованія. Одна наука узнаетъ, что земля наша обращается вокругъ солнца и есть не болѣе какъ крошечная частичка міроздапія, теряющаяся въ необъятной вселенной; другая объясняетъ всѣ быстрыя и сложныя движенія небесныхъ тѣлъ одною, простѣйшею силою матеріи; третья утверждаетъ, что явленіе между возбужденнымъ треніемъ янтаремъ и соломенкою повторяется въ воздухѣ въ видѣ молніи и грома; четвертая открываетъ, что вся природа есть безпредѣльная химическая лабораторія; пятая раскрываетъ законы жизни органическихъ тѣлъ; — послѣ этого можетъ-ли быть сомнѣніе, что одно развитіе человѣчества идетъ внѣ этихъ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ природы? Чтобы это не было такъ, слѣдова-

Digitized by Google

ло въ самомъ началѣ обрѣзать крылья мысли, задушить науку при ея зарожденіи—теперь поздно, и дальнѣйшее развитіе не можетъ подлежать сомнѣнію. Богатства, собранныя положительнымъ знаніемъ, передаются отъ одного талантливаго поколѣнія къ другому, и раскрытіе силъ, лежащихъ въ человѣческихъ обществахъ, происходитъ по тѣмъ же законамъ, по которымъ человѣкъ проходитъ дѣтство, отрочество, юность, возмужалость, старость. Великая истина: лучше и больше знать, чтобы лучше и больше желать—становится могущественнымъ двигателемъ лучшаго человѣчества. Теперь впервые предстоитъ человѣку, вооруженному положительнымъ знаніемъ, наслажденіе съ рубежа настоящаго охватить однимъ взглядомъ прошедшее и будущее, которое разомъ не могло еще никогда отразиться въ его смутномъ пониманіи, потому что было хаотично, безсвязно, безпорядочно, потому что знаніе никогда не сознавало призванія и счастія человѣческаго въ подчиненіи вѣчнымъ, неизмѣннымъ законамъ міра.

Положительное знаніе не можетъ очутиться въ безвыходномъ положеніи метафизиковъ, создающихъ свои системы не по міру, а творящихъ міръ по своимъ системамъ. Философія ихъ есть философія прошлаго, а не будущаго и настоящаго. Положительное знаніе не можетъ наконецъ очутиться и въ отчаянномъ положеніи политическихъ и соціальныхъ утопій, ибо оно требуетъ труднаго и настойчиваго приготовленія, томительнаго и невыносимаго для людей, жаждущихъ немедленнаго рѣшенія мучащихъ ихъ вопросовъ и немедленнаго приложенія ихъ неприложимыхъ идеаловъ. Но кто разъ вступилъ на путь положительнаго знанія, тотъ не можетъ остановить выводовъ, они внѣ его воли, неотразимы какъ сама дѣйствительность, и могутъ очутиться въ полномъ противорѣчіи съ предвзятыми и дорогими мнѣніями.

Таково значеніе положительнаго знанія въ сферѣ наукъ, таково же значеніе его въ и жизни. Метафизикѣ никогда не было никакого дѣла до жизни. Она всегда гордилась своею способностью отрѣшаться отъ сего міра, парить въ сферахъ абсолютнаго и упиваться въ нихъ блаженствомъ самосозерцанія. Вѣрованія и учрежденія — эти основы нравственности — были внѣ метафизическихъ системъ и подчинялись особымъ, невѣдомымъ имъ условіямъ. Отнынѣ же судьба человѣческихъ обществъ неразрывно слита съ развитіемъ знанія. Безъ положительнаго знанія исторія дѣйствительно представляетъ либо произвольное проявленіе силъ сверхъестественныхъ, либо хао-

Digitized by Google

типическое случайное столкновеніе атомовъ. Наука безъ общества тоже, что дерево безъ вѣтвей и листьевъ, ненужный и лишній паразитъ, который можетъ быть отстраненъ безъ всякой потери для цѣлаго.

Каждая отдѣльная наука — необходимая ступень, чтобы дойти до соціологіи, изъ чего слѣдуетъ, что послѣдняя—самая сложная и трудная наука, приступать къ которой рисковано безъ предварительнаго приготовленія. До сихъ поръ на нее смотрѣли иначе. Исторія всегда считалась самобытною, отдѣльною, независимою наукою, и потому она дѣлала такіе ничтожные успѣхи; такъ что для положительнаго знанія на этой почвѣ приходится класть первые камни будущаго фундамента. Тѣмъ не менѣе самимъ возникновеніемъ положительнаго знанія обозначается важнѣйшая фаза раскрытія силъ, лежащихъ въ человѣческихъ обществахъ, доселѣ управляемыхъ метафизическими ученіями. Мы уже говорили объ отношеніи къ нимъ положительнаго знанія; оно не можетъ имѣть съ ними ничего общаго ибо оно имѣетъ основаніе научное, положительное, между тѣмъ какъ тѣ этого научнаго основанія не имѣютъ, стремясь къ цѣли недостижимой, къ сущности природы. Положительное знаніе ограничивается изученіемъ силъ, принадлежащихъ матеріи и условій, при которыхъ онѣ проявляются. Больше мы ничего знать не можемъ; намъ неизвѣстна матерія безъ свойства, свойства безъ матеріи. Когда мы открыли какой-нибудь общій признакъ, общее условіе въ проявленіи этихъ свойствъ или силъ, мы говоримъ, что отыскали законъ. Законъ этотъ немедленно становится нашимъ могуществомъ нравственнымъ и практическимъ, нравственнымъ, потому что въ умѣ нашемъ онъ обращается въ орудіе мысли (логики), практическимъ, потому что въ рукахъ нашихъ онъ является средствомъ направлять въ свою пользу естественныя силы. Итакъ, какъ только естественныя явленія подлежатъ нашему знанію, а соціальныя явленія — явленія естественныя, то что же подлежитъ положительному знанію въ исторіи? Матерія въ этомъ смыслѣ — человѣческія общества, сила ея — способности, свойства человѣческихъ обществъ, несомнѣнно раскрывающіяся, развивающіяся, ибо въ противномъ случаѣ и накопленіе понятій и мыслей было бы невозможно, то есть, наука, знаніе не имѣли бы мѣста.

Въ числѣ силъ, проявляющихся въ человѣческихъ обществахъ и подлежащихъ тѣмъ же законамъ раскрытія, находятся силы нравственныя въ тѣсномъ смыслѣ (мораль). Безспорно, что нравствен-

Digitized by Google

ность находится въ тѣсной связи со всемъ міросозерцаніемъ; она груба у грубыхъ народовъ, она изыскана у болѣе развитыхъ. Эта связь между развитіемъ народа и его моралью — естественна и законна. Но вслѣдствіе этой связи колебаніе или паденіе ученія, на которое она опиралась, влекло за собою измѣненія нравственныхъ законовъ. Безъ сомнѣнія, подобныя потрясенія страшны и нежелательны, они грозили бы распаденіемъ человѣческихъ обществъ и противорѣчили бы законамъ развитія, если нравственность не исходила бы естественно изъ природы человѣческой. Дѣйствительно, въ природѣ человѣческой мы видимъ двѣ великія силы, направляющія ея дѣятельность: личное или эгоистическое стремленіе и безличное, общественное — разумъ, судья той и другой. Но по мѣрѣ того какъ раскрывается разумъ, онъ все болѣе ограничиваетъ стремленія личныя и усиливаетъ, расширяетъ стремленія общественныя: это и есть раскрывающіяся нравственныя силы, а раскрытіе ихъ и доказываетъ ихъ естественное, положительное происхожденіе. Общественная совѣсть, то есть общее нравственное мнѣніе освящаетъ ихъ признаніемъ, а разумъ — сознаніемъ. Нравственность человѣческая раскрывается по тѣмъ же законамъ, какъ и наука человѣческая: она результатъ работы разума надъ чувствами, какъ наука — результатъ работы разума надъ внѣшней природой. Если нельзя отрицать естественнаго происхожденія науки, то нельзя отрицать и естественнаго происхожденія морали. Власть *блага* надъ чувствомъ совершенно равносильна власти *истины* надъ разумомъ. Метафизики не могутъ не признать и дѣйствительно признаютъ высоконравственными множество личностей, отвергавшихъ абсолютное ученіе, но принимаютъ эти личности за счастливыя исключенія и не допускаютъ этой утилитарной нравственности для обществъ. Что можетъ сказать противъ этого положительное знаніе, основываясь на положительныхъ историческихъ фактахъ? Если развитіе и жизнь обществъ находится въ такой тѣсной зависимости отъ метафизическихъ теорій, то чѣмъ устойчивѣе эти теоріи, тѣмъ выше и незыблемѣе общественная нравственность, и какъ только онѣ шатаются и рушатся, то и нравственность должна падать. Теперь, если обсудить судьбу этихъ теорій со времени возрожденія какъ наукъ, такъ и политическихъ обществъ, то должно придти къ заключенію, что нравственность спустилась на весьма низкую ступень и пошла ретроградно. Подобное явленіе немыслимо; ибо оно проти-

Digitized by Google

ворѣчитъ жизни и законамъ естественнаго раскрытія силъ въ человѣческихъ обществахъ.

Истинною, положительною мѣрою для оцѣнки и развитія нравственности различныхъ эпохъ служатъ понятія о справедливости и человѣчности. Мѣра эта безошибочна, если припомнить то, что было сказано о двухъ силахъ, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ развитіе человѣка: эгоистической и общественной. Съ такою мѣрою уже легко становится оцѣнить исчезновеніе варварства въ войнахъ, пытки, успѣхи общественнаго равенства, свободы совѣсти, благородныя стремленія улучшить положеніе бѣдныхъ классовъ и рѣшить животрепещущіе вопросы, волнующіе современное общество.

Раскрывъ главныя характеристическія черты положительнаго знанія и представивъ примѣры его приложенія, мы снова обращаемся къ отношенію его къ метафизикѣ, ибо имѣемъ уже возможность глубже войти въ вопросъ. Отдавая должное значеніе философіи метафизической въ раскрытіи силъ человѣческихъ, мы сказали, что съ тѣхъ поръ, какъ стало возможно положительное знаніе, намъ нечего прибѣгать къ метафизикѣ, имѣющей цѣлью раскрыть не относительную, а безусловную сущность вещей и отыскать начала и концы. Мы сказали, что положительному знанію нѣтъ и не можетъ быть дѣла до всего этого. Теперь мы должны раскрыть, почему именно метафизика, слѣдовавшая всегда путями логическими, (способностями мышленія) и не прибѣгавшая къ сверхъестественнымъ гипотезамъ, тѣмъ не менѣе приходила къ нелѣпымъ выводамъ. Если припомнить то, что сказано нами вначалѣ о положительной системѣ, о классификаціи наукъ, то становится очевиднымъ, что положительное знаніе основывалось на дѣйствительномъ значеніи каждой науки, способствующей раскрытію законовъ, по которымъ происходитъ развитіе человѣчества. По этой классификаціи каждая наука имѣетъ цѣлью не частную—себя, а общую—человѣчество. Положительное знаніе не выдѣлило, напримѣръ, особеннаго значенія математическимъ наукамъ, на которыхъ по мнѣнію весьма многихъ исключительно изощряются способности человѣческія, и показало истинное, дѣйствительное ихъ значеніе и отношеніе къ наукамъ болѣе сложнымъ и труднымъ. Оно не поставило особнякомъ и исторіи по ея особенной, самобытной важности и показало, что къ изученію ея нельзя приступать безъ ознакомленія съ законами біологическими, а этихъ нельзя изучать безъ химіи, химіи безъ физики, а физики безъ математики. Методъ (спо-

Digitized by Google

собъ мышленія) употребляемый въ ряду этихъ обобщеній положительнымъ знаніемъ, есть объективный методъ. Онъ состоитъ въ обращеніи нашей мысли къ предмету о лежащему внѣ насъ. Положительное знаніе убѣждаетъ насъ, что *иного безошибочнаго метода* для постройки общей системы знанія быть не можетъ. Противоположный ему методъ есть субъективный или спекулятивный, то есть, такой, по которому мышленіе начинается съ какого либо независимаго понятія (à priori) или метафизическаго принципа. (Напр. Cogito, ergo sum, т. е. думаю, стало быть существую. Методъ этотъ всегда употребляла метафизическая философія, и его-то положительное знаніе признаетъ совершенно негоднымъ для обобщенія, а обобщеніе и есть дѣйствіе философствующаго ума). Вопросъ этотъ весьма важенъ, и для разъясненія его мы должны обратиться къ тѣмъ доводамъ, которые приводятъ въ свою защиту метафизики.

Наука, занимающаяся формами мысли, есть логика. Формы мысли суть способы, употребляемые мыслью для пріобрѣтенія понятій, знаній и для приведенія доказательствъ. Напримѣръ: выводить всѣ частныя явленія небесной механики изъ общаго закона притяженія, служащаго основаніемъ для астрономіи, значитъ идти путемъ дедукціи (выводнымъ); мыслить обратно—идти отъ частнаго явленія къ общему—значитъ дѣлать индукцію (наведеніе); мы не говоримъ объ умозаключеніи и силлогизмѣ и т. д. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что при обобщеніи явленій методомъ ли объективнымъ, методомъ ли субъективнымъ человѣкъ можетъ употреблять всякую форму мысли: и дедукцію, и индукцію и силлогизмъ. Метафизики въ оправданіяхъ своихъ смѣшиваютъ методъ субъективный съ дедукціей, тогда какъ между ними нѣтъ ничего общаго, кромѣ послѣдовательности и цѣпи, сужденій; но точки отправленія, системы выводовъ, составляющихъ цѣпь совсѣмъ различны. Точка отправленія въ методѣ субъективномъ, мы уже сказали, независимая мысль, метафизическій принципъ a priori; въ дедуктивномъ способѣ точка эта—результатъ опытовъ и наблюденій, какъ, напримѣръ, математическая аксіома **) или приведенная сила тяготѣнія. Выводы субъективнаго способа отличаются тѣмъ же метафизическимъ харак-

---

**) Аксіома ничѣмъ не отличается отъ всякой истины иного порядка кромѣ убѣдительности, нетребующей доказательствъ. Истина эта до того проста и очевидна, что мысль никогда не работала надъ ней и принимала ее какъ фактъ, напр. часть меньше цѣлаго. Многія истины получаютъ значеніе аксіомы

Digitized by Google

теромъ, какъ и точка отправленія и удовлетворяютъ одному только условію—быть логическими, т. е., чтобы слѣдствія вытекали изъ основаній, что вовсе не требуетъ постоянной повѣрки ихъ путемъ опыта; они легко вытекаютъ одна изъ другой и легко теряются изъ виду.

Въ дедукціи каждый выводъ получаетъ свое значеніе только послѣ того, какъ будетъ повѣренъ на опытѣ: дедукція указываетъ, опытъ повторяетъ; путь ея чрезвычайно медленъ и труденъ, подобно тому, которымъ создаются основанія, точки отправленія для него. Теперь становится яснымъ, почему субъективный методъ для обобщенія отвергается положительнымъ знаніемъ. Намъ могутъ возразить: если въ математикѣ изъ нѣсколькихъ аксіомъ выводятъ такой длинный рядъ плодотворныхъ и неопровержимыхъ результатовъ, почему же, идя тѣмъ же путемъ, метафизики должны на каждомъ шагу спотыкаться и приходить къ нелѣпости? Очень просто, математика наука простая, занимается она числомъ, временемъ и пространствомъ; предметъ же метафизическихъ изысканій чрезвычайно сложенъ. Чѣмъ сложнѣе и выше наука (по естественной, положительной классификаціи), тѣмъ труднѣе и недоступнѣе она для дедукціи. Проще и легче всего дѣлать выводы въ математикѣ; благодаря открытіямъ Ньютона легко ихъ дѣлать въ небесной механикѣ; уже труднѣе въ физикѣ, и способность дедукціи въ химіи уже значительно ограничена, тѣмъ болѣе въ біологіи, и до крайне малаго размѣра доходитъ она въ соціологіи. Метафизика стремится построить логически систему всего міра; дѣйствуя методомъ субъективнымъ, она широко употребляетъ, какъ вспомогательное средство, отличный способъ дедукціи, но ждать послѣдовательной повѣрки каждаго своего вывода путемъ опыта она не можетъ, и спѣшитъ съ своими не повѣренными и потому, можетъ быть, ложными выводами и такими же заключеніями. Критическій разборъ всякой метафизической системы, въ которыхъ часто выводы въ прямомъ противорѣчіи съ основаніями, ясно подтверждаетъ это, равно какъ и безплодность, несостоятельность, быстрое паденіе системъ. Еще безуспѣшнѣе и страннѣе бываетъ съ системами (немно-

---

для одного, между тѣмъ какъ для другаго онѣ требуютъ доказательствъ; дѣло въ томъ, что первый не позаботился поработать своей мыслію надъ этой истиной, и на доказательства ея посмотрѣлъ какъ на праздную для себя забаву ума. Но о всякомъ случаѣ аксіома получается нами путемъ наблюденія, эмпирически.

Digitized by Google

гими напр. Огюста Конта, творца положительнаго знанія), во главѣ которыхъ стоитъ несомнѣнная, положительная истина, но послѣдствія выводятся негоднымъ методомъ субъективнымъ. Въ такихъ случаяхъ ничего нельзя сказать противъ точки отправленія, но тѣмъ осторожнѣе слѣдуетъ довѣрять послѣдствіямъ. Изъ этого слѣдуетъ, что для правильности всей системы не только необходима положительная, несомнѣнная истина, какъ цѣль, какъ точка отправленія, но столько же необходима правильность метода. Для положительнаго знанія эта точка отправленія, эта цѣль—раскрытіе силъ, лежащихъ въ человѣческихъ обществахъ, — есть способъ мышленія отнюдь не спекулятивный, а объективный, положительность, правильность, несомнѣнность котораго теперь очевидна.

Еще разъ повторимъ: метафическія системы сдѣлали свое дѣло: въ союзѣ съ науками они способствовали раскрытію силъ человѣческихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онивнесли въ насъ множество понятій, несливающихся, враждебныхъ другъ съ другомъ, уже вслѣдствіе разнородности источниковъ, изъ которыхъ они вытекали. Возмужалое человѣчество не хочетъ болѣе пользоваться способностью метода субъективнаго ставить принципы à prіогі, ни выходить въ доказательствахъ изъ рамокъ, очерченныхъ каждой отдѣльной наукой и стѣсняющихся по мѣрѣ усложненія самой науки. Отнынѣ оно удовлетворится только такимъ мышленіемъ, которое принимаетъ за точку отправленія истину, доказанную опытомъ, и каждое послѣдствіе, каждый выводъ повѣряетъ тоже опытомъ. Только такимъ путемъ мало по малу можетъ водвориться однородное, положительное знаніе и исчезнутъ ошибки и заблужденія, порожденныя гипотезами спекулятивными. Для будущаго положительное знаніе будетъ имѣть такое же значеніе, какое имѣетъ уже для прошедшаго. Въ приложеніи къ важнѣйшей изъ наукъ, соціологіи, ставъ на общую точку, оно указываетъ на явленія, выражавшія собою правильное и постепенное раскрытіе силъ человѣческихъ обществъ, и отдѣляетъ ихъ отъ тѣхъ, которыя мѣшали или возмущали эту правильность, отъ какихъ бы причинъ они ни происходили: такимъ образомъ на началахъ положительнаго знанія является философія исторіи. Такова же роль его и для будущаго: оно признаетъ явленія правильнаго развитія или отдѣляетъ ихъ отъ противоположныхъ. Но такъ какъ эти будущія явленія еще не существуютъ, а по запутанности и сложности историческихъ законовъ уловить

Digitized by Google

или предсказать ихъ весьма трудно, то необходимо ожидать, чтобы хотя общія черты явленій обозначились, какъ, напримѣръ, мы упомянули въ вопросѣ о задачѣ политической экономіи. По этимъ общимъ чертамъ оно можетъ указать, какимъ силамъ предстоитъ развитіе, какія неизбѣжно должны замереть, какимъ должно и можно оказывать содѣйствіе, какъ имъ слѣдуетъ противиться,—разумѣется, все это въ извѣстныхъ предѣлахъ, ограниченныхъ сложностью и многочисленностью перекрещивающихся силъ въ человѣческихъ обществахъ. Вотъ почему мы не вездѣ употребляли и общепринятаго слова «развитіе» и замѣняли его раскрытіемъ, ибо въ обществѣ можетъ возникнуть сила, существованіе и развитіе которой было еще неуловлено мыслью.

Въ настоящее время очень часто раздаются сѣтованія на возмущеніе разума противъ сердца. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что въ прежнія времена, въ средніе вѣка, напримѣръ, существовало нѣчто противуположное, что разумъ былъ подчиненъ сердцу и теперь возсталъ противъ него. Но вѣдь это ложно. Противъ сердца, противъ чувства разумъ никогда не возставалъ и возстать не можетъ. Въ новѣйшее время, какъ и въ средніе вѣка, какъ и въ древности, разумъ всегда былъ опорою, путеводителемъ чувства. Изчезло ли хоть одно явленіе, принадлежащее къ великой области чувствованій? Ни семейныя узы, ни узы крови, ни значеніе и достоинство женщины, ни патріотическія чувства, ни состраданіе и милосердіе къ несчастію, ни любовь къ человѣчеству—ничто не погибло и все развивалось, расширяло свой горизонтъ, выростало. Мало того: сколько раскрылось въ человѣкѣ новыхъ добродѣтелей, прежде неизвѣстныхъ? Если бы было справедливо, что въ новѣйшее время происходитъ такое необыкновенное явленіе и гордый, злостный разумъ захватываетъ власть, законно принадлежащую чувству, то явленіе это необходимо должно было бы выражаться неизбѣжнымъ паденіемъ нравственнаго уровня; въ новѣйшихъ обществахъ должны были бы усиливаться пороки, ослабѣвать и падать добродѣтели по мѣрѣ удаленія отъ первобытной органической (животной по преимуществу) эпохи и вступленія въ эпоху критическую, сознательную, развивающуюся подъ руководствомъ разума. Естественно, что это нелѣпо и доказывать эту нелѣпость значитъ терять по напрасну время. Достаточно указать на смягченіе нравовъ, на успѣхи справедливости и гуманности.

Теперь взглянемъ на этотъ вопросъ съ другой точки зрѣнія и

Digitized by Google

посмотримъ, означаетъ ли возмущеніе разума противъ сердца то, что умственныя способности, покорныя прежде сердцу, то есть, естественнымъ чувствамъ, заняли непринадлежащее имъ мѣсто? Отношеніе между умственными способностями и чувствами проявляется въ явленіяхъ зоологическихъ, въ развитіи возрастовъ и въ развитіи человѣческихъ обществъ. Въ развитіи чувствованій мы замѣчаемъ двѣ великія силы, два великіе стимула: стремленія эгоистическія, замкнутыя, личныя, (къ которыть относится прежде всего удовлетвореніе законамъ питанія и продленія рода), и стремленія общественныя, широкія, на которыхъ основывается семейство и общество. Тѣ и другія могутъ быть относительно добрыя и злыя, но не въ томъ вопросъ.

Умственныя способности животныхъ, несомнѣнныя для всякаго, кто хоть не много знакомъ съ біологическими законами, служатъ, и то въ крайне ограниченномъ размѣрѣ, исключительно для питанія и продолженія породы. Немногимъ больше значеніе ихъ въ дѣтствѣ человѣка и еще нѣсколько больше въ дѣтствѣ человѣческихъ обществъ. Въ этихъ условіяхъ умственныя способности въ полномъ подчиненіи первыхъ потребностей, и всѣ свои силы употребляютъ для ихъ удовлетворенія; нѣтъ ни времени, ни возможности направить ихъ въ иную сторону. Это первая ступень развитія личности и общества. За нею слѣдуетъ вторая степень,—слабо различаемая въ животныхъ, но тѣмъ не менѣе проявляющаяся въ чадолюбіи, въ соціальныхъ стремленіяхъ нѣкоторыхъ породъ, въ прирученіи,—уже весьма замѣтная въ переходахъ изъ дѣтства человѣка въ юность, и принимающая могущественные размѣры въ развитіи цивилизаціи, въ которой умственныя способности изъ орудія исключительно животныхъ инстинктовъ становятся орудіемъ нравственныхъ способностей. Въ этотъ періодъ происходитъ великое явленіе: стремленіе обобщить и вывести нравственные законы. За тѣмъ человѣчество переходитъ къ слѣдующей ступени. Подъ вліяніемъ трудной работы—найти удовлетвореніе какъ эгоистическимъ, такъ и общественнымъ стремленіямъ, умственныя способности окрѣпли, пріобрѣли множество понятій и фактовъ—является возможность науки. Но по мѣрѣ того какъ раскрывались науки, явились двѣ помѣхи соединенію ихъ въ одну общую, неразрывную, стройную систему: раздѣльность между науками, имѣющими предметомъ своимъ то эгоистическія, то общественныя стремленія (науки естественныя и историческія) и отстраненіе стремленій, стоящихъ

Digitized by Google

какъ бы въ сторонѣ, но значеніе которыхъ день ото дня становилось болѣе очевиднымъ. Стремленія эти были до того естественны, что для удовлетворенія ихъ освобожденная мысль принялась за новую тяжелую работу—привести къ единству какъ тѣ, такъ и другія стремленія, уловить связь между ними и общіе законы ихъ взаимнодѣйствія. Ясно, что найти это единство возможно было только положительному знанію: метафизическія системы, не захватывавшія всѣхъ явленій соціологическихъ, были на это неспособны. Какую же общую черту, какой общій законъ можемъ мы уловить въ раскрытіи силъ человѣческихъ обществъ? Фундаментальный типъ человѣческаго развитія, какъ индивидуальнаго, такъ и коллективнаго, состоитъ въ постоянномъ и прогрессивномъ раскрытіи нашей человѣчности на счетъ животности подъ двойнымъ преобладаніемъ разума надъ склонностью, инстинктовъ общественныхъ (симпатическихъ) надъ инстинктами личными (эгоистическими). Чтобы яснымъ было различіе между человѣческими свойствами и животными, припомнимъ методъ, о которомъ мы говорили выше: станемъ отсѣкать всѣ свойства, общія и человѣку и животнымъ, въ результатѣ получимъ свойства, исключительно принадлежащія человѣку.

Теперь ясно, что возмущеніе разума противъ сердца не имѣетъ ни малѣйшаго смысла. Разумъ не можетъ протестовать противъ того, что имъ создано и признано самимъ, а не открыто какимъ либо инымъ способомъ. Теперь онъ требуетъ, чтобы это возмущеніе было кончено, ибо въ положительномъ знаніи нѣтъ никакихъ сверхъестественныхъ гипотезъ, а подчиненіе личныхъ эгоистическихъ стремленій общимъ человѣческимъ есть законъ, раскрытый самимъ разумомъ.

Теперь можно отстранить оба понятія, подавшія поводъ къ сѣтованію, о которомъ мы говорили, и замѣнить ихъ настоящими и вполнѣ опредѣленными. Это умственныя силы и желанія, вообще разумъ и страсти. Положительное знаніе признало, что развитіе нравственности лежитъ въ прогрессивномъ развитіи инстинктовъ, стремленій общественныхъ, соціальныхъ, симпатическихъ на счетъ стремленій индивидуальныхъ, эгоистическихъ, и съ тѣхъ поръ оно отдало первымъ свое предпочтеніе, свое содѣйствіе, такъ какъ въ развитіи ихъ лежатъ успѣхи человѣческой справедливости; оно показало, какъ вліяетъ нравственность личная на нравственность общественную, и какъ въ свою очередь дѣйствуетъ общественная нравственность на нравственность индивидуальную. Обратно, человѣческая нравственность

Digitized by Google

достигаетъ своего полнаго развитія и горячей энергіи, опираясь на положительное знаніе, и требуетъ отъ него указаній, что должно быть поддерживаемо, что сдерживаемо для достиженія справедливости и всеобщаго блага. Отличительный характеръ истины—ея безличность, ея безпристрастіе, ея независимость: противъ нея можетъ возставать и суевѣрное преданіе, и личное чувство,—тѣмъ не менѣе кончится тѣмъ, что она будетъ признана. Сила ея въ убѣдительности, въ органическихъ свойствахъ мозга. Сколько разъ разумъ съ трепетомъ и изумленіемъ отступалъ предъ выводимою имъ на свѣтъ новостью, приводившею въ ужасъ самыя дорогія убѣжденія, чувствованія, вѣрованія; но работа его постоянно продолжалась, и самая безличность истины вызывала уступки личныя, дѣлала возможнымъ прогрессъ нравственности и основала великую, человѣческую справедливость посредницей между разумомъ и страстью.

Можетъ-ли положительное знаніе составить доктрину? Никогда. Подъ доктриною мы разумѣемъ узкое, ограниченное, далеко неохватывающее всѣхъ явленій жизни, ученіе; доктрина—это совокупность мнѣній и положеній, принятыхъ какимъ либо ученіемъ, школою,—это кружокъ адептовъ замкнутый, организованный и настроенный на тотъ или другой ладъ. Положительное знаніе не знаетъ и не хочетъ знать ничего этого; никакого замкнутаго, организованнаго кружка оно не предполагаетъ, въ приглашеніи адептовъ оно не нуждается. Безчисленное множество людей невольно, тайно, безсознательно ему служатъ: нѣтъ ни одного открытія въ наукѣ или въ исторіи, которымъ бы оно не воспользовалось и не увеличило бы своего могущества; въ современномъ порядкѣ не происходитъ ни одного измѣненія или преобразованія, въ которомъ оно не приняло-бы дѣятельнаго, непосредственнаго участія; нѣтъ ни одного движенія въ раскрытіи человѣческихъ силъ, къ которому оно не поспѣшило-бы съ своимъ содѣйствіемъ. Въ безконечной и постоянной работѣ всѣхъ—цѣль его указать столкновеніе частныхъ стремленій, указать мѣсто выработаннымъ матеріяламъ, раскрыть внутренній смыслъ, значеніе и цѣль, сокрытыя въ современномъ общественномъ движеніи. Почва для взрощенія семянъ, бросаемыхъ положительнымъ знаніемъ, готова, рачительно вспахана вѣковой цивилизаціей, удобрена гніющими остатками суевѣрія, расчищена спеціальными науками. Ни дѣйствіе на воображеніе, ни увлеченіе интимнымъ чувствомъ болѣе не нужны—нужны убѣдительныя доказательства, говорящія сами за себя. Знаніе и могущество

Digitized by Google

—одно и тоже: чѣмъ больше мы знаемъ, тѣмъ больше мы можемъ. Разумѣется, много надобно трудовъ, чтобы разумъ, раскрываемый развитіемъ человѣчества, сталъ разумомъ каждаго человѣка; сколько потребовалось усилій, чтобы найти точки соприкосновенія всякой спеціальной науки съ наукой общечеловѣческой, мелькающей въ туманѣ будущаго; сколько побѣдъ должно было одержать въ колоссальной борьбѣ съ гипотетическимъ и метафизическимъ; сколько слѣдовало примирить противорѣчій, представляемыхъ самыми науками; сколько потребовалось времени, работы, изысканій, наблюденій, чтобы просвѣтлить только нѣсколько головъ положительнымъ знаніемъ, чтобы выработать пріемы не обращенія, а убѣжденія! За то и всеобщее возрожденіе, возобновленіе неизбѣжны. Въ будущее заглядывать нельзя, но общія черты ближайшаго очевидны: съ одной стороны общества просвѣщаются тѣмъ, что имъ не было извѣстно, съ другой стороны положительное знаніе обогащается новыми свѣдѣніями и припаравливается, прилаживается къ обществу. Кто убѣдился, что исторія есть развитіе, подчиненное естественнымъ законамъ (для прочихъ областей знанія сомнѣнія этого не существуетъ); кто увѣрился, что все происходящее составляетъ безконечную, непрерывную цѣль причинъ и слѣдствій; кто удостовѣрился, что происхожденіе обществъ, всѣхъ его учрежденій, городовъ и государствъ, привиллегированныхъ кастъ, аристократій, правительствъ, науки, искусствъ имѣло источникомъ способности человѣка, силы въ немъ заключавшіяся,—тотъ уже вошелъ въ область положительнаго знанія. Съ той минуты какъ все гипотетическое изгнано какъ изъ неорганическаго, такъ и изъ органическаго міра, какъ изъ явленій космическихъ, такъ и историческихъ, человѣкъ сталъ на твердую почву: ни наша земля, ни наше небо, ни наше время, ни наше пространство не выходятъ изъ подъ вѣчныхъ, имъ присущихъ законовъ. Что внѣ нашей земли, нашего неба, пространства и времени, то намъ недоступно для знанія. Мы не можемъ оставить этого пути, чтобы не заблудиться, чтобы не попасть въ области, недосягаемыя для знанія.

Выше мы назвали истину безличною, мы объяснили какимъ путемъ она получается, какъ продуктъ дѣйствія внѣшняго міра на человѣка. Если явленіе дѣйствуетъ на одного человѣка такъ, на другого иначе, то изъ такого явленія нельзя вывести закона; предположить противное значитъ уничтожить единство человѣческое. Человѣкъ есть родовое понятіе, а родовое понятіе основывается на общихъ признакахъ, и

Digitized by Google

свойствахъ. Слѣдовательно истина безличная не можетъ быть истиной и національной, имѣть личность національную, а можетъ быть только общечеловѣческой.

Положительное знаніе не различаетъ истины французской, англійской, или нѣмецкой, западной или восточной, европейской или американской. Оно не за консерваторовъ, ибо цѣль его изученія раскрытіе силъ человѣческихъ обществъ, которое есть поступательное и прогрессивное, оно не можетъ быть и за революціонеровъ, видя невозможность водворенія утопій, вытекающихъ изъ одного страстнаго, горячаго желанія, но не всегда вооруженныхъ положительнымъ знаніемъ: оно ищетъ водворенія порядка, но не такого, о какомъ мечтаютъ консерваторы, оно стремится впередъ, но иными путями, за какія страстно схватываются революціонеры. Въ тяжелую хаотическую эпоху, переживаемую современнымъ человѣчествомъ, положительное знаніе, владѣя множествомъ доказанныхъ истинъ, уже можетъ преподать не одинъ великій общественный урокъ партіямъ, дышащимъ злобою и ненавистью другъ къ другу.

Мы можемъ теперь резюмировать все сказанное въ коротенькомъ очеркѣ границъ положительнаго знанія. Мы привели согласную съ нимъ строгую систему наукъ (классификацію), переходя отъ простѣйшей къ самой сложной; въ общихъ чертахъ мы очертили вліяніе его на измѣненіе нашего взгляда на міръ, на воспитаніе, на нравственность; мы изслѣдовали методъ его въ сравненіи съ методами гипотетическимъ и метафизическимъ; мы указали на главный законъ развитія человѣческой нравственности; въ нѣсколькихъ словахъ мы обозначили значеніе, роль и характеръ положительнаго знанія для современной эпохи. Вотъ наше заключительное слово: всѣ явленія міра происходятъ по вѣчнымъ, неизмѣннымъ законамъ, которыми можно овладѣть только знаніемъ ихъ, дѣйствуя и направляя одинъ на другой, — такъ что по мѣрѣ того, какъ мы узнаемъ ихъ лучше и лучше, по мѣрѣ того, какъ подчиняемся имъ больше и больше, мы получаемъ все большую и большую власть надъ природою и самими собою, что и составляетъ цѣль всего нашего развитія.

Digitized by Google

— Нѣтъ, ваше новое ученіе о положительномъ знаніи также безсильно для будущаго, какъ и тѣ доктрины, противъ которыхъ вы возстаете съ такимъ холоднымъ безстрастіемъ. Мало того, оно проникнуто всѣми недостатками этихъ доктринъ, да еще не имѣя той возбуждающей, влекущей за собою силы, которая составляетъ ихъ сущность и значеніе. Отличительный характеръ вашего положительнаго знанія — пассивность, недѣятельность, неспособность къ дѣятельности въ современную намъ эпоху. Надѣюсь, что вы согласитесь въ этомъ со мною?

— Нѣтъ, не могу согласиться. Во-первыхъ, и прежде всего, я несогласенъ, чтобы положительное знаніе было доктриной, потому что оно не можетъ быть ни удѣломъ кружка людей, извѣстнымъ образомъ настроенныхъ, ни удѣломъ какой-нибудь политической партіи. Вы также горячо и успѣшно служите ему, какъ и я. Во-вторыхъ, вы отказываете ему въ той силѣ, которая составляетъ сущность современныхъ теорій. Это тоже несправедливо. Сила ваша не въ чувствѣ, васъ увлекающемъ, а въ его вѣрности, въ его положительности. Не все ли равно: принимаете ли вы одну сторону, потому что проникнуты всѣми симпатіями къ ней, потому что *вѣрите* въ ея правое дѣло и въ лучшее будущее, или потому, что *знаете*, увѣрены, что движеніе должно принять этотъ характеръ, что одному принадлежитъ будущее, а другое защищаетъ свое прошедшее и настоящее? Ваше обвиненіе въ пассивности, въ недѣятельности знанія имѣетъ только кажущееся основаніе. Правда, что важнѣйшая, труднѣйшая, сложнѣйшая область знанія, представляемая соціологіей, владѣетъ еще весьма незначительнымъ количествомъ истинъ, но въ будущемъ этого рода истинамъ и открыто теперь полное значеніе и развитіе.

— А до того времени жди, чтобы освободиться отъ печальной необходимости ступить невѣрно и не попасть на дорогу въ утопію?

— Ни чуть. Мы владѣемъ весьма ограниченнымъ числомъ истинъ историческихъ, но и того, что мы знаемъ, достаточно уже для указанія многихъ возможныхъ и справедливыхъ цѣлей, и другихъ, безполезныхъ, никуда не ведущихъ, утопическихъ.

— Понимаю я васъ. Вы указываете путь, но не указываете цѣли, и дѣйствительно указать ее не можете, такъ какъ она уяснится вслѣдствіе безчисленнаго множества случайностей, не ставшихъ еще достояніемъ положительнаго знанія. Но кто же пойдетъ за вами, кого

Digitized by Google

вы увлечете за собою, если вы не въ состояніи указать на это тихое пристанище, на эту мирную стоянку послѣ борьбы и бурь жизненныхъ? Какую роль сами вы играете или будете играть? Если вы будете послѣдовательны, вы не смѣете, не должны принимать участія въ жизни, не имѣя опредѣленной цѣли; ваше положеніе всегда будетъ или двусмысленно, или лицемѣрно.

— Такъ по вашему Республика Платона, Утопія Мура, Фаланга Фурье — опредѣленныя цѣли или болѣе опредѣленныя, чѣмъ создавшія ихъ чувства и убѣжденія?

— Но согласитесь, что эти благородныя, смѣлыя гипотезы, обратившіяся для многихъ въ опредѣленныя цѣли, были богатымъ, свѣтлымъ родникомъ для дальнѣйшаго развитія человѣчества: за ними остались цѣлые историческіе періоды, развивавшіеся на эти темы. Само ваше положительное знаніе безъ нихъ немыслимо.

— Родники богатые — это правда, но не совсѣмъ свѣтлые. Если вы признаете хоть какую-нибудь заслугу положительнаго знанія, то, разумѣется, только за удаленіе всего гипотетическаго. Будьте смѣлѣе и послѣдовательнѣе — противорѣчіе въ вашей мысли станетъ совсѣмъ очевидно: вы враждуете со старымъ, потому что оно ложно. А ваши постройки не будутъ изуродованы и искалечены всѣми тѣми случайностями, которыя не могли войти въ соображеніе при вдохновенномъ ихъ созданіи? Не лучше ли заранѣе знать все это, чтобы не оступиться и не впасть въ новыя заблужденія?

— Если бы ваши выводы были и справедливы, они неприложимы, невозможны, безполезны. Хорошо вамъ такъ разсуждать, сидя въ кабинетѣ, а каково тѣмъ, которые тамъ, на улицѣ, подъ гнетомъ давящей ихъ дѣйствительности? Кто же станетъ работать безъ вѣры, безъ опредѣленной цѣли, которую вы отнимаете?

— Я ее и не отнимаю, а говорю только, что она должна быть сознана, доказана положительно, несомнѣнно.

— Такъ пока мы съ вами виноваты, что забѣжали такъ впередъ; мы должны остановиться и ждать, когда остальные просвѣтятся, чтобы съ ними уже начать общее дѣло и идти уже вмѣстѣ?

— Выходитъ, что да. Впрочемъ работа найдется и для насъ, такъ какъ не можетъ быть, чтобы истина была только *нашимъ* удѣломъ.

— Долго же придется намъ ожидать, пока въ великой лабораторіи мозговъ покажется искомое и желаемое улучшеніе сътѣмъ несомнѣннымъ

Digitized by Google

результатомъ, что въ выводахъ мы разойдемся, и наша работа была безполезна.

— Ну вотъ мы и помѣнялись ролями: изъ моего противника вы стали моимъ союзникомъ, я долженъ защищать васъ противъ васъ же самихъ. Какъ же вы станете доказывать ваше посланничество, когда можете сомнѣваться въ томъ, чтобы оно было признано? Какъ же пойдутъ за вами тѣ, которые впослѣдствіи необходимо должны разойтись съ вами. Не ясно ли, что истинность вашего посланничества въ прямомъ отношеніи съ пониманіемъ, съ положительнымъ знаніемъ всего того, что только есть общаго между вашей гипотезой и стремленіемъ времени?

— Быть можетъ, вы правы, но я повторю мое опроверженіе: между тѣмъ какъ небольшое число головъ довольствуется положительнымъ знаніемъ, милліоны ищутъ не столько его, сколько его приложенія; неужели вы думаете, что они удовлетворятся вашимъ холоднымъ и безстрастнымъ «не знаю и знать этого не могу и не хочу»? Развѣ вамъ, вооруженному положительнымъ знаніемъ, неизвѣстно, что страстное лихорадочное стремленіе всякаго бодраго, незаснувшаго ума неудержимо направлено къ рѣшенію общихъ вопросовъ; развѣ вамъ незнакомо это свойство мысли постоянно подписывать итоги знанія, приводить все къ опредѣленному, хотя, я не могу не согласиться съ вами, и къ гипотетическому единству.

— Это прямой и непосредственный результатъ нашего воспитанія и современной нравственности.

— По мѣрѣ того какъ будутъ распространяться истины положительныя, должно необходимо произойти всеобщее возрожденіе и воспитанія, и нравственности. Въ указаніи необходимости и неизбѣжности этого возрожденія, основаннаго на положительномъ, а не на гипотетическомъ, и состоитъ главная наша заслуга.

— Ну, судя по тѣмъ микроскопическимъ успѣхамъ въ массахъ истиннаго просвѣщенія, не скоро наступитъ эта эпоха; но что же дѣлать съ тѣми вопросами, которые требуютъ немедленнаго, безотлагательнаго рѣшенія, не дожидаться же для этого вашей запоздалой санкціи?

— Не нашей санкціи, а санкціи того же общественнаго мнѣнія, безъ сочувствія котораго, какъ оно еще ни слабо нынче, все-таки не дѣлается ни одного дѣла. На него можно еще не обращать вниманія, но скоро безъ него нельзя будетъ сдѣлать ни шагу. А что такое общественное мнѣніе, какъ не результатъ положительнаго зна-

Digitized by Google

нія колеблющійся, потому что не имѣетъ незыблемыхъ подъ собою основъ, которыя и дастъ ему положительное знаніе? Вы все говорите о безотлагательныхъ вопросахъ: позвольте вамъ возразить, во-первыхъ, что положительное знаніе не можетъ стоять помѣхою для ихъ разрѣшенія; оно не можетъ даже отказать въ симпатіи къ правой сторонѣ, но не можетъ встрѣтить безъ улыбки той загадочной и туманной цѣли, которую составляетъ себѣ всякая утопія; во-вторыхъ, положительное знаніе не можетъ отказаться отъ всѣхъ историческихъ фіаско, которыя потерпѣли всѣ утопіи. Ходить далеко за примѣрами нечего; прослѣдите исторію Европы со времени громкаго объявленія правъ человѣка. Далеко ли мы ушли впередъ, судя по незабвенной программѣ, начертанной великою эпохой. А обратитесь теперь къ качеству и количеству народившихся и распространившихся знаній: имя имъ легіонъ. Такъ который путь плодотворнѣе? Я, какъ сторонникъ силы знанія, долженъ знать и значеніе этихъ благородныхъ программъ и ихъ вліяніе на общее развитіе; я не забываю даже и того оглушительнаго, захватывающаго душу треска, сопровождавшаго ихъ появленіе. Но мы вообще вышли изъ юношескаго, шиллеровскаго энтузіазма, мы знаемъ, что за февральскими днями долго еще будутъ слѣдовать іюньскіе, а за іюньскими—декабрьскіе. Кто же выиграетъ? Вотъ почему я настойчиво повторяю ненравящуюся вамъ фразу: нужно знаніе, положительное знаніе, какъ между передовыми людьми, такъ и въ массахъ, — не то они будутъ постоянно измѣнять другъ другу.

— Берегитесь, ваше безстрастіе къ дѣлу, ваше пристрастіе къ знанію, исторически намъ знакомы нѣсколько: мы не забыли еще недавняго времени, когда нѣсколько доктринеровъ думало, что управлять народнымъ движеніемъ также легко, какъ академическими засѣданіями. Это доктринерство, эта педантократія будетъ невыносимѣе не только аристократіи, но и современной обуржуазіи.

—Ваше возраженіе имѣетъ большее основаніе, нежели вы думаете. Дѣйствительно, къ понятію знанія въ старой Европѣ непремѣнно присоединяется понятіе чего-то сухого, кабинетнаго и отвлеченнаго отъ жизни; дѣйствительно, при теперешнемъ воспитаніи и при ходячемъ кодексѣ морали легко впасть въ ту болѣзнь, которую вы назвали педантократіей, но не смѣшивайте ни такого знанія, ни современной, подвергнутой несомнѣнному росту, морали съ истиннымъ знаніемъ, которое не можетъ быть сухо, котораго цѣль—жизнь че-

Digitized by Google

ловѣчества, а не кабинетная, разрывъ котораго съ дѣйствительностью—нелѣпость. Доктринеры безспорно впали въ страшныя ошибки, но именно вслѣдствіе своего незнанія, непониманія того, что происходилось предъ ихъ глазами.

— На этомъ вопросѣ, какъ кажется, мы не сойдемся съ вами; я останусь при своемъ обвиненіи вашего положительнаго знанія въ недѣятельности, въ неспособности на инціативу движенія въ прославляемомъ вами раскрытіи силъ человѣческихъ обществъ, въ отсутствіи права на какое-либо содѣйствіе со стороны его, если вѣрность разсчета не математически доказана. Но скажите мнѣ на милость: вы казните всѣ наши смѣлыя гипотезы за то, что цѣль ихъ въ облакахъ, а смѣшно гоняться за тѣнью, но я не понимаю, чѣмъ благороднѣе и возвышеннѣе ваша цѣль: гоняться за положительнымъ знаніемъ, имѣя въ отдаленности пріятную перспективу, что имъ кто-то воспользуется въ будущемъ, только не вы. Если съ нашей точки зрѣнія смѣшно ратовать за идеалы, созданные Фурье, то не нелѣпѣе ли въ десять разъ служить сознательно какимъ-то орудіемъ раскрытія силъ человѣчества, и двигаться по заданной впередъ программѣ, повинуясь, какъ маріонетка, шнуру, который кто-то дергаетъ за кулисами? Ваше раскрытіе или разоблаченіе силъ человѣческихъ страдаетъ тѣмъ же суевѣріемъ, противъ котораго вы такъ возстаете. Ваши старанія замаскировать общими цѣлями свободную волю совершенно не достигаютъ цѣли. Сознательно, или безсознательно она дѣйствуетъ, она находится въ томъ же раболѣпствѣ предъ авторитетомъ.

—Странное это право дѣло! человѣкъ упалъ и вывихнулъ ногу—не сердится, переходитъ изъ возраста полнаго силы и энергіи въ старость—не возстаетъ на свободную волю, которая, быть можетъ, этого вовсе не желаетъ, но не можетъ примириться съ тою же ея ролью во всѣхъ явленіяхъ жизни, не хочетъ замѣтить, что сама эта искомая сила измѣняется. Въ юности она дѣйствуетъ иначе чѣмъ въ старости, при здоровьи иначе чѣмъ при болѣзни, подъ вліяніемъ страсти иначе какъ въ спокойномъ состояніи, а между тѣмъ она должна быть одна и всегда тождественна самой себѣ; но вѣдь это нелѣпо. Мы нѣсколько непривыкли дѣлать простѣйшія обобщенія; мы не умѣемъ и не хотимъ умѣть дѣлать труднѣйшихъ, сложнѣйшихъ; но первыя и приходятъ въ помощь вторымъ. Сѣмя, брошенное въ почву, выгоняетъ стебель, стебель даетъ почку, изъ которой

Digitized by Google

выбѣгаютъ листья и цвѣтокъ, сѣмянная пыль проникла въ рыльце матки, весь циклъ законовъ совершился—мы довольны, спокойны, потому что поняли, узнали, свели концы съ началами; тоже въ царствѣ животномъ. Въ вопросѣ, который насъ занимаетъ, мы недовольны, неспокойны, потому что не знаемъ, потому что не хотимъ знать, потому что этому пониманію мѣшаютъ ходячія мнѣнія и тотъ періодъ жизни, который называютъ воспитаніемъ. То, что мы знаемъ, не можетъ тяготить насъ, законъ всѣми признаваемый, не есть авторитетъ. Кого безпокоитъ и давитъ законъ, по которому всѣ тѣла стремятся къ центру земли? Было бы смѣшно, еслибы кто сказалъ, что ему ужасно не нравится, что пять и три составляютъ восемь, или что роза отцвѣтаетъ. Сложныя истины не такъ легко перерабатываются въ убѣжденія какъ простѣйшія, но того же достоинства: онѣ не тяготятъ, а усиливаютъ нашу власть надъ внѣшнимъ міромъ. Законъ тѣмъ не похожъ на шнурокъ, прикрѣпленный къ маріонеткѣ, что тѣсно и естественно выходитъ изъ вещей, составляя доступную для нашего ума часть ихъ сущности. Маріонетка двигается, движеніе есть свойство, выходящее извнутри движущейся вещи, а тутъ мы видимъ шнурокъ: для маріонетки это и было бы обидно, если бы она одарена была способностью понимать это. Въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы весьма часто обижаться: чувствуешь голодъ—обидно, холодъ—обидно, любовь—обидно, а вѣдь наша воля въ полной зависимости отъ всѣхъ этихъ явленій. И потому жалобы на подчиненіе какому—то авторитету, стоящему, какъ вы говорите, за кулисами, невозможны и только сантиментальны. Онѣ доказываютъ только присутствіе въ глубинѣ насъ недавно отложившейся формаціи, слои которой все еще подымаются кверху при всякомъ безпорядкѣ или волненіи, происходящихъ на поверхности новаго осадочнаго образованія. Я и не думалъ замаскировать моего понятія о предметѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Всякая органическая жизнь предполагаетъ развитіе, которое есть результатъ отношеній организма къ окружающей его дѣйствительности. Силы, свойства человѣческаго организма, состоящія въ принятіи внутрь себя явленій внѣшнихъ и обратное движеніе ихъ на внѣшній міръ есть то, что называютъ волей. Въ этомъ смыслѣ уничтожить ее нельзя, не замѣтить ея проявленій невозможно. Тоже и въ жизни цѣлыхъ обществъ. Вѣроятно общее развитіе присуще не однимъ человѣческимъ обществамъ, оно, быть можетъ, свойственно всѣмъ животнымъ, но движенія его такъ мало

Digitized by Google

замѣтны, что теперь неуловимы. Сравнительной біологіи еще и не существуетъ, а она, нѣтъ никакого сомнѣнія, раскроетъ много еще неизвѣстнаго. Какъ бы то ни было, развитіе человѣческихъ обществъ не подлежитъ сомнѣнію: достаточно прослѣдить исторію любой науки, чтобы убѣдиться въ этомъ. Я никогда не говорилъ, что это развитіе —цѣль вселенной. Мнѣ до этого нѣтъ дѣла: я вижу только этотъ фактъ, и онъ такъ близокъ ко мнѣ, что я не могу признать болѣе важной цѣли и всѣ подчиняю этой. А быть можетъ паукъ, развившій геометрически правильную паутину на моемъ окнѣ, съ этой точки имѣетъ исключительно свой взглядъ на цѣли существующаго. Я ничего не имѣю возразить, если бы завтра нашей планетѣ вздумалось разорваться въ милліонный разъ въ осколки, расплавить все и начать сызнова, но пока этого не случится, я дальше моего носа, какъ говорятъ, не могу и не хочу видѣть. И такъ, я признаю главнѣйшимъ и важнѣйшимъ для меня общимъ закономъ, которому я подчиняю все, разоблаченіе силъ въ человѣческихъ обществахъ, или такъ называемый прогрессъ. Прогрессъ этотъ есть результатъ взаимнодѣйствія человѣческихъ обществъ или коллективной человѣческой воли и внѣшняго міра. Утѣшаетъ или оскорбляетъ кого мой выводъ—это меня не касается. Я принимаю возраженія мысли и отвергаю возраженіе оскорбленнаго чувства. Закону этому также не трудно и не обидно подчиниться, какъ закону тяготѣнія, открытаго Ньютономъ, какъ законамъ движенія, открытымъ Галилеемъ. Изъ чего слѣдуетъ, что ваше сравненіе достоинствъ положительнаго знанія съ достоинствами гипотезъ совершенно непримѣнимо.

— Ничуть; оно примѣнимо уже потому, что еслибы истина и была на вашей сторонѣ, то ею вы никогда не сдержите геніальный полетъ мысли. Я стою на своемъ: важнѣйшія успѣхи сдѣланы человѣческимъ умомъ помощью гипотезъ.

— Надѣюсь, что вы не будете стоять по крайней мѣрѣ за тѣ, ложность, вредность или безполезность которыхъ очевидно доказаны?

— Гипотезы—такой же законный и естественный продуктъ мысли, какъ и общіе положительные законы. Онѣ отвергаются мыслью, когда станетъ очевидна ихъ ошибочность, но вы не станете отвергать ни той пользы, которую онѣ приносятъ развитію знанія, какъ временно-принятые истинные общіе законы, ни возможности отстранить той силы мысли, которая создастъ ихъ. Множество наукъ, по реп-

Digitized by Google

имуществу съ реальнымъ направленіемъ, уничтожается цѣликомъ при отстраненіи гипотезъ, на которыхъ онѣ построены. Что станетъ съ химіей безъ атомистической гипотезы, что будетъ дѣлать теорія свѣта, электричества безъ гипотезы волнообразнаго колебанія эѳира.

— Стану отвергать и то, и другое. Гипотезы такой же законный и естественный продуктъ мысли, какъ и положительные законы,— согласенъ. Онѣ были необходимы во время младенческаго ея состоянія—и на это согласенъ. Но утверждаю, что мы стали на ноги, и что съ этихъ поръ гипотеза потеряла свое значеніе, свою заманивую прелесть. Думаю, что знанію можно теперь идти самому, безъ помочей. Я понимаю допущеніе, хоть въ математикѣ, заранѣе извѣстной нелѣпости, которая должна привесть къ еще болѣе осязательной нелѣпости, но не допускаю возможности принять выдуманную и обыкновенно непонимаемую нелѣпость, приложеніе которой имѣетъ цѣлью не опровергнуть ее, а подтвердить, доказать. Геніальная мысль имѣетъ склонность создавать гипотезы, весьма близкія къ истиннымъ законамъ,—это правда, но эта склонность въ тѣсной зависимости отъ воспитанія мысли: правильно воспитанная мысль вмѣсто гипотетическихъ обобщеній будетъ дѣлать обобщенія, основанныя на положительномъ знаніи. Существенно принадлежащее мысли свойство—дѣлать обобщенія положительнымъ знаніемъ нисколько не стѣсняется, оно только правильно направляетъ полетъ ея. Вы хотите видѣть только полезныя послѣдствія того метода, который слываетъ подъ именемъ субъективнаго и апріористическаго, но не хотите оцѣнить должнымъ образомъ невыгоды его и пагубныя послѣдствія. Весь сумбуръ, всѣ болѣзни современной мысли имѣютъ источникомъ это воспитаніе мышленія, и смѣю увѣрить васъ, что съ одной стороны не исчезнетъ этотъ хаосъ, пока всѣ бродячія въ безпорядкѣ понятія и теоріи не будутъ профильтрованы положительнымъ знаніемъ, чтобы осадить все наносное и вредное и пустить въ оборотъ дѣйствительно необходимое и полезное; а съ другой стороны взгляните на то направленіе, которое приняли или принимаютъ всѣ науки; неужели вы не замѣчаете эту осторожность, съ которою онѣ двигаются впередъ, это стараніе обойтись безъ гипотезъ, на которыя онѣ были такъ падки еще весьма недавно. Вы говорите, что многія науки должны отказаться отъ своего существованія, если отбросить гипотезы, на которыхъ онѣ построены, и приводите въ при-

Digitized by Google

мѣръ химію и часть физики? Я этого рѣшительно не понимаю. Да почему же химія не можетъ существовать безъ теоріи атомовъ? Она есть наука соединеній, основанныхъ на особенномъ свойствѣ матеріи —на химическомъ сродствѣ; соединенія эти происходятъ на основаніи извѣстныхъ пропорцій, въ большомъ или маломъ размѣрѣ,—это все равно. Для чего же тутъ атомы? А для того, чтобы проникнуть въ сущность вещей, добраться до началъ и концевъ. Но разъ доказано, что проникнуть въ эту сущность невозможно, добраться до началъ и концевъ безумно, и теорія атомовъ совершенно безполезна; за ней остается только вредъ, который несетъ за собою всякая ложь и неправда. Вѣдь такого рода полетъ мысли — возможенъ всюду. Тѣла соединяются химически по закону сродства, но что такое сродство, почему оно существуетъ? Физическія тѣла притягиваютъ другъ друга, стремятся другъ къ другу, но зачѣмъ стремятся, почему притягиваютъ — знать и невозможно и безполезно. Опять таки повторю: мы остаемся недовольны, потому что не овладѣли закономъ; когда мы довольны и вполнѣ овладѣли закономъ, намъ не приходитъ въ голову подобные вопросы, мы не мучимся надъ тѣмъ, почему пять и три—восемь, и принимаемъ это за фактъ мышленія и бытія. Очевидно, что всякой отвѣтъ будетъ колоссальной безсмыслицей въ послѣднемъ случаѣ, но, на основаніи какихъ то смутныхъ чувствованій, мы утѣшаемъ себя созданіемъ какого-то волнообразно-колеблющагося эѳира, какой-то невѣсомой жидкости и проч. и наивно увѣряемъ себя, что поймали истину и повторяемъ безсмысленныя слова, для будущаго поколѣнія имѣющія такую же цѣну, какъ жизненная теорія, какъ алхимія, какъ какой-нибудь флогистонъ, объяснявшій законы горѣнія. Повѣрьте, немного пройдетъ времени, и всѣ эти гипотезы, какъ результаты болѣзненнаго отклоненія мозга, со стыдомъ и срамомъ будутъ изгнаны съ площадей и изъ закоулковъ науки.

— Чтобы подрѣзать крылья самому знанію и заставить его, какъ школьника, повторять на каждомъ шагу: не знаю, не могу знать, и терять даже тотъ слабый кредитъ, который успѣли заслужить путемъ такого ужаснаго, египетскаго труда? Но кто же повѣритъ вамъ, кто пойдетъ къ вамъ, когда изъ устъ вашихъ будутъ раздаваться только такія свидѣтельствованія о вашей немощи и неспособности? Плохіе вы строители будущаго или, вѣрнѣе, оно никогда не будетъ принадлежать вамъ. Когда рубятъ дрова—летятъ щепки,

Digitized by Google

иной ударъ ловко и прямо раскалываетъ полѣно, другой неудаченъ, требуетъ повторенія на тотъ или другой ладъ. Ошибки неизбѣжны? Вы отвергаете ихъ, потому что, говорите, ихъ видите, но предотвратить ихъ не въ вашей власти. По вашему такъ слѣдовало бы исторіи остановиться, пока знаніе не распространится въ массахъ, а ваше не улучшится. Но сами же вы знаете, что этого быть не можетъ, и тѣмъ печальнѣе роль ваша. Итакъ я началъ обвиненіемъ васъ въ недѣятельности, теперь кончаю обвиненіемъ васъ къ эклектизмѣ. У васъ тѣ же пріемы, то же желаніе примиреній въ обобщеніяхъ.

— Право, я васъ не понимаю: честно сказать «не знаю», вмѣсто того чтобы сказать нелѣпость, значитъ урѣзать кредитъ свой. Повѣрьте, незнаніе это не смущало бы такъ насъ, если бы мы его привыкли слышать съ малолѣтства. Школьникъ ни разу не слышалъ этихъ словъ въ школѣ и привыкъ думать, что учитель все знаетъ. А вѣдь въ сущности между учителемъ и школьникомъ разница заключается не въ томъ, что одинъ все знаетъ, а другой— ничего, а въ томъ, что одинъ знаетъ больше, другой — меньше. Пытливый ученикъ часто ставитъ втупикъ учителя своими вопросами, это всѣмъ извѣстно, какъ извѣстно, что тѣмъ не менѣе онъ получаетъ удовлетворительные (?) отвѣты на свои вопросы или удовлетворительные подзатыльники за то, что мѣшается не въ свое дѣло. О необходимой ограниченности знанія мы не привыкли съ дѣтства составлять себѣ понятія,—что же удивительнаго, что съ тѣми же требованіями мы и взрослые подходимъ къ наукѣ. И будто бы сила и могущество знанія уменьшаются его ограниченностью: тѣмъ сильнѣе и неотразимѣе знаніе положительное. Вы называете насъ плохими строителями будущаго. Но мы и не думаемъ принимать на себя такой роли; задача эта столько же не по плечу намъ, какъ и вамъ. Раскрытіе, разоблаченіе силъ идетъ изъ взаимнодѣйствія законовъ человѣческихъ и законовъ внѣшней природы, а не изъ дѣйствія первыхъ на вторые, — какіе же тутъ строители? Гдѣ рубятъ дрова, тамъ летятъ щепки,—согласенъ; отклоненія, промахи, ошибки, неизбѣжны, — и съ этимъ согласенъ. Но положительное знаніе могущественно только для тѣхъ ошибокъ, отстраненіе которыхъ возможно и необходимо, оно не мѣшается въ то, чего не знаетъ. Я уже говорилъ, что если мы не можемъ принять цѣли, то на основаніи положительнаго знанія, можемъ вѣрно оцѣнить

Digitized by Google

духъ, направленіе движенія, въ чемъ и состоитъ его дѣятельное значеніе. Но если мы знаемъ, что наносимый топоромъ ударъ по полѣну не вѣренъ и не расколетъ его, не можемъ же мы отказаться отъ своей увѣренности и не посовѣтовать не тратить напрасно силы, а сберечь ее, чтобы употребить съ большею пользою въ иное время и при другихъ обстоятельствахъ. Въ настоящую эпоху намъ трудно и невозможно предотвращать такія безполезныя отклоненія, дѣйствительная сила наша въ будущемъ, котораго вы ни отвратить, ни не признать не можете. Вы кончаете обвиненіемъ насъ въ эклектизмѣ. Сравненіе это основано только на одномъ внѣшнемъ признакѣ. Эклектизмъ принимаетъ въ свою разношорстную философію все, что найдено несомнѣнно истиннаго во всѣхъ школахъ съ цѣлью примиренія съ дѣйствительностью въ томъ видѣ, въ какомъ она ему представляется въ настоящій моментъ. Задача его примирить, чтобы сохранить statu quo. Это философія посредственности, juste-milieu буржуазіи. Задача положительнаго знанія обобщить въ себѣ самомъ разношорстныя явленія, чтобы отыскать или уяснить законы общаго развитія. Цѣль его не толкотня на одномъ и томъ же мѣстѣ, или переливаніе изъ пустого въ порожнее, а движеніе. Эклектизмъ согласился на уступки демократическія, экономическія, соціальныя, чтобы сохранить энергію силъ эгоистическихъ, личныхъ; второе, нашедши законъ развитія въ постепенномъ разоблаченіи силъ соціальныхъ на счетъ эгоистическихъ и личныхъ, видитъ необходимость, неизбѣжность движенія, которому предстоитъ измѣнить всѣ наши отношенія, начиная съ воспитанія и заключая общественной нравственностью.

— То есть, уловивши законы муравейника и пчелинаго улья, вы полагаете, что въ примѣненіи къ человѣческимъ обществамъ....

— Помилуйте, что это вы съ больной головы да на здоровую!...

П. Бибиковъ.

Digitized by Google

***

(ИЗЪ МОРИЦА ГАРТМАНА).

Стало мнѣ въ домѣ и скучно и тѣсно,
Тянетъ куда-то, куда неизвѣстно.
Въ садъ не пойти ль у цвѣтовъ допроситься,
Можетъ быть, мнѣ поразскажутъ они,
Что это нынче со мною творится,
И отчего въ эти ясные дни
Странной глубокой тоской удрученъ
Рвусь я куда-то все изъ дому вонъ.

* *
*

Нѣтъ! на вопросы мои разрѣшенья,
Я никогда не дождусь отъ цвѣтовъ.
Имъ не понять ни тоски, ни томленья
Тупо глядятъ они, нѣтъ у нихъ словъ.
Скучно мнѣ въ мертвомъ, безмолвномъ саду,
Въ лѣсъ я, въ зеленую чащу пойду.

* *
*

Вотъ я стою подъ листвой изумрудной —
Тысячу радостныхъ звуковъ кругомъ!
Что же и здѣсь мнѣ все тяжко и грустно,
Словно опять воротился я въ домъ.
Словно я въ комнатѣ мрачной своей:
Вонъ бы изъ этого міра скорѣй!

А. Плещеевъ.

Digitized by Google

ЦВѢТЫ НЕВИННАГО ЮМОРА.

1. Сатиры въ прозѣ. Н. ЩЕДРИНА.
2. Невинные разсказы. Н. ЩЕДРИНА.

I.

Плохо приходится въ наше время поэтамъ; кредитъ ихъ быстро понижается; безчувственные критики и бездушные свистуны подрываютъ въ публикѣ всякое уваженіе къ великимъ тайнамъ безсознательнаго творчества. Прежде говорили о вдохновеніи поэта, прежде поэта считали любимцемъ боговъ и интимнымъ собесѣдникомъ музъ; хотя эти миѳологическія метафоры грѣшно было принимать буквально, однакожъ за этими метафорами постоянно чувствовалось что-то хорошее и таинственное, неуловимое и непостижимое, что-то такое, что нашему брату вахлаку должно оставаться навсегда недоступнымъ; объ этомъ нашему брату позволялось узнавать только по неяснымъ разсказамъ художниковъ, которые «какъ боги, входятъ въ зевесовы чертоги», гдѣ имъ показываютъ весьма интересныя и часто нескромныя картинки. Теперь все это перемѣнилось; нашъ братъ вахлакъ большую силу забралъ, и обо всемъ разсуждать берется; и вдохновенія не признаетъ, и въ зевесовы чертоги не желаетъ забираться, не смотря на то, что поэтъ весьма наглядно разсказываетъ, какъ въ этихъ чертогахъ показывали одному худож-

Digitized by Google

нику въ «вѣчныхъ идеалахъ», «волнистость спинки бѣлой», и вообще разныя такія вещи, которыя «божество открываетъ смертнымъ въ доляхъ малыхъ» *). Все это нашъ братъ отрицаетъ съ свойственною ему грубостью чувствъ и дерзостью выраженій; это, говоритъ, все цвѣты фантазіи; а вы намъ вотъ что скажите: какова у поэта сила ума? и широко ли его развитіе? и основательно ли его образованіе?—Ну, что-жъ это за вопросы? Умѣстны ли они? Деликатны ли они? Позволительно ли ставить передъ собою любимца боговъ, и допрашивать его, какъ провинившагося гимназиста? Когда уже дѣло дошло до такихъ неслыханныхъ вопросовъ, когда утрачена вѣра въ божественность вдохновенія; когда журналы находятъ болѣе интереснымъ держать корреспондентовъ въ Парижѣ или въ Лондонѣ, въ Саратовѣ или въ Иркутскѣ, чѣмъ на Парнассѣ или въ чертогахъ Зевеса, тогда, конечно, мирному поэту остается только повѣсить свою голубушку—лиру на гвоздикъ, и поступить на дѣйствительную службу или обратиться къ мрачнымъ заботамъ сельскаго хозяйства. Если такъ пойдетъ дальше, то наступитъ со временемъ драматическая минута, когда послѣдній поэтъ бросится на шею къ послѣднему эстетику, и рыдая скажетъ ему: «другъ мой, мы съ тобою одни. Міръ прокисъ и развратился. Микроскопъ и скальпель не даютъ намъ покоя. Если мы не спрячемся, или не притворимся натуралистами, то насъ съ тобою могутъ посадить за-живо въ спиртъ, чтобы сохранить въ полной цѣлости послѣдніе экземпляры исчезнувшей породы, имѣвшей удивительное внѣшнее сходство съ человѣкомъ. Другъ мой, когда мы умремъ, тогда послѣдняя калитка, ведущая въ зевесовы чертоги, будетъ заколочена, и на глухо заложена—не кирпичами, а всѣми нераспроданными экземплярами моихъ стихотвореній, и всѣми неразрѣзанными листами твоихъ критическихъ статей». Ну, скажетъ эстетикъ, если такъ, то все кончено. Калитка навсегда сдѣлается неприступною! Сквозь мою критику и твою поэзію ни человѣкъ не пролѣзетъ, ни звѣрь не проскочитъ. И обнявшись весьма крѣпко, какъ обнимаются люди на могилѣ всего, что имъ дорого, наши послѣдніе могикане во весь духъ побѣгутъ въ лавку покупать себѣ микроскопъ и химическія реторты, какъ маскарадныя принад-

*) Эти свѣдѣнія о зевесовыхъ чертогахъ и о тамошнихъ картинкахъ съ буквальною вѣрностью заимствованы мною изъ стихотворенія г. Майкова „Анакреонъ скульптору".

Digitized by Google

лежности, долженствующія спасти ихъ отъ преждевременнаго и непроизвольнаго погруженія въ спиртъ. Исторія переродившихся экземпляровъ исчезнувшей породы кончится тѣмъ, что оба, эстетикъ и поэтъ, женятся à la face du soleil et de la nature на двухъ дѣвушкахъ, занимающихся медицинскою практикою, и приводившихъ въ былое время своихъ теперешнихъ поклонниковъ въ совершенный ужасъ своимъ непостижимо-солиднымъ образованіемъ, своимъ неприлично-твердымъ образомъ мыслей, и своимъ полнѣйшимъ отсутствіемъ женственной граціи, т. е. слабости, глупости и жеманства. Дѣти этихъ двухъ счастливыхъ паръ услышатъ еще кое-какіе темные толки объ эстетикахъ и поэтахъ, а внуки и того не услышатъ. Обѣ породы сдѣлаются совершенно неизвѣстными, какъ неизвѣстны намъ теперь многіе слизняки первобытнаго міра, не оставившіе послѣ себя ни костей, ни раковинъ, ни другихъ слѣдовъ своего бреннаго существованія. По многимъ отдѣльнымъ чертамъ, разсѣяннымъ въ моей пророческой импровизаціи, читатель можетъ замѣтить, что осуществленіе ея принадлежитъ еще весьма отдаленному будущему; по всей вѣроятности, прадѣдушки и прабабушки послѣдняго эстетика и послѣдняго поэта въ настоящую минуту еще не находятся въ утробахъ своихъ матерей; но, не смотря на отдаленность рѣшительной катастрофы, зловѣщіе признаки показываются уже и въ наше время. Такъ, напримѣръ, г. Фетъ, рѣшившись посвятить всѣ свои умственныя способности неутомимому преслѣдованію хищныхъ гусей, сказалъ въ прошломъ 1863 году послѣднее прости своей литературной славѣ; онъ самъ отпѣлъ, самъ похоронилъ ее, и самъ поставилъ надъ свѣжею могилою величественный памятникъ, изъ подъ котораго покойница уже никогда не встанетъ; памятникъ этотъ состоитъ не изъ гранита и мрамора, а изъ печатной бумаги; воздвигнутъ онъ не въ обширныхъ сердцахъ благородныхъ россіянъ, а въ тѣсныхъ кладовыхъ весьма неблагодарныхъ книгопродавцевъ; монументъ этотъ будетъ, конечно, не сокрушимѣе бронзы (aere perennius), потому что бронза продается и покупается, а стихотворенія г. Фета, составляющія вышеупомянутый монументъ, въ наше время уже не подвергаются этимъ не эстетическимъ операціямъ. Эта незыблемая прочность монумента весьма огорчаетъ гг. книгопродавцевъ вообще, а г. издателя стихотвореній, купца Солдатенкова, въ особенности; эти господа не понимаютъ трагическаго величія этого монумента, и готовы роптать на его несокрушимость; по этому-то я

Digitized by Google

и назвалъ ихъ неблагодарными; неблагодарность ихъ, мнѣ кажется, можетъ даже дойти до того, что они современемъ сами разобьютъ монументъ на куски, и продадутъ его пудами для оклеиванія комнатъ подъ обои, и для завертыванія сальныхъ свѣчей, мещерскаго сыра и копченой рыбы. Г. Фетъ унизится такимъ образомъ до того, что въ первый разъ станетъ приносить своими произведеніями нѣкоторую долю практической пользы. Согласитесь, что для вѣчнаго поклонника чистой красоты такое «порабощеніе искусства», не снившееся даже г. Ахшарумову должно казаться невыносимо обиднымъ. Я вижу, какъ растроганы всѣ мои чувствительные читатели, и спѣшу отвратить ихъ взоры, отуманенные слезами, отъ этихъ печальныхъ и зловѣщихъ явленій, исподволь подготовляющихъ для нашего потомства окончательное паденіе чистаго искусства. Спѣшу даже утѣшить моихъ стихолюбивыхъ читателей. Мы вѣдь не потомство, мы не люди будущаго. На нашъ вѣкъ хватитъ и лирической поэзіи, и кулачныхъ подвиговъ, и темнаго суевѣрія, и бурыхъ таракановъ, и всякаго другаго снадобья, въ которомъ выражаются даже до сего дня нашъ отечественный бытъ, нашъ доморощенный умъ, и наше народное самосознаніе. Чтобы утѣшить читателя еще болѣе, я кромѣ того попрошу его замѣтить, что въ наше время чистое искусство еще чрезвычайно сильно, и отдѣлаться отъ него почти невозможно, тѣмъ болѣе, что оно до безконечности измѣняетъ свои наружныя формы, и иногда появляется въ такомъ мѣстѣ, и въ такомъ видѣ, въ которомъ чрезвычайно трудно вывести его на свѣжую воду. Вы не думайте, что чистое искусство проявляется только въ пѣсенкахъ «о серебрѣ и колыханіи соннаго ручья», или «о волнахъ ликующаго звука». Не думайте также, что въ одинъ разрядъ съ этими пѣсенками слѣдуетъ поставить только тѣ романы и повѣсти, которые изслѣдуютъ невысказанныя чувства и неразъясненныя недоразумѣнія, растерзавшія два нѣжныя сердца, изъ которыхъ одно принадлежало существу мужескаго пола, а другое такому же существу пола женскаго. Это самыя невинныя видоизмѣненія чистаго искусства; ихъ уже давно взяли на замѣчаніе, и кто попадется на эту удочку, тотъ обличитъ уже или крайнюю неопытность, или неисправимую закоснѣлость. Но развѣ мало другихъ видоизмѣненій, болѣе утонченныхъ? Вотъ, напримѣръ, исполинъ-ловецъ неутомимо преслѣдующій въ «Русскомъ Вѣстникѣ» всякую умственную ересь, толкуетъ горячо и пространно о «пляшущихъ блудни-

Digitized by Google

цахъ», о «головкахъ и хвостикахъ недодѣланной мысли», о томъ что онъ, московскій Немврод, часто превращающійся въ мычащаго Новуходоносора *), всѣхъ умнѣе, честнѣе и благонадежнѣе, и что онъ всякому честному человѣку будетъ смотрѣть прямо въ глаза, до тѣхъ поръ, пока тотъ отвернется, или сморгнетъ. Что долженъ думать читатель, при которомъ производятся такія конфиденціальныя бесѣды, пересыпанныя столь загадочными выраженіями, и столь неожиданными эксцентричностями? Онъ долженъ думать, что читаетъ лирическую пѣсню, и долженъ жалѣть о томъ, что эта пѣсня такъ длинна, и притомъ написана прозою, а неубаюкивающимъ стихомъ г. Фета. А вотъ, напримѣръ, платоническій любитель славянскихъ идей въ сотый разъ повторяетъ въ своей газеткѣ, что наша цивилизація есть ложь, и что свѣдѣнія о самой настоящей правдѣ слѣдуетъ собрать въ самыхъ пыльныхъ архивахъ и въ самыхъ завалящихъ пещерахъ; и все-таки онъ не представляетъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, и не собираетъ никакихъ матеріаловъ, а только, бія себя въ перси, лепечетъ и выкликаетъ слово «ложь», какъ всесильное заклинаніе противъ всѣхъ неблаголѣпій любезнаго отечества. Очевидно, что онъ, изъ любви къ искусству, пишетъ дифирамбъ, и читателю опять таки приходится пожалѣть, что онъ пишетъ его не стихами; во-первыхъ, онъ въ такомъ случаѣ писалъ бы не такъ быстро, и слѣдовательно, не такъ много; во-вторыхъ, его читали бы еще меньше, и осмѣивали бы больше, чѣмъ читаютъ и осмѣиваютъ теперь. А вотъ, напримѣръ, хроникеръ «Отечественныхъ Записокъ» ежемѣсячно производитъ инспекторскій смотръ прекраснымъ качествамъ своей собственной великой души, и, также ежемѣсячно, проливаетъ горькія слезы надъ печальными заблужденіями и чернилопролитными ссорами своихъ журнальныхъ собратовъ. Какъ жаль, скажетъ всякій безпристрастный читатель, что этотъ добрый человѣкъ не пишетъ элегій. Его произведенія можно было бы положить на ноты, и ему сказали бы большое спасибо всѣ уѣздныя барышни, находящія, что «Черная шаль», конечно романсъ безподобный, но что въ немъ, къ сожалѣнію, недостаетъ современнаго колорита граж-

*) Такъ какъ я человѣкъ очень добродѣтельный, и украшать себя павлиными перьями не желаю, то я долженъ признаться, что уподобленіе московскаго атлета мычащему Новуходоносору взято мною на прокатъ у г. Зайцева.

Digitized by Google

данской скорби. А весь легіонъ сотрудниковъ «Времени», всѣ эти гг. Григорьевы, Страховы, Косицы и всѣ «ихъ же имена богъ вѣсть», развѣ можно не признать ихъ жрецами чистаго искусства, и развѣ можно не поставить ихъ въ этомъ отношеніи гораздо выше гг. Фета, Случевскаго, Майкова и Крестовскаго. Вся политика, наука и критика «Времени» составляетъ очевидно одну длинную, сладкую, пресладкую, нѣжную, пренѣжную идиллію, написанную въ прозѣ Аѳанасіемъ Ивановичемъ собственно для того, чтобы изумить и обрадовать голубушку Пульхерію Ивановну въ день ея шестьдесятъ седьмаго *) тезоименитства. Собственно, одна Пульхерія Ивановна только и должна была бы читать эту идиллію, а если у «Времени» было, какъ оно говоритъ, 4,000 подписчиковъ, то это доказываетъ только, что Пульхерія Ивановна у насъ на Руси составляетъ лицо не единоличное, а въ нѣкоторомъ смыслѣ коллегіальное. Да, чистое искусство, вытѣсненное задорными отрицателями изъ области «сладкихъ звуковъ и молитвъ», немедленно влетѣло въ міръ «корысти и битвъ», и на этой новой почвѣ разрослось съ такою силою и быстротою, какой никто не могъ-бы въ немъ предположить. — Читатель, вѣроятно, понимаетъ уже теперь, что я называю чистымъ искуствомъ, и почему я считаю несправедливымъ ограничивать область этого чужеяднаго растенія тѣмъ крошечнымъ палисадникомъ, въ которомъ разводятся для барской потѣхи эстетическія рецензіи, розовые романы и благоухающія стихотворенія. Какъ-бы это было хорошо, кабы чистое искуство процвѣтало въ одномъ этомъ палисадникѣ; тогда можно было-бы уговорить и упросить всѣхъ задорныхъ критиковъ, чтобъ они совсѣмъ и незаглядывали въ этотъ палисадничекъ; пускай себѣ растутъ и цвѣтутъ всѣ эти зеленыя милашки; они никого не трогаютъ, и ихъ пускай не трогаютъ. А теперь нельзя. Претъ чистое искуство во всѣ стороны, и поневолѣ приходится, изъ чувства самосохраненія, преслѣдовать его въ томъ самомъ убѣ-

*) Цифра 67 не имѣетъ здѣсь никакого таинственнаго значенія. Она означаетъ только, что Пульхерія Ивановна была уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда сожитель ея поднесъ ей идиллію. Старый дѣдушка писалъ эту идиллію для старой бабушки. Каждый догадливый читатель, вѣроятно, давно уже замѣтилъ это обстоятельство по смиренному тону изложенія и по сладкой неопредѣленности умствованій. Такъ и слышится въ каждой строчкѣ: охъ-охъ-охъ! Всѣ то-мы люди, всѣ чоловѣки!

Digitized by Google

жищѣ, въ которомъ оно съ незапамятныхъ временъ устроило себѣ теплое гнѣздышко. Итакъ, что же такое чистое искусство? А вотъ видите ли, человѣкъ пользуется своимъ языкомъ для того, чтобы выражать свои мысли, чувства и потребности; когда онъ дѣйствуетъ такъ, тогда разговоръ приноситъ пользу или удовольствіе ему, или его слушателю, или тому и другому вмѣстѣ. Тутъ разговоръ служитъ средствомъ, а цѣль разговора лежитъ внѣ его предѣловъ; стало быть, тутъ нельзя сказать, что разговоръ производится для разговора. Но въ большей части случаевъ, человѣкъ пользуется языкомъ для того, чтобы убить время. Разговоръ самъ себѣ становится цѣлью. Французы съ гордостью говорятъ о себѣ, что они создали искусство разговора—l'art de la causerie. За то, Базаровъ умоляетъ Аркадія не говорить красиво и по своей медвѣжьей грубости увѣряетъ, что говорить красиво свойственно только людямъ совершенно пустоголовымъ. Если мы припомнимъ, что искусство *de la causerie* процвѣтало при дворахъ Людовиковъ XIV, XV и XVI, и что оно воздѣлывалось маркизами и графинями, систематически притуплявшими свои умственныя способности съ самой ранней молодости, то мы принуждены будемъ сознаться, что нашъ грубый землякъ Базаровъ разсуждаетъ весьма не почтительно, но довольно основательно. Примѣненіе чистаго искусства къ человѣческому разговору оказывается вѣрнѣйшимъ средствомъ развратить и ослабить умственныя способности, и вселить въ лукавое сердце человѣка непобѣдимую любовь къ извивающейся фразѣ, и неодолимое отвращеніе ко всякому серьезному труду мысли. Вообразимъ себѣ теперь, что искусство салонной бесѣды успѣло развиться во Франціи еще сильнѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности; очевидно, могло и должно было случиться, что изъ общей массы бесѣдующихъ выдѣлились бы спеціалисты своего дѣла, художники-болтуны, которымъ стали бы платить деньги, по столько-то за часъ или за вечеръ, какъ платятъ теперь, пѣвцу или чтецу: поговори только, отецъ родной, побесѣдуй!—Этого не случилось въ отношеніи къ разговору даже во Франціи прошлаго столѣтія; но въ отношеніи къ письменному изложенію мыслей, это случилось во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы. Всякій умѣетъ говорить, но не всякій умѣетъ писать; поэтому и платятъ литературѣ деньги, не только за мысль, за изслѣдованіе, за умственный трудъ, а, сверхъ всего этого, за то еще, что вотъ ты, дескать, соколъ ясный, съумѣлъ связать слова въ предложенія, и предложенія въ періоды. И

Digitized by Google

это совершенно справедливо, потому что не всѣ умѣютъ это сдѣлать самыя хорошія и оригинальныя мысли часто становятся для общества недоступнымъ сокровищемъ, единственно оттого, что онѣ раз бросаны въ такомъ безпорядкѣ, и покрыты такимъ туманомъ, въ которомъ безхитростный читатель, не видитъ ни начала, ни конца, ни середины, а видитъ только «хаоса бытность довременну». Когда принимается за дѣло какой нибудь умный и трудолюбивый человѣкъ, неимѣющій однако ни малѣйшаго притязанія на геніальность; онъ разсѣваетъ туманъ, и превращаетъ хаосъ въ прекрасный садъ, въ которомъ растетъ древо познанія добра и зла. Онъ овладѣваетъ тѣми матеріалами, которые даны ему въ хаотическихъ твореніяхъ оригинальнаго генія; онъ переработываетъ чужія мысли, но если бы онъ ихъ не переработывалъ, то онѣ остались бы мертвымъ капиталомъ, и не обнаружили бы ни малѣйшаго вліянія на умственную жизнь остальныхъ людей. За подобный трудъ стоитъ платить деньги, и, кромѣ того, стоитъ удѣлять популяризатору часть того уваженія, которое достается оригинальному генію. Но въ каждомъ обществѣ бываютъ между писателяли люди неглупые и нелишенные дарованій, а между тѣмъ питающіе глубочайшее отвращеніе ко всякому упорному и тяжелому труду. Оригинальными геніями, бросающими въ міръ новыя идеи, эти люди не могутъ быть: силъ не хватаетъ. Терпѣливыми популяризаторами они не хотятъ быть: лѣнь одолѣла. Читаютъ эти люди только то, что доведено предварительною обработкою до послѣдней степени ясности; мысли и взгляды свои они почерпаютъ изъ популярныхъ книгъ и статей; такимъ образомъ они учатся въ одной школѣ со всею массою читающаго общества; между тѣмъ въ этихъ господахъ бодрствуетъ безсмертный духъ Петра Ивановича Бобчинскаго; съ одной стороны, имъ хочется заявить о своемъ существованіи, а съ другой стороны, имъ желательно пріобрѣсти побольше денегъ легкою работою литературнаго перетряханья изъ кулька въ рогожку. Тогда они начинаютъ переформировать мысли, полученныя ими изъ вторыхъ или третьихъ рукъ; мысль, вполнѣ разъясненная первымъ популяризаторомъ, становится для этихъ милыхъ умственныхъ паразитовъ основнымъ мотивомъ, на который разыгрываются десятки варіацій; если вы сравните варіацію съ мотивомъ, то увидите, что варіація нисколько не яснѣе самого мотива, и что она не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на самостоятельную работу мысли. Вся работа паразита состоитъ въ томъ,

Digitized by Google

что онъ измѣнилъ слова и обороты. Такъ какъ о мысли уже заботиться нечего, то все вниманіе паразита сосредоточивается на формѣ; онъ не убѣждаетъ читателя, онъ ничего не доказываетъ, онъ просто повторяетъ то, что уже доказано другими, и что уже проведено этими другими въ сознаніе читателя; поэтому, паразиту надо устроить только такъ, чтобы читатель не замѣтилъ избитости той мысли, которую ему подносятъ; надо прикрыть убожество паразитизма эффектностью внѣшней формы; надо и соловьемъ свистать, и лягушкой квакать, и въ грудь себя колотить, и слезами обливаться, и конструкціи необыкновенныя употреблять, и главное трещать, трещать и трещать такъ, чтобъ у читателя въ ушахъ зазвенѣло. Ну, читатель и ротъ разинетъ, бѣдность и безсиліе мысли, взятой съ барскаго плеча, проскользнутъ незамѣченными, и счастливый паразитъ получитъ большія деньги, и пріобрѣтетъ репутацію блестящаго писателя и полезнаго двигателя отечественнаго прогресса.

II.

Литературныхъ паразитовъ чрезвычайно много, но изъ темной и жалкой толпы умственнаго пролетаріата выдвигаются только тѣ изъ нихъ, которые умѣютъ усвоить себѣ гибкую и разнообразную форму выраженія. Эти блестящіе паразиты дѣйствительно доводятъ форму до невѣроятнаго совершенства. Они выдѣлываютъ на своемъ языкѣ такія-же изумительныя рулады, какія Контскій выдѣлываетъ на скрипкѣ, или Рубинштейнъ на фортепьяно. Когда эта виртуозность пріобрѣтена навыкомъ и практикою, тогда, разумѣется, слѣдуетъ ею пользоваться; это капиталъ, съ котораго надо брать проценты. И вотъ гдѣ всякому простодушному читателю приходится только глазами хлопать и диву даваться! Приходится присутствовать при сотвореніи міра въ малыхъ размѣрахъ: все творится изъ ничего; пустота прикидывается полнотою, и такъ натурально прикидывается, что остается только плечами пожимать: художникъ, артистъ, профессоръ бѣлой магіи, Боско и даже Михайла Васильевичъ! Разумѣется, публика ахаетъ и восхищается, да и нельзя не восхищаться, когда чудеса во очію совершаются! Когда паразитъ начинаетъ брать проценты съ своего капитала, тогда онъ просто и рѣшительно творитъ для того, чтобы къ чему-нибудь прикладывать

Digitized by Google

свою техническую ловкость. Онъ вовсе не имѣетъ потребности высказывать обществу какія-нибудь идеи; у него нѣтъ такого чувства, которое настоятельно искало бы себѣ выхода и проявленія; онъ вовсе не желаетъ сознательно подѣйствовать на развитіе общества въ томъ или въ другомъ направленіи; онъ не мыслитель, не общественный дѣятель и не поэтъ въ высшемъ и забытомъ теперь значеніи этого слова; онъ статейныхъ, романныхъ или стиховныхъ дѣлъ мастеръ, и какъ разсудительный мастеровой, онъ не хочетъ, чтобы его умѣніе пропадало даромъ. Зачѣмъ сидѣть сложа руки, когда выучился ремеслу? Отчего не отправиться на ловлю рублей и лавровыхъ вѣнковъ, когда есть добрые люди, разсыпающіе въ приличномъ изобиліи то и другое? Разсужденіе безукоризненно вѣрно, и это разсужденіе ведетъ прямымъ путемъ къ полному торжеству и безграничному господству чистаго искусства. Одни люди пишутъ потому, что во всемъ ихъ существѣ кипитъ страстная работа мысли и чувства; ясно, что мысль и чувство ихъ, служащіе причиною творческаго процесса, возбуждены впечатлѣніями, независимыми отъ этого процесса. Другіе люди пишутъ для того, чтобы дѣйствовать на общество; цѣль дѣятельности независима отъ процесса, какъ это мы видимъ у Бѣлинскаго, Добролюбова и автора: «Что дѣлать?» Третьи пишутъ вслѣдствіе того, что выучились писать и могутъ писать безъ малѣйшаго труда, такъ, какъ соловей поетъ и роза благоухаетъ; у нихъ творчество безпричинно и безцѣльно; то есть, если хотите, причина и цѣль есть, но онѣ не могутъ имѣть вліянія на направленіе творческаго процесса; положимъ, что стиходѣлателю хочется пришить къ своему теплому пальто бобровый воротникъ; вотъ побудительная причина, заставляющая его обмокнуть перо въ чернильницу; между тѣмъ онъ, по всей вѣроятности, станетъ писать не о бобровыхъ воротникахъ, а о превратностяхъ судьбы, постигшихъ трехъ древнихъ мудрецовъ, или о несчастіяхъ бѣдной дѣвочки, умершей весною подъ звуки отцовской скрипки, или вообще о чемъ нибудь высокомъ и прекрасномъ, неимѣющемъ ничего общаго съ обворожительною выставкою сосѣдняго мѣховщика. Цѣль такие есть, стиходѣлатель желаетъ продать свое стихотвореніе въ журналъ, да взять подороже, да прихватить, коли дадутъ, хорошій задатокъ; не смотря на то, Сенека, Луканъ и Люцій разсуждаютъ весьма горячо о безсмертіи души, а совсѣмъ не о томъ, гдѣ больше дадутъ, въ «Современникѣ» или въ «Отечественныхъ Запискахъ»; и умирающая

Digitized by Google

Маня также интересуется въ свои послѣднія минуты весенней зеленью, вмѣсто того, чтобы смущать себя щекотливымъ вопросомъ: отпустятъ ли мнѣ изъ «Русскаго Слова» рублей пятьдесятъ впередъ? Ясно, стало быть, что причина и цѣль не проникаютъ въ святилище творчества; святилище остается неосквернennымъ, и люди, тоскующіе о бобровомъ воротникѣ, и мечтающіе о плѣнительномъ задаткѣ, могутъ быть признаны достойными жрецами чистаго искусства. Вопросъ, конечно, нисколько не измѣнится, если вмѣсто боброваго воротника я поставлю стремленіе къ литературной славѣ, а вмѣсто задатка въ 50 рублей—рукоплесканія на публичномъ чтеніи. Жрецъ чистаго искусства въ томъ или въ другомъ случаѣ останется вѣренъ своему призванію, и въ томъ или въ другомъ случаѣ останется великолѣпнѣйшимъ экземпляромъ породы паразитовъ. Если читателю не совсѣмъ ясно, почему наши лирическіе поэты, представляющіе полное отсутствіе мысли, могутъ быть включены въ разрядъ паразитовъ, похищающихъ чужую мысль, то я немедленно разрѣшу это недоумѣніе. Лирическіе поэты наши питаютъ свое убожество тѣми мельчайшими крупицами мысли и чувства, которыя составляютъ всеобщее достояніе всѣхъ людей, глупыхъ и умныхъ образованныхъ и необразованныхъ, честныхъ и подлыхъ. Всякій человѣкъ ощущаетъ что нибудь, когда смотритъ на красивую женщину, и всякій знаетъ это ощущеніе и понимаетъ, что оно и другимъ извѣстно, и что, стало быть, о немъ разсказывать безполезно и ен интересно. Но лирики, подобно птицѣ колибри, питаются цвѣточною пылью; они даже это мельчайшее и извѣстнѣйшее чувство обратили въ свою собственность, и стали извлекать изъ него доходъ, благодаря своему умѣнію творить все изъ ничего, и надѣвать на неосязаемую пыль легкотканныя и весьма пестрыя одежды изъ ямбовъ, хореевъ, анапестовъ, дактилей и амфибрахіевъ. Лирики, какъ мелкія пташки въ великой семьѣ паразитовъ, пробавляются тѣмъ, что уже всѣ знаютъ, и чѣмъ никто, кромѣ лирика, не можетъ и не хочетъ пользоваться. Другіе паразиты, болѣе крупные, эксплуатируютъ въ свою пользу не крупицы чувства, и не зародыши мысли, а цѣлыя большія чувства, и цѣлыя развившіяся мысли. Этими жрецами чистаго искусства поглощаются замѣчательныя теоріи, и величественныя міросозерцанія. Есть между этими жрецами воробьи, но есть и слоны, и такъ какъ большому кораблю и большое плаваніе, то слоны, разумѣется, овладѣваютъ самыми широкими и самыми

Digitized by Google

смѣлыми міросозерцаніями. Они толкуютъ съ чужаго голоса о самыхъ важныхъ и великихъ вопросахъ жизни; они разыгрываютъ свои варіаціи съ такимъ апломбомъ и съ такимъ оглушительнымъ трескомъ, что читатель робѣетъ и почтительно склоняетъ передъ ними голову. Но храмъ чистаго искусства одинаково отворенъ для всѣхъ своихъ настоящихъ поклонниковъ, для всѣхъ жрецовъ, чистыхъ сердцемъ и невинныхъ въ самостоятельной работѣ мысли. Благодаря этому обстоятельству, читатель, изумляясь, и не вѣря глазамъ своимъ, увидитъ за однимъ и тѣмъ же жертвенникомъ съ одной стороны, нашего маленькаго лирика, г. Фета, а съ другой стороны, нашего большаго юмориста, г. Щедрина. Это съ непривычки столь удивительно, что надо начать новую главу.

III

Да, г. Щедринъ, вождь нашей обличительной литературы, съ полною справедливостью можетъ быть названъ чистѣйшимъ представителемъ чистаго искусства въ его новѣйшемъ видоизмѣненіи. Г. Щедринъ не подчиняется въ своей дѣятельности ни силѣ любимой идеи, ни голосу взволнованнаго чувства; принимаясь за перо, онъ также не предлагаетъ себѣ вопроса о томъ, куда хватитъ его обличительная стрѣла — въ своихъ или въ чужихъ, «въ титулярныхъ совѣтниковъ или въ нигилистовъ *). Онъ пишетъ разсказы, обличаетъ неправду, и смѣшитъ читателя единственно потому, что умѣетъ писать легко и игриво, обладаетъ огромнымъ запасомъ диковинныхъ матеріаловъ, и очень любитъ потѣшиться надъ этими диковинками вмѣстѣ съ добродушнымъ читателемъ. Вслѣдствіе этихъ свойствъ автора, его произведенія въ высшей степени безвредны, для чтенія пріятны, и съ гигіенической точки зрѣнія даже полезны, потому что смѣхъ помогаетъ пищеваренію, тѣмъ болѣе, что къ смѣху г. Щедрина, заразительно дѣйствующему на читателя, вовсе не примѣшиваются тѣ грустныя и серьезныя ноты, которыя слышатся постоянно въ смѣхѣ Диккенса, Теккерея, Гейне, Берне, Гоголя, и вообще

*) Сія послѣдняя острота, побивающая разомъ и титулярныхъ совѣтниковъ и нигилистовъ, украшаетъ собою страницы „Современника“, (см. „Наша общественная жизнь“) 1864 г. Январь.

Digitized by Google

всѣхъ не дѣйствительно статскихъ, а дѣйствительно замѣчательныхъ юмористовъ. Г. Щедринъ всегда смѣется отъ чистаго сердца, и смѣется нестолько надъ тѣмъ, что онъ видитъ въ жизни, сколько надъ тѣмъ, какъ онъ самъ разсказываетъ и описываетъ событія и положенія; измѣните слегка манеру изложенія, отбросьте шалости языка и конструкціи, и вы увидите, что юмористическій букетъ значительно выдохнется и ослабѣетъ. Чтобы разсмѣшить читателя, г. Щедринъ не только пускаетъ въ ходъ грамматическіе и синтаксическіе *salto-mortale*, но даже умышленно искажаетъ жизненную и бытовую правду своихъ разсказовъ; главное дѣло — ракету пустить, и смѣхъ произвести; эта цѣль оправдываетъ всѣ средства, узаконяетъ собою всякія натяжки, и, разумѣется, достигается, потому что все остальное безъ малѣйшаго колебанія приносится ей въ жертву. Эта особенность въ литературной дѣятельности г. Щедрина объясняетъ въ значительной степени постоянный успѣхъ его произведеній. Когда мы были расположены ворковать по голубиному, тогда мы упивались г. Фетомъ; когда мы пожелали смѣяться, тогда мы стали обожать г. Щедрина; смѣхъ во всякомъ случаѣ представляетъ собою болѣе нормальное отправленіе человѣческаго организма, чѣмъ воркованіе, и поэтому переходъ отъ г. Фета къ г. Щедрину обозначаетъ собою нѣкоторый прогрессъ въ нашемъ умственномъ развитіи. Но безпредметный и безцѣльный смѣхъ г. Щедрина самъ по себѣ приноситъ нашему общественному сознанію и нашему человѣческому совершенствованію такъ же мало пользы, какъ безпредметное и безцѣльное воркованіе г. Фета. Мы легко можемъ заснуть на этомъ смѣхѣ, и, продолжая смѣяться, воображать себѣ, что мы дѣлаемъ дѣло, идемъ за вѣкомъ, и обновляемъ нашимъ невиннымъ смѣхомъ старыя бытовыя формы. Смѣхъ г. Щедрина убаюкиваетъ и располагаетъ ко сну, потому что, возбуждая собою этотъ серебристый смѣхъ, все тяжелое безобразіе нашей жизни производитъ на насъ легкое и отрадное впечатлѣніе. Мы смѣемся и теряемъ силу негодовать; личность веселаго разсказчика и неистощимаго балагура заслоняетъ отъ насъ темную и трагическую сторону живыхъ явленій; мы смѣемся, и склоняемъ голову на подушку, и тихо засыпаемъ, съ дѣтскою улыбкою на губахъ. Вотъ тутъ мы и можемъ измѣрить громадное разстояніе, отдѣляющее людей, дѣйствительно чувствующихъ, отъ тѣхъ людей, которые служатъ съ безукоризненнымъ усердіемъ чистому искусству. Сравните, напримѣръ, Писемскаго съ г. Щедринымъ. —

Digitized by Google

Г. Щедринъ — писатель, пріятный во всѣхъ отношеніяхъ; онъ любитъ стоять въ первомъ ряду прогресистовъ, сегодня съ «Русскимъ Вѣстникомъ», завтра съ «Современникомъ», послѣ завтра еще съ кѣмъ-нибудь, но непремѣнно въ первомъ ряду; для того, чтобы удерживать за собою это лестное положеніе, онъ осторожно производитъ въ своихъ убѣжденіяхъ разныя маленькія передвиженія, приводящія незамѣтнымъ образомъ къ полному повороту на лѣво кругомъ; въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, г. Щедринъ своимъ отрицаніемъ сооружалъ фигуру идеальнаго чиновника Надимова; но, по свойственной ему осторожности, авторъ «Губернскихъ очерковъ» не произнесъ въ этомъ направленіи послѣдняго слова; это слово, какъ извѣстно, было произнесено графомъ Соллогубомъ, котораго наши добрые соотечественники сначала на рукахъ носили, а потомъ, разумѣется, осмѣяли. Когда великосвѣтскій литераторъ такимъ образомъ опростоволосился, когда идеальный чиновникъ былъ доведенъ до послѣднихъ границъ картонности трудами чувствительныхъ писателей, подобныхъ г. Львову, тогда г. Щедринъ, счастливо выбравшійся изъ этого кораблекрушенія, тотчасъ началъ растирать въ порошокъ фигуру Надимова, и притомъ растирать ее тѣмъ же самымъ отрицаніемъ, которымъ онъ ее соорудилъ. Изъ тона г. Каткова онъ перешелъ въ тонъ Добролюдова. Держась постоянно хорошаго общества, то есть общества прогрессистовъ, г. Щедринъ постоянно велъ себя, «чинно, благопристойно и вѣжливо», соблюдая «чистоту и опрятность въ одеждѣ», то есть, онъ никогда не огорчалъ своихъ товарищей по прогрессу какою-нибудь рѣзкою выходкою, хотя случалось не рѣдко, что онъ не попадалъ въ тактъ людей, въ образу мыслей которыхъ онъ пристраивался съ боку. Формулярный списокъ г. Щедрина какъ литератора совершенно чистъ; литературная служба его безпорочна: служилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», служитъ теперь въ «Современникѣ»; удовлетворялъ прежде однимъ требованіямъ, теперь также хорошо и отчетливо удовлетворяетъ другимъ; ни тогда, ни теперь онъ не произвелъ такого скандала, который бы изумилъ читателей, и привелъ въ негодованіе лучшихъ представителей нашего общественнаго сознанія. Г. Писемскаго, напротивъ того, нельзя назвать даже просто пріятнымъ писателемъ; сходится онъ съ людьми самыхъ сомнительныхъ убѣжденій, и ведетъ себя часто совершенно «безчинно, неблагопристойно и невѣжливо»; скандалы производитъ на каждомъ шагу, и упреки въ обскурантизмѣ сыпятся на него со всѣхъ сто-

Digitized by Google

ронъ; онъ не развитъ и не образованъ, и вполнѣ заслуживаетъ эти упреки своею грубою безтактностью. Но вотъ что любопытно замѣтить. Г. Щедринъ, какъ дѣйствительно статскій прогрессистъ, долженъ очевидно осуждать нашу родимую безалаберщину гораздо строже и сознательнѣе, чѣмъ г. Писемскій, котораго образъ мыслей загроможденъ предразсудками, противорѣчіями и разлагающимися остатками кошихинской старины. Между тѣмъ, на повѣрку выходитъ, что произведенія г. Писемскаго каждому не предубѣжденному читателю внушаютъ гораздо болѣе осмысленной ненависти и серьезнаго отвращенія къ безобразію нашей жизни, чѣмъ сатиры и разсказы г. Щедрина. Критикъ «Современника» въ ноябрьской книжкѣ 1863 года, разбирая «Горькую Судьбину» Писемскаго, жалуется на то, что произведенія этого писателя производятъ невыносимо-тяжелое впечатлѣніе, и заставляютъ читателя испытывать чувство нестерпимой духоты; причину этого обстоятельства критикъ ищетъ въ томъ, что у Писемскаго нѣтъ идеала; объясненіе это кажется мнѣ довольно страннымъ; жалоба также очень оригинальная. Проще было бы сообразить, что романъ или драма даютъ читателю тѣже впечатлѣнія, какія дала автору сама жизнь. Вѣроятно «Современникъ» не рѣшится отвергать присутствіе духоты въ нашей жизни, а если она существуетъ въ жизни, то я не вижу резона, за чѣмъ ее выкуривать изъ романовъ и драмъ. Г. Писемскому душно и больно, когда онъ берется за перо, и оттого каждый фактъ, изображаемый имъ, бьетъ читателя, какъ обухомъ по головѣ, а совокупность картины потрясаетъ всю нервную систему читателя неотразимымъ впечатлѣніемъ ужасающей дѣйствительности. А тамъ ужъ ваше дѣло осмысливать себѣ испытанное ощущеніе, и отыскивать причины той духоты и того мрака, которые охватили васъ во время чтенія. Авторъ заставилъ васъ перечувствовать то, что онъ чувствуетъ самъ, и вы можете быть на него въ претензіи только въ томъ случаѣ, если вы полагаете, что наша жизнь свѣтла, прекрасна и богата разумными наслажденіями, доступными для каждой человѣческой личности. Если же вы этого не думаете, тогда вы должны согласиться, что романы и повѣсти непріятнаго обскуранта Писемскаго дѣйствуютъ на общественное сознаніе сильнѣе и живительнѣе, чѣмъ сатиры и разсказы пріятнаго во всѣхъ отношеніяхъ и прогрессивнаго г. Щедрина. Когда г. Писемскій начинаетъ разсуждать, тогда хоть святыхъ вонъ неси, но когда онъ даетъ сырые матеріалы, тогда читателю приходится за-

Digitized by Google

думываться надъ ними очень глубоко. Г. Щедринъ, напротивъ того, очень отчетливо и благообразно разсуждаетъ по Добролюбову, очень мило смѣшитъ читателя до упаду своею простодушною веселостью; но вы можете прочитать отъ доски до доски всѣ его сатиры и разсказы, и вы ни надъ чѣмъ не задумаетесь, и впечатлѣніе останется точно такое, какъ будто-бы вы побывали въ Михайловскомъ театрѣ, и посмотрѣли извѣстный французскій водевиль: «L'Amour qu'e qu'c'ést qu'ca». Г. Писемскій способенъ написать романъ съ самыми непозволительными тенденціями, и онъ вполнѣ обнаружилъ эту способность въ своемъ послѣднемъ, отвратительномъ произведеніи, но за то онъ способенъ написать и такую вещь, которая, какъ его «Тюфякъ,» характеризуетъ грязь нашего провинціальнаго общества гораздо полнѣе и ярче, чѣмъ всѣ юмористическія диссертаціи г. Щедрина о «нашихъ глуповскихъ дѣлахъ;» за то онъ создалъ «Горькую Судьбину» и «Батьку», и въ этихъ произведеніяхъ очертилъ трагическую сторону крѣпостнаго права съ такою страшною силою, которая останется на всегда недоступною для г. Щедрина. Г. Писемскаго вы сегодня можете ненавидѣть, и ненавидѣть за дѣло, но вчера вы его любили, и любили также за дѣло; что же касается до г. Щедрина, то его не за что ни любить, ни ненавидѣть; въ его книгѣ нельзя видѣть ни друга, ни врага; его книга ничто иное, какъ веселый собесѣдникъ, съ которымъ пріятно бываетъ побалагурить часъ-другой, послѣ хорошаго обѣда, или на сонъ грядущій. Зная беззаботные нравы нашихъ возлюбленныхъ соотечественниковъ, и принимая въ разсчетъ невинность щедринскаго юмора, и заразительную веселость его добродушнаго смѣха, мы съ читателемъ въ одну минуту сообразимъ, почему г. Щедринъ съ перваго появленія своего на литературномъ поприщѣ вошелъ во вкусъ нашей читающей публики, и преимущественно тѣхъ самыхъ классовъ общества, которые сатира его преслѣдуетъ съ неумолимымъ постоянствомъ. Конечно, провинціальные чиновники съ самого начала было перепугались, полагая, что сатира служитъ предвѣстницею грома; но, такъ какъ громъ не гряпулъ, то догадливые провинціалы скоро успокоились, возлюбили веселаго г. Щедрина всѣмъ сердцемъ своимъ, и продолжаютъ любить его вплоть до настоящаго времени. Оно и естественно. Въ томъ обществѣ, въ которомъ «Сынъ Отечества» имѣетъ десятки тысячъ читателей, г. Щедринъ неизбѣжно долженъ считать десятки тысячъ поклонниковъ. Легкая наука «Сына Отечества,» и легкій смѣхъ

Digitized by Google

г. Щедрина, и легкая мечтательность г. Фета связаны между собою тѣсными узами умственнаго родства. Всѣ эти писатели пишутъ для процесса писанія, а публика всѣхъ ихъ читаетъ для процесса чтенія. Изъ этого происходитъ удовольствіе взаимное, безгрѣшное и препепорочное.

IV.

Но читатель мнѣ не вѣритъ; читатель убѣжденъ, что я преувеличиваю. Я съ своей стороны совершенно одобряю недовѣріе читателя, потому что терпѣть не могу, чтобы мнѣ вѣрили на слово. Я тотчасъ выдвину впередъ доказательства; я выберу изъ сочиненій г. Щедрина нѣсколько смѣхотворныхъ пассажей, и мы съ читателемъ посмотримъ, въ чемъ заключается ихъ юмористическая соль. Предупреждаю, что выписокъ будетъ премного, потому что коли доказывать, такъ ужъ доказывать неотразимо. Вотъ, напримѣръ, г. Щедринъ разсказываетъ, что одинъ губернаторъ имѣлъ привычку повторять по цѣлымъ днямъ какое нибудь слово; вздумаетъ говорить: *закона нѣтъ* такъ и пойдетъ па цѣлый день: «нѣтъ закона.» До такой степени зарапортуется, что даже когда докладываютъ, что кушанье подано, онъ все-таки кричитъ: «нѣтъ закона.»

— Ахъ, Nicolas, какой ты разсѣянный! замѣтитъ бывало губернаторша.

— Ахъ, матушка! возразитъ губернаторъ, и съ этой минуты, вмѣсто «нѣтъ закона,» начинаетъ пилить: «ахъ матушка.»

«Надо сознаться, что съ непривычки это крайне затрудняетъ сношенія съ нашимъ начальникомъ края, а незнакомыхъ съ его обычаями повергаетъ даже въ крайнее изумленіе. Я помню, одинъ эстляндскій баронъ, пріѣхавшій изъ за двѣсти верстъ жаловаться, что у него изъ грунтоваго сарая двѣ вишни украли, даже страшно оскорбился, когда начальникъ губерніи, вмѣсто всякой резолюціи, сказалъ ему: «ахъ, матушка», и чуть ли даже не хотѣлъ довести объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

— На что это похоже! сказывалъ онъ мнѣ: у него ищутъ правосудія, а онъ: «ахъ, матушка!» Неправда ли читатель, что это замысловатая выдумка сатирика по своему остроумію и по своей безобидности не уступитъ лучшимъ каррикатурамъ «Сына Отечества»? Это мѣсто находится въ книжкѣ «Сатиры въ прозѣ,» на страницѣ

Digitized by Google

286 — 287; исторія о губернаторскихъ поговоркахъ этимъ еще не оканчивается, но слѣдить за ея продолженіемъ я считаю дѣломъ роскоши. Перейдемъ къ другимъ забавамъ.

Говорится, напримѣръ, о провинціальныхъ сплетняхъ, и сатирикъ, объятый веселымъ волненіемъ, восклицаетъ: «Какое дѣло кабаньей женѣ, что поросенковъ братъ третьяго дня съ свиньиной племянницей черезъ плетень нюхался? Анъ дѣло, потому что кабанья жена до изступленія чувствъ этимъ взволнована, потому что кабанья жена дала себѣ слово неустанно искоренять поросячью безнравственность и выводить на свѣжую воду тайные поросячьи амуры.» — A la bonne heure, вотъ это сатира! Каковъ великодушный пылъ негодованья! Какова возвышенная смѣлость рѣчи! А главное, каково остроуміе, и какова неистощимая веселость въ самомъ разгарѣ душевнаго волненія! Что Ювеналъ! Ему и не грезились такіе обороты. Свиньи, говоритъ, вы, провинціалы! но говоритъ не просто, а съ тонкими намеками, указывая на «поросячью безнравственность» и «поросячьи амуры.»

Мягко, а между тѣмъ, язвительно! — Одинъ изъ героевъ г. Щедрина, Пьеръ Уколкинъ, цвѣтъ и надежда Глупова, говоритъ, ради остроты: «съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать, наше вамъ-съ» и потомъ спрашиваетъ на счетъ своей выдумки: «joli»? Но до «тайныхъ поросячьихъ амуровъ» самъ Пьеръ Уколкинъ никогда не возвысится; за то г. Щедринъ постоянно мигаетъ своему читателю и, подобно Пьеру Уколкину, постоянно спрашиваетъ на счетъ своихъ остротъ: «joli»? Вопросы и миганія не выражены въ печати, но они живо чувствуются въ архитектурѣ самыхъ остротъ. Поросячье мѣсто смотри на страницѣ 372. — Разсказывается эпизодъ изъ политической исторіи Глупова: «Вотъ и созвала Минерва вѣрныхъ своихъ глуповцевъ: скажите дескать мнѣ, какая это крѣпкая дума въ васъ засѣла? Но глуповцы кланялись и потѣли, самый, что называется, горланъ ихній хотѣлъ было сказать, что глуповцы головой скорбны, но не осмѣлился, а только взопрѣлъ пуще прочихъ. — «Скажите, что жъ вы желали бы? настаивала Минерва, и даже топнула ножкой отъ нетерпѣнья. Но глуповцы продолжали кланяться и потѣть. Тогда, Богъ вѣсть откуда, раздался голосъ, который во всеуслышаніе произнесъ: «лихо бы теперь соснуть было»! Минерва милостиво улыбнулась; даже глуповцы не выдержали, и засмѣялись тѣмъ нутрянымъ смѣхомъ, которымъ долженъ смѣяться

Digitized by Google

Иванушка-дурачокъ, когда ему кукишъ показываютъ. Съ тѣхъ поръ и не тревожили глуповцевъ вопросами» (Стр. 407.) Это забавное мѣсто заключаетъ въ себѣ философію исторіи, популярно изложенную г. Щедринымъ для поросячьихъ братьевъ и для свиньиныхъ племянницъ. Изъ этого мѣста мы можемъ извлечь кое-какія поучительныя размышленія: во-первыхъ, мы усматриваемъ, что вся мудрость заключалась въ головѣ Минервы, а что глуповцы всегда умѣли только кланяться, потѣть и смѣяться нутрянымъ смѣхомъ, который, вѣроятно, очень значительно отличается отъ смѣха г. Щедрина; во-вторыхъ, мы видимъ, что Минерва отличалась безконечною благостью, и отъ души готова была даровать глуповцамъ рѣшительно все, чего бы они ни попросили; этого мы до сихъ поръ не знали, но теперь будемъ знать, и твердо будемъ помнить, что глуповцы сами во всемъ виноваты, что, впрочемъ, говоритъ уже намъ г. Гончаровъ, создавшій Обломова и выдумавшій Обломовщину, какъ болѣзнь, и Штольца, какъ лекарство; а въ третьихъ, мы замѣчаемъ, что повѣствовать о губернаторскихъ поговоркахъ, и разоблачать тайные поросячьи амуры легче и безопаснѣе, чѣмъ пускаться на утлой ладьѣ сатирическаго ума въ неизвѣстное и непонятное море историческихъ и политическихъ соображеній; ну, а въ четвертыхъ и въ послѣднихъ, мы убѣждаемся въ томъ, что Добролюбовъ не всегда вывозитъ, и что г. Щедринъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, разсуждаетъ о высокихъ матеріяхъ не столько благоразумно и основательно, сколько развязно, игриво и простодушно. Но, такъ какъ поросенковы братья и свиньины племянницы хохочутъ надъ потѣющими глуповцами, то цѣль великаго сатирика очевидно достигнута. «Joli?» спрашиваетъ онъ и мигаетъ.

Описываются глуповскія губернскія власти: «Въ то счастливое время, когда я процвѣталъ въ Глуповѣ, губернаторъ тамъ былъ плѣшивый, вице-губернаторъ плѣшивый, прокурокъ плѣшивый. У управляющаго палатой государственныхъ имуществъ хотя и были цѣлы волосы, но такая была странная физіономія, что съ перваго и даже съ послѣдняго взгляда онъ казался плѣшивымъ. Соберется, бывало, губернскій спикнитъ этотъ, да учнетъ о судьбахъ глуповскихъ толковать — даже мухи умрутъ отъ рѣчей ихъ, таково оно тошно!»—(стр. 410) Здѣсь сатирикъ нашъ, очевидно, находится въ своей истинной сферѣ; здѣсь онъ опять состязается въ остроуміи и невинности съ «Сыномъ Отечества,» и опять одерживаетъ блиста-

Digitized by Google

тельную побѣду надъ своимъ опаснѣйшимъ конкурентомъ. Всѣ плѣшивые — ахъ, забавникъ! А управляющій палатой кажется плѣшивымъ — каково? и *учнетъ* толковать, и *мухи умрутъ*, и *таково оно тошно*! Ну можно ли въ двухъ строкахъ собрать столько аттической соли! Вѣдь явно посягаетъ человѣкъ на жизнь своихъ глуповскихъ читателей; вѣдь уморить со смѣху хочетъ! Просто приходится пощады просить. А фантазія какова: «мухи умрутъ отъ рѣчей ихъ»! Этого и Державинъ бы не выдумалъ, а ужъ на что, кажется, былъ проказникъ. Оно положимъ непонятно: какъ это мухи умрутъ. Оно, положимъ, и смысла нѣтъ; но развѣ Державинъ могъ бы писать, если бы отъ писателя всегда требовался смыслъ. Да и что такое смыслъ? Лукавый врагъ пріятныхъ и величественныхъ иллюзій. Прочь здравый смыслъ, и да здравствуютъ иллюзіи, начиная отъ державинскихъ и кончая щедринскими! «Умъ молчитъ а сердцу ясно.» Ну, значитъ, милые глуповцы, понимающіе сердцемъ стихи Державина, будутъ также сердцемъ хохотать надъ сатирами г. Щедрина, потому что уму и здравому смыслу нечего дѣлать ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. Читателя изумляетъ, почему это я вдругъ Державина потревожилъ; а вотъ, видите ли, юмористическая фантазія г. Щедрина на счетъ мухъ напомнила мнѣ другія фантазіи торжественнаго свойства, менѣе забавныя, но еще болѣе нелѣпыя; ну, и тутъ, конечно, представился мнѣ самый торжественный изъ нашихъ одопѣвцевъ, а такъ какъ я очень люблю и уважаю г. Державина, то я и неутерпѣлъ, чтобы не приласкать его мимоходомъ, при семъ удобномъ случаѣ. Къ тому же г. Щедринъ, какъ новѣйшій жрецъ чистаго искусства, болѣе или менѣе приводитъ мнѣ на память всѣхъ своихъ товарищей и предшественниковъ на поприщѣ этого великаго служенія.

Изображается сцена, характеризующая коренные обычаи Глупова: «Въ это хорошее, сторое время, когда собирались гдѣ либо «хорошіе» люди, не въ рѣдкость было услышать слѣдующаго рода разговоръ:

— А ты зачѣмъ на меня, подлецъ, такъ смотришь? говорилъ одинъ «хорошій» человѣкъ другому.

— Помилуйте... отвѣчалъ другой «хорошій» человѣкъ, нравомъ посмирнѣе.

— Я тебя спрашиваю не «помилуйте,» а зачѣмъ ты на меня смотришь? настаивалъ первый хорошій человѣкъ.

Digitized by Google

— Да помилуйте-съ...

. . . . И бацъ въ рыло!..

— Да плюй же, плюй ему прямо въ лахань (такъ въ просторѣчіи назывались лица «хорошихъ» людей!), вмѣшивался, случавшійся тутъ, третій «хорошій» человѣкъ!

И выходило тутъ нѣчто въ родѣ свѣтопреставленія, во время котораго глазамъ сражающихся, и вдругъ и поочередно, представлялись всевозможныя свѣтила небесныя... (Стр. 418)

Вы смѣетесь, читатель, и я тоже смѣюсь, потому что нельзя не смѣяться. Ужъ очень большой артистъ г. Щедринъ въ своемъ дѣлѣ! Ужъ такъ онъ умѣетъ слова подбирать; вѣдь сцена-то сама по себѣ вовсе не смѣшная, а глупая, безобразная и отвратительная; а между тѣмъ впечатлѣніе остается у васъ самое легкое и пріятное, потому что вы видите передъ собою только смѣшныя слова, а не грязные поступки; вы думаете только о затѣяхъ г. Щедрина, и совершенно забываете глуповскіе нравы. Я знаю, что эстетическіе критики называютъ это просвѣтляющимъ и примиряющимъ дѣйствіемъ искусства, но я въ этомъ просвѣтленіи и примиреніи не вижу ничего кромѣ одуряющаго. Разсказъ долженъ производить на насъ тоже впечатлѣніе, какое производитъ живое явленіе; если же жизнь тяжела и безобразна, а разсказъ заставляетъ насъ смѣяться пріятнѣйшимъ и добродушнѣйшимъ смѣхомъ, то это значитъ, что литература превращается въ щекотаніе пятокъ, и перестаетъ быть серьезнымъ общественнымъ дѣломъ. Чтобы предлагать людямъ такое чтеніе, не стоитъ отрывать ихъ отъ карточныхъ столовъ. Здѣсь я опять укажу на Писемскаго. «Взбаломученное море,» при всей затхлости своихъ тенденцій, представляетъ нѣсколько замѣчательныхъ эпизодовъ. Припомните, напримѣръ, дѣянія Іоны-циника: тутъ ужъ не засмѣетесь; тутъ за человѣка страшно сдѣлается, а между тѣмъ Іона-циникъ вовсе не хуже щедринскихъ героевъ; среда таже самая, и порожденія ея одинаковы; да манеры-то у писателей бываютъ различныя: одинъ чувствуетъ, что калеки и изверги нашей общественной жизни все-таки люди, которыхъ можно ненавидѣть, презирать, отвергать, но къ которымъ невозможно относиться, какъ къ маріонеткамъ, созданнымъ нашими руками для нашей забавы; а другой ищетъ только случая посмѣяться, водитъ передъ читателями своихъ глуповцевъ, какъ медвѣдей на цѣпи, и заставляетъ ихъ показывать почтеннѣйшей публикѣ, «какъ малые ребята горохъ воруютъ,» и

Digitized by Google

«какъ старыя бабы на барщину ходятъ.» Если Писемскій своими грубыми ухватками оскорбляетъ наши временныя симпатіи, то г. Щедринъ своимъ юмористическимъ добродушіемъ обнаруживаетъ непониманіе вѣчныхъ интересовъ человѣческой природы. Есть язвы народной жизни, надъ которыми мыслящій человѣкъ можетъ смѣяться только желчнымъ и саркастическимъ смѣхомъ; кто въ подобныхъ случаяхъ смѣется ради пищеваренія, тотъ сбиваетъ съ толку общественное сознаніе, тотъ усыпляетъ общественное негодованіе, тотъ ругается надъ священною личностью человѣка, и, стоя въ первыхъ рядахъ прогрессистовъ, юродствуетъ хуже всякаго обскуранта. Но за то выходитъ joli, и даже très joli.

Гегемоніевъ преподаетъ наставленіе Потапчикову: «А я тебѣ скажу, что все это одна только видимость, что и Потапчиковъ, и Овчинниковъ тутъ только на прикладъ даны, въ существѣ же веществъ становой есть, ни мало ни много, невещественныхъ отношеній вещественное изображеніе... шутка! «(Невинные разсказы. Стр. 8.)» Ну, объ этомъ распространяться нечего; это очевидно «съ пальцемъ девять, съ огурцомъ патнадцать, наше вамъ-съ;» шутка эта даже не отличается самостоятельностью; она заимствована изъ «Обыкновенной исторіи» г Гончарова, гдѣ Александръ Адуевъ говоритъ о «вещественныхъ знакахъ невещественныхъ отношеній;» тамъ это выраженіе умѣстно, а здѣсь поставлено ни къ селу, ни къ городу; конечно, г. Щедринъ можетъ сказать, что онъ не заимствовалъ, и что геніальные умы, идя самостоятельными путями, часто встрѣчаются между собою на одномъ и томъ же открытіи, но это возраженіе мало поможетъ нашему балагуру, потому что открытіе все-таки приписывается обыкновенно тому, кто первый его обнародовалъ; стало быть, въ этомъ случаѣ честь изобрѣтенія останется неотъемлемою принадлежностью г. Гончарова. А вѣдь много есть добродушныхъ и довѣрчивыхъ читателей, которые, зная г. Щедрина, какъ весьма передоваго прогрессиста, будутъ искать въ его шуткахъ какого нибудь высшаго и таинственнаго смысла; они даже не повѣрятъ заглавію книжки: «Невинные разсказы». Скажутъ: знаемъ мы тебя, какой ты невинный, и все-таки будутъ искать, и, разумѣется, каждый найдетъ все, что захочетъ найти. Въ безсмыслицѣ всегда можно увидать какой угодно смыслъ, именно потому, что нѣтъ въ ней своего собственнаго, яснаго и опредѣленнаго смысла. И когда каждый найдетъ все, что захочетъ найти, то, конечно, слава г. Щедрина, какъ передоваго про-

Digitized by Google

грессиста, соединяющаго глубокомысліе съ остроуміемъ, упрочится и распространится пуще прежняго. Тутъ весь секретъ тактики состоитъ въ томъ, чтобы говорить неясно и игриво, не договаривая до конца, и давая чувствовать, что и радъ бы, да нельзя, потому что не время, потому что не поймутъ. Это была всегдашняя тактика всѣхъ дипломатовъ, но такъ какъ наша читающая публика до сихъ поръ еще особенно довѣрчива, то морочить ее и дразнить ея ребяческое любопытство гіероглифическими шутками несравненно легче, чѣмъ водить за носъ ту европейскую публику, передъ которою Талейранъ и Меттернихъ умѣли прикидываться міровыми геніями. Для этого не надо обладать даже тою дозою дешеваго ума, которою обладали Меттернихъ и Тайлеранъ, для этого достаточно усвоить себѣ извѣстнаго рода сноровку и жаргонъ. Какъ простодушна и довѣрчива наша публика, это можно видѣть на самомъ г. Щедринѣ; нашъ сатирикъ ухитрился самого себя обморочить жаргономъ и сноровкою своего собственнаго изобрѣтенія; онъ, не шутя, принимаетъ себя за глубокомысленнаго прогрессиста, соединяющаго кротость голубя съ мудростью змія; въ своемъ заглавіи «Невинные разсказы» онъ думалъ затаить глубокую и горькую иронію; онъ думалъ, что невинность будетъ только внѣшнимъ лакомъ, сообщающимъ его разсказамъ необходимое благообразіе: но соскоблите этотъ лакъ, и подъ нимъ вы опять увидите невинность; скоблите дальше, скоблите до самой сердцевины, и вездѣ одно и тоже, невинность да невинность, можетъ быть угнетенная, но угнетенная чисто по недоразумѣнію, угнетенная потому, что угнетатели также обморочены таинственностью жаргона и сноровки. А то и угнетать бы нечего было. Во всѣхъ сочиненіяхъ г. Щедрина безъ исключенія нѣтъ ни одной идеи, которая бы въ наше время не была извѣстна и переизвѣстна каждому пятнадцатилѣтнему гимназисту и кадету; но, такъ какъ эта идея показывается изъ подъ полы, съ таинственными предосторожностями и лукавыми миганіями, то публика и хватаетъ ее, какъ самую новѣйшую диковинку, и какъ вѣрнѣйшій талисманъ противъ всякаго умственнаго недуга; конечно публика разочаровалась бы, увидавши, что ей всучили мѣдную копѣечку вмѣсто червонца, но ей не даютъ всмотрѣться въ дѣло; ее смѣшатъ до упаду, и она остается совершенно довольною, закрывая книгу въ полной увѣренности, что она и либерализмомъ побаловалась, и душу свою натѣшила. Ну, значитъ, сдѣлала дѣло, и спать ложись. Тактика хорошая, и плоды приноситъ обильные. Пуб-

Digitized by Google

ликѣ весело, а г. Щедрину и подавно. Приведу еще три примѣра; въ нихъ обнаружится до послѣдней степени ясности глубокая невинность и несложность тѣхъ пружинъ, которыми г. Щедринъ надрываетъ животики почтеннѣйшей публикѣ. Его Сиятельство Князь Полугаровъ (смѣйтесь же добрые люди!) всѣхъ кабаковъ, выставокъ и штофныхъ лавочекъ всерадостный обладатель и повелитель говоритъ рѣчь: «отъ опредѣленія обращусь къ самому дѣлу, т. е. къ откупамъ. Тутъ господа, ужь не то, что «плевъ сто рублевъ», тутъ пахнетъ милліонами, а запахъ милліоновъ — сильный, острый. всѣмъ любезный, совсѣмъ не то, что запахъ теорій; чѣмъ замѣнить эти милліоны? Какою новою затыкаемостью заткнуть эту старую поглощаемость»? Что можетъ сказать читатель, прочитавши это удивительное мѣсто? Можетъ сказать совершенно справедливо: «Кого ты своими благоглупостями благоудивить хочешь»? Эта фраза будетъ заимствована читателемъ у самого г. Щедрина, и нашъ неистощимый сатирикъ погибаетъ такимъ образомъ подъ ударами своего собственнаго остроумія. Замѣтьте еще, что исторія о князѣ Полугаровѣ, растянутая на нѣсколько страницъ, предлагается публикѣ въ то время, когда откупа уже не существуетъ; замѣтьте, что, по разсказамъ самого г. Щедрина, шалимовскій гимназистъ, процвѣтающій въ городѣ Глуповѣ, уже отвертывается съ презрѣніемъ отъ администратора, желающаго поддержать откупную систему; сообразите-ко эти обстоятельства, и поставьте себѣ тогда вопросъ: не есть ли смѣхъ г. Щедрина безплодное проявленіе чистаго искусства, подобное лирическимъ воздыханіямъ гг. Фета, Крестовскаго и Майкова? Посмотримъ, какъ-то вы на этотъ вопросъ отвѣтите. Положимъ, г. Щедринъ можетъ возразить, что онъ писалъ тогда, когда откупа еще существовали, и что въ 1863 году выходятъ только въ свѣтъ отдѣльною книжкою тѣ сатирическіе разсказы, которые печатались прежде въ журналѣ, и имѣли нѣкогда животрепещущій интересъ современности. Но это возраженіе ни къ чему не ведетъ, потому что тутъ возникаетъ тотчасъ новый вопросъ: съ какой же стати вторично угощать публику объѣдками? Она наша матушка, разумѣется, все съѣстъ, да еще и втораго изданія попроситъ, но не мѣшаетъ нашему брату писателю и честь знать, особенно когда писатель стоитъ въ первомъ ряду прогрессистовъ. Тутъ не дурно было бы и самому писателю относиться къ себѣ критически, и до нѣкоторой степени оберегать публику отъ ея собственной довѣрчивости и неразборчивости. Воззрѣнія на публи-

Digitized by Google

ку, какъ на дойную корову, надо предоставить въ нераздѣльную собственность юродствующему лагерю обскурантовъ. Идеи наши только тогда будутъ дѣйствительно сильны, когда отношенія наши къ обществу будутъ строго безкорыстны и до послѣдней степени деликатны. Кто думаетъ и поступаетъ въ этомъ случаѣ иначе, тотъ не прогрессистъ, а эксплуататоръ прогрессивной идеи, паразитъ и откупщикъ умственнаго міра. Если же г. Щедринъ погрѣшилъ здѣсь по необдуманности, то онъ можетъ принести покаяніе и позаботиться объ исправленіи.

Въ слѣдующихъ двухъ примѣрахъ невинность смѣхотворныхъ пружинъ доходитъ до такого великаго совершенства, что она должна даже возбуждать умиленіе читателя.

Ходитъ по комнатамъ Кондратій Тихонычъ, «и ходитъ, и ходитъ по своимъ сараямъ, ходитъ до того, что и полъ-то словно жалуется и стонетъ подъ ногами его: да сядь же ты, ради Христа»! Читатель смѣется, а чему тутъ смѣяться?

Чиновникъ играетъ въ ералашъ, противъ своего начальника; вслѣдствіе этого обстоятельства онъ вовсе не радуется своимъ хорошимъ картамъ, которыя заставляютъ его, волею неволею, обыгрывать и огорчать великаго патрона. Положеніе дѣйствительно характеристическое, и комизма въ немъ много; но г. Щедринъ, здѣсь, какъ и вездѣ, вызываетъ смѣхъ читателя не самымъ положеніемъ, а неожиданно брошенною эксцентричностью. «Поэтому, онъ всячески старался оправдаться; разбирая карты, пожималъ плечами, какъ бы говоря: вѣдь лѣзетъ же такое дурацкое счастье! дѣлая ходъ, не клалъ карту на столъ, а какъ-то презрительно швырялъ ее, какъ бы говоря: вотъ и еще сукинъ сынъ тузъ»! Еще бы тутъ читатель не расхохотался; но ясно, что онъ будетъ смѣяться надъ «сукинымъ сыномъ тузомъ», а не надъ мелочными слабостями начальника и подчиненнаго. Смѣхъ будетъ безгрѣшный.

Г. Щедринъ, самъ того не замѣчая, въ одной изъ глуповскихъ сценъ превосходно охарактеризовалъ типическія особенности своего собственнаго юмора. Играютъ глуповцы въ карты:

— Греческій человѣкъ Трефандосъ! восклицаетъ онъ (пѣхотный командиръ), выходя съ трефъ. Мы всѣ хохочемъ, хотя Трефандосъ этотъ является на сцену аккуратно каждый разъ, какъ мы садимся играть въ карты, а это случается едва ли не всякій вечеръ.

— Фики! продолжаетъ командиръ, выходя съ пиковой масти.

Digitized by Google

— Ой, да перестань же, пострѣлъ! говоритъ генералъ Голубчиковъ, покатываясь со смѣху: — вѣдь этакъ я всю игру съ тобой перепутаю.»

Не кажется-ли вамъ, любезный читатель, послѣ всего, что вы прочитали выше, что г. Щедринъ говоритъ вамъ: «Трефандосъ» и «Фики», а вы, подобно генералу Голубчикову, отмахиваетесь руками, и, покатываясь со смѣху, кричите безсильнымъ голосомъ: «ой, да перестань же, пострѣлъ! Всю игру перепутаю».... Но неумолимый острякъ не перестаетъ, и вы дѣйствительно путаете игру, то есть, сбиваетесь съ толку, и принимаете глуповскаго балагура за русскаго сатирика. Конечно, «тайные поросячьи амуры», «новая затыкаемость старой поглощаемости», и особенно «сукинъ сынъ тузъ» не чета «греческому человѣку Трефандосу». Остроты г. Щедрина смѣлѣе, неожиданнѣе и замысловатѣе шутокъ пѣхотнаго командира, но за то и смѣется надъ остротами г. Щедрина не одинъ глуповскій генералъ Голубчиковъ, а вся наша читающая публика, и въ томъ числѣ даже наша умная, свѣжая и дѣятельная молодежь. А ужъ это дѣло пора бы и бросить. Развращать умъ нашей молодежи «нутряным смѣхомъ Иванушки-дурачка» такъ же предосудительно, какъ щекотать ея нервы звучными безсмыслицами лирической поэзіи. Первое опаснѣе послѣдняго: надъ лириками молодежь уже смѣется, а сатирикамъ она еще довѣряетъ, особенно тѣмъ изъ сатириковъ, которымъ удалось прикрыться почтенною фирмою замѣчательнаго журнала, который еще долго будетъ представляться высокой силой его прошлаго дѣятеля. Какъ эти патентованные сатирики пользуются выгодами своего положенія, какъ они эксплуатируютъ довѣріе публики вообще и молодежи въ особенности — это мы съ читателемъ уже отчасти видѣли, и увидимъ еще впереди.

V.

Г. Щедрину приходится иногда изображать трагическія происшествія: у него въ разсказахъ встрѣчаются два сумасшествія и одно самоубійство. Но г. Щедринъ твердо убѣжденъ въ томъ, что глуповскаго чиновника всегда слѣдуетъ обличать и осмѣивать; поэтому онъ не разсказываетъ о помѣшательствѣ Зубатова и Голубчикова, а язвительно обличаетъ того и другого въ этомъ непрогрессивномъ проступкѣ. Трагическія происшествія передаются такимъ образомъ

Digitized by Google

читателю весело и игриво, а читатель, разумѣется, принимаетъ ихъ съ благодарностью, какъ новую юмористическую интермедію. Что касается до самоубійства, то тутъ дѣло совсѣмъ другое; такъ какъ дѣйствующими лицами являются въ этомъ случаѣ два крѣпостные мальчика, то г. Щедринъ, желая разъиграть самымъ блистательнымъ образомъ роль гуманнаго прогрессиста, натягиваетъ трагическія струны своего повѣствовательнаго таланта такъ туго, что онѣ обрываются до конца разсказа; видя, что эпическая сила измѣняетъ ему, и что изъ нея ужъ не выжмешь больше никакого раздирательнаго эффекта, г. Щедринъ смѣло кидается въ лирическое юродство, и буквально начинаетъ голосить и выкликать надъ несчастными ребятами, которымъ и безъ того тошно на свѣтѣ жить Дѣло доходитъ до того, что юмористъ нашъ обращается съ воззваніемъ сначала къ жестокой помѣщицѣ, Катеринѣ Аѳанасьевнѣ, а потомъ къ нашей планетѣ. Не вѣрите, такъ читайте: «Катерина Аѳанасьевна! если бы вы могли подозрѣвать, что дѣлается въ этомъ оврагѣ, покуда вы безмятежно почиваете съ налѣпленными на носу и на щекахъ пластырями, вы съ ужасомъ вскочили бы съ постели, вы выбѣжали бы безъ кофты на улицу, и огласили бы ее неслыханными, раздирающими душу воплями.»

«Земля мать! Если бы ты знала, какое страшное дѣло совершается въ этомъ оврагѣ, ты застонала бы, ты всколыхалась бы всѣми твоими морями, ты заговорила бы всѣми твоими рѣками, ты закипѣла бы всѣми твоими ручьями, ты зашумѣла бы всѣми твоими лѣсами, ты задрожала бы всѣми твоими горами! («Невинные разсказы» стр. 168—169).

Ахъ мои батюшки! Страсти какія! Не жирно-ли будетъ, если земля мать станетъ производить всѣ предписанныя ей эволюціи по поводу каждаго страшнаго дѣла, совершающагося въ оврагѣ. Вѣдь ее, я думаю, трудно удивить; видала она на своемъ вѣку всякіе виды; не осталось на ней ни одного квадратнаго аршина, на которомъ ея возлюбленный сынъ не совершилъ бы надъ собою или надъ другими какой-нибудь невообразимой гадости; такъ ужъ гдѣ ей, старухѣ, возмущаться такимъ дѣломъ, которое даже въ слабомъ человѣкѣ, въ гуманномъ русскомъ прогрессистѣ, въ самомъ г. Щедринѣ не можетъ возбудить ни одной искры неподдѣльнаго чувства. Вѣдь не выражается же въ самомъ дѣлѣ истинное чувство въ этомъ завываніи, въ которомъ такъ мало смысла, и такъ много риторства. Вѣдь это

Digitized by Google

все поддѣлка съ начала до конца; вѣдь это — плаксивная гримаса, это — слезы, извлеченныя изъ глазъ посредствомъ нюханія хрѣна, это — какая-то плохоустроенная мистификація, которая была бы возмутительна, если бы она не была такъ плоско смѣшна. «И кого ты своими благоглупостями благоудивить хочешь»? въ раздумьи повторяетъ читатель, и потомъ усмѣхается, пожимая плечами, но на этотъ разъ усмѣхается, конечно, не шуткамъ сатирика, а тому печально-комическому положенію, въ которое попалъ самъ сатирикъ. Но допустимъ невозможное предположеніе: положимъ, что г. Щедринъ былъ потрясенъ дѣйствительно сильнымъ приливомъ чувства въ ту минуту, когда онъ создавалъ свое воззваніе къ землѣ и къ Катеринѣ Афанасьевнѣ; тогда тѣмъ хуже для него; въ такомъ случаѣ онъ несетъ заслуженное наказаніе за хроническую невинность своего безплоднаго смѣха; это значитъ, что человѣкъ можетъ превратить себя въ вертлявую куклу; это значитъ, что вся нервная система человѣка можетъ быть безвозвратно исковеркана постояннымъ и одностороннимъ употребленіемъ умственныхъ способностей на мелкое и пустое увеселеніе публики; когда приходится выразить истинное чувство, тогда истасканные нервы отказываются служить, и подъ перомъ писателя не оказывается ни одного образа, ни одного выраженія, соотвѣтствующаго этой непривычной потребности. И выходитъ, вслѣдствіе этого, такая неестественная кислятина, что читатель не знаетъ, что ему дѣлать: жалѣть-ли бѣднаго художника, продавшаго свой душевный жаръ въ мелочную лавочку, смѣяться-ли надъ его тщетными усиліями, или просто отвернуться и плюнуть отъ негодованія. Но это еще не все. Желая во весь духъ ударить кулакомъ по лирическимъ струнамъ, г. Щедринъ не только риторствуетъ, но даже совершаетъ надъ самимъ собою нѣчто въ родѣ литературнаго самоубійства; онъ умышленно искажаетъ въ своемъ воззваніи къ Катеринѣ Афанасьевнѣ тотъ характеръ, который онъ самъ очертилъ довольно тщательно на предъидущихъ страницахъ. Если бы Катерина Афанасьевна зимою выбѣжала изъ дому «безъ кофты», не боясь простуды, и стала бы оглашать улицы города «неслыханными воплями», не боясь скандала и всѣхъ его непріятныхъ послѣдствій, тогда это значило бы, что она женщина взбалмошная, вспыльчивая, но, при всемъ томъ, способная почувствовать себя виноватою, способная, подъ вліяніемъ сильнаго потрясенія, прійдти въ себя и отбросить въ сторону систему своего хозяйственнаго терроризма. Меж-

Digitized by Google

ду тѣмъ, предъидущія страницы говорятъ намъ совсѣмъ другое; изъ нихъ мы видимъ, что Катерина Афанасьевна совершаетъ свои жестокости очень хладнокровно, и съ значительною примѣсью рабовладѣльческаго остроумія; мы видимъ, что строй нравственныхъ понятій, вытекающихъ изъ крѣпостнаго права, ограждаетъ ее самымъ надежнымъ и непроницаемымъ оплотомъ противъ всякихъ непослѣдовательныхъ припадковъ состраданія и человѣколюбія. Мы узнаемъ, кромѣ того, что Катерина Афанасьевна—стрѣлянная ворона; ей уже не въ первый разъ приходится переживать, что люди по ея милости рѣшаются на самоубійство; сестра одного изъ мальчиковъ утопилась вслѣдствіе жестокаго обращенія, а стоицизмъ помѣщицы не поколебался; помѣщица увѣрила себя и другихъ, что «поганка — Ольгушка» утопилась «для того, чтобы скрыть свой стыдъ», то есть беременность. Потомъ, когда тѣло не было найдено, и когда исправникъ укрѣпилъ естественный стоицизмъ помѣщицы своею дѣловою опытностью, тогда Катерина Афанасьевна смѣло стала отрицать самый фактъ самоубійства, и подала объявленіе о побѣгѣ «дѣвки Ольги Никандровой», которая не только бѣжала сама, но, усугубляя свою вину воровствомъ, «унесла съ собою данное ей помѣщикомъ пестрядинное платье, въ которое и была въ тотъ день одѣта». Возьмите въ разсчетъ, что наша бойкая помѣщица — женщина необразованная и суевѣрная, и тогда вы поймете, какую силу характера обнаружила Катерина Афанасьевна, взводя поклепъ въ побѣгѣ и въ воровствѣ на такую покойницу, которую она, Катерина Афанасьевна, почти собственноручно спровадила на тотъ свѣтъ. Правда, «поганка Ольгушка» явилась своей барынѣ во снѣ, и барыня выскочила изъ спальни какъ полоумная; но во-первыхъ, это видѣла только ключница Матрена, а во-вторыхъ, что-же изъ этого слѣдуетъ? Помѣщица набивала свой желудокъ особенно плотно, потому что больше и дѣлать нечего было; а извѣстно, что переполненный желудокъ награждаетъ человѣка разнообразными и эксцентрическими сновидѣніями; это и случилось съ Катериною Афанасьевною; привидѣлась ей «поганка Ольгушка», но могъ привидиться и чортъ съ рогами; тутъ не было бы ничего удивительнаго, и оба сновидѣнія заставили бы ее выскочить изъ спальни съ одинаковою стремительностью. Гораздо характернѣе то обстоятельство, что на глазахъ Катерины Афанасьевны росъ маленькій братъ утопившейся дѣвушки, и что барынѣ не только не было тяжело смотрѣть на этого ребенка, который долженъ былъ ежеминут-

Digitized by Google

но напоминать ей совершившееся преступленіе, но что, напротивъ того, барыня имѣла даже храбрость мучить этого мальчика наравнѣ съ другими домочадцами, и ежедневными мученіями постоянно толкать его къ тому оврагу, въ которомъ должно было произойти новое самоубійство. И вдругъ эта практическая женщина станетъ бѣгать по улицамъ въ одной рубашкѣ, и раздирать уши городскихъ обывателей неслыханными воплями. И отчего? Отъ того, что мальчишки, которыхъ она, вѣроятно, иначе и не называла, какъ «мерзавцами» и «паршивыми», вздумали полоснуть себя ножомъ по горлу. Да ей-то какое дѣло? Она постарается схоронить концы въ воду, она подаритъ кому слѣдуетъ сколько будетъ необходимо, и потомъ попрежнему будетъ наѣдаться до отвалу, и въ случаѣ переполненія желудка, будетъ видѣть во снѣ не одну Ольгу, а цѣлую компанію знакомыхъ мертвецовъ. Велика важность—нечего сказать! Г. Федору Бергу или неизвѣстному поэту, воспѣвавшему въ «Отечественныхъ Запискахъ» «Слезы кукушки» позволительно не знать этихъ особенностей человѣческаго организма, а со стороны г. Щедрина такое незнаніе не только неприлично, но и не вѣроятно. Всякій здравомыслящій читатель хорошо понимаетъ, что это игнорированіе также искусственно, какъ и самое чувство, породившее лирическое обращеніе къ землѣ и къ помѣщицѣ. Надъ подобною искусственностью всегда слѣдуетъ смѣяться, и чѣмъ дороже вамъ тотъ предметъ, по поводу котораго она пускается въ ходъ, тѣмъ громче и рѣзче долженъ быть вашъ карающій смѣхъ, потому что искусственность унижаетъ и опошляетъ все то, къ чему она прикасается. Но и это еще не все. У читателя давно уже вертится на языкѣ вопросъ: да развѣ есть теперь крѣпостные мальчики? — Нѣтъ, нѣту. — Такъ какъ же это они себя убивать могутъ?—Да они убиваютъ себя не теперь, а прежде, давно, во время оно. — А если прежде, во время *оно*, то съ какой же стати повѣствуется объ этомъ событіи теперь, во время *сіе*? — Не знаю. Должно быть, г. Щедринъ позавидовалъ литературной славѣ нашего Вальтеръ-Скотта, графа А. Толстаго, описавшаго съ такою наглядностью всѣ кушанья, подававшіяся на столъ Ивана Грознаго? Или онъ хотѣлъ состязаться съ нашимъ Шекспиромъ, г. Островскимъ, изобразившимъ съ такимъ счастливымъ успѣхомъ Козьму Минина и всѣ его видѣнія? Или онъ боялся, что вновь возстановится крѣпостное право, и пожелалъ противодѣйствовать такому пассажу кроткими мѣрами литературнаго увѣщанія? Или же онъ постарался поразить своимъ перомъ прошедшее, чтобы сдѣлать

Digitized by Google

пріятный и любезный сюрпризъ настоящему? Послѣднее предположеніе кажется мнѣ всего болѣе правдоподобнымъ, потому что всякому жрецу чистаго искусства должно быть чрезвычайно лестно соединить въ своей особѣ блестящую репутацію русскаго Аристофана съ полезными достоинствами современнаго Державина, который, какъ извѣстно, говорилъ истину съ улыбкою самого обезоруживающаго и обворожительнаго свойства. Г. Щедринъ прекрасно сдѣлаетъ, если пойдетъ впередъ по этому пути, но, становясь на чисто эстетическую точку зрѣнія, и заботясь о чистотѣ нашего литературнаго вкуса, я позволяю себѣ выразить желаніе, чтобы на будущее время, г. Щедринъ, слагая свои оды, построже придерживался литературныхъ преданій и пріемовъ чисто-классической школы. Я возьму для примѣра отношеніе литературы къ нашему молодому поколѣнію, на сторонѣ котораго находятся всѣ мои личныя симпатія, тѣмъ болѣе, что и самъ я принадлежу, къ нему тѣломъ и душею. Лучшіе органы нашей періодической литературы начали защищать умственные интересы молодаго поколѣнія противъ нападеній дряхлой и озлобленной бездарности, съ той самой минуты, какъ только въ нашемъ обществѣ обнаружился тотъ повсемѣстный разладъ, который всегда бываетъ неразлученъ съ поступательнымъ движеніемъ впередъ. Междуусобная борьба въ литературѣ по поводу молодежи продолжается до сихъ поръ, и вѣроятно протянется еще довольно долго, хотя строгіе обличители юношества уже значительно посбавили тону. Мыслящіе представители свѣжаго направленія въ нашей литературѣ защищаютъ до сихъ поръ молодыхъ людей противъ недоточивой клеветы и противъ грубаго непониманія. Защищеніе это вовсе не панегирикъ, и оно еще необходимо, во-первыхъ потому, что нельзя же оставлять общество въ печальномъ заблужденіи, а во-вторыхъ потому, что человѣкъ все-таки не камень, и что самого хладнокровнаго писателя все-таки нѣтъ, нѣтъ, да и взбѣситъ, когда онъ услышитъ черезъ-чуръ нелѣпую исторію, въ родѣ «Взбаламученнаго моря». А между тѣмъ, не смотря на полную законность и разумность этого защищенія, надо сказать правду, что для молодежи всего безплоднѣе именно тѣ страницы нашихъ журналовъ, въ которыхъ всего больше толкуютъ о ней, и всего сильнѣе выражаютъ ей сочувствіе. Эти горячія и благородныя страницы не даютъ ей никакого новаго знанія. Въ самомъ дѣлѣ, что узнаютъ изъ нихъ молодые люди? Что они—хорошіе люди? Это они

Digitized by Google

сами знаютъ. Что имъ сочувствуетъ честное меньшинство литературы? Экое, подумаешь, благодѣяніе оно имъ оказываетъ. Да и потомъ, это само собою разумѣется. Какъ бы ухитрилось это меньшинсво, оставаясь честнымъ, не сочувствовать тому, что такие честно? Что они, молодые люди, думаютъ такъ и такъ? Да ужъ навѣрное сами-то молодые люди знаютъ это еще лучше, чѣмъ тѣ литераторы, которые объ этомъ пишутъ. Такимъ образомъ, всего безполезнѣе для молодаго поколѣнія оказывается именно то, что всего ближе подходитъ къ восхваленію этого самого молодаго поколѣнія. Чѣмъ больше вы хотите приносить пользы молодымъ людямъ, тѣмъ меньше толкуйте о ихъ достоинствахъ, и тѣмъ больше думайте о ихъ умственныхъ потребностяхъ. Старайтесь помогать вашими статьями ихъ развитію, старайтесь давать имъ матеріалы для размышленія, старайтесь, чтобы молодой человѣкъ, берущій въ руки журнальную книжку для развлеченія, постоянно находилъ бы въ ней, вмѣстѣ съ развлеченіемъ, полезныя и основательныя знанія, свѣжія и живыя идеи, разумную ширину взглядовъ и сознательную гуманность направленія; дѣлайте все это, посвящайте вашу жизнь этому дѣлу, и вы увидите, что молодость будетъ считать васъ своимъ истиннымъ другомъ, хотя бы вамъ ни разу не пришлось сказать ни одного слова въ ея похвалу. Такимъ образомъ, гораздо лучше выражать свою любовь полезнымъ дѣломъ, чѣмъ пріятною похвалою. Въ настоящее время, чисто отрицательныя отношенія литературы къ молодежи еще невозможны, потому что молодежь находится еще въ пассивномъ положеніи. Литература не можетъ поставить себѣ задачею постоянно указывать на недостатки и ошибки такого элемента, который еще въ значительной степени неизвѣстенъ, и, во всякомъ случаѣ, только что начинаетъ заявлять о своемъ существованіи. Но и теперь уже возможны нѣкоторыя частныя попытки въ отрицательномъ родѣ, попытки, которыя разумѣется *не могутъ имѣть ни малѣйшаго сходства съ слѣпымъ и ожесточеннымъ отрицаніемъ нѣкоторыхъ свирѣпствующихъ старцевъ*. Мнѣ кажется, что эти попытки принесутъ молодежи гораздо больше пользы, чѣмъ защитительныя статьи ея честныхъ адвокатовъ. Къ числу подобныхъ попытокъ въ отрицательномъ родѣ я отношу мою теперешнюю рецензію. Я знаю, что г. Щедринъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые до поры до времени пользуются сочувствіемъ молодежи, но съ которою у нихъ нѣтъ ничего общаго; мнѣ кажется,

Digitized by Google

что сочувствіе это не обдумано и не провѣрено критическимъ анализомъ; молодежь смѣется, читая г. Щедрина, молодежь привыкла встрѣчать имя этого писателя на страницахъ лучшаго изъ нашихъ журналовъ, и молодежь поддается веселымъ впечатлѣніямъ, потому что ей не приходитъ въ голову отнестись къ этимъ впечатлѣніямъ съ недовѣріемъ и съ вопросительнымъ знакомъ. Но мнѣ кажется, что вліяніе г. Щедрина на молодежь можетъ быть только вредно, и на этомъ основаніи я стараюсь разрушить пьедестальчикъ этого маленькаго кумира, и произвожу эту отрицательную работу съ особеннымъ усердіемъ, именно потому, что тутъ дѣло идетъ о симпатіяхъ молодежи. Я хочу уничтожить эти симпатіи, и если онѣ дѣйствительно приносятъ молодымъ людямъ только вредъ, то уничтоженіе ихъ, и, слѣдовательно, попытка въ отрицательномъ родѣ, будетъ полезнѣе для нашего поколѣнія, чѣмъ самая горячая похвала Базарову и Лопухову, и самая ѣдкая полемика противъ г. Каткова. Такимъ образомъ, разсмотрѣвши отношенія журналистики къ молодежи, я показалъ на этомъ примѣрѣ, какимъ образомъ дѣльное отрицаніе приноситъ общества гораздо больше пользы, чѣмъ справедливая похвала, воздаваемая существующимъ фактамъ. Щедринъ поступаетъ какъ разъ на оборотъ.

VI.

Если мы, съ высоты птичьяго полета, бросимъ общій взглядъ на разсказы г. Щедрина, то намъ придется изумляться бѣдности, мелочности и однообразію ихъ основныхъ мотивовъ. Все вниманіе сатирика направлено на вчерашній день, и на переходъ къ нынѣшнему дню; хотя этотъ переходъ совершился очень недавно, но онъ, очевидно, составляетъ для насъ прошедшее, совершенно законченное, и имѣющее чисто историческій интересъ; а исторію эту писать еще слишкомъ рано, да и совсѣмъ это не щедринское дѣло. Конечно, крѣпостное право такъ глубоко отравило всѣ отправленія нашей народной жизни, что тяжелая старина долго еще будетъ давать себя чувствовать въ разныхъ воспоминательныхъ ощущеніяхъ весьма непріятнаго свойства; конечно и чиновничество долго еще будетъ жить старинными преданіями классической школы, перекроенными и перекрашенными сообразно съ требованіями новѣйшей моды; все это такъ, но всѣ эти отпрыски срубленныхъ деревьевъ надо изучать именно въ ихъ те-

Digitized by Google

перешнихъ видоизмѣненіяхъ; и чтобы изучать ихъ, нѣтъ никакой необходимости восходить ни къ тѣмъ вѣкамъ, когда деревья стояли на корню, ни къ тѣмъ минутамъ, когда деревья стали трещать подъ топоромъ. Прошедше само по себѣ, переходъ самъ по себѣ, а настоящее тоже само по себѣ. Въ исторіи всѣ эти моменты, разумѣется, связаны между собою, и объясняютъ другъ друга, какъ необходимое сцѣпленіе причинъ и слѣдствій, но опять таки никому въ голову не приходитъ требовать и ожидать отъ г. Щедрина исторіи, а сатира хороша только тогда, когда она современна. Что мнѣ за охота и за интересъ смѣяться надъ тѣмъ, что не только осмѣяно, но даже уничтожено законодательнымъ распоряженіемъ правительства. «Довлѣетъ дневи злоба его» и «пускай мертвецы сами хоронятъ своихъ мертвецовъ». Но г. Щедринъ игнорируетъ это простое требованіе здраваго смысла, и потому почти всѣ дѣйствующія лица его разсказовъ смотрятъ мертвецами, выкопанными изъ могилъ, нарочно для того, чтобы повеселить читателя. Ретрограды, перепуганные зловѣщими слухами, чиновники, перепуганные невиданными предписаніями, и, кромѣ того, глуповцы, плюющіе другъ другу въ лохань, выпивающіе «по маленькой», и каждый вечеръ потѣющіеся «Трефандосами» — вотъ и все содержаніе сатирическихъ разсказовъ. Глуповъ, блаженствующій въ своемъ нетронутомъ спокойствіи, и Глуповъ, только что взбудораженный слухами о преобразованіяхъ — вотъ и все; а вѣдь, кажется, пора бы это бросить, потому что вся наша журналистика молотила, молотила эту тощую копну плохой ржи, да и молотить устала. Всѣмъ надоѣло — и писателямъ и читателямъ, да и наконецъ, кромѣ соломы, тутъ ничего больше и не осталось. Такъ ужъ это избито, что можно измѣнять только слова, а новой, нетронутой черты не отыщетъ самый проницательный сатирикъ. Поэтому, бросьте прошедшее, ищите въ настоящемъ, а если настоящее еще не выработало себѣ особенной физіономіи, если вы не умѣете уловить того процесса броженія, которымъ вырабатываются эти новыя черты, то бросьте сатиру, бросьте совсѣмъ нашу истрепавшуюся беллетристику, обратившуюся съ нѣкотораго времени для нашихъ писателей въ какую то казенную или барщинную работу.—Эти слова обращены не къ г. Щедрину, а вообще ко всѣмъ нашимъ второстепеннымъ беллетристамъ. А кто же теперь не второстепенный? Чернышевскій, Тургеневъ, можетъ быть Островскій — и только. Разъ, два — да и обчелся. Но ясно, что сила Чернышевскаго заключается не въ са-

Digitized by Google

мороднемъ художественномъ талантѣ, а въ широкомъ умственномъ развитіи; ясно, что Тургеневъ и Островскій приближаются къ концу своей литературной карьеры; ясно, что разстроенная печень Писемскаго будетъ портить каждое новое произведеніе этого сильнаго таланта, и превращать каждый новый романъ его въ «взбаломученное море» авторской желчи. Ну, стало быть

И полѣзли изъ щелей
Мошки да букашки.

Не знаю, какъ другіе, а я радуюсь этому увяданію нашей беллетристики, и вижу въ ней очень хорошіе симптомы для будущей судьбы нашего умственнаго развитія. Поэзія, въ смыслѣ стиходѣланія, стала клониться къ упадку со временемъ Пушкина; при Гоголѣ, романисты или вообще прозаики заняли въ литературѣ то высшее мѣсто, которое занимали поэты; съ этого времени, стихотворцы сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ литературныхъ башибузуковъ, плохо вооруженныхъ, безсильныхъ, и неспособныхъ оказать регулярному войску никакого серьезнаго содѣйствія; теперь стиходѣланіе находится при послѣднемъ издыханіи, и конечно этому слѣдуетъ радоваться, потому что есть надежда, что ужъ ни одинъ дѣйствительно умный и даровитый человѣкъ нашего поколѣнія не истратитъ своей жизни на пропизываніе чувствительныхъ сердецъ убійственными ямбами и анапестами. А кто знаетъ, какое великое дѣло — экономія человѣческихъ силъ, тотъ пойметъ, какъ важно для благосостоянія всего общества, чтобы всѣ его умные люди сберегли себя въ цѣлости, и пристроили всѣ свои прекрасныя способности къ полезной работѣ. — Но, одержавши побѣду надъ стиходѣланіемъ, беллетристика сама начала утрачивать свое исключительное господство въ литературѣ; первый ударъ нанесъ этому господству Бѣлинскій; глядя на него, Русь православная начала понимать, что можно быть знаменитымъ писателемъ, не сочинивши ни поэмы, ни романа, ни драмы. Это было великимъ шагомъ впередъ, потому что добрые земляки наши выучились читать критическія статьи, и помаленьку приготовились такимъ образомъ понимать разсужденія по вопросамъ науки и общественной жизни. Когда эти разсужденія сдѣлались возможными, тогда Добролюбовъ и Чернышевскій стали продолжать дѣло Бѣлинскаго; въ это же время «Русскій Вѣстникъ» проторилъ себѣ свою особенную дорожку, на которой онъ до сихъ поръ съ боль-

Digitized by Google

шимъ успѣхомъ виднетъ; но, какъ ни предосудительна его дѣятельность съ гражданской точки зрѣнія, однако надо отдать ему справедливость; своими статьями объ Англіи и своими политическими обозрѣніями, онъ также содѣйствовалъ тому общему движенію мысли, которое постепенно оттѣсняло на задній планъ беллетристику и искусство вообще. Теперь это оттѣсненіе произведено: въ послѣднее пятилѣтіе не было рѣшительно ни одного чисто литературнаго успѣха; чтобы не упасть, беллетристика принуждена была приспособиться къ текущимъ интересамъ дня, часа и минуты; всѣ беллетристическія произведенія, обращавшія на себя вниманіе общества, возбуждали говоръ единственно потому, что касались какихъ нибудь интересныхъ вопросовъ дѣйствительной жизни. Вотъ вамъ примѣръ: «Подводный Камень» романъ, стоящій по своему литературному достоинству ниже всякой критики, имѣетъ громкій успѣхъ, а «Дѣтство, отрочество и юность» графа Л. Толстаго, вещь замѣчательно хорошая по тонкости и вѣрности психологическаго анализа, читается холодно, и проходитъ почти незамѣченою. Теперь пора бы сдѣлать еще шагъ впередъ: не дурно было бы понять, что серьезное изслѣдованіе, написанное ясно и увлекательно, освѣщаетъ всякій интересный вопросъ гораздо лучше и полнѣе, чѣмъ разсказъ, придуманный на эту тему, и обставленный ненужными подробностями и неизбѣжными уклоненіями отъ главнаго сюжета. Впрочемъ, этотъ шагъ сдѣлается самъ собою, и можетъ быть онъ уже на половину сдѣланъ. Разумѣется, здѣсь, какъ и вездѣ, не слѣдуетъ увлекаться педантическимъ ригоризмомъ: если въ самомъ дѣлѣ есть такіе человѣческіе организмы, для которыхъ легче и удобнѣе выражать свои мысли въ образахъ, если въ романѣ или въ поэмѣ они умѣютъ выразить новую идею, которую они не съумѣли бы развить съ надлежащею полнотою и ясностью въ теоретической статьѣ, тогда пусть дѣлаютъ такъ, какъ имъ удобнѣе; критика съумѣетъ отыскать, а общество съумѣетъ принять и оцѣнить плодотворную идею, въ какой бы формѣ она не была выражена. Если Некрасовъ можетъ высказываться только въ стихахъ, пусть пишетъ стихи; если Тургеневъ умѣетъ только изобразить, а не объяснить Базарова, пусть изображаетъ; если Чернышевскому удобно писать романъ, а не трактатъ по физіологіи общества, пусть пишетъ романъ; этимъ людямъ есть что высказать, и потому общество слушаетъ ихъ со вниманіемъ, и не остается въ накладѣ. Это даже хорошо, если такіе люди излагаютъ

Digitized by Google

свои идеи въ беллетристической формѣ, потому что окончательный шагъ все-таки еще не сдѣланъ, и искусство для нѣкоторыхъ читателей, и особенно читательницъ, все еще сохраняетъ кое-какіе блѣдные лучи своего ложнаго ореола. — Но, если въ рукахъ писателей, имѣющихъ свои собственныя идеи, беллетристическая форма можетъ еще приносить обществу пользу, то, напротивъ того, попадая въ руки писателей, нищихъ духомъ, эта форма становится положительно вредною. Она превосходно маскируетъ ихъ бѣдность, вводитъ читателей въ ошибку и, что всего хуже, возбуждаетъ въ рядахъ молодежи охоту подражать такимъ произведеніемъ, которыя составляютъ пустоцвѣтъ и сорную траву нашей умственной жизни. Г. Щедринъ взялъ изъ Добролюбовскаго Свистка манеру относиться недовѣрчиво къ нашему оффиціальному прогрессу; естественный, живой и глубоко-сознательный скептицизмъ Добролюбова превратился у его подражателя въ пустой знакъ, въ кокарду, которую онъ пришпиливаетъ къ своимъ разсказамъ для того, чтобы сообщить имъ колоритъ безукоризненной прогрессивности. Еслибы г. Щедринъ писалъ не разсказы, а научныя или критическія статьи, то эта форменная безукоризненность очень скоро надоѣла бы всѣмъ читателямъ, и г. Щедринъ не былъ бы метеоромъ, а занялъ бы ту скромную роль, которую занимаетъ, напримѣръ, нашъ почтенный и возлюбленный сотрудникъ, В. П. Поповъ. Тогда онъ поневолѣ былъ бы полезенъ, потому что ему уже нельзя было бы ограничивать свою дѣятельность производствомъ безконечныхъ варіацій на весьма извѣстныя темы. Ему пришлось бы, за неимѣніемъ своихъ оригинальныхъ идей, популяризировать чужія идеи, еще неизвѣстныя русской публикѣ, переводить, извлекать, компилировать, давать не мудрствованія, а дѣйствительные факты. Ему пришлось бы побольше читать, а это принесло бы ему не малую пользу, потому что тогда бы онъ не сталъ намъ разсказывать мифы о Минервѣ, и постарался бы поосновательнѣе обдумать вопросъ, отчего это глуповцы спятъ такимъ глубокимъ сномъ, и показываютъ другъ другу «всевозможныя свѣтила небесныя». Теперь онъ, по видимому убѣжденъ въ томъ, что рыться въ глуповскомъ навозѣ полезно, что *молодое поколѣніе*, ради своего умственнаго совершенствованія, *должно* внимательно взглядываться въ каждую частичку этого вещества, каждую изъ нихъ должно *осмѣивать*, и спасительнымъ смѣхомъ своимъ должно ограждать себя отъ опошленія и отъ возвращенія къ

Digitized by Google

глуповской старинѣ. Если бы г. Щедринъ не былъ блестящимъ беллетристомъ, и если бы, вслѣдствіе этого, онъ былъ принужденъ побольше читать и размышлять, тогда онъ не питалъ бы вышеозначеннаго убѣжденія, и понималъ бы нѣкоторыя вещи, которыхъ онъ теперь не понимаетъ, и которыя поэтому постараюсь ему объяснить. — Смѣяться надъ безобразіемъ Глуповца все равно, что смѣяться надъ уродствомъ калѣки, или надъ дикостью дикаря, или надъ неопытностью ребенка; всѣ эти смѣхи не даютъ рѣшительно ничего ни тому, кто смѣется, ни тому, кого осмѣиваютъ. Смѣяться полезно только надъ идеею, потому что въ этомъ случаѣ смѣхъ есть самъ по себѣ новая идея, отрицающая старую, и становящаяся на ея мѣстѣ. Осмѣивать идею, значитъ доводить ее до абсурда, и показывать такимъ образомъ ея несостоятельность, но показывать такъ живо и такъ ясно, чтобы аргументація не утомляла читающую массу, чтобы эта аргументація иногда сосредоточивалась вся въ одномъ эпитетѣ, въ одномъ намекѣ, въ одной веселой шуткѣ; такой смѣхъ дѣйствительно способенъ выворачивать на изпанку цѣлыя тысячелѣтнія міросозерцанія; стоитъ назвать только два имени, Вольтеръ и Гейне. Не всякій Вольтеръ и Гейне, но всякій человѣкъ, обладающій свѣтлымъ умомъ и сатирическимъ талантомъ, можетъ и долженъ пристраивать свой смѣхъ туда, гдѣ онъ имѣетъ какой нибудь смыслъ А если онъ не умѣетъ этого сдѣлать, то вѣдь его никто и не принуждаетъ смѣяться публично. Пусть смѣется надъ глуповскими «Трефандосами» съ добрыми пріятелями, въ тиши своего уютнаго кабинета. Что же касается до огражденія молодежи отъ возвращенія къ старинѣ, то и тутъ смѣхъ г. Щедрина равняется нулю. Насъ ограждаетъ отъ пошлости не смѣхъ надъ пошлостью, а то внутреннее содержаніе, которое даетъ намъ чтеніе и размышленіе. Чтобы человѣкъ не ѣлъ испорченной пищи, надо дать ему свѣжую пищу; а если вы ему не дадите свѣжей, онъ будетъ ѣсть испорченную, потому что не умирать же ему съ голоду, изъ любви къ свѣжести. У насъ есть теперь это содержаніе, и есть основаніе думать, что оно у насъ съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться; это содержаніе заключается въ изученіи природы и въ изученіи человѣка, какъ послѣдняго звена длинной цѣпи органическихъ существъ. Мыслящіе европейцы собрали и привели въ порядокъ необозримую груду фактовъ, относящихся ко всѣмъ отраслямъ естествознанія; въ настоящее время ис-

Digitized by Google

торія и политическая экономія прислоняются къ изученію природы, и постоянно очищаются отъ примѣси тѣхъ фразъ, гипотезъ и такъ называемыхъ законовъ, которые не имѣютъ для себя основанія въ видимыхъ и осязаемыхъ свойствахъ предметовъ. Умозрительная философія скончалась вмѣстѣ съ Гегелемъ, и пріемы опытныхъ наукъ проникли, и продолжаютъ проникать до сихъ поръ во всѣ отрасли человѣческаго мышленія. Отрѣшаясь отъ школьныхъ фантазій, наука, въ высшемъ и всеобъемлющемъ значеніи этого слова, получаетъ наконецъ въ мірѣ свое полное право гражданства; она формируетъ не спеціальнаго изслѣдователя, а человѣка; она закаляетъ его умъ, она пріучаетъ его дѣйствовать этимъ умомъ во всѣхъ обстоятельствахъ вседневной жизни; она входитъ въ общество и въ семейство; она помогаетъ людямъ, подобнымъ Лопухову, разрѣшать, посредствомъ строгаго анализа, всѣ запутанные и щекотливые вопросы, которые прежде рѣшались на удачу слѣпыми движеніями чувства; она входитъ въ кровь человѣка и переработываетъ его темпераментъ; она создаетъ величайшихъ поэтовъ, тѣхъ людей, у которыхъ живая мысль проникнута насквозь горячею струею чувства; тѣхъ людей, которые способны дрожать и плакать отъ восторга и созерцанія великой истины; тѣхъ людей, которые дышатъ одною жизнью съ природою и человѣчествомъ, и у которыхъ полнѣйшій эгоизмъ имѣетъ равносильное значеніе съ всеобъемлющей любовью. *Я* исчезаетъ потому, что для этого *я* жить и любить есть одно и тоже; а если оно живетъ и любитъ, то оно,, стало быть, живетъ милліонами жизней, живетъ въ себѣ и въ другихъ, наслаждаясь процессомъ и цѣлію той всемірной работы ума, которая облегчаетъ или облегчитъ страданія всемірныя. — И всѣ эти непостижимыя, но очень естественныя чудеса дѣлаетъ наука, раскрывающая предъ человѣкомъ жизнь клѣточки, жизнь человѣческаго организма, и историческую жизнь человѣческихъ обществъ. Все это она совершаетъ не тѣмъ, что открываетъ человѣку интересныя тайны, а тѣмъ, что, вовлекая его въ преслѣдованіе этихъ тайнъ, усиливаетъ и регулируетъ дѣятельность необходимую для его счастья, и затѣмъ, когда дѣятельность эта доведена до сильной степени возбужденія и обратилась въ привычное отправленіе организма, позволяетъ ему (человѣку) обратить ее (дѣятельность) на ежедневное обсуживаніе и совершенствованіе всѣхъ между человѣческихъ отношеній. Словомъ, наука создаетъ мыслящихъ людей; если она такимъ образомъ перевоспитываетъ че

Digitized by Google

ловѣческую личность, если ея вліяніе неотступно слѣдуетъ за человѣкомъ въ семейство и въ общество, и въ судъ, и въ лагерь, въ купеческую контору и на профессорскую каѳедру, на фабрику и къ постелѣ больнаго, въ степную деревню и въ уѣздный городъ, то, безъ сомнѣнія, скромное изученіе химическихъ силъ и органической клѣточки составляетъ такую двигательную силу общественнаго прогресса, которая рано или поздно—и даже скорѣй рано, чѣмъ поздно—должна подчинить себѣ и переработать по своему всѣ остальныя силы. Это уже и теперь замѣтно. Скромное изученіе началось настоящимъ образомъ съ прошедшаго столѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ Лавуазье создалъ химическій анализъ; когда оно началось, метафизика смотрѣла на него покровительственнымъ окомъ. А гдѣ теперь метафизика? И кто ее тихимъ манеромъ отправилъ въ архивъ? И гдѣ теперь та наука, которая бы не подольщалась къ естествознанію, и не отчаявалась бы въ своемъ существованіи, если естествознаніе не оказываетъ ей покровительства?— Наша русская цивилизація находится въ особенно благопріятномъ положеніи для того, чтобы принять въ себя эти обновляющія начала; ей благопріятствуетъ въ этомъ отношеніи именно то обстоятельство, что она паходится еще въ колыбели или даже въ утробѣ матери; у ней нѣтъ укоренившихся преданій школы; нѣтъ въ каждомъ городѣ легіона филистеровъ; нѣтъ фантастической рутины средневѣковой науки; передъ нами лежитъ вся европейская наука: переводи, читай и учись! Не будемъ же мы въ самомъ дѣлѣ такими дураками, чтобы брать у другихъ то, что они выкидываютъ за негодностью? Нѣтъ, не будемъ. Это мы доказываемъ каждый день, потому что постоянно переводимъ книги по естественнымъ наукамъ, и выбираемъ все, что поновѣе и получше. Если бы Добролюбовъ былъ живъ, то можно поручиться за то, что онъ бы первый понялъ и оцѣнилъ это явленіе. Говоря проще, онъ посвятилъ бы лучшую часть своего таланта на популяризированіе европейскихъ идей естествознанія и антропологіи. Въ его время интересъ еще не былъ пробужденъ, и такія статьи рисковали остаться непрочитанными; теперь дѣло пошло на ладъ, и сообразно съ обстоятельствами, должна измѣняться задача прогрессивнаго литератора; но г. Щедринъ, разумѣется, этого не понимаетъ, и все тянетъ по прежнему старую ноту, завѣщанную ему его молодымъ учителемъ; и не замѣчаетъ онъ того, что его однообразное и невинное хихиканье отвлекаетъ только отъ настоящаго дѣла нѣкоторую часть нашей свѣжей и умной молодежи.—Можетъ быть, мое благоговѣніе пе-

Digitized by Google

родъ естествознаніемъ покажется читателю преувеличеннымъ; можетъ быть, онъ возразитъ мнѣ, что и естесвозваніе будетъ приносить пользу и удовольствіе только тѣмъ классамъ нашего общества, которымъ и безъ того не слишкомъ дурно живется на свѣтѣ. Книги по естественнымъ наукамъ, скажетъ онъ, издаются не для народа, и всѣ сокровища, заключающіяся въ нихъ, все-таки останутся для парода мертвымъ капиталомъ. — На это я отвѣчу, что изданіе этихъ книгъ и вообще акклиматизація естествознанія въ нашемъ обществѣ, неизмѣримо полезнѣе для нашего народа, чѣмъ изданіе книгъ, предназначенныхъ собственно для него, и чѣмъ всякіе добродѣтельные толки о необходимости сблизиться съ народомъ и любить народъ. Если естествознаніе обогатитъ наше общество мыслящими людьми, если наши агрономы, фабриканты и всякаго рода капиталисты выучатся мыслить, то эти люди, вмѣстѣ съ тѣмъ, выучатся понимать какъ свою собственную пользу, такъ и потребности того міра, который ихъ окружаетъ. Тогда они поймутъ, что эта польза и эти потребности совершенно сливаются между собою; поймутъ, что выгоднѣе и пріятнѣе увеличивать общее богатство страны, чѣмъ выманивать или выдавливать послѣдніе гроши изъ худыхъ кармановъ производителей и потребителей. Тогда капиталы наши не будутъ уходить за границу, не будутъ тратиться на безумную роскошь, не будутъ ухлопываться на безполезныя сооруженія, а будутъ прилагаться именно къ тѣмъ отраслямъ народной промышленности, которыя нуждаются въ ихъ содѣйствіи. Это будетъ дѣлаться такъ потому, что капиталисты во-первыхъ будутъ правильно понимать свою выгоду, а во-вторыхъ будутъ находить наслажденія въ полезной работѣ. Это предположеніе можетъ показаться идиллическимъ, но утверждать, что оно неосуществимо, значитъ утверждать, что капиталистъ не человѣкъ, и даже никогда не можетъ сдѣлаться человѣкомъ. Что касается до меня, то я рѣшительно не вижу резона, почему сынъ капиталиста не могъ бы сдѣлаться Базаровымъ или Лопуховымъ, точно такъ же какъ, сынъ богатаго помѣщика сдѣлался Рахметовымъ. Для того, чтобы подобныя превращенія были возможны и даже обыкновенны, необходимо только, чтобы въ нашемъ обществѣ постоянно поддерживалась та свѣжая струя живой мысли, которую вноситъ къ намъ зарождающееся естествознаніе. Если всѣ наши капиталы, если всѣ умственныя силы нашихъ образованныхъ людей обратятся на тѣ отрасли производства, которыя полезны для общаго дѣла, тогда,

Digitized by Google

разумѣется, дѣятельность нашего народа усилится чрезвычайно, богатство его будетъ возрастать постоянно, и качество его мозга будетъ улучшаться съ каждымъ десятилѣтіемъ. А если народъ будетъ дѣятеленъ, богатъ и уменъ, то что же можетъ помѣшать ему сдѣлаться счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Конечная цѣль лежитъ очень далеко, и путь тяжелъ во многихъ отношеніяхъ; быстраго успѣха ожидать невозможно; но, если этотъ путь, къ счастію, путь умственнаго развитія, оказывается необходимымъ, единственно вѣрнымъ путемъ, то это вовсе не значитъ, чтобы слѣдовало исключить изъ исторіи всѣ двигатели событій, кромѣ опытной науки. Народное чувство, народный энтузіазмъ остается при всѣхъ своихъ правахъ; если они могутъ привести въ цѣли быстро, пускай приводятъ. Но литература тутъ ни при чемъ; оно ничего не можетъ сдѣлать ни для охлажденія, ни для разогрѣванія народнаго чувства и энтузіазма; тутъ дѣйствуютъ только историческія обстоятельства; журналистика старается обыкновенно попадать въ тонъ общаго настроенія, но это попаданіе содѣйствуетъ только успѣху журнала, но вовсе не приноситъ пользы важному и общему дѣлу. Литература можетъ приносить пользу только посредствомъ новыхъ идей; это ея настоящее дѣло, и въ этомъ отношеніи она не имѣетъ соперниковъ. — Если даже чувство и энтузіазмъ приведутъ къ какому нибудь результату, то упрочить этотъ результатъ могутъ только люди, умѣющіе мыслить. Стало быть, размножать мыслящихъ людей — вотъ альфа и омега всякаго разумнаго общественнаго развитія. Стало быть естествознаніе составляетъ въ настоящее время самую животрепещущую потребность нашего общества. Кто отвлекаетъ молодежь отъ этого дѣла, тотъ вредитъ общественному развитію. И потому еще разъ скажу г. Щедрину: пусть читаетъ, размышляетъ, переводитъ, компилируетъ, и тогда онъ будетъ дѣйствительно полезнымъ писателемъ. При его умѣньи владѣть русскимъ языкомъ, и писать живо и весело, онъ можетъ быть очень хорошимъ популяризаторомъ. А Глуповъ давно пора бросить.

Д. Писаревъ.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Общая исторія Италіи съ 1846 по 50 годъ. Сочиненіе Дівго Соріа, переводъ Качаловскаго. Изданіе Висковатова. Спб. 1863 Общее землевѣденіе Карла Риттера; лекціи, читанныя въ берлинскомъ университетѣ и изданныя Г. А. Даніелемъ. Переводъ Я. Вейнберга. Изданіе Глазунова. М. 1864.—Исторія землевѣденія и открытій по этому предмету; лекціи Карла Риттера, читанныя въ берлинскомъ университетѣ, изданныя Г. А. Даніелемъ, переводъ подъ ред. Н. Бакста (съ портретомъ автора) Изданіе О. Бакста. Спб. 1864.—Характеристики изъ сравнительнаго землеописанія и этнографіи, собранныя и приспособленныя для домашняго и школьнаго образованія В. Пютца; переводъ Тихоновича. Часть 1 (выпускъ 1 и 2). Изданіе Юргенсона. М. 1861 и 1864.—Сборникъ историческихъ очерковъ В. Пютца, учебное пособіе для учащихся и преподавателей, перевелъ Л Чацкинъ. Часть I. Древній міръ, выпускъ 1-й М. 1864 —Отечествовѣденіе. Россія по разсказамъ путешественниковъ и ученымъ изслѣдованіямъ; учебное пособіе для учащихся, составилъ Д. Семеновъ. Изданіе Черенина и Михайловича. Спб. 1864.— Сочиненія Майнъ Рида Охотничьи разсказы изъ жизни африканскихъ и американскихъ обитателей. Томъ I. Изданіе Вольфа. Спб. 1864.

Въ іюльской книжкѣ прошлаго года я говорилъ съ читателями о первомъ выпускѣ прекраснаго, но испорченнаго скверпымъ переводомъ сочиненія Д. Соріа: «Исторія Италіи съ 1846—50 г.» Въ первомъ выпускѣ былъ представленъ обзоръ событій, предшествовавшихъ революціи 1848 и описывалось начало ея, положенное неаполитанскими событіями. Вышедшій теперь второй выпускъ этой книги заключаетъ въ себѣ описаніе хода революціи отъ возстанія въ Миланѣ до войны Карла Альберта съ Австріей, т. е. самые счастливые и радужные дни ея.

Война съ точки зрѣнія отвлеченной, нравственной, война, какъ принципъ, разсматриваемая на основаніи теоріи абсолютной справедливости, является какъ величайшее зло, какъ одно изъ самыхъ страшныхъ бѣдствій, поражающихъ человѣчество; даже съ исторической точки зрѣнія — война остается тѣмъ же зломъ. Нельзя себѣ представить ничего нелѣпѣе разсужденія старыхъ историковъ о такихъ предметахъ, какъ война, когда они хотятъ оправдать ихъ, ис-

Digitized by Google

числяя разныя благодѣтельныя послѣдствій войны: послѣдствія могутъ быть хороши, но они вовсе не оправдываютъ войны, ни въ глазахъ ея современниковъ, ни въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній. Можно ли утѣшить людей, которыхъ рѣжутъ, грабятъ, обременяютъ налогами, у которыхъ отнимаютъ сыновей и ведутъ ихъ на смерть, жгутъ имущество, истребляютъ поля — можно ли этихъ людей утѣшить и заставить забыть все это, говоря имъ, что бѣдствія ихъ будутъ полезны ихъ потомкамъ? Можно ли также убѣдить кого бы то ни было, что онъ долженъ считать войну благомъ, потому что ей онъ обязанъ тѣми или другими преимуществами? Какъ бы онъ ни цѣнилъ эти преимущества, но война все-таки остается для него войною, т. е. зломъ. Никакими софизмами и увертками, никакой діалектикой нельзя никого убѣдить, что война есть вещь полезная и хорошая. Когда она является, какъ необходимость, когда желаютъ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ войны, когда считаютъ священной обязанностью выступать на бой съ врагами, то и тогда все-таки можно лишь согласиться съ тѣмъ, что война есть необходимое въ данномъ случаѣ зло, а все-таки зло, и самый запальчивый боецъ предпочелъ бы достигнуть цѣли безъ войны. Войну для войны могутъ любить и находить благомъ только разбойники, кондотьеры и искатели приключеній, однимъ словомъ всѣ тѣ, которые стремятся къ цѣли, недостижимой безъ войны, какъ напримѣръ, овладѣть безъ труда богатствомъ или получить славу великаго завоевателя.

Люди, видящіе тѣ условія, которыя порождаютъ войну и считающіе возможнымъ устраненіе ихъ въ будущемъ, могутъ надѣяться, что потомки ихъ не будутъ терпѣть всѣхъ ужасовъ и бѣдствій войны, что, наконецъ, водворится миръ и людей перестанутъ рѣзать, какъ барановъ. Эти люди очень хорошо понимаютъ, что условія, порождающія войну, въ свою очередь не основываются на высокихъ началахъ и не могутъ быть защищаемы кодексомъ нравственности, потому что прямо противуположны всякому понятію о нравственности. Война, такимъ образомъ,—разсматриваемъ ли мы ее въ прошедшемъ, въ настоящемъ или въ будущемъ, — исключаетъ всякую нравственность, кромѣ нравственности мародеровъ и завоевателей.

Изъ этого ясно, что, разсматривая войну, какъ фактъ, мы не можемъ отыскивать въ ней или примѣнять къ ней никакихъ нравственныхъ принциповъ. Когда мы видимъ передъ собой насиліе, то будемъ ли мы отыскивать въ немъ справедливость? Такое смѣшеніе

Digitized by Google

двухъ противуположныхъ понятій могло происходить только въ средніе вѣка. Но средніе вѣка отличались именно разбойническимъ характеромъ, слѣдовательно не мудрено, что ихъ рыцари, кондотьеры и завоеватели, примѣняя къ войнѣ свои понятія о справедливости и нравственности, могли совмѣщать понятія для насъ несовмѣстимыя. Но дѣло въ томъ, что ихъ нравственность была основана на грабежѣ и эксплуатаціи, и слѣдовательно, какъ нельзя лучше подходила къ принципу войны. По ихъ мнѣнію казалось весьма великодушнымъ пощадить жизнь ограбленнаго и всячески изобиженнаго непріятеля; историки единогласно, напримѣръ, восхваляютъ рыцарскую честь и великодушіе короля Іоанна, возвратившагося добровольно въ плѣнъ, не будучи въ состояніи заплатить выкупа; а между тѣмъ этотъ образцовый, по тогдашнимъ понятіямъ, рыцарь не считалъ предосудительнымъ спекулировать фальшивой монетой. Благороднѣйшіе вожди крестоносцевъ только и помышляли о томъ, какъ бы надуть другъ друга, и вообще, грабежъ, продажность, вѣроломство и другіе постунки, ведущіе теперь на галеры и висѣлицу, не мѣшали доброй славѣ благородныхъ рыцарей. Бертранъ Дюгесклень былъ разбойникъ, Оливье де-Манни — вѣроломный плутъ, Франциск Сфорца — кондотьеръ, Ричардъ Львиное—Сердце и Леопольдъ Красивый—грабители, Франциск I «послѣдній рыцарь» — соединялъ въ себѣ всѣ эти качества, которыя не препятствовали всѣмъ этимъ господамъ слыть цвѣтомъ средневѣковаго геройства. Поэтому вносить въ войну принципъ нравственности — можно было тогда, когда самая нравственность имѣла характеръ рыцарскій.

Теперь же такое смѣшеніе невозможно; надо выбирать: или воевать или толковать о морали и добродѣтеляхъ; смѣшивать же эти понятія въ то время, когда всѣмъ извѣстно, что гуманность есть гуманность, а не разбойничество или убійство—невозможно; даже не только логически невозможно, но и фактически, и всякая попытка совмѣстить столь враждебные принципы влечетъ за собой самые плачевные результаты.

Все это необходимо имѣть въ виду, чтобы вѣрно судить о событіяхъ 1848 года.

Въ первыхъ числахъ января этого года дѣла дошли въ Миланѣ и Венеціи до крайняго состоянія. Радецкій не имѣлъ основанія думать, что народонаселеніе Ломбардіи питаетъ особенную нѣжность къ австрійцамъ, но, имѣя 85 тысячь войска, онъ былъ увѣренъ, что, въ

Digitized by Google

случаѣ открытаго возстанія, побѣда будетъ на его сторонѣ. Но къ его великому огорченію миланцы не спѣшили навлечь на себя австрійскія пули, ядра и штыки: неудовольствіе выражалось молчаливо и спокойно. Радецкій, хваставшій, что повторитъ въ Италіи галиційскую рѣзню, тщетно поручалъ своей полиціи составлять заговоры, а своимъ офицерамъ и солдатамъ раздражать—народонаселеніе дерзостями. Но граждане ограничивались тѣмъ, что не курили и выражали свои чувства слѣдующимъ образомъ:

«Народъ, говоритъ Діего Соріа, не посѣщалъ спектаклей; всѣ были въ траурѣ; передъ окнами тюрьмы мужчины снимали шляпы, женщины махали платками» (стр. 271). «Едва было получено извѣстіе о побѣдѣ палермцевъ, какъ огромная масса народа собралась въ соборную церковь для принесенія побѣдной благодарности Богу».

3 января драгуны изрубили на улицахъ человѣкъ сто гражданъ, тюрьмы были биткомъ набиты; хватали встрѣчныхъ и поперечныхъ, но народъ молчалъ и только выселялся изъ тѣхъ улицъ, гдѣ совершались убійства. А Радецкій, между тѣмъ, то и дѣло что издавалъ разныя постановленія о военныхъ положеніяхъ, чрезвычайныхъ законахъ и правилахъ, экстраординародныхъ коммисіяхъ и т. д., какъ вдругъ было получено извѣстіе о вѣнской революціи, и возстаніе Италіи вдругъ вспыхнуло на нѣсколькихъ пунктахъ.

Во главѣ возстанія въ Миланѣ находились два человѣка совершенно противоположныхъ свойствъ. Миланскій меръ, графъ Казати, былъ доселѣ рабомъ австрійцевъ. Но, видя, что возстаніе неизбѣжно и что австрійское могущество, подорванное вѣнской революціей, можетъ быть разрушено въ Италіи народнымъ движеніемъ, онъ отъ Австріи обратился къ Сардиніи и, намѣреваясь дѣйствовать въ пользу Карла Альберта, рѣшился стать во главѣ движенія. Впрочемъ, онъ вовсе не былъ убѣжденъ въ томъ, что австрійцы проиграютъ въ начинавшейся игрѣ, и потому хотѣлъ сыграть двойственную роль между обѣими партіями, пока время не покажетъ ему, къ какой выгоднѣе пристать.

Карлъ Каттанео, глава народной партіи, «которая», говоритъ Д. Соріа, «имѣла главною цѣлью благо отечества, а не интересы касты и двора».

Онъ, продолжаетъ авторъ, «отвергалъ систему италіянскаго единства; онъ говорилъ, что единство не можетъ установиться безъ при-

Digitized by Google

нужденія, а потому и не можетъ обойтись безъ участія монархіи». (стр. 287). Къ монархіи же Каттанео не былъ расположенъ и не видѣлъ особенной выгоды промѣнять австрійцевъ на сардинцевъ или на кого бы то ни было. «Онъ былъ противъ союза Ломбардіи съ Пьемонтомъ, говоря, что предпріятіе гражданъ состоитъ въ завоеваніи свободы и независимости, и что поэтому онъ не хочетъ той независимости, которою пользуются въ Австріи». (ibid). О Карлѣ Альбертѣ, который между тѣмъ «подписывалъ смертные приговоры, заключалъ въ темницы, проливалъ кровь за одинъ крикъ: да здравствуетъ Пій IX!» — объ этомъ Пьемонтскомъ Филиппѣ II Каттанео былъ весьма не лестнаго мнѣнія. «Карлъ Альбертъ не любитъ свободы, да и не можетъ ее любить», говорилъ онъ. Д. Соріа приводитъ (стр. 324) слѣдующія слова Каттанео, сказанныя имъ миланскимъ аристократамъ:

> Сдаваясь Карлу Альберту на условіяхъ, вы поступите болѣе, чѣмъ неблагоразумно, и заключать условія теперь не время; словомъ, ваше положеніе напоминаетъ бѣднаго передъ дверью ростовщика. Скажите, остались ли вы довольны своей сдачей австрійскому дому въ 1814 году?

Трудно было найти человѣка болѣе умнаго, болѣе благороднаго, болѣе самоотверженнаго и безкорыстнаго, болѣе проникнутаго любовью къ свободѣ и даже лучше понимающаго положеніе дѣлъ, потребности времени и характеры современниковъ. Но не смотря на все это, Каттанео былъ однимъ изъ числа тѣхъ людей, которые погубили итальянскую свободу въ 1848 г. Какъ и почему—мы увидимъ ниже, а пока обратимся къ событіямъ. Уже при первомъ порывѣ народа Радецкій долженъ былъ удалиться съ войскомъ въ цитадель; въ городѣ за нимъ осталось только нѣсколько зданій; владѣя ими, австрійцы причиняли гражданамъ большой вредъ. Съ колокольни собора они стрѣляли не только въ вооруженные отряды гражданъ, но и убивали женщинъ и дѣтей, остававшихся въ домахъ или проходившихъ по улицѣ. Дѣлая набѣги на улицы изъ своихъ притоновъ, австрійцы, между прочимъ, убили священника въ церкви св. Варѳоломея, грабили, насиловали женщинъ.

> «Изъ семейства Фортисъ они убили одинадцать безоружныхъ человѣкъ и разграбили все, что было въ домѣ. На трупѣ одного солдата нашли женскую руку, украшенную кольцомъ; они вѣшали плѣнныхъ на де-

Digitized by Google

ревьяхъ, безчестили даже мертвыя тѣла невинныхъ дѣвушекъ. вздѣвали на штаги малыхъ дѣтей и сжигали многія семейства» (293).

«Было найдено восемь дѣтей, изъ которыхъ одни были разбиты объ стѣну, другіе брошены на землю и раздавлены ногами. Нашли двоихъ пригвожденныхъ къ ящику. Двое были сожжены на скапидарѣ; одинъ ребенокъ, проткнутый штыкомъ, былъ пригвожденъ къ дереву, на которомъ онъ корчился въ жестокой агоніи предъ глазами своей матери. Другой, еще грудной ребенокъ, ради какой-то звѣрской штуки, былъ брошенъ на трупъ матери, чтобъ продолжать сосать уже остывшую грудь. Другой былъ разсѣченъ на двое: обѣ половины разсѣченнаго трупа были связаны его же кишками. Пять дѣтскихъ головъ были положены передъ глазами ихъ умиравшихъ отцовъ; зародышъ, вырванный изъ утробы матери, служилъ игрушкою злодѣямъ. Въ мѣшкѣ одного кроата найдена была женская рука, на которой были кольца. Многимъ были выколоты глаза, отрѣзаны языкъ, руки и ноги. Эти чудовища сперва мучили людей, а потомъ убивали ихъ штыками. Нѣсколько человѣкъ было сожжено въ извести, другіе были заживо похоронены въ водосточныхъ трубахъ и колодцахъ. Иныхъ сожигали, обмазавъ предварительно смолой. Восемь обгорѣлыхъ труповъ были найдены въ гостинницѣ у воротъ Тоза; столько же въ другой гостинницѣ у воротъ Верцеллина; девять труповъ—въ рощѣ близь Тессинскихъ воротъ были найдены раздавленными и страшно изуродованными. Видны были слѣды усилій, которыя употребляла одна несчастная женщина, чтобы спастись изъ камина. Я умалчиваю объ убійствахъ, совершенныхъ въ домахъ, надъ спящими въ постеляхъ и въ другихъ мѣстахъ. Одного заставили стать на колѣна на трупъ его родного брата, и въ этомъ положеніи онъ былъ заколотъ штыкомъ. Двое несчастныхъ, отецъ и сынъ, были вмѣстѣ повѣшены на бульварномъ деревѣ. Сынъ Маріи Беллани былъ сожженъ. Братъ и сынъ Джіованно Піатти были умерщвлены (*)». (Гарнье-Пажесъ. Исторія революціи 1848 года. Т. I. стр. 89—70).

По всему этому видно, что австрійцы понимали войну, какъ войну, и были далеки отъ мысли считать ее чѣмъ-то въ родѣ дуэли между двумя маркизами, гдѣ прежде, чѣмъ убить противника, надо расшаркаться передъ нимъ.

Не смотря на энергію Радецкаго и звѣрскую жестокость его дикихъ ордъ, онъ долженъ былъ просить перемирія. Хотя миланцы обращались съ плѣнными шпіонами и офицерами, какъ съ друзьями, возвратившимися изъ далекаго путешествія, тѣмъ не менѣе Радецкій былъ не доволенъ ими за то, что они, по его словамъ, имѣли без-

(*) Кантю. Исторія итальянскихъ революцій.

Digitized by Google

содѣйствовать захватить его войска въ расплохъ, *противъ международнаго права*. Это доказываетъ, что престарѣлый фельдмаршалъ соединялъ въ себѣ мужество и энергію воина съ мудростью и ученостью законовѣда, потому что умѣлъ также хорошо располагать всѣми параграфами международнаго права, какъ и австрійскими батальонами. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ его не столько занимало нарушеніе гражданами международнаго права, сколько мысль дождаться изъ Пьяченцы бомбъ, чтобы бомбардировать городъ, имѣвшій безчеловѣчіе не предувѣдомить его заблаговременно о своемъ намѣреніи возстать. Съ этой цѣлью онъ отправилъ къ итальянцамъ кроатскаго майора Эттенгаузена просить трехдневнаго перемирія. Итальянцы о бомбахъ не знали, но любопытство ихъ было возбуждено другимъ обстоятельствомъ, а именно, они хотѣли знать: «гдѣ ручательство за то, что ночью граждане не будутъ арестованы и отправлены на висѣлицу»? Этимъ вопросомъ кроатъ, исполненный чувства военной чести, оскорбился до крайности и не безъ основанія, потому что дѣйствительно о такой штукѣ не помышляли, а имѣли другое намѣреніе, а именно на счетъ бомбъ.

Но такъ какъ перемирія не было дано, то 25 марта, послѣ борьбы, продолжавшейся съ недѣлю, Радецкій вечеромъ выступилъ изъ города. Ночью миланцы увидѣли зарево пожара: это Радецкій жегъ своихъ убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ на гигантскомъ кострѣ. Подобное ауто-да-фе можетъ показаться страннымъ, особенно вспомнивъ, что оно происходило не долѣе 16 лѣтъ тому назадъ; но Д. Соріа говоритъ, что это фактъ вполнѣ доказанный (стр. 310).

Но мы сейчасъ увидимъ, что итальянцы имѣли о войнѣ понятія, приносящія честь не столько ихъ разсудительнымъ способностямъ, сколько свидѣтельствующія о добротѣ ихъ сердца.

Въ Венеціи возстаніе вспыхнуло почти въ одно время съ миланскимъ. Здѣсь дѣло обошлось безъ особеннаго кровопролитія, потому что австрійцы были слабѣе числомъ и поэтому добрѣе. Сначала они хотѣли отдѣлаться хитростію и дешевыми уступками, находя для себя выгоднымъ уступить то, чего нельзя было защищать. Губернаторъ графъ Пальфи, плутъ первой руки, даже выразилъ радость и удовольствіе быть первымъ градоначальникомъ конституціонной Венеціи.. Генералъ Мартини выслалъ изъ города арсенальнаго начальника полковника Мариновича, о личности котораго лучше всего можно получить понятіе, вспомнивъ майора въ «Мертвомъ домѣ».

Digitized by Google

Этотъ полков-никъ вѣроятно считалъ свое присутствіе въ арсеналѣ необходимымъ, потому что вскорѣ возвратился туда. Тогда мастеровые убили его.

Подобное происшествіе, столь естественное въ такое время, когда въ Миланѣ варили итальянцевъ въ скапидарѣ, почему-то сильно интересуетъ всѣхъ, описывающихъ событія этой эпохи. Даже Д Сорія говоритъ: «нѣсколько презрѣнныхъ бросились на него и убили», но дальше продолжаетъ такъ:

> Намѣреніе Манина принять подъ свое знамя мастеровыхъ, *этихъ гнусныхъ убійцъ Марковича*, поразило ужасомъ всѣхъ честныхъ агитаторовъ, которымъ суждено было стать въ головѣ движенія въ другихъ италіянскихъ государствахъ. Но эти честные агитаторы самымъ несчастнымъ образомъ погубили свое отечество, между тѣмъ какъ Венеція пала послѣднею и пала со славою! Революція—бичъ человѣчества, и поэтому тѣ честные люди, о которыхъ я буду говорить позже, поступали весьма благоразумно, не принимая въ ней участія. Но кто посвятилъ себя дѣлу революціи, тотъ не можетъ безнаказанно не подчиняться ея ужаснымъ условіямъ; желать же участвовать въ революціи съ закономъ въ одной рукѣ и съ катихизисомъ въ другой—все равно, что добровольно подставлять шею подъ палку. Нельзя не возмутиться при мысли объ этой *подлой* и *ничѣмъ не оправдываемой* жестокости венеціанскихъ мастеровыхъ; но Венеціи грозило бомбардированіе, и Манинъ могъ разсчитывать только на революціонную силу; мастеровые же составляли самую сильную партію, а потому Манинъ не могъ обойтись безъ нихъ». (стр. 277).

Эти слова весьма справедливы, хотя нѣкоторыя выраженія, попадающіяся въ нихъ, противорѣчатъ общей мысли. Дѣйствительно, или воевать, или серьозно толковать о законѣ и справедливости. Честные же агитаторы воображали, что можно защищаться великодушіемъ отъ нападенія враговъ. Впрочемъ напрасно они ужасались кровожадности Манина, который самъ былъ умилительно наивенъ и не задумался отправить коварнаго Пальфи въ Тріестъ. Экс-губернаторъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ велѣть австрійской эскадрѣ овладѣть венеціянскими судами, прежде чѣмъ моряки узнали о событіяхъ въ своемъ городѣ. Такимъ образомъ, Венеція лишилась флота, что не мало способствовало плачевному исходу дѣла; за то на этотъ разъ честные агитаторы и историки — моралисты не могли упрекнуть Манина за несоблюденіе вѣжливости относительно графа Пальфи.

Этого упрека, равно какъ и обвиненія въ честолюбіи, властолюбіи и другихъ «гнусныхъ» порокахъ честные агитаторы боялись

Digitized by Google

пущ е австрійцевъ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ они дѣйствовали подъ вліяніемъ этого страха.

Въ Миланѣ еще продолжался бой на барикадахъ, когда начались интриги аристократіи въ пользу Карла Альберта; другими словами, миланцы еще не вылезли изъ кулька, а заботливые патриціи уже готовили имъ рогожку. Они были бы готовы немедленно провозгласить Карла Альберта, но на ихъ бѣду вся дѣйствительная власть принадлежала не ихъ трусливой шайкѣ, а людямъ, дравшимся на улицахъ вмѣстѣ съ народомъ. Пока сраженіе продолжалось, до тѣхъ поръ въ Миланѣ была одна только власть—предводители народа, во главѣ которыхъ стоялъ Каттанео. Но Каттанео уже на первыхъ порахъ выказалъ, что онъ гораздо способнѣе написать трактатъ объ обязанностяхъ христіанина, чѣмъ стоять во главѣ народнаго движенія. Съ его стороны было очень благоразумно не соглашаться на превозглашеніе республики, покуда Радецкій былъ въ Миланѣ, по тому что онъ могъ не безъ основанія полагать, что аристократы рѣшатся въ такомъ случаѣ на самую рѣшительную измѣну. Но странно было, что онъ допускалъ Казати, который ожидалъ сначала себѣ петли, мало по малу не только ободриться, но и дѣлать распоряженія, несогласныя съ видами Каттанео. Казати все болѣе и болѣе забиралъ въ свои руки власть, назначалъ своихъ друзей-аристократовъ и бывшихъ австрійскихъ полицейскихъ, какъ Дурини, Порро, Гачіарди, Грацелли членами муниципалитета, противился учрежденію временнаго правительства и призванію на службу опытныхъ офицеровъ. При этомъ онъ прямо говорилъ, что «я не хочу окружать себя людьми, запятнавшими свое имя участіемъ въ возмущеніи 1815 года». Правда, Казати съ своимъ муниципалитетомъ не имѣлъ никакого значенія, и учрежденный Каттанео военный совѣтъ вполнѣ замѣнялъ временное правительство, но такъ какъ онъ не предпринялъ ничего, чтобъ воспрепятствовать Казати достигнуть интригами власти, то вскорѣ потерялъ добровольно всѣ выгоды своего положенія.

Когда побѣда явно склонилась на сторону гражданъ, Казати сталъ сильно опасаться, чтобы военный совѣтъ не объявилъ себя временнымъ правительствомъ. Члены этого совѣта, особенно храбрый Чернуски, дѣйствительно намѣревались сдѣлать это, чтобъ, взявъ въ свои руки власть, помѣшать дальнѣйшимъ плутнямъ аристократіи. Чернуски уже написалъ прокламацію и требовалъ, чтобы Каттанео

Digitized by Google

подписалъ ее. Но Каттанео гораздо болѣе помышлялъ о самомъ себѣ и о своей репутаціи, чѣмъ объ успѣхѣ дѣла, и отказался принять власть. Тогда партія Казати ободрилась и, видя ничтожество и недѣятельность ненавистныхъ демократовъ, объявила себя временнымъ правительствомъ. Каттанео, какъ человѣкъ вполнѣ благонамѣренный, послушно отказался даже отъ той власти, которую имѣлъ, и на другой день военный совѣтъ былъ уничтоженъ.

Аристократы еще до изгнанія австрійцевъ завели переговоры съ Карломъ Альбертомъ. Сначала казалось, что переговоры эти не могутъ увѣнчаться успѣхомъ, потому что во-первыхъ партія аристократовъ была слаба, а Каттанео, какъ мы выше видѣли, былъ весьма не расположенъ къ сардинскому королю; во-вторыхъ и самъ Карлъ Альбертъ былъ мужъ ума зрѣлаго и опытнаго и не могъ увлекаться глупой мечтой о чьей нибудь свободѣ, особенно когда эта свобода еще зависѣла отъ неравной борьбы почти безоружныхъ гражданъ съ многочисленнымъ войскомъ. Поэтому Карлъ Альбертъ, съ одной стороны, обуздывая арестами и казнями нетерпѣніе туринцевъ, желавшихъ идти на помощь Милану, съ другой—не переставалъ увѣрять австрійцевъ въ своей преданности; преданность эту онъ доказывалъ и фактами: не давалъ туринскимъ и генуэзскимъ волонтерамъ оружія и не выпускалъ ихъ за границу; покушался воспрепятствовать проходу изъ Швейцаріи отряда ломбардцевъ подъ начальствомъ Симонетти, и т. д. Миланскимъ аристократамъ, предлагавшимъ ему корону, онъ далъ отвѣтъ, смыслъ котораго можно выразить поговоркой: не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки.

Но вотъ до него доходитъ извѣстіе, что побѣда склоняется на сторону миланцевъ. Аристократы продолжаютъ звать его; но, будучи лучшаго мнѣнія о народныхъ вождяхъ миланцевъ, чѣмъ они заслуживали и, зная безсиліе аристократической партіи, Карлъ Альбертъ хотя и начинаетъ соблазняться такимъ жирнымъ кусомъ, какъ полѣзная корона, но опасается, что она не достанется ему, вслѣдствіе сопротивленія Каттанео и его товарищей, и что онъ совершенно даромъ будетъ вовлеченъ въ войну съ австрійцами. Поэтому онъ поручилъ интриговавшему въ Туринѣ миланскому патрицію, графу Мартини, съѣздить въ Миланъ и продать гражданамъ свою королевскую помощь за корону Ломбардіи. Но, вѣроятно, онъ сильно сомнѣвался, чтобы, въ случаѣ побѣды гражданъ, они рѣшились покупать

Digitized by Google

у него эту помощь цѣной только-что завоеванной свободы; поэтому онъ продолжалъ дѣйствовать такъ, какъ будто бы намѣревался оставаться вѣрнымъ другомъ Австріи. Но вдругъ обстоятельства измѣнились. Вечеромъ 23-го марта, послѣ окончательной побѣды миланцевъ, Мартини прибылъ въ Туринъ.

«Отвѣтъ, привезенный имъ изъ Милана», говоритъ Д. Соріа, «мало льстилъ честолюбію Карла Альберта, который, узнавши, что ломбардцы не хотятъ признать его своимъ королемъ, можетъ быть и не рѣшился бы на войну, еслибъ не примѣшалась къ этому болѣе побудительная причина. Мартини объявилъ, что побѣдившіе ломбардцы, сильно вооруженные и поощренные настоящими успѣхами, не замедлятъ провозгласить у себя республику, если пьемонтская армія не поспѣшитъ предупредить ихъ. При этихъ словахъ Карлъ Альбертъ поблѣднѣлъ; у него вдругъ мелькнула мысль, что и пьемонтцы, увлеченные примѣромъ ломбардцевъ, могутъ захотѣть подражать имъ, и потому обладаніе ломбардской короной отошло для него на второй планъ; теперь онъ дрожалъ при мысли о торжествѣ республики въ Италіи, которая могла поставить въ сомнительное положеніе его собственную власть: вотъ почему онъ рѣшился на войну, не будучи даже приготовленъ къ ней. Онъ спѣшилъ въ Ломбардію, какъ будто для того, чтобы потушить тамъ страшный пожаръ». (стр. 311).

Другими словами ему представлялась дилемма: или и журавль и синица, или ни того, ни другого; разумѣется, онъ выбралъ первое, и въ тотъ же вечеръ подписалъ объявленіе войны Австріи. Кромѣ того его смущало другое обстоятельство. Судя по себѣ и по своимъ товарищамъ, которымъ вовсе не нужно было изучать Макіавелли, чтобы быть послѣдовательными, онъ предполагалъ, что вожди миланцевъ и венеціянцевъ предпочтутъ, въ случаѣ надобности, обратиться за помощью къ республикѣ французской, чѣмъ къ тому, кто былъ столько лѣтъ врагомъ Италіи и другомъ Австріи и позорно измѣнилъ итальянцамъ въ 1831 году. Съ другой стороны, онъ полагалъ, что и французское республиканское правительство не откажется подать руку помощи республиканскому принципу въ Италіи, особенно въ виду всеобщаго вооруженія противъ него монархической и унитарной Европы. Призракъ Франціи, помогающей Италіи, не давалъ спокойно спать ни одному дипломату отъ Неаполя до Лондона. «Любезный другъ», писали они другъ другу: «Любезный другъ, лордъ Пальмерстонъ, сверженіе Людовика Филиппа, учрежденіе республики во Франціи внушили всѣмъ ужасъ. Помощь ея тамъ же

Digitized by Google

странна, нимъ и вражда.» (Гарнье-Пажесъ. т. I, стр. 190,233). Но если кто нибудь изъ представителей унитарнаго принципа болѣе другихъ боялся вмѣшательства Франціи, то, конечно, это былъ Карлъ-Альбертъ.

«Ломбардо—Венеціянское правительство», говоритъ Д. Соріа, «стряхнуло съ себя австрійское иго; овладѣвъ своей будущностью, оно могло или только ограничиться совершеннымъ завоеваніемъ независимости, или шагнуть дальше по пути свободы. Манини, провозгласивъ въ Венеціи республику, надѣялся, безъ сомнѣнія, возбудить этимъ сочувствіе французовъ. Сердца ломбардцевъ были также обращены къ нимъ. Такимъ образомъ Карлъ Альбертъ, желая отстранить вліяніе французовъ на Италію, не спѣшилъ оффиціально признать французскую республику. Вступая одинъ въ Ломбардію, онъ могъ бы силою своей арміи сдавить народныя стремленія,—и еслибъ вышелъ оттуда побѣдителемъ, то, разумѣется, удвоилъ бы свое королевство: выйди побѣжденнымъ, онъ могъ возвратить Австріи занятую имъ страну, и получилъ бы отъ нея благодарность, по крайней мѣрѣ, за то, что спасъ Италію отъ заразы и могущества Франціи. Возвратясь усталымъ въ свое государство, онъ во всякомъ случаѣ нашелъ бы успокоеніе на пьемонтскомъ тронѣ». (стр. 319).

Поведеніе его, правда, казалось неблаговиднымъ, но въ сущности намѣренія и цѣли его были таковы, что скорѣе обязывали Австрію благодарностью ему, чѣмъ враждою.

На случай недоразумѣнія онъ спѣшилъ изъяснить все это европейскимъ дипломатамъ, и, торгуясь съ миланцами изъ за своей помощи, онъ въ тоже время объяснялъ такимъ образомъ англійскому посланнику значеніе этой помощи:

«Охранять собственное существованіе есть первый долгъ и первая обязанность каждаго государства. Настроеніе провинцій и столицы способствуетъ распространенію волненія, готоваго въ самомъ непродолжительномъ времени перейти въ революцію, которая можетъ поставить тронъ въ большую опасность; послѣ французскихъ событій нельзя не признаться, что провозглашеніе республики въ Ломбардіи сильно угрожаетъ паденіемъ трону. Настроеніе умовъ въ Пьемонтѣ показываетъ, что и тамъ не замедлитъ обнаружиться подобное же движеніе. А потому, король поставленъ въ необходимость воспрепятствовать ломбардскому возстанію принять республиканскій характеръ, чтобы удалить отъ Пьемонта и всей Италіи катастрофу, которая будетъ непремѣннымъ слѣдствіемъ введенія у насъ подобной формы правленія.» (стр. 320).

Digitized by Google

Для всѣхъ этихъ благонамѣренныхъ цѣлей Карлъ Альбертъ издалъ 24 марта слѣдующую прокламацію:

Карлъ Альбертъ, Божіею милостію король Сардиніи, Кипра и Іерусалима и проч.

Народы Ломбардіи и Венеціи!

»Судьба Италіи приспѣла: счастливая будущность улыбается неустрашимымъ защитникамъ правъ, попранныхъ ногами (sic!).

Мы—ваши кровные друзья, понимающіе предстоящія времена и желающіе одного съ вами,—мы первые провозглашаемъ всеобщее удивленіе къ вамъ Италіи. (А не дальше 20-го числа *мы* стрѣляли въ турищевъ за провозглашеніе этого удивленія.)

Народы Ломбардіи и Венеціи!—Наше оружіе уже сосредоточивалось на вашей границѣ (sic, sic!!), когда вы предупредили наши желанія славнымъ освобожденіемъ Милана; теперь мы вамъ предлагаемъ въ вашихъ дальнѣйшихъ испытаніяхъ помощь, ожидаемую братомъ отъ брата и другомъ отъ друга (это вѣрно!).

Мы поможемъ вамъ исполнить ваши справедливыя желанія, полагая свои надежды на Бога, видимо нами покровительствующаго, на того Бога, который далъ Италіи Пія IX (но еще три дня тому назадъ *мы* разстрѣливали за крикъ: да здравствуетъ Пій IX!) и который своимъ чудотворнымъ дѣйствіемъ даетъ Италіи возможность самой устроить свою судьбу (pose l'Italia in grado di *fare da se*).« (Гарнье-Пажесъ Т. I. стр. 125—26).

»Лучше гибнуть подъ гнетомъ Австріи, чѣмъ спасаться при помощи французской республики: вотъ смыслъ роковыхъ словъ Italia farà da se,« говоритъ Д. Сорія (319).

Всѣ эти увертки, разумѣется, не повели бы ни къ чему и не могли бы сдѣлать того, что пришлось не по силамъ Радецкому съ его арміей, если бы въ Миланѣ и въ Парижѣ во главѣ правленія были люди, достойные довѣрія народа, а не сантиментальные и бездушные риторы или чувствительные мечтатели, заботившіеся только о своей репутаціи. Но мы видѣли, что Кттанео добровольно предалъ миланцевъ коснымъ аристократовъ; мы видѣли, что ясный взглядъ на вещи не помѣшалъ ему допустить Казати наложить себѣ носъ. Онъ только разсуждалъ о томъ, что Карлъ Альбертъ *долженъ* дѣйствовать безкорыстно, въ то время когда патриціи продавали ему Ломбардію. Манини былъ, правда, умнѣе и энергичнѣе, и не смотря на свою благонамѣренность, доходившую до того, что не хотѣлъ выйдти изъ тюрьмы безъ позволенія губернатора, бывшаго уже въ

никомъ народа, провозгласилъ республику и, сообразивъ, какъ выгоднѣе, а не какъ красивѣе, не твердилъ безсмысленныхъ фразъ въ родѣ Italia farà da se, а обратился за помощью къ Франціи.

Гарнье-Пажесъ краснорѣчиво разглагольствуетъ о храбрости командира и экипажа фрегата «Асмодей», посланнаго Франціей къ Венеціи. Этотъ фрегатъ и былъ единственной помощью, данной Италіи Ламартиномъ и его сподвижниками. Правда, Ламартинъ говорилъ много надутыхъ рѣчей и давалъ пропасть обѣщаній, но на дѣлѣ даже отказался *продать* венеціянскому правительству оружіе и канонирскія лодки, которыя оно желало купить. Ламартинъ, впрочемъ, откровеннѣе Гарнье-Пажеса и въ своей книгѣ говоритъ съ замѣчательнымъ безстыдствомъ о своемъ поведеніи въ это время, видимо, впрочемъ, любуясь и утѣшаясь собою и сохраняя для потомства всѣ сказанныя имъ въ это время рѣчи, въ которыхъ тупоуміе соперничаетъ съ мѣднолобіемъ.

(стр. 333). Заинтересованныя дѣломъблизкимъ къ сердцу, націи должны (если слушаться правилъ, подобныхъ Italia farà da se) дѣйствовать особо; но если онѣ подадутъ другъ другу руку и пожелаютъ держаться вмѣстѣ, зная, что народы торжествуютъ, только соединивъ свои силы, то по Ламартину это значитъ *нарушить политическую честность*?

Событія, послѣдовавшія въ Миланѣ, послѣ изгнанія австрійцевъ таковы, что незнаешь, чему болѣе удивляться,—наивности ли борцовъ за независимость или низости ихъ тайныхъ враговъ. Въ первый же день граждане, опасаясь возвращенія Радецкаго, просили разрушить цитадель, которая годилась только врагамъ ихъ, потому что, по обычаю всѣхъ цитаделей благоустроенныхъ государствъ, она могла служить не для защиты города, а для бомбардированія его самаго. Казати не согласился. Тогда граждане написали и напечатали прошеніе, въ которомъ повторили ту же просьбу. Но правители, видя, что имъ все сходитъ съ рукъ, не только не исполнили просьбу, но даже засадили въ тюрьму типографа Аньелли, напечатавшаго и Джерцаги, написавшаго прошеніе. Цитадель была, такимъ образомъ, сохранена, и когда Радецкій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернулся назадъ, то могъ снова бомбардировать городъ. Вообще временное правительство окончательно убѣдилось, что за измѣну и предательство

Digitized by Google

отвѣта быть не можетъ, и безъ церемоніи стало лишать Ломбардію средствъ къ защитѣ. Оно распустило 10,000 войска, приставшаго къ итальянцамъ «за бунтъ ихъ противъ Австріи» и, не стѣсняясь ничѣмъ, прямо объявило, что не желаетъ сильно преслѣдовать Радецкаго, потому что «было бы неучтиво самимъ совершенно окончить войну, пригласивъ Карла Альберта.» Казати дошелъ даже до того, что сказалъ, что «было бы безнравственно взять въ плѣнъ Радецкаго», и находились люди, восхищавшіеся такимъ предательскимъ великодушіемъ. Послѣ этого мы уже не удивимся, узнавъ, что однимъ изъ первыхъ распоряженій измѣнниковъ было уничтожить свободу слова. Каттанео же вполнѣ довольный тѣмъ, что не подалъ повода заподозрить себя въ честолюбіи, занимался сочиненіемъ писемъ къ разнымъ націямъ. Д. Соріа приводитъ (стр. 467—70) слѣдующее письмо его къ венгерцамъ:

«Храбрые венгерцы! между плѣнными и раненными, которые достались намъ послѣ пятидневной битвы, есть многіе изъ вашей благородной страны. Теперь мы возвращаемъ вамъ духовныхъ лицъ, потому что священный санъ избавляетъ ихъ отъ законовъ войны, и, наконецъ мы отправляемъ ихъ для того, чтобы они возвѣстили вамъ наше желаніе возвратить безъ выкупа или обмѣна всѣхъ другихъ плѣнныхъ и раненныхъ венгерцевъ. Съ этой цѣлью мы посѣтили госпитали и сдѣлали распоряженіе розыскать плѣнныхъ венгерцевъ въ другихъ городахъ. Когда мы собираемъ ихъ всѣхъ въ Павіи или Кремонѣ, то будемъ ожидать присылки вашихъ комиссаровъ, которые должны будутъ заняться отправленіемъ ихъ на параходахъ по рѣкѣ По и Адріатическому морю до Тріеста. Пустъ будетъ на нихъ милость Божія, такъ какъ Богу угодно было нашей побѣдой избавить ихъ отъ службы въ арміи невольниковъ. Свидѣтели тѣхъ страшныхъ опасностей, которыя преодолѣлъ нашъ народъ, почти безоружный, они вамъ разскажутъ примѣры неслыханной жестокости приверженцевъ тиранніи. Когда они вамъ будутъ говорить о старикахъ, женщинахъ, дѣтяхъ, изрубленныхъ въ куски, сожженныхъ живыми, вы поймете изъ какой страшной бездны вынесъ насъ Господь. Когда они прибавятъ къ этому, что не смотря на всѣ ужасы тиранніи, нашъ раздраженный народъ принималъ, какъ братьевъ, раненныхъ и плѣнныхъ, вы увидите, на сколько онъ достоинъ дружбы всѣхъ благородныхъ людей и отбросите въ сторону ту недовѣрчивость и ненависть, которыя стараніями придворныхъ лисицъ поселились между вами и нами. Венгерцы! 28-го апрѣля 1814 года, четыре недѣли спустя послѣ паденія Парижа, мы добровольно и охотно приняли австрійскую армію въ нашъ городъ, съ тѣмъ, чтобъ принцъ изъ дома Маріи Терезіи управлялъ нами, какъ независимымъ государствомъ. Съ тѣхъ поръ, міро-

Digitized by Google

должение тридати четырехъ лѣтъ, мы терпѣли вероломныя притѣсненія и постоянныя грабительства: но величайшимъ для насъ оскорбленіемъ было то, что насъ и всѣхъ нашихъ соотечественниковъ представили передъ глазами цѣлаго свѣта, какъ выродившееся и трусливое поколѣніе. (*) Кровь 300,000 воиновъ, оросившая въ войнахъ Франціи поля Кольберга, Аустерлица, Рааба, Жироны, Валенціи, Каттаро, Малоярославца, Бауцена, Дрездена, Ганау и Мантуи не доставила намъ чести и спасенія. Благодаримъ Бога, что онъ послалъ намъ, наконецъ, картечныя схватки въ Миланѣ и Палермо. Народъ нашъ можно сравнить теперь съ дворяниномъ, который дуэлью уничтожилъ клевету. Этотъ народъ протягиваетъ вамъ руку, освященную побѣдой, но не запятнанную мщеніемъ и жестокостію. Онъ не проситъ у васъ дружбы, связывавшей прежде тѣхъ самыхъ сподвижниковъ, которыхъ теперь судьба заставляетъ сражаться другъ противъ друга. Пусть, наконецъ, Богъ смягчитъ сердца народныхъ *управителей* (?), которые направляютъ народъ на рѣзню другъ съ другомъ. Велика бы была заслуга цивилизаціи нашего времени, еслибъ народы подымали мечь только для защиты родной земли. Венгрія, въ вѣковой борьбѣ съ оттоманами имѣла въ союзѣ съ одной стороны Венецію, а съ другой — Польшу. Вспомните, чѣмъ вы обязаны Италіи. Плугъ, который провелъ первыя борозды на берегахъ Тиссы, былъ италіянскій; италіянскими руками построенъ первый мостъ черезъ Дунай· все ваше отечество покрыто останками нашихъ предковъ. Италія вамъ дала христіанскую религію. Италія вамъ давала впродолженіи десяти вѣковъ языкъ алтарей и законовъ, главныя узы вашего народнаго единства. Слѣдуя законамъ новыхъ народныхъ правъ, мы можемъ смотрѣть на васъ, какъ на друзей, свободныхъ и довольныхъ въ неприкосновенныхъ предѣлахъ отечества. Послѣ побѣды для насъ всего дороже ваша дружба, она сдѣлаетъ насъ свободными.»

На это воззваніе венгерцы отвѣчали:

«Иностранецъ высасываетъ кровь и богатство Венгріи; при извѣстіи объ италіянской революціи мы отозвали свои полки. При чтеніи вашего адреса мы воскликнули, что преступная противъ васъ война не должна быть терпима, и мы отъ имени венгерскаго народа провозглашаемъ, что тотъ не будетъ сыномъ свободной страны, кто возстанетъ противъ свободы. Наше пламенное желаніе — свобода Италіи; отъ нея зависитъ счастіе наше и всей Европы» (стр.470).

Въ той части труда Д. Соріа, которая до сихъ поръ появилась въ русскомъ переводѣ, мы еще не находимъ горькихъ послѣдствій

(*) Приглашаю г. переводчика подумать о построеніи этого періода.

Digitized by Google

образа дѣйствій честныхъ агитаторовъ, хотя уже можемъ предугадывать ихъ, основываясь на свойствахъ и поступкахъ людей, которымъ они предали управленіе движеніемъ. Посмотримъ теперь, таковы были дѣйствія революціонной партіи въ Южной Италіи. Въ Неаполѣ, послѣ того какъ у короля съ такими усиліями вытребовали конституцію, положеніе обѣихъ партій имѣло видъ двухъ непріятельскихъ лагерей наканунѣ сраженія. Барверизи, имѣвшій въ столицѣ наиболѣе власти и вліянія, вмѣсто того, чтобы противиться реакціоннымъ попыткамъ, бесѣдовалъ о нихъ съ Фердинандомъ, покачивавшимъ при этомъ съ сожалѣніемъ головой и обѣщавшимъ «защищать конституцію.» Однажды, напримѣръ, онъ сказалъ Барберизи, что заставитъ уважать конституцію, которую желаетъ охранять, что доказалъ тѣмъ, что далъ ее.» Барберизи совершенно удовлетворился этими словами, забывъ, чего стоило добиться у короля этой конституціи и при какихъ обстоятельствахъ она была дана.

Про эти хитрости, уловки, интриги и тайные замыслы Д. Соріа говоритъ (стр. 300), что «впослѣдствіи эта система для нѣкоторыхъ являлась мудрою, а въ глазахъ людей гуманныхъ она была просто подлостью.» Но такой приговоръ въ высшей степени несправедливъ; о поступкахъ Фердинанда нельзя судить въ этомъ случаѣ съ революціонной точки зрѣнія, нельзя требовать, чтобы Фердинандъ пересталъ быть Бурбономъ и сдѣлался бы сразу человѣкомъ либеральнымъ. Тайное общество, интриговавшее теперь противъ конституціи, не было новостью. Члены его были отставные полицейскіе и прочія должностныя лица, уволенныя новымъ правительствомъ или лишившіяся при немъ прежнихъ выгодъ; слѣдовательно это было прежнее правительство, только съ той разницей, что прежде, когда оно было господствующимъ, оно дѣйствовало открыто, а теперь интриговало въ тайнѣ; притомъ и прежде, пользуясь властію, развѣ оно всегда дѣйствовало явно? Развѣ сикофанты, составлявшіе его, не прибѣгали къ тайнымъ мѣрамъ? Чтоже, слѣдовательно, было подлаго въ его нынѣшнемъ образѣ дѣйствія? Въ немъ не было ни особенной мудрости, ни особенной подлости, и иначе дѣйствовать оно не могло.

Но неаполитанскіе революціонеры воображали, что правительство могло поступать иначе и были увѣрены, что оно поступаетъ такъ, какъ имъ хотѣлось. Подобное заблужденіе было весьма странно, но тѣмъ не менѣе его раздѣляли всѣ, даже такіе люди, какъ Поэріо или

Digitized by Google

Пепе; наконецъ, самый замѣчательный и способный человѣкъ, поэтъ Леопарди, и тотъ, вернувшись послѣ 15-ти лѣтней ссылки, изъявилъ желаніе возложить на голову Фердинанда лавровый вѣнецъ безсмертія.

«Чтобъ вырвать изъ рукъ правительства нить заговора, нуженъ былъ умный, хитрый человѣкъ, который, пользуясь своей популярностью и низостью Боцелли, окруженнаго интригами, могъ бы сдѣлаться сильнѣе правительства и принудить его принять мѣры предосторожности для общественнаго блага. Въ Неаполѣ было много умныхъ и честныхъ гражданъ; но смѣлые направляли свои удары на вѣтряныя мельницы, думая, что нападаютъ на гигантовъ, и ни одинъ изъ нихъ не обладалъ тѣми способностями, которыя необходимы каждому, желающему спасти государство отъ угрожающихъ ему несчастій, «(стр. 361).» Итальянцы не могли обольщать себя надеждой пользоваться у себя упроченной свободой, тѣмъ болѣе они не должны были ожидать, что ихъ государи, принужденные отказаться отъ неограниченной власти, согласятся сами *запечатлѣть свое отреченіе* (?) искреннимъ обязательствомъ сражаться противъ Австрійцевъ, этихъ угнетателей Италіи, и ихъ союзниковъ. (417).

Нельзя не сознаться, что Фердинандъ былъ не только хитрѣе, но и умнѣе своихъ министровъ; въ довершеніе всѣхъ глупостей, они настаивали, чтобы онъ отправлялся на помощь Карлу-Альберту. Д. Соріа справедливо *) говоритъ, что если они желали сами свергнуть австрійское иго, то какое право имѣли они считать Фердинанда такимъ Донъ-Кихотомъ, чтобы онъ сталъ трудиться на пользу Карла-Альберта, который вѣдь, не смотря на свой либерализмъ, не захотѣлъ вести войну безкорыстно. Поэтому Фердинандъ отвѣчалъ имъ какъ нельзя болѣе разсудительно: «вы хотите заставить меня проливать кровь моихъ солдатъ и расточать сокровища страны для того, чтобъ покорить новое государство Карлу-Альберту?» Такого взгляда на предметъ слѣдовало бы пожелать всѣмъ *честнымъ агитаторамъ* Италіи. Впрочемъ, Фердинандъ не только не препятствовалъ, но весьма поощрялъ волонтеровъ, отправлявшихся на сѣверъ. Для него было бы весьма выгодно, еслибъ ихъ отправлялось какъ можно больше, потому что тѣмъ легче бы ему было справиться съ остающимися революціонерами.

Послѣ зрѣлища безчисленныхъ промаховъ и глупостей, надѣлан-

*) Я не привожу этого мѣста въ подлинникѣ, потому что оно неудобо-читаемо. См. Стр. 407.

Digitized by Google

ныхъ на всемъ полуостровѣ защитниками свободы, намъ будетъ пріятно взглянуть на поведеніе ихъ на островѣ Сициліи. Но именно въ этомъ случаѣ я во многомъ не могу согласиться съ Д. Соріа.

Съ незапамятныхъ временъ Неаполь и Сицилія, какъ государства, были во враждѣ другъ съ другомъ. Частыя перемѣны династій, царствовавшихъ въ этихъ королевствахъ, съ одной стороны сдѣлали въ Неаполѣ народъ весьма равнодушнымъ къ подобнымъ событіямъ, которыя въ другихъ странахъ, гдѣ династіи прочнѣе, сопровождаются страшными волненіями. Сицилійцы же всегда имѣли при подобныхъ обстоятельствахъ одно желаніе — отложиться отъ неаполитанскаго правительства. Д. Соріа упрекаетъ ихъ за то, что напр. въ 1799 г. они радостно приняли Фердинанда I, бѣжавшаго изъ Неаполя и повторили это въ 1806 г. при новомъ изгнаніи этого короля Французами. Но этотъ упрекъ въ высшей степени не справедливъ и вовсе не можетъ идти въ сравненіе съ жалобами сицилійцевъ на неаполитанцевъ. Сицилійцы говорили, что 12-го января 48 года, когда Сицилія возстала — неаполитанцы «*съ подлымъ равнодушіемъ смотрѣли на отправленіе противъ нихъ солдатъ*; что они сражались за свободу, а неаполитанцы стрѣляли въ нихъ картечью; что, узнавъ о возстаніи въ Калабріи, они поспѣшили на помощь возставшимъ неаполитанцамъ, но ихъ взяли въ плѣнъ и отправили въ цѣпяхъ въ Неаполь, гдѣ лаццарони всячески надругались надъ ними.

«Наконецъ, если вспомнить», продолжаетъ Д. Соріа, «старыя обиды (какія же старыя?), то окажется, что *неаполитанцы* отняли у сицилійцевъ свободу, уничтожили ея конституцію, поглотили ея сокровища, заняли своими чиновниками сицилійскія должности, и, дѣлая всевозможныя злодѣйства, привели островъ въ отчаянное положеніе нищеты и рабства. Но всѣ эти упреки не могли имѣть отношенія къ неаполитанцамъ, такъ какъ преступленія совершались только королемъ, его министрами, солдатами и лаццарони.» (стр. 390–91)

Послѣдній доводъ есть не болѣе, какъ софизмъ, который весьма легко опровергнуть. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ эти чиновники, эти солдаты, эти лаццарони не были неаполитанцы? Развѣ не естественно было со стороны сицилійцевъ желать имѣть лучше своего короля и своихъ солдатъ и чиновниковъ, чѣмъ неаполитанскихъ? И поэтому нельзя имъ ставить въ упрекъ, что они предпочли Фердинанда I партенопейской республикѣ или Іосифу Бонапарте, потому что прежде всего

Digitized by Google

они не желали посторонняго ига. Потому же они имѣли полное право отвѣтить неаполитанцамъ въ 1820 г., когда тѣ хлопотали о свободѣ: «отдѣлиться отъ васъ—вотъ наша свобода»; и Д. Соріа совершенно напрасно ставитъ имъ въ упрекъ эти слова. Слова эти—упрекъ неаполитанцамъ, а не сицилійцамъ, потому что, если они были сказаны, особенно въ такое время, то это показываетъ, что сицилійцы дѣйствительно не могли быть хорошаго мнѣнія о братствѣ съ неаполитанцами, что послѣдніе дѣйствительно заслужили эту ненависть, потому что иначе откуда ей было взяться? Теперь неаполитанцы находили, что они будутъ свободны, добившись отъ короля конституціи. А сицилійцамъ этого было мало: прежде всего имъ слѣдовало освободиться отъ неаполитанцевъ и ихъ правительства, какъ бы оно ни называлось, Фердинандъ II, парламентъ или партенопейская республика. Поэтому мнѣ кажется весьма естественнымъ, что они поспѣшили объявить Фердинанда Бурбона неаполитанскаго и его династію лишенными сицилійскаго престола. Поступать иначе — значило стать въ противорѣчіе съ общимъ ходомъ событій.

Вожди сицилійцевъ, благородный Руджіеро Сентимо, Ламаза и другіе, лучше всѣхъ итальянцевъ понимали въ чемъ дѣло, и были на столько дальновидны, что предугадывали послѣдствія образа дѣйствій континентальныхъ революціонеровъ. Противъ мнѣнія этихъ вождей, особенно въ виду послѣдовавшихъ событій и роковаго 15 мая Д. Соріа не знаетъ, что отвѣчать и сначала какъ будто соглашается съ ними. Но потомъ снова начинаетъ порицать сицилійцевъ за то, что они лишили престола Бурбоновъ, а не удовольствовались изгнаніемъ неаполитанскихъ войскъ и прекращеніемъ сношеній съ Фердинандомъ, что, по его собственнымъ словамъ, было бы равносильно отпаденію отъ Неаполя. Но это сводится на то, что онъ порицаетъ ихъ за то, что они не остановились на полдорогѣ, за то, что они объявили о своемъ поступкѣ, придали ему рѣшительный характеръ, однимъ словомъ, онъ порицаетъ ихъ за то, за упущеніе чего онъ упрекаетъ неаполитанцевъ!

Послѣ этого и соображая ходъ дѣла въ Неаполѣ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, зачѣмъ сицилійцы не отправили своихъ силъ въ Ломбардію. Не могли же они, предвидя развязку 15-го мая въ Неаполѣ, обезоружить себя. Дѣло другое, еслибъ Неаполь послѣдовалъ ихъ примѣру: тогда бы они могли дѣйствовать въ Ломбардіи.

Въ слѣдующихъ выпускахъ, о лучшемъ переводѣ которыхъ не

Digitized by Google

мѣшало бы по заботиться г. издателю, мы увидимъ къ чему привела итальянцевъ политика честныхъ агитаторовъ. Здѣсь же я повторю еще то, что сказалъ, говоря о первомъ выпускѣ, что сочиненіе Д. Соріа принадлежитъ къ числу лучшихъ книгъ, изъ появившихся у насъ въ теченіе прошлаго года и не можетъ даже идти въ сравненіе съ такими жалкими наборами краснорѣчивыхъ фразъ, какъ напр. книга Гарнье Пажеса о томъ же предметѣ.

Географія, подобно всѣмъ другимъ отраслямъ знанія, подверглась, въ теченіе послѣдней четверти вѣка, существенной реформѣ. Съ одной стороны, этому способствовали болѣе глубокій взглядъ на достоинство и значеніе науки, развившійся въ послѣднее время; съ другой же, новѣйшія путешествія и безчисленныя открытія, сдѣланныя на этомъ пути въ такихъ же обширныхъ размѣрахъ, какъ и на всѣхъ другихъ. Александръ Гумбольдтъ и, еще спеціальнѣе, Карлъ Риттеръ могутъ быть названы основателями новѣйшаго землевѣденія, не имѣющаго ничего общаго съ прежними схоластическими учебниками географіи. Два небольшія сочиненія Риттера являются теперь въ русскомъ переводѣ, и уже объявлено издателемъ Глазуновымъ о скоромъ выходѣ его «Европы». Отдавая полную справедливость заслугамъ Риттера и, желая наискорѣйшаго утвержденія у насъ разумныхъ началъ, на которыхъ онъ основалъ свою науку, нельзя не замѣтить, однако, что оба, явившіяся въ переводѣ, сочиненія его, едва ли достаточны для справедливой оцѣнки заслугъ этого ученаго. Небольшая книжка: «Общее землевѣденіе», составленная по его лекціямъ извѣстнымъ географомъ Даніелемъ, можетъ имѣть значеніе лишь на столько, на сколько она служитъ осужденіемъ стараго понятія о землевѣденіи. Здѣсь Риттеръ вполнѣ основательно и справедливо доказываетъ недостаточность и даже совершенную негодность существующихъ учебниковъ, составленныхъ не на разумномъ основаніи наблюденія и личнаго знакомства съ предметомъ, а на догадкахъ, соображеніяхъ и гипотезахъ. Это относится не только къ описанію такихъ неизвѣстныхъ странъ, какъ внутренность Азіи, Африки или Австраліи, но даже къ самымъ извѣстнымъ мѣстностямъ. Такъ

*

Digitized by Google

Риттеръ, не смотря на безчисленное множество существующихъ описаній Германіи, не задумывается сказать, что изъ числа ихъ нѣтъ ни одного, сколько нибудь сноснаго. Съ этимъ, разумѣется, охотно согласится каждый, когда либо видавшій тѣ сухіе, до нельзя скучные перечни, которые извѣстны подъ именемъ географій. Въ тоже время всякій, читавшій какое нибудь порядочное описаніе путешествія, знаетъ, что землевѣденіе, въ настоящемъ смыслѣ, можетъ представлять глубокій интересъ. Конечно для полнаго ознакомленія съ предметомъ недостаточно книжнаго знанія; тотъ, кто со смысломъ изучилъ сосѣднія къ нему 10 миль, будетъ гораздо болѣе знать въ землевѣденіи, чѣмъ человѣкъ, вызубрившій самый многотомный учебникъ «Всеобщей Географіи», какъ они обыкновенно себя величаютъ. Слѣдовательно и здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ отрасляхъ естествознанія, личное наблюденіе дороже книжной учености. Природа открыта для каждаго, желающаго изучать ее, и съ небольшаго клочка земли человѣкъ можетъ пріобрѣсти гораздо больше познаній, чѣмъ изъ цѣлой библіотеки ученыхъ и глубокомысленныхъ сочиненій. Хорошія описанія путешествій драгоцѣнны потому, что отчасти могутъ замѣнить личное наблюденіе въ отношеніи странъ, недоступныхъ для желающихъ познакомиться съ ними. Образцемъ такого рода сочиненій могутъ служить описанія Г. Форстера его путешествій. За то разсказы праздношатающихся туристовъ Риттеръ справедливо ставитъ на одну доску съ учебниками, потому что если послѣдніе надоѣдаютъ сухимъ перечнемъ собственныхъ именъ, то первые сбиваютъ съ толку вздоромъ. Подобныя соображенія особенно важны для всѣхъ, занимающихся преподаваніемъ географіи. Надо желать, чтобы имъ поскорѣе наскучило набивать головы своихъ учениковъ разными Ободовскими, и чтобы они обратились къ болѣе живому и полезному способу преподаванія. Ободовскихъ пора бросить подъ лавку, потому что теперь уже есть много прекрасныхъ книгъ, чтеніе которыхъ представляетъ большой интересъ, и способствуетъ развитію ученика. Что касается до положительной стороны книжки Риттера, то она слишкомъ незначительна, чтобъ быть интересной. Большая часть ея посвящена установленію географическихъ понятій, доселѣ весьма неопредѣлительныхъ, какъ напр. понятіе о плоскогоріи, примѣнявшееся вкривь и вкось. Затѣмъ слѣдуетъ общій, весьма краткій взглядъ на форму и положеніе материковъ и морей, не лишенный, по моему мнѣнію, странностей въ уподобленіяхъ и опредѣле-

Digitized by Google

ніяхъ. Такъ напр. нельзя не замѣтить нѣкоторой натяжки въ сравненіи Европы съ «вѣнчикомъ растенія, коего корень и стволъ представляетъ средина Азіи», при чемъ замѣчается, что «Африка есть менѣе развившійся побочный стволъ»; странно также уподобленіе Европы животному организму; я сомнѣваюсь, чтобы можно было сказать *«что Европа есть лице планеты, лицевая сторона Стараго Свѣта, изъ глазъ котораго (?) наиболѣе ясно проглядываетъ духъ народный и душа всего человѣчества, въ послѣдовательномъ, преуспѣвающемъ своемъ развитіи.» (стр. 170).*

Что касается до «Исторіи Землевѣденія» того же автора, то объемъ ея (200 стр. и 8) слишкомъ не великъ для того, чтобы она могла быть особенно интересной. Къ тому же при незначительности объема, въ ней множество повтореній неизбѣжныхъ при той системѣ изложенія, которую избралъ авторъ. Именно, онъ описываетъ успѣхи землевѣденія у каждаго народа въ отдѣльности (это особенно относится къ древнѣйшимъ вѣкамъ), вмѣсто того, чтобы слѣдить за ними относительно постепеннаго ознакомленія всемірной исторіи съ различными странами, подобно тому какъ онъ поступаетъ относительно Гренландіи и Сѣверной Америки. Къ тому же онъ совершенно неупоминаетъ о географическихъ измѣненіяхъ, происшедшихъ уже въ историческія времена и слѣдовательно прямо касающихся его предмета. Такъ, хотя онъ и говоритъ о томъ, что причиной забвенія Гренландіи и Сѣверной Америки, открытыхъ еще въ IX и X в., и гибели поселившихся тамъ норманскихъ колонистовъ были льды, окружившіе берега этихъ странъ и преградившіе доступъ къ нимъ, но не объясняетъ причину этого факта. На эту причину указываетъ между прочимъ Шлейденъ въ своихъ популярныхъ лекціяхъ. Именно, она состоитъ въ прекращеніи теплаго теченія, направлявшагося отъ устья Миссисиппи къ Сѣверу и дѣлавшаго климатъ Гренландіи и Исландіи болѣе умѣреннымъ, что доказываютъ колоніи, процвѣтавшія на этихъ берегахъ до XIV в. нашей эры. Теченіе это постепенно изчезало, какъ остатокъ того времени, когда сѣверозападная Африка, Азорскіе острова и Португалія были еще непосредственно соединены съ Юговосточной частью Сѣверной Америки. Такъ какъ такое распредѣленіе суши существовало въ концѣ третичнаго періода, то географъ, для уразумѣнія настоящаго и историческаго, долженъ бы былъ обращаться къ давно прошедшему. Но дѣло въ томъ, что при настоящемъ состояніи геологіи, ни географъ, ни историкъ не могутъ игно-

**

Digitized by Google

рировать ее *. «Успѣхи палеонтологіи, говоритъ профессоръ Рютимейеръ (Die Fauna der pfahlbauten in der Schweiz, untersuchungen über die geschichte der wilden und der Haus Säugethiere in Mitteleuropa), въ хронологіи исторіи животнаго міра подаютъ надежду сдѣлать много для исторіи домашнихъ животныхъ, которая тождественна съ нашей собственной. Надежда эта тѣмъ основательнѣе, что краніологія, получившая новое значеніе при помощи Реціуса и фонъ-Бера, уже пролила много свѣта на этотъ предметъ. Сверхъ того работа можетъ идти въ одно и тоже время въ восходящей линіи со стороны геологовъ и въ нисходящей—со стороны антикваріевъ. Уже стучитъ геологическій молотъ въ каменномъ періодѣ, и онъ проникъ уже рядомъ съ заступомъ антикварія до диллювія (потопнаго періода земли); границы между геологіей и исторіей съ каждымъ днемъ становятся уже.» Границы же между познаніемъ настоящаго вида земной поверхности и прежняго окончательно сравнялись. Краткій очеркъ исторіи географическихъ открытій, набросанный Риттеромъ, показываетъ намъ, подобно исторіи всѣхъ прочихъ открытій, какъ несправедливы и преувеличены похвалы и почести, воздаваемыя отдѣльнымъ личностямъ. Люди, которымъ посчастливится пожать плоды трудовъ и усилій своихъ предшественниковъ остаются въ памяти потомства какими-то полубогами. Слава ихъ растетъ по мѣрѣ удаленія отъ нихъ, и, окончательно заслоняя заслуги менѣе счастливыхъ дѣятелей, разростается до невѣроятныхъ размѣровъ. Съ ними случается то, что съ древними вождями и царями, когда народныя легенды приписываютъ какому нибудь одному герою Нину или Сезострису подвиги и дѣянія, совершенныя цѣлыми десятками поколѣній и ихъ предшественниковъ. Такъ велика склонность неразвитыхъ массъ создавать себѣ полубоговъ и героевъ, совершающихъ подвиги, наводящіе изумленіе и неподходящіе подъ масштабы трезваго человѣческаго пониманія. Такъ велико пристрастіе изобрѣтать себѣ если не аристократію Олимпа, то аристократію геніи, если не героевъ царей, то героевъ мудрецовъ!—такъ что надо годъ за годомъ, шагъ за шагомъ прослѣдить всѣ открытія на поприщѣ землевѣденія, надо вспомнить безчисленное множество забытыхъ открытій и тружениковъ, сдѣлавшихъ ихъ, чтобы понять, что Васко-де-

* Въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость г. Семенову, составителю Ото чествовѣденіи", который понялъ это, и о которомъ рѣчь впереди.

Digitized by Google

Гама и Колумбъ были не полубоги и не пророки, а только умные, энергическіе, неустрашимые, любознательные люди, подобно множеству своихъ предшественниковъ. Поэтому никакъ нельзя согласиться съ Риттеромъ, когда онъ говоритъ:

> Въ прежнія времена слѣпое влеченіе или инстинктъ, бѣдствія или фанатическія страсти народовъ имѣли вліяніе на успѣхи открытій; въ послѣдніе вѣка отдѣльныя географическія открытія менѣе находятся въ прямой связи съ судьбами цѣлыхъ народовъ и государствъ, — они зависятъ болѣе отъ судьбы отдѣльныхъ личностей, отъ успѣховъ промышленности, торговли, искусствъ и наукъ. Почти у всѣхъ народовъ отдѣльные личности дѣлаютъ великія открытія, отъ которыхъ зависитъ общее благо народовъ и государствъ, современниковъ и потомства.» (стр. 206—7.)

Вся книга Риттера служитъ опроверженіемъ этихъ заключительныхъ словъ его. Какъ ни кратко ея содержаніе, но его достаточно, чтобъ показать читателямъ, что каждая отрасль науки есть машина, въ которой всѣ части равно важны и равно необходимы, и золотая стрѣлка, указывающая часъ и движущаяся въ глазахъ зрителей такъ-же важна какъ самый мелкій гвоздикъ, скрытый въ глубинѣ внутренности. Колумбы—только результаты дѣятельности тысячи другихъ, изъ коихъ каждый имѣетъ такое же значеніе, какъ и тотъ, на долю котораго досталось слыть полубогомъ въ глазахъ отдаленнаго потомства. Безобразный принципъ: «каждому по его достоинствамъ» могъ возникнуть только среди того общества, гдѣ понятіе о личности находится еще въ варварскомъ состояніи. Въ правильно организованномъ обществѣ такой мысли не могло бы прійти въ голову никому, тѣмъ менѣе передовому дѣятелю, потому что въ такомъ обществѣ не можетъ быть и рѣчи о сравнительныхъ заслугахъ и достоинствахъ. Nec plus ultra всякой заслуги состоитъ въ томъ, чтобы умѣть быть разумно полезнымъ себѣ; далѣе этого человѣческое достоинство можетъ шагать только въ воображеніи тѣхъ людей, которые на дѣлѣ хладнокровно взираютъ на какія угодно страданія своихъ ближнихъ, а на словахъ любятъ о нихъ скорбѣть и плакать. Слѣдовательно цѣнить заслуги каждаго, можетъ только онъ самъ, и потребности его должны опредѣляться не судьями его достоинствъ, а имъ самимъ. Но возвратимся къ географіи.

Надобно сказать, что вѣроятно составитель книжки Риттера сдѣлалъ нѣсколько довольно значительныхъ промаховъ, которые трудно отнести на счетъ ея ученаго автора. Такъ на стр. 118 онъ говоритъ, будто

Digitized by Google

арміне сдѣлались извѣстны лишь съ IV вѣка по Р. Х., благодаря распространенію христіанства, между тѣмъ какъ малому ребенку извѣстно, что сношенія ихъ съ римлянами, и особенно съ парѳянами, происходили еще до нашей эры. На стр. 145 калифъ Аль-Мамунъ названъ преемникомъ Аль-Рашида, между тѣмъ какъ между ними царствовалъ Аминъ (809-13). Странно также, откуда почерпнулъ авторъ или составитель извѣстія о томъ, что норманнъ Рюрикъ, получившій въ 826 г. вмѣстѣ съ братомъ Гаральдомъ отъ Людовика Благочестиваго помѣстье на Эльбѣ и крестившійся въ Ингельгеймѣ, есть одно лице съ Рюрикомъ, о которомъ упоминается у Нестора. (Ист. Земл. стр. 158).

И такъ мы видѣли, что высшіе авторитеты объявляютъ существующій способъ изученія географіи нелѣпымъ, а приспособленныя къ нему руководства недостаточными и требуютъ отъ учителей живой, занимательной науки, а не мертвой номенклатуры. Мы видѣли также, какое значеніе для преподованія землевѣденія должны имѣть разсказы путешественниковъ — натуралистовъ. Конечно такой новый способъ преподаванія на столько же выгоденъ для учениковъ, на сколько невыгоденъ учителямъ, смотрящимъ на свое дѣло съ казенной точки зрѣнія. Прежде, да и теперь еще, все дѣло для преподователя состоитъ въ томъ, чтобъ задать урокъ и показать глобусъ или карту (большинство которыхъ, надо замѣтить, даютъ столько же вѣрное понятіе о поверхности земли, сколько произведенія маляровъ о наружности изображаемыхъ имъ лицъ); но при новыхъ требованіяхъ учитель долженъ выйдти изъ роли машины, которую игралъ доселѣ. Онъ принужденъ трехнуть мозгами и обратить нѣкоторое вниманіе на свой предметъ. Не говоря уже о наглядномъ ознакомленіи своихъ учениковъ съ природой, онъ долженъ знакомить ихъ съ разсказами путешественниковъ, огромная масса которыхъ принуждаетъ его, если онъ желаетъ быть добросовѣстнымъ, дѣлать строгій выборъ между вещами полезными и негодными. Эти условія могутъ поставить человѣка, желающаго честно исполнять свою обязанность, въ затруднительное положеніе, потому что къ сожалѣнію особенно у насъ, не всякому учителю доступны хорошія книги и многіе при всей своей доброй волѣ бываютъ принуждены ограничиваться Ободовскими. Не говоря уже о провинціи, даже въ Петербургѣ не всегда можно достать во время нужную книгу. Что же слѣдовательно пришлось бы дѣлать учителямъ въ уѣздныхъ городахъ? Поэтому нельзя

Digitized by Google

не радоваться счастливой мысли составлять хрестоматіи и сборники по разнымъ наукамъ. Въ настоящее время я имѣю передъ собой четыре такихъ сборника, изъ которыхъ одинъ русскій, оригинальный, а три переводныхъ Пютца. «Характеристики изъ сравнительнаго, землеописанія и этнографіи» Пютца, переведенныя г. Тихоновичемъ довольно значительны по объему, но къ сожалѣнію составлены не совсѣмъ удачно. За исключеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ Риттера, Грегоровіуса Гюйо, Гумбольдта все остальное заимствовано у различныхъ филистеровъ, и изобилуетъ мѣстами, пропитанными замѣчательной пошлостью. Впрочемъ немногіе хорошіе отрывки, помѣщенные въ сборникѣ, вдобавокъ изуродованы Пютцемъ, который говоритъ въ предисловіи, что «устранилъ все сомнительное въ религіозномъ, общественномъ и политическомъ отношеніи, *вслѣдствіе чего* книга эта можетъ быть весьма полезной для ученическихъ библіотекъ высшихъ учебныхъ заведеній.» Странно, что сомнительнаго ухитрился найдти составитель въ землеописательныхъ очеркахъ; но сборникъ его доказываетъ, что, если полезно устранять вредное, то еще полезнѣе дѣлать хорошій выборъ. А то напр. въ статьѣ № 17 А. Роона (этнографическое, церковное и политическое раздѣленіе Европы) сказано слѣдующее.

> Къ римской церкви принадлежатъ Иры и значительная часть шотландцевъ, половина нѣмцевъ, большая часть мадьяровъ, поляки и часть литовцевъ; къ греческой — новогреческое и албанское населеніе христіанъ греческаго полуострова и архипелага, также и валахскіе народы нижне-дунайской равнины и части Семиградіи и Венгріи.“ (стр, 80).

Нельзя сказать, чтобы перечень этотъ отличался полнотой.

Далѣе тотъ же авторъ говоритъ, что италійскій полуостровъ заключаетъ въ настоящее время 7 государствъ, и переводчикъ не потрудился исправить этого. Упоминается также о новогреческомъ королевствѣ, «дошедшемъ въ наше время до состоянія эманципаціи.» Риглеръ же, которому принадлежитъ отрывокъ *Османы* (№ 20), упоминаетъ о проявленіи фанатизма турокъ въ Албаніи, Сиріи и Курдистанѣ, но прибавляетъ, что «они противны кроткимъ правиламъ султана». Это вѣроятно то самое, что называется *нессомнительнымъ:* онъ хоть и турокъ, но все же султанъ, слѣдовательно ему должны быть свойственны правила кроткія. Хорошъ также Якобсъ, заключающій описаніе Греціи словами: «печальная картина смѣнилась болѣе веселой съ тѣхъ поръ, какъ въ этой странѣ началъ господствовать нѣмецкій князь.» Къ этому теперь можно при-

Digitized by Google

бавить, что картина стала еще веселѣе съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкаго князя выгнали. Вообще нѣмецкіе филистеры, произведеніями которыхъ наполнена эта книга, доходятъ до непомѣрной пошлости, когда рѣчь зайдетъ о нѣмцахъ вообще, а о нѣмецкихъ князьяхъ въ особенности. Такъ австрійскій Фрейгерръ-фонъ-Чѐрнигъ увѣряетъ (№ 41), что ломбардцы уважаютъ нѣмцевъ, хотя не чувствуютъ къ нимъ симпатіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что образчики нѣмцевъ, Радецкіе и Гіулаи, которыхъ имѣли случай изучить ломбардцы, особенно способны внушить уваженіе къ этой націи. Что же касается до самихъ нѣмцевъ, то изъ словъ Рихтера (*Миланъ*, № 42) видно, что если они также не чувствуютъ влеченія къ ломбардцамъ, то за то Ломбардія имѣетъ для нихъ много привлекательнаго.

„Мы каждый день, говоритъ этотъ филистеръ, и не однажды ходили туда (на верхушку миланскаго собора) и все-таки чувствовали новую потребность взойти опять: такое наслажденіе доставляетъ видъ на голубое, благоухающее полукружіе заоблачныхъ альповъ и на цвѣтущія нивы Ломбардіи, столько разъ напитанныя нѣмецкой кровью со временъ Марія (патріотизмъ почтеннаго филистера хватаетъ на цѣлое столѣтіе далѣе патріотизма самого Менцеля, который, какъ извѣстно, начиналъ пылать имъ только со временъ Германа, а не Кимвровъ и Тевтоновъ), а потому дорогія сердцу каждаго нѣмца.“ (186—87).

Разумѣется, каждому нѣмцу, не филистеру, зрѣлище *нивъ Ломбардіи* представляетъ собою лишь памятникъ трехвѣковой народной глупости, который дорогъ сердцу быть не можетъ. На этотъ счетъ смотри особенно Шлоссера.

Хорошо также разсужденіе Морица Вилькомма о Лиссабонѣ. (№ 77, стр. 334).

„Новыя части города содержатся теперь довольно чисто; улицы почти всѣ безопасны, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ хорошо освѣщаютъ, и есть даже вооруженная, многочисленная уличная полиція, которая по ночамъ ходитъ дозоромъ въ наиболѣе опасныхъ частяхъ города. Но и самый пролетаріатъ не возбуждаетъ теперь такого ужаса, какъ прежде, когда половина жителей состояла изъ пролетаріевъ, между которыми по крайней мѣрѣ десятую часть составлялъ всякій сбродъ безъ кола и двора, которому жилищемъ служила улица, занятіемъ—постоянное бродяжничество. Однако и теперь еще Лиссабонъ есть мѣсто сборища всякаго сброда португальцевъ и иностранцевъ, и единственный городъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, который имѣетъ основательныя причины избѣгать серьозныхъ соціалистическихъ или коммунистическихъ побужденій. *Вотъ почему здѣсь бездна нищихъ*“.

Digitized by Google

Что должно произойти въ головѣ ученика, когда онъ прочитаетъ эту тираду? Если онъ мало мальски не глупъ, то, нѣтъ никакого сомнѣнія, ему будетъ весьма любопытно узнать, что есть нѣчто, называемое пролетаріатъ, что пролетаріатъ этотъ почему-то наводитъ ужасъ, что часть его состоитъ изъ сброда безъ кола и двора, но что, къ счастью, все это теперь уменьшилось. Далѣе ему представляется на видъ, что Лиссабонъ имѣетъ причины избѣгать соціалистическихъ и коммунистическихъ побужденій, вслѣдствіе существованія остатковъ этого сброда и что вслѣдствіе этого тамъ много нищихъ. Куда же дѣлась большая часть сброда, неимѣвшаго ни кола, ни двора? спроситъ онъ; неужели причиной его уничтоженія было хорошее освѣщеніе улицъ? И почему сбродъ безъ пристанища и нищіе заставляютъ избѣгать коммунистическихъ побужденій? И что такое это за побужденія? Тщетно будетъ искать преподаватель въ сборникѣ Пютца отвѣтовъ на эти вопросы.

Но когда дѣло доходитъ до описанія разныхъ художествъ, то краснорѣчіе путешествовавшихъ филистеровъ достигаетъ своего апогея, такъ что читателя озноб̀ъ беретъ. Приготовляясь описывать какую нибудь картинную галлерею или музей антиковъ, филистеръ не скажетъ просто, что я де вошелъ въ музей, а изъясняется такъ: «съ священнымъ ужасомъ (вонъ оно какъ)! вступаю въ сокровищницу въ мірѣ искусствъ, въ трибуну и т. д.» или такъ: «съ священнымъ ужасомъ проходите вы по огромнымъ заламъ этого зданія и т. д. (№№ 48 и 99).

Видя всѣ эти эстетическія кувырканья и достоинства отрывковъ, изъ которыхъ составлена хрестоматія Пютца, приходитъ въ голову, почему у насъ считаютъ нужнымъ полагаться въ выборѣ статей для хрестоматіи на вкусъ и соображенія какого нибудь нѣмецкаго филистера. Это тѣмъ болѣе странно, что филистеръ этотъ руководствуется соображеніями, касающимися нѣмцевъ и ни мало до насъ не относящимися. Какая въ самомъ дѣлѣ надобность внушать русскимъ ученикамъ, что король Максъ—былъ великій человѣкъ и король Людвигъ—былъ также великій человѣкъ и, что герцогъ Фридрихъ не уступалъ въ величіи ни тому, ни другому. Достаточно будетъ разъ навсегда внушить, что всѣ они великіе люди, спеціальнаго же разбора величія нѣмецкихъ князей вовсе не зачѣмъ дѣлать. Неужели было бы трудно составить сборникъ по своему выбору? Было бы, я полагаю, даже легче, потому что, какъ видно, г. Тихоновичъ не слишкомъ

Digitized by Google

хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ, ибо мѣстами переводъ вовсе лишенъ смысла. Напр. на стр. 31 находимъ такое мѣсто:

«Большую часть притоковъ Черное море получаетъ изъ Европы, изъ которыхъ многія изъ большихъ рѣкъ напр. Дунай, Днѣстръ, Днѣпръ, Донъ и т. д. изливаются въ него, а съ ними принимаетъ осадокъ въ 32,000 кв. м.»

На стр. 61 грузины названы георгійцами; на стр. 475 читаемъ:

„Въ 1632 г. крѣпости Валленштейнъ и Альтрингеръ упорствовали, но съ тѣхъ поръ значеніе ихъ постепенно уменьшалось, по мѣрѣ того какъ совершенствовались осадныя орудія».

Между мѣмъ какъ по смыслу видно, что упорствовали крѣпости Кобургъ и Вартбургъ противъ Валленштейна и Альтрингера, которые, какъ извѣстно, были не крѣпости, а kaiserlich koenigliche генералы.

Второй выпускъ «характеристикъ,» вышедшій черезъ 3 года послѣ перваго, даже снабженъ примѣчаніями переводчика. Но было бы лучше, еслибъ ихъ вовсе не было, потому что на стр. 325 въ текстѣ упоминается о гороскопѣ, а переводчикъ внизу объясняетъ: гороскопъ значитъ «звѣздотолкователь.» Нѣсколько лучше составленъ историческій сборникъ того же Пютца (переводъ Чацкина), хотя въ немъ предстоитъ гораздо менѣе надобности, чѣмъ въ географическомъ. Книгу въ этомъ родѣ издалъ въ прошломъ году г. Стасюлевичъ (о ней было своевременно сказано въ «Русскомъ Словѣ»), и нельзя не отдать ей преимущества передъ сборникомъ Пютца. Составленная большею частью изъ отрывковъ древнихъ авторовъ, она скорѣе можетъ служить дополнительнымъ чтеніемъ къ преподованію исторіи, чѣмъ этотъ сборникъ, представляющій странную мозаику, такъ какъ отрывки, помѣщенные въ немъ, черезъ-чуръ кратки.

Такъ какъ г. Чацкинъ обѣщаетъ помѣстить въ слѣдующихъ выпускахъ отрывки изъ русскихъ сочиненій, относящихся къ этому предмету, то я бы совѣтовалъ ему не останавливаться на этомъ, но измѣнить еще болѣе существенно нѣмецкую хрестоматію, включивъ въ свой сборникъ отрывки изъ французскихъ и англійскихъ писателей.

На этотъ разъ никто не упрекнетъ меня въ недостаткѣ патріотизма, такъ что самъ Катковъ не найдетъ возможности булавки под-

Digitized by Google

точить подъ меня. Дѣйствительно, говоря безпристрастно, нельзя не отдать г. Семенову, составителю сборника подъ страннымъ названіемъ «Отечествовѣденіе», должной справедливости. Сборникъ этотъ несравненно лучше хрестоматій Пютца, и это можетъ служить поощреніемъ къ самостоятельному выбору статей для другихъ сборниковъ. Заглавіе книжки г. Семенова дѣйствительно странно, тѣмъ болѣе, что съ перваго же выпуска рѣчь идетъ о Финляндіи. Но статьи, по большей части, выбраны удачно. Сюда вошли отрывки изъ сочиненій Гримма, профессора Костомарова (Сѣверноруссія Народоправства и Очеркъ Торговли Московскаго Государства), г. Максимова (годъ на сѣверѣ), дневника Лашкина и статья самого г. Семенова (№ 12), составленная по хорошимъ источникамъ.

Я приписываю крайнему недостатку матеріаловъ то обстоятельство, что попадаются статьи совершенно неудачно выбранныя, какъ напр. № 4 *Водопадъ Кивачъ*, гдѣ между прочимъ цитируется Державинъ:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами и проч.

Еще несообразнѣе статья *Соловки* Я. Озерецковскаго, отличающаяся собственнымъ запахомъ Булгарина и Греча. Слѣдующая статья самого составителя, *Общее обозрѣніе*, испещрена странными вопросами, поставленными въ скобкахъ *какъ? какія? что? почему?* и т. д. неизвѣстно къ кому обращенными. Въ чтеніи они производятъ странное впечатлѣніе. Очевидно, что они направлены противъ юныхъ читателей «Отечествовѣденія», для испытанія количества знаній, вынесенныхъ изъ чтенія 13 предъидущихъ отрывковъ. Но могу увѣрить г. Семенова, что подобные вопросы въ скобкахъ ни къ чему не ведутъ и даже производятъ нѣкоторую путаницу. Если 13 статей, предшествующихъ вопросамъ, выбраны удачно, то ученики запомнятъ содержаніе ихъ; если же г. Семеновъ промахнулся, (какъ напр. со статьей № 12), то сколько не спрашивай, ничего не добьешься, и прійдется велѣть зазубривать, что-де «на двухъ полосахъ желѣза сквозь двухвѣковую ржавчину горятъ лучи пламеннаго патріотизма» (№ 12, стр. 114). Статья *Имантра* написана въ стилѣ Жуковскаго, и слѣдовательно отличается приторной ерундицей, а статья *Финскій Пасторъ* заставляетъ насъ недоумѣвать, за чѣмъ она сюда попала. На сколько въ самомъ дѣлѣ могутъ относиться къ географіи свѣденія

Digitized by Google

о томъ, что подаютъ финскимъ пасторамъ на ужинъ и какую они предпочитаютъ водку. Впрочемъ живутъ эти пасторы не дурно, и ѣдятъ много и вкусно. Но всего лучше, что г. Семеновъ догадался помѣстить въ своемъ сборникѣ небольшой геологическій очеркъ, составленный г. Пугачевскимъ; то есть я хочу сказать, что г. Семенову пришла на умъ счастливая мысль, но отъ этого до выполненія еще далеко. Статья же г. Пугачевскаго болѣе, чѣмъ неудовлетворительна и показываетъ совершенное незнакомство съ предметомъ. Чтобъ доказать это, достаточно привести два рѣзкіе факта. Онъ считаетъ геологію и геогнозію однимъ и тѣмъ же (стр. 146, прим.), а на стр. 155 помѣщаетъ въ числѣ знаменитыхъ англійскихъ геологовъ Агассица! Замѣчателенъ также перечень *знаменитыхъ* русскихъ геологовъ: Озерецковскій (не тотъ ли, который видѣлъ *пламенные лучи*?), Кокшаровъ, Соколовъ, Куторга, Гельмерсенъ и др. Кстати о г. Куторгѣ; К. Фогтъ (Vorles 3 Lifer стр. 123) говоритъ о немъ слѣдующее: «этотъ авторитетъ возбудилъ своими изслѣдованіями по другимъ отраслямъ величайшія сомнѣнія (grösten Zweifel) въ своихъ наблюдательныхъ способностяхъ.» Не счастливится какъ-то у нѣмцевъ нашимъ такъ называемымъ авторитетамъ.

Безъ малѣйшей натяжки могу я сопоставить со всѣми книгами, о которыхъ шла рѣчь, «Охотничьи Разсказы» Майнъ-Рида (составляющіе I т. его сочиненій изд. Вольфа). Это въ высшей степени занимательное сочиненіе принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя наиболѣе способны не только нравиться и интересовать учащуюся молодежь, но и оказать ей большую пользу. Во всякомъ случаѣ книги такого рода (кто напр. не зачитывался въ юности Куперомъ или «Лѣснымъ Бродягой» Ферри) могутъ быть гораздо полезнѣе сухихъ и скучныхъ учебниковъ, и на нихъ положительно нельзя смотрѣть, какъ только на увеселительное чтеніе. Въ изданномъ теперь первомъ томѣ, такъ хорошо и основательно изложена фауна Южной Африки, что Майнъ-Рида нельзя и сравнивать съ другими писателями въ этомъ же родѣ. Жаль только, что переводчикъ не потрудился поправить нѣкоторыя ошибки, неизбѣжныя при быстромъ ходѣ впередъ зоологіи, хотя число такихъ ошибокъ весьма незначительно. Весьма бы было желательно, чтобы выходило побольше такихъ книгъ, которыя, разумѣется, не претендуя на званіе учебныхъ, приносятъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ послѣднія. Впрочемъ еслибъ даже и ока-

Digitized by Google

зались наконецъ хорошіе учебники, то такія книги не потеряютъ своего значенія потому, что всегда будутъ читаться съ удовольствіемъ и служить къ развитію въ дѣтяхъ любви по естественнымъ наукамъ. Для дѣтей, недостигшихъ тринадцати или четырнадцати лѣтъ, они даже должны составлять главную часть преподаванія наряду съ наглядными знакомствомъ съ природой. Хорошіе учебники должны слѣдовать за ними для того, чтобъ привести въ систему накопившееся такимъ образомъ знаніе. Это единственный путь, на которомъ можно достичь хорошихъ результатовъ въ ближайшимъ будущемъ.

В. З.

Digitized by Google

ГЛУПОВЦЫ, ПОПАВШІЕ ВЪ „СОВРЕМЕННИКЪ."

Наконецъ-то, подумалъ я, прочитавъ фельетонъ первой книжки «Современника», наконецъ-то и этотъ блудный сынъ возвращается подъ родительскій кровъ, гдѣ, по всей вѣроятности, не замедлитъ найти упитаннаго тельца! Наконецъ-то нашъ маскарадъ, кажется, окончательно приходитъ къ концу: маски снимаются, сбрасываются таинственные домино, и загадочные турки и испанцы превращаются въ давно-знакомыя намъ лица. Невинная забава видимо утомила интриговавшихъ другъ друга съ такимъ увлеченіемъ масокъ, и онѣ спѣшатъ, разоблачившись, сѣсть за уготованный имъ ужинъ. Наиболѣе нетерпѣливые давно уже угощаются обильными явствами; нѣкоторые даже впали уже въ сладкую дремоту; другіе, болѣе упорные, только теперь рѣшаются снять съ себя различные интересные костюмы. Цѣлый годъ напримѣръ милый фельетонистъ «Современника», носилъ костюмъ Добролюбова, прежде чѣмъ рѣшился предстать передъ публикой въ своемъ собственномъ рубищѣ. А между тѣмъ, костюмъ этотъ давно уже тяготилъ его, потому что былъ слишкомъ великъ для него; давно

Digitized by Google

уже путался онъ въ его складкахъ, спотыкался и едва не ронялъ его, обнаруживая при этомъ: то свѣтлую пуговицу, то красивое золотое шитье своего сановническаго мундира. Но цѣлый годъ упорный фельетонистъ не рѣшался разстаться съ этимъ костюмомъ, и тщательно припрятывалъ выдающее его шитье. Теперь, наконецъ, онъ является намъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; мы смотримъ на него и говоримъ: да, это онъ, тотъ самый, который «благоденствовалъ въ Твери и въ Рязани», и который съ тѣхъ поръ, въ продолженіе цѣлаго года, представлялъ собою величественное зрѣлище будирующаго сановника.

Бѣдный сатирикъ! бѣдный публицистъ! сочувствую вамъ! И за что это васъ обидѣли, за что заставили васъ будировать, между тѣмъ какъ вы всегда были готовы улыбнуться и развеселиться. Впрочемъ, подумайте, не сами ли вы виною этому? Не по вашему ли недоразумѣнію совершилось такое qui pro quo? Вы говорите теперь сами, что нечего чаять и ждать, потому что ожидаемая чаша давно стоитъ на столѣ. Для чего же медлили вы цѣлый годъ прикоснуться къ ней, для чего капризничали и опонировали? Вы говорите: «птенцы, внемлите мнѣ! Вы, которые еще полагаете различіе между старыми и новыми чадами (не безъ нѣкоторыхъ конечно любострастныхъ въ вашу собственную пользу надеждъ), вы, которые надѣетесь, что откуда-то сойдетъ когда-нибудь какая-то чаша, къ которой прикоснутся засохшія отъ жажды губы ваши, вы всѣ стучащіе и ни до чего недостукивающіеся, просящіе и не получающіе—всѣ вы можете успокоиться и прекратить вашу игру. Новый годъ навѣрное будетъ повтореніемъ стараго, потому что и старый былъ хорошъ; никакой чаши ни откуда не сойдетъ по той причинѣ, что она ужь давно стоитъ на столѣ, да губы-то ваши не съумѣли поймать ее» (стр. 25). Вотъ видите ли! Молодеже вы упрекаете за неумѣнье пользоваться изъ чаши, и смѣетесь надъ ней за ея недовольство имѣющимися благами, полагая, что «крохоборническое назначеніе ея» есть именно вѣчно желать. Зачѣмъ же сами вы, почтенный мужъ, представлялись недовольнымъ и дѣлали видъ, что чего-то желаете? Разумѣется, мнѣ извѣстно, что желанія ваши не совпадали съ тѣми, за которыя вы упрекаете молодежь, мнѣ извѣстно, что ваше недовольство было будированіемъ, да и не мнѣ одному это извѣстно, а вся-

Digitized by Google

кому, кто со вниманіемъ прочтетъ напримѣръ разсказъ «Ваня и Миша», имѣющій солидарность съ вашими фельетонами; но спрашиваю я васъ, изъ-за чего же вы представлялись чающимъ и стучащимся? Очевидно, что вы или ошиблись, или прикидывались; но вы хотя и не отличаетесь особенною проницательностью, но настолько смѣтливы, чтобъ не ошибаться. Ваша смѣтливость такъ велика, что вы открыли чашу, о существованіи которой подозрѣвалъ только г. Катковъ. Вы наконецъ убѣдились, что изъ будированія проку мало, что стучать и просить нелѣпо, когда чаша и безъ того на столѣ. Но вы не своекорыстны; открывъ чашу, вы не спѣшите первые поглотить заключающійся въ ней напитокъ, а приглашаете къ ней и птенцовъ, надъ которыми подтруниваете. Но они брезгаютъ тѣми поддонками, которыя вы приглашаете ихъ раздѣлить съ вами, и вотъ—если хотите знать—различіе, существующее между ними и игривыми эксъ-администраторами!

Только вотъ что: ужь если пошло дѣло на разоблаченіе, такъ извольте разоблачиться. Вы полагаете, что нигилисты вскорѣ преобразятся въ титулярныхъ совѣтниковъ, и что вскорѣ «всѣ *тамъ* будемъ». Скажите пожалуйста, какая безцеремонность и незастѣнчивость! Какже это вы не разсчитали, что найдутся люди, которые отвѣтятъ вамъ на это, что не вамъ бы это говорить и не намъ бы слушать? Неужели вы не предвидѣли этого возраженія? Что же вы за сирота казанская? Знаете ли вы, что, прочитавъ эти слова ваши, нашлись люди, подумавшіе, что вы упрекаете нигилистовъ за то, что дальше титулярныхъ совѣтниковъ они не пойдутъ. Видите ли, какъ скромность-то ваша вамъ не къ лицу. Нашли, что сказать: «всѣ тамъ будемъ!» Еще кто будетъ или нѣтъ, а вы вѣдь ужъ давно тамъ.

Конечно, на все это не стоило бы обращать вниманія, какъ не обращали вниманія на продѣлки Павла Мельникова, Воскобойникова и другихъ, ранѣе васъ покинувшихъ взятые на прокатъ костюмы; на это, конечно, не стоило бы тратить и того вниманія, которое было обращено на взбаломученную выходку г. Писемскаго, еслибъ вы выдѣлывали ваши курбеты гдѣ-нибудь, въ родѣ «Русскаго Вѣстника». Но нельзя равнодушно смотрѣть, какъ вы администраторствуете на тѣхъ

Digitized by Google

самыхъ страницахъ, гдѣ еще такъ недавно мы прочли «Что дѣлать?» Омерзительно видѣть самодовольнаго балагура, дошедшаго, изъ любви къ безпричинному смѣху, до осмѣиванія того, чѣмъ былъ вчера, и провозглашающаго глуповскую мораль въ родѣ слѣдующей: «яйца курицъ не учатъ!» Ну что жъ, читатели «Современника», бросайте Добролюбова, отворачивайтесь отъ него—вѣдь онъ принадлежалъ къ числу «птенцовъ» и осмѣливался учить и даже проучивать такихъ почтенныхъ куръ, какъ г. Погодинъ или г. Аксаковъ, или даже г. Щедринъ, который не можетъ до сихъ поръ простить ему и въ отмѣстку старается ущипнуть его въ своемъ курятникѣ. Фельетонистъ впрочемъ не допускаетъ и мысли о томъ, чтобы куръ могли не слушаться, или чтобы яйца могли преподать что-нибудь курамъ. Подобный афронтъ можетъ случиться, по его мнѣнію, лишь тогда, когда дѣти будутъ рождать отцевъ, что одинаково нелѣпо. Странно только, что, говоря это, фельетонистъ забылъ, что только—что самъ отрицалъ всякое различіе между старыми и молодыми годами. По его же выходитъ, что старости приличествуетъ научать юношество, а юношеству слушаться старости. Чего жъ еще? Юные нигилисты, имѣющіе поступить въ титулярные совѣтники, въ послѣднемъ случаѣ не замедлятъ испытать справедливость этого, особенно если судьба дастъ имъ юмориста-начальника.

Фельетонистъ видимо старается подражать г. Писемскому и его «Взбаломученному морю». Онъ вѣроятно нашелъ, что діалоги—форма весьма приспособленная для пораженія нигилистовъ и приводитъ такого рода бесѣду между собой и одной нигилисткой, бывшей въ оперѣ, гдѣ,—прибавляетъ острякъ,—давали конечно Карла Смѣлаго (при этомъ я вспоминаю «*Запутанное дѣло*» разсказъ Н. Щедрина и размышляю о различіи между молодыми и старыми годами), нигилистка поставленная фельетонистомъ подъ удары своего сарказма, достойнаго самого Никиты Безрылова, негодовала будто бы на Шарлоту Карловну.

— «И какъ она смѣла, эта скверная, *визгливо* заключила разсказчица, топая ножкой.

— Да вамъ то что до этого? спросилъ я, пораженный нѣкоторымъ изумленіемъ.

Digitized by Google

— Помилуйте! я честная нигилистка, задыхаюсь въ пятомъ ярусѣ, а эта дрянь, эта гадость, эта жертва общественнаго темперамента смѣетъ всенародно показывать свои плечи—гдѣжъ тутъ справедливость? и неужели правительство не обращаетъ наконецъ на это вниманія?

. . . . . .

— Ну согласились ли бы вы промѣнять вашу чистую совѣсть на ложу въ бель-этажѣ? спросилъ я въ заключеніе.

— Конечно нѣтъ! отвѣчала она, *но какъ-то такъ* невнятно, что я долженъ былъ повторить свой вопросъ»....

Не дѣлаетъ чести вашему остроумію, обоюдуострый фельетонистъ, что вы не выдумали для пораженія нигилистовъ ничего лучшаго, какъ позаимствоваться отъ г. Писемскаго. Надѣюсь однако, что наконецъ наши записные остряки перестанутъ разсточать перлы своей сатиры на какихъ-то невѣдомыхъ юношей, подвизающихся на поприщѣ подслушиванія или завидующихъ Шарлотамъ Карловнамъ. Подобныя изображенія ровно ни къ чему не ведутъ, потому что ни для кого ни ново и слѣдовательно не любопытно знать, что существуетъ на свѣтѣ подслушивающіе юноши, точно также какъ и шпіонствующіе старцы. Викторъ Басардинъ г. Писемскаго и нигилистка фельетониста могутъ быть, сколько угодно фантазіи ихъ изобрѣтателей, гадки и пошлы, потому что всякій знаетъ, что Россія не населена сплошь героями и геніями. Гораздо болѣе любопытный субъектъ для сатирическаго ума представляютъ собою другія личности. Вотъ хоть бы напр. остроумный фельетонистъ, не далѣе какъ годъ тому назадъ, распалившійся гнѣвомъ за то, что одинъ журналъ заподозрилъ искренность его нигилизма. Тогда фельетонистъ излилъ цѣлые потоки краснорѣчія, чтобы доказать, что на новую свою дѣятельность онъ не смотритъ какъ на перемѣну мѣста служенія, и чтобы завѣрить публику, что онъ есть истинный и непреложный нигилистъ. А, глядишь, черезъ годъ самъ проповѣдуетъ куриные *трансцы* негодуетъ на птенцовъ. Въ прошедшемъ году фельетонистъ въ пылу гнѣва такъ распѣтушился, что вздумалъ подтрунивать надъ

Digitized by Google

«Мертвымъ домомъ». Онъ поддразнивалъ своихъ противниковъ, что они «сидѣли въ рощѣ и смирно толковали», какъ будто самъ онъ не вѣсть какіе подвиги совершилъ. Тогда насмѣшка надъ «Мертвымъ домомъ» казалась просто безтактностью и слѣдствіемъ привычки къ повелительному наклоненію. Но теперь фельетонистъ съ успѣхомъ доказалъ что это было не болѣе какъ слѣдствіе особеннаго пристрастія его къ смѣху, вызываемому не столько внѣшними предметами, сколько игривостью нрава. Вотъ теперь его разбираетъ смѣхъ по поводу романа: «Что дѣлать?» Онъ юмористически, но въ сущности безсмысленно намекаетъ на него, изображая нигилистку, разсѣкающую трупъ и въ тоже время подпѣвающую: «Ни очемъ я, Дуня, не тужила». Ибо, прибавляетъ фельетонистъ, со временемъ, какъ извѣстно, никакое человѣческое дѣйствіе безъ пѣнія и пляски совершаться не будетъ. Подобная выходка можетъ показаться совершенно ясной и достойной изумленія, ибо гдѣ же видано, чтобъ какой нибудь администраторъ издѣвался надъ учрежденіемъ, украшаемымъ его собственной персоной. Надо помнить также, что человѣкъ чувствующій неопредѣленный позывъ къ смѣху, за недостаткомъ другихъ матеріаловъ беретъ то, что находитъ. Да и изумляться рѣшительно нечему и не слѣдуетъ, а надо смотрѣть «въ корень», и тогда все покажется естественнымъ. Неужели же всякій разъ изумляться, когда кому нибудь приходитъ въ голову сбросить съ себя маскарадное платье? Вѣдь этакъ удивленія не хватитъ и наконецъ поневолѣ привыкнешь. Два года тому назадъ простительно было изумляться, но пора же наконецъ перестать! Пора научиться узнавать людей не по вывѣскамъ и ярлыкамъ, которые они прицѣпляютъ, а по другимъ, болѣе существеннымъ признакамъ. Что касается до остроумнаго фельетониста, то я не стану здѣсь доказывать, что пышнѣйшій его курбетъ—вещь, которой удивляться не нужно, потому что всѣ относящіяся къ этому предмету доказательства читатель найдетъ въ статьѣ г. Писарева «*Цвѣты невиннаго юмора*». Я же спокойно скажу, что фельетонистъ не замедлитъ пойти и далѣе по открытой имъ торной дорожкѣ.

Прежде чѣмъ разстаться съ почтеннымъ фельетонистомъ, считаю нужнымъ сказать ему нѣсколько словъ. Въ его обоюдуостромъ фельетонѣ между прочими прелестями виднѣются верхушки какой-то до-

Digitized by Google

вольно скверной, сколько можно судить по верхушкамъ, выдумки. Фельтонисту должно быть извѣстно названіе того поступка, когда клевета является на свѣтъ божій въ видѣ темныхъ намековъ, и закулисныхъ сплетней, такъ что нѣтъ возможности ни опровергнуть ее, ни даже разобрать; такъ что не знаешь, чему болѣе удивляться пошлости факта или трусости того, кто желаетъ укусить въ потьмахъ. Неробѣйте, милый мальчикъ, и объяснитесь попрозрачнѣй; авось въ верхушкахъ и хвостикахъ вашей клеветы вы узнаете себя скорѣе, чѣмъ тѣхъ, на кого метите. Мы надѣемся, что онъ потрудится нѣсколько раскрыть свои намеки, дабы ихъ можно было опредѣлительно назвать соотвѣтствующимъ именемъ. На этомъ пока мы покончимъ съ почтеннымъ фельетонистомъ и обратимся къ «Современнику».

Мы можемъ сказать смѣло, что были всегда чужды барышническихъ разсчетовъ о числѣ подписчиковъ, которыхъ такъ любятъ зазывать къ себѣ другіе журналы. Мы всегда полагали, что подобныя соображенія въ дѣлѣ оцѣнки достоинства журналовъ не достойны литературы и что умолчаніе о заслугахъ какого нибудь журнала или отрицаніе ихъ—дѣло, унижающее литературу. На этомъ основаніи мы всегда заявляли о нашемъ полномъ сочувствіи къ Современнику и не умалчивали о томъ, что это лучшій изъ нашихъ журналовъ. И теперь, несмотря на потери, понесенныя имъ, наши симпатіи принадлежатъ ему вполнѣ, и мы желаемъ ему полнаго успѣха, потому что считаемъ его полезнымъ.

Но, именно, вслѣдствіе всего этого, мы признаемъ себя вправѣ быть требовательнѣе относительно «Современника», чѣмъ относительно какой нибудь «Библіотеки для чтенія». Я полагаю, что подобный взглядъ на этотъ журналъ раздѣляетъ большинство его читателей. Поэтому обращаю вниманіе уважаемыхъ сотрудниковъ «Современника» на новое направленіе, придаваемое этому журналу г. Щедринымъ; прошу ихъ вспомнить обличенія, которыми они часто преслѣдовали литературное ренегатство, и замѣтить, что «Современникъ» находится въ эту минуту на весьма скользкомъ пути. Послѣ Добролюбова, каждое слово, котораго было запечатлѣно такой горячей симпатіей къ молодому поколѣнію, послѣ «Что дѣлать»? въ которомъ

Digitized by Google

не видно ни малѣйшаго желанія лизоблюдничать — было бы непріятно видѣть «Современникъ», подражающимъ «Русскому Вѣстнику» въ брани и злобѣ на все, что старается высвободиться изъ подъ рутины и дышать по человѣчески. Теорія: «со временемъ», проповѣдуемая остроумнымъ фельетонистомъ могла бы особенно ловко красоваться на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», не становясь въ явный разрѣзъ съ противоположной теоріей Добролюбова; насмѣшки надъ «Что дѣлать?» могли бы съ успѣхомъ отличаться гдѣ нибудь въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» или въ «Развлеченіи».

Г. Антоновичъ нѣкогда такъ сильно возставалъ противъ «Отцевъ и дѣтей» г. Тургенева. Но если онъ безпристрастенъ, то долженъ сознаться, что мудрое правило относительно обученія куръ яйцами выражено г. Тургеневымъ гораздо скромнѣе, чѣмъ остроумнымъ фельетонистомъ «Современника». Г. Пыпинъ до сихъ поръ еще не можетъ издать книжки, не упрекнувъ въ предисловіи г. Тургенева за пренебрежительный отзывъ его объ изученіи молодежью естественныхъ наукъ. Я не могу не согласиться съ г. Пыпинымъ, что такой упрекъ справедливъ, хотя не могу не замѣтить, что отзывъ Тургенева — верхъ голубиной кротости сравнительно съ рычащими лѣснымъ воемъ остротами игриваго эксъ-администратора, издѣвающагося въ «Современникѣ» надъ «милыми нигилистками», безстрастною рукою разсѣкающими трупы. Я понимаю, что обитателямъ Глупова такое зрѣлище можетъ казаться увеселительнымъ; но меня изумляетъ, что веселое настроеніе, произведенное въ нихъ, можетъ находить себѣ убѣжище на страницахъ «Современника». Прошу васъ, господа, обратить вниманіе на эти соображенія, потому что въ противномъ случаѣ очень легко можетъ произойти то, что всѣ, нѣкогда обиженные вами за уживчивость, обрадуются случаю обратить ваши стрѣлы противъ васъ же самихъ. И они будутъ правы. Конечно сила авторитетовъ у насъ такова, что г. Щедринъ и подобные ему могутъ еще долго совершать публично все, что имъ угодно, питаясь славой своихъ предшественниковъ, но въ глазахъ всѣхъ мало мальски порядочныхъ людей этого недостаточно. Никто же не благоговѣетъ передъ г. Дудышкинымъ за то, что онъ занялъ мѣсто, занимаемое нѣкогда Бѣлинскимъ. Всякій очень хорошо понимаетъ, что между ними нѣтъ ничего общаго, и что Бѣлинскій, еслибъ былъ живъ, не имѣлъ бы никакой солидар-

Digitized by Google

ности съ нынѣшними «Отечественными Записками». Поэтому можно предполагать, что не смотря на значеніе авторитетовъ, разница между Щедринскимъ стилемъ и направленіемъ Добролюбова, наконецъ выяснится. Скажу прямо: совмѣстить въ себѣ тенденціи остроумнаго фельетониста съ идеями Добролюбова журналъ, уважающій себя, не можетъ. Надо выбирать одно изъ двухъ: или идти за авторомъ «Что дѣлать?» или смѣяться надъ нимъ. Посмотримъ, какъ-то вы выйдете изъ этого по истинѣ глуповскаго положенія.

В. Зайцевъ.

Digitized by Google

ПОПРАВКА ЧУЖОЙ КОРРЕКТУРЫ.

Въ Январской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» помѣщено, въ видѣ разбора, простое искаженіе моей статьи, написанной по поводу русскаго перевода сочиненія Лелевеля: «Польша и Испанія» и напечатанной въ послѣдней книжкѣ «Русскаго Слова» за прошлый годъ. Вступать въ *полемику* я не буду, потому что полемизировать можно только противъ мысли, а не противъ промаха, происходящаго отъ непониманія. Разборъ, о которомъ я говорю, можетъ имѣть только такое значеніе, какое бы имѣло перепечатаніе оглавленія моей статьи съ опечатками искажающими ее смыслъ, опечатками, происшедшими отъ неспособности корректора. Но приведеніе чьей-либо мысли, съ искаженіемъ ея опечатками, хотя и исключаетъ возможность полемики, однакоже вызываетъ необходимость оговорки, указанія опечатокъ тѣмъ, кому мысль принадлежитъ.

Одной изъ главныхъ задачъ моей статьи было выставить *противорѣчіе,* въ какое впала жизнь республики польской, въ послѣднемъ періодѣ, съ своими первобытными стремленіями, на «неестественное» отступленіе съ «естественнаго» пути, на фактическую «олигархію», въ которой утонули легальныя стремленія шляхты къ «демократіи» и т. д. Термины эти противоположны одинъ другому на столько, на сколько два термина противорѣчія, по необходимости должны быть противоположны другъ другу. Любопытное явленіе: въ «Библіотекѣ» нашелся такой писатель, который приписалъ указанное *мною* противорѣчіе—*мнѣ;* мнѣ поставилъ въ вину несогласіе конца польской исторіи съ ея началомъ и продолженіемъ, *меня* коритъ за тотъ фактъ, на который я указывалъ! Наборщикъ, неразличающій знака вопроса отъ точки, прочелъ еще слѣдующія опечатки:

1) Онъ напечаталъ, что я всѣ свои доводы взялъ изъ брошюры Лелевеля; конечно для дѣла все равно, откуда бы я

Digitized by Google

не взялъ свои доводы, если противъ нихъ могла быть предъявлена только чепуха; но такъ какъ моя статья была помѣщена не какъ компиляція изъ чужой брошюры, а какъ мое собственное сочиненіе, то я вынужденъ пояснить: что въ 13 страницахъ, изъ которыхъ состоитъ моя статья, мною приведены доводы и мнѣніе брошюры въ четырехъ мѣстахъ, составляющихъ вмѣстѣ *одну* страницу; что, заимствуя изъ брошюры, я всякій разъ на нее указывалъ; что за тѣмъ, во всей моей статьѣ, нѣтъ ни одной мысли принадлежащей брошюрѣ, даже ни одного факта взятаго изъ нея, для подкрѣпленія моихъ доводовъ.

2) Онъ напечаталъ, что государственное устройство Пруссіи не похоже на складъ республики польской, между тѣмъ какъ я, будто бы ихъ сравниваю; я же говорилъ только, что ученіе прусскихъ феодаловъ, «о равноправности трехъ факторовъ власти» ведетъ къ безвыходности легальнымъ путемъ, т. е. къ анархіи, къ чему этотъ принципъ привелъ и Польшу. Сравненіе же всего строя двухъ государствъ на основаніи одного принципа проявляющагося въ нихъ въ различные времена, въ разной степени и стало быть въ различной формѣ, требованіе, чтобы вслѣдствіе напр. принципа невольничества, существовавшаго въ древнемъ Римѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ, г. Линкольнъ былъ похожъ на Спартака—очевидная опечатка. Смыслъ ея (если опечатка предполагаетъ смыслъ) таковъ: въ Кіевѣ дуетъ вѣтеръ и въ огородѣ дуетъ вѣтеръ; какъ же это можетъ быть, когда «въ огородѣ — лебедá, а въ Кіевѣ — дядька?»

Л. Полонскій.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

ГЕРМАНІЯ. Военныя дѣйствія австрійскихъ и прусскихъ войскъ въ Шлезвигѣ. — Союзный сеймъ теряетъ свое значеніе въ отношеніи къ Австріи и Пруссіи. — Запальчивость и трусливость членовъ Національ-ферейна и германскихъ мелкихъ владѣтелей. — Мнѣніе Пальмерстона объ австро-прусской политикѣ — Заносчивость Бисмарка и смиреніе прусскихъ депутатовъ. — Совѣтъ, данный Германіи. — ФРАНЦІЯ. Впечатлѣніе, произведенное пренiями объ адресѣ. — Превосходство оппозиціонныхъ ораторовъ передъ правительственными. — Заемъ, сдѣланный у народа. — Выгоды, извлеченныя изъ этой мѣры значительными капиталистами. — Увеселенія тюльерійскаго двора. — АНГЛІЯ. Затруднительное положеніе Сентъ-Джемскаго кабинета. — Новые образчики англійскаго правосудія. — АМЕРИКА. Принужденное перемиріе. — Побѣды, одерживаемыя федералистами путемъ мирныхъ законодательныхъ мѣръ. — Рѣшительный тонъ, принимаемый правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Англіею и Франціею. — МЕКСИКА. Мексиканскій вопросъ съ точки зрѣнія Монитёра и въ настоящемъ его видѣ. — Несчастный случай въ Сантъ-Яго.

«Первые выстрѣлы раздались на Эйдерѣ», замѣчаетъ Rotschafter, полу-официальный вѣнскій журналъ.—«Благодареніе Богу! воскликнемъ мы отъ всей души. Каждый залпъ орудій, приводящій въ сотрясеніе шлезвигскую почву, служитъ для насъ сигналомъ освобожденія. Онъ содѣйствуетъ уничтоженію проклятія, которое въ теченіе нѣсколькихъ недѣль тяготѣло надъ патріотами, и ясно показываетъ настоящее положеніе дѣлъ. Когда въ воздухѣ начинаетъ раздаваться свистъ пуль, тогда уже болѣе не пишутся дипломатическія ноты; слова замѣняются тогда дѣйствіемъ.

Digitized by Google

«Первая стычка съ непріятелемъ измѣняетъ взаимное отношеніе партій. Когда австро-прусскія войска вмѣстѣ идутъ въ огонь, они уже не представляютъ собою *войска протокола*: они тогда дѣти одной и той-же страны и братья по оружію. Мы видимъ, что первая линія занята самыми отборными германскими войсками; наши два знаменитые полка *Короля Бельгійскаго* и *Великаго герцога Гессенскаго* образуютъ авангардъ арміи. Мы желаемъ счастливаго успѣха этимъ храбрымъ сынамъ Штирійскихъ горъ и верхней Австріи, которые при Маджентo и Сольферино такъ славно освятили свои знамена!

«Мы бы хотѣли обратиться съ усердной просьбою къ господамъ датчанамъ, на которыхъ мы обыкновенно не тратимъ ласковыхъ словъ, —съ прозьбою, чтобъ они, эти господа датчане, не отступали и не очищали Шлезвига. Прошло время миролюбивыхъ пѣснопѣній; въ нашу эпоху мечъ превратился въ божество; теперь Германія молится у подножія алтаря войны».

«Что толку въ миролюбивомъ походѣ, отъ котораго солдаты выносятъ только болѣзни и лохмотья, а не честь и славу? Дѣла могутъ принять хорошій оборотъ, если вооруженная борьба замѣнитъ полемику; несогласія затихнутъ въ Германіи, какъ скоро въ Шлезвигѣ раздастся громъ пушечныхъ выстрѣловъ. И такъ, впередъ, наши храбрые воины! Мы возлагаемъ на васъ самыя драгоцѣнныя свои надежды».

1-го февраля въ четыре съ половиною часа утра, барабанный бой, возвѣщавшій зарю, разбудилъ австро-прусскія войска. Затѣмъ пруссаки перешли Эйдеръ и вступили въ Шлезвигъ черезъ Эккенферде. Австрійцы окружили крѣпость Рендсбургъ и заняли ея кронверки, которые покинуты были датчанами послѣ небольшой схватки. Погода была великолѣпная.

Австро-прусская армія состояла изъ десяти бригадъ инфантеріи, содержащихъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, съ восемью кавалерійскими полками и сотнею пушекъ. Кромѣ того ожидались новыя войска въ количествѣ тридцати тысячъ. Замѣтьте, что сюда не включена федеральная дивизія, занимающая Голштинію подъ начальствомъ генерала Гакке. Датчане могли противопоставить своему непріятелю только армію въ тридцать пять тысячъ человѣкъ, которую притомъ необходимо было растянуть на весьма длинной оборони-

Digitized by Google

тельной линіи. На сторонѣ австро-прусскихъ войскъ была выгода, представляемая наступательнымъ движеніемъ, а на сторонѣ датчанъ —защита, доставляемая крѣпостями, болотами, морскимъ рукавомъ и большимъ Даниверкскимъ рвомъ.

На чьей же сторонѣ было право? А, по всей вѣроятности, на той, гдѣ находилось болѣе батальоновъ.

По видимому планъ союзныхъ генераловъ состоялъ въ томъ, чтобы, оставивъ въ сторонѣ опасное Даниверкское укрѣпленіе, произвести на непріятеля двѣ весьма серьозныя аттаки, которыя бы истощили всѣ средства датчанъ. Эти двѣ диверсіи позволили бы союзникамъ перейти черезъ Шлей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ этотъ морской рукавъ узокъ и мало защищенъ. Планъ этотъ былъ не дуренъ, и притомъ приводился въ исполненіе арміею, которая вдвое превосходила численностью непріятельскія силы. Поэтому, пока австрійцы, находившіеся на лѣвой сторонѣ позиціи, аттаковали датчанъ между Соттерфомъ и Готторфомъ, пруссаки бомбардировали и сожгли Миссунде. Между тѣмъ одна дивизія, находившаяся на крайнемъ правомъ флангѣ, готовилась выступить въ походъ, и три дня спустя приблизилась къ Арнису, перекинула мостъ черезъ Шлей и ночью перешла черезъ этотъ морской рукавъ. И вотъ датчане обойдены и въ опасности лишиться сообщенія съ моремъ, они принуждены поспѣшно отступить, оставить позади себя Даниверкское укрѣпленіе, свои пушки и запасы, преслѣдуемые непріятелемъ по пятамъ. При Оверси одинъ датскій отрядъ пожертвовалъ собою для спасенія остальной арміи. Австрійскіе гусары на всемъ скаку напали было на зеландскіе батальоны, но датчанамъ удалось заманить ихъ въ засаду, скрывавшуюся за лѣсомъ, и произвести въ рядахъ ихъ страшное опустошеніе. Это было самое кровопролитное дѣло.

Извѣстіе объ этомъ событіи произвело невыразимое негодованіе въ Копенгагенѣ и всеобщее смущеніе въ Стокгольмѣ. Какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, пораженіе приписывалось измѣнѣ, другими словами—дипломаціи. Не только бранили главнокомандующаго, Мецу, котораго немедленно призвали въ Копенгагенъ, вмѣстѣ съ главнымъ его штабомъ, но нападали также на короля Христіана Глюксбургскаго. Вспомнивъ, что онъ самъ нѣмецъ по происхожденію, его обвиняли въ унизительной покорности англійской дипломаціи, которая будто бы хотѣла, чтобы датчане не защищались

Digitized by Google

ни за Эйдеромъ, ни за Шлеемъ, ни за Даниверкомъ. Волненіе достигло крайнихъ предѣловъ и вѣстовщики поговаривали уже о революціи и о плебисцитѣ, которымъ корона передавалась шведскому королю....

Предоставляя событіямъ идти своимъ чередомъ и внезапно мѣнять положеніе дѣлъ, предоставляя саблѣ бесѣдовать съ саблею и штыкомъ, мы возвратимся къ вопросу о правѣ, болѣе для насъ важному, чѣмъ вопросъ объ успѣхѣ той или другой стороны, и продолжимъ разсказъ о политическихъ событіяхъ съ того самого мѣста гдѣ мы остановились въ послѣдней своей корреспонденціи, т. е. со вступленія въ Голштинію федеральныхъ войскъ, за которыми принцъ Аугустенбургскій обращался съ прокламаціями къ своему «вѣрному народу». Въ продолженіе мѣсяца мы видѣли, какъ понижались акціи этого аферіста, который смѣло требуетъ для себя возвращенія такъ называемаго наслѣдственнаго права, пять разъ проданнаго его семействомъ на наличныя деньги. На сколько онъ пользуется расположеніемъ Сейма, на столько же не благоволятъ къ нему Бисмаркъ и Рехбергъ. Съ самого вступленія своего въ Голштинію, союзныя австро-прусскія войска срывали съ зданій гербы этого претендента и въ тоже время бросали въ грязь знаменитое знамя германскаго единства, золотое, красное, съ чернымъ. Однакожъ, такъ какъ все это дѣло представляетъ противорѣчіе съ самимъ собою, то замѣтимъ, что въ Эккенфердѣ герцогъ Аугустенбергскій провозглашенъ былъ владѣтельнымъ княземъ въ присутствіи прусскихъ войскъ которыя, по увѣренію Бисмарка, пришли за тѣмъ, чтобы поддержать требованія Лондонскаго трактата. Это-то объявленіе, чистосердечное или притворное, сдѣланное Пруссіею и Австріею, объявленіе, что онѣ намѣрены защищать договоръ 1852 года противъ претензій германскаго союзнаго Сейма, и было главнымъ событіемъ, обращавшимъ на себя въ прошедшемъ мѣсяцѣ вниманіе остальной Европы.

Въ засѣданіи, происходившемъ 14-го января, Сеймъ совершилъ дѣло неслыханное: онъ освободился изъ подъ опеки Пруссіи и Австріи, и большинствомъ одиннадцати голосовъ противъ пяти, отвергъ предложеніе, сдѣланное этими двумя великими державами, которыя хотѣли чтобъ Сеймъ потребовалъ отъ Даніи, чрезъ ультиматумъ, немедленной отмѣны конституціи 18-го ноября, съ угрозою, въ противномъ случаѣ, приступить къ насильственному занятію Шлезвига.

Digitized by Google

Пять голосовъ, которые одни были въ пользу этого предложенія, принадлежали Австріи, Пруссіи, эрцгерцогству Гессенскому, обоимъ Мекленбургамъ и 16-ой куріи, состоящей изъ безконечно маленькихъ членовъ конфедераціи: Гамбурга, Реусса, Лихтенштейна, Липпе, Вальдекка и Шаумбургъ-Липпе. Рѣшеніе Сейма показывало совершенное разобщеніе обѣихъ великихъ державъ относительно остальной Германіи и означало, что гегемонія какъ Пруссіи, такъ и Австріи уже оспанивалась, если не приходила въ упадокъ.

Оба германскіе колосса, возмущенные, отвѣчали настоящимъ coup d'etat, объявивъ, что они не намѣрены обращать никакого вниманія на это рѣшеніе. Они такимъ образомъ возстали противъ федеральнаго договора, отвергли свои обязательства относительно Сейма и явно перестали ему повиноваться, на что никогда не рѣшалась бѣдная Данія. Дѣло легкое отказаться отъ повиновенія, когда находишься во главѣ нѣсколькихъ сотень тысячъ солдатъ. Итакъ, фактъ тотъ, что Рехбергъ и Бисмаркъ уничтожили всякое значеніе Сейма относительно ихъ самихъ, и Сеймъ перенесъ эту обиду. Онъ теперь имѣетъ вѣсъ только въ виду маленькой Даніи.

Рехбергъ оправдывался весьма замысловатымъ аргументомъ: «На Сеймѣ, говорилъ онъ, — Австрія и Пруссія представлялись меньшинствомъ. Между тѣмъ народонаселеніе, принадлежащее большинству, относится къ народонаселенію нашего меньшинства, какъ 20 къ 80. Поэтому было бы странно, еслибъ такое меньшинство повиновалось подобному большинству». Итакъ, по мнѣнію этого великаго министра, легальность зависитъ отъ вопроса о количествѣ народонаселенія и правосудіе есть дѣло пушки. Пусть же Данія испытаетъ на себѣ справедливость этого заключенія!

Коалиція National-Verein'a и второстепенныхъ германскихъ государей была какъ громомъ поражена отъ этой выходки. Запальчивыя головы громко заговорили о гражданской войнѣ и о необходимости вооружиться въ одно и то же время и противъ Даніи, и противъ Австріи и Пруссіи. Но послѣ первой вспышки негодованія, эти запальчивые патріоты набили кнастеромъ свои большія трубки, и гнѣвъ ихъ разсѣялся подобно дыму. «Kreuzwetter tausend sapperment!», воскликнули они: «Wasfür eine fatale Geschichte»! Второстепенными государями овладѣлъ страхъ. «Прежде, чѣмъ кончится XIX вѣкъ», говорили они,— «Пруссія и Австрія, чего добраго! раздѣлятъ между собою Германію,

Digitized by Google

какъ нѣкогда они поступили съ Польшею. Вѣдь собственно говоря, права, какія мы имѣемъ на наши земли, незначительнѣе правъ Даніи на неприкосновенность ея владѣній, которая была гарантирована европейскими трактатами, нарочно заключенными для этой цѣли. Императору австрійскому и королю прусскому стоитъ только отыскать поводъ къ войнѣ, чтобы насъ покорить, медіатизировать, лишить собственности, конечно во имя Сейма»!—«Очевидно», думаютъ съ своей стороны либералы, покуривающіе трубку,—«Пруссія и Австрія заключили между собою тайный договоръ, первая для того, чтобы распространить свои владѣнія на сѣверѣ и на западѣ, а вторая—для того, чтобы увеличить, или, лучше сказать, обезпечить свое господство на востокѣ и на югѣ; Пруссія гарантируетъ Австріи Венгрію и Италію, а Австрія Пруссіи—пріобрѣтеніе Шлезвига и Голштиніи. Безъ всякаго сомнѣнія, обѣ эти великія державы заключили подобныя же условія съ Россіею. Это ничто иное, какъ повтореніе варшавскихъ конференцій, только на новыхъ основаніяхъ; это—возстановленіе такъ называемаго священнаго союза... Теперь погибла свобода Германіи, и какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вся бѣда обрушится на насъ, несчастныхъ либераловъ. Das ist fatal, höchst fatal! Mädel, Knaster her»!

Итакъ, вотъ къ чему повелъ новый союзъ германскихъ государей съ Готскими либералами, которые трубили во всеуслышаніе, что интересы феодаловъ солидарны съ интересами народовъ! Что касается насъ, то мы не знаемъ, что выйдетъ изъ всей этой исторіи; мы только можемъ засвидѣтельствовать запутанное, нелѣпое, ложное положеніе, въ какомъ находятся заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ стороны. Дѣйствительно вѣдь вотъ въ чемъ сущность:

— Цѣлость Датской монархіи была признана и провозглашена тремя четвертями европейскихъ державъ и тремя четвертями германскихъ государствъ. Теперь она объявлена дипломатическою мечтою, пустымъ подтвержденіемъ протокола фанатическими приверженцами вѣнскаго трактата.

— Нѣмецкіе либералы утверждаютъ, что датское правительство нарушило вѣнскіе договоры тѣмъ, что сдѣлалось конституціоннымъ; такъ какъ шлезвигъ-голштинцы, освободившись изъ-подъ чисто-личной зависимости отъ короля, сдѣлались зависѣвшими отъ министерства, которое въ свою очередь зависитъ отъ *рикрада*, а этотъ по-

Digitized by Google

слѣдній—отъ народнаго выбора. Сами шлезвигъ-голштинцы большею частію жалуются на эту проклятую конституцію. Это напоминаетъ исторію англійскаго сержанта, который жалѣлъ о томъ, что его освободили отъ кожанаго галстуха (похожаго на желѣзный обручъ), и увѣрялъ, что онъ съ тѣхъ поръ сильно страдаетъ судорогами ьъ шеѣ.

— Семейство Шлезвигъ-Голштейнъ-Зандербургъ-Аугустенбургское, соперничествующее съ семействомъ Шлезвигъ-Голштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскимъ, и которое пять разъ продавало свои права на наслѣдство, дѣйствительныя или мнимыя, и каждый разъ получало за нихъ наличныя деньги, теперь снова требуетъ для себя возвращенія этихъ правъ.

— Нѣмецкіе демократы, отвергая въ настоящую минуту принципъ всеобщей подачи голосовъ, возстаютъ единодушно во имя права Аугустенбургскаго дома, исъ энтузіазмомъ восклицаютъ: послѣдній пріютъ государей заключается въ сердцахъ нѣмецкихъ республиканцевъ!

— Германскіе государи удостоиваютъ демагоговъ принятія въ секретари, домогаются помощи Національ-Ферейна и наконецъ выставляютъ на полѣ битвы общественнаго мнѣнія устарѣлую разбитую машину, называемую *великою Готскою партіею*!

— Пруссія и Австрія, эти двѣ вѣчныя взаимныя соперницы, ненавидящія другъ друга и по привычкѣ, и по традиціи, и вслѣдствіе географической и религіозной необходимости, теперь заключаютъ между собою дружественный договоръ. Бисмаркъ принужденъ оправдывать себя въ этомъ союзѣ передъ парламентомъ и въ свое извиненіе говорить, что это мѣра только временная. Рехбергъ, съ своей стороны, долженъ утверждать передъ рейхсратомъ, что дружба съ берлинскимъ кабинетомъ заключена только на время. Дѣло въ томъ, что въ общественномъ мнѣніи Австріи произошелъ сильный переворотъ, и австрійскіе либералы видятъ теперь въ добромъ согласіи съ прусскимъ правительствомъ величайшую опасность, какой только можетъ подвергнуться ихъ возникающая и еще весьма шаткая свобода.

— Хотя Голштинія составляетъ часть Германской конфедераціи, а Шлезвигъ не принадлежитъ къ этому союзу, тѣмъ не менѣе германскій союзный сеймъ объявляетъ оба герцогства нераздѣльными и на этомъ основаніи требуетъ покоренія Шлезвига, во имя одной

Digitized by Google

фразы, вкравшейся въ одну латинскую рукопись, и вопреки предшествовавшимъ и послѣдовавшимъ трактатамъ.

— Данія хочетъ освободиться отъ Голштиніи, но не можетъ возвратить ее Германскому союзу, который не соглашается принять часть, ему принадлежащую, а намѣренъ овладѣть цѣлымъ, на которое онъ не имѣетъ права.

— Германскій союзный сеймъ, овладѣвающій Голштиніею въ интересахъ самой Даніи, какъ говоритъ онъ, и нисколько не касаясь вопроса о престолонаслѣдіи, допускаетъ однакожъ провозглашеніе герцога Аугустенбургскаго въ присутствіи своихъ войскъ.

— Австрія и Пруссія, объявляюія, что союзный сеймъ превысилъ свои права занятіемъ Голштиніи, сами, подъ предлогомъ защиты Даніи отъ несправедливыхъ притѣсненій, нападаютъ на это государство въ самыхъ чувствительныхъ его мѣстахъ, предводительствуя страшной арміей.

— Мозаическая Австрія, владѣющая Венеціей, частію Польши, Венгріею и Богеміею, становится поборницею національности и заступницею народовъ противъ чужеземнаго господства.

— Баварія, Саксонія, Баденъ и Ганноверъ протестуютъ противъ поведенія Австріи и Пруссіи и хотятъ запретить ихъ войскамъ переходъ чрезъ свои владѣнія. Герцогъ Ольденбургскій отправляется въ Берлинъ съ тѣмъ, чтобы лично жаловаться королю Вильгельму на нарушеніе своихъ территоріальныхъ и владѣтельныхъ правъ прусскою арміею.

— Пруссія и Австрія, эти представительницы дипломатическихъ приличій, нападаютъ на Данію, не объявивъ ей войны, если только не считать такимъ объявленіемъ требованіе, сдѣланное копенгагенскому кабинету, ниспровергнуть конституцію въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ. Утромъ авангардъ союзныхъ войскъ представляетъ этотъ ультиматумъ, а на другой день вся армія ихъ производитъ нападеніе. И такой государственный переворотъ требуется отъ конституціоннаго правительства конституціонными же правительствами! По закону, необходимо шесть недѣль для созванія народнаго собранія, а австрійскіе и прусскіе генералы даютъ на это одинъ день— время, достаточное только для полученія отвѣта по телеграфу! Замѣтьте притомъ, что еслибъ король Христіанъ согласился испол-

Digitized by Google

нить такое требованіе, то онъ совершилъ бы дѣйствіе незаконное и поэтому неимѣющее никакой силы.

— Война эта — дѣло неслыханное! Предпринята австрійцами и пруссаками съ тѣмъ, чтобы принудить Данію къ соблюденію условій, которыя освободили бы самихъ похитителей отъ исполненія ихъ собственныхъ обязательствъ! Союзники отправляются въ походъ подъ предлогомъ защиты цѣлости государства и сами раздробляютъ его, чтобы вознаградить себя за свое великодушіе. Уже въ офиціальныхъ газетахъ говорится, что они, въ вознагражденіе за расходы по экспедиціи, сохранятъ за собою Шлезвигъ и Голштинію. Неудивительно, что Пальмерстонъ находитъ такой образъ дѣйствованія несправедливымъ и торжественно нападаетъ на него въ британскомъ парламентѣ:

«Въ Берлинѣ утверждали», воскликнулъ этотъ министръ, «что если австрійскія и прусскія войска встрѣтятъ сопротивленіе въ Шлезвигѣ и если это сопротивленіе повлечетъ за собою столкновеніе, то возникнетъ война, которая кладетъ конецъ трактатамъ. Англія отвѣтила на это, что такая доктрина лишена всякаго смысла (аплодисменты), и что если ее принять, то всякое могущественное государство, заключившее неудобный для себя трактатъ съ державою слабою, будетъ имѣть возможность освободиться отъ принятыхъ на себя обязательствъ, несправедливо напавъ на своего соперника, безъ предварительнаго объявленія войны. Могущественная держава скажетъ тогда, что вспыхнула война, и, упираясь на свое непростительное нападеніе, невызванное никакимъ непріязненнымъ поступкомъ съ противоположной стороны, объявитъ себя освобожденной отъ своихъ обязательствъ. Англія замѣтила, что ни одно правительство, уважающее себя, не станетъ проповѣдывать подобную доктрину и не захочетъ дѣйствовать такимъ образомъ».

Кромѣ того, могъ бы прибавить Пальмерстонъ, въ международномъ европейскомъ правѣ еще нѣтъ закона, по которому одна держава могла бы вмѣшиваться во внутреннія дѣла другой и съ оружіемъ въ рукахъ требовать отъ нея уничтоженія или измѣненія конституціи, подъ тѣмъ предлогомъ, что этою конституціею недовольны мѣстные жители. Это повело бы далеко. На такомъ основаніи Франція могла бы занимать рейнскія провинціи, пока не осуществлена будетъ прусская конституція.

Наши прусскіе депутаты, недавно гордо отказавшіеся содѣйствовать субсидіями войнѣ изъ-за шлезвиг-голштинской, тогда какъ австрій-

Digitized by Google

скій рейхсратъ осмѣлился отказать своему правительству въ этихъ субсидіяхъ только на половину, еще разъ позволили распустить себя, не постановивши въ палатѣ обвиненія противъ Бисмарка.

— Негодованіе Германіи противъ Пруссіи и Австріи утихаетъ, будто чудомъ, съ той минуты, какъ войска ихъ переходятъ черезъ Шлей. Старый генералъ Врангель, котораго либералы ненавидѣли,— этотъ самый Врангель вдругъ дѣлается предметомъ всеобщаго патріотическаго восторга, современнымъ народнымъ героемъ.

— Англія, дававшая Даніи совѣты и подстрекавшая ее къ сопротивленію, теперь возвышаетъ свой голосъ съ тѣмъ, чтобы испугать Германію. Въ палатѣ лордовъ графъ Дерби сравнилъ графа Росселя съ Боттомъ, однимъ изъ лицъ, представленныхъ въ шекспировскомъ *Сонъ въ лѣтнюю ночь*, съ человѣкомъ, который, во что бы то ни стало, хотѣлъ сыграть роль льва и, обѣщавшись мычать самымъ свирѣпымъ образомъ, продолжалъ мычать такъ тихо, какъ воркуетъ голубь, чтобы, изволите видѣть, не испугать дамъ! Дѣйствительно, Англія, угрожавшая блокировать Тріестъ и Гамбургъ, возбудить италіянскую войну и высадить за Даневеркомъ тридцать тысячъ солдатъ, вдругъ понижаетъ свой голосъ, узнавши, что пушка маршала Врангеля прогремѣла и что орлы прусскій и австрійскій держутъ въ своихъ когтяхъ Шлезвигъ. Она оскорблена поведеніемъ австрійцевъ и пруссаковъ, разорвавшихъ трактатъ, за ненарушимость котораго она ручалась. Одна мысль, что Пруссія и Австрія, обрадованныя успѣхомъ своего предпріятія, чего добраго! вздумаютъ считать постояннымъ пріобрѣтеніе земли, которую они,—такъ по крайней мѣрѣ онѣ объявляли, — хотѣли занять единственно какъ матеріальную гарантію уступокъ, справедливо требуемыхъ отъ Даніи,— одна эта мысль возбуждаетъ въ сердцахъ всѣхъ англичанъ невыразимое чувство негодованія, впрочемъ благоразумно ими подавляемое. Эта Англія, столь храбрая, когда дѣло касается безсильной Бразиліи, или Соединенныхъ Штатовъ, которые она считала навсегда раздѣленными вслѣдствіе междоусобной войны, вполнѣ поняла, что вліяніе ея въ Европѣ сильно поколебалось отъ щелчка, даннаго княземъ Горчаковымъ. Она, однакожъ, пятится. Ужели всегда она будетъ дѣйствовать такъ?

Что изъ всего этого выйдетъ, мы увидимъ впослѣдствіи. Карты теперь такъ перетасованы, что мы не рѣшаемся дѣлать никакихъ

Digitized by Google

предложеній. Главная опасность, по нашему мнѣнію, заключается въ ослѣпленіи отдѣльныхъ лицъ, партій и народовъ. Теперь дѣло состоитъ не въ столкновеніи принциповъ, ни даже въ столкновеніи интересовъ, а въ столкновеніи страстей. Это — самая нелѣпая изъ всѣхъ сценъ замѣшательства, это — нѣмецкая Вальпургова ночь, это — Броккенскій кутежъ бѣсовъ, это — одна изъ тѣхъ грубыхъ, дикихъ и циническихъ фантасмагорій, тайною которыхъ владѣетъ одна Германія. Никогда еще, съ самыхъ временъ распрей, бывшихъ во Флоренціи, въ Генуѣ, Пизѣ, Луккѣ, распрей, усложнявшихся вмѣшательствомъ французовъ, сицилійцевъ, венеціянцевъ и нѣмцевъ, интригами Гвельфовъ и Гибеллиновъ и продѣлками вассаловъ Святой имперіи, съ одной стороны, и римскими кардиналами, папами и епископами, съ другой, — никогда еще Европа не видала подобной кутерьмы!

И да будетъ намъ позволено высказать Германіи наше строгое мнѣніе о ея поведеніи и дать ей безпристрастный совѣтъ.

Любостяжаніе влечетъ за собою несправедливость, которая, съ своей стороны, возбуждаетъ въ людяхъ ненависть другъ къ другу и порождаетъ между ними безпорядки, а за ненавистью и безпорядками легко можетъ слѣдовать раззореніе! Вопросъ о національности заключается не только въ вопросѣ о пространствѣ, занимаемомъ какою-либо страною, или о естественныхъ ея границахъ, ни даже въ вопросѣ о языкѣ и происхожденіи мѣстныхъ жителей. Нѣтъ, это — вопросъ о нравственности, объ идеалѣ справедливости, о совѣсти. Конечно, что и говорить! — можно погибнуть, не смотря на свое правое дѣло; но чаще люди погибаютъ вслѣдствіе эгоизма и алчности. Если Германія не хочетъ быть ограбленною, то пусть сама не грабитъ никого, и если она желаетъ быть великою, то пусть напередъ будетъ безкорыстною!

Франція теперь развлекается и забываетъ треволненія, возбужденныя преніями, бывшими по поводу адреса. Въ продолженіе шести недѣль, пока происходили эти дебаты, имперія потрясалась до самого мозга костей. При каждомъ ударѣ, наносимомъ ей оппозиціон-

Digitized by Google

ными ораторами, она сама сознавалась, что поражена въ самой чувствительной своей части. Въ томъ-то и состоитъ неудобство нашей современной политической системы, что она всякую мелочь признаетъ важною и всякое осужденіе правительственныхъ мѣръ считаетъ равносильнымъ мятежу. Самыя критики поставлены въ необходимость объявить ее или преступною или непогрѣшимою.

Нѣтъ надобности перечислять здѣсь подвиги, совершавшіеся на этомъ турнирѣ и не всегда отличавшіеся отпечаткомъ вѣжливости, подвиги, которые обращали на себя всеобщее вниманіе Европы. Господа Тьеръ и Берье блистательнымъ образомъ возвратились на политическую арену. Господа Жюль Фаврь, Пикаръ и Оливье поддержали свою прежнюю репутацію и продолжаютъ быть фаворитами либеральной буржуазіи, которая желаетъ имѣть оппозицію весьма настойчивую и весьма категорическую, но невыступающую еще за предѣлы конституціи. Господинъ Глэ Бизуенъ, который, не смотря на свои шестьдесятъ пять лѣтъ, есть въ нѣкоторомъ родѣ un enfant terrible, дитя, служащее предметомъ ужаса родителей, этотъ Глэ Бизуенъ пользуется ярою привязанностью студентовъ и всѣхъ вообще радикаловъ.

Анализъ всѣхъ этихъ дебатовъ повелъ бы насъ слишкомъ далеко. Притомъ пренія съ нѣкотораго времени производятся келейно, весьма келейно въ ожиданіи дебатовъ по поводу бюджета. Поэтому дошедшіе до насъ отрывки краснорѣчія теперь похожи на раскупоренныя бутылки, потерявшія свой букетъ. Къ тому же они не содержатъ ничего слишкомъ новаго для читателей нашего политическаго обозрѣнія, которые давно уже знакомы со взглядами французской оппозиціи. Намъ нѣтъ надобности повторять ни о злоупотребленіяхъ нашей централизаціи, ни о продѣлкахъ, употребляемыхъ при всеобщей подачѣ голосовъ, ни о льготахъ, которыя Франція, по мнѣнію министровъ, употребляетъ во зло, ни о лаврахъ, какіе она пожинаетъ въ отдаленныхъ экспедиціяхъ, въ Китаѣ, Кохинхинѣ, Мексикѣ и другихъ странахъ.

Какъ бы то ни было, самолюбіе министровъ, правительственныхъ ораторовъ, получило сильный ударъ. Превосходство краснорѣчія ихъ противниковъ было слишкомъ очевидно. Быть защитниками неправаго дѣла, уступая своимъ непріятелямъ въ талантѣ, это ужъ черезъчуръ неудобно. Что касается господъ Пельтана и Жюля Симона, то эти новые депутаты въ своемъ родѣ производятъ удивленіе въ

Digitized by Google

публикѣ, но республиканцы, ихъ прежніе друзья, никогда не простятъ имъ ихъ вступленія въ число такъ называемыхъ «демократовъ, присягнувшихъ имперіи.» Господа Геру и Оливье все еще находятся во главѣ партіи, извѣстной подъ названіемъ республикано-имперіалистской. Одно время даже, когда происходили волненія по поводу адреса, въ парижскихъ салонахъ разнесся было слухъ объ образованіи новаго министерства, подъ предсѣдательствомъ Морни и Оливье.

Если правительство играло незавидную роль при преніяхъ, происходьвшихъ въ законодательномъ собраніи, за то оно торжествовало при производствѣ внутренняго займа. Оно потребовало у народа около 315 милліоновъ, а народъ предложилъ ему 4 милліарда 500 милліоновъ.... Заемъ, назначавшійся по поводу италіянской войны, пять разъ покрывался суммою, предложенною 670 тысячами подписчиковъ, а настоящій заемъ покрывается шестнадцать разъ 542 тысячами подписчиковъ. Правда, что и въ этомъ торжествѣ есть сторона, достойная хулы. Такъ какъ относительная цѣна билетовъ этого займа была ниже курса другихъ облигацій подобнаго рода, то большое число привратниковъ, лакеевъ и мелкихъ промышленниковъ увидѣли въ этомъ средство пріобрѣсти какіе нибудь пять или десять франковъ барыша, съ сохраненіемъ возможности перепродать впослѣдствіи свои права на полученіе выданныхъ ими правительству денегъ. Напротивъ, значительные капиталисты, банкиры и другіе богатые спекулянты, которые большею частію вовсе не имѣли намѣренія воспользоваться этимъ случаемъ для помѣщенія своихъ капиталовъ въ казну, а только хотѣли сдѣлать финансовую операцію на короткій срокъ, подписались на суммы совершенно номинальныя, что дало имъ возможность завладѣть почти всѣмъ займомъ. Такимъ образомъ 522,000 подписчиковъ подписались каждый на 6 франковъ ренты, тогда какъ 20,000 подписчиковъ раздѣлили между собою 11 милліоновъ. И это объясняется просто. Благодаря своимъ сношеніямъ съ министерствомъ финансовъ, значительные банкиры ежедневно узнавали, какъ идетъ подписка и на какую сумму приблизительно простираются требованія подписчиковъ. Эти-то господа имѣли возможность устроить дѣло такъ, что, при раскладкѣ займа, на долю ихъ приходилась такая именно сумма, какая требовалась для ихъ арбитражей.

Къ этой привиллегіи присоединилась новая. «Возвышенность процентовъ, говоритъ министръ въ своемъ докладѣ, — и ограниченіе,

Digitized by Google

какое счелъ нужнымъ сдѣлать банкъ Франціи относительно выдачи денегъ подъ залогъ имуществъ, заставили допустить при подпискѣ представленіе рентъ и облигацій казначейства, вмѣсто обезпеченія звонкою монетою.» Такимъ образомъ, значительные капиталисты могли подписываться, не раскрывая своего кошелька, и возвышать свою подписку по мѣрѣ того, какъ возрастала сумма требованій со стороны подписчиковъ. При этомъ они не имѣли надобности справляться съ своею кассою и все-таки хорошо знали, какія они принимали на себя дѣйствительныя обязательства. Это вѣрно. Одинъ изъ подписчиковъ, даже послѣ сокращенія суммъ, назначенныхъ по подпискѣ, имѣлъ право на ренту въ 2,700,000 франковъ (право, которое конечно онъ не намѣренъ сохранить для себя). Такимъ образомъ онъ взялъ капиталъ въ шестьдесятъ милліоновъ, которые представляютъ номинальную подписку приблизительно въ одинъ милліардъ, такъ какъ предложеніе въ шестнадцать разъ превышало требованіе. Но извѣстно, что ни одно частное лицо, даже сами Ротшильды не обладаютъ милліардомъ.

Не смотря на затруднительное положеніе правительства, при дворѣ Тюльерійскомъ господствуетъ веселье; балы и вечера даются своимъ чередомъ. Императрица вводитъ въ моду дамскую охоту. Предводительствуя шайкою амазонокъ, она поражаетъ копьемъ маленькихъ ландскихъ коровъ, которыхъ нарочно для этой цѣли загоняютъ охотники. Вотъ извѣстіе объ этомъ отъ 31-го января:

»Императрица, въ сопровожденіи княгини Меттерних, маркизы Галлифе, графини Пурталесъ, госпожи де-Лурнель и большей части придворныхъ дамъ, третьяго дня отправилась на охоту въ Рамбулье. Мужчины, удостоившіеся чести провожать ее, предварительно получили билеты, въ которыхъ приглашались на «une chasse de dames».

Тронная рѣчь, произнесенная въ англійскомъ парламентѣ, обнаруживаетъ довольно ясно безпокойство и затруднительное положеніе Сенъ-Джемскаго кабинета, который послѣ торжества, одержаннаго

Digitized by Google

надъ тюльерійской политикой, неловко вмѣшался въ споръ, возникшій между Даніею и Германіею. Англійскіе политики, повидимому, не скрываютъ отъ себя опасности, какой подвергается ихъ вліяніе въ Европѣ; но они не знаютъ или скорѣе не рѣшаются, какъ выйдти изъ своего затруднительнаго положенія. Они не осмѣливаются ни послать флотъ въ Эккенферде, ни блокировать Гамбургъ; они знаютъ, что остановка громадной торговли этого города главнымъ образомъ производилась бы ко вреду самой Англіи. Что же касается до отправленія на англійскихъ судахъ изъ Генуи въ Венецію италіянской дивизіи съ той цѣлью, чтобы вмѣстѣ съ этой дивизіею стать противъ австрійскихъ пушекъ, то такая мѣра означала бы подвергнуть себя всѣмъ случайностямъ революціонной войны, какъ одно время дѣлалъ императоръ Наполеонъ III. Такое воинственное предпріятіе вовсе не соотвѣтствуетъ темпераменту англичанъ—милордовъ и лавочниковъ. Притомъ Англія знаетъ, что лишь только она вступитъ въ войну съ австрійцами, какъ немедленно пятьсотъ американскихъ корсаровъ, водрузивъ на своихъ судахъ австрійскій флагъ, начнутъ производить яростную охоту на англійскіе купеческіе корабли, разсѣянные тысячами по морямъ. Въ продолженіе какихъ нибудь шести мѣсяцевъ эти корсары похитятъ, потопятъ или сожгутъ англійскихъ товаровъ на два милліарда. И вотъ награда за злобу, коварство и трусость! Джонъ Булль полагалъ, что нашелъ удобный случай для убіенія своего брата Джонатана, но когда наступила рѣшительная минута, онъ не отважился на такой поступокъ, и удовольствовался тѣмъ, что сталъ грабить своего родственника врага. Теперь Джонатанъ, оправившись отъ ранъ, снова размахиваетъ своимъ мечемъ. Джонъ Булль труситъ; онъ не осмѣливается выходить со двора и печально вторитъ: Honesty is the best policy-было бы хорошо, еслибъ мы были честны!

Надо замѣтить, что противорѣчія и запутанность, какими отличаются шлезвигъ-голштинскія дѣла, въ нѣкоторомъ родѣ отразились въ Англіи. Лордъ Пальмерстонъ въ пользу воинственной политики, графъ Россель—въ пользу мирной. Народъ вообще склоняется на сторону послѣдняго, но желаетъ, чтобы Европа считала его благопріятствующимъ идеѣ Пальмерстона. Королевское семейство раздѣлено на двое: будущій наслѣдникъ престола на сторонѣ датчанъ, т. е. на сторонѣ своей жены, но королева, которая по своему браку столько же нѣмка, сколько и англичанка, выѣдши изъ своего

Digitized by Google

летаргическаго состоянія, всею душою склоняется въ пользу Кобурговъ.

Въ Индіи и въ Японіи дѣла въ настоящую минуту запутанны. Въ новой Зеландіи продолжается война. Здѣсь дѣла Англіи идутъ довольно хорошо.

У себя дома, англичане взволнованы двумя происшествіями, представляющими между собою рѣзкій контрастъ. Совершены были два убійства: одно предпамѣренно, при обстоятельствахъ самыхъ возмутительныхъ, однимъ джентльменомъ, а другое въ припадкѣ ревности, при обстоятельствахъ, смягчающихъ вину преступника, однимъ работникомъ. И что же? Джентльменъ былъ пощаженъ, а работникъ повѣшенъ. Рѣшеніе суда возбудило негодованіе народа. На улицахъ появились плакарды, гдѣ было сказано: «Неужели Райтъ будетъ повѣшенъ? Если будетъ, значитъ есть два различныхъ закона: одинъ для людей богатыхъ, а другой для бѣдныхъ.» Мы просимъ у читателей позволенія помѣстить здѣсь по этому случаю одну страницу, исполненную рѣдкаго сочувствія, и которая была послана въ газету Temps однимъ великимъ писателемъ. Вотъ что говорится въ этой корресподенціи:

»Не думаю, чтобы когда либо какая нибудь парадная площадь представляла здрѣлище, болѣе трагическое, болѣе потрясающее и болѣе достойное вниманія философовъ, чѣмъ то, которое разыгрывалось здѣсь вчера, въ ту минуту, когда одинъ человѣкъ, Калкрафтъ, надѣлъ петлю на шею другого, Райта, и задушилъ его во имя человѣчества, въ присутствіи молящагося священника.

«Принцесса Уэйльская только что предъ тѣмъ родила сына. Едва еще успѣлъ замолкнуть торжественный звонъ колоколовъ, производившійся по этому случаю. Королева, имѣющая право миловать была въ восторгѣ.

«Толпа, собравшаяся на площади, услышала какъ пробило девять часовъ. Не видя появленія преступника, она стала надѣяться, что онъ помилованъ. Вѣдь отрадно, въ особенности въ минуту счастія, произнести слово милосердія, освобождающее человѣка отъ висѣлицы, а его мать, жену и дѣтей отъ безпокойствъ, еще болѣе ужасныхъ, чѣмъ смерть! Ужъ навѣрное послѣдовало помилованіе Самуэля Райта; такъ, по крайней мѣрѣ, надо было полагать...

«Такъ и дѣйствительно думала толпа. Повторяю, сердце каждаго присутствующаго билось отъ безпокойства и надежды.

Digitized by Google

«Толпа эта не была, какъ обыкновенно, воодушевлена грубымъ любопытствомъ. Она не ожидала съ нетерпѣніемъ насладиться зрѣлищемъ одной изъ тѣхъ ужасныхъ драмъ, которыя человѣческое общество иногда выставляетъ на сцену. Она, напротивъ, дрожала за жизнь осужденнаго. Если она была менѣе значительна, чѣмъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, то именно потому, что наканунѣ большое число работниковъ, отправившихся узнать объ участи, ожидающей Самуэля Райта, возвратились, говоря: мы не хотимъ присутствовать при убійствѣ.

«Къ какимъ мѣрамъ не прибѣгали для предупрежденія этого убійства! Къ сэру Джону Грею посылалась одна депутація за другою. Судьи, обязанные посѣщать темницу въ Горсмонгеръ-Лейнѣ, представили «меморіалъ», въ которомъ доказывалось, что несчастный обвиненный не былъ бы приговоренъ къ смерти, еслибъ предварительно извѣстны были всѣ обстоятельства, сопровождавшія преступленіе, и еслибъ была возможность узнать ихъ во время. Принцу Уэльскому было подано прошеніе, съ многочисленными подписями, также по этому поводу; королеву умоляли произнести слово помилованія; работники совершали трогательныя процессіи, имѣвшія цѣлью умилостивить тѣхъ, отъ кого зависѣла участь преступника; съ этою же цѣлью собирались многочисленные народные митинги въ Ламбетѣ и Соутваркѣ; журналы заговорили въ томъ-же смыслѣ; даже адвокатъ, который, по своей обязанности, игралъ роль публичнаго обвинителя во время производства суда, хлопоталъ объ отмѣнѣ приговора, произнесеннаго по его же представленію; со всѣхъ сторонъ, а въ особенности отъ низшаго класса народонаселенія, раздавался крикъ, требовавшій пощады осужденнаго. А вчера, когда всѣ эти попытки остались тщетными, вчера, въ тотъ самый часъ, когда, согласно смыслу обычной фразы, «правосудіе должно было исполнить свое дѣло», скамьи, заранѣе приготовленныя для любопытныхъ зрителей, были пусты; окна, вмѣсто того, чтобы быть отданными въ наймы по чудовищнымъ цѣнамъ и усѣянными народомъ, были завѣшаны, въ знакъ траура. Изъ тѣхъ людей, для которыхъ зрѣлище казни имѣетъ неотразимую силу, одни не выждали конца, а другіе оставались на мѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы произнести проклятіе не надъ преступникомъ, а надъ эшафотомъ.

«Правительство очень хорошо знало чувствованія, волновавшія на-

Digitized by Google

родъ, да и какъ могло оно ихъ не знать! и потому приняло чрезвычайныя мѣры къ предупрежденію безпорядковъ. Оно созвало на этотъ случай всю полицію. Предосторожность излишняя, такъ-какъ присутствовавшіе считали нужнымъ выразить свое негодованіе не насильственными поступками, а проклятіями, еще болѣе ужасными.

«Какъ я уже замѣтилъ, въ толпѣ, какъ молніей, блеснулъ лучъ надежды. Но когда въ темницѣ раздался звонъ колокольчика, патетическое безмолвіе, господствовавшее до той поры, замѣнилось глухимъ, страшнымъ ропотомъ. Одинъ изъ присутствующихъ сказалъ: «Помолимся за нашего брата Самуэля Райта», и всѣ принялись молиться. Явились шерифы, и священникъ съ палачемъ, и осужденный. Тогда поднялась буря проклятій, ропота и воплей. «О, позоръ! о, ужасъ! это убійство!» вопили одни. «Браво, Райтъ, не робѣй! Да благословитъ тебя Господь Богъ, товарищъ!» кричали другіе. Раздавались даже крики, требовавшіе уничтоженія смертной казни.

«Осужденный, блѣдный, но твердый, старался выпрямиться и закинулъ свою голову назадъ. Потомъ онъ поклонился толпѣ такъ низко, что, казалось, онъ упадетъ. Но онъ снова выпрямился и опять поклонился. Когда веревка уже была у него на шеѣ, онъ поклонился еще разъ. Толпа заревѣла. Въ ту самую минуту, когда осужденный превратился въ трупъ, одинъ сильный, здоровенный мужчина лишился чувствъ.

«Тѣ, которые его окружали, взяли его на плечи и понесли по городу, какъ доказательство народной печали. Въ тоже время изъ рукъ въ руки передавался плакардъ, написанный наканунѣ, такого содержанія:

«Жители Лондона, и мужчины и женщины, не присутствуйте при этой несправедливой казни. Пусть Калкрафтъ и компанія исполнятъ свое дѣло, не имѣя другихъ свидѣтелей своего преступленія, кромѣ Бога».

А вотъ въ назиданіе еще другой примѣръ англійскаго правосудія:

«На дняхъ, въ ассизномъ судѣ Миддльсекса, одна пятидесятилѣтняя женщина, по имени Сара Паркеръ, была признана виновною въ покражѣ четырехъ яицъ. Это было уже въ восьмой разъ, что ей присудили наказаніе за воровство. Судья Пейнъ приговорилъ ее къ каторжной работѣ на шесть лѣтъ».

И мы узнали, что одно англійское общество, основанное съ капиталомъ въ десять милліоновъ, для вооруженія судовъ, имѣющихъ

Digitized by Google

цѣлью обмануть бдительность блокадной эскадры, раздало въ прошломъ году своимъ акціонерамъ сумму въ двадцать милліоновъ франковъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, ледъ, снѣгъ и туманы принудили воюющихъ къ перемирію.

Послѣ неудачи, испытанной при Ноксвиллѣ, генералъ мятежниковъ, Лонгстритъ, получилъ значительныя подкрѣпленія, которыя дозволили бы ему снова начать наступательныя дѣйствія, еслибъ не помѣшалъ морозъ. Съ своей стороны, побѣдитель его, Грептъ, могъ бы проникнуть въ самую глубь Георгіи и обложить городъ Аѳины, гдѣ конфедерація спрятала, какъ въ сундукѣ, самое драгоцѣнное свое имущество, два милліона тюковъ хлопка; но дороги, вслѣдствіе дождей и снѣговъ, находятся въ такомъ ужасномъ состояніи, что было бы верхомъ неблагоразумія выступить въ походъ. Война могла бы продолжаться только въ южной части Соединенныхъ Штатовъ, въ Техасѣ и у Чарльстона; но и тамъ также федералисты для пріобрѣтенія рѣшительнаго успѣха нуждались бы въ силахъ, болѣе значительныхъ, чѣмъ какія находятся въ ихъ распоряженіи. Они не осмѣлились уменьшить арміи, расположенной въ Виргиніи и Теннеси, съ тѣмъ, чтобы усилить войска, находящіяся въ южной Каролинѣ и въ Техасѣ, зная, что мятежники только ожидаютъ удобнаго случая, чтобы разстроить окружающую ихъ линію солдатъ и въ третій разъ перенести войну въ Мариленд.

Но если военныя дѣйствія Соединенныхъ Штатовъ въ данную минуту ограничиваются только нѣкоторыми стычками, то изъ этого не слѣдуетъ, что наступилъ застой въ народной жизни. Мирная подача голосовъ одерживаетъ побѣды тамъ, гдѣ безсильны были бы пули и ядра. Законодательное собраніе Мариленда рѣшило почти единогласно, что необходимо созвать конвентъ для уничтоженія въ конституціи слово: *рабство*. Назадъ тому два года аболиціонисты считались въ рабовладѣльческихъ штатахъ такими преступниками, противъ которыхъ недостаточна была смертная казнь, и которыхъ слѣдовало подвергать пыткѣ, обливая ихъ смолою и покрывая перьями. Теперь аболиціонистами являются представители трехъ изъ этихъ штатовъ: Луизіаны, Арканзаса и Теннеси. Вскорѣ они, въ силу президентской прокламаціи, составятъ новыя конституціи, по которымъ уничтожено будетъ рабство. Другой переворотъ, еще болѣе значительный, заклю-

Digitized by Google

чается въ томъ, что негры, бывшіе прежнные рабы, дѣлаются собственниками. Въ Бофортскомъ архипелагѣ, въ Луизіанѣ и въ другихъ мѣстахъ, многія земельныя имущества, плантаціи продавались въ пользу федеральнаго правительства, по случаю неплатежа податей хозяевами. Въ числѣ покупателей этихъ имуществъ не мало было людей изъ числа тѣхъ, которыхъ прежде называли *черным скотом*. Въ Бофортскомъ архипелагѣ пятьдесятъ тысячъ акровъ земли раздѣлены были на участки, заключавшіе въ себѣ каждый по двадцати акровъ. Одна половина этихъ участковъ продавалась съ аукціона, а другая была предоставлена бывшимъ невольникамъ. Эти люди, превратившись въ свободныхъ собственниковъ, въ то же время сдѣлались гражданами. Они-то завоевали землю, которую уніонисты отняли у мятежниковъ силою оружія.

Всѣ эти факты, такъ же какъ и успѣхи на поприщѣ войны, содѣйствуютъ къ возбужденію надеждъ въ федеральномъ правительствѣ и придаютъ его рѣчамъ болѣе силы. Дипломатическія ноты въ этомъ отношеніи не оставляютъ никакого сомнѣнія. Въ своей перепискѣ съ графомъ Росселемъ, производившейся, по поводу корсарскихъ судовъ, чрезъ посредство г. Адамса, государственный секретарь Сьюардъ говоритъ совершенно непринужденно, тономъ человѣка, готоваго, въ случаѣ надобности, поддержать свои требованія силою оружія. Онъ также рѣшителенъ въ депешахъ, отправляемыхъ въ Парижъ, и нисколько не затрудняется представить мексиканскій вопросъ въ настоящемъ его свѣтѣ (въ томъ именно свѣтѣ, въ какомъ этотъ вопросъ извѣстенъ читателямъ нашего обозрѣнія), сохраняя за Соединенными Штатами право дѣйствовать впослѣдствіи въ этомъ дѣлѣ, какъ имъ заблагоразсудится.

Такъ какъ въ законодательномъ корпусѣ ожидаются дебаты по этому вопросу, то Парижанъ угощаютъ безчисленнымъ множествомъ корреспонденцій, въ которыхъ говорится, что семь восьмыхъ Мексики завоеваны французскими войсками, что негодный Хуаресъ съ позоромъ убѣжалъ въ Соединенные Штаты, и т. д. Недавно еще Монитёръ сообщилъ намъ извѣстія, которыя должны пристыдить всѣхъ пессимистовъ.

Оффиціальный корреспондентъ говоритъ объ ожидаемомъ вскорѣ прибытіи во Францію депутаціи, которой поручено поднести эрцгерцогу Максимиліану «ратификацію мексиканскими провинціями выбора, произведеннаго знатными сановниками города Мексико». Итакъ мексиканскія провинціи находятся въ нашихъ рукахъ. Эта новость

Digitized by Google

произведетъ тѣмъ большее удовольствіе, что фактъ этотъ, какъ извѣстно, былъ весьма энергически оспариваемъ. «Теперь, прибавляетъ корреспондентъ, — только немногіе тайные враги правительства распространяютъ слухи, противоположные возстановленію трона». Ожидаютъ также, что въ скоромъ времени къ дѣлу имперіи пристанутъ главнѣйшіе генералы мятежниковъ, между прочимъ Добладо, Уруга и Эчагаразъ. «Наконецъ», сказано въ заключеніи корреспонденціи, — «никогда еще ни одинъ государь не всходилъ на престолъ при болѣе благопріятныхъ предзнаменованіяхъ», эти извѣстія тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ будутъ приняты во Франціи, что послѣ нихъ почти не представляется никакой надобности оставлять наши войска въ Мексикѣ.

Теперь, спрашивается, что будетъ дѣлать эрцгерцогъ Максиміліанъ? Онъ приметъ престолъ, увѣряетъ насъ тотъ же самый корреспондентъ и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ дѣйствительно весьма убѣдительное письмо, гдѣ эрцгерцогъ объявляетъ, что такъ какъ условіе, отъ котораго зависѣло его согласіе, исполнено, то онъ рѣшился принять предложенную ему корону. Эрцгерцогъ повидимому забылъ, что онъ говорилъ также о гарантіи со стороны европейскихъ державъ. Получилъ-ли онъ эту гарантію? Увѣренъ-ли онъ въ ней такъ же, какъ и въ выборѣ, произведенномъ мексиканскими провинціями? Если такъ, то остается только поздравить новое царствованіе и пожелать ему успѣха.

Нужно ли возстановить истину фактовъ? Нужно ли замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ генералы, предводительствующіе экспедиціонными войсками, поссорились съ начальниками клерикальной реакціонерной партіи, французы подвергаются измѣнѣ со стороны реакціонеровъ и пораженію со стороны прогрессистовъ?—Что между тѣмъ, какъ генералъ Базэнъ дѣлаетъ движеніе на западъ, чтобы захватить Хуареса, этого новаго Абдель-Кадера, онъ принужденъ оставить безъ защиты востокъ и пути сообщенія съ Вера-Круцомъ?—Что Оризаба и Тампіео безпрестанно разбиваются патріотами, пока французы, запершіеся въ городѣ, запасаются разными припасами, преспокойно вѣшаютъ нѣсколькихъ измѣнниковъ и удаляются, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи придти опять?—Что для доставленія извѣстій въ Вера-Круцъ каждый разъ потребна экспедиціонная колонна, въ 300 человѣкъ? И Монитёръ увѣряетъ, что успѣхи французовъ въ Мекси-

Digitized by Google

кѣ не прекращаются и что всѣ главные города провинцій заняты французскими войсками!

Въ Сантъ-Яго, въ Чили іезуиты созвали все народонаселеніе и въ особенности своихъ возлюбленныхъ овечекъ, дамъ мѣстной аристократіи, для охраненія отъ окружающихъ соблазновъ.

Повидимому мы въ Европѣ, зараженной, какъ говорятъ іезуиты, протестантизмомъ и жидовщиной, не имѣемъ никакого понятія о той мірской роскоши, какую католики по ту сторону океана употребляютъ при своихъ религіозныхъ церемоніяхъ. Самая простодушная крестьянка, еслибъ она внезапно очутилась въ одной изъ туземныхъ церквей, не могла бы удержаться отъ улыбки при видѣ позы, выраженія и туалета, какими тамъ отличаются статуи святыхъ, при видѣ группъ, какія образуютъ эти статуи въ извѣстные праздничные дни.

Разныя драгоцѣнныя вещи, кружева, шелкъ, бахрамы, ленты и матеріи самыхъ яркихъ цвѣтовъ разложены на алтаряхъ и развѣшаны между колоннами, представляя собою картину, болѣе отличающуюся блескомъ, чѣмъ вкусомъ, и озаренную свѣтомъ свѣчь, фонарей, люстръ и жирандоль, которыхъ количество соотвѣтствуютъ доходамъ монастыря или щедрости прихожанъ.

Въ Лимѣ, въ продолженіи богослуженія, пускаются на воздухъ петарды и ракеты, при яркомъ свѣтѣ тропическаго солнца. Трескъ ихъ смѣшивается съ звономъ колоколовъ. Ни одно церковное торжество не проходитъ безъ того, чтобы въ заключеніи, въ часъ послѣдняго вечерняго благословенія, передъ фасадомъ церкви, не былъ спущенъ фейерверкъ, въ видѣ букета.

Въ Сантъ-Яго, церковь іезуитовъ находится въ самомъ богатомъ, самомъ дѣятельномъ и самомъ населенномъ кварталѣ. Стеченіе народа въ ней было огромное. Подобно тому какъ въ другихъ мѣстахъ, іезуиты и тутъ съумѣли привлечь къ себѣ дамъ, которыя покинули соборъ и другія приходскія церкви, и стали собираться у этихъ монаховъ. Они такимъ образомъ составили многочисленную конгрегацію женщинъ, называемыхъ *дочерями Маріи*. Кромѣ своей исповѣдальни, изобрѣтательные священники устроили возлѣ кружки, назначенной для ленты св. Петра, — el bucon de la Virgen, почтовый ящикъ для писемъ, адресуемыхъ на имя Мадонны. Этотъ

Digitized by Google

ящикъ заключалъ въ себѣ цѣлую корреспонденцію, исполненную самыхъ пламенныхъ изъявленій преданности къ боготворимой дѣвѣ. Письма принимались на эту почту съ платою по 25, по 50 и по 100 су за каждое. Нѣкоторыя впрочемъ изъ писемъ не дошли по адресу; они упали съ неба на землю и достались въ руки нечестивцамъ, которые напечатали ихъ съ разными коментаріями, въ назиданіе мірянъ.

Итакъ эти почтенные монахи занимались доставкою писемъ на небо. Они приносили также благочестивымъ поклонницамъ Мадонны ея отвѣты, большею частію благопріятные, и этимъ поддерживали довѣріе къ себѣ со стороны своихъ овечекъ. Въ случаѣ, если какую нибудь просьбу, изложенную въ письмѣ, было трудно или невозможно исполнить, тогда исповѣдальня представляла средство для объясненія молчанія, хранимаго Мадонной. Разсказываютъ, что душа одной кающейся грѣшницы была при подобномъ случаѣ осуждена въ продолженіи восьми дней скитаться въ аду. Невинная грѣшница говоритъ, что ей казалось весьма страннымъ, что она во все это время и ѣла, и пила, и спала, и молилась. Но такъ какъ присужденное ей наказаніе сообщенно было священникомъ, то она не могла сомнѣваться въ дѣйствительности своего путешествія въ адъ.

8 декабря былъ день празднованія Маріи, обязательнаго для всѣхъ жителей Чили. Наканунѣ, священникъ рекомендовалъ своимъ овечкамъ быть на слѣдующій день какъ можно болѣе внимательными къ службѣ, такъ какъ «онъ имѣетъ сообщить имъ секретъ». Поэтому церковь въ день торжества стала наполняться уже съ трехъ часовъ по-полудни. Толпа у дверей ея была такъ велика, что тѣ, которые желали войти, становились, во избѣжаніе безпорядковъ, почередно одинъ за другимъ

Въ семь часовъ, когда должна была начаться церемонія, посѣтителей было такъ много, что церковь оказалась слишкомъ тѣсною. Полагаютъ, что число ихъ простиралось до 3000.

Убранство церкви было великолѣпное. Къ ослѣпительной иллюминаціи, устроенной на хорахъ, кастелянъ прибавилъ разноцвѣтные бумажные фонари, развѣшанные повсюду многочисленными рядами.

Богатыя драпировки изъ бархата и кисеи роскошными складками спускались съ галлерей. Гирлянды искусственныхъ цвѣтовъ висѣли красивыми дугами, или увивались вокругъ колоннъ. Боковыя стѣны озарялись свѣтомъ отъ десяти до двадцати тысячь лампъ. Полумѣсцъ состоялъ изъ транспарана, за которымъ находилось множество лампъ.

Digitized by Google

Полагали, что эта картина, освѣщенная сзади, произведетъ магическій эффектъ.

Началась молитва.

Изображеніе Мадонны сіяло лучезарнымъ блескомъ, окруженное сонмомъ херувимовъ, летѣвшихъ на розовыхъ облакахъ. При дрожащемъ свѣтѣ огней, оно, казалось, спускалось съ неба. Раздавались тихіе, мелодическіе звуки пѣсни:

Salve, Regina, Mater misericordiae,
Ora pro nobis!

У ногъ Мадонны вдругъ вспыхиваетъ полумѣсяцъ. Еще видна длинная палка пономаря, зажегшаго послѣднюю свѣчу. Новое пламя, отдѣляющееся своимъ краснымъ свѣтомъ отъ цѣлаго каскада огней, безъ сомнѣнія, одна изъ подробностей программы, —

Vita, dulcedo et spes nostra,
Salve!

Слова замираютъ на устахъ священника. Одинъ изъ присутствующихъ поспѣшно кидаетъ свой плащъ на это пламя... Ужъ не вспыхнуло-ли оно случайно?

Пламя пробирается изъ-подъ плаща и, какъ будто пороховымъ слѣдомъ, сообщается всѣмъ рядамъ лампъ. Оно достигаетъ алтаря со всѣми его украшеніями изъ искусственныхъ цвѣтовъ и бумаги, и затѣмъ охватываетъ статую Мадонны. Благодаря жарѣ и сквозному вѣтру, производимому отверстіями, находящимися въ куполѣ, пламя достигаетъ деревяннаго плафона, окрашеннаго масляными красками. Чрезъ нѣсколько секундъ хоры въ огнѣ, потолокъ горитъ и пламя распространяется все далѣе и далѣе.

Изумленная толпа стоитъ безмолвно, неподвижно. Она слышитъ трескъ горящаго дерева, шелестъ пылающей кисеи и видитъ возрастающіе огни. Ужъ не пожаръ-ли? возможно-ли это?

Тогда толпа поняла въ чемъ дѣло... Трепетъ пробѣжалъ по ней какъ вѣтеръ по полю... Внезапно всѣ обращаются назадъ, хотятъ устремиться къ дверямъ, хотятъ выдти... Но, о ужасъ! никто не

Digitized by Google

можетъ сдѣлать шага... Давка такъ велика, что нѣтъ возможности двигаться.

А пожаръ все ростетъ. Пламя перескакиваетъ отъ одной гирлянды на другую и путемъ искусственныхъ цвѣтовъ устремляется на драпировки, подобно потоку. Оно расширяется, испускаетъ клубы чернаго дыма и извергаетъ сверкающія искры.

На фасадѣ церкви три двери, и изъ нихъ одна только, средняя, открыта; съ боку, на право, другая дверь, тоже открытая. Это единственныя средства къ бѣгству для женщинъ. Мужчины, далеко не такъ многочисленные, находятся по лѣвой сторонѣ, отдѣленные отъ женщинъ желѣзнымъ барьеромъ, устроеннымъ по приказанію кастеляна для предупрежденія скандаловъ, какіе обыкновенно совершаются во время вечернихъ празднествъ. Они имѣютъ сообщеніе съ боковою дверью и устремляются къ этому выходу.

Видали ли вы сквозь солнечный микроскопъ борьбу инфузорій, истребляющихъ другъ друга въ каплѣ воды, которая при освѣщеніи южнымъ солнцемъ представляется озеромъ свѣта? Это борьба страшная, отчаянная. Глазъ не успѣваетъ слѣдить за всѣми движеніями этихъ животныхъ: какъ они съ яростью кидаются другъ на друга, какъ терзаютъ другъ друга, какъ внезапно исчезаютъ одни, и какъ судорожно корчатся отъ ранъ другія; но тамъ, на днѣ озера, одно за другимъ, являются смертельно раненыя и убитыя животныя и накопляется цѣлая груда труповъ.

Тоже самое происходило и въ церкви Сантъ-Яго. Женщины, хотѣвшія бѣжать, повергались на полъ, на нихъ опрокидывались другія; являлись третьи и испытывали ту же участь. Такимъ образомъ накоплялись груды тѣлъ, заслоняющія собою каждую изъ дверей. Несчастныя запутывались въ мантильяхъ, платьяхъ, и въ особенности въ кринолинахъ, и не могли выйти изъ своего ужаснаго положенія. Если нѣкоторымъ изъ нихъ, благодаря отчаяннымъ усиліямъ, и удавалось освободиться, полунагими, окровавленными, растрепанными отъ страшныхъ оковъ, въ которыхъ держала ихъ эта свирѣпая, безумная, бѣшеная толпа; то немедленно они подвергались укушеніямъ, тысячи рукъ начинали ихъ душить и рвать на нихъ волосы, и несчастныя снова падали на кучу, гдѣ раздавались скрежетъ зубовъ и вопли отчаянія.

На объятую ужасомъ толпу огонь падалъ дождемъ, летѣли пылающія бревна и драпировки, и синеватыми струями лился растопле-

Digitized by Google

ный свинецъ. Пламя охватывало платья несчастныхъ. Нѣкоторыя женщины вопили, тряслись, рвали на себѣ волосы, раздирали свое лицо и въ изнеможеніи падали навзничь. Другія, неимѣвшія силы шевелиться, становились бѣлыми, какъ мраморъ, потомъ синими; мгновеніе спустя ихъ волосы были въ огнѣ, и за тѣмъ сами онѣ превратились въ уголь. Виднѣлись неподвижныя группы, въ которыхъ нельзя было узнать ни одного человѣческаго образа. Женщины и дѣти вступали въ отчаянную драку при свѣтѣ пожара.

Не было возможности спасти даже тѣ жертвы, которыя находились у самого порога церкви. Входы были завалены трупами. Какъ волны на отмели рѣки, гдѣ встрѣчается приливъ съ отливомъ, здѣсь падали всѣ, и спасители, и тѣ, которымъ они хотѣли помочь. Сотня геркулесовскихъ рукъ протягивалась для спасенія одной изъ этихъ несчастныхъ жертвъ, которыя бились и кричали, и которыхъ нельзя было вытащить цѣлыми изъ этой груды тѣлъ.

Деревья, находившіяся на маленькой площади Аламеда, срывались и протягивались къ жертвамъ. Тысячи нѣжныхъ рукъ хотѣли за нихъ ухватиться. Полагали такимъ способомъ спасти несчастныхъ. Надежда тщетная; деревья вытаскивались, превратившись въ головни.

Одному крестьянину удалось спасти отъ смерти нѣсколько жертвъ. Среди всеобщей суматохи, онъ на лошади подъѣхалъ къ дверямъ церкви и закинулъ во внутренность ея одинъ конецъ своего lazzo. Немедленно десять рукъ ухватились за этотъ lazzo и крестьянинъ, прикрѣпивъ другой его конецъ къ своему сѣдлу, поскакалъ, увлекая за собою нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ. Онъ повторилъ этотъ маневръ раза три или четыре, какъ вдругъ lazzo оборвался и не было возможности его поправить или добыть другой. Между тѣмъ пламя охватило двери и всѣ, искавшія здѣсь спасенія, погибли.

Большая часть мужчинъ успѣли спастись; однакожъ многіе изъ нихъ возвратились. Они взлезли на боковое окно и оттуда бросились въ пламя. Дѣлали-ли они это съ тѣмъ, чтобы спасать жертвы, или съ тѣмъ, чтобы погибнуть вмѣстѣ съ ними? Это осталось тайной. Всѣ они умерли. Одинъ молодой человѣкъ бросился въ огонь, увидѣвъ свою мать. Онъ настигъ ее, схватилъ и потомъ упалъ вмѣстѣ съ нею...

Въ это время въ Сантъ-Яго звонили во всѣ колокола въ честь празднества и этотъ звонъ смѣшивался съ криками и воплями отчаянія.

Digitized by Google

Такимъ образомъ прошли страшныя двадцать минутъ. За пронзительными криками послѣдовали жалобные звуки. Эти звуки, смѣшавшись съ предсмертными стонами, возбуждали непобѣдимый страхъ. Зрители въ ужасѣ обращались въ бѣгство. Наконецъ воцарилось страшное безмолвіе. На груду труповъ обрушились потолокъ, одна башня и колокольня. Въ девять часовъ огонь уже не имѣлъ болѣе пищи. Развалины покрыты были зловреднымъ смрадомъ, и столбы чернаго дыма подымались вверхъ.

Погибло около двухъ тысячь человѣкъ—мужчинъ, женщинъ, дѣтей, старцевъ. На другой день жители посѣтили соборъ, обратившійся въ подземное кладбище. Онъ содержалъ подъ своими сводами тысячу восемь сотъ труповъ. и сколько еще труповъ находилось подъ его развалинами! Въ среднемъ пространствѣ церкви, между главною дверью и каѳедрою, насчитывали по крайней мѣрѣ, пятьсотъ объуглившихся тѣлъ. Въ боковыхъ пространствахъ были группы, въ пятьсотъ человѣкъ каждая. Нѣкоторые сгорѣли только на половину, другіе задохлися отъ дыма и носили на лицахъ печать предсмертныхъ мукъ. Большая часть ихъ стояла подъ сводами, гдѣ они искали убѣжища отъ горящихъ угольевъ, падавшихъ съ потолка. Они были на ногахъ. Старцы упирались на своихъ палкахъ, женщины, казалось, обращались къ небу съ воплями, дѣти стояли, прижавшись къ матерямъ.

Большая часть тѣхъ жертвъ, которыя считались спасенными, погибли ночью или на другой день въ страшныхъ мученіяхъ. Онѣ были безмолвны, не могли издать ни одного звука, страхъ отнялъ у нихъ душу!

Однакожъ ни одинъ священникъ не погибъ, ни одинъ пономарь не былъ раненъ, ни одинъ іезуитъ не получилъ даже царапины въ этой страшной катастрофѣ. Какъ только они увидѣли, что пламя приближается къ алтарю, они бросились въ ризницу, заперли на замокъ дверь въ церковь и поспѣшили спасать нѣкоторые образа, разную утварь, и свои сокровища. Нѣкоторые изъ жителей, большею частію иностранцы, англичане, американцы, хотѣли проломать дверь. Прочь еретики! кричали іезуиты.

Однакожъ въ послѣдній моментъ, когда еще нѣкоторые замирающіе стоны смѣшивались съ трескомъ пылающихъ головней, преподобный отецъ Угарте вспомнилъ, что вся эта толпа умираетъ безъ исповѣди, не получивъ отпущеніе грѣховъ; онъ раскрылъ дверь ризъ-

Digitized by Google

нипы и, протянувъ руку надъ этою дымящеюся массою, мѣстами почернѣвшею, мѣстами красною, и откуда раздавались еще нѣкоторые подавленные стоны, глухимъ голосомъ произнесъ отпущеніе.

Такъ кончилось празднество преподобныхъ отцовъ—іезуитовъ!

РЕГЕНТСТВО, соч. МИШЛЕ.

(La Règence, par. Michlet. 1864 Paris.)

До появленія послѣдняго сочиненія Мишле, мы, подобно всѣмъ, полагали, что вполнѣ постигли смыслъ и значеніе эпохи регентства. Она была переходнымъ временемъ исторіи Франціи, или точнѣе, въ исторіи французскихъ королей. Послѣ пышной, жалкой, безнравственной страсти, отличавшейся ханжествомъ, Франція,—такъ говорили мы,—вслѣдствіе весьма простой, естественной реакціи, перешла отъ іезуитскаго начала къ другому, весьма неблаговидному, съ тѣмъ, чтобы приготовиться къ царствованію Людовика XV; отъ лицемѣрной добродѣтели она обратилась къ хвастливому пороку, съ тѣмъ, чтобы освоиться съ развратомъ, этимъ предвѣстникомъ разрушенія, смерти и возрожденія.

Оказывается, что мы были слишкомъ строги. Ближайшее знакомство съ дѣломъ заставляетъ быть болѣе снисходительными и справедливыми. Мишле представляетъ намъ въ регентствѣ предчувствіе и даже болѣе—подготовленіе того переворота, который въ нѣсколько лѣтъ создалъ для Франціи новую исторію.

«Регентство», говоритъ онъ въ самомъ началѣ,—«это цѣлый вѣкъ, заключающійся въ восьми годахъ. Оно въ одно и то же время представляетъ и открытіе, и революцію, и новое твореніе.—Это вне-

Digitized by Google

запное открытіе міра, подготовлявшагося, но скрывавшагося подъ маской, впродолженіе пятидесяти лѣтъ. Смерть короля послужила какъ-бы театральнымъ превращеніемъ. Все, находившееся подъ спудомъ, вышло наружу. Покрывала изчезли и все сдѣлалось очевиднымъ. Никогда не было общества, въ такой степени озареннаго дневнымъ свѣтомъ».

«И не только возвратился свѣтъ; возвратилось также движеніе. Регентство, это—революція экономическая и соціальная, и притомъ самая великая изъ всѣхъ, бывшихъ у насъ до 1789 года.»

«Она по видимому не имѣла успѣха, но тѣмъ не менѣе была неимовѣрно плодотворна. Регентство, это—созданіе тысячи новыхъ вещей, большихъ дорогъ, сообщенія между провинціями, даровaго образованія, отвѣтственности административныхъ лицъ и т. д. Явились искусства, всѣ тѣ искусства, которыя служатъ къ доставленію удобства и удовольствія въ домашней жизни. Но что еще важнѣе, возникъ новый духъ кротости и гуманности въ противоположность духу варварства и набожной инквизиціи предшествовавшаго царствованія.»

«Эта революція имѣетъ надъ другими большое превосходство. Дѣло въ томъ, что она лишена была всякой формулы, ей не на что было ссылаться, у ней не было текста, заранѣе приготовленнаго, который освобождаетъ отъ необходимости работать умомъ. Англія въ такой опорѣ не имѣла надобности: у нея былъ пуританизмъ. Даже нашъ 89-й годъ могъ обойтись безъ подобной поддержки: у него были Руссо и Вольтеръ. Владѣя такими авторитетами, 89-й годъ не нуждался ни въ какомъ литературномъ изобрѣтеніи. У него былъ цѣлый вѣкъ, на который онъ могъ сослаться. Но этимъ вѣкомъ служитъ для него регентство. Это—и Вольтеръ, и Монтескье, и Дидро, въ зародышѣ, и все, что потомъ развилось».

«Дитя, рожденное безъ отца»,—таково имя, такова странная привиллегія восемнадцатаго вѣка».

«Онъ питаетъ отвращеніе и ужасъ къ семнадцатому столѣтію и, ужъ конечно, ничего не заимствуетъ у своего предшественника».

«О великомъ шестнадцатомъ вѣкѣ онъ не имѣетъ ровно никакого понятія. Онъ удивительнымъ образомъ не знаетъ своего собственнаго сродства съ Монтенемъ и Рабле, съ свободною эпохою возрожденія».

«Вотъ непростительное преступленіе вѣка Людовика XIV. От-

Digitized by Google

личаясь ловкою подражательностью, но въ то же время безпрестанно возобновляя избитые вопросы, этотъ вѣкъ разорвалъ нить великихъ изобрѣтеній. Онъ израсходовалъ свои силы на повтореніе и подражаніе. Даже его геніи служили помѣхою прогрессу.»

Мишле резюмировалъ мысль своего сочиненія еще яснѣе.

«Мой принципъ», говоритъ онъ, — «простъ и обнаруживается въ во всемъ ходѣ событій. Вотъ онъ:

«Прошедшее было зломъ. Представителями его служили варварскіе средніе вѣка и Испанія, столь же жестокая при Альберони, какъ и при Филиппѣ II,—Испанія, которая во время самого регентства, бывшаго во Франціи, озарялась кострами, и которая, въ качествѣ побѣдительницы, остановила бы насъ на сотню лѣтъ и осудила бы на сожженіе Вольтера и Монтескье».

«Будущее явилось теперь добромъ. Въ немъ былъ и прогрессъ, и новый духъ.

«Таковъ именно характеръ регентства, проявляющійся въ его великихъ дѣятеляхъ. Мы въ этомъ должны сознаться, не смотря на ошибки и пороки этихъ людей. И регентъ, и Ноэль, въ особенности Ло, и даже Дюбуа, въ томъ или другомъ отношеніи, принадлежали къ партіи будущности. Надо отдать имъ справедливость; они отличались нѣкоторыми добрыми инстинктами, нѣкоторыми свѣтлыми идеями и нѣкоторыми благими намѣреніями».

«Но я въ отношеніи къ нимъ не слабъ, но строгъ. Я каленымъ желѣзомъ налагаю клеймо на Дюбуа, столь полезнаго сначала, и который былъ виновникомъ всеобщаго упадка силъ. Я вывожу на чистую воду сообщничество Ло съ мошенниками; — этого великаго, изобрѣтательнаго Ло, человѣка безкорыстнаго и великодушнаго, но отличавшагося слабымъ характеромъ. Что же касается регента, этого страстнаго поклонника всѣхъ наукъ, любезнаго, любимаго, кроткаго и добродушнаго,—увы! исторія должна поставить его къ позорному столбу за всѣ его постыдные поступки, частные и публичные».

Вотъ какимъ образомъ г Мишле обрисовываетъ намъ героя регентства.

«Этотъ человѣкъ былъ, конечно, не самымъ лучшимъ, но за то самымъ добрымъ человѣкомъ Франціи. Доброта была основною чертою его характера. Она очаровательнымъ образомъ проявлялась въ каждомъ его поступкѣ. Чуждый всякаго высокомѣрія, всякой запаль-

Digitized by Google

чивости, регентъ никогда не выходилъ изъ себя, не смотря ни на какія непріятности. Онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ выслушивалъ и переносилъ дерзкія замѣчанія однихъ и оскорбительныя наставленія другихъ. Даже тѣ, которые наиболѣе пострадали отъ его позорной жизни, почувствовали при его смерти, что никто не могъ сравниться съ нимъ кротостью характера и свѣтлымъ умомъ».

«Регентъ великодушно вручилъ власть министровъ совѣтамъ и требовалъ, чтобы государственные вопросы рѣшались посредствомъ преній. Свѣтъ при немъ въ первый разъ проникъ въ Какусову пещеру, я хочу сказать—во мракъ древняго всеобщаго произвола».

«Чтобы дать этимъ совѣтамъ полную свободу, регентъ опредѣлялъ въ нихъ всѣхъ своихъ враговъ и хулителей, желавшихъ его смерти, и которые изъявляли намѣреніе умертвить его. Одинъ изъ нихъ говорилъ: «я буду его Брутомъ». Но это былъ человѣкъ необыкновенно способный, отличавшійся великимъ изобрѣтательнымъ умомъ. Регентъ сдѣлалъ его предсѣдателемъ финансоваго совѣта».

«Въ совѣтъ духовныхъ онъ опредѣлялъ людей безукоризненныхъ, отличавшихся добродѣтелью и строгостью нравовъ,—архіепископа Ноэля, д'Агессо, и даже Пюселя, этого праго янсениста, который былъ истиннымъ представителемъ своей партіи. Именно этихъ-то людей избрали бы тѣ лица, которыя, подвергались преслѣдованію. Регентъ надѣялся, но тщетно, что янсенисты, сами испытавшіе несчастіе, будутъ отличаться терпимостью въ отношеніи къ протестантамъ.

Великій король оставилъ ему въ наслѣдство положеніе нелѣпое, безвыходное, ужасное; три опасности, изъ которыхъ каждая могла бы быть смертельною для Франціи:

1) Пустую казну, банкротство, совершенное отсутствіе денегъ для уплаты жалованья войскамъ, невозможность производить вооруженія;

2) Ненависть Европы, вызовъ, сдѣланный Англіи, почти прерванный миръ, и потому необходимость вооруженій;

3) Роковое завѣщаніе, которое, вручая власть человѣку незаконно-рожденному, чуть было на дѣлѣ не предоставило ее королю испанскому. Полагали въ Мадритѣ и говорили въ Парижѣ, что Филиппу V стоило только лично явиться во Францію, одному, безъ войска, въ качествѣ дяди несовершеннолѣтняго короля, чтобы захватить въ свои руки опеку и низвергнуть регента. Оттого послѣдній находился въ крайне шаткомъ положеніи и долженъ былъ при та-

Digitized by Google

комъ безденежьи, подкупать одного за другимъ князей и вельможъ, которыхъ преданность была продажна.

«И такъ, перспектива войны, отсутствіе средствъ къ веденію борьбы, необходимость употреблять дѣлаемые займы на удовлетвореніе алчности вельможъ, таково было положеніе Франціи».

«Филиппъ V жалѣлъ объ этой странѣ. Онъ считалъ себя французомъ, но онъ сдѣлался истымъ испанцемъ».

«Рожденный отъ нѣмки, Филиппъ V былъ смѣшаннаго баварско-австрійскаго происхожденія. Предкомъ его былъ страшный Фердинандъ II, который держалъ въ своихъ рукахъ судьбы тридцатилѣтней войны. Филиппъ V подвергался помѣшательству, только по временамъ. Онъ не былъ лишенъ ума и часто говорилъ очень хорошо. Большею частію безмолвный, и ведя, подобно своей матери, затворническую жизнь, онъ почти исключительно видался только съ своею женою. Половыя отправленія подавляли въ немъ всякую другую дѣятельность. Онъ былъ самымъ усерднымъ супругомъ. Его первая жена, больная при смерти, снѣдаемая золотухой, покрытая язвами, постоянно должна была раздѣлять съ нимъ супружеское ложе. Любилъ-ли онъ ее? Въ самый день ея смерти, онъ, по своему обыкновенію, отправился на охоту и, встрѣтивъ на обратномъ пути погребальную процессію королевы, посмотрѣлъ на эту церемонію хладнокровно».

«При такомъ темпераментѣ короля, надо было женить его, не теряя ни одной минуты. Княгиня искала для него невѣсту въ цѣлой Европѣ, но каждая принцесса наводила на нее страхъ. Княгиня особенно опасалась брака съ дочерью какого-нибудь могущественнаго короля, которая могла бы пріобрѣсти власть въ дѣлахъ правленія. Почти не было государя менѣе значительнаго, чѣмъ герцогъ Парискій. Поэтому она поддалась внушенію его посланника, Альберони, карлика, забавлявшаго ее своими шутками, и который въ одинъ прекрасный день спросилъ: почему бы не избрать невѣстой короля, дочь герцога Фарнезы, дѣвушку воспитанную просто и занимавшуюся только шитьемъ? Княгиня повѣрила своему собесѣднику на слово и стала хлопотать о заключеніи этого союза. Впослѣдствіи, собравъ о невѣстѣ болѣе подробныя свѣдѣнія, она хотѣла разстроить это дѣло, но уже было поздно: свадьба была уже отпразднована въ Парижѣ. Съ другой стороны, королемъ овладѣло страшное нетерпѣніе. Онъ съ жадностью слушалъ Альберони, который цинически описывалъ невѣсту, соображаясь съ его вкусомъ, и представлялъ ее *жирною*

Digitized by Google

ломбардкой, пропитанною пармезанскимъ масломъ. Эту похвалу, впрочемъ, заслуживало все семейство Фарнезе, котораго послѣдній членъ умеръ отъ тучности, въ то время, когда половина Европы управлялась людьми больными и съ съумасшедшими.

«Новая королева до того овладѣла королемъ, что вскорѣ сдѣлалась повелительницею Испаніи. Это вовсе не была та наивная, безотвѣтная дѣвушка, какою ее представлялъ Альберони. Она успѣла испытать несчастіе, и прежде очень строго содержалась своею матерью. Ея новое положеніе, не смотря на затворничество, въ какомъ она находилась, сравнительно было для нея свободой. Королева была женщина съ сильнымъ характеромъ, запальчивая, властолюбивая. Она сдѣлалась веселою, очаровательною и совершенно запутала въ свои сѣти Филиппа V. Она раздѣляла съ нимъ и усилила затворничество, которое онъ любилъ. Супруги стали плѣнниками другъ друга и не разлучались почти вовсе. Даже съ своимъ исповѣдникомъ король оставался не болѣе, какъ на одну минуту. Когда королева исповѣдывалась слишкомъ долго, то онъ прерывалъ ея исповѣдь. Они вмѣстѣ причащались, вмѣстѣ молились Богу, вмѣстѣ охотились и вмѣстѣ ѣли. Ни днемъ, ни ночью они не разставались другъ съ другомъ».

«Эта женщина, которая постоянно вела затворническую жизнь, и потому не могла знать ни свѣта, ни людей, тѣмъ болѣе была отважна и сводила своего мужа съ ума въ продолженіи двадцати лѣтъ. Въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ она отличалась материнскою любовью кошки. Для нихъ она дѣйствовала слѣпо, пока не сдѣлала своего сына королемъ, а своего супруга идіотомъ. Безсовѣстное употребленіе пагубныхъ средствъ, воспламенявшихъ любовь на счетъ здоровья, повело къ эпилепсіи. Дѣти Филиппа V наслѣдовали эту болѣзнь отъ своего отца и перевели ее изъ дома испанскаго въ домъ австрійскій и неаполитанскій.

«Франція, какъ бы самымъ ходомъ событій, была вовлечена въ войну противъ этого неблагодарнаго Филиппа V, для возведенія котораго на престолъ Людовикъ XIV вступилъ въ борьбу съ Европой и пожертвовалъ двумя милліардами денегъ и однимъ милліономъ людей. Война съ Англіею казалась неизбѣжною. Дѣло въ томъ, что Франція страдала болѣзнію другаго рода: «она въ тайникѣ своего сердца хранила любовь къ *маленькому Іоѳ*, я хочу сказать—къ претенденту. Этотъ Іоа, сдѣлавшись мрачнымъ капуцином, оставался

Digitized by Google

для многихъ чувствительныхъ сердецъ тѣмъ интереснымъ ребенкомъ, который представленъ въ «Athalie».

«Это была мнимая, зловредная поэзія, подъ личиною которой іезуиты, эти палачи, воздвигавшіе костры въ Испаніи и отличавшіеся разными жестокостями въ Австріи и во Франціи, старались возбуждать жалость въ своихъ слушателяхъ»....

Бѣдствія, которыя должны были произойти отъ этой роковой войны, были неисчислимы для Франціи. «Нашелся человѣкъ, который пренебрегая честью, гордостью, ясно видѣлъ взаимный интересъ обѣихъ націй и просвѣтилъ на этотъ счетъ самихъ англичанъ. Это былъ Дюбуа, плутъ, интриганъ, всю свою жизнь вмѣшивавшійся въ чужія дѣла и который на этотъ разъ оказался весьма полезнымъ».

«Я уже говорилъ, какого я о немъ мнѣнія. Здѣсь дѣло идетъ не о добродѣтели этого человѣка. Замѣчу только, что нѣтъ на свѣтѣ такого плута, который бы хоть разъ въ своей жизни не дѣйствовалъ прямо. Надо сказать правду, Дюбуа, отличавшійся необыкновеннымъ умомъ, обладалъ такимъ качествомъ, которое не всегда достается на долю людей умныхъ. Онъ имѣлъ свѣтлый, неложительный взглядъ на вещи и былъ чуждъ всякой мнимой поэзіи, всякой иллюзіи. Притомъ у него было столько твердой рѣшительности и настойчивости, что онъ смѣло шелъ въ своей цѣли и увлекалъ за собою другихъ».

«Замѣтьте, что почти никто не раздѣлялъ съ нимъ его мнѣнія, что ни Англія, ни Франція не были очень расположены вступить другъ съ другомъ въ переговоры. У обѣихъ взоры были еще какъ будто омрачены дымомъ войны. Нельзя безнаказанно отдѣлаться отъ продолжительной, жестокой распри. Обѣ стороны еще страдали воспоминаніями нанесенныхъ другъ другу обидъ».

Итакъ, благодаря стараніямъ Дюбуа заключенъ былъ договоръ относительно тройнаго союза, между Франціею, Англіею и Голландіею.

Этотъ миръ былъ самымъ великимъ политическимъ дѣйствіемъ регента.

«Что касается Дюбуа, этого счастливаго дипломата, великаго миротворца, то онъ вовсе не былъ похожъ на добродѣтельнаго мужа. Судя по его наружности, можно было принять его за прокурора-плута, за шулера, или за сводника, и тотъ, кто пришелъ бы къ такому заключенію, не слишкомъ бы ошибся. Портреты Дюбуа, которые дѣлались въ тѣ времена, когда онъ пользовался могуществомъ,

Digitized by Google

и которые представлялись ему вмѣстѣ съ стихами, гдѣ исчислялись его добродѣтели,—эти портреты, ужъ конечно нисколько не сатирическіе, возбуждаютъ страхъ. Рѣдко этотъ человѣкъ изображался обращеннымъ къ зрителю; глаза его имѣютъ слишкомъ зловѣщее выраженіе, и все лицо носитъ на себѣ отпечатокъ подлости. Большею частію Дюбуа представлялся художниками въ профилѣ. Тогда лицо его не лишено энергіи. Изъ подъ гадкаго, маленькаго бѣлокураго парика, оно острымъ угломъ выдается впередъ, подобно мордѣ хищнаго животнаго, или *каменной куницы*, какъ выразился Сенъ-Симонъ; но послѣднее сравненіе слишкомъ деликатно. Лицо Дюбуа отличалось грубыми, рѣзкими чертами, выражавшими бестіальныя, чудовищныя наклонности какого нибудь постояннаго посѣтителя пріютовъ разврата, или какого нибудь яраго искателя ночныхъ приключеній. Это было лицо проныры, лицо, похожее на морду крота, который роетъ подземные ходы, ведущіе неизвѣстно куда».

«Дюбуа обладалъ быстрымъ, проницательнымъ, хитрымъ умомъ. Но чтобы удобнѣе лгать, онъ притворялся размышляющимъ, заикался, шепелялъ. Въ своихъ письмахъ, напротивъ, онъ выражался языкомъ живымъ, свѣжимъ, гибкимъ, который можетъ сравниться съ языкомъ Вольтера. Это былъ человѣкъ дѣловой, увлекательный, неудержимо шедшій къ своей цѣли, и притомъ занимательный. Въ своихъ остротахъ онъ былъ весьма неразборчивъ, но за то рѣшителенъ и рѣзокъ».

Мы теперь переходимъ къ той знаменитой финансовой *системѣ*, которая одна была бы достаточна для того, чтобы ознаменовать собою время регентства.

«Дюбуа заключилъ тайный союзъ съ шарлатаномъ искреннимъ и потому могущественнымъ. Этимъ союзникомъ его былъ блистательный Ло, шотландецъ по рожденію, но отличавшійся геніальностью и краснорѣчіемъ ирландца;—поэтъ въ дѣлѣ финансовъ, человѣкъ необыкновенно кроткій, любезный, очаровательный, какъ будто рожденный для того, чтобы расположить всѣхъ къ себѣ и чтобы возбудить тревогу въ женскихъ сердцахъ. Его удивительная женственная красота (о которой свидѣтельствуютъ его портреты) не мало содѣйствовала такому очарованію; она своимъ отблескомъ смягчала даже безобразіе Дюбуа».

«Шотландцы не рѣдко принадлежатъ къ двумъ расамъ, чему примѣромъ можетъ служить Вальтеръ-Скоттъ. Ло, рожденный въ Эдин-

Digitized by Google

бургѣ, въ положительной нижней Шотландіи, обладалъ притомъ геніальными качествами и пылкимъ воображеніемъ уроженца верхней, гордаго и безкорыстнаго. Отличаясь быстрымъ математическимъ воображеніемъ (наслѣдованнымъ отъ отца, банкира), безошибочнымъ разсчетомъ въ игрѣ и возможностью быть богатымъ, онъ уважалъ только идею. Онъ очевидно родился поэтомъ и бариномъ. По своей матери, онъ происходилъ отъ лорда Айль. Это былъ Оссіанъ банка».

«Ло имѣлъ такъ много здраваго смысла и опытности, что не могъ, подобно настоящему банкиру, вѣрить, что благосостояніе края исключительно зависитъ отъ рѣшенія вопросовъ о звонкой монетѣ и бумажныхъ деньгахъ. Напротивъ, какъ истинный экономистъ, онъ зналъ очень хорошо и самъ говорилъ, что дѣйствительное богатство страны заключается въ ея жителяхъ и въ трудѣ, въ самомъ человѣкѣ и въ природѣ. Этотъ рѣдкій финансовый умъ, казалось, просвѣщенъ былъ самимъ сердцемъ. Люди были для него цифрами, а не нулями. Въ его проэктахъ проглядывала любовь къ человѣчеству. Онъ часто говорилъ, что каждая финансовая мѣра должна окончательно имѣть въ виду классъ рабочій, производительный, и что работникъ, выручающій двадцать су въ день, важнѣе для государства, чѣмъ капиталъ въ двадцать пять тысячъ ливровъ, заключающійся въ землѣ и т. д.»

«Мы не приписываемъ ему, какъ дѣлали другіе, слишкомъ систематическихъ идей настоящаго времени, революціонныхъ или соціальныхъ; но то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ силою самихъ вещей создалъ республику».

«Въ виду старой монархической машины, остававшейся безъ дѣйствія, и которую невозможно было исправить, онъ вызвалъ на свѣтъ два новыя творенія, соединенныя между собою такъ тѣсно, что они въ сущности образовали одно. Это были: *республика банка*, дѣйствовавшая и процвѣтавшая уже три года къ великой выгодѣ государства, и *республика торговли*, общество западное, которое вскорѣ сдѣлалось также обществомъ торговли восточной и всемірной».

«Онъ было предложилъ спасти разстроенное государство посредствомъ принятія его въ банкъ, въ эту республику акціоперовъ; но онъ чувствовалъ, что государство, вслѣдствіе роковой силы притяженія, поглотитъ и вмѣстѣ съ собою повлечетъ къ погибели это учрежденіе».

«Прекрасная весна 1719 года представлялась соціальною зарею.

Digitized by Google

Неимовѣрный успѣхъ, съ какимъ Ло совершилъ свое биржевое чудо, подстрекнулъ его къ новому предпріятію, еще болѣе важному. Онъ чувствовалъ, что его блистательное финансовое зданіе нуждается въ серіозной основѣ, и для этого считалъ необходимымъ произвесть великую государственную реформу. Вы назовете это безразсудною попыткою, химерою? Но онъ только что передъ тѣмъ совершилъ дѣло еще болѣе химерическое: онъ, при совершенномъ банкротствѣ, возвратилъ смѣлость деньгамъ; его акціи возрастали въ цѣнѣ съ часу на часъ. Вмѣстѣ съ ними возрасталъ и энтузіазмъ публики. Всѣ совѣтовали Ло отважиться на такое предпріятіе».

«Отважившись, онъ рисковалъ менѣе. Самая опасность его подстрекала. Не изъ чего не видно, чтобъ онъ прежде созидалъ подобныя мечты. Внѣ Франціи, онъ былъ только однимъ изъ многочисленныхъ утопистовъ въ дѣлѣ финансовъ, авторомъ теоріи о бумажныхъ деньгахъ, мало обратившей на себя вниманія. Во Франціи, гдѣ господствовалъ по крайней мѣрѣ хаосъ революціонныхъ идей, Ло, взносившійся такъ высоко, не отчаявался управлять этимъ хаосомъ и создать изъ него міръ».

«Мы поражены удивленіемъ при видѣ всего того, что было, въ 1719 году, предпринято въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Равенство образованія, открытіе университета, равномѣрность налоговъ, смѣлое упрощеніе администраціи, уплата долга, разныя превосходныя реформы, возобновленныя потомъ Тюрго и Неккеромъ, — вотъ тѣ великія дѣла, которыя Ло и регентъ въ этомъ году хотѣли совершить и отчасти совершили».

«Перечислимъ въ кратцѣ осуществленныя тогда мѣры: 1) упрощена была администрація; 2) Франція освобождена отъ долга, который былъ уплаченъ съ обоюдною выгодою для казны и для заимодавцевъ; 3) введенъ равномѣрный поземельный налогъ; 4) распродана разомъ половина имуществъ духовенства, при чемъ цѣна на земли назначена была такая низкая, что онѣ сдѣлались доступными для всякаго покупателя».

«Это было великолѣпнымъ созданіемъ мечты, возносившейся за облака. Но на чемъ, спрашиваю васъ, основалось оно»?

«На томъ предположеніи, что злоупотребленіе частное можетъ быть уничтожено посредствомъ злоупотребленія власти, что революція можетъ быть произведена тѣмъ же правительствомъ, которое не въ состояніи управлять самимъ собою».

Digitized by Google

«Ло очевидно былъ сумасбродъ. Увлеченіе утопіею, борьба съ Дюверне, самолюбіе отуманили его голову».

«Онъ не замѣтилъ, что его система, любимое дѣтище его воображенія, попала въ яму, наполненную хищными животными и разными гадами. Онъ послѣдовалъ туда за этимъ дѣтищемъ, и сдѣлался жертвою своего неблагоразумія. Его закидали грязью, обезчестили, зарѣли. При быстромъ возвышеніи бумажныхъ денегъ въ цѣнѣ, Ло поднялся на воздухъ, подобно воздушному шару, лишенному балласта, и, уносимый вѣтромъ, летѣлъ къ своей погибели».

«Онъ болѣе озадачилъ, чѣмъ поразилъ своихъ враговъ. Они все еще окружали его, съ тѣмъ, чтобы его разорить и погубить. Это была сплошная армія. Вмѣстѣ съ Дюверне, главными предводителями въ дѣлѣ, пониженія бумажныхъ денегъ въ цѣнѣ сюда принадлежалъ весь лихоимный людъ сборщиковъ податей, такъ называемыя генеральные откупщики, сотни тысячъ соляныхъ кристаловъ, этихъ подвальныхъ крысъ, разнаго рода экзекуторы и сыщики. Къ этому регулярному войску прибавьте огромныя шайки ихъ союзниковъ, людей алчныхъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, разнаго рода барышниковъ, подрядчиковъ, ихъ агентовъ и т. д.»

«Ло не былъ близорукъ. Онъ къ довершенію ужаса, видѣлъ у самыхъ ногъ своихъ и передъ единственною своею опорою, я хочу сказать—передъ регентствомъ,—Стэрса, грозившаго ему кулакомъ, и его сообщника Дюбуа, который теперь старался подорвать могущество своего прежняго союзника. Дюбуа когда-то чувствовалъ расположеніе къ Ло и къ его кассѣ; но онъ, какъ великій гражданинъ, умѣлъ подавлять въ себѣ такую слабость. Благодаря Англіи, онъ сдѣлался министромъ и вслѣдъ за тѣмъ кардиналомъ, и сверхъ того говорятъ, пользовался маленькою пенсіею въ одинъ милліонъ».

«Могъ ли Ло въ качествѣ англичанина, пріобрѣсти полное довѣріе регента? Притомъ, что это былъ за человѣкъ? Его любовницы увѣряли, что онъ холоденъ, какъ ледъ».

«Противъ Стэрса, этой лютой собаки, скалившей на него зубы, Ло защищалъ себя только бульдогомъ не менѣе свирѣпымъ. Этотъ бульдогъ стоилъ ему большихъ денегъ. Еслибъ по временамъ неудовлетворяли его жадности, то онъ пожралъ бы своего собственнаго хозяина. Герцогъ Бурбонскій, я говорю о немъ, пріобрѣлъ отъ Ло, еще до его успѣха, милліонъ на покупку маленькаго герцогства. Въ

Digitized by Google

августѣ мѣсяцѣ онъ получилъ восемь милліоновъ для биржевыхъ спекуляцій».

«Ло видѣлъ у ногъ своихъ двѣ пропасти: одну направо, куда хотѣли ввергнуть его сборщики податей и англичане; а другую на лѣво—глубокую тинистую яму дворянства, это гнѣздо распутства и нищенства».

«Ло въ прежнее время, когда еще занимался игрою, заказывалъ, для удобства разсчетовъ, тяжеловѣсныя золотыя монеты, величиною въ ладонь, и этимъ приводилъ въ восторгъ игроковъ. Это повело его на мысль выпустить крупныя банковыя билеты, въ двѣнадцать тысячъ франковъ каждый. Онъ полагалъ, что при развивавшейся въ публикѣ страсти къ аліотажу такіе билеты найдутъ легкій сбытъ. Савояръ Шамбери, человѣкъ простой, чуждый хитрости, накупилъ ихъ на пять милліоновъ и предложилъ Дюбуа съ такимъ видомъ, съ какимъ бы онъ поднесъ ему рыбу или ягоды. Дюбуа расхохотался. Очень нужно было прибѣгать къ такой уловкѣ для того, чтобы подкупить такого *добродѣтельнаго* мужа».

«Раззоренный своею такъ называемою *системою*, Ло въ 1724 году писалъ: «Ставятъ Эзопа въ примѣръ безкорыстія. Его враги утверждали, что у него хранятся сокровища въ сундукѣ, который онъ часто открывалъ. Оказалось, что въ этомъ сундукѣ находилось платье мудреца, которое онъ носилъ, прежде чѣмъ сдѣлался министромъ. Я, лишившись мѣста, остался безо всего. Я не спасъ даже своего платья».

«Это очень хорошо, но этого мало. Недостаточно выйти въ отставку ни съ чѣмъ: надо выдти чистымъ. Эзопъ, послѣ разразившейся надъ нимъ бѣды, нашелъ не только свое платье, но и свою честь. Можетъ-ли Ло сказать о себѣ тоже самое»?

«Не слѣдовало ли ему объяснить обстоятельства, которыя дѣлали его участникомъ производившагося при немъ грабежа? Не лучше-ли было бы сознаться въ слабости своего характера, въ своей домашней зависимости и въ особенности въ увлеченіи, свойственномъ утописту, который посреди болотъ руководствуется миражемъ? Это въ глазахъ потомства уменьшило бы его вину. Онъ по видимому разсуждалъ такъ: надо допустить маленькое зло ради большаго блага; часъ грабежа ради вѣчнаго затѣмъ благоденствія міра».

«Разсматриваемое въ самомъ себѣ, предпріятіе Ло было весьма раціонально. Но для того, чтобы имѣть успѣхъ и чтобы осущест-

Digitized by Google

вить то, т. е. чтобы обратить въ пользу Франціи то, что сдѣлалось торговлею Соединенныхъ Штатовъ,—для этого необходимъ былъ цѣлый вѣкъ, а Ло имѣлъ въ своемъ распоряженіи только два года!»

Остальное извѣстно. Ло не былъ эксплауаторомъ; онъ первый сдѣлался жертвою эксплуатацій со стороны другихъ. Всѣ люди ловкіе, сильные міра сего, съ яростью напали на банки Ло и на Индійскую компанію. Они не отступно преслѣдовали этого человѣка, и заставляли его выкидывать колѣнца, подобно плясуну изъ картона. Въ случаѣ надобности, они дѣлали прыжки сами для ускоренія погибели своего врага. Разбогатѣвъ отъ повышенія бумажныхъ денегъ въ цѣнѣ, они воспользовались пониженіемъ ихъ для того, чтобы снова набить свои карманы. Пострадали при этомъ люди неловкіе, не имѣвшіе шансовъ на успѣхъ, и великая и малая буржуазія. Они то платили расходы на эту гиганскую спекуляцію, которая въ двухъ словахъ, составляетъ банкротство государству, произведенное Миссисипскимъ банкомъ въ пользу одной сотни негодяевъ, достойныхъ висѣлицы. Но что еще любопытнѣе и назидательнѣе, это—реакція, возникшая противъ Ло. Она была организована финансистами—рутинерами, запальчивымъ Парисомъ Дюверне, хитрымъ Крозатомъ и Самуэлемъ Бернаромъ, этимъ почтеннымъ банкротомъ, и управлялась герцогомъ Бурбонскимъ, которому одинъ изъ товарищей Ло лично передалъ милліонъ семьсотъ тысячъ ливровъ золотомъ.

Эти знатные ажіотеры вполнѣ поняли, что публика менѣе будетъ думать о нихъ, когда всякій станетъ опасаться за самого себя, и что она менѣе будетъ справляться о пріобрѣтенныхъ ими сокровищахъ, если они великодушно выдадутъ своихъ биржевыхъ товарищей, ажіотеровъ и барышниковъ второй руки. Въ томъ-то и заключался секретъ производившейся по этому дѣлу ревизіи, чтобы огородить большихъ воровъ и подвергнуть преслѣдованію мелкихъ.

Затѣмъ всѣ относившіяся сюда бумаги были спрятаны въ желѣзный ящикъ и тщательно преданы сожженію, для того чтобы не сохранилось слѣдовъ, ни самыхъ фактовъ, ни въ особенности, произведеннаго слѣдствія. Парисъ Дюверне продолжалъ быть управляющимъ дѣлами герцога Бурбонскаго, а герцогъ сохранилъ свои милліоны, добытые мошенничествомъ. Говорятъ что послѣдній изъ Конде былъ убитъ потому, что обладалъ этими милліонами.

Во время изслѣдованія финансовой сумятицы, надъ Франціею разразилось новое бѣдствіе: ее посѣтила чума. Ничто не можетъ быть

Digitized by Google

ужаснѣе разсказа господина Мишле объ этомъ бѣдствіи, разсказа, достойнаго знаменитыхъ описаній Манцони, Боккачіо и Макіавелли.

«Прежде всего», говоритъ историкъ регентства,—«этотъ бичъ напалъ на женщинъ и дѣтей, на людей самыхъ бѣдныхъ и вообще самыхъ слабыхъ..... Масса народа была въ отчаяніи вслѣдствіе бѣдности и безпомощности. Богатые бенедиктинцы св. Виктора заперлись въ своемъ монастырѣ. Владѣя огромными припасами, они сами заложили свои ворота и не хотѣли знать о томъ, что происходило впѣ ихъ стѣнъ. Ничто не можетъ быть ужаснѣе вида этого города, гдѣ всякій укрывался отъ другихъ. На пустынныхъ площадяхъ костры, которыми полагалось очистить воздухъ, только усиливали удушливую августовскую жару и распространяли какой-то зловѣщій свѣтъ. На улицахъ бродили какія-то тѣни, страшныя и въ тоже время забавныя. Это были доктора въ костюмахъ собственнаго изобрѣтенія, показывавшихъ только ихъ преувеличенный страхъ. Надѣвъ на ноги деревянныя лежни, закрывши себѣ ротъ и носъ, и окутавшись въ клеенку, на подобіе египетскихъ мумій, они своимъ видомъ возбуждали ужасъ».

«Епископъ заранѣе приговорилъ городъ къ погибели. 16 августа, онъ со всѣмъ духовенствомъсовершилъ страшную процессію и представилъ торжественное зрѣлище раскаянія и искупленія грѣховъ. Проповѣдуя, что чума ниспослана небомъ въ наказаніе за пороки людей, онъ воспламенилъ воображеніе несчастныхъ жителей, сокрушилъ сердца, уже и безъ того пораженныя ужасомъ, и указалъ на вѣчныя муки, ожидающія грѣшниковъ послѣ смерти. Тѣ, которые лежали на смертномъ одрѣ у себя дома, не могли болѣе умереть спокойно. Нѣкоторые изъ нихъ, считая себя проклятыми на вѣки вѣчные, въ ужасѣ и въ отчаяніи кидались изъ окна. Многіе несчастные до того страшились своихъ жилищъ, гдѣ всѣ ихъ домашніе перемерли, что они съ крикомъ и плачемъ выбѣгали на площади въ лохмотьяхъ и въ саванахъ. Это страшное зрѣлище началось 20 го августа. Весь городъ наполнился бродячими призраками».

«... Новый госпиталь, строившійся турками, былъ оконченъ только въ октябрѣ. Поэтому въ продолженіе августа и сентября больные сосредоточивались въ старомъ госпиталѣ, представлявшемъ для нихъ единственный пріютъ. Народъ толпился и дрался у воротъ этого зданія. Всякій старался въ нихъ войти, но никто не возвра-

Digitized by Google

щался оттуда живымъ. Тѣ, которые ухаживали за больными, видя какъ эти несчастные умираютъ одинъ за другимъ, старались ускорить ихъ неизбѣжную смерть, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность ограбить ихъ скорѣе. Больничный служитель превращался въ убійцу. Убійство производилось въ большихъ размѣрахъ. Въ дѣтскомъ пріютѣ помѣщено было три тысячи дѣтей. Какъ въ госпиталѣ, возникла такъ и здѣсь жестокая спекуляція на смерть. Всѣ три тысячи дѣтей умерли съ голоду!»

«...Надо было прибѣгнуть къ помощи галерныхъ невольниковъ. Эти развратные, жестокіе люди, воспользовавшись своею неожиданною свободою, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ представляли страшное зрѣлище царства каторжниковъ. Они въ жилища печали и бѣдствія вносили съ собою веселость ада. Въ качествѣ добрыхъ друзей смерти, двоюродныхъ братьевъ чумы, они не только не боялись этого бича, но устроивали въ честь его кутежи. Чума щадила этихъ веселыхъ людей и погубила изъ нихъ не многихъ. Въ Тулонѣ, они щеголяли въ великолѣпныхъ одеждахъ. Они не знали болѣе ни цѣпей, ни плетей. Весь городъ находился въ ихъ распоряженіи. Входъ для нихъ былъ вездѣ открытъ. Они уносили вмѣстѣ съ мертвыми тѣлами все, что имъ хотѣлось. Одинъ умирающій просилъ, умолялъ оставить его хоть нѣсколько времени въ покоѣ. «Какъ бы не такъ!» отвѣчалъ каторжникъ:—«если бы мы слушались этихъ людей, то не было бы ни одного мертваго!»—Въ Марсели покойники убирались посредствомъ желѣзныхъ крюковъ; въ Тулонѣ ихъ бросали въ телѣги изъ окна четвертаго этажа, головою внизъ».

«...Чувственность самая грубая служила какъ бы душою чумы. И во Флоренціи, и въ Венеціи, и въ Марсели, эта страшная эпидемія сопровождалась картинами любовнаго распутства. Смерть похищавшая одну жертву за другою, казалось, возбуждала въ остальныхъ людяхъ жадность къ жизни. Вдовы пользовались народнымъ бичемъ для того, чтобы каждый мѣсяцъ вступать въ новый бракъ. Публичныя женщины почти перестали предаваться распутству за деньги. Подобно тому какъ во Флоренціи, монахини въ домахъ разврата удовлетворяли свои любострастныя желанія, будто въ вознагражденіе за свое долгое цѣломудріе. Даже хирурги и вообще люди постоянно имѣвшіе предъ глазами своими смерть, въ самыхъ отвратительныхъ ея видахъ, и тѣ, не смотря на увѣренность въ неизбѣжной необходимости умереть, принимали въ себя вмѣстѣ съ ядомъ, чумы,

Digitized by Google

безумную жадность къ наслажденіямъ чувственною любовью и необузданно предавались этой страсти въ виду близкой своей кончины. Въ Тулонѣ, такъ называемыя carabins, студенты, хирурги, были въ этомъ отношеніи ужасны. При всеобщей затворнической жизни, отъ которой они одни были освобождены, они всегда находили случай, для удовлетворенія своихъ желаній, пользоваться одиночествомъ больныхъ женщинъ, покинутыхъ своими родственниками. Ни опасность, ни отвратительный запахъ, распространяемый чумою, ни грязь, въ которой находились несчастныя страдалицы, не могли отвратить безумныхъ сластолюбцевъ отъ осквернения одра болѣзни. Они нещадили умирающихъ. Самая смерть не была отъ нихъ защищена.!»

«Въ Марсели, 2-го сентября поднялся сильный сѣверозападный шивалъ, и всѣ тѣ больные, которые находились на улицѣ, были имъ разбиты и уже болѣе не вставали. Съ этой минуты жители стали умирать толпами, по тысячи человѣкъ въ день. Люди, занимавшіеся погребеніемъ мертвыхъ, теряли голову. Они насильственно проникали въ церкви, наполняли подвалы трупами и известью, и потомъ запирали ихъ герметически. Остальныхъ покойниковъ они хоронили въ общихъ могилахъ. Но эти могилы вскорѣ наполнились до нельзя. Въ нихъ начало происходить броженіе и—явленіе ужасное!—онѣ стали извергать нечистоты. Могильщики обратились въ бѣгство. Одинъ изъ консуловъ, отважный Мутье, самъ взялъ въ руки лопату и вмѣстѣ съ нѣсколькими солдатами, которымъ совѣстно было отстать отъ него, онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ находилась эта безпокойная груда человѣческаго мяса. Онъ привелъ ее въ порядокъ и снова зарылъ въ землю»

«Но главная опасность заключалась въ грудѣ, состоявшей изъ двухъ тысячъ труповъ, которые были оставлены на одной эспланадѣ. Эти трупы разлагались уже въ теченіе трехъ недѣль, и образовали цѣлое гнилое море. Что тутъ было дѣлать? Какъ уничтожить этотъ источникъ заразы? Какимъ образомъ подойти къ этому отвратительному, страшному мѣсту? Къ счастію Швалье Розъ зналъ, что старые бастіоны заключали внизу сводчатое пространство, простиравшееся до уровня воды. Онъ велѣлъ пробить сводъ ихъ и, предводительствуя отважными солдатами и шайкою, состоявшею изъ сотни каторжниковъ, онъ въ теченіи тридцати минутъ свалилъ въ пропасть всю безобразную массу труповъ. Всѣ, принимавшіе личное участіе въ этомъ человѣколюбивомъ подвигѣ, поплатились жизнію, за

Digitized by Google

исключеніемъ Роза и двухъ или трехъ изъ его помощниковъ Съ этого дня чума стала уменьшаться».

«Епископъ Бельзана, этотъ храбрый безумецъ, любившій величественныя сцены, являлся въ нихъ торжественно и производилъ сильное впечатлѣніе на толпу. На самой колокольнѣ церкви Аккулъ, откуда представлялась великолѣпная панорама берега, холмовъ, Средиземнаго моря и несчастнаго города Марселя, онъ совершилъ странную церемонію, которая сильно потрясла больные умы: онъ произнесъ проклятіе надъ чумою и, во имя церкви, запретилъ ей впредь являться въ этой сторонѣ. Это подстрекнуло чуму: она стала показываться снова, но только по временамъ, какъ будто по капризу».

«...Она свирѣпствовала во Франціи два года съ половиною. Извѣстно было сколько она похитила людей въ двухъ или трехъ городахъ, въ Марселя, Эксѣ, Тулонѣ; но никто не желалъ узнать опустошенія, произведенныя ею въ самомъ центрѣ страны, наиболѣе населенномъ. Чума болѣе чѣмъ въ одномъ отношеніи, была бичемъ политическимъ, дочерью застарѣлыхъ бѣдствій и недавнихъ несчастій, смертоноснымъ послѣдствіемъ накопившихся страданій. Три генераціи: генерація отмѣны нантскаго эдикта, генерація банкротства *великаго* короля и наконецъ генерація неудачъ, испытанныхъ регентствомъ; какъ будто искали чрезъ чуму успокоенія въ землѣ. Ближайшія окрестности Парижа, представляли въ нѣкоторомъ родѣ пустыню. Одинъ извѣстный аббатъ, служившій проповѣдникомъ у короля, и путешествовавшій въ публичной каретѣ, вышедши изъ экипажа, подвергся нападенію собакъ и сдѣлался ихъ жертвою. Только кости его впослѣдствіи найдены были на землѣ. Одна женщина, которая, во избѣжаніе заразы, предприняла опасное путешествіе изъ Прованса въ Парижъ, представляла страшную картину того, что она видѣла. Не желая наткнутся на кордонъ, она избѣгала города и ходила полемъ. На горахъ Жеводана, въ долинахъ Оверня и Лимузена, болѣе чѣмъ въ двадцати селяхъ, она не встрѣтила ни одной живой души. Вездѣ валялись мертвые тѣла, оставленныя безъ погребенія. Не видя никого, кто бы могъ ей дать пріютъ, она входила въ безлюдные дома и иногда находила въ нихъ хлѣбъ. Въ одномъ такомъ домѣ она увидѣла страшное зрѣлище: хозяинъ, священникъ, лежалъ въ постели одѣтый, но мертвый; тѣло его уже гнило; на другой кровати былъ трупъ служанки, также разлагав-

Digitized by Google

шійся. Въ шкапу находились пятьсотъ ливровъ золотомъ, оставленныхъ на произволъ судьбы».

Послѣ заключенія такъ называемаго тройнаго союза, самымъ великимъ торжествомъ политики Дюбуа и регента было заключеніе союза, еще болѣе тѣснаго, между домомъ Ганноверскимъ и домомъ Орлеанскимъ и истребленіе испанскаго флота, который готовился произвести гражданскую войну во Франціи и въ Англіи. Но вскорѣ послѣ этого торжества регентъ разбитъ былъ параличемъ. Поэтому его царствованіе можетъ быть раздѣлено на два періода: одинъ, бывшій до апоплексическаго удара, которому подвергся этотъ человѣкъ, а другой наступившій вслѣдъ за тѣмъ.

Другимъ великимъ успѣхомъ политики регентства было пріобрѣтеніе для плута Дюбуа кардинальской шапки. Надо читать книгу Мишле, чтобы видѣть, сколько эта шапка потребовала переговоровъ, депегъ, интригъ, грязныхъ и въ особенности пошлыхъ поступковъ. Пока регентъ отъ распутства переходилъ къ пьянству и отъ низости къ подлости, на административномъ горизонтѣ Франціи являлся герцогъ Бурбонскій.

«Два года онъ приближался, подобно зловѣщей кометѣ. Франціи пришлось жалѣть о регентѣ и даже о самомъ Дюбуа. Въ сравненіи съ пелѣпымъ и варварскимъ правленіемъ одноглазаго герцога, съ длинною администраціей, которая хотѣла *клеймить* бѣдныхъ и узаконяла такъ называемыя драгонпады, т. е. гоненія протестантовъ, правительственныя распоряженія мошенника Дюбуа представляются дѣйствіями добродѣтельнѣйшаго человѣка. Но намъ пришлось бы выписать всю книгу, еслибъ мы захотѣли привести интересныя страницы Мишле о дѣтствѣ Людовика XV, о герцогинѣ Беррійской, этой, слишкомъ знаменитой, дочери регента, о разбойникѣ Картушѣ, о живописи Ватто, о романѣ Мононъ Леско, этомъ зеркалѣ тогдашнихъ нравовъ, о религіозной и философической революціи, приготовленіемъ къ которой служили *Персидскія письма* Монтескье.

Одинъ англійскій критикъ упрекаетъ Мишле въ томъ, что онъ какъ будто держитъ въ рукахъ глухой фонарь, который бросаетъ яркій свѣтъ на каждый отдѣльный предметъ, а все остальное оставляетъ въ потемкахъ. Мы бы такого сравненія не сдѣлали; по нашему мнѣнію, этотъ историкъ скорѣй заставляетъ насъ смотрѣть въ большую зрительную трубку, которая до того приближаетъ къ намъ людей и предметы отдаленнаго времени, что мы какъ, будто

Digitized by Google

можемъ дотронуться до нихъ пальцемъ. Однакожъ, есть и частица правды въ словахъ англійскаго критика. Дѣло въ томъ, что Мишле во мракѣ прошедшаго отыскиваетъ явленія рѣзкія, событія рѣшительныя, онъ не держитъ своего факела дрожащей рукою, направляя его на неопредѣленное множество предметовъ. Нѣтъ, онъ смѣло и ярко освѣщаетъ извѣстное пространство и потомъ указываетъ намъ на какой нибудь блестящій предметъ. Это и есть отыскиваемое кольцо, потерянное сокровище. Вотъ смотрите, говоритъ онъ. И что намъ за дѣло послѣ того до остальнаго?

Въ историческомъ искусствѣ мы замѣчаемъ такія же требованія, какъ и въ пэйзажной живописи. Одна англійская школа (такъ называемыхъ дорафаэлитовъ, которыхъ произведенія всегда дѣйствуютъ на меня непріятно) имѣетъ претензію изобрѣтать природу съ самыми мелкими ея подробностями. Еслибъ напримѣръ, потребовалось написать поле, покрытое верескомъ, то, по мнѣнію приверженцовъ этой школы, пришлось бы изобразить на полотнѣ милліоны маленькихъ стебельковъ, десятки милліоновъ розовыхъ цвѣтковъ, сотни милліоновъ зеленыхъ листочковъ и милліарды песчинокъ. Эти люди представляютъ пэйзажъ, смотря въ микроскопъ; кистью для нихъ служитъ дюжина волосъ, собранныхъ въ косму. Истинный артистъ дѣйствуетъ иначе: онъ смѣло расписываетъ крупные предметы, и если иногда входитъ въ подробности, то съ намѣреніемъ, по разсчету, а не случайно. Въ исторіи, какъ и во всякой другой наукѣ, тотъ, кто принимается за обработку какого нибудь вопроса, сначала находится подъ его вліяніемъ; но онъ долженъ вполнѣ овладѣть своимъ предметомъ, чтобы составить произведеніе художественное. Художникъ знаетъ, что можно пропустить; въ этомъ заключается великая тайна его искусства. Онъ знаетъ гдѣ пріударить кистью, а въ этомъ другая его великая тайна.

Когда какое нибудь мастерское произведеніе окончено, оно подвергается строгой критикѣ со стороны людей полу-ученыхъ, которые упрекаютъ автора въ томъ, что онъ не перечислилъ всего того, что они знаютъ, или что имъ, по мнѣнію ихъ, извѣстно. Недавно я видѣлъ мальчика, который замѣтилъ художнику, снимавшему видъ съ натуры: «Развѣ ты не знаешь что за стѣною есть улей? Зачѣмъ же ты не представляешь его на бумагѣ?» Погоди, дитя, быть можетъ, и ты современемъ станешь обо всемъ судить свысока и, чего добраго, начнешь критиковать Исторію Регентства Мишле,

Digitized by Google

руководствуясь какимъ нибудь учебникомъ или пожалуй, энциклопедическимъ словаремъ.

Спеціальность Мишле заключается въ изображеніи не столько самыхъ событій, сколько значенія ихъ и физіономіи. Онъ обращаетъ вниманіе не столько на факты, сколько на ихъ причины. Онъ изучаетъ выраженіе лицъ, чтобы проникнуть въ тайныя чувства людей; въ каждомъ предметѣ онъ отыскиваетъ рѣшеніе какой-нибудь загадки; въ каждомъ человѣкѣ онъ желаетъ узнать сокровенныя его мысли. Конечно, трудно не ошибиться иногда въ распознаніи сердецъ, но въ этомъ то именно распознаніи, какъ извѣстно, и заключается геній исторіи.

Влюбленный въ истинну, въ какомъ бы видѣ она не являлась, Мишле не представляетъ исторіи болѣе приличною, болѣе скромною, ни даже болѣе нравственною, чѣмъ она на дѣлѣ. Поэтому его упрекали въ томъ, что онъ слишкомъ нецеремонно срываетъ покрывала съ событій, что онъ каждую вещь называетъ ея собственнымъ именемъ и что онъ вдается въ подробности, лишенныя поэзіи. «Весьма жаль, что эти подробности истинны» отвѣчаетъ на это Мишле. Дѣйствительно онъ не хочетъ знать ни величія слога, ни академической жеманности, которая заставляетъ писателя маскировать исторію. У него кошка остается кошкой, и такъ какъ кардиналъ Дюбуа былъ мошенникъ, то Мишле считаетъ нужнымъ это сказать. Впрочемъ, это дѣло темперамента. Не многіе люди осмѣливаются говорить истинну; не многіе даже рѣшаются ее выслушивать. Для тѣхъ, кто не въ состояніи ее терпѣть, изобрѣтены были поэтическія произведенія въ родѣ D'elices des hardins аббата Делиля и біографіи, въ родѣ Eloges Academiques, которыя надо или читать самому, прикрывшись зеленымъ абажуромъ, или слушать черезъ слуховую трубу. Мишле образовался въ совершенно другой школѣ. Онъ въ исторіи то же, что Прео въ скульптурѣ, что Делакруа въ живописи и что Викторъ Гюго въ поэзіи.

Чтобы охарактеризовать слогъ Мишле однимъ словомъ, замѣтимъ, что этотъ слогъ имѣетъ сходство съ однимъ изъ тѣхъ безпримѣрныхъ золотистыхъ винъ, которые составляютъ славу Жиронды. Онъ отличается ясностью и силою, живописью, быстротою и сжатостью, столько же естественною, сколько и искусственною, сосредоточивая въ наименьшемъ количествѣ фразъ возможно большее число идей. Но при этомъ Мишле не боится ни эллипсисовъ, ни повторенія; онъ

Digitized by Google

выше подобныхъ мелочныхъ безпокойствъ. Съ благородною гордостью онъ осмѣлился и съумѣлъ быть независимымъ и идетъ прямо по проложенной имъ-же самимъ дорогѣ. Однакожъ въ виду людей,—отстающихъ и увѣряющихъ, что они не могутъ слѣдовать за нимъ, мы полагаемъ, что Мишле поступитъ хорошо, если неускоритъ болѣе своихъ шаговъ. Между тѣмъ, какъ нѣкоторые обвиняютъ его въ утрировкѣ его собственной манеры, другіе, отличающіеся знаніемъ дѣла, увѣряютъ, что это новѣйшее сочиненіе великаго историка—если не самое прекрасное, то по крайней мѣрѣ самое мастерское и наиболѣе удавшееся изъ всѣхъ его произведеній.

Что касается насъ, то мы чрезвычайно любимъ краткій, сжатый слогъ Мишле, слогъ который несетъ свою ношу идей и преодолѣваетъ препятствія безъ натуги. Этотъ слогъ отличается силою, сочностью и что еще важнѣе,—свѣжестью и молодостью. Такъ именно писала бы молодежь, еслибъ только она обладала необходимыми для этого свѣдѣніями. Si jeunesse savait!

Digitized by Google

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

БАНКРОТСТВО.

Въ эту пору не до жиру, быть бы только живу.
Купеческая поговорка.

Экономія въ домашнемъ и народномъ хозяйствѣ, экономія въ частныхъ, общественныхъ и государственныхъ расходахъ, вездѣ и во всемъ намъ нужна, говорятъ, экономія, экономія съ отчетностью и строгимъ контролемъ.

Какое, право, скаредное, противное время! Только и знай—считай и разсчитывай! Экономія, сокращеніе издержекъ, отчетность, контроль... Да русскіе-ли русскимъ, наконецъ, рѣшаются проповѣдывать такія новости? Какъ!—съ нашей широкой, размашистой натурой, съ нашей удалью и беззаботностью, съ нашимъ завѣтнымъ «авось, да небось», мы станемъ соображать, разсчитывать каждое предпріятіе и дорожить каждымъ рублемъ, добытымъ трудомъ и лишеніями?! Какъ!—мы откажемся отъ правилъ нашей безпечной жизни, будемъ учитывать своихъ дармоѣдовъ и заведемъ въ общественныхъ дѣлахъ контроль и отвѣтственность?! Быть не можетъ! А народность? Что станется съ нею, съ нашей народностью, если мы отречемся отъ преданій

Digitized by Google

почтенной старины, утратимъ добрые нравы и обычаи своихъ отцовъ и будемъ жить между собою не по душѣ, а по правилу—*свое береги и чужаго не бери?*... Нѣтъ, бережливость, разсчетливость, однимъ словомъ — экономія вовсе не въ характерѣ русскаго народа и даже противна его привычкамъ и наклонностямъ. *Береги денежку про черный день.* Откуда занеслась къ намъ подобная поговорка? Какой презрѣнный скряга придумалъ ее и осквернилъ нашъ языкъ? Ни въ красные, ни въ черные дни, никогда мы не берегли и не копили денегъ, не отдавали ихъ въ ростъ иноплеменникамъ и не подражали, въ этомъ отношеніи, евреямъ или нѣмцамъ. *Денежка счетъ любитъ!* Нѣтъ, никогда мы не знали ни счета, ни цѣны своему богатству и съ незапамятныхъ временъ безъ толку и зря расточали его. И гдѣ только наша не пропадала!...

Любо старичкамъ вспоминать о проказахъ своей молодости и о томъ блаженномъ, прошломъ времени, когда наши славные дѣды и отцы жили припѣваючи на всемъ готовомъ, безотчетно мотали добро и проживались въ свое удовольствіе. Дешево доставалась жизнь нашимъ чудо-богатырямъ, неиспытавшимъ на своемъ вѣку ни страха, ни сомнѣнья. Вотъ почему они были такъ наивно довольны собой и всѣмъ окружавшимъ, до послѣдней минуты сохраняли самоувѣренность и умирали спокойно, безъ угрызенія совѣсти...

Мертвымъ срама нѣтъ: стыдиться могутъ только живые. И такъ оставимъ навсегда въ покоѣ нашихъ отпѣтыхъ предковъ и почтимъ забвеніемъ всѣ прошлыя дѣла, которыя намъ кажутся теперь ошибками или преступленіями. Дурно или хорошо наше прошлое—пусть судятъ о томъ записные историки, которые безстрашно тревожатъ мертвецовъ изъ боязни затронуть живыхъ. Все считалось въ свое время разумнымъ и необходимымъ, все стало, наконецъ, нелѣпо и неумѣстно, что отжило свою пору и насильно пытается удержать за собою старый смыслъ и прежнее значеніе. Что было, то прошло безвозвратно: исторія не повторяется. Не воскреснетъ минувшая жизнь и не заживетъ по старому наше поколѣніе, какъ бы ему ни хотѣлось. Правда, мы не успѣли еще отрѣшиться отъ преданій прошлаго и до мозга костей пропитаны старыми понятіями и предразсудками. Но время, неумолимое время не ждетъ, когда намъ вздумается освѣжить свой мозгъ: оно безжалостно отрезвляетъ насъ горькимъ опытомъ и поминутно заставляетъ глядѣть впередъ, а не назадъ. Жизнь не мечта, не фантазія, а логическая дѣй-

Digitized by Google

ствительность, которая заявляется независимо отъ нашей прихоти и почти всегда наперекоръ нашимъ желаніямъ и ожиданіямъ, потому что мы крѣпки, какъ говорится, задпимъ умомъ. Пока еще сносно живется русскому человѣку, онъ не задумывается ни надъ чѣмъ и совершенно забываетъ, что на плечахъ у него голова, въ головѣ мозгъ, а въ мозгу способность разсуждать. Шевельнуть подобный мозгъ можетъ только нежданная бѣда, которая грянетъ въ голову какъ молнія, или уже такая горемычная жизнь, которая сдѣлается окончательно нестерпимою. Но и этого даже не бываетъ. Вѣрный своей любимой поговоркѣ—«стерпится, слюбится» русскій свыкается со всѣми превратностями жизни, со всякой бѣдой и невзгодой. Ничто его не занимаетъ, ничто не волнуетъ и не сокрушаетъ; онъ равнодушенъ ко всему, даже къ своему положенію и какъ будто думаетъ про себя—чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.

Для большинства людей, для массы, разсудокъ, размышленіе будто природное наказаніе, наказаніе невыносимое. Вотъ почему невѣжда, и вообще человѣкъ неразвитый, всячески избѣгаетъ напряженія своихъ умственныхъ способностей, какъ самой мучительной боли. Вотъ почему онъ такъ охотно вѣритъ всякому вздору, такъ легко подчиняется чужому уму и безропотно отрекается отъ своей воли. Мало того, невѣжда не только не мыслитъ, но и не живетъ самостоятельно: во всѣхъ своихъ поступкахъ онъ руководится не личной даже прихотью, а табуннымъ чувствомъ и, какъ баранъ, инстинктивно ищетъ толпы массы, которая притянула бы его и поглотила. Въ такой массѣ, гдѣ пропадаетъ, затирается всякая личность, человѣкъ какъ будто перестаетъ чувствовать себя: онъ безстрастно переноситъ горе и страданіе, не безпокоится на счетъ будущаго и самая смерть не пугаетъ его, а чаще всего даже радуетъ, когда онъ умираетъ не одинъ. «На людяхъ и смерть красна». Тутъ невольно спросишь себя: доступно-ли развитіе, возможна-ли разумная жизнь для однородной, сплоченной толпы людей, которые дѣйствуютъ безъ знанія и самосознанія? можетъ-ли, наконецъ, масса желать и стремиться къ лучшему, пока она остается массой?... Взгляните на царство ископаемыхъ: нѣтъ тамъ жизни, все мертво; неподвижны громады скалъ, и только тысячелѣтія оставляютъ на нихъ едва замѣтные слѣды, только землетрясенія и вулканическія изверженія нѣсколько оживляютъ ихъ. Тоже самое явленіе замѣчается и въ существованіи человѣческихъ массъ: подобно гранитнымъ глыбамъ

Digitized by Google

остаются онѣ въ неизмѣнномъ и неподвижномъ состоянiи, подъ вліяніемъ однородности состава и *силы тяготѣнія*.

Одни и тѣ же законы управляютъ природой и человѣчествомъ. Сила тяготѣнія, какъ извѣстно, разлагается на двѣ взаимно-противоположныя силы — центростремительную и центробѣжную. Безъ этого разложенія, безъ этой двойственности силъ была бы немыслима и самая жизнь. Центробѣжная сила заставляетъ нашъ земной шаръ и всѣ планеты вращаться около солнца и своей оси; дѣйствіемъ этой же силы образовалась вся планетная система. Сила притяженія или центростремительная могла дать начало только царству ископаемыхъ. Подобный же законъ дѣйствуетъ въ образованіи и развитіи человѣчества. *Сила невѣжества* образуетъ изъ людей сплошныя, однородныя массы, въ родѣ каменныхъ породъ, которыя стоятъ неподвижно вѣка и тысячелѣтія, пока другая сила, *сила знанія* не выведетъ ихъ изъ состоянія застоя, и не дастъ самостоятельнаго развитія каждому человѣку. Разумъ, знаніе— вотъ та центробѣжная сила, которая убиваетъ въ людяхъ стадное чувство, вызываетъ ихъ къ общественной жизни и заставляетъ изучать условія этой жизни, которая развивается по своимъ, опредѣленнымъ законамъ. Знать, чтобы предвидѣть, предвидѣть, чтобы дѣйствовать и дѣлать дѣло—вотъ чего требуетъ жизнь отъ человѣка, какъ существа разумнаго и свободнаго. Человѣкъ становится господиномъ природы по мѣрѣ того, какъ онъ узнаетъ ее и открываетъ ея законы. Тотъ же самый человѣкъ освобождается и развивается въ обществѣ, по мѣрѣ того, какъ онъ изучаетъ законы общественной жизни и перестаетъ ихъ выдумывать.

Обществе! За чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, мы поминутно употребляемъ это слово, когда въ нашихъ глазахъ оно не имѣетъ дѣйствительнаго значенія? Для насъ слово — «общество» — одно лишь отвлеченное понятіе, подъ которымъ разумѣется произвольное собраніе людей. Этимъ предразсудкомъ мы заражены съ дѣтства и усвоили его изъ первыхъ уроковъ грамматики, гдѣ постоянно говорится о томъ, что родовыя и видовыя понятія вовсе не выражаютъ дѣйствительностей. Нѣтъ, общество не выдумка, не отвлеченное представленіе нашего ума, а живой организмъ, управляемый особенными законами, изслѣдованіе и открытіе которыхъ доступно только наблюденію. Существованіе этого организма заявляется не въ формѣ физической, матеріально-осязательной, а во внутренней и взаимной связи его

Digitized by Google

членовъ. Разница между лицомъ и обществомъ прежде всего заключается въ томъ что существованіе человѣка познается внѣшними чувствами, между тѣмъ какъ общество подобнаго матеріальнаго выраженія не имѣетъ. Египтяне, индѣйцы и другіе древніе народы представляли себѣ общество въ видѣ чудовищной величины человѣка съ головой, зубами, руками, ногами. Такъ понимали общество даже греческіе мудрецы, и потому неудивительно, если самъ Платонъ каждый день благословлялъ боговъ за то, что они позволили ему родиться человѣкомъ свободнымъ, а не рабомъ, мужчиной, а не женщиной, грекомъ, а не варваромъ. Аристотель — тотъ до такой степени признавалъ природное отличіе людей, что, по его убѣжденію, для раба — немыслима добродѣтель! А между тѣмъ рабы, во времена Платона и Аристотеля, составляли три четверти населенія!.. Въ наше время, при личной свободѣ человѣка, ни одинъ отчаянный сумасбродъ не рѣшится повторять нелѣпостей древнихъ мудрецовъ и не станетъ утверждать, что общество должно быть устроено по образцу животнаго организма и дѣлиться на касты благородныхъ и низкихъ душъ. Съ уничтоженіемъ рабства подобное раздѣленіе людей утратило всякое значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось и понятіе о самомъ обществѣ.

Но признавая личную свободу и достоинство человѣка, мы полагаемъ однако, что общество, въ которомъ живутъ и дѣйствуютъ люди, не можетъ заявлять себя противно ихъ волѣ и желаніямъ, на томъ основаніи, будто общество само по себѣ не живетъ и не развивается. Мы разсуждаемъ такъ: безъ людей общество невозможно, немыслимо; люди свободные дѣйствуютъ по личному разсчету и взаимному соглашенію, другими словами — по своей доброй волѣ; слѣдовательно общество, какъ случайное собраніе людей, дѣйствующихъ вмѣстѣ для достиженія извѣстныхъ цѣлей, должно непремѣнно выражать только волю, пожалуй даже прихоть большинства, а не заявляться по какимъ либо особымъ, независимымъ законамъ. При такомъ разсужденіи, безпорно, общество становится для насъ произвольной выдумкой, чистымъ мифомъ. Въ опроверженіе этого опаснаго предразсудка можно бы привести самыя положительныя доказательства. Но для краткости ограничимся слѣдующимъ простымъ вопросомъ: можетъ ли какое нибудь собраніе людей, при всемъ ихъ желаніи и взаимномъ согласіи, построить, напримѣръ, домъ противно принципамъ статики и законамъ равновѣсія, или заставить

Digitized by Google

тѣла падать вверхъ, а не внизъ?! Конечно нѣтъ, потому что подобное желаніе несогласно съ законами природы, то есть нелѣпо и неисполнимо. Почему же намъ думается, что общество живетъ и развивается по нашей волѣ, когда мы такъ ясно видимъ, что все въ природѣ совершается по неизбѣжнымъ и неотмѣнимымъ законамъ? Виною тому наше незнаніе и узкій, безмысленный эгоизмъ. Пока намъ незнакомы законы общественной жизни,—разумѣется намъ поневолѣ приходится блуждать въ области фантазій, нелѣпыхъ иллюзій и выдумокъ, считая себя игрушкой какой-то неумолимой судьбы. Не признавая, даже не подозрѣвая, что общество развивается по опредѣленнымъ законамъ, независимо отъ нашего личнаго соображенія или прихоти толпы, мы поминутно создаемъ разныя теоріи, системы, утопіи, для соглашенія личнаго интереса съ общественнымъ, и потомъ наивно удивляемся, почему всѣ наши опыты и затѣи остаются безплодными и даютъ результаты, противные общему ожиданію!..

Общество — живой, своеобразный организмъ, который дѣйствуетъ по особому направленію, уклоняясь отъ направленія воли людей и личныхъ ихъ желаній. Общественная жизнь заявляется точно также, какъ механическая *равнодѣйствующая* сила, которая всегда уклоняется отъ направленія составныхъ, единичныхъ силъ. Изъ этого видно, что изучать направленіе общества, открывать и признавать постоянные законы его жизни — вотъ все что могутъ сдѣлать люди для улучшенія и обезпеченія своей участи. Общественная жизнь — предметъ науки, а не выдумки и фантазіи. Вотъ почему экономическія отношенія между людьми составляютъ уже, въ настоящее время, предметъ особый науки — *общественной экономіи*, которая изучаетъ законы этихъ отношеній, принимая за принципъ справедливость и правило — *каждому по дѣламъ его*. Замѣтимъ однако, что общественная экономія, какъ наука, существенно, радикально отличается отъ экономіи частной, домашней, которая имѣетъ въ виду одинъ лишь личный или семейный интересъ. Одно уже это различіе, очевидно, доказываетъ намъ, что между лицомъ и обществомъ, между личными разсчетами и законами общественной жизни нѣтъ общихъ принциповъ. Человѣкъ способенъ и можетъ нарушать справедливость умышленно или безъ умысла, все равно какъ онъ воленъ пренебрегать своимъ здоровьемъ или морить себя голодомъ. Но если, за разстройство своего здоровья, человѣкъ подвергается болѣзнямъ и страданіямъ, то

Digitized by Google

и въ самомъ обществѣ, какъ въ живомъ организмѣ, всякое злоупотребленіе и нарушеніе правды не обходится даромъ, а выражается повальной бѣдой. Пора намъ убѣдиться, что каждое общественное явленіе— не случай, а неизбѣжное послѣдствіе, математическій, логическій результатъ всей системы нашихъ взаимныхъ отношеній, всѣхъ нашихъ понятій, стремленій, предразсудковъ и иллюзій.

Бѣда родитъ бѣду. Это какъ нельзя болѣе справедливо, особенно когда люди, отрекаясь отъ разума, дѣйствуютъ безсознательно, и слѣпо подражаютъ другъ другу. Для подтвержденія нашей мысли, приведемъ примѣръ, хорошо знакомый каждому. — Въ настоящую пору у насъ повсемѣстная дороговизна: ее чувствуютъ всѣ безъ различія классы общества; отъ нея страдаетъ народное и частное хозяйство. Что дѣлать въ такомъ положеніи? Безъ сомнѣнія, намъ слѣдуетъ избавиться во чтобы то ни стало отъ подобной повальной бѣды. Но какъ и въ чемъ искать спасенія? — вотъ вопросъ. Для разрѣшенія его, прежде всего нужно изслѣдовать, вызнать дѣйствительную причину дороговизны, убѣдиться въ ея гибельномъ вліяніи на промышленность, торговлю и кредитъ; за тѣмъ сообразить какія она можетъ имѣть послѣдствія въ будущемъ и, наконецъ, пріискать такія средства, которыя бы обезпечили дешевизну и дали бы дѣламъ иной оборотъ. Вотъ что, казалось, должны были бы сдѣлать люди, для своей пользы, не только по внушенію здраваго смысла, но и по чувству самосохраненія. Дороговизна — опасная экономическая болѣзнь, болѣзнь не временная, случайная, а хроническая, которую слѣдуетъ лечить радикально, а не полумѣрами. Что же, спрашивается, рѣшили у насъ? Какими средствами надѣемся мы избавиться отъ убійственной дороговизны? Какъ у насъ объясняютъ, наконецъ, это явленіе экономической жизни и какихъ ожидаютъ отъ него послѣдствій? Думать, соображать, знать, предвидѣть и рѣшать — да разума ли нашего это дѣло?! *Авось* какъ нибудь проживемъ, кое-какъ перебьемся: на нашъ вѣкъ еще хватитъ! Все подорожало у насъ отъ безденежья, всему виной безденежье—такъ рѣшили у насъ умные и глупые, ученые и неученые. Были бы деньги — и все бы уладилось къ общему удовольствію, а безъ денегъ, какъ безъ головы — ничего не придумаешь. Что же; однако, дѣлать? Спасайся, кто можетъ! Пусть каждый добываетъ денежку всѣми путями, кто во что горазъ. Если, по пословицѣ, «клинъ клиномъ выгоняютъ», то почему же не попытаться изгнать дороговизну дороговизной?! И такъ станемъ еще

Digitized by Google

сильнѣе набивать на все цѣны и брать втрое, вдесятеро за трудъ, услугу или службу. Это, кажется, единственное, практическое средство спастись отъ нищеты и раззоренія. Взгляните какое у насъ теперь согласіе: безъ разсужденій и всякихъ споровъ, всѣ дѣйствуютъ за-одно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый для себя, а случай или счастіе за всѣхъ! И за чѣмъ намъ разсуждать, о чемъ спорить, когда мы такъ хорошо понимаемъ другъ друга и знаемъ заранѣе, чего каждый добивается! Всѣ нуждаются въ деньгахъ, и всякій промышляетъ ихъ по своему. Вотъ почему домовладѣлецъ, напримѣръ, возвышаетъ цѣны на квартиры, купецъ запрашиваетъ тройныя цѣны за товары, работникъ требуетъ увеличенія задѣльной платы, чиновникъ хлопочетъ о прибавкѣ жалованья и о выдачѣ единовременнаго пособія... Короче — каждый заботится о своемъ личномъ интересѣ и пытается застраховать себя отъ дороговизны на счетъ другихъ. Чего же лучше?! Прибавьте къ этому, что каждый живетъ не по средствамъ, а въ счетъ будущихъ благъ, у каждаго расходы гораздо болѣе прихода, никто уже не сводитъ концовъ съ концами, и все продается и покупается въ кредитъ. Такова наша практика, наша экономія, залогъ общественнаго прогресса и благополучія!

„Въ надеждѣ славы и добра
Впередъ глядимъ мы безъ боязни.“

Такъ ли это, однако? Правда ли, что мы тронулись окончательно, и ломимъ на пропалую по избранному пути прогресса, мечтая о будущемъ и забывая настоящее свое положеніе? Неужто горькая дѣйствительность не можетъ, по сіе время, разсѣять наши иллюзіи и привести насъ въ самосознаніе? Кто рѣшится отвѣтить на подобные вопросы? Г. Катковъ или никто.

Вотъ что вѣщаетъ намъ московскій каліостро: «Россія, какъ для самой себя, такъ и для посторонняго наблюдателя, представляетъ теперь цѣлый міръ шатаній, колебаній, недоразумѣній, которыя на каждомъ шагу сбиваютъ людей съ толку, заставляютъ ихъ принимать одну вещь за другую, искать пользу во вредѣ, а вредъ въ пользѣ, бояться того, въ чемъ спасеніе, и опрометью бросаться на явную опасность.» («Русск. Вѣстн.» май 1863 г.)

Знай нашихъ!.. Какая же, впрочемъ, причина нашихъ шатаній, колебаній, недоразумѣній? Что съ нами?

Digitized by Google

«Всего болѣе недоразумѣній возбуждаетъ повсюду замѣчаемое у насъ и преобладающее во всѣхъ замѣшательствахъ нашей промышленности и торговли, такъ называемое—*безденежье.*» (Слова г. В. Безобразова, сотрудника «Русск. Вѣстника»).

Съ воплемъ и стономъ вырывается изъ груди нашей жалоба на страшное безденежье, и каждый судорожно ощупываетъ рукой свой пустѣющій карманъ. — Горе, горе и бѣда намъ отъ безденежья! Безденежье произвело повсемѣстную дороговизну жизни, а дороговизна, въ свою очередь, стала разрѣшаться частнымъ разореніемъ, банкротствомъ и, наконецъ разстройствомъ всего народнаго хозяйства. Напрасно домовладѣлецъ, въ надеждѣ на увеличеніе дохода, возвышалъ цѣны на квартиры: жильцы его, отговариваясь безденежьемъ, отказываются платить въ срокъ, требуютъ отсрочки и притомъ горько упрекаютъ за жестокосердіе хозяина дома или его управляющаго. Бѣдные владѣльцы 10, 20 и 60 домовъ «Голосомъ» г. Краевскаго отчаянно просятъ покровительства полиціи и примѣрнаго, строгаго наказанія неисправныхъ плательщиковъ. Ахъ! зачѣмъ было дома возводить? и зачѣмъ было ихъ въ наемъ отдавать?! Напрасно купецъ, мечтая о барышахъ, сталъ запрашивать втрое за товары: дороговизна сократила только продажу, заставила покупателей обѣгать лавки и магазины, или забирать въ долгъ безъ отдачи, вызвала ропотъ публики противъ монополистовъ, спекуляторовъ и побудила безчестныхъ торгашей искать спасенія въ злостномъ банкротствѣ, въ наглой поддѣлкѣ и умышленной порчѣ товаровъ. Но, при безденежьи, и торговый обманъ не даетъ барышей, потому что купецъ во чтобы то ни стало долженъ сбыть съ рукъ свой товаръ, а сбыть его можетъ только съ убыткомъ. Ахъ! за чѣмъ же продавцу за прилавкомъ сидѣть? и за чѣмъ же ему покупателей звать?! Напрасно работники думаютъ о повышеніи задѣльной платы: никто теперь не станетъ дорого платить имъ, потому что каждый бережетъ послѣднюю копѣйку, трясется надъ ней, и скорѣй старается уволить рабочаго, чѣмъ нанять его. Много работниковъ, а мало работы; вотъ почему поденщику-ремесленнику или мастеровому поневолѣ приходится голодать или работать за ничтожную плату, когда ему посчастливится добыть себѣ какой-нибудь трудъ. При безденежьи, каждый хозяинъ, фабрикантъ и заводчикъ, не получая заказовъ, разумѣется, сокращаетъ производство, отказываетъ рабочимъ и уменьшаетъ заработокъ тѣмъ изъ нихъ, которыхъ оставляетъ у себя изъ

Digitized by Google

жалости. Ахъ! за чѣмъ же работы искать? и за чѣмъ же даромъ трудъ продавать?! Напрасно чиновникъ, изнемогая отъ дороговизны жизни, хлопочетъ о прибавкѣ жалованья: не тѣ ужь нынче годы — говорится про государственные расходы. Для увеличенія окладовъ жалованья и выдачи пособій служащимъ потребуются новые налоги и подати, а при настоящемъ безденежьи каждый объ этомъ боится и подумать. Къ тому же всякое увеличеніе государственныхъ сборовъ не только не ослабляетъ дороговизны, а напротивъ того — постоянно и неизбѣжно усиливаетъ ее въ страшной пропорціи. Вотъ почему прибавка жалованья, если она и возможна, нисколько не пособитъ чиновнику, и вскорѣ опять заставитъ его хлопотать о средствахъ существованія. Мечты, чиновничьи мечты! гдѣ ваша сладость??

Безденежье, невыносимое безденежье! Пропали мы безъ денегъ! Деньги наша вѣра, надежда и любовь; что же будетъ съ нами, если намъ не удастся какъ нибудь избавиться отъ безденежья? Страшно, невыразимо страшно за людей, за насъ самихъ, нуждающихся въ деньгахъ!

Чего испугались? Неужто китайцы или англичане отнимаютъ у насъ Сибирь и поселяются на Уралѣ! Или, можетъ быть, мы успѣли уже исчерпать всѣ сокровища своей земли и на днѣ нашихъ рудниковъ и розсыпей не осталось и фунта золота!... Ройте, взрывайте родимую почву, ищите, какъ слѣдуетъ, природные клады, ищите ихъ и найдете. Мало вамъ 1500 пудовъ ежегодной добычи преврѣннаго металла—добывайте три, пять, десять тысячъ пудовъ. Была бы только охота трудиться—и въ деньгахъ нуждаться не будемъ.

Но что я говорю! Развѣ у насъ возможенъ, наконецъ, недостатокъ въ золотѣ, когда мы по сіе время хлопочемъ только о томъ, какъ бы побольше сбыть его за границу? За чѣмъ же обманывать самихъ себя и жаловаться на безденежье, если намъ такъ пріятно бросать за море свои деньги! Мы щедро снабжаемъ Европу нашимъ золотомъ, поминутно даемъ денежное пособіе англичанамъ, нѣмцамъ, французамъ, подъ предлогомъ поощренія внѣшней торговлѣ, и послѣ этого рѣшаемся просить у нихъ...въ займы...за проценты...тѣ самыя деньги, которыя отдавали намъ почти даромъ! Не смѣшно ли, въ самомъ дѣлѣ, одной рукой отдавать, а другою просить?! Западная Европа, при всемъ своемъ тщеславіи, унижается передъ нами до лихоимства. Спасемъ себя отъ подобнаго

Digitized by Google

самоуниженія: не станемъ брать лихвы съ иностранцевъ и не будемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, поощрять заграничныхъ ростовщиковъ. Лихоимство заразительнѣе и опаснѣе чумы; намъ слѣдуетъ не только беречь самихъ себя отъ этой заразы, но изъ человѣколюбія избавлять отъ нея и чужеземцевъ, будь они даже заклятыми нашими врагами.

«Что имѣемъ—не хранимъ; потерявши плачемъ»! Деньги у насъ были, да сплыли. Нѣтъ ихъ ни въ обращеніи, ни въ Банкѣ, который прекратилъ размѣнъ и выдачу звонкой монеты, и сократилъ учетъ векселей и торговыхъ бумагъ. Бѣдное купечество отчаянно взываетъ о состраданіи къ своему жалкому положенію и прибѣгаетъ къ благодѣтельной гласности для защиты своихъ интересовъ «С.-Петерб. Вѣдомости» печатаютъ для назиданія публики, слѣдующую «Замѣтку».

«Многіе изъ купцовъ жалуются на государственный Банкъ за то, что онъ остановилъ дисконтъ векселей на половину, если не болѣе. Такъ, напримѣръ, кто имѣлъ кредитъ на 10 тысячъ, теперь имѣетъ его только на 5 тысячъ и менѣе. *Купцы говорятъ*, что такая крайне-стѣснительная мѣра поведетъ ихъ къ *многочисленнымъ банкротствамъ*, и немудрено, потому что прерваніе вдругъ кредита торговому человѣку неминуемо влечетъ его къ несостоятельности, особенно при нынѣшнемъ застоѣ торговли и всеобщемъ безденежьѣ».

Жаль, очень жаль, что почтенная редакція «С.-Петерб. Вѣдомостей» напечатала со словъ купцовъ подобную замѣтку, и тѣмъ самымъ заявила передъ публикой свое легковѣріе и непониманіе настоящихъ причинъ тѣхъ многочисленныхъ банкротствъ, которыя свирѣпствуютъ въ нашей торговлѣ, помимо денежнаго кризиса и разпоряженій Банка. Понятно, что банкротамъ всегда хочется выставить себя несчастными, невинными жертвами какихъ-то внезапныхъ, непредвидѣнныхъ бѣдствій, и потому не мудрено, если недобросовѣстные торгаши сваливаютъ теперь всю вину своей несостоятельности на безденежье, застой торговли и жалуются на государственный Банкъ. Кто кого обманываетъ: купцы ли газетныхъ экономистовъ, или послѣдніе публику, которая такъ довѣрчиво читаетъ ихъ «хозяйственныя замѣтки»? Публика, разумѣется, не знаетъ и не замѣчаетъ продѣлокъ; уловокъ и хитростей опытныхъ банкротовъ. Но почему же газеты и журналы такъ рѣдко оглашаютъ

Digitized by Google

подвиги героевъ торговаго міра и не разскрываютъ тайнъ лихоимства и злостнаго банкротства?!...

Въ апрѣлѣ прошлаго года «Московскія Вѣдомости» сообщали, что московское купеческое общество страшно негодуетъ на печать, за распространеніе извѣстій о банкротствахъ въ Москвѣ. Негодованіе купцовъ достигло такой степени, что они намѣрены были обратиться въ Петербургъ съ просьбою запретить литературѣ разсуждать о банкротствахъ, какъ о дѣлахъ, подлежащихъ глубокой тайнѣ. Напрасно! По всему видно, что московское купечество не читаетъ нашихъ газетъ, знаетъ о литературѣ только по слухамъ и вѣрно не подозрѣваетъ, что извѣстія о банкротствахъ оглашаются коммерческими судами. По сіе время наша литература знакомила публику съ одной лишь домашней жизнью купечества, съ его самодурствомъ и предразсудками, почти не касаясь его общественной дѣятельности, какъ сословія, захватившаго въ свои руки всю промышленность страны, все народное хозяйство. Что дѣлаютъ купцы при настоящемъ разстройствѣ нашихъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ? Гдѣ кроется причина этого разстройства? Что придумало купечество для выхода изъ своего положенія? Неужели наша *ученая* литература не займется никогда обсужденіемъ этихъ вопросовъ, и намъ придется, по прежнему, смотрѣть на каждое банкротство, какъ на несчастный случай или умышленный торговый подлогъ не болѣе. Неужели банкротство, эта язва промышленности, не имѣетъ другаго особеннаго смысла въ экономической наукѣ, и подлежитъ обсужденію и рѣшенію только коммерческихъ судовъ и биржевыхъ комитетовъ?! Неужели факты банкротства — простые случаи, которые повторяются чаще или рѣже, сообразно тому, какъ ведутъ свои дѣла купцы и вообще торговые люди и какъ строго караетъ ихъ законъ за несостоятельность? Можно ли, въ настоящую пору, объяснить эти случаи только денежнымъ кризисомъ, сокращеніемъ банковаго кредита, прекращеніемъ размѣна билетовъ на звонкую монету и паденіемъ вексельнаго курса? Нѣтъ ли другихъ, органическихъ, коренныхъ причинъ банкротства въ купеческомъ сословіи? Попытаемся отвѣтить на эти сложные, запутанные и, признаться сказать, совершенно новые для насъ вопросы.

Не въ деньгахъ счастье, а въ безденежьѣ. Когда же мы поймемъ и оцѣнимъ это счастье? Когда же безденежье перестанетъ пугать насъ и казаться намъ причиною дороговизны, разворенія и нищеты?

Digitized by Google

Скоро ли, наконецъ придемъ мы къ тому разумному убѣжденію, что можно легко обходиться и безъ денегъ. Нужда въ деньгахъ, для прекращенія застоя торговли, дороговизны и банкротства, — такая же нелѣпая иллюзія, какъ и тѣлесное наказаніе для пресѣченія кражи, разбоя, убійства и другихъ уголовныхъ преступленій. Съ точки зрѣнія экономической науки, употребленіе денегъ такое же варварство, какъ и наказаніе плетьми, съ точки зрѣнія науки гражданскаго права. У насъ говорятъ: «Если бы удалось надѣлить всѣхъ деньгами, дать каждому много денегъ, то всѣ были бы богаты и никто не сталъ бы банкротиться». Въ подобномъ разсужденіи столько же здраваго смысла, сколько и въ слѣдующемъ: если бы удалось каждаго больно высѣчь, дать каждому побольше ударовъ, то всѣ сдѣлались бы честными гражданами, и никто не рѣшился бы на преступленіе.

Умѣстно или неумѣстно вообще нуждаться въ деньгахъ, и не пора ли, въ самомъ дѣлѣ, для водворенія экономическаго порядка и прогресса, изгнать ихъ совсѣмъ и навсегда изъ народнаго употребленія? — этотъ вопросъ мы обсуждали довольно подробно въ статьѣ нашей «Торговля безъ денегъ», помѣщенной въ февральской книжкѣ «Русск. Слова» за 1863 г. Въ той же статьѣ мы доказали, опираясь на опытъ и науку, что общественные банки могутъ и должны дѣйствовать безъ основнаго капитала и размѣннаго металлическаго фонда, посредствомъ одного лишь выпуска банковыхъ билетовъ, взамѣнъ частныхъ векселей и торговыхъ бумагъ. Такой образъ дѣйствія банка, разширяя, развивая кредитъ и давая ему прочное начало, избавитъ насъ отъ пга золота, и обратитъ его въ простой товаръ, наравнѣ съ прочими. Тогда прекратятся всѣ денежныя и торговые кредиты, ростовщики и биржевые спекуляторы поневолѣ откажутся отъ своего гаденькаго ремесла, и всѣмъ намъ останется только работать, работать, для пріобрѣтенія богатства и обезпеченія своего благосостоянія. Безденежье, крайнее безденежье — наше спасеніе! Забудемъ деньги, перестанемъ въ нихъ нуждаться, вспомнимъ о работѣ — и все пойдетъ къ лучшему! Теперь мы на пути къ спасенію, потому что у насъ повсемѣстное безденежье и золото становится мифомъ. Дайте совсѣмъ изчезнуть этому роковому мифу и положите конецъ царству денегъ, царству лихоимства и раззоренія. Если безденежье все еще кажется намъ злымъ, то припомнимъ, по крайней мѣрѣ, поговорку — *нѣтъ худа безъ добра* — и будемъ имѣть на столько

Digitized by Google

здраваго смысла, чтобы воспользоваться опытомъ и мнимое зло обратить въ свою пользу.

Наше купечество, а за нимъ и публика, горько жалуется на государственный банкъ за прекращеніе выдачи звонкой монеты и размѣны кредитныхъ билетовъ. Эта жалоба — чистая напраслина и вопіющая несправедливость, потому что Банкъ поступилъ такъ, какъ желали и требовали того сами купцы и сама публика. Дѣйствительно, чего требуютъ отъ Банка предразсудокъ и рутина? Они требуютъ, чтобы Банкъ *имѣлъ постоянно* металлическій фондъ, т. е. запасъ звонкой монеты, и въ тоже время *постоянно лишался* его по желанію и прихоти публики, которая считаетъ себя въ полномъ правѣ мѣнять бумажки на серебро и золото, когда ей вздумается. Что, спрашивается, дѣлать Банку, когда ему говорятъ, въ одно и тоже время, — «давай не давай; имѣй не имѣй?! Можетъ ли Банкъ угодить публикѣ при такомъ явномъ противорѣчіи требованій? Можетъ ли Банкъ размѣнять кредитные билеты на весь свой запасъ звонкой монеты и остаться безъ мѣднаго гроша? Конечно можетъ. Но согласится ли на это сама публика, которая не можетъ себѣ представить Банка безъ запаса звонкой монеты? Разумѣется, не согласится, потому что въ рукахъ ея останется масса бумажекъ, которыя безъ размѣна не будутъ имѣть никакой цѣнности. И такъ — если, во избѣжаніе повальнаго банкротства и для поддержанія цѣнности бумажнаго рубля, публика не можетъ требовать постояннаго, непрерывнаго размѣна кредитныхъ билетовъ, то она и невправѣ жаловаться на Банкъ, когда онъ прекращаетъ этотъ размѣнъ, вслѣдствіе истощенія металлическаго фонда. Что долженъ предпринять Банкъ, когда публика отбираетъ у него ежемѣсячно по десяти милліоновъ, и угрожаетъ изчерпать весь фондъ, до послѣдняго рубля? Ему остается одно средство: принять крайнія мѣры предосторожности противъ алчной публики, т. е. не выдавать болѣе звонкой монеты и объявить насильственный курсъ. Вотъ почему не только нашъ, но и всѣ европейскіе государственные банки, основанные на металлическомъ фондѣ, неоднократно прибѣгали къ подобнымъ мѣрамъ, доказывая публикѣ, что запасъ звонкой монеты для обезпеченія кредитныхъ бумагъ — чистая иллюзія, безцѣльная мечта. У насъ говорятъ и пишутъ: «нѣтъ кредита, его стѣсняютъ, а вовсе не поддерживаютъ даже такія учрежденія, какъ государственный Банкъ, который обязанъ о томъ заботиться». Неправда! Не Банкъ

Digitized by Google

убиваетъ у насъ кредитъ, а наша неумѣлость, наше постыдное равнодушіе къ собственнымъ интересамъ, наша трусость передъ бѣдой, наша лѣнь и наши предразсудки. Всего намъ подавай — и денегъ, и кредита, и богатства, а сами и пальцемъ не пошевельнемъ, чтобы хотя чѣмъ нибудь заявить свою общественную дѣятельность. Вездѣ пора денежнаго и промышленнаго кризиса ознаменовывалась какимъ нибудь блестящимъ открытіемъ, какими нибудь важными и полезными изобрѣтеніями, — загляните въ исторію Англіи, Франціи... а у насъ что? Ничего! — мы умѣли до сихъ поръ только охать, стонать, да жаловаться на свое горькое житье-бытье. Безденежье, безденежье,— только и слышится у насъ повсюду эта нелѣпая жалоба. Говорятъ, что у насъ много англомановъ, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, воспѣваютъ Англію и ставятъ ее въ образецъ Россіи. Такъ отчего же эти доморощенные джентльмены не утѣшаютъ насъ, при настоящемъ денежномъ кризисѣ, примѣромъ возлюбленной ихъ Англіи, которая выдержала столько банковыхъ банкротствъ! Съ 1727 до 1822 года англійскій банкъ постоянно выпускалъ въ обращеніе свои билеты и ни разу не мѣнялъ ихъ на золото. Этой мѣрою онъ достигъ того, что публика привыкла обходиться безъ звонкой монеты и принимала банковыя билеты по ихъ номинальной цѣнѣ. Мало того: въ теченіе двадцатипятилѣтняго денежнаго кризиса, не смотря на разорительную войну съ Наполеономъ, Англія сдѣлала громадные успѣхи въ промышленности, развила свою торговлю и стала всемірнымъ рынкомъ. Что доказываетъ подобный примѣръ? Онъ доказываетъ, что для экономическаго прогресса вовсе не нужны деньги, а только трудъ и, послѣ труда, быстрое и правильное обращеніе его произведеній. Суммы наличныхъ денегъ, которыя употребляетъ Англія въ своей торговлѣ не привышаетъ 200 милліоновъ рублей; а между тѣмъ съ этимъ ничтожнымъ капиталомъ она производитъ на десятки тысячъ милліоновъ! Изъ этого факта наши англоманы должны были бы вывести то заключеніе, что страна, которая жалуется на безденежье, собственно говоря жалуется не на недостатокъ денегъ а на свою отсталость и неразвитость.

За чѣмъ намъ деньги? Для какого употребленія? Неужто для поддержанія ремесленной, фабричной и заводской промышленности, для оживленія торговли или для развитія земледѣлія?! Совсѣмъ нѣтъ. Мы постоянно нуждались въ деньгахъ не для производства, а для

Digitized by Google

непроизводительнаго ихъ обращенія, для аѳіотажа, барышничества, биржевой игры... Не смотря на томоженную систему, наши фабрики и заводы сдѣлали очень мало успѣховъ, а земледѣліе находится еще по сіе время въ первобытномъ состояніи. Причина такого поразительнаго застоя и разстройства нашего народнаго хозяйства объясняется довольно просто. Всякая производительная промышленность, для своего развитія, требуетъ усиленнаго труда и знанія, а мы мало и дурно работали, и ничему дѣльному, полезному не учились. Мало того: всѣ наши оборотные капиталы постоянно и всевозможными путями обѣгали производство, и до сихъ поръ обѣгаютъ его; они истребляются тунеядствомъ, отвлекаются отъ дѣла на безплодныя, меркантильныя спекуляціи, на торговый обманъ, лихоимство, азартную биржевую игру или поглощаются, наконецъ, такими акціонерными предпріятіями, которыя прибыльны для однихъ лишь учредителей и директоровъ компаній. Для скорости и удобства движенія къ прогрессу, мы стали, напримѣръ, строить желѣзныя дороги, затратили на нихъ огромные капиталы, изчерпали заразъ источники производства, убили множество мелкихъ промысловъ и нанесли большой ущербъ массѣ работниковъ. Сотни милліоновъ, зарытыхъ въ землю будто кладъ для потомства, пропали для земледѣлія, фабрикъ и заводовъ, пропали для всѣхъ отраслей производства, и эта невознаградимая потеря породила отчасти ту безпримѣрную дороговизну, отъ которой страдаетъ теперь все наше общество. Что же заставляетъ насъ такъ радоваться постройкѣ желѣзныхъ дорогъ? По всей вѣроятности—дороговизна самой постройки, а за тѣмъ скорость ѣзды по рельсамъ. Если бы мы ѣздили по сіе время не въ вагонахъ, а только въ дилижансахъ, тарантасахъ или кибиткахъ, по шоссе и почтовымъ дорогамъ, то намъ кажется никогда не пришло бы въ голову увѣрять другъ друга въ своемъ прогрессѣ! Проѣзжая въ часъ по 10 верстъ, даже по отличной проселочной дорогѣ, безъ особенной тряски, мы все-таки не повѣрили бы, что это настоящій прогрессъ. Нѣтъ! Дайте намъ прокатиться по рельсамъ, со скоростью 30 или 40 верстъ въ часъ, тогда мы и скажемъ—«вотъ такъ цивилизація: дорого да мило»!

Бѣда не въ томъ, что мы мечтаемъ о прогрессѣ: на это не сердятся болѣе консерваторы, и не жалуются даже прогрессисты. Бѣда наша въ томъ, что мы не знаемъ, какъ попасть на путь истиннаго, а не ложнаго прогресса, и чаще всего совершенно забы-

Digitized by Google

всѣмъ, что намъ дѣйствительно пора начать новую жизнь не на словахъ, а на дѣлѣ. Правда, мы надѣемся на свое будущее, и какъ будто порываемся къ лучшему; но что значитъ надежда среди горькой дѣйствительности?!

«Странное дѣло!—Кажется во всемъ мы идемъ вмѣстѣ со временемъ, говоримъ о свободѣ промысловъ, торговли, во-очію уничтожаемъ монополь, а характеръ стараго порядка вещей держится у насъ самымъ упорнымъ образомъ. Подъ прикрытіемъ новизны у насъ укореняется старое время; сила капитала, напримѣръ, начинаетъ чувствоваться даже болѣе, чѣмъ прежде; характеръ спекуляціи въ бумажномъ дѣлѣ проглядываетъ самымъ замѣтнымъ образомъ; а торговые фокусы повторяются на Нижегородской ярмаркѣ, не смотря на нашу прославленную гласность». (Корресп. изъ Москвы, 10 сент. 1863 г. «С. П. Вѣд.»).

Вотъ и прогрессъ! И такъ у насъ нуждаются въ деньгахъ для спекуляціи, для аміотажа, для порабощенія труда и поддержанія тунеядства. Отвращеніе отъ работы, жажда обогащенія путемъ обмана и прикрытаго насилія — вотъ смыслъ всѣхъ возгласовъ о нашемъ экономическомъ прогрессѣ! И послѣ этого находятся у насъ экономисты, которые объясняютъ настоящую дороговизну *излишнимъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ!* По ихъ увѣренію, намъ стоитъ только возстановить цѣнность бумажнаго рубля, запастись звонкой монетой, прекратить дальнѣйшій выпускъ бумажекъ—и все устроится къ лучшему... Такъ называемое безденежье, по опредѣленію нашихъ ученыхъ, — ничто иное, какъ избытокъ бумажныхъ денегъ и упадокъ ихъ цѣнности, вслѣдствіе прекращенія размѣна и крайняго недостатка наличной звонкой монеты. Что же касается дороговизны, то она произошла неизбѣжно по причинѣ пониженія курса кредитныхъ бумагъ и возвышенія цѣнъ на всѣ товары. Такъ разсуждаютъ наши экономисты, такъ утѣшаютъ публику наши газеты и журналы, и добродушная публика съ удовольствіемъ слушаетъ ихъ, убаюкиваясь экономическими иллюзіями и софизмами! Какъ поучительно, въ самомъ дѣлѣ, внимать какому нибудь отъявленному экономисту, когда онъ примется доказывать вамъ цифрами, что безденежье произошло у насъ отъ дороговизны, а дороговизна отъ того, что у насъ завелось много денегъ!—«Сравнительно съ 1853 годомъ, когда было въ обращеніи 311 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, теперь находится ихъ *вдвое* болѣе, не считая 4% металлическихъ билетовъ, несуще-

Digitized by Google

ствовавшихъ въ 1853 г., и огромнаго количества серій». (В. Безобразовъ). Непрерывные, усиленные выпуски кредитныхъ бумагъ— вотъ настоящая причина дороговизны, упадка нашего вексельнаго курса, застоя торговыхъ дѣлъ и разстройства всего народнаго хозяйства. Такъ рѣшили наши рутинеры.

Морочатъ насъ экономисты, и морочатъ потому, что не знаютъ сами, о чемъ говорятъ. Покончимъ сразу съ ихъ болтовней. Нѣтъ, не излишекъ бумажныхъ денегъ и не превращеніе ихъ размѣна на звонкую монету породили у насъ дороговизну, а породила ее наша безпечность и праздность, наше тунеядство и отвращеніе отъ труда. Кто мѣшалъ намъ увеличить вдвое наше производство въ теченіе тѣхъ десяти лѣтъ, когда удвоилась сумма бумажекъ въ народномъ обращеніи?? Кто заставлялъ насъ бросаться, сломя голову, на самыя вздорныя и раззорительныя предпріятія, и непроизводительно губить время, трудъ и капиталы?! Гдѣ плоды нашей экономической дѣятельности за весь періодъ славонаверженія и громкихъ фразъ о прогрессѣ? Что сдѣлали мы путнаго для развитія земледѣлія, мануфактурной и заводской промышленности, для увеличенія массы полезныхъ вещей и товаровъ?... Нѣтъ, пусть экономисты докажутъ намъ прежде, что мы не тунеядствовали, не пожирали настоящаго въ счетъ благъ будущаго, не пускались на разныя забавныя аферы и спекуляціи, а дѣйствительно работали для обезпеченія довольства и умноженія богатства,—пусть они докажутъ это—и мы охотно станемъ слушать ихъ о вредѣ излишнихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. А теперь намъ остается только помянуть лихомъ свое прошлое, и вспомнить заключеніе басни Крылова «Стрекоза и муравей».

— «Кумушка, мнѣ странно это!
Да работала ль ты лѣто?
— «До того ль, голубчикъ, было?
Я безъ души

Лѣто цѣлое все пѣла».
— «Ты все пѣла? это—дѣло:
Такъ поди же попляши"!

Да пришла пора плясать намъ отъ дороговизны, послѣ сладкозвучныхъ пѣсней о прогрессѣ! Досадно только то, что мы даже и не пляшемъ, а просто вертимся до головокруженія, какъ дервиши, приговаривая поминутно—«безденежье, безденежье»! Денегъ, денегъ!

Digitized by Google

Дайте денегъ купцу, чиновнику, работнику; безъ денегъ каждый изъ насъ въ отчаяніи, какъ отецъ семерыхъ дѣтей, умирающихъ съ голоду. Какая жадность!

Наша публика, просвѣщенная публика охотно слушаетъ экономистовъ, вѣритъ имъ на слово и, кажется, готова плясать по ихъ дудкѣ. Въ этомъ конечно нѣтъ ничего удивительнаго, потому что наши экономисты—люди очень либеральные, и неустанно проповѣдующіе словомъ и перомъ о свободѣ торговли, объ уничтоженіи монополій и цеховъ, о сокращеніи арміи и налоговъ, и пр. пр. Но странное дѣло!—Почему этимъ ученымъ либераламъ никакъ не удается по сіе время убѣдить публику въ той экономической истинѣ, что деньги вовсе не богатство, а только посредникъ мѣны, и что единственное средство обогащенія страны—трудъ, трудъ и трудъ? Почему публика такъ мало вѣритъ въ дѣйствительность этого средства, и попрежнему считаетъ деньги талисманомъ противъ дороговизны и нищеты? Почему?! да потому, что наши, такъ называемые передовые и ученые люди, сами заражены нелѣпыми предразсудками, сами неубѣждены въ истинѣ того, что проповѣдуютъ, сами преклоняются передъ рутиной и поютъ старую пѣсню на новый ладъ. Вотъ почему никто изъ этихъ людей не рѣшился сказать публикѣ—«забудь безденежье, не мечтай о деньгахъ, а «работай, работай, работай»! Для прекращенія дороговизны намъ слѣдуетъ, во чтобы то ни стало, установить нарушенное равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, между запросомъ и предложеніемъ. Для достиженія этой цѣли. нужно только работать, усиленно работать, а вовсе не заботиться о возстановленіи цѣнности бумажнаго рубля посредствомъ запаса звонкой монеты и открытія размѣна. Горькій опытъ послѣднихъ двухъ лѣтъ ясно доказалъ намъ, что никакой запасъ золота не обезпечитъ дешевизны, не обогатитъ насъ ни на грошъ, и только втянетъ въ неоплатные долги, и ускоритъ денежный кризисъ. Куда дѣвалось наше золото послѣ того внѣшняго государственнаго займа? Чѣмъ кончился размѣнъ кредитныхъ билетовъ, открытый банкомъ 1-го мая 1862 года? Золото ушло туда, откуда и пришло къ намъ, то есть—за границу, а размѣнъ прекратился. Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего поразительнаго: золото, какъ и всякій другой товаръ, подчиняется закону пропорціональности. На основаніи этого закона, увеличеніе количества золота и вообще звонкой монеты не можетъ увеличить общественнаго богатства, если одновременно съ

Digitized by Google

этимъ не умножается масса прочихъ товаровъ и не усиливается производство. Въ той странѣ, гдѣ мало и дурно работаютъ,—золото держаться не можетъ, потому что, при обмѣнѣ на товары, оно неизбѣжно теряетъ свою цѣнность и, вслѣдствіе того, должно исчезать изъ обращенія и вывозиться за границу. Эта истина неоспорима и вовсе не требуетъ тѣхъ многословныхъ доказательствъ, которыми такъ любятъ щеголять отсталые экономисты. Что же касается искусственнаго возвышенія курса бумажныхъ денегъ посредствомъ новаго займа и открытія размѣна, то это самая нелѣпая мечта. Цѣнность всякой кредитной бумаги зависитъ не отъ количества звонкой монеты, находящейся въ обращеніи, а отъ свойства самого обращенія и цѣли кредита. Обращеніе бумажныхъ цѣнностей бываетъ двухъ родовъ: *производительное*, то есть полезное, и *непроизводительное*, вредное. Когда векселя, банковые билеты, акціи, облигаціи, короче—всѣ кредитныя бумаги обращаются съ полезною цѣлью и служатъ двигателями производства, тогда онѣ получаютъ мѣновую цѣнность, ходятъ по рукамъ, какъ настоящая монета и даже предпочитаются ей, потому что приносятъ извѣстный процентъ или дивидентъ. Если какая нибудь промышленная компанія ведетъ свои дѣла успѣшно, то ея акціи и облигаціи охотно раскупаются, цѣна ихъ подымается выше номинальной и онѣ продаются съ преміей. Отсюда ясно видно, что, для повышенія курса кредитныхъ бумагъ, слѣдутъ только дать имъ полезное, активное обращеніе и поддержать производство, а вовсе не обращать вниманія на то—есть ли въ банкѣ золото или нѣтъ его.

По сіе время ни одинъ изъ нашихъ экономистовъ не замѣтилъ и не выставилъ на видъ того факта, что обращеніе денегъ, государственныхъ и частныхъ облигацій идетъ у насъ по крайне-ложному и пагубному направленію. Наши кредитныя бумаги обращаются не для развитія частнаго кредита и поддержанія промышленности, а почти исключительно для обогащенія мѣнялъ, спекуляторовъ и ростовщиковъ. Съ той поры, когда у насъ укоренился аѳіотажъ бумажными деньгами, столичныя биржи стали притягивать къ себѣ всѣ свободные капиталы и тѣмъ самымъ разстроили народное хозяйство. Сокращеніе ѳабричныхъ и заводскихъ работъ, упадокъ кредита, банкротство, дороговизна, жалоба на безденежье—все это объясняется однимъ ѳактомъ непроизводительнаго обращенія нашихъ бумагъ. Гдѣ уже расплодился вредный классъ биржевыхъ игроковъ, барышниковъ

Digitized by Google

и всякихъ тунеядцевъ, тамъ общество неизбѣжно страдаетъ отъ денежнаго кризиса и жалуется на недостатокъ и дороговизну капиталовъ.

Давно ли, однако, мы стали роптать на безденежье? Неужто съ конца прошлаго года, когда банкъ прекратилъ размѣнъ, увеличилъ дископтъ и разсердилъ наше купечество отказомъ въ кредитѣ? О нѣтъ — гораздо раньше и совсѣмъ не по случаю банковаго кризиса. Вотъ что говорятъ факты нашего денежнаго обращенія.

Съ 1858 до мая 1862 года, у насъ не было размѣна кредитныхъ билетовъ: онъ прекратился вслѣдствіе крайняго истощенія банковыхъ запасовъ золота и серебра. Съ 1853—58 года, въ теченіе пяти лѣтъ, изъ размѣнныхъ кассъ нашихъ кредитныхъ учрежденій публика вынула болѣе 216 милліоновъ рублей звонкой монетой. Между тѣмъ масса кредитныхъ билетовъ въ обращеніи возрастала въ такой страшной пропорціи, что съ 1855—58 года сумма ихъ увеличилась съ 356 до 735 милліоновъ рублей, т. е. болѣе 206% въ три года!

Вскорѣ, послѣ усиленныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и прекращенія размѣна, былъ пониженъ банковый процентъ за частные вклады — и эта мѣра побудила вкладчиковъ взять изъ банковъ свои капиталы и пустить ихъ въ оборотъ. Такъ началась акціонерная лихорадка. Не взирая на банковый кризисъ и насильственный курсъ кредитныхъ билетовъ, не взирая и на страшный упадокъ вексельнаго курса — мы громко возвѣстили міру о своемъ прогрессѣ и радостно привѣтствовали зарю новой жизни. И какъ было не радоваться, когда у насъ появилось тогда столько «обществъ, компаній, товариществъ съ разными промышленными, торговыми и благотворительными цѣлями!» Съ какимъ жаромъ и увлеченіемъ поощряла публика каждое вздорное предпріятіе, и какъ довѣрчиво разбирала она всевозможныя акціи и облигаціи, въ надеждѣ разбогатѣть въ самое короткое время! Какимъ широкимъ кредитомъ пользовались наши купцы, и какъ легко было имъ выдавать на себя векселя, на сумму втрое и даже вдесятеро болѣе той, какую могли уплатить! Славное, раздольное было у насъ время! Никому тогда и въ голову не приходило жаловаться на банкъ за прекращеніе размѣна или возвышеніе учета.

Но вдругъ все перемѣнилось — надъ нами разразилась экономическая буря. Вихремъ банкротства унесло нашъ кредитъ, подорвало промышленность и торговлю, разметало въ прахъ акціонерныя предпріятія, разсѣяло наши мечты о прогрессѣ, и вырвало изъ груди каждаго горькую жалобу на безденежье и дороговизну. Отчего же произо-

Digitized by Google

шелъ этотъ неожиданный переворотъ въ нашихъ дѣлахъ и понятіяхъ? Отъ непомѣрнаго развитія тунеядства, лихоимства и вслѣдствіе непроизводительнаго денежнаго обращенія. Кто не понимаетъ теперь, что большая часть нашихъ «обществъ, товариществъ и компаній» были основаны не для полезныхъ цѣлей, а просто на просто для денежной спекуляціи. Вотъ почему они такъ скандально вели дѣла своихъ акціонеровъ и такъ скандально прекратили свое существованіе. Много было писано о безплодной дѣятельности нашихъ промышленныхъ ассоціацій, много было потрачено на ихъ счетъ юмора, сарказма и даже клеветы, но къ сожалѣнію во всемъ этомъ было мало смысла. Нѣтъ!.. вся тяжесть вины должна лежать на насъ, на насъ самихъ, а вовсе не на тѣхъ ловкихъ спекуляторахъ, которые такъ искусно воспользовались нашимъ легковѣріемъ и невѣжествомъ. Жаль, что никому изъ нихъ не пришла фантазія основать общество на акціяхъ для приготовленія золота или постройки желѣзной дороги на луну. Публика непремѣнно повѣрила бы успѣху этого предпріятія и расхватила акціи.

Акціонерная мономанія, разумѣется, должна была породить биржевую игру со всѣми ея прелестями и послѣдствіями. Для игры въ повышеніе и пониженіе курса акцій и облигацій потребовался, прежде всего, необходимый (для куртажа и размѣна) запасъ звонкой монеты, и потому биржевые ростовщики стали скупать ее и вынимать изъ обращенія. Но какъ наличной размѣнной монеты на биржахъ было очень недостаточно для аліотажа акцій и облигацій, то, съ возвышеніемъ лажа на золото, цѣна ихъ должна была понизиться и продолжала постоянно понижаться по мѣрѣ накопленія новыхъ кредитныхъ бумагъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что на акціонерномъ рынкѣ обнаружился безвыходный застой: никто не хотѣлъ уже болѣе покупать, а каждый, напротивъ того, старался сбывать свои акціи, даже за безцѣнокъ.

Вслѣдъ за банкротствомъ и ликвидаціей акціонерныхъ предпріятій, обманувшихъ надежды легкомысленной публики, наше денежное обращеніе получаетъ новое направленіе — и снова съ безплодною, непроизводительною цѣлью. Когда акціи и облигаціи, за исключеніемъ весьма немногихъ, потеряли свою цѣнность и перестали быть предметомъ биржевой спекуляціи, тогда публика съ жадностью бросилась на государственные займы, и остальная часть свободныхъ капиталовъ была употреблена на покупку серій, металлическихъ билетовъ

Digitized by Google

и пр. Въ настоящее время у насъ находится въ народномъ обращеніе 95 разрядовъ серій, каждый въ три милліона, затѣмъ — 48 милліоновъ 4% металлическихъ билетовъ, неопредѣленное количество облигацій семи внѣшнихъ государственныхъ займовъ и непрерывно-доходныхъ билетовъ, да кромѣ того — 630 милліоновъ кредитныхъ и 280 милліоновъ 5% банковыхъ билетовъ. Въ это исчисленіе не вошли акціи и облигаціи разныхъ обществъ, кредитныя обязательства которыхъ простираются до 500 милліоновъ, если не болѣе.

Для передачи, размѣна, учета нашихъ долговыхъ бумагъ, а тѣмъ болѣе для спекуляціи ими, конечно нужна звонкая монета — и въ ней, то ощущается крайній недостатокъ, потому что запросъ далеко превышаетъ предложеніе. Намъ хочется, во чтобы то ни стало, привести въ движеніе массу бумажекъ на сумму 2000 или 2500 милліон.; намъ хочется скупать, перепродавать, мѣнять эти бумажки, барышничать ими... Но у насъ мало звонкой монеты; но наше золото постоянно уходитъ за границу — и потому намъ поневолѣ приходится страдать отъ безденежья, то есть отъ избытка бумажныхъ денегъ, и жаловаться на упадокъ кредита «Денегъ, денегъ! — мы готовы дать за нихъ 20, 50 процентовъ, и занабалить себя на вѣки». Вотъ до чего довела насъ и домыкала наша праздность и безпечность! Кто виноватъ! — Предадимъ самихъ себя взаимному суду и чисто сердечно покаемся другъ другу. Повѣрьте: намъ не столько нужны деньги, сколько необходимы трудъ и покаяніе. Работать, значитъ спасться.

Разсматривая поближе бѣдственное состояніе нашего народнаго хозяйства, мы пришли къ тому заключенію, что причина всеобщей жалобы на безденежье кроется въ чувствѣ нашего отвращенія къ труду и въ томъ нелѣпомъ предразсудкѣ, который заставляетъ насъ видѣть въ деньгахъ единственное средство спасенія отъ дороговизны и разоренія. Дорого же обходится намъ эта иллюзія! Кризисъ, постоянный кризисъ, кризисъ денежный, финансовый, промышленный, торговый — вотъ чѣмъ заявляется и будетъ заявляться наша нужда въ деньгахъ, пока, наконецъ, сила обстоятельствъ не дастъ намъ другихъ потребностей, болѣе дѣйствительныхъ и полезныхъ, какъ напримѣръ — жажды знанія, справедливости и труда. Для развитія и удовлетворенія этихъ потребностей — деньги вовсе неумѣстны: знаніе пріобрѣтается и распространяется не рублями, а работой моз-

Digitized by Google

га и свободнымъ обмѣномъ мыслей; справедливость не покупается и не продается, а только отдается каждымъ каждому по дѣламъ его, безъ всякой платы; трудъ производитъ всѣ богатства изъ ничего и нетребуетъ капиталовъ, потому что можетъ развиваться и поддерживаться самъ собой. Трудъ — необходимое условіе и средство нашей жизни. «Трудитесь другъ для друга, мѣняйтесь услугами и плодами вашихъ трудовъ» — вотъ основное правило житейскихъ отношеній, которое на экономическомъ языкѣ передается формулой — *произведенія мѣняются на произведенія, товары на товары.* Что нужно для практическаго примѣненія этой формулы? «Деньги, деньги» говоритъ слѣпая рутина; товары покупаются и продаются на деньги, слѣдовательно онѣ необходимы для поддержанія торговли. «Нѣтъ, утверждаетъ въ свою очередь наука: торговля должна быть основана на безденежномъ, безплатномъ кредитѣ, на упрощенной вексельной системѣ, на взаимности довѣрія и круговой порукѣ. Каждый изъ насъ должникъ и кредиторъ — поэтому нѣтъ должниковъ и кредиторовъ; что каждый даетъ, то и получаетъ, ни болѣе, ни менѣе; ликоимство и банкротство — экономическія нелѣпости. «Для торговли нужны торговцы, говоритъ рутина: чѣмъ болѣе купцовъ и свободнѣе ихъ соперничество, тѣмъ дешевле товары». Нѣтъ, утверждаетъ наука торговля, какъ взаимный обмѣнъ, требуетъ только сокращенія числа посредниковъ между производителями и потребителями, и конкурренціи въ производствѣ. Каждый изъ насъ потребляетъ, слѣдовательно каждый долженъ производить; чѣмъ больше и лучше станемъ мы работать, тѣмъ дешевле и вѣрнѣе будемъ сбывать другъ другу свои произведенія; отсюда слѣдуетъ, что, для развитія промышленности и торговли, всякій работникъ долженъ быть и купцомъ, а каждый купецъ работникомъ. Другими словами — потребитель, купецъ и работникъ — экономическая ложь. Поэтому если купецъ жалуется на то, что онъ не торгуетъ, то этимъ только хочетъ сказать про себя, что онъ не работаетъ.

Итакъ: если промышленность, кредитъ и торговля нуждаются въ деньгахъ, то нѣтъ ни производства, ни кредита, ни торговли. Если для дешевизны нужна конкуренція купцовъ, то нѣтъ и быть не можетъ дешевизны: купцы должны продавать дорого и банкротиться.

Постараемся доказать эту послѣднюю экономическую истину фактами и логическими выводами въ слѣдующей книжкѣ «Рус. Слова.»

Digitized by Google

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Взглядъ на міръ сквозь зеленые и розовые очки.—Великосвѣтская жизнь, отвергающая нечесанныхъ нигилистовъ.—Великосвѣтская газетка, обоняющая ароматъ аристократическихъ передницъ. — Листки изъ дневника свѣтскаго человѣка.—Переходъ отъ зимнихъ удовольствій къ великопостной скукѣ. — Эпитафія зимнему театральному сезону.—Гг. Лонгиновъ и г. Тьеръ.—Гг. Костомаровъ и Погодинъ; ихъ новая полемика по поводу Куликовской битвы.— Диспута просимъ, милостивые государи, — диспута! — Полемика баронессы Фитингофъ—Шеель съ г. Аскоченскимъ.—Обличеніе изъ города: *Волчья Дыра* и отставка обличителя. — Голосъ изъ захолустья, передѣланный городничимъ. — „Энергическіе мотивы жизни" г. Юркевича, прилагаемые въ городѣ Заушинскѣ черезъ четвертаго къ пятому. — Сага mia, внущающая послушаніе посредствомъ заушеній и семьдесятъ семь благодарственныхъ подписей. — Дворянскій предводитель, охраняющій матеріальные и моральные интересы юныхъ владимірскихъ артистокъ.—Кіевскій артистъ г. Милославскій, самъ себя превозносящій въ „Кіевскомъ телеграфѣ."

Гейне говоритъ, что міръ иногда кажется намъ фуріей, а иногда прелестной женщиной: все зависитъ отъ очковъ, сквозь которыя мы глядимъ на все окружающее. Очки попадаются разные: мрачные, веселые, сантиментальные, клубничные, раздражающіе и успокоительные. На этотъ разъ наши петербургскіе журнальные носы (свой носъ я причисляю къ той же категоріи) были такъ несчастливы, что на ихъ долю выпали очки именно раздражающаго свойства. Всѣмъ такимъ носамъ міръ показался фуріей самаго возмущающаго вида. Самъ я, къ общему неудовольствію своихъ читателей подчиняясь «вѣянію» проклятаго нигилизма, пріучилъ смотрѣть себя сквозь темные очки, и на каждомъ шагу раздражался противъ какихъ-то не существующихъ призраковъ. Но—

Повязка съ глазъ долой — и спала пелена...

У каждаго человѣка бываютъ минуты прозрѣнія, когда онъ мгновенно сознаетъ свои прежнія заблужденія. Такъ было и со мной. Я вдругъ пришелъ къ сознанію, что міръ вообще — не фурія, а госпожа очень милая и любезная, что дерево русскаго прогресса сгибается подъ

Digitized by Google

тяжестью наливныхъ плодовъ своихъ, что всѣ явленія дѣйствительной жизни могутъ вызывать не зубовный скрежетъ, не безсильное негодованіе или хохотъ, но слезы непритворнаго умиленія. Убѣдившись въ этомъ я теперь —

Стою какъ блѣдный *сынъ* передъ лицомъ *отца*.
И плакать бы хотѣлъ, но плакать не умѣю.

Да, повязка спала съ главъ, какъ послѣ тяжелаго кошмара; я сознался, что наша общая болѣзнь: —

Есть древняя вражда — къ каретамъ пѣшехода,
Лѣнивой нищеты къ богатому труду,
Къ барону Штиглицу того, кто безъ дохода,
Иль обвиненнаго къ законному суду.

Когда во мнѣ совершилось это благодатное превращеніе — все въ окружающемъ меня мірѣ показалось мнѣ въ иномъ свѣтѣ. Я стыдливо опускалъ глаза при встрѣчѣ съ какимъ нибудь нигилистомъ небритымъ и нечесаннымъ и, подобно одному изъ изящныхъ перетаскивателей Шиллера на русскій языкъ, восклицалъ: фи! какой онъ грязный!.. Лица разныхъ обличительныхъ прозаиковъ и «обличительныхъ поэтовъ» бросали мое тѣло въ испарину, и весь интересъ современной литературы сосредоточился для меня на салонныхъ повѣстяхъ гр. Е. Толстаго, на салонныхъ стихотвореніяхъ начинающаго поэта кн. Вяземскаго, и на фешенебельныхъ лѣтописяхъ газеты .. (названіе ея забылъ) газеты издаваемой кажется au faubourg St-Germain гг. Скарятинымъ и Юматовымъ.

Вотъ что значитъ перемѣна очковъ! Теперь я —

На жизнь смотрю, какъ старички,
Не такъ какъ сморитъ молодежь,
И тайной зависти очки
Теперь не ставлю я ни въ грошъ.

Я даже не узналъ свою собственную Музу — эту сварливую, ничѣмъ не довольную и капризную любовницу, которая явилась ко мнѣ въ позѣ увѣшанной фотографическими карточками русскихъ лириковъ—Майкова, Полонскаго, Фета, Николаевскаго, Тютчева и Кваншина—Самарина, и запѣла самымъ примиряющимъ тенорокъ:

Digitized by Google

Злобы нѣтъ въ мірѣ!
Злость заглуша,
Пой ты на лирѣ:
«Жизнь хороша!»
Пой, хоть въ жилетѣ
Нѣтъ ни гроша:
— Людямъ на свѣтѣ
«Жизнь хороша»!
Скорбный бѣдняга,
Гордый паша —
Пойте во благо:
«Жизнь хороша!»
Пой пролетарій,
Еле дыша,
Съ двухъ полушарій:
«Жизнь хороша!»
Съ темныхъ подворьевъ,
Изъ шалаша
Пой, какъ Григорьевъ:
«Жизнь хороша!»
Дѣло прогресса,
Разомъ сверша,
Пой въ честь Зевеса:
«Жизнь хороша»!

Разстроенный, взволнованный я упалъ на колѣна передъ своей преображенной музой.

— Жизнь, дѣйствительно, прекрасна! воскликнулъ я,—но научи же меня сознательно понимать ея прелести! Вѣдь не подслушивать мнѣ, какъ ростетъ трава и цвѣты рандевируютъ съ звѣздами?—вѣдь подслушивать все-таки скверно, моя милая муза!.. Покажи же мнѣ самую настоящую жизнь —

И новыя пѣсни польются съ пера:
Прославлю я то, что безславилъ вчера.

Укажи же мнѣ новый путь очищенія!..

— «Брось своихъ немытыхъ демократовъ, посѣщай аристократическіе рауты и собранія, и тогда...

— Но, Муза, —воскликнулъ я съ отчаяніемъ, — кто-же пуститъ меня —

За дверь потерянаго рая?

Digitized by Google

Я скорѣе, вмѣстѣ съ г. Страховымъ, могу совершить прогулку по всѣмъ сосѣднимъ съ землей планетамъ, нежели попасть въ какой нибудь благоуханный салонъ.

Но Муза уже скрылась, оставивъ передо мною связку фешенебельной газетки, на которую внушительно указала своимъ пальцемъ. Жадно перечитывая ея свѣтскую, бальную хронику, я невольно втягивалъ въ себя носомъ запахъ аристократическихъ прихожихъ, и понялъ, что только опытный авторъ этихъ хроникъ можетъ дать мнѣ хоть приблизительное понятіе о жизни «*новыхъ людей*».

Мое желаніе сбылось, и я лицомъ къ лицу встрѣтился съ аристократическимъ лѣтописцемъ. Что наше свиданіе съ нимъ не плодъ моего воображенія, то можно доказать № 1—6 одной псевдо-салонной газетки, гдѣ тоже самое повторено хроникеромъ публикѣ, что было сказано мнѣ.

Свѣтскій лѣтописецъ стоялъ передо мной и улыбался какой-то ядовито-ароматною улыбкой. Напрасно я старался пріучить свои губы къ этой улыбкѣ, но онѣ (о, мужички!) не слушались и не понимали тайны новаго изгиба.

— «О, вы, пустословы, авторы неопрятнаго остроумія и пересмѣиванія! Чѣмъ занимаете вы въ вашихъ журналахъ публику? говорилъ мнѣ хроникеръ, на платье котораго, кажется, были вылиты всѣ амбры, всѣ «сокровища востока?» — Какой міръ вы описываете? какихъ людей выводите? Вы взяли-бы хоть примѣръ съ писательницы Е. Туръ. Вотъ хоть ея парижскія письма въ «Голосѣ»... Она не хочетъ говорить о какихъ нибудь демократическихъ закоулкахъ Парижа, о напряженномъ состояніи парижскихъ умовъ,— нѣтъ — она ведетъ васъ прямо въ анекдотическую жизнь Люи Наполеона, вводитъ на костюмированные балы министра иностранныхъ дѣлъ Друэна де-Люиса и герцога Морни,— а вотъ вы что пишите тутъ у себя? объ академическихъ конкурсахъ, о рысакахъ, которые давятъ ротозѣевъ на улицѣ, о воспитательныхъ домахъ какихъ-то...»

— Но вѣдь это наши насущныя болячки! осмѣлился я замѣтить говорившему... Будуарный лѣтописецъ слушалъ одного только себя, а потому, не удостоивая меня отвѣтомъ, продолжалъ...

— «Вотъ для примѣра въ нашу газету загляните! Мы не хотимъ въ ней раздражать нервы читателей разсказами... ну хоть о какихъ нибудь акціонерныхъ компаніяхъ, мы не оскорбляемъ ничѣмъ ихъ вкуса, а вотъ развлекаемъ ихъ такими анекдотцами. Прочтите».

Digitized by Google

Беру въ руки газету и читаю:

«Въ нашихъ жилахъ нѣтъ ни одной капли крови Великаго Наполеона», сказалъ однажды въ шутку покойный принцъ Іеронимъ своему племяннику, императору.

— «Пусть такъ, отвѣчалъ Людовикъ Наполеонъ, но за то на моей шеѣ сидитъ все его семейство».

— А въ письмовникѣ Курганова остроумнѣе попадались анекдоты,—совершенно нечаянно сорвалось у меня съ языка.

Ораторъ только презрительно посмотрѣлъ на меня сквозь свое стеклышко, съ тою же ядовито-ароматною улыбкою. Я смутился.

— «Вы хотите знать жизнь «Большаго свѣта», продолжалъ онъ, но въ тоже время смотрите на нее съ подозрительностью мелкаго демократа».

— Такъ ознакомьте меня съ этою новою жизнью — и моя подозрительность пропадетъ сама собою.

— «Для этого я посовѣтую читать вамъ газету «Вѣсть», которую выписываютъ швейцары всѣхъ великосвѣтскихъ домовъ Петербурга, газету, которая отреклась отъ своего демократическаго знамія и старается заслужить вниманіе нашего *бомонда*».

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана экземпляръ «Вѣсти».

— «Чтобъ ознакомить васъ съ пріемами этого изданія, я прочту нѣсколько мѣстъ на выдержку. Ну, вотъ хоть, напримѣръ:

«Наши демократы не благоволятъ вообще къ аристократическимъ собраніямъ. Наши демократы отзываются съ какимъ-то смѣшнымъ презрѣніемъ о раутахъ и балахъ большаго свѣта. Мы однако напомнимъ нашимъ демократамъ ихъ собственныя собранія, напримѣръ, хоть демократическіе клубы. Неужели эти собранія не отличаются непомѣрными пустотою, вздоромъ и скукой? Что въ нихъ, въ этихъ демократическихъ собраніяхъ такого, чѣмъ они могли бы гордиться передъ собраніями большаго свѣта, на что они изъявляютъ, по видимому, претензію? Что въ нихъ такого серьезнаго, достигающаго какого нибудь результата? Развѣ табакъ, пиво, да полупьяныя рѣчи»?

Въ эту минуту я съ ужасомъ вспомнилъ, что отъ меня пахнетъ сигарой Крафта и что я только сейчасъ выпилъ рюмку водки. Мнѣ стало стыдно — и я опустилъ глаза, даже не догадавшись сдѣлать вопроса: да развѣ у насъ есть «демократическіе» клубы, о которыхъ Богъ вѣсть почему толкуетъ «Вѣсть».

Чтецъ продолжалъ: «развѣ табакъ, пиво, да полупьяныя рѣчи? Къ

Digitized by Google

этому можемъ еще прибавить какіе-то пиджаки, *иногда засаленные*, вмѣсто черныхъ фраковъ и блестящихъ мундировъ».

Въ эту минуту я торжествовалъ: на мнѣ былъ не засаленный пиджакъ, а черный фракъ, и я сзади даже походилъ—по замѣчанію моихъ друзей—на свѣтскаго издателя «Вѣсти».

— Слушайте далѣе: «конечно на балахъ и раутахъ вы не услышите усыпительныхъ лекцій «о вредныхъ привычкахъ» (за то увидите множество прелестныхъ маневрій,—сострилъ мой новый свѣтскій знакомый); на балы и рауты съѣзжаются не для полу-ученой болтовни разныхъ *недоучившихся* профессоровъ... Здѣсь вы встрѣтите острую, иногда колкую, но отнюдь не плоскую шутку, здѣсь вы встрѣчаете игривый, блестящій разговоръ, въ которомъ умъ оживляется и находитъ отдохновеніе; здѣсь вы встрѣчаете изящество манеръ, изящную обстановку, изящные, ласкающіе глазъ своею роскошью, наряды дамъ... Нѣтъ, господа, не тѣмъ худы рауты и балы, что они будто-бы блестятъ только пустотою, а *тѣмъ, что они для васъ не доступны*, и недоступны не потому, что вы не богаты... Дайте умъ, изящество хоть съ сердца, и имъ не отвергнутъ въ раззолоченной гостиной».

Я захлебывался отъ удовольствія, слушая это мѣсто объ аристократическихъ удовольствіяхъ и балахъ и, бросившись на грудь своего свѣтскаго собесѣдника, могъ только воскликнуть:

Въ соблазнѣ новомъ предвкушая
Великосвѣтскій ароматъ,
Твержу одно, провозглашая:
Нѣтъ, я теперь не демократъ!

* * *

Пиджакъ мой новъ, безъ сальныхъ пятенъ,
Безъ дыръ прожженныхъ, безъ заплатъ,
Мнѣ милъ Юматовъ и Скарятинъ...
Нѣтъ, я совсѣмъ не демократъ!..

* * *

Демократическое лоно
Готовъ я бросить безъ утратъ;
Нѣтъ, я родился для салона!
Нѣтъ, я совсѣмъ не демократъ!

* * *

Digitized by Google

Я сталъ не тотъ теперь... а нравъ-то?...
Не пью я пива бурый ядъ,
И не курю сигары Крафта...
Нѣтъ, я совсѣмъ не демократъ.

***

Съ шампанскимъ устрицы покушавъ...
(Въ своихъ мечтахъ),—я всюду радъ
Читать тебя лишь князь Кугушевъ...
Нѣтъ, я совсѣмъ не демократъ!

***

Ты, міра моднаго газета
Открыла мнѣ,—пойду-ль назадъ?—
Что я — поэтъ большаго свѣта,
Что я совсѣмъ не демократъ!..

Мнѣ было грустно только одно, что я такъ долго находился въ своемъ грубомъ невѣдѣніи, что неподозрѣвалъ даже о существованіи блестящаго міра среди раззолоченыхъ гостиныхъ. Напр. что такое былъ для меня великосвѣтскій балъ, куда по замѣчанію «Вѣсти» не пускаютъ нашего брата? Давно-ли еще въ своемъ демократическомъ невѣжествѣ, говоря о прозябаніи столичныхъ, худосочныхъ барышень, говорилъ:

Первый балъ для нихъ есть школа,
Гдѣ всѣ учатся отлично
Послѣ лжи подъ отчимъ кровомъ
Лгать съ достоинствомъ, публично,
Лгать улыбками, экстазомъ
Подъ корою ледяною,
Накладными волосами
И любовью накладною.
Въ этой лжи есть умѣнье,
И высокое искусство:
Нарумянешныя щеки,
Нарумяненныя чувства,
Сѣти хитраго обмана
И заботы о карьерѣ»...

***

Digitized by Google

Такъ я думалъ, не понявши
Въ раззолоченныя двери.

Такъ я думалъ прежде, когда Базаровскій поцѣлуй на плечѣ губернской аристократки ни сколько не возмущалъ меня. Теперь не то; теперь великосвѣтская газета убѣдила меня смотрѣть на балъ иначе. Если *такой* умный человѣкъ какъ Пушкинъ, восклицаетъ она, чистосердечно сознавался, что онъ въ молодости своей былъ *«отъ баловъ безъ ума»*, то слѣдовательно... что жъ изъ этого слѣдуетъ по ея мнѣнію? а то, что

Балъ есть вещь — а прочее все гиль.

«Балы имѣютъ огромное значеніе для цѣлаго поколѣнія, говоритъ газета. «Балами разстроиваются и поправляются состоянія».

Лишь прочелъ—и упалъ на колѣни я,
И съ невольнымъ восторгомъ шепталъ:
Вѣрю я — для всего поколѣнія
Ты имѣешь значеніе — балъ.

Въ этомъ замѣчаніи я нашелъ не пустую фразу, но мысль очень глубокую. Я увѣренъ, что если бы высшій свѣтъ открылъ новый родъ благотворительныхъ баловъ, раззолоченныя двери которыхъ были бы раскрыты для званыхъ и незваныхъ изъ нашего поколѣнія, то наши вновь обращенные, и новой средой исправленные «дѣти» не преобразились бы въ этихъ нечесанныхъ нигилистовъ... Кто знаетъ, что могло тогда случиться?..

Оставшись одинъ, я съ увлеченіемъ началъ читать «хронику большаго свѣта». Слѣдя за живописными описаніями хроники, я видѣлъ передъ собой цѣлый рядъ блестящихъ вечеровъ и раутовъ. Передо мной мелькали швейцары съ булавой, лѣстницы въ египетскомъ вкусѣ, гостиные à la Pompeyenne, картинныя галлереи, мозаичные камины и средневѣковыя росписанныя стекла. Предо мной, какъ въ дѣйствительности, поднимались ярко освѣщенныя залы; проходила вереница гостей: мундиры, ленты, дипломатическія бакенбарды, англійскія проборы, праздничные физіономіи и затылки. Вотъ грянулъ оркестръ и по паркету

Летали ножки милыхъ дамъ...

Прелестная картина, которую я созерцалъ, задыхаясь, какъ на первомъ любовномъ свиданіи.

Digitized by Google

Рядъ пышныхъ залъ,
Улыбки дамъ...
Я трепеталъ,
Какъ будто самъ
Попалъ на балъ.
Блестящій слѣдъ
Шпоръ, эполетъ,
Кадрильныхъ паръ,
Нарядовъ цвѣтъ
Подъ цвѣтъ сигаръ.
Изъ рамъ глядитъ
Самъ Тиціанъ;
Оркестръ гремитъ...
И, словно пьянъ,
Читая «Вѣсть»,
Я все вздыхалъ:
Ахъ, если бъ влѣзть
На этотъ балъ!..

Однимъ только былъ смущенъ я, при чтеніи бальной газетки. Лѣтописецъ раззолоченыхъ гостиныхъ, описывая цѣлый рядъ праздниковъ въ залахъ князя В. А. Д., графа В. П. Д. и др., дѣлаетъ косвенное признаніе, что онъ на этихъ балахъ не былъ. Прямо въ этомъ онъ не признается, но со вздохомъ проговаривается, что передъ каждымъ великосвѣтскимъ баломъ онъ желалъ бы быть *хромымъ бѣсомъ*, чтобъ имѣть способность невидимо проникать въ раззолоченыя гостиныя. Такъ вотъ оно въ чемъ дѣло! Имѣя право предполагать, что салонный хроникеръ не получилъ такой способности хромаго бѣса, я прихожу къ горькому сознанію, что и его, какъ и порицаемыхъ имъ демократовъ, *не пускаютъ* на эти вечера и рауты, и онъ только съ помощью своего художественнаго чутья воспроизводитъ описанія ихъ въ своихъ хроникахъ. Обидно!.. Впрочемъ усердіе все превозмогаетъ, и можно не бывать ни въ одной залѣ большаго свѣта и въ тоже самое время собирать по крупицамъ всѣ его маленькія тайны, сплетни и анекдоты. Была-бъ только охота! Чтобъ доказать, что это не такъ трудно, я сію же минуту разскажу вамъ анекдотъ изъ великосвѣтскаго быта.

Я знаю одну великолѣпную аристократку. (Предположите, что я преподавалъ курсъ словесности по Шевыреву ея первой камеристкѣ). Эта великосвѣтская барыня такъ богата, что даже считаетъ себя бѣдной. Она хороша собой. Глаза ея блестятъ, какъ червонцы; даже прекрасная ея головка наполнена червонцами, и каждая ея мысль выражается

Digitized by Google

грудой затрачиваемыхъ золотыхъ монетъ. Страдая постоянно своей золотой нищетой, красавица передъ самой природой кокетничаетъ своей роскошью, и однажды, говорятъ, въ порывѣ всепокоряющей власти, отдала приказаніе повару, чтобъ онъ къ обѣду приготовилъ луну подъ рачьимъ соусомъ. Я сомнѣваюсь, чтобъ поваръ ослушался ея приказанія, и луна, вѣроятно, явилась на званомъ обѣдѣ. Красавица «большаго свѣта» носила лѣтомъ такіе зонтики, ручки которыхъ могли на цѣлый мѣсяцъ дать средства мнѣ не писать своего «дневника» и на свободѣ изучать жизнь великосвѣтскихъ гостиныхъ. Когда она выѣзжала съ такимъ зонтикомъ, дождь, не смѣя дотрогиваться до него своей слякотью, съ благоговѣніемъ прекращался, а солнце пряталось стыдливо за тучку.

Вотъ эта самая богатая героиня является недавно въ модный французскій магазинъ.

— Есть новыя матеріи?

— Есть, только-что полученныя изъ-за границы.

Передъ львицей выкладываютъ цѣлую гору атласныхъ, шелковыхъ и бархатныхъ матерій. Одинъ изъ такихъ кусковъ показался ей очень лакомымъ; спрашиваетъ цѣну. Изъ уваженія къ ней—цѣна указывается равной иному дому на Выборгской сторонѣ.

— Сколько въ вашемъ магазинѣ кусковъ этой матеріи? спрашиваетъ бѣдная милліонерша, желая поразить новымъ, еще неизвѣстнымъ въ Петербургѣ, нарядомъ одну изъ своихъ салонныхъ соперницъ.

Кусковъ оказывается болѣе десяти.

— Я оставляю ихъ всѣ за собой, съ уговоромъ, чтобъ мнѣ продали все, что выписано изъ-за границы.

Прошло нѣсколько дней. Соперница богатой барыни пріѣзжаетъ въ тотъ же магазинъ и съ запросами о тѣхъ же новостяхъ туалета. Ей показываютъ.

— А не покупала-ли что нибудь у васъ К-ва? спрашиваетъ она.

— Двѣнадцать кусковъ новой лионской матеріи, которой нѣтъ больше въ магазинѣ, отвѣчаютъ ей.

— Нѣтъ, но нельзя ли имѣть, по крайней мѣрѣ, образчикъ этой матеріи?

Образчикъ нашелся и она уѣхала. Тутъ-то началась великосвѣтская дуэль, дуэль совершенно особаго рода, вполнѣ обрисовывающая нравы героинь раззолоченыхъ гостиныхъ.

Соперница капризной львицы К-ой прямо изъ Лиона выписала себѣ

точно такой же матеріи и пригласила на свой раутъ эту молодую милліонершу—аристократку. Послѣдняя появилась на раутѣ съ полной надеждой своего торжества т. е. съ надеждой, что только на ней *одной* надѣто платье изъ самой модной и новой ліонской ткани. Она явилась съ сіяющимъ лицомъ. Каково-же было ея отчаяніе и великосвѣтское бѣшенство, когда въ комнатѣ своей соперницы она нашла мебель, обитую *тою же самою тканью*, какъ на ея платьѣ.

Это была обида, оскорбленіе, это была проигранная битва.... Только однѣ темныя ночи да горничныя этихъ батистовыхъ «страдалицъ» знаютъ о томъ, какъ онѣ переносятъ такія ужасныя оскорбленія...

Поэтическій образъ великосвѣтской женщины! Я имъ рѣшительно начинаю увлекаться, по случаю вышеприведеннаго факта. Какое галантерейное мщеніе! Какое благородное страданіе!... Я увѣренъ, что какой нибудь демократъ, любящій «проводить свои принципы въ жизнь» посмѣется своимъ мужицкимъ, циническимъ смѣхомъ надъ этимъ оскорбленнымъ созданіемъ; я увѣренъ, что онъ скажетъ: «для какой жизни и дѣятельности годна такая барынька? Куда ее можно сунуть? Перенесите-ка ее въ школу, и заставьте учить крестьянскихъ ребятишекъ—чему она ихъ научитъ? Жена что-ли изъ нея хорошая выйдетъ? Мать семейства что-ли? Да ну ихъ совсѣмъ»!..

Такъ или почти такъ скажетъ онъ, и совершенно ошибется. Онъ не въ состояніи понять, что подобныя женщины рождаются и живутъ только для того,

Чтобъ возбуждать
Воображеніе поэтовъ,

только для того, чтобъ наслаждаться жизнью, не отравленной мозолями и заботами о насущномъ хлѣбѣ, въ совершенномъ незнаніи труда и мѣщанской зависимости отъ случая.

Послѣ метаморфозы испытанной мной, я началъ особенно интересоваться жизнью «большаго свѣта». Большой свѣтъ! Правъ пѣвецъ говоря:

Не я ему названье это далъ,
Но смыслъ глубокій есть въ названьѣ этомъ.

Я эту мысль особенно оцѣнилъ, когда въ мои руки попалась «записная тетрадь великосвѣтскаго льва» тетрадь, съ содержаніемъ которой я хочу теперь ознакомить своего читателя. Не стану разсказывать, какими судьбами листки этой тетради очутились въ моихъ рукахъ.

Digitized by Google

Въ повѣстяхъ сороковыхъ годовъ, рукописи и исповѣди всякаго рода, обыкновенно, доставались писателямъ послѣ смерти чахоточнаго друга, который умирая завѣщалъ пріятелю бумажный свертокъ съ своими признаніями и воспоминаніями; а потомъ уже пріятель, въ память умершаго друга, печаталъ его записки. Моя рукопись досталась мнѣ совершенно иначе и гораздо проще, хотя ея автора я и въ лицо никогда невидывалъ. Но я изъ скромности умолчу объ этомъ, и начну прямо съ замѣтокъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА СВѢТСКАГО ЧЕЛОВѢКА.

1 января

Вчера годъ новый встрѣтилъ дома,
Maman больна, pарѝ игралъ,
А я съ кузиной у альбома
До самой полночи зѣвалъ.
Тоска!... Поужиналъ отлично,
Всѣ разошлись, лишь пробилъ часъ...
Когда бъ хоть нѣсколько прилично,
Ей Богу, радъ бы былъ — въ танцклассъ.

II.

У князя В. А. Д. на балѣ
Я былъ представленъ Мери II—а.
О ней ужъ много толковали,
А Мери только невѣрна.
Былъ мужъ, слѣдилъ за нее зорко —
И ревновалъ, какъ гимназистъ.
Тамъ былъ еще федералистъ,
Посланникъ Грей изъ Нью-Іорка.
За ужиномъ сѣлъ рядомъ съ К.,
Она, пока вокругъ шумѣли:
— Вы будете въ Вильгельмѣ-Теллѣ?
Спросила, вспыхнувши слегка.
— А вы? — «Мы будемъ» — Буду тоже! —
Она же: (право, не глупа)
— «Зайдите къ намъ — и вамъ pара
Предложитъ вѣрно мѣсто въ ложѣ.

Digitized by Google

III.

Признаться, наши демократы
Меня бросаютъ въ жаръ и потъ:
Не бриты, грязны, бородаты,
Не слушая законовъ модъ,
Они,—имъ только бы смѣяться,—
Все отрицали съ высока,
И грубость наглая сорваться
Всегда готова съ языка.
Въ костюмѣ ихъ, въ глазахъ, въ лицѣ
Читалъ я прямо: мужики!...
И тотъ, кто вышелъ изъ Лицея,
Ужъ вѣрно имъ не дастъ руки

IV.

Изъ «Взбаломученнаго моря
Узналъ я новый типъ одинъ,
И соглашусь теперь не споря,
Что списанъ вѣрно Басардинъ.
Всѣ наши "новые" мальчишки
Однимъ лишь только высоки,
Что, начитавшись модной книжки,
Крадутъ карманныя мысленки,
Крадутъ карманные платки.

V.

Шестаго. Былъ въ салонѣ О–вой.
Мужъ, какъ не хмурься, не юли,
Но рожки будутъ; той обновой
Мы наградимъ его съ Жюли.
Такихъ плечей, такого бюста,
Какъ у Жюли, я не встрѣчалъ...
На тройкѣ нынче до Огюста
Я съ ней катался и болталъ.

VI.

Смотрѣлъ Островскаго....ту пьесу...
Забылъ названье. Такъ пошла!...
Не понимаю нашу прессу:
Что въ тѣхъ комедіяхъ нашла?
Иныхъ—такъ любо придавить ей,
Иныхъ же хвалитъ имъ въ замѣнъ...

Digitized by Google

Я жъ нахожу что даровитѣй
Островскихъ всѣхъ Потѣхинъ И.

VII.

Кто мной любима? захотѣла
Узнать вчера старуха Ш.
—"Любимы мной: Надины—тѣло
И Мери А-гиной душа"...

VIII.

Съ Мишелемъ былъ у фотографа,
Снимали вмѣстѣ свой портретъ.
Тамъ повстрѣчали фата-графа:
—Какъ старъ, а все-таки брюнетъ.
Онъ былъ блондиномъ прежде, это
На сѣдину смѣнилъ старикъ,
Потомъ, купивъ себѣ парикъ
Преобразился вдругъ въ брюнета.

IX.

—Поэму написалъ Некрасовъ,
Сказалъ мнѣ кто-то. Вотъ смѣшно!
Я знаю самъ, что то не Красовъ,
Который умеръ ужъ давно.

X.

Пѣвцы съ лирическимъ сумбуромъ
Ведутъ насъ часто къ скаламъ бурымъ
Съ луной и нимфой темныхъ водъ,
Но съ тонкой шуткой, съ каламбуромъ
Не появляются въ народъ.
Въ салонѣ избранной графини
Они, сгарая отъ стыда,
Всѣ сожалѣли бы тогда,
Что у графини той въ графинѣ
Стоитъ не водка, а вода.
Helas!..

XI.

На балѣ Д. Надина О—ки,
Была мила. Что за уборъ...
Она явилась въ новомъ *тонъ*

Digitized by Google

A la Lucie de Lammermoor.
Мы танцовали vis-a vis съ ней.
Съ ней рядомъ ставшій дипломатъ
Былъ всѣхъ людей мнѣ ненавистнѣй.
А онъ—то, онъ—то былъ какъ радъ!

На этотъ разъ не продолжаю выписокъ изъ свѣтскаго альбома, за которымъ я признаю, по крайней мѣрѣ, одно достоинство—достоинство новости: онъ ни гдѣ не былъ напечатанъ. Да, впрочемъ, еслибъ и былъ даже напечатанъ, такъ что жъ за бѣда? А. Григорьевъ, перепечатавшій *два раза* одну и ту же статью о Гейне, доказалъ намъ, что у насъ и такія штуки съ рукъ сходятъ.

Когда я перечелъ этотъ альбомъ, нѣсколько номеровъ «Вѣсти», когда я мимоходомъ въ театральныхъ корридорахъ и на гуляньяхъ всматривался и прислушивался къ болтовнѣ разныхъ героевъ «разолоченныхъ», я пришелъ къ тому заключенію, что прежде чѣмъ вступить въ великосвѣтскій міръ, мнѣ нужно выдержать строгій искусъ для постриженія въ модные львы, и совершенно перемѣнить образъ своей жизни.

Новая программа жизни мало по малу начала выясняться передо мною; новый идеалъ манилъ меня слѣдующими сентенціями:

Отдай голову свою въ постоянное распоряженіе парикмахера: его щипцы будутъ постоянно, вмѣстѣ съ волосами, прижигать всѣ твои старыя, непотребныя мысли.

Имѣй всегда въ запасѣ нѣсколько дюжинъ модныхъ фразъ, перчатокъ, любезностей и пантолонъ. Постоянно сиди въ первомъ ряду балета и кончиками своихъ пальцевъ слегка ударяй по ладони (видъ самаго изящнаго, классическаго аплодисмента), поощряя «музыку ногъ» танцующей примадоны или граціозныя движенія М-lle Фабръ.

Не шикай въ театрѣ ни подъ какимъ видомъ.

Шесть дней ничего не дѣлай, а седьмой посвящай визитамъ и галантерейному бродяжничеству по гостиннымъ. Избѣгай дружбы съ нигилистами, отъ которыхъ отрекаются теперь самые лучшіе друзья ихъ; но умѣреннымъ либераломъ будь, ибо это твоего благородства не унизитъ.

Чтеніемъ времени не убивай, но читай только книги и журналы, съ твоими склонностями сходные.

Свои политическія нервы укрѣпляй передовыми статьями «Московскихъ Вѣдомостей».

Digitized by Google

Читай антично-клубничныя пѣсни А. Майкова, лирическія галлюцинаціи А. Фета.

Не пропускай въ «Русскомъ Вѣстникѣ» новаго романа «Марево», гдѣ на каждой страницѣ является февалевская тайна, гдѣ главный герой, какъ всадникъ въ балладѣ Жуковскаго, скачетъ на мертвой лошади и произноситъ монологи à la Леонидовъ!

Потомъ.... но потомъ шелъ цѣлый рядъ совѣтовъ и нравоученій изъ великосвѣтскихъ прописей, и я, какъ послушный ученикъ, стараюсь ловить ихъ на лету и скоро,—о мой читатель!—ты меня совсѣмъ не узнаешь и, если ты не нигилистъ (въ чемъ я и не сомнѣваюсь), то съ удовольствіемъ встрѣтишь мое перерожденіе...

Но что же дѣлается вокругъ насъ? Посмотримъ.

Мартовское солнце и мартовская грязь говорятъ намъ, что такъ называемый «зимній сезонъ» конченъ. Плачьте бѣдные фельетонисты. Нѣтъ ни оперъ, ни новыхъ піесъ, ни зимнихъ баловъ и маскарадовъ, нѣтъ тѣхъ дощечекъ, изъ которыхъ складывается наша бѣдная общественная жизнь. Внѣшняя сторона ея обстановки изчезла и вся скудость этой общественности ясно выходитъ передъ нами. Каждый остается при своемъ собственномъ дѣлѣ, (общаго дѣла нѣтъ никогда), при своихъ будняхъ, въ своей, очень часто на живую нитку сшитой, семейной жизни—начинается исторія формулярныхъ списковъ лавочниковъ, спекуляторовъ литературныхъ, протоколистовъ, лирическихъ кликушъ и различныхъ откупщиковъ журналистики, канцелярій, торговли и промышленности. За чертой своего зимняго сезона, когда мы не обманываемся видимымъ движеніемъ и лѣнивою суетливостью, Петербургъ нашъ, сошедшій съ своихъ зимнихъ подмостковъ, представляется какимъ-то уѣздныхъ городомъ, перенесеннымъ въ каменные пріюты опустѣвшей столицы. Наша прославленная «общественная жизнь» разбивается на тысячи скорлупокъ, на тысячи раковинъ, къ которымъ мы прилипаемъ какъ устрицы. Лихорадочное движеніе зимы насъ утомляетъ; потому что мы даже въ люди, въ толпу привыкли являться съ какимъ-то невольнымъ замѣшательствомъ. Мы въ наши клубы являемся, какъ на службу въ канцелярію и нисколько не удивляемся (о, столичные провинціалы!), что въ этихъ клубахъ есть правила съ параграфомъ: «не драться и вести себя благочинно». Пусты улицы, пусты трактиры, даже гостинница, которая для удовольствія публики выписала новый органъ и какого-то аѳинскаго взбалмученнаго поэта—въ эти не сезонные будни—то же пустѣетъ. А отчего бы это такъ?

Digitized by Google

Вѣдь въ городѣ, гдѣ развита общественность, потребность сходиться вмѣстѣ, потребность прочесть газету должна быть сильна одинаково, какъ во время шумнаго карнавала, такъ и въ весенніе дни поста? И все это оттого, что нашъ Петербургъ — все-таки уѣздный городъ въ родѣ Бунинска, оттого что мы столичные провинціалы.

Мы только что проводили нашу масляницу — эту всероссійскую купчиху, которая цѣлую недѣлю до отупленія кормила насъ своими жирными блинами и возила по балаганамъ Берга, Легата и Александрійскаго театра. И вотъ ломаются балаганы, снимаются кулисы, запираются театральныя кассы и разные итальянскіе басы, тенора и альты улетаютъ

Въ теплый край, за сине море...

Зимній сезонъ кончился, занавѣсъ упалъ. Неужели же у насъ не осталось никакихъ воспоминаній объ этомъ сезонѣ?.. Увы!

Воспоминанія! Какъ острый ножъ—онѣ!..

Странствуя по театральному кладбищу, мы съ грустью вспоминаемъ о театральномъ сезонѣ, оставившемъ послѣ себя только рядъ моя гильныхъ памятниковъ, съ полустертыми надписями. Прослѣдимъ затѣмъ надгробныя эпитафіями къ погибшимъ, но милымъ пьесамъ нашего театра.

I.

Надпись къ піесѣ «Было да прошло»!

Прохожіе! забудьте зло
И, успокоясь понемногу,
Скажите здѣсь: о, слава Богу,
Что это *было да прошло*!

II.

Къ комедіи г. Дьяченко, «Неровня»

Не насмѣхайтесь надъ «Неровней»,
Умолкни дерзкая хула:
За то, что было все старо въ ней—
Піеса, эта умерла.

Digitized by Google

III

Надъ комедіей г. Пальма «Благодѣтель»

Отцы-ль тургеневскіе, дѣти-ль,
Но всѣ твердятъ: o, calme! o, calme!..
Повѣрь; намъ всѣмъ твой "Благодѣтель„
Крупицы блага не далъ, Палмъ.

IV.

Надъ драмой: «Лиза Ѳомина»

Путники! хоть вы—то
Полноте сердито
Піесу гнать, — она...
Знайте: здѣсь зарыта,
Шиканьемъ убита
«Лиза Ѳомина».

V.

Къ комедіи «Быть и слыть»

Она *была*
Комедіей плохою
И *прослыла*,
И умерла такою.

VI.

Надъ драмой «Горе — доля»

Себѣ нашъ авторъ знаетъ цѣну
И мы нисколько съ нимъ не споримъ:
Отдавъ комедію на сцену,
Ее онъ мѣтко назвалъ *горем*.

VII.

Надъ пьесой «Чужая вина» — г. Устрялова.

Эта драма назваться должна,
Чтобъ избѣгнуть скандала не малаго,
Ужъ со всѣмъ не „Чужая вина",
А вина — господина Устрялова.

Digitized by Google

VIII.

Памяти артистовъ, игравшихъ въ «Доходномъ мѣстѣ» Островскаго.

Когда вы здѣсь играли вмѣстѣ,
У всѣхъ бродило на устахъ:
Друзья! вѣдь вы въ „Доходномъ мѣстѣ"
Не на своихъ совсѣмъ мѣстахъ.

Миръ праху вашему почившія дѣти русской драматической музы!. Спите и не просыпайтесь даже къ будущему сезону. Спите, — Павелъ Губошлепъ не спитъ за васъ!..

И такъ, настоящій сезонъ кончился, масляница осталась назади. Въ жизни и журналистикѣ великопостная тишина и спокойствіе. Что за тоска такая! Хотя бы г. Фетъ развлекъ насъ новыми письмами «*изъ деревни*»!..

Впрочемъ, праздничное веселье масляницы отчасти отразилось и на нашей журналистикѣ. Такъ, напр. г. Лонгиновъ, желая развлечь публику, явившись на крылечкѣ московскаго «Дня», печатно обратился къ его редактору съ такою просьбою.

«М. Г. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ возникшихъ недоразумѣній, (между кѣмъ?) я *считаю необходимымъ* заявить, что совершенно нераздѣляю мнѣній, высказанныхъ въ передовой статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей* нынѣшняго года, о первой рѣчи г. Тьера во французскомъ законодательномъ корпусѣ. Надѣясь на ваше доброе ко мнѣ расположеніе, я покорнѣйше прошу васъ напечатать настоящее письмо мое въ ближайшемъ нумерѣ вашей газеты, такъ какъ помѣщеніе его въ ней, по разнымъ причинамъ, особенно для меня желательно. М. Лонгиновъ».

Понимаете ли вы здѣсь что нибудь, любезные читатели? А понять вы должны, потому что г. Лонгиновъ дѣлаетъ свое заявленіе единственно для публики. Разсудите, въ самомъ дѣлѣ, строго: русскую публику непремѣнно долженъ былъ занимать вопросъ — раздѣляетъ ли г. Лонгиновъ мнѣніе «Московскихъ Вѣдомостей» о рѣчи Тьера, или не раздѣляетъ. Я самъ объ этомъ думалъ три дня и три ночи; и все-таки ни до чего не додумался. А ну какъ раздѣляетъ? гадалъ я. А ну какъ эта рѣчь ему по сердцу пришлась?.. Я увѣренъ, что вся Россія «отъ Перми до Тавриды» думала о томъ же самомъ, и терялась въ догадкахъ. Развязность самого г. Лонгинова спасла теперь Россію и она

Digitized by Google

должна успокоиться на той мысли, что мнѣнія Моск. Вѣд. о Тьерѣ г. Лонгиновъ не раздѣляетъ. При этомъ, не знаю почему, — аналогія ужъ такая странная, — приходитъ намъ въ голову Бобчинскій, обратившійся къ Хлестакову съ такой просьбой:

— Я прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ и Государю скажите, что вотъ живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите: живетъ Петръ Ивановичъ... Лонгиновъ (виноватъ!) Бобчинскій.

Вѣжливое объясненіе г. Лонгинова съ публикой также напомнило мнѣ другой случай изъ «добрыхъ старыхъ временъ». Случай тѣмъ скорѣе приходитъ на умъ, потому что о немъ сообщаетъ самъ же М. Н. Лонгиновъ въ *Русскомъ Архивѣ*.

Нѣкто М. Л. Магницкій, послѣ поѣздки въ Грузино къ графу Аракчееву, написалъ ему большое письмо при такой припискѣ:

«М. Г. графъ Алексѣй Андреевичъ! Принося усерднѣйшую благодарность вашему сіятельству за милостивый пріемъ и пріятнѣйшее угощеніе въ очаровательномъ Грузинѣ, я почитаю долгомъ возвратить вамъ, милостивый государь, то, что я увезъ отъ туда: *это сонъ, который я вамъ видѣлъ*. Онъ принадлежитъ вашему сіятельству».

За тѣмъ на нѣсколькихъ страницахъ разсказывается сонъ.

А что М. Н. Лонгиновъ! Не раскутитесь ли и вы на такой же подарокъ? По боку Тьера, и разскажите намъ ваши московскіе сны. То-то, поди славные сны вамъ грезятся!.. Разсказывать свои сны дѣло весьма почтенное и солидное. Посмотрите, чѣмъ развлекаются русскіе ученые гг. Погодинъ и Костомаровъ. Ихъ послѣдній полемическо-ученомаслячный преферансъ не лишенъ нѣкотораго интереса, не столько со стороны науки, сколько со стороны ученаго балагурства.

Странная доля у обоихъ этихъ ученыхъ. Давно ли они публично препирались о томъ — Норманомъ или Литвиномъ былъ Рюрикъ и, словно дѣлая серьезное дѣло, занимались ученымъ боксированіемъ надъ его формулярнымъ спискомъ. Полемика эта, разумѣется, кончилась вздоромъ и въ результатѣ осталось нѣсколько колкостей и рѣзкихъ выраженій. И вотъ, прошло не такъ много времени съ тѣхъ поръ; оба историка не успѣли еще износить своихъ ученыхъ сандалій, какъ между ними завязался новый споръ, и вотъ по какому поводу!

Въ календарѣ нынѣшняго года появилась статья Н. И. Костомарова

Digitized by Google

о Куликовской битвѣ. Принимая въ соображеніе то, что календари расходятся въ громадномъ количествѣ по всей грамотной и полуграмотной Россіи, нельзя было не подивиться, почему именно была написана и помѣщена тамъ статья о Куликовской битвѣ? Почему Куликовская битва, а не Синопское сраженіе или походъ Олега на Царьградъ? Все потому только, что поэты вы Николай Ивановичъ! Сталъ къ вамъ являться образъ Дмитрія Донскаго — вы и стали писать о немъ эпическое сказаніе для календаря, хотя намъ собственно нѣтъ и дѣла никакого теперь до Куликовской битвы, да и вообще до всевозможныхъ битвъ. Но поэты-ученые думаютъ, что они — сами по себѣ, а публика сама по себѣ. По этой самой причинѣ на Куликовскую битву Н. И. Костомарова никто не обратилъ никакого вниманія, но зоркій московскій ученый не дремалъ и, какъ разъ на масляницу, устроилъ для публики нѣкоторое «увеселительное представленіе», вступивъ въ комическую перекличку съ петербургскимъ ученымъ. М. П. Погодинъ, какъ первый защитникъ до-петровской старины является здѣсь обиженнымъ за личность Дмитрія Донскаго.

Тѣнь Дмитрія его усыновила,
Защитникомъ изъ гроба нарекла

и Михаилъ Петровичъ вступилъ съ противникомъ въ состязаніе. Ученые балагуры всю свою полемику основали вотъ на чемъ:

— «Димитрій, говоритъ г. Костомаровъ, какъ показываютъ всѣ дѣла его, не отличался пылкой отвагой.»

— Какъ, что такое? возопилъ М. П. изъ Москвы? «Онъ былъ пылокъ и смѣлъ»!.. Читайте вотъ эти мѣста изъ Никоновой лѣтописи, изъ Ростовской, изъ Софійской литописей...

Однимъ словомъ онъ начинаетъ пѣть —

Моего-ль вы знали князя?
Онъ былъ бравый молодецъ!..

Н. И. Костомаровъ такъ передаетъ объ участіи Дмитрія въ Куликовской битвѣ:

«Великаго князя между простыми воинами сбили съ коня; онъ сѣлъ на другаго коня; но бросились на него четыре татарина, сбили съ коня, погнались за нимъ. Князь Новосильскій оборонялъ его. Димитрій почувствовалъ на своихъ доспѣхахъ нѣсколько ударовъ, побѣжалъ въ

Digitized by Google

лѣсъ, запрятался подъ срубленное дерево и тамъ улегся, чуть не безъ чувствъ». (с. 21.)

Мих. Петр. Погодинъ не могъ вынести такого посрамленія и воскликнулъ:

— Побѣжалъ! запрятался! улегся! Послушайте, вѣдь это ни на что не похоже! *О комъ вы говорите такъ?* На какомъ основаніи?

Основаніе однакожъ оказывается въ Никоновой лѣтописи, гдѣ сказано, что Донской «притруденъ вельми изыде съ побоища едва въ дубраву и вниде подъ новосѣчено древо много вѣтвенно и лиственно и ту скрывъ себя лежаще на землѣ.»

Вѣдь, кажется, смыслъ одинъ и тотъ же?

— Нѣтъ, замѣчаетъ М. П., защищая «*любезнаго*,» какъ онъ выражается о Димитріи Донскомъ. Нѣтъ, тутъ дѣло въ тонѣ: le ton fait la musique...

Вотъ самая серьезная сторона спора; далѣе идутъ выходки, касающіяся болѣе до собственной маслячной битвы ученыхъ, чѣмъ до Куликовской битвы.

— Вы Москву не любите! упрекаетъ Мих. Петр. своего ученаго противника.

Противникъ вмѣсто того, чтобы сказать: а вамъ какое до этого дѣло? Вѣдь это до спора не касается — начинаетъ увѣрять очень горячо г. Погодина, что онъ очень, очень любитъ Москву, «какъ собирательницу земель русскихъ» и пр. и пр.

— Помните вы эти стихи, декламируетъ М. П. Погодинъ:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Г. Костомаровъ начинаетъ очень серьезно толковать о дурной версификаціи этихъ стиховъ и о нелѣпости ихъ мысли. (Если невѣрите, загляните въ № 62 «Голоса».)

— Въ заключеніе московскій историкъ называетъ петербургскаго— «предателемъ»...

Браво, браво русскіе ученые! Теперь недостаетъ только публичнаго диспута, подобнаго рюриковскому, на которомъ вы рѣшили бы важный историческій вопросъ русской исторіи: лежалъ ли Донской во время битвы подъ деревомъ или не лежалъ?

Digitized by Google

Диспута! публика проситъ диспута, милостивые государи!..

Принимайте жъ строгій видъ вы,
И затѣйте новый бой!..
Мнѣ ужъ снится поле битвы
Двухъ ученыхъ межъ собой.

***

Имъ обоимъ пафосъ сроденъ
И по силамъ этотъ грузъ...
— „Онъ былъ храбръ!“ кричитъ Погодинъ.
Костомаровъ: — „Онъ былъ трусъ!“

***

— „Смѣлымъ подвигомъ великъ онъ!“
— „Съ поля битвы онъ бѣжалъ;
Никонъ самъ...“ — „О, вретъ вашъ Никонъ!“
Такъ Погодинъ убѣждалъ.

***

О Погодинъ! Дай примѣръ ты
Боя гласнаго! На судъ
И арбитры и эксперты
Вмѣстѣ съ публикой придутъ.

***

Но довольно о полемикѣ, въ которой Михаилъ Петровичъ ужъ очень безцеремонно ведетъ себя. Его учено-кулачная расправа по поводу Куликовской битвы напомнила мнѣ остроумное замѣчаніе одного изъ лучшихъ нашихъ публицистовъ. «Читая Погодина, говоритъ онъ, слѣдя за его шероховатымъ, неметенымъ слогомъ, за его грубой манерой бросать корноухія, обгрызенныя отмѣтки и нежованныя мысли, все думаешь, что онъ бранится, и осматривается нѣтъ-ли дамъ въ комнатѣ». Вѣроятно изъ десяти моихъ читателей найдется хоть одна дама, а потому я замолчу, и лучше укажу своей читательницѣ на другую полемику; на полемику баронессы Е. Фитингофъ-Шеель съ В. И. Аспелиномъ. Изъ этой полемики и именно изъ статьи баронессы Фитингофъ можно почерпнуть много наивныхъ идеекъ. Такъ, напримѣръ, полемистка извѣщаетъ насъ, что романъ «Отцы и дѣти» Тургеневъ «ос-

Digitized by Google

чинилъ вопросъ не для женщинъ», или, что «общество Базаровыхъ и Фокиныхъ (вотъ онъ, женскій-то адъ!) не идетъ для женщины, которая посвятила себя воспитанію дѣтей».

Теперь распростимся съ Петербургомъ. Въ Петербургѣ постомъ дѣлать рѣшительно нечего, и невской столицѣ предстоитъ только единственное удовольствіе въ великопостные дни — смотрѣть геологическія картины, которыя будутъ поставлены въ театрѣ нашимъ извѣстнымъ химикомъ М. Ѳ. Шишко. По этимъ картинамъ геологическаго образованія земной коры и постепеннаго развитія жизни на земномъ шарѣ, петербургская публика можетъ узнать, что наша планета—старушка очень и очень почтенныхъ лѣтъ...

Петербургскіе журналисты и редакторы журналовъ, не повѣривъ на слово г. Б. Чичерину, увѣрявшему, что всѣ губерніи, голоса не подающія, наслаждаются всѣми благами жизни, очень досадуютъ на упорную молчаливость провинціальныхъ корреспондентовъ. Они вѣроятно забыли, что эти провинціальные корреспонденты преслѣдуются всегда семи няньками, готовыми имъ выколоть глазъ при первомъ же удобномъ случаѣ. Если въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ заведется несчастный человѣкъ, что-нибудь печатавшій, или же по разнымъ признакамъ способный печатать, то его съ утра до ночи весь городъ обнюхиваетъ, предполагая, что въ его карманѣ уже готова обличительная захлестка. Когда же появится гдѣ-нибудь на Москвѣ, или Невѣ такая статейка, то горе всѣмъ подозрѣваемымъ въ выбрасываніи сору изъ избы.

Есть одинъ городъ, *Волчья дыра* назовемъ его. Въ таинственномъ учебномъ заведеніи начальствуетъ нѣкто Идіотиковъ, и начальствуетъ—какъ Богъ на душу ему положитъ: патріархально и безцеремонно. Однажды прелести его управленія, одинъ изъ служащихъ того заведенія, Петляковскій, написалъ нѣсколько словъ о той педагогической нивѣ и объ ея главномъ коноводѣ. Статейка послана въ петербургскую газету и напечатана, разумѣется, безъ подписи.

Идіотиковъ прочелъ газету, и чуть рябымъ не сдѣлался отъ злости. Явившись въ заведеніе, онъ чутьемъ узналъ своего предателя, и обратился къ нему съ грознымъ вопросомъ:

— Отвѣчайте мнѣ: это вы изъ *Волчьей дыры* корреспонденцію въ такой-то газетѣ помѣстили.

Digitized by Google

Петляковскій вопросомъ не смутился и на него отвѣтилъ тоже вопросомъ:

— Позвольте васъ спросить: вы дѣлаете мнѣ вопросъ, какъ подчиненному лицу начальникъ, или просто, какъ знакомый знакомому?

— Понятно, спрашиваю васъ, какъ начальникъ, рявкнулъ Идіотиковъ.

— А если такъ, то вы не имѣете права дѣлать мнѣ подобныхъ вопросовъ.

— Не вамъ, сударь, разсуждать о моихъ правахъ. Я васъ, сударь, спрашиваю: ваша эта статья? Въ ней только ложь одна.

— Снова отвѣчаю вамъ, что вы не можете допрашивать меня по дѣлу, которое не касается моей службы... Если же въ статьѣ вы встрѣтили ложь, то и опровергайте эту ложь, тоже печатнымъ образомъ.

— Такъ вы не желаете дать мнѣ отвѣта?

— Вопросъ незаконный, а потому я на него не отвѣчу.

Идіотиковъ, привыкшій къ повиновенію и низкопоклонству своихъ подчиненныхъ, только сверкнулъ глазами и до крови укусилъ нижнюю губу.

Надъ Петляковскимъ стала собираться туча. Идіотиковъ подалъ на него жалобу «куда слѣдуетъ». Виновный въ скоромъ времени получаетъ бумагу съ мотивомъ изъ русской пѣсни:

Ахъ, зачѣмъ было огородъ городить?
Ахъ, зачѣмъ было капусту садить?

Въ бумагѣ этой было сказано: «вы-ли его осмѣлились, помимо начальства, такую статью въ газетахъ напечатать?». Потомъ слѣдовали разныя угрозы, градъ, громъ и молніи. Но громъ и молнія не испугали обличителя; онъ тотчасъ отвѣчалъ, что подобные запросы считаетъ для себя обидными и, въ случаѣ, если они повторятся, онъ обратится къ общей защитницѣ—къ русской гласности (хороша защитница!). Разумѣется, эта защитница *тамъ* никого не запугала, и въ скоромъ времени провинціальный сочинитель получалъ письмо съ просьбой: «немедленно подать въ отставку, а иначе будете уволены безъ прошенія. На размышленіе дается 48 часовъ». Обличитель, какъ видно, еще не рваный жизнью, и думавшій о какой-то «справедливости», пишетъ опять отвѣтъ: «въ отставку я подамъ, если мнѣ будетъ объяснена моя недобросовѣстность въ исполненіи служебныхъ обязанностей».

Digitized by Google

Пока онъ дожидался логическаго доказательства—его безъ всякихъ объясненій уволили. Finita la comedia!...

Вотъ каково положеніе провинціальнаго корреспондента. Какъ выйти изъ него? Какимъ способомъ избавить корреспондента отъ подобныхъ сюрпризовъ, а редактора избавить отъ ложныхъ корреспонденцій? Разрѣшеніемъ этого вопроса занялся г. Скарятинъ, и рѣшилъ его очень находчиво. По его мнѣнію, каждый провинціалъ, всѣ свои корреспонденціи долженъ представлять на разсмотрѣніе мѣстнаго начальства, и присылать ихъ въ столицу съ полицейскимъ удостовѣреніемъ въ личности автора. Пріятное предложеніе... Я знаю одного наивнаго, добродушнаго провинціала, которому предложеніе это очень понравилось. Живетъ онъ въ одномъ сквернѣйшемъ уѣздномъ городишкѣ... но вотъ что самъ онъ мнѣ пишетъ, между прочимъ:

«Смѣйтесь—я самъ послѣ посмѣялся—но мысль г. Скарятина меня заняла: пусть, думаю, мы всѣ станемъ дѣйствовать откровенно, и наше мѣстное начальство, вѣроятно, будетъ считать умѣстными наши статьи. Заразившись такимъ предположеніемъ, я тотчасъ хотѣлъ приложить къ дѣлу правило, предлагаемое г. Скарятинымъ. Написалъ я стихи, въ которыхъ о нашемъ городѣ и его начальствѣ отзываюсь справедливо, но далеко не почтительно. Отправляюсь къ нашему городничему и въ дверяхъ застаю чувствительную сцену: нашъ градоправитель за косы волочилъ свою супругу по полу, съ приличнымъ къ такому случаю причитаньемъ. Супруга ревѣла, такъ что стѣны тряслись... Увидѣвъ меня, городничій далъ послѣдняго пинка своей дражайшей половинѣ, запахнулъ халатъ и спросилъ: «что вамъ угодно?» Я объясняю, что такъ и такъ, стихи написалъ о нашемъ городкѣ и желаю знать, одобритъ-ли ихъ мѣстное начальство. Городничій сначала ошалѣлъ, потомъ взялъ у меня рукопись и сталъ читать. Когда онъ дошелъ до нелестнаго отзыва о самомъ себѣ, ему, кажется, очень захотѣлось повторить на мнѣ ту же самую экзекуцію, жертвою которой была сейчасъ его супруга, но потому-ли, что у меня не было женской косы, или по чему другому, онъ этого не сдѣлалъ, а только замѣтилъ:

— Какъ вы смѣете отзываться такъ о вашемъ начальникѣ?

— Я и пришелъ поэтому просить вашего совѣта и позволенія напечатать эти стихи, для того, чтобы послѣ не было никакихъ недоразумѣній.

Городничій рѣшительно растерялся и не зналъ, при такомъ неожи-

Digitized by Google

данномъ случаѣ, что ему дѣлать, какъ поступить, не теряя своего достоинства. Онъ читалъ рукопись и только шепталъ:

— Рѣзко, очень рѣзко... Хорошо, но рѣзко, особенно вотъ обо мнѣ...

Я объяснилъ ему, что хочу сегодня же послать эти стихи на почту.

Городничій измѣнился въ лицѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, погодите молодой человѣкъ! Оставьте эти стишки у меня на недѣльку, а потомъ... потомъ зайдите ко мнѣ.

Я раскланялся и ушелъ.

Прошла недѣля и я получаю отъ городничаго стихи при формальномъ отношеніи, которое извѣщаетъ меня, что «въ измѣненномъ видѣ стихи могутъ быть посланы въ печать». Начинаю просматривать свою рукопись, всю перечеркнутую и перемаранную, и просто не вѣрю своимъ глазамъ: не нахожу никакого сходства между оригиналомъ и спискомъ. Какъ образчикъ, посылаю вамъ то и другое. Полюбуйтесь, и покажите при случаѣ г. Скарятину.

I.

Голосъ изъ захолустья.

(Стихи, отданные городничему).

1.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается
Прощалыгамъ однимъ, да ворамъ;
Что ни шагъ—то душа возмущается,
Какъ пойдешь по уѣзднымъ дворамъ.

2.

Залита грязью площадь базарная
И разбитый гніетъ тротуаръ;
Здѣсь не рѣдко команда пожарная
Прикатитъ безъ воды на пожаръ.

3.

Все начальство пропахло здѣсь взятками,
Всѣмъ берутъ,—что кладутъ на вѣсы:
Ситцемъ, сахаромъ, чаемъ, лошадками
И, пожалуй, кускомъ колбасы.

Digitized by Google

4.

Здѣсь обычай такой городничаго:
Если въ лавку поѣдетъ жена—
Говоритъ: «ты, смотри, не купи чего—
Лавка даромъ давать мнѣ должна».

5.

Нашъ исправникъ старинная порода,
Пьетъ за двухъ онъ тринадцатый годъ,
А ужь грабитъ—такъ грабитъ онъ здорово
Да и ухомъ себѣ не ведетъ.

6.

Не боясь обличенья столичнаго,
Лихоимствомъ живетъ нашъ судья;
По словамъ стихотворца отличнаго:
«При колодцѣ пустынь онъ бадья».

7.

Сплетни, карты, баталіи съ женами,
Вотъ и все, что встрѣчаешь у насъ;
Съ крючкотворами тѣми прожженными
Не зѣвай, попадешься какъ разъ.

8.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается
Прощалыгамъ однимъ, да ворамъ;
Что ни шагъ, то душа возмущается,
Какъ пойдешь по уѣзднымъ дворамъ.

Въ этомъ видѣ стихотвореніе поступило на разсмотрѣніе мѣстнаго начальства.

А вотъ другой видъ.

II.

Мирный уголокъ.

1.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается,
Всѣмъ, кто въ городѣ только живетъ,

Digitized by Google

И невольно слеза проливается,
Если ступишь ногой изъ воротъ.

2.

Мостовой крыта площадь базарная,
Тротуаръ, какъ картинка на видъ,
Аккуратна команда пожарная,
Въ фонаряхъ керасинъ здѣсь горитъ.

3.

Здѣсь начальство гнушается взятками,
И привычки такія давно
Называетъ привычками гадкими:
«Брать-де стыдно теперь и грѣшно».

4.

Городничій у насъ... городничаго
Мы такого не сыщемъ нигдѣ,
(Не всегда лишь умѣютъ постичь его)
Онъ любому поможетъ въ бѣдѣ.

5.

Нашъ исправникъ безъ всякаго норова;
Вѣдь хмѣльнаго и въ ротъ не беретъ,
А найметъ онъ вора котораго —
То его со слезами деретъ.

6.

Нашъ судья же не тронетъ и волоса,
Если видитъ, что правъ человѣкъ,
И въ статейкахъ изданія «*Голоса*»
Ободряетъ онъ нынѣшній вѣкъ.

7.

Сплетни, пьянство, съ семействомъ баталіи —
Ихъ не знаетъ у насъ гражданинъ;
Здѣсь у женщинъ высокія таліи
И высокая честь у мужчинъ.

Digitized by Google

8.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается,
Всѣмъ, кто въ городѣ только живетъ
И невольно слеза проливается,
Если ступишь ногой изъ воротъ.

Дѣйствительно, между этими двумя стихотвореніями есть нѣкоторая разница, и система г. Скарятина не всѣмъ провинціальнымъ корреспондентамъ понравится. По этой системѣ, вѣсти изъ провинціи будутъ доходить къ намъ еще хуже газеты «Вѣсть», которая подслушиваетъ великосвѣтскія сплетни на парадныхъ подъѣздахъ, во время баловъ и раутовъ.

Но возвратимся въ провинцію.

Страшное, драматическое приключеніе случилось съ смотрителемъ уѣзднаго училища въ городѣ: «*Заушинскъ*»! Ужасное происшествіе! На берегахъ невы я плачу о его несчастіи, и заочно пью съ нимъ на *брудершафтъ*. Такое дружеское предложеніе я дѣлаю ему потому что брудершафтъ ему, вѣроятно, очень по душѣ: только имъ однимъ объясняю я привычку смотрителя, который всѣмъ своимъ воспитанникамъ говоритъ *ты* т. е. вѣроятно, онъ совершилъ съ ними застольный обрядъ брудершафта. Но вернемся къ его несчастію.

Сидитъ однажды смотритель въ своей комнатѣ, занимаясь, можетъ быть, отправленіемъ своихъ педагогическихъ или супружескихъ обязанностей, сидитъ въ своемъ мирномъ уголкѣ, такъ сказать у семейнаго очага и вдругъ... (вы предчувствовали это *вдругъ*?) вдругъ въ окнѣ раздается звонъ и разбитое стекло вмѣстѣ съ обломками кости или камня, падаетъ на полъ...

Я страждy! я плачу!

Вы можете теперь представить его благородное негодованіе! Каждый волосъ на его головѣ обратился въ березовый прутъ, каждый взглядъ въ «энергическій мотивъ жизни»...

На совершившійся фактъ онъ посмотрѣлъ именно съ той точки зрѣнія, съ которой смотрителю училища смотрѣть надлежитъ. Онъ не хотѣлъ и думать о томъ, что какой нибудь шалунъ, гоняясь за голубями и швыряя въ нихъ каменьками, *случайно* разбилъ роковое окошко. Нѣтъ, онъ какъ Фамусовъ, воскликнулъ:

А! бунтъ!.. Я такъ и жду содома!...

Digitized by Google

Кончились классы. Смотритель собираетъ въ залу учениковъ и начинаетъ доискиваться преступника. Онъ бранится, дѣлаетъ ударенія на сильныхъ выраженіяхъ и сыплетъ удары на слабыхъ мальчиковъ — виновный все-таки не открывается. Смотрительскія уста покрываются пѣной...

— «Розокъ сюда! Лѣсу!.. кричитъ смотритель. Онъ самъ въ эту минуту готовъ замѣнить собою скамью, на которой можно было бы совершать эту педагогическую расправу.

За лѣсомъ дѣло не стало: лѣсъ выросъ кругомъ его, какъ по волшебству... Разсказывать-ли дальше?... Догадливые россіяне сами знаютъ конецъ этой драмы: «несчастный смотритель или разбитое окошко»... Ученики были построены въ рядъ и, черезъ четвертаго пятый познавъ, что деревья распускаются не для однихъ только унылыхъ стихотворцевъ, любящихъ отдыхать подъ тѣнью древесъ...

— Ну, а виновный?

— Виновнаго все-таки не отыскали.

Жаль, очень жаль смотрителя, который, можетъ быть, простудился, коклюшъ или гриппъ схватилъ у разбитаго окошка. Бѣдный смотритель!... Съ своей стороны я предлагаю обитателямъ города Заушинска устроить въ пользу его благотворительный спектакль. Право, устройте!..

Представьте теперь, мои любезные россіяне, что гдѣ-то, далеко, есть городъ Таракановскъ, и что въ этомъ городѣ существуетъ «швейное заведеніе благородныхъ дѣвицъ». Если вы это вообразили, то я могу дальше развивать свою фантазію. Говорятъ, у всякаго барона своя фантазія. Г. Майковъ, напримѣръ, мечтаетъ о римскихъ матронахъ, о коленнахъ солдатъ и о колоннахъ колизея, г. Фетъ грезитъ о розахъ и райскихъ птичкахъ, а я фантазирую теперь о содержательницѣ швейнаго магазина, о г-жѣ Сагатіа, и о различныхъ ея похожденіяхъ. Соглашаюсь вполнѣ, что грезы о матронахъ и о райскихъ птичкахъ гораздо поэтичнѣе моего мѣщанскаго вымысла, но... чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Майкову снится весталка,
Фету — воздушныя феи;
Мнѣ же, и больно и жалко,
Снятся россійскія швеи.

Digitized by Google

Продолжаю Г-жа Сага mia барыня почтенная, горожанами уважаемая и вполнѣ баркаролы достойная. Порядокъ въ ея заведеніи уму непостижимый. Все женское населеніе этого магазина ходитъ по струнѣ и обратилось въ какое-то живое подобіе скоропишущей машины. Старшимъ изъ дѣвицъ поочередно поручается занятіе хозяйственной частью, а сама хозяйка избрала благую часть слѣдить за общимъ порядкомъ. Наступила очередь хозяйничать одной изъ «старшихъ», m-lle Попиковой, 18-ти-лѣтней молодой дѣвушкѣ, оставшейся, по бѣдности, еще на годъ въ этомъ заведеніи. Очередная хозяйка приступила къ исполненію своей обязанности; выдала, что слѣдуетъ кухаркѣ, а потомъ пошла, чтобы сѣсть за свою обычную работу. На встрѣчу ей попадается мать г-жи Сага mia и объявляетъ, что репертуаръ обѣда перемѣняется, и что поэтому нужно сдѣлать новыя распоряженія въ резиденціи кухарки. Дѣвушка, объяснивъ старухѣ, что у нея есть срочная работа, просила мать хозяйки, съ приличными случаю любезностями, самой сдѣлать выдачу новой провизіи въ кухонномъ царствѣ, и вслѣдъ за тѣмъ ушла и сѣла за работу. Старуха, которая уже при жизни *тронулась*, была въ то же время недотрога и такого афронта вынести не могла. Она взбѣсилась и нажаловалась дочери. И вотъ на сцену, какъ въ старыхъ драмахъ герои появляются только въ роковыя минуты, выплываетъ главное дѣйствующее лицо—сама г-жа Сага mia. Она влетаетъ въ мастерскую и мастерски начинаетъ ругать виновницу событія. Чтобъ со славой завершить побѣду, она (о, благодареніе Юпитеру, что это только фантазія!..) бьетъ дѣвушку по лицу. Занавѣсъ опускается. За тѣмъ слѣдуетъ эпилогъ.

Къ г-жѣ Сага mia приходитъ отецъ оскорбленной дѣвушки (вспомните, что онъ бѣднякъ), и требуетъ объясненія возмутительнаго обращенія съ его дочерью. Г-жа Сага mia, пародируя на женскій ладъ извѣстный монологъ Кречинскаго: «сатисфакція! объясненіе!» и проч., выгоняетъ старика вонъ и тотчасъ же бросилась ко всѣмъ родителямъ своихъ питомицъ, прося и угрожая громкимъ именемъ одной своей покровительницы подписать ей благодарственный адресъ за ея попеченія и материнскую заботливость въ отношеніи юныхъ воспитанницъ. Адресъ составился изъ *семидесяти семи* подписей. Отецъ оскорбленной дѣвушки, послѣ безплодныхъ жалобъ и хлопотъ на мѣстѣ, сбирается идти пѣшкомъ въ Петербургъ... Не напрасно-ли пойдешь ты, бѣдный старикъ?..

Чтобы хоть на время отдохнуть отъ своихъ славянскихъ фантазій и вымысловъ (а славянскіе вымыслы такъ щедры на музыку розокъ, на

Digitized by Google

мелодію пощечинъ), я перейду къ дѣйствительности, не столь мрачной. На этотъ разъ меня развлекаетъ и наводитъ на самый добродушный смѣхъ владимірскій корреспондентъ «Голоса»...

Какихъ, подумаешь, не встрѣтишь дѣлъ на свѣтѣ.

Почтенный содѣятель «Голоса» (почтенный, потому что пишетъ въ почтенной газетѣ наипочтеннѣйшаго Андрея Александровича) г. М—скій, говоря о владимірскомъ театрѣ, пишетъ между прочимъ вотъ что: «Здѣшнія актрисы живутъ во флигелѣ дворянскаго дома, чтобы находиться подъ всегдашнимъ наблюденіемъ и охраною губернскаго предводителя и его супруги отъ провинціальныхъ ловеласовъ и донъ-кихотовъ (?!) и для попеченія о матеріальныхъ и *моральныхъ интересахъ* юныхъ артистокъ» («Голосъ», № 39).

О, мои прекрасныя и молодыя соотечественницы! Счастливы вы, сто разъ счастливы, если не живете въ этомъ ужасномъ городѣ Владимірѣ и, напротивъ — жалка ваша участь, если судьба закинула васъ въ гнѣздо самыхъ отчаянныхъ ловеласовъ. Вѣдь, опираясь на слова г. М—скаго, городъ этотъ, въ которомъ отъ любовныхъ преслѣдованій прячутъ актрисъ въ губернскій домъ, можно считать притономъ всѣхъ клубничныхъ русскихъ Донъ-Жуановъ, можно думать... да мало-ли чего тутъ не прійдетъ въ голову по этому поводу. Ужасный, кромѣ шутокъ, городъ Владиміръ. Ужъ чего кажется смирнѣе Донъ-Кихотовъ: они народъ тихой, дамскіе рыцари, а во Владимірѣ, по сказанію г. М—скаго и самые Донъ-Кихоты — озорники и шалуны, отъ которыхъ актрисамъ нужно жить подъ охраной тамошнихъ властей, наблюдающихъ даже за ихъ «моральными интересами». Ужъ если губернскія власти приняли на себя эту обязанность (совсѣмъ кажется не по рангу), то значитъ ихъ моральнымъ интересамъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто угрожало. О, владимірскіе Ловеласы! не будьте же безчеловѣчны и обходите мимо, домъ дворянскаго собранія... А вы! —

Бѣгите, актрисы, со сцены!
Всѣ братья, отцы и супруги
Въ испугѣ.

Здѣсь каждый трепещетъ измѣны
Подруги.

***

Digitized by Google

1027

Владиміра алчная раса!
Сидимъ-ли тамъ утромъ за чаемъ —
Нечаемъ

И вдругъ предъ собой Ловеласа
Встрѣчаемъ.

***

Хоть типъ Ловеласовъ лукавый
Повсюду — хоть весь исходи міръ, —
Ужъ вымеръ,

Но ты воскресилъ ихъ со славой,
Владиміръ.

***

Не знаю, какъ и кѣмъ оберегаются матеріальные и моральные интересы артистовъ Кіевскаго театра, но я убѣдился, что между ними сохранилась самая простодушная наивность. Напишутъ, напримѣръ, въ губернской газетѣ рецензію объ игрѣ тамошняго актера, а онъ тотчасъ въ обиду вломится, и отвѣтъ печатаетъ, благо губернскій редакторъ радъ каждому лишнему столбцу для своей газеты. Одному такому рецензенту вздумалось написать статью объ игрѣ г. Милославскаго въ «Кіевскомъ Телеграфѣ»—и г. Милославскій тотчасъ возраженіе печатаетъ тамъ же. Г. Милославскій съ большимъ уваженіемъ относится съ самому себѣ и къ своему сценическому дарованію. Г. Милославскій игралъ въ разныхъ уголкахъ Россіи: игралъ въ Харьковѣ «Иголкина», въ Симбирскѣ—«Ляпунова», въ Казани—«Карла Моора и Кречинскаго», даже въ Петербургѣ Шекспиру и Павлу Ѳедорову въ «Гамлетѣ» подсолилъ, и въ настоящее время играетъ въ Кіевѣ. Мы видѣли г. Милославскаго и тамъ и сямъ: не знаемъ, какъ онъ играетъ въ карты или кегли, но на сценѣ онъ играетъ, увы! плохо. Не смотря на то, что рецензентъ въ статьѣ своей называетъ его актеромъ, «способнымъ спѣть куплетецъ съ подмигиваніемъ и только», кіевскій артистъ благодаритъ его за разборъ. «Актеръ, говоритъ онъ, заслуживающій такой подробной рецензіи, долженъ быть съ большими достоинствами». Вспомнивъ о собственныхъ достоинствахъ, г. Милославскій увлекся, и давай хвалить себя и публику, которая его любитъ. Онъ восклицаетъ:

— «Судъ публики дороже всѣхъ рецензій въ мірѣ. Для публики актеръ *жертвуетъ своими способностями, силами* и здоровьемъ».

Г. Милославскій! Знаете-ли вы, что я вамъ скажу на это? Очень

Digitized by Google

неосмотрительно поступили вы, пожертвовавъ публикѣ ваши «способности и силы». Если бы вы не приносили такой жертвы, то было бы лучше, а то, согласитесь сами, какой вы актеръ безъ силъ и безъ способностей? Вольно же было такъ великодушничать!.. Публика такого великодушія и не проситъ отъ артиста.

Но, г. Милославскій, кажется, не сознаетъ къ чему привели его самопожертвованія. Онъ нечаянно самъ начинаетъ восхищаться самимъ собою и увѣряетъ, что его репутація, какъ актера, уже составлена, а что касается до критики, то «величайшіе художники подвергались суду критики».

Вотъ какія художества водятся за г. Милославскимъ!

Ему и лавры и вѣнки
И слава долгая въ потомствѣ!..

Въ городкѣ «Саламандрѣ», Мрачной губерніи, вѣяніе прогресса навело гражданъ на созиданіе новаго клуба. Созиданіе закипѣло. Возродились старшины, лакейскія ливреи, возродился казначей. Съ этого казначея, городоваго лекаря, и начались крушенія и бури новаго «собранія». Однажды—мѣсяцъ спустя послѣ открытія клуба — казначей объявляетъ, что онъ потерялъ собранныя деньги, «по разсѣянности», разумѣется... Старшины пріуныли: казначей оказался неблагонадежный, а гдѣ взять другаго благонадежнаго? Трудно... На разрѣшеніи этого вопроса пока и остановились.

За тѣмъ послѣдовало другое событіе: въ собраніи случилось нѣчто въ родѣ мамаева побоища. Весь домъ дрожалъ точно отъ землетрясенія... стекла звенѣли... ребра и мебель трещали. Причиною погрома была карточная игра засѣдателя уѣзднаго суда съ г. Перевихляевымъ. Засѣдатель проигрываетъ деньги, но платить не желаетъ.

— Отчего вы не платите деньги?

— Да вѣдь если бы вы мнѣ проиграли, то вѣдь тоже не заплатили бы, поди!...

Затѣмъ и началось рукоприкладство и свирѣпая драка. Сторону Перевихляева приняло большинство присутствовавшихъ и на голову засѣдателя полетѣли стулья, подсвѣчники и «пошла писать губернія». Еле живой убѣжалъ засѣдатель изъ «собранія», а по дорогѣ въ домѣ врага перебилъ всѣ стекла. На другой день является къ нему депутація.

— Потому-то и потому-то, отъ имени общества, предлагаемъ вамъ выйти въ отставку, иначе... не прогнѣвайтесь, хуже будетъ.

Digitized by Google

36 107

Засѣдатель подумалъ, подумалъ, и подалъ въ отставку и какъ Расплюевъ подумалъ про себя:

«Была игра, да, могу сказать, была игра!»

Въ городѣ *Черное Озеро* есть высшее частное училище. Одинъ изъ педагоговъ этого заведенія Митруевъ—Кобылкинъ составилъ записки своихъ лекцій и поручилъ одному изъ своихъ слушателей Верхоглядову редакцію литографированныхъ листковъ этихъ записокъ. Литографированныя тетради записокъ, наконецъ, были изданы, и заслужили общее порицаніе за ихъ содержаніе потому, что ученый педагогъ составлялъ свои лекціи изъ разныхъ обрывковъ чужихъ мнѣній и сливалъ ихъ въ одно рубище, не заботясь о томъ, что изъ цѣлаго выходитъ какой-то сумбуръ и несвязанная цѣпь голыхъ фактовъ. Общее мнѣніе слушателей было противъ этихъ ученыхъ лохмотій, что дошло и до ушей самаго автора. Г. Митруевъ—Кобылкинъ желая оправдать себя въ глазахъ своихъ хулителей, сталъ всѣмъ разсказывать, что виноватъ во всемъ его товарищъ по изданію, г. Верхоглядовъ, который небрежно составилъ записки его лекцій, и издалъ ихъ въ такомъ неисправномъ видѣ.

Г. Верхоглядовъ узналъ объ этомъ обвиненіи. На одну изъ лекцій Митруева—Кобылкина онъ явился съ подлинною рукописью ученаго, рукописью, составленною имъ самимъ для литографированныхъ записокъ.

— Вы-ли мнѣ доставили для печати эту рукопись, написанную вашею собственною рукою? спросилъ онъ публично педагога.

Педагогъ растерялся, но отпереться не могъ отъ своей тетради.

— Какимъ же образомъ вы обвиняли меня въ произвольномъ составленіи вашихъ записокъ?

— Но... позвольте... я говорилъ... я думаю...

У ученаго сдѣлался кашель.

— Такимъ образомъ, продолжалъ обвинитель, сдѣлавши ложное обвиненіе, вы вполнѣ заслуживаете имя клеветника и лжеца.

Педагогъ совершенно потерялъ умственное равновѣсіе, и на обиду отвѣчалъ жалобой.

Послѣдствіемъ жалобы оказалось то, что обвинителя исключили изъ храма науки, а ученый попрежнему продолжаетъ читать посвоимъ обдерганнымъ запискамъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

Историческіе эскизы. (Статья вторая) . . . Д. И. Писаревъ.
Причины бѣдности . . . . . Т. З.
Московскія норы и трущобы. (Разсказъ). . М. А. Вороновъ.
Сонъ. (Стихотвореніе Байрона) . . . . . П. И. Вейнбергъ.
Россія до Петра I. (Окончаніе). . . . . Н. В. Шелгуновъ.
Записки тюремной надзирательницы. (Англійскій романъ).
Безвыходное положеніе. (Повѣсть). . . . В. Самойловичъ.
Лэди Клара Веръ-де-Веръ. (Стихотвореніе Теннисона) . . . . . А. Н. Плещеевъ.
Границы положительнаго знанія. . . . . П. А. Бибиковъ.
*** Стихотвореніе Морица Гартмана . . . А. Н. Плещеевъ.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

Цвѣты невиннаго юмора. (Сатиры въ прозѣ и Невинные разсказы Н. Щедрина). . . . Д. И. Писаревъ.
Библіографическій листокъ . . . . . В. З.

Общая исторія Италіи съ 1846 по 1850 годъ. Сочиненіе Діего Соріа, переводъ Качаловскаго. Изданіе Висковатова. Спб 1863. Общее землевѣденіе Карла Риттера; лекціи, читанныя въ берлинскомъ университетѣ и изданныя Г. А. Даніелемъ. Переводъ Я. Вейнберга. Изданіе Глазунова. М. 1864.—Исторія землевѣденія и открытій по этому предмету. Лекціи Карла Риттера, читанныя въ берлинскомъ университетѣ, изданныя Г. А. Даніелемъ, переводъ подъ редакціей Н. Бакста (съ портретомъ автора). Изданіе О. Бакста. Спб. 1864.—Характеристики изъ сравнительнаго землеописанія и этнографіи, собранныя и приспособленныя для домашняго и школьнаго образованія В. Пютца; переводъ М. Тихоновича. Часть I (выпуски 1 и 2). Изданіе Юргенсона. М. 1861 и 1864.—Сборникъ историческихъ очерковъ В. Пютца, учебное пособіе для учащихся и преподавателей, перевелъ Л. Чацкинъ. Часть I. Древній міръ, выпускъ 1. М. 1864.—Отечествовѣденіе. Россія по разсказамъ путешественниковъ и ученымъ изслѣдованіямъ; учебное пособіе для учащихся, составилъ Д. Семеновъ. Изданіе Черенина и Михайловича. Спб. 1864.—Сочиненія Майнъ Рида. Охотничьи разсказы изъ жизни африканскихъ и американскихъ обитателей. Т. I. Изданіе Вольфа. Спб. 1864.

Глуповцы, попавшіе въ «Современникъ». В. А. Зайцевъ.
Поправка чужой корректуры . . . . . Л. Полонскій.

Digitized by Google

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

Политика . . . . . **Жакъ Леферпъ.**

ГЕРМАНІЯ. Военныя дѣйствія австрійскихъ и прусскихъ войскъ въ Шлезвигѣ.—Союзный сеймъ теряетъ свое значеніе въ отношеніи къ Австріи и Пруссіи.—Запальчивость и трусливость членовъ Національ-вереина и германскихъ мелкихъ владѣній.—Мнѣніе Пальмерстона объ австро-прусской политикѣ.—Заносчивость Бисмарка и смиреніе прусскихъ депутатовъ. — Совѣтъ, данный Германіи.—ФРАНЦІЯ. Впечатлѣніе, произведенное преніями объ адресѣ.—Превосходство оппозиціонныхъ ораторовъ передъ правительственными. Заемъ, сдѣланный у народа.—Выгоды, извлеченныя изъ этой мѣры значительными капиталистами.—Увеселенія тюльерійскаго двора.—АНГЛІЯ. Затруднительное положеніе Сентъ-Джемскаго кабинета.—Новые образчики англійскаго правосудія.—АМЕРИКА. Принужденное перемиріе.—Побѣды, одерживаемыя федералистами путемъ мирныхъ законодательныхъ мѣръ.—Рѣшительный тонъ, принимаемый правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Англіею и Франціею.—МЕКСИКА. Мексиканскій вопросъ съ точки зрѣнія Монитёра и въ настоящемъ его видѣ.—Несчастный случай въ Сантъ-Яго.

Домашняя лѣтопись.

Банкротство . . . . . **Н. В. Соколовъ.**

Дневникъ темнаго человѣка.

Взглядъ на міръ сквозь зеленыя и розовыя очки.—Великосвѣтская жизнь, отвергающая нечесаныхъ нигилистовъ. — Великосвѣтская газета, обоняющая ароматъ аристократическихъ передницъ.—Листки изъ дневника свѣтскаго человѣка.—Переходъ отъ зимнихъ удовольствій къ великопостной скукѣ.—Эпитафія зимнему театральному сезону.—Гг. Лонгиновъ и Тьеръ.—Гг. Костомаровъ и Погодинъ; ихъ новая полемика по поводу Куликовской битвы:—Диспута просимъ, милостивые государи, — диспута! — Полемика баронессы Фитинговъ-Шель съ г. Аскоченскимъ.—Обличеніе изъ города—*Волчья дыра* и отставка обличителя.—Голосъ изъ захолустья, передѣланный городничимъ.—„Энергическіе мотивы жизни“ г. Юркевича, прилагаемые въ городѣ Заушинскѣ черезъ четвертаго къ пятому —Сага шіа, внушающая послушаніе посредствомъ заушеній и семьдесятъ семь благодарственныхъ подписей.—Дворянскій предводитель, охраняющій матеріальные и моральные интересы юныхъ владимірскихъ артистокъ.—Кіевскій артистъ г. Милославскій, самъ себя превозносящій въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“.

Digitized by Google